

Сергей Луцкий

# СНАЧАЛА ИГРАЕТ МУЗЫКА

ПОВЕСТИ, РОМАН



































































































































людьми стенку, держится как-то обособленно, на дистанции. Шутит, улыбается, всё мило и к месту, но близко к себе никого не подпускает. Даже его, мужа. Кошка, гуляющая сама по себе. С Властой у Олега постели не было, и то они были намного ближе.

Олег пробовал заговорить с женой об этом, вызвать на откровенность, почувствовать душу, а то, действительно, странно. Он выбирал минуты, когда оба расслабленно лежали после секса, казалось, ближе быть не могли. «Я тебя не устраиваю как женщина?» – вопросом на вопрос отвечала Лена. «Да нет, всё нормально». – «Может, как жена, хозяйка?» Олег молчал. «Тогда в чём дело, сударь?..» В этом «сударь» Олегу чудилась насмешка. И когда однажды жена вдруг взяла его руку и сама положила на свою красивую крепкую грудь, Олег понял – неспроста. Лена обняла его, стала шептать глупости, села сверху, в такт фрикции заговорила, что они молодые, надо хорошо выглядеть и одеваться, особенно женщине, жизнь только начинается, она не собирается едва сводить концы с концами, как большинство людей. Надо суметь заработать на машину, побывать за границей, купить хорошую квартиру и не бояться, что разбудишь сына, когда занимаешься сексом. Так что мать предлагает дело, надо использовать шанс.

«Ты плохо живёшь?» – «Существую», – между вздохами отвечала Лена. «Для будущего и грудь себе стягивала?» – вдруг озарило Олега. Он слышал, некоторые женщины так делают, чтобы не было молока и грудь не теряла форму. Да и опытная тётя Ванда странно тогда себя повела, хотя ничего ему не сказала.

Жена перестала двигаться. «Почему так решил? Ничего подобного». Но по тому, как она легла рядом, стараясь не касаться его тела, Олег понял, что попал в точку. «И второго ребёнка не хочешь, чтобы фигуру не портить!». Олег не раз заводил разговор ещё об одном ребёнке – жалел, что сам у матери один, нет рядом ни сестры, ни брата. «Нищету плодить?! – приподнялась на локте Лена. – Нет уж!». Произнесла она это с неуместной горячностью, и Олег ещё больше утвердился в том, что прав. Он оценивающе посмотрел на жену. Хороша. Лицо и тело – всё как надо. Рождение Павлушки пошло ей на пользу, превратило в по-настоящему красивую женщину. «Может, мы вообще для тебя временный вариант? На принца рассчитываешь? Тёща не зря намекала».

В общем, поругались. В тётчин кооператив Олег так и не пошёл. Но защищать его пришлось всё равно.

Случилось это позже, когда кафе проработало около года. Время от времени Олег с улыбкой интересовался, как идут дела и где обещанные тётшей тысячи. Жена отвечала, что смешно ждать результата сразу, нужно зарекомендовать себя на рынке услуг, раскрутиться, а пока они работают на имидж, то есть на репутацию. Обслуживание должно быть на уровне и цены приемлемые – ты ведь знаешь, наши чифилёвцы прижимистые, расстаются с деньгами трудно. А состоятельных людей в городе не так много.

Лена стала в кафе администратором («менеджером», как именвала она себя), а по сути заведующей. Тёща занималась, что называется, общим руководством – ссуды, договора на аренду помещения, поставки продуктов и всё остальное, где требовались связи. Олег однажды решил зайти с сыном в кафе. Теперь Павлушку из садика забирал он, впереди был одинокий вечер – Лена задерживалась на

работе допоздна. Кафе производило приятное впечатление. Броский интерьер, приглушённый свет, тихая музыка. И меню богатое. В магазинах практически всё уже было по талонам, а здесь несколько видов мясных блюд, пирожные, вино. Удивили посетители – одни молодые ребята, почти школьники. Людей даже Олега возраста не было видно. Откуда у этих салаг деньги?..

Молодая официантка оказалась на удивление расторопной и вежливой. «Потому, что ты начальница?» – поинтересовался Олег. «Нет, – ответила подсевшая к ним с Павлушкой жена. – Я других не держу. Малейшая жалоба от клиентов, трудовую в зубы – и до свиданья! Желających работать хватает, я плачу регулярно». В Чифилёвске уже начались задержки зарплат, в том числе на почтовом ящике, где работал Олег. – «Круто! Не жаль девчонок?». – «Сентиментальному человеку делать в бизнесе нечего», – просто сказала жена. Олег усмехнулся: «Бизнесменша...». – «Да уж! – Лена повела головой, стрельнула глазами. – Привыкай, жена у тебя бизнес-вумен». – «Кто-кто?» – «По-английски, это деловая женщина». Лена недавно стала ездить в Москву на курсы, где кооператоров учили премудростям нового для страны дела. «Павел, ещё пирожное будешь? – Она повернулась к сыну, поцеловала русую головку. – Вы поужинайте здесь, чтобы дома не готовить. Не знаю, когда сегодня приду».

Основательно посидели в кафе на Ленин день рождения. Кроме тётчи и тестя пригласили Родимцевых. На дне рождения и выяснилось, что в кооперативе проблемы. Недавно приезжали крепкие парни в малиновых пиджаках, сказали, что надо делиться. Лена сначала не поняла, но ей объяснили, что каждую неделю кафе должно платить определённую сумму. «За что?» – «Не за что, а почему. Потому что мы тоже кушать хотим», – с юмором ответили ей малиновые. Но тут же серьёзно добавили, иначе у кооператива будут проблемы. Неизвестные дебоширы, например, могут всё в кафе раскурочить и скрыться до того, как появится милиция. Или того хуже, пожар... Чувствовалось, ребята не шутят.

О рэкрете в Чифилёвске тогда знали понаслышке – всё-таки не Москва. И даже не Люберцы. Тёща обратилась к начальнику поселкового отделения милиции, тот пакет с вырезкой и коньяком благосклонно принял, но поскущел, когда выяснилось в чём дело. Стал жаловаться, что людей не хватает, а речь по сути идёт об отдельном милицейском poste. Лучше обратиться в охранный кооператив, такой недавно зарегистрирован в Чифилёвске. Дело, конечно, новое, но председателем там толковый человек. Зовут Геннадий Викторович Родимцев, вот телефон.

«Так это же Генка!.. – удивилась Лена, когда мать рассказала о своём визите. – Странно, Олег мне ничего не говорил». А Олег всерьёз не воспринял разговоры приятеля о том, что нарождающееся предпринимательство нуждается в защите. Желające погреть руки на кооператорах в больших городах уже появились, скоро до Чифилёвска доберутся. Так можно и задушить ростки нового.

Олег в ту пору был занят другим – участвовал в предвыборной кампании. Между кандидатами в Верховный Совет РСФСР, сторонниками симпатичного ему Горбачёва и оголтелого Ельцина, шла нешуточная борьба. Олег видел, что люди всё больше разочаровываются в Михаиле Сергеевиче, и ему становилось досадно. Неужели не понимают, как важно то, чего Горбачёв для них добивается?! Перед его носом захлопывали двери, когда он обходил дома и пытался вручить листовки. Газеты писали, что в Советском Союзе может начаться граж-

данская война, как в Югославии. Было по-настоящему тревожно. В Нагорном Карабахе и Абхазии уже началось.

«Твой Горбачёв хочет перепрыгнуть пропасть двумя прыжками, – заявил Родимцев за столом. Самоуверенности у него и прежде хватало, а сейчас, когда он открыл кооператив, она била через край. – Ни у кого ещё не получалось, и у него не получится!» – «А вот у Ельцина получится, – язвительно подхватил Олег. – Тот одним прыжком перемахнёт, через колено всех ломать будет!.. Не Сталин, а тот ещё повар, острые блюда тоже любит». – «Вот этого не надо! – Генка пренебрежительно отмахнулся. – Не надо!.. Коммунисты такие слухи распускают, не могут Ельцину простить, что из партии вышел». – «Конечно, это коммунисты его на смотрины в Вашингтон вызывали, картбланш дали!..» Оба не замечали, что говорят ходовыми газетными клише, приводят набившие оскомину доводы. Оба верили в то, что читали.

Женщины переглядывались, пытались повернуть разговор в другое русло. Но Олег и Родимцев не обращали на них внимания. В конце концов вмешался тесть. Обычно этот низкорослый мужичок в очках с большими диоптриями помалкивал, всем в семье заправляла теща, но на этот раз встал, постучал ножом по графинчику с водкой: «Ребята, ну её, эту политику!.. Всё равно там, – он поднял лицо вверх, – сделают так, как хотят, нас не спросят. Давайте о жизни поговорим. Хотим, Геннадий, твоими клиентами стать. Обидно деньги ни за что отдавать». Слова тестя подействовали. Олег и Родимцев сбавили тон, между тостами за новорождённую договорились, что Родимцев обеспечит охрану. «Сколько?» – подалась вперёд всем телом теща. Плата оказалась приемлемой, хотя теща, похоже, надеялась на меньшую – как-никак знакомые. В любом случае, рэкетеры требовали больше.

«Олег, а ты что в мой кооператив не хочешь?» – поинтересовался Родимцев, когда вышли на улицу. Кафе пользовалось успехом, рядом припарковалось с десяток машин, в том числе несколько иномарок, редких в ту пору. Народ в кафе собирался молодой, но уже состоятельный, и не только из Чифилёвска. Пока отмечали день рождения, за столик передали несколько бутылок дорогого вина, в честь Лены издали поднимали рюмки. Олег хмурился, популярность жены ему не нравилась. «Думаешь, на твоём почтовом ящике станет лучше? – продолжал настаивать Родимцев. Предприятие, на котором проработал не один год, было для него уже чужим. – Пока в стране настоящий хозяин не появится, ничего хорошего не будет – с зарплатой и вообще». – «Вот эти вот – хозяйева?..» – мотнул головой на машины Шляхтин. «А почему нет? Лишь бы лучше стало».

На предприятии, действительно, дела шли неважно. Разговоры о конверсии, которыми были полны газеты и телевидение, превращались в болезненную действительность. На какую мирную продукцию их почтовый ящик перейдёт, можно было только гадать, а реальностью стало то, что заказов поступало всё меньше. Иногда приходилось простаивать всю смену, собирать и паять было нечего. Администрация охотно отпускала в отпуск за свой счёт, но никого это не радовало – семьи нужно было кормить. К тому же инфляция становилась всё ощутимее, продукты на глазах дорожали. «Ну так что, пойдёшь ко мне? Ты, я слышал, каратэ раньше занимался». – «Не знаю. Надо подумать». Олегу было неприятно, что его вклад в семейный бюджет становится всё скромнее, Лена

теперь зарабатывала намного больше. Но казалось унижительным идти работать к Родимцеву – это как бы означало признать его правоту. Да и по-человечески Генка ему не очень нравился, хотя вроде и приятель.

Идти однако пришлось. Сдался Олег не сразу – решил было почелночить. С их почтового ящика этим стали заниматься многие. Наполняли сумки электропаяльниками, свёрлами, другим подходящим инструментом и ездили в Румынию и Польшу, продавали на местных толкучках. Оттуда везли доллары или то, что можно с выгодой продать у себя. Особо предприимчивые добивались до Китая. Олег поехал в Польшу – соседка по подъезду ездила уже несколько раз, говорила, навар получается неплохой. Взять с собой Олега она согласилась с радостью – компанией ездить безопасней.

Теснота и грязные туалеты общего вагона, на границе поезд пришлось брать штурмом (казалось, в челноки подался весь Союз), а до этого провести шесть часов стоя на продуваемом ветром перроне – как выяснилось, всё это только цветочки. Польская полиция с москалями не церемонилась. Дородный, в солидных очках начальник планового отдела получил увесистым берцем под зад, когда разложил товар в неподобающем месте. Поляки инструмент брали, но своего пренебрежения не скрывали. Экономить приходилось на всём – горячего за дни поездки Олег поел только раз.

Но хуже всего оказались чёрные. На второй день Олег увидел, как вдоль рядов торгующих двигались несколько небритых кавказцев. Первый что-то коротко бросал, и люди или согласно кивали, или принимались быстро собирать свой товар. «Пятьдесят злотых», – сказал кавказец, подойдя к Олегу и сонным взглядом скользнув по разложенному. «Не понял». – «За всё даю пятьдесят злотых». – «Ты что, здесь не меньше, чем на двести!..» – Олег уже ориентировался в местных ценах. «Как хочешь, – всё тем же бесцветным голосом сказал кавказец. – Уходи. Через минуту тебя здесь нет». – «Олег, не связывайся с ними! – вполголоса заговорила соседка по подъезду, когда кавказцы отошли. Она сноровисто собирала свой товар. – Поедем дальше на запад, там хачиков меньше и дают больше». Шляхтин с усмешкой смотрел на челноков. Ни один не возмутился, будто обирать их всякая сволочь имела законное право. «Я останусь». – «Они обкурены!..» – «Да хоть обколотые».

Через час кавказцы появились снова. «Я предупреждал, да?» – сонно сказал главный и неожиданно быстро дал пощечину. Олег ударил его ребром ладони, кавказец рухнул. Остальные на секунду растерялись, челноки шарахнулись от Шляхтина в обе стороны. «Полиция!» – закричал кто-то.

Жалко было бросать с такими трудами привезённые свёрла и паяльники, но нужно было уходить. Не хватало ещё проблем с полицией – с хачиками он уже себе обеспечил. Подлый злопамятный народ. Олег нырнул в толпу. Вырученного ему не хватило даже на то, чтобы добраться домой. У границы пришлось продать часы. Благо, на советские часы был спрос.

С Леной они развелись, не ругаясь и не выясняя отношений.

Однажды, когда у Олега были свободные от дежурства в кооперативе сутки, жена не пришла вечером домой. Перед этим в садике сказали, что Павлушку забрала мама. Обеспокоенный Олег стал обзванивать знакомых – Лены с сыном ни у кого не оказалось.

Заканчивался август, только что провалилась попытка ГКЧП отстранить Горбачёва, было по сути безвластие, когда активизируется всякая сволочь. Жену и Павлушку могли запросто выкрасть, и дай бог, если всё обойдётся выкупом. Газеты были полны сообщений о пытках и убийствах несговорчивых кооператоров. Олег позвонил теще. Та сказала, что ничего о дочери и внучке не знает, и выкупа пока никто не требовал. Голос у тещи был спокойный. Олег поднял с постели Родимцева, тот связался с начальником милиции, но ничего узнать так и не удалось.

Лена дала о себе знать сама. «Олег, я выхожу замуж, – сказала она на следующий день по телефону. – Будь дома, к тебе приедет наш адвокат». И положила трубку. Олег молча смотрел на аппарат. В голове было пусто. «Я выхожу замуж...» – это ему, мужу. «Наш адвокат...» Как в американском фильме.

Со временем он узнал, что Лена с сыном в Москве, её новый муж один из владельцев коммерческого банка. Семья много времени проводит за границей. С Павлушкой ему изредка разрешили встречаться, но в присутствии гувернантки и охраны. Увидеть Лену ему не пришлось ни разу. Но если бы даже была такая возможность, он не стал бы.

## 22

Весна, как и многое в здешних краях, тоже была странной – стремительной и скоротечной. Ещё неделю назад казалось, что погода и не думает подчиняться календарю – начало мая, а температура даже в полдень была минусовая, – но за два-три дня снег вдруг осел, стал зернистым и принялся быстро таять.

Тепло было так, что прилепинцы сменили пуховики и зимние куртки сразу на ветровки. Было непривычно видеть легко, почти по-летнему одетых людей, шагающих по улице со снежными отвалами по сторонам. Даже напористые южные ветры не могли сразу растопить навалившийся за зиму снег.

Все, кому нужно было по делам в город, старались успеть это сделать. «Вахта» вот-вот могла перестать ходить – зимник основательно развезло. Да и переправляться через реку с каждым днём становилось всё опасней. Река была ещё подо льдом, но поверх него уже растеклась талая вода.

Шляхтин тоже решил не тянуть. Пуртову он сказал, что на время бездорожья нужно запастись расходными материалами. Но не это было главным. Днём раньше позвонил Дарьин и между прочим заметил, что хорошо бы повидаться, есть разговор, лучше не по телефону. Олег удивился – что за тайны мадридского двора? – но решил, пока есть возможность, всё-таки побывать в редакции.

Во время своего прошлого приезда в Прилепино Дарьин намекал, что Олега могут взять в штат газеты. Правда, до серьёзного разговора дело так и не дошло. Шляхтин сам не знал, хочет ли работать в штате. Конечно, появится больше возможностей в том, что происходит вокруг, поддерживать достойное, человеческое, без этой скотской покорности. А с другой стороны, новое дело, как-то немного не по себе. Но в любом случае было приятно знать о такой возможности. Это щекотало самолюбие.

«Вахта» была полна. Поднявшись по лесенке в салон, крашенный снаружи в оранжевый цвет, Шляхтин заметил Эдика и Галину. Кивнул им, отметив, что от-

ношения между братом и сестрой наладились. И удивился реакции. Эдик отвёл глаза, а Галинино лицо стало каменным. Шляхтин хмыкнул: толком не проснулись, что ли?.. Всю дорогу до реки он посматривал на них, но Эдик сидел прямо и ни разу не повернул в его сторону голову.

– Тоже дела в городе? – спросил необязательное Олег, когда пассажиров высадили на берегу, а «вахта», чадя выхлопной трубой, тяжело развернулась, чтобы ехать обратно в село. Высокие колёса машины на добрую треть утопали в грязи.

Эдик что-то пробормотал, а Галина, которую Эдик поддерживал за локоть – она стоя переобувалась в резиновые сапоги, – на Шляхтина не взглянула. Олег, уже гадаясь, что происходит, сделал ещё одну попытку разговорить Коковихина:

– Вон как солнце шкварит... Как бы нам обратно вплавь добираться не пришлось.

Эдик хотел было что-то сказать, но, взглянув на сестру, промолчал. Шляхтин усмехнулся.

С усмешкой он посматривал на него и позже, когда переходили реку по залитому водой льду. Для Шляхтина это было новое дело, к тому же опасное – прилепинцы говорили, можно угодить в промоину, – но он среди бредущих по воде односельчан всё равно отыскивал взглядом Эдика с сестрой и усмехался. С таким же презрительным сожалением он смотрел на бывшего сослуживца и в салоне автобуса, который дожидался прилепинцев на противоположном берегу, чтобы отвезти в город.

Слабак!

Олег был почти уверен, что Эдик с Галиной едут в райотдел милиции забирать заявление на Витьку Сухих. Иначе с чего бы им так себя вести?..

В редакции выяснилось, дело обстоит хуже. Дарьин, торопливо пожав руку и поглядывая на часы, сообщил, что пришло письмо за подписью Эдуарда и Оксаны Коковихиных. Они пишут, что факты, изложенные в заметке о якобы насилии над ними, не соответствуют действительности. Никто в деревне их не бил и никто из ружья не стрелял. Всё это вранье. Газета должна напечатать опровержение.

Олег, выслушав Дарьина, несколько секунд молчал.

– В ФАПе должна быть запись, что Коковихин к ним обращался.

Дело принимало оборот, который и в дурном сне не мог привидеться. Оксана – ладно, слабая женщина, но Эдик-то мужик, вместе служили, почти брат. И так поступить!..

– Да верю я тебе, верю! – махнул рукой Дарьин. – Но ситуацию ты знать должен.

Олег покрутил головой:

– Ну, Сухие!.. Ещё опровержение им подавай.

– Никакого опровержения мы печатать не будем. Я с главным на этот счёт переговорил. – Дарьин всё понимал с полуслова. Он ещё раз взглянул на часы.

Однако Олег уходить не торопился.

– Здесь у вас есть организация, которая занимается установкой светильников. Не знаешь, как связаться с ними?

– Таких контор сейчас, как грибов после дождя. Зачем тебе? – удивился Дарьин.

– Поговорить с одним человеком надо.

– Эта контора в вашей деревне светильники устанавливала?

– Да.

– Подожди. – Дарьин быстро набрал какой-то номер (как Шляхтин вскоре понял, одной из служб районной администрации), представился и своим голосом заинтересовался, кто монтировал в Прилепино светильники. Ему ответили. Дарьин, назвав женщину Анечкой, поблагодарил и протянул Олегу бумажку с адресом. – «Лумина» какая-то, товарищество с ограниченной ответственностью... Светильники ещё работают? А то у этих товариществ ну очень ограниченная ответственность. Ростки прекрасного капиталистического будущего, мать их за ногу!..

Шляхтину показалось странным, что защитник Верховного Совета так дружески ведёт себя с представителями власти. Дарьин, видимо, это почувствовал:

– Политика – искусство возможного. Теперь время собирать камни, а не бросать.

Олег отвёл глаза.

– Ладно, старик, извини, – опять заторопился Дарьин. Он в последнее время только и делал что торопился. – Мне материал надо срочно в номер гнать.

Разговора о работе в штате редакции, похоже, не предвиделось.

В «Лумине» Шляхтина тоже поджидала неудача. Лейтенанта Толика на месте не оказалось – командировка в дальнее село, вернётся через два дня. Олег взял номер телефона общежития, в котором Толик жил. Хотя бы таким образом можно будет связаться.

Ярое весеннее солнце делало своё дело. Ещё на подъезде к реке стало понятно, что перебраться на тот берег будет трудно, – воды поверх льда стало значительно больше. Похоже, она даже понемногу двигалась. Смущало и то, что «вахты» на той стороне не было видно. Наверно, не смогла пройти по окончательно раскисшему зимнику.

Прилепинцы направились выламывать в прибрежном тальнике шесты – переходить на тот берег нужно было всё равно. А там по остаткам зимника можно добраться до деревни пешком. К ночи будут на месте.

– Ну ты и говно, – сказал Олег Эдику и покачал головой. Они оказались рядом в зарослях тальника. В автобусе Шляхтин старался не замечать ни бывшего сослуживца, ни его сестры. А теперь не выдержал.

Эдик молчал.

Прощупывая перед собой лёд длинными палками, люди осторожно двигались по воде. Она заливала резиновые сапоги, и ноги вскоре окоченели. Важно было не попасть в промоину, а то, как слышал Олег, утащит течением под лёд. По-настоящему опасности он не чувствовал – досада на Эдика, Оксану, расчётливую Галину, которая ради спокойствия и выгоды забыла о не родившемся племяннике и унижительном ранении брата, заглушала теперь всё.

Олег не осторожничал и на берег выбрался первым. Вылив из сапог воду, ступил на расползшуюся дорогу. Нужно было идти, двигаться – и чем тяжелее это будет даваться, тем проще отвлечь себя от неприятных мыслей. Да и согреться тоже. Сапоги скользили по оттаявшей глине, вязли, каждый шаг давался с трудом. Через полчаса Шляхтин уже был мокрый от пота.

Понемногу мысли перешли на другое. Плохо, что не удалось встретиться с

лейтенантом Толиком. Интересно, когда тот собирается обратно? Народ в Абхазии, похоже, настоящий, умеет постоять за себя. У него, Шляхтина, тоже неплохая военная специальность...

До Прилепино оставалось ещё несколько километров, когда он заметил впереди «вахту». Видимо, выехавшая из села машина смогла добраться только до этого места. Раскрасневшийся, с вязаным «петушком» в опущенной вниз руке и полным рюкзаком за плечами, Шляхтин минут через пятнадцать уже подходил к «вахте». С приглушённым усталостью удивлением увидел на месте водителя Виталия Николаевича.

– От вас прямо-таки пар валит!.. – Глава администрации открыл дверь кабины. Лицо у него было благодушное. – Где остальные, далеко?.. Эх, молодость! Когда-то и я был здоровый, как лось. Пешком в город и обратно ходил. А чего, в четыре утра встанешь, к обеду в городе! Дела сделал – и обратно. Меньше чем за сутки оборачивался!..

Виталий Николаевич опустил с высокой подножки на островок сухой, перезимовавшей под снегом травы. Протянул Шляхтину руку. «Специально поехал сам, чтобы перехватить Эдика с Галиной? – подумал Олег. – Так не терпится?..» Руки он главе администрации не подал – на мгновение раньше ступил в сторону, к луже, принялся отмывать от грязи сапоги. Виталий Николаевич сделал вид, что не заметил этого.

– Какой всё-таки у нас народ рискованный, а? Воды на реке полно, лёд вот-вот тронется, а они – вперёд, на другой берег! Хороший народ, настоящий, крепкий. Какие-нибудь американцы или французы скили бы, а нашим только закалка!

– Это точно, – сказал Олег, не отрываясь от своего занятия. – Те на весенний лёд не полезли бы. Их бы как-нибудь иначе через реку доставили, позаботилась бы власть.

Глава администрации сразу не ответил, выдержал паузу.

– Ты несчастный человек, Олег, – неожиданно сказал он, переходя на задушевное «ты». – Ей-богу, несчастный!

Шляхтин с интересом поднял голову. Что-то новенькое.

– В смысле?

– Ничего не добьёшься, только хуже себе сделаешь. И других зря баламутишь.

– Это почему же?

– А вот смотри. Живут, скажем, люди, каждый на своём месте. Не потому, что человек сам себе такое место выбрал, а потому, что от природы положено, гены такие. Ну, такой он, и всё тут!.. Ты не охотник, но понять должен. Например, куница. Белка её боится, а куница боится соболя – жрёт он её. Это же смешно, если белка начнёт указывать соболю – от неё только шерсть полетит, согласен?.. Белка это знает. Птенцов там, грибы, орех жрёт, а соболя боится как чёрта, куницу тоже. Такой закон в жизни, что у животных, что у людей. Или, допустим, рыба. Я при советской власти много лет заведовал рыбоучастком – считай, профессор. Щука одно, чебак – совершенно другое...

– И только сумасшедший чебак бросается на щуку, – сказал Шляхтин.

Виталий Николаевич не смутился.

– Понимаю, соглашаться с этим многим не хочется. Особенно по молодости.

Но это сначала, потом всё становится на свои места. А смотришь, жизнь себе уже подпортили, поздно спохватились! И что ещё плохо, думают, от власти всё зависит. Клянусь тебе, ничего! Ну, почти. Когда всякие там революции и перестройки проходят, всё к прежнему возвращается. Щука будет щукой, чебак чебаком. Скажи, при Брежневке кто управлял – чебаки? белки?.. Сейчас им ещё хуже будет. Тогда хоть светлое будущее обещали...

– Это вы к тому, что Коковихиним надо знать своё место? – перебил Олег.

– Зачем так говоришь? Я теоретически. Только глупые люди не понимают что к чему в жизни. Слава богу, село у нас спокойное, народ сам знает, кто они, белка или соболь. Зачем баламутить зря? Только проблемы создашь. Они же сами потом тебя и обвинят во всём.

Шляхтин усмехнулся. Ну, иуда!..

– Осталось сказать, чтобы я из Прилепино сматывал удочки.

– Вот этого не надо, ничего такого я не говорил!.. – Глава администрации, отгораживаясь от Олеговых слов, решительно выставил перед собой ладони. – Нет, ты сам посуди, идёт нормальная жизнь. Люди ругаются, мирятся, мало ли чего бывает. Нет порядка крепче того, когда каждый знает, кто он и своё место. Баламуты у нас не приживаются. Им сам народ даёт отпор. Немного разберётся – и даёт.

– Особенно, если его подтолкнуть в нужном направлении.

– Опять ты за своё. Да пойми, мне выгодно, чтобы в селе был корреспондент! Вон как ты написал про бабушку Болдыреву – у меня слёзы на глазах, когда читал. Весь район теперь знает, какой человек в Прилепино живёт, дочь незаконно репрессированного советской властью человека! А ты – «угрожаете»... А если даже и поддел кого, так что, все у нас ангелы? Я как глава тоже с такими делами борюсь. Некоторые, правда, видеть этого не желают, так я особо на благодарность не рассчитываю – дурное это дело, ждуть от людей благодарности...

В село «вахта» прибыла довольно рано, высокое майское солнце ещё не успело сесть.

Галина и Эдик остаток дороги провели комфортно, в кабине. Виталий Николаевич сам пригласил их туда подняться.

Северная весна оказалась непредсказуемой. После по-летнему тёплых дней, согнавших остатки сугробов, в конце мая вдруг выпал снег. Ледоход уже прошёл, и странно было видеть тёмную воду реки между белыми берегами. Прилепинские пацаны опять достали лыжи, радостно гоняли коньковым ходом по улицам. Похоже, зима им нравилась больше.

– Это не смотри, это день-два и сойдёт, – сказал Афанасьич, засунув руку в Олеговы унты и изнутри ощупывая их. – У нас и не такое бывает. Почки распустятся, а тут тебе снег с морозом. И чего, думаешь, без зелени остались, деревья летом голые? Хрен, всё чин-чинарем! Лист ещё гуще, природа привыкла за столько-то времени. – Афанасьич пристально посмотрел на Шляхтина. – Так ты чё, окончательно решил?.. Может, моя хозяйка чего сказала?.. Ты не бери в голову, дом мой, кого хочу, того держу на квартире.

Олег сдержанно улыбнулся. У него и в самом деле как-то произошла стычка

с новой женой Афанасьича. Этой толстой, аляповатой какой-то тётке с оплывшими щеками не понравилось, что на Олеговой половине разбили окно. Можно подумать, он виноват. «Если разбили, значит виноват! – заявила тётка. – Невинноватым не бьют». Железная логика.

– Тебе чего переживать, Афанасьич? Прямая выгода, что уезжаю – унты вон оставил.

– Не понадобятся на новом месте?

– Там тепло, зимы не бывает.

– Ну, дело хозяйское... И чего вы, молодые, всё ездите, ездите? Года не проживут, срываются. Чем у нас плохо – охота, рыбалка, северный коэффициент! Нет, не понимаю я вас!.. – И Афанасьич покрутил головой.

Насчёт переменчивости майской погоды он и в самом деле сказал правду. Снега выпало много, но он оказался недолговечным – в день, когда Олег должен был улетать, на улицах стояла грязь. О том, чтобы добраться до вертолётной площадки в туфлях, и речи быть не могло. Пришлось опять занимать у хозяина резиновые сапоги. Афанасьич пошёл с Олегом, чтобы унести их обратно.

За раскисшими тёмными огородами на окраине села маячила какая-то фигура. Афанасьич всмотрелся.

– Вот тебе и попутчик – Шиндер!.. Он-то куда собрался? С чемоданами...

Когда они добрались до вертолётки, фельдшер встретил их неловкой улыбкой.

– А если меня опять радикулит прихватит?! – крикнул, не доходя добрых метров тридцати, Афанасьич.

– Валентина Николаевна осталась, поможет. – Глаза у Шиндера беспокойно бегали. Он то ли смущался, то ли опасался чего-то.

– Далеко?

– В отпуск, – быстро ответил фельдшер. Похоже, он заранее приготовил этот ответ.

Шляхтин задержал на нём взгляд. Что-то не так... Он оглянулся, запоминающими глазами посмотрел на Прилепино. Было тепло, лёгкое марево поднималось над землёй. Подсохшие, грифельного цвета избы едва заметно подрагивали в его токе. Разросшиеся на просторе осины и берёзы стояли в салатных прозрачных накидках – уже проклюнулась листва...

Что ж, была без радости любовь, разлука будет без печали.

Когда вертолёт, гремя двигателем и повизгивая одной из лопастей, сделал круг над Прилепино и, покачиваясь, опустился на бетонные плиты площадки, подъехала «Нива» администрации. Секретарь сельсовета, она же по совместительству кассир авиаотряда, выбралась из машины и, прикидывая, куда ступить, осторожно прошла к вертолёту, передала пилотам ведомость на пассажиров.

На Шляхтина она демонстративно не смотрела, и он понял, неспроста – в «Ниве» Ольга. Поборола женское самолюбие и приехала проводить его хотя бы вот так, из машины. Однако думать об этом не хотелось.

Закинув в вертолёт сумку, Олег вскоре сидел у похожего на иллюминатор окошка. Кто-то из экипажа, подняв в салон дюралевую в заклёпках лесенку, закрыл дверь. Над головой взревело, земля, подрагивая, стала отдаляться. Раздаётся во все стороны горизонт, тёмные мокрые огороды, вон идёт становящийся всё меньше и меньше Афанасьич. Направляется к деревне с резиновыми сапогами в руке...

Набирая высоту, вертолёт прошёл над Прилепино. Шляхтин выхватил взглядом дом Коковихиных, вон Эдик возится у теплицы, натягивает на деревянные рёбра целлофановую плёнку. Что ж, пора – весна, похоже, наступила окончательно. Но строительных материалов возле дома что-то не видно. Однако надейся, дружок, надейся, может, и подвезут!..

Он взглянул на Шиндера. Тот у соседнего иллюминатора тоже смотрел вниз, на его лице застыла детская обида. Странно это было видеть у человека, обычно скрывающего свои чувства. «В Израиль собрался», – понял Шляхтин.

Сам Олег ни досады, ни разочарования не чувствовал. Он уже отделил себя от этих людей. Однако сколько позволял иллюминатор, всё смотрел и смотрел на косо уходящее в сторону Прилепино.

Смотрел до тех пор, пока село не исчезло совсем, а внизу, перепрыгивая из одного лесного озера в другое, не засверкало солнце.

2004 – 2006

## СТРАСТИ ПО ВАСИЛИЮ

### Повесть

1

Апрельским розовым вечером по центральной улице станицы Солончаковской шёл неизвестный мужичок в широко распахнутом полупальто и надменно поглядывал по сторонам.

Полупальто с могучими накладными плечами было почти новое, на коричневых его бортах виднелись большие, как ордена, пуговицы, а барашковый голубоватый воротник богато раскинулся по плечам. В левой руке мужичок держал фибровый чемодан со светлыми вытертыми боками – по всему видно, лёгкий, – а правую с достоинством и некоторым даже вызовом засунул в косой карман полупальто.

Клоц, клоц, клоц – звучали на каменных плитах тротуара подковки его слегка припавших пылью хромовых сапог, и колыхался над голенищами роскошный напуск чёрных в полоску брюк.

Время было довольно раннее, что-то между шестью и семью часами, к тому же суббота, и добрая половина взрослого мужского населения Солончаковской находилась или в парикмахерской, где в предвидении скорых праздников подновляло популярную причёску польку, или же топталась у входа в тесный подвальчик, из которого раздавались громкие голоса и заманчиво тянуло винным духом.

Появление незнакомого человека – событие не ахти какое даже для такой небольшой и спокойной станицы, какой была Солончаковская. Никто, возможно, и не придал бы ему особого значения. Ну, идёт себе мужик, чем-то гордится – пусть идёт. Может, он здесь проездом, до хутора своего добирается, а их, этих хуторов, в районе хватает, народу много, на каждого внимания не напасёшься. Или, допустим, это уполномоченный из краевого центра, приехал насчёт царицы полей кукурузы – тоже дело понятное... Вот только лицо у прохожего странное, это все отметили. Не по комплекции большое и всё в буграх – картофельного какого-то вида лицо, нехорошее. Шишковатый нос, шишковатые скулы, губы – как добрые вареники... А в остальном человек как человек. Одет хорошо.

Так и осталось бы это событие не то что не замеченным, но мимолетным и быстро забываемым, если бы не сам мужичок. Повёл он себя, надо сказать, странно. Даже грубо. На подходе к высокому крыльцу парикмахерской, на многочисленных ступеньках которого, как в древнегреческом театре, один над другим возвышались желающие постричься, он гаркнул:

– Здорово, гады! – И розовый свет заката сверкнул на его сплошь стальных зубах.

Мужики на крыльце озадаченно приумолкли. Из открытых окон – для апреля вечер был необычайно тёплым – высунулись брюнетистые парикмахеры с никели-

рованными машинками в руках да так и застыли. Тишина установилась редкостная. Лишь слышно было, как по радиодинамику несерьёзно препираются Штепель и Тарапунька.

Так и прошествовал среди молчания и общего смущения этот странный человек. Постукивали по звонкому тротуару подковки, и насмешливо, с вызывающей громкостью скрипели его хромовые сапоги.

– Гусак, – сказал в суконную спину роскошного полупальто Эдик Подгурский, медбрат со спасательной станции на Кубани. Среди солончаковских жителей молодой медбрат был известен своим несдержанным нравом. Но даже вспыльчивый Эдик произнёс это как бы примериваясь, полувопросительно – уверенности в его голосе не чувствовалось.

Услышав такое слово, неизвестный мужичок остановился и несколько мгновений стоял не оборачиваясь.

– Спокуха! – выговорил он ледяным тоном и посмотрел при этом как бы на крыльцо, но в то же время и мимо. Выражение его шишковатого лица было скучающим и пресыщенным. – Молодой ты ещё, Подгурский, так меня называть. Накажу, Мотня!

Это уже было чёрт знает что. Появляется в чужой станице, заносчиво смотрит на всех да ещё угрожает!.. Среди сидящих на крыльце прошёл ропот. Наглецов в Солончаковской не любили.

Но, с другой стороны, безответственные те слова проливали кое-какой свет на загадочную личность. Знает, выходит, этот субчик Подгурского, знает даже, как дразнили того в детстве! Уж не свой ли, не солончаковский?.. Эдик, конечно, человек известный, спора нет, но не до такой же степени, чтобы чужим были знакомы подробности его биографии.

Не ясно, как повернулось бы дело дальше (Эдик Подгурский дорожил репутацией горячего человека, а тут явно оскорбляли, и он, прикипев к обидчику глазами, уже поднялся с крыльца и двинулся навстречу), но тут вмешался Миша Гайда. Его в станице звали ещё Мишей-безногим.

Миша успел выпить в подвальчике стакан терпкого яблочного вина, постригся и сейчас, пахнувший одеколоном «Сирень», то и дело ворочающий шеей – за ворот во время стрижки по обыкновению нападало колючих волосинок, – благодушно беседовал с соседом о международном положении и базарных ценах на сахар. При появлении неизвестного Миша-безногий слегка подался вперёд, напряжённо прищурился да так и смотрел на него всё то время, пока разворачивались события. Оттолкнувшись зажатыми в крепких руках деревянными колодками, он даже отъехал от крыльца, чтобы лучше видеть. По ставшему мученическим лицу можно было догадаться, что в голове у Миши идёт усиленная работа мысли.

– Хлопцы, та то ж Вася Индус! – громко объявил вдруг Миша-безногий и в изумлении оглянулся на крыльцо. Для большей уверенности он объехал богато одетого мужика вокруг, гремя по плитам тротуара своей тележкой на подшипниковом ходу. Снизу вверх заглянул в его уродливое лицо. – Эге, как тебя. Сразу не узнаешь... Не, хлопцы, – Вася, точно, Вася!..

И тут произошло непонятное. Мужичок прямо на глазах затуманился, заколебался, пошёл рябью и как бы вылинял. И не таким уж добротным оказалось его полупальто, и голубой барашковый воротник, похоже, был побит молью, и

сапоги стоптаны на бок... Желаящие постричься утратили к нему интерес, переглянувшись, продолжили свои неторопливые разговоры, так непочтительно нарушенные. Во всём их виде чувствовалась лёгкая досада, будто обещано было нечто чрезвычайное и захватывающее, да вот не состоялось. Кто-то из брюнетов-парикмахеров спросил:

– Таки тот самый Индус?..

Когда ему ответили, темпераментно плюнул и, подбивая коленками полы белого халата, направился к терпеливо ожидающемуся клиенту. Вслед за ним, встревоженно переговариваясь, отошли от окна другие парикмахеры. Вернулся на своё место и Эдик Подгурский, презрительно передернув плечами и усмехаясь:

– Нехай с ним другие балакают!..

А неизвестный мужичок, который оказался всего-навсего Васей Индусом, стоял-постоял, да так больше ничего не дождавшись – будто и не он это находился на улице родной Солончаковской, не его больше десяти лет здесь не было, – двинулся дальше. Оглянулся, но никто на него не смотрел.

– Р-р-рабсила! – в сердцах рявкнул он. И так поддел подвернувшегося под ноги нерасторопного кота, что тот, перевернувшись в воздухе и заверещав, опрометью кинулся на ближнее дерево.

– Психует, – констатировали на крыльце. И бросили вслед: – Не трогай животную! То тебе не при румынах.

Вася на голоса не оглянулся.

– Рабсила! Стадо! – повторил он с тоской и неизъяснимой досадой.

– Гуляй, гуляй! – слышалось от крыльца парикмахерской в ответ. – Романешты! Полицай!..

На этот раз Вася промолчал.

Увы, сказанное было правдой.

Когда в сорок втором станицу Солончаковскую на недолгое время заняли румыны, Вася пошёл в полицаи. Было ему в ту пору восемнадцать лет, он работал в карьере, ломал камень, который мелкими блёстками походил на сахар рафинад, только серый. У советской власти были свои милиционеры, свои начальники, а тут – всё заново, и Вася с силой запустил кувалду в каменную глыбу: «Нема дурных! Сами зарабатываете себе силикоз!..»

Он был молод, нетерпелив, а главное, к прежней власти у него имелся счёт.

В румынской армии чувствовалось что-то несерьёзное, почти опереточное – сметливые станичники это быстро поняли. И в самом деле, что это за войско, где вместо ремней на винтовках – верёвки, а у часовых, охранявших колхозный хлеб, который ни вывезти, ни сжечь прежнее начальство не успело, можно за пол-литра самогонки насыпать мешок зерна?.. Там, где полагается быть машинам, – телеги-каруцы, запряжённые задумчивыми меринами. А румынских танков за всю оккупацию так никто и не видел.

Впрочем, Солончаковской, может, просто повезло – передовые румынские части прошли через станицу ночью, не задерживаясь и не оставив сколько-нибудь памятного следа. А обозники, они и есть обозники. В любой армии. Но как бы там ни было, солончаковские жители решили, что новая власть ненадёжная и связываться с ней не стоит.

Мужики постарше, которых в Красную Армию призвать не успели, под всевозможными предлогами идти в полицаи отказывались. Пошла одна молодёжь. Видимо, привлекала этих парней возможность ходить с винтовкой за спиной и ловить на себе уважительно-опасливые взгляды. Но вполне вероятно, что просто никто их вовремя не предостерёг, не сказал по-доброму: куда лезешь, хлопец?! То ж дурное дело. Паны дерутся, а у холопов чубы трещат!..

Васю остановить было некому. Его отец пользовался в Солончаковской репутацией пришибленного человека. В своё время Никифор Купко отказался вступить в колхоз и только побрякивал от налогов, которыми его как единоличника каждый год навьючивали. В станице по этому поводу рассуждали: оно, конечно, хорошо, когда над тобой нет начальства и ты сам себе хозяин. Но чтобы целый год жили рвать, а потом у тебя всё заберут – э, нет! Такой свободы не надо.

Долго вспоминали, как Васиного отца привели к председателю райисполкома. «Не хочешь, значит? – прожёт его орлиным взглядом предрика и дёрнул шеей в тугом вороте полувоенного френча, мода на которые среди ответственных работников докатилась и до Солончаковской. – Тебе добра хотят, а ты!.. Посмотрим! – Не сводя с Никифора пронзительного, ничего хорошего не обещавшего взгляда, он поднял телефонную трубку и громко заговорил, пробиваясь сквозь шум и треск многих сотен километров: – Але, Кремль? Это вы, Михаил Иванович?.. Тут, понимаете, у нас Никифор Купко в колхоз идти не хочет... Не панькаться? На Соловки? – Предрика поднял на Васиного отца уже как бы сочувствующие глаза, словно говорил: ну вот, доигрался! – Добре, Михаил Иванович, отправим. Нехай на Соловках ума наберётся. Дадим сутки, не надумает – туда ему дорога!..»

Такие сценки в кабинете разыгрывались не только для Васиного отца. Упрямцев, не понимающих своего счастья, поначалу хватало. А запомнили историю потому, что только на Никифора Купко не подействовали авторитет всесоюзного старосты и угроза оказаться на Соловках. Спустя сутки, проведённые в каталажке, он всё так же пожимал плечами: «Чего мне в том колхозе?.. Не пойду, не». – И дураковато при этом улыбался.

Что с такого возьмёшь?..

На Соловки его не отправили. Правда, председатель райисполкома бросил многозначительную фразу: «Придёт коза до воза!..» Что это была не пустая угроза, предстояло ещё узнать, а пока к семье накрепко пристало прозвище Индусы – от формулировки «индивидуальное хозяйство». Оно почти заменило фамилию. Васю разве что в школе знали как Купко. Да ещё кассир в карьере так звал, когда заставлял расписываться в ведомости.

Особых зверств в Солончаковской при румынах, надо признать, не было. Да и за что? Всё прежнее начальство куда-то исчезло, потому, наверно, и партизан в районе не оказалось. Да и что бы им делать в безлесой на многие километры степи вокруг?.. О сигуранце, этом румынском гестапо, ходили разве что глухие слухи, румыны даже евреев не тронули. Самое большее, что позволяли себе полицаи (Вася Купко тоже), это остановить на улице какого-нибудь Йоську или Фиму и спросить:

– Жидик, где твой дом?

– На дороге под говном, – быстро и в рифму говорил Йоська или Фима то, что от него ждали.

Чем и вызывал общее веселье. Не только полицаев – в Солончаковской не могли забыть, как ещё недавно за одно слово «жид» тягали в суд и штрафовали. Жители станицы считали, что это слишком – за слово.

В сорок третьем Красная Армия освободила Солончаковскую. Увезли в северо-восточном направлении полицаев и другой сомнительный люд, сотрудничавший с румынами. Получил свои десять лет и Вася Купко. Его так и не выпустили из кутузки, куда он был посажен ещё румынским комендантом, – Вася не выполнил приказ, отказался реквизировать корову у матери бывшего председателя райисполкома.

Впрочем, на любопытное это обстоятельство советский суд в ту горячую пору внимания не обратил.

2

Пасха выдалась ранняя.

Не то чтобы очень, но и не поздняя, майская. На кладбище во всю зеленели, а на припёке – уже и цвели одуванчики. Глянцевито лопушились круглые листья мать-и-мачехи. Грачи на пока не распустившихся и оттого чёрных, будто обугленных акациях подновляли гнёзда, хозяйственно кричали и с неодобрением поглядывали вниз, на расположившихся у могил людей – в основном, женщин.

На Пасху солончаковские жители и увидели Васю во второй раз. Вася шёл через кладбище уже без полупальто и, понятно, без фибрового чемодана. Но смотрел вокруг всё так же гордо и с некоторым вызовом.

– Васю, цэ ты?.. – Сердобольные старушки, защищаясь от молодого апрельского солнца сухонькими ладошками, всматривались в его бугристое лицо. Они узнавали его – и не узнавали. – Цэ ты, Васю?.. То иди до нас, помяни небожчика.

В этот день было принято зазывать на могилы повстречавшихся знакомых или родственников, поднести им стаканчик, угостить кутьёй и крашеными яйцами, по-местному – галунками. Зазывали, правда, не всех, а с разбором. Вася это знал. Польщенно поигрывая желваками, он свернул к ближней могиле, скупно поздоровался.

– Сидай, Васю, сидай! – Старушки задвигались на домотканном половичке, специально по такому случаю захваченному из дому. – Помяни небожчика. Нехай земля ему пухом...

Садиться рядом со старухами Вася не захотел, но коленями на половичок всё же опустился. Он принял рюмку и, сняв шапку, бормотнул полагающиеся в таком случае слова. Было ясно, что солончаковские обычаи Вася помнит и уважает.

– Кутья с мёдом, свячёная, – не без самодовольства сказала хозяйка угощения, подтягивая за концы к нему платок, на котором располагалось всё то, с чем приходят обычно в Пасху на могилы. – А батько где? Или ты один?

Вася зачерпнул ложку сладкой пресной кутьи, не спеша пожевал металлическими зубами. Коротко ответил:

– Идут батько. Позади.

Старушкам очень хотелось узнать, как Вася жил последние годы, но суровый Васин вид к расспросам не располагал. И они заговорили о том, о чём прилично говорить в такой день, – об умерших.

– Ты до мамы и до сестры наведаться?

Вася сдержанно кивнул. Закивали и старухи:

– Так, так, рано твоя сестричка умерла. А красивая ж была, молоденька!.. Вон живёт. – Одна из старух показала глазами на бродящего по кладбищу тихого сумасшедшего Колю Черноморца. Ему подавали куски кулича и галунки, он в ответ торопливо крестился и складывал всё в большую брезентовую торбу. Старуха, передразнивая сумасшедшего, скороговоркой забормотала: – Каустик, карбид, хлорка! Каустик, карбид, хлорка!.. Никто б за ним не плакал, а живёт. То правильно?

– Не можно так говорить, – возразила другая старуха, поджимая губы. – Каждому Бог свой век даёт.

– Даёт, а где ж правда? Добре, когда молодые умирают?

– То Божья воля, не нашего розума дело.

– Чего ж не нашего? Правда ж должна быть!..

Разговор грозил принять ненужный оборот (старушка с поджатыми губами поджала их ещё больше и, по всему видно было, отступить от своего не собиралась), тогда хозяйка угощения, как хозяйке и положено, поставила точку:

– Не трэба, жиночки. Не гневите Бога в такой день. – И перевела разговор на другое: – Ты, Васю, помнишь, где сестра и мама поховани? Найдёшь могилки?.. Сколько ж лет прошло, до войны ещё умерли, давненько...

Вася ничего на это не ответил. Он поднялся с половичка, вытер рукой губы и надел шапку на голову в обширных залысинах. Странная усмешка бродила по его лицу.

– Не Бог век даёт, а люди! – громко, да так, что на секунду даже приумолкли грачи на кладбищенских акациях, гаркнул Вася. Удивительно было, что в невзрачном теле жил такой могучий голос. – Люди, вот где вся вшивость!.. Люди, мать вашу!..

И пошёл, твердо ступая по тропинке между могилами.

Новая Васина выходка имела следствием то, что помянуть его больше не зывали. Так что добрался Вася до могилы сестры, первой на его пути, сравнительно быстро.

– Нюся! – громко сказал он. И замолчал, трудно сглотнув. Достал из кармана, опустил у подножья креста две галунки, незамысловато крашенные в отваре луковой шелухи. Каменный крест, который он сам когда-то вытесал в карьере, стоял до половины в сухих бурьянах. Прошлогодня полегшая трава застилала едва заметный холмик.

– Нюся, сеструха! – с силой повторил Вася, быстро наливаясь густой чёрной кровью. – Где ж та правда, чтобы одних лечить, а других как собак гнать!.. Если батько дурила, то дочка умереть должна?! Шо ж то за гадская жизнь, сеструха! Чувешь?..

Люди у соседних могил, взглянув в его сторону, быстро отворачивали лица. В такой день всем хотелось покоя и умиротворённости, а этот человек вносил в души разлад и тоску.

Зачем?..

На Пасху каждому свои радости. Если женщины ходили в церковь, слушали, умиляясь сердцем, службу, святили куличи, а потом шли на кладбище, то у мужиков были другие дела. Они в тот день собирались на станичном стадионе.

Случалось это уже после обеда. Мужики в большинстве своём были из-за стола, с раскрасневшимися лицами, разговорчивые. Они тянулись через постоянно распахнутые ворота стадиона, собирались кучками возле «мавзолея», с которого на 1 Мая и Октябрьские секретарь райкома говорил речь (в праздничные дни стадион исполнял ещё роль площади), и ждали футбола. Как-то так вышло, что именно на Пасху футбольные сборные обеих солончаковских школ открывали сезон.

На стадион Васю привёл Миша-безногий. Он Васю повстречал, когда тот возвращался с кладбища. Ни о существовании самого стадиона, ни о негласной традиции открывать на Пасху футбольный сезон Вася не подозревал. Всё это в станице появилось позже, после начала его вынужденных путешествий по Колыме.

– Василь! Подожди!.. – Миша-безногий налёг на деревянные колодки, яро загудели подшипники его тележки по каменным плитам, которыми были выложены оба тротуара центральной улицы. – Постой, Василь! Чего скажу!..

Вася приостановился, хмуро покосился на инвалида. Хмель от выпитой на кладбище водки прошёл, и вид у Васи был всё так же неприступен.

– Ну?

– Не нукай, не запряг! – бойко, плутовато шурясь, заговорил Миша-безногий, подъехав ближе и задрав вверх успевшее загореть лицо. Надменный Васин вид, похоже, его нисколько не смущал. – Невжели зараз вот так до дому отпускают, га? В хромовых чеботах и чтобы воротник барашковый?.. Сауляк, так тот вернулся в фуфайке. Мою бачишь? Третий год ношу, а у него хуже!..

Вася настороженно подождал, но инвалид по-прежнему добродушно шурился, опираясь зажатými в крепких руках колодками на плиты тротуара, и ничего обидного говорить вроде не собирался. И оттого Васино лицо несколько смягчилось.

– Сауляк когда вышел? – спросил Вася. Его одногодок Сауляк тоже служил при румынах в полицах.

– Когда?.. Да прошлым летом приехал!

– Ну. И у меня тогда срок кончился.

– Так где ж ты пропадал?! – Миша-безногий высоко вздернул плечи и в недоумении даже пристукнул колодками по тротуару. Только сейчас стало заметно, что он изрядно навеселе. – Или до дому не хотел? Десять лет, то ж подумать!.. Я б на крыльях!.. Где пропадал, га?

– Где... – Вася снисходительно повёл головой, словно услышал нелепый вопрос. – Пахал в руднике. Зарабатывал! Где...

После секундного раздумья Миша-безногий захохотал:

– Это я понимаю! Молодец!.. Чтобы не в фуфайке домой вернуться. Гордый!.. – И выставил из-за пазухи горлышко бутылки, заткнутое кукурузным кочаном. – От бурьянки нашей не отвык? А то давай за компанию, я сегодня с выручкой, геть чисто весь товар продал. Петушки, звёздочки и леденцы перед праздником как

водой смывает. Сам из сахара варю, сам продаю – на одну пенсию разве ж проживешь?.. По грамммулке, га?

Так как ни словом, ни выражением лица Вася сопротивления не выказал, инвалид и потянул его на стадион. Распивать спиртное на центральной улице станицы, тем более самогонку, было небезопасно. Солончаковская милиция такие вещи не поощряла.

Подросли они к скандалу, почти что к драке. Станичные мужики гнали со стадиона стилияг.

Стилияг было трое. Сын директора карьера, его подруга, недавно присланная в райбанк молодой специалист, и продавец магазина «Культтовары», известный тем, что ездил в краевой центр на все матчи «Кубани». Парни – в твидовых пиджаках с непомерно широкими плечами и с набриолиненными губами. Девушка – в неприлично короткой для Солончаковской юбке, к тому же тесно облегающей бёдра, и с пучком стянутых на затылке волос – «конским хвостом».

Возможно, в Краснодаре, а тем более где-нибудь в Ростове, на них не обратили бы особого внимания. Мода, концентрическими кругами расходящаяся из столицы Советского Союза, становилась понемногу привычной, хотя не было и дня, чтобы в газетах не появлялись карикатуры на стилияг, а то и фельетоны с неуваждаемым заголовком «Пустоцвет». К тому же полноценными стилиягами троицу назвать было трудно. Так, местная самодеятельность. Брюки на парнях, оценивай их знаток, оказались бы недостаточно узкими и вполне натягивались на голени без мыла. Отсутствовали и цветастые галстуки с сюжетами из тропической жизни – обезьянами и пальмами. Такие галстуки составляли гордость всякого стильного мэна. Выпускнице же финансового техникума явно не доставало туфель на умопомрачительном каблуке. А скромные изделия фабрики «Скорород», в которые девушка была обута, заменить их никак не могли.

Одним словом, городские чуваки и чувихи ещё подумали бы, принимать ли им солончаковскую троицу в свой круг. Однако отношение к троице в станице от этого лучше не становилось. Насмешек и гонений ей выпало с избытком.

– Эге, они, видать, с огорода сбежали. А кто ж ворон пугать будет?.. – раздались голоса, едва сын директора карьера, молодой продавец «Культтоваров» и их спутница появились в воротах стадиона.

Поначалу голоса были довольно беззлобные, в них даже сквозили юмористические нотки. Но по мере того как троица, подчёркнуто не обращая на реплики внимания и даже чему-то посмеиваясь, двигалась по беговой дорожке вдоль футбольного поля, голоса становились всё раздражённее и злее.

– Ты, пугало! Чего шкиришься, закрой рот! Вырядились. В карьер бы вас, камень ломать, дармоеды!..

Больше всего доставалось бывшей студентке. И без того красные от выпитого в честь Пасхи лица мужиков покраснели ещё больше, гнев их был праведный.

– Кобыла! Обтянула сраку, еще зубы скалит... Чего вылупилась, тебе говорят!

Делать вид, что не слышит, троица больше не могла, и продавец «Культтоваров» высоким голосом возмутился:

– Имейте совесть! Какое у вас право так разговаривать с женщиной? Чего она вам такое сделала?

Но его слова только подлили масла в огонь.

– О, женщина, говорит. Уже попробовал!

– А они её на пару!..

– Шуруй отсюда, а то штаны снимем, дармоед носатый!..

Озлобление было нешуточное. Мужики погорячей уже привстали с лавок, вкопанных вокруг футбольного поля. В воздухе зарябили крепкие выражения.

– Почему дармоеды? Мы работаем! – срывающимся от обиды голосом воскликнул молодой продавец. – Вы люди или кто? Чем мы вам-таки виноваты?..

Сын директора карьера остановил приятеля:

– Чего ты с ними?.. – Окинув взглядом близко подступивших мужиков, он демонстративно повернулся к ним спиной. – Не видишь, с кем имеешь дело?.. – И особой, стильной походкой, поочередно поводя мощными плечами твидового пиджака и приволакивая туфли на толстой подошве «манка», он двинулся к выходу со стадиона.

Стилиягам засвистели вслед. Вот тогда-то внимательно наблюдавший за сценой Вася и сказал как бы сам себе:

– Быдло.

– Чего? – быстро поднял к нему любопытствующее лицо Миша-безногий. Он слегка запыхался, потому что теперь приходилось ехать не по твёрдым плитам, а по ещё толком не просохшей земле. Тротуар у входа на стадион обрывался.

Вася усмехнулся одной половиной лица.

– Видел, как вороны галок гоняют? А те тоже соберутся кодрой – и на воробьёв... Чего? Неба мало? – Вася, словно удивляясь, шевельнул шишковатыми надбровьями. – Что в зоне, что на воле – закон один... Чего оно так? Кто бы мне сказал?..

В ответе, судя по всему, он особо не нуждался. Но Миша-безногий, питавший слабость к умным разговорам, торопливей принялся отталкиваться колодками – заспешил к «мавролею». Там у подрастающих ёлочек можно было спокойно расположиться и под бурячанку основательно потолковать с бывалым человеком.

Но едва он раз-другой отхлебнул от бутылки и протянул её Васе, предварительное обтерев горлышко ладонью, как услышал над головой голос:

– А вам чего тут, хлопцы? Культурное ж место, понимать надо!..

За Мишиной спиной возвышался председатель добровольного спортивного общества «Урожай» Дударенков и неодобрительно посматривал то на него, то на Васю. Дударенков был в глухом офицерском кителе со стоячим воротником, в военной фуражке без звёздочки, но брюки на нём были вполне гражданские. И такие широкие, что при ходьбе, казалось, плескались вокруг ног. Председатель только что вышел из «мавролея», в котором располагалось тесноватое помещение спортивного общества, и, заглянув по привычке за угол, который имел особенность становиться мокрым при стечении на стадион мужиков, обнаружил Мишу и Васю.

– Первомай скоро, секретарь райкома товарищ Нечипайло, передовики, понимаешь, выступать будут. – Дударенков строго кивнул головой на «мавролей», приземистое каменное строение с трибуной наверху, напоминавшее известную московскую конструкцию. – А вы тут распиваете, бутылки оставляете и всякое другое, понимаешь, себе позволяете. Разве ж так положено?

Вася, наклонив голову, по эковской привычке смотрел на начальство исподлобья. А Миша-безногий, казалось, Дударенкову наоборот обрадовался:

– Геннадий Антонович, дорогой! Христос воскрес! Уважаю!.. Из начальства ты здесь, считай, один. Один среди работяг, га?! Другие боятся – чего в райкоме скажут, Пасху приветствует, а ты – вместе с народом! А почему? Потому что боевой офицер, фронтовик, военная косточка!..

Лицо у инвалида было умильное, он даже руки раскинул до отказа в стороны, готовый заключить Дударенкова в крепкие объятия. Глядя на него, Вася крикнул и отвёл глаза. Но председатель добровольного спортивного общества с укоризной покачал головой:

– Всё придураешься, э-э! Очень красиво! – И, достав из нагрудного кармана кителя свисток, то и дело неодобрительно оглядываясь на Мишу-безногого, затропился к центру футбольного поля. Там уже топтались, выстроившись одна напротив другой, команды солончаковских десятиклассников в длинных сатиновых трусах и китайских полукедах.

– Артист, – со сдержанным одобрением сказал Вася. – А то я подумал, ты шестеришь.

Он всё ещё смотрел исподлобья на Дударенкова, на то, как к нему в центре поля подошли два парня, капитаны школьных команд; как Дударенков подбросил вверх монету, ловко поймал её, блеснувшую в солнце, на ладонь; как команды потянулись каждая к своим воротам...

– Тот самый Дударенков, что туберкулёзом болел?

– Вылечили, – весело сообщил Миша-безногий, весьма довольный собой. – В армии до старшего лейтенанта дослужился, теперь под сокращение попал. Хрущёв офицерами семилетку выполнить хочет, догнать и перегнать Америку по мясу, молоку и шерсти!.. – Тут Мишин взгляд упал на бутылку с самогонкой, которую он по-прежнему крепко сжимал в руке. Секунду инвалид смотрел на неё непонимающими глазами, затем ткнут Васе: – Сбил с толку чёрт чахоточный! Давай!..

Однако Вася, казалось, бутылки не замечал. Только вздулись и окаменели желваки на его уродливом лице.

– Ты чего, га? Вперёд! – не сообразил поначалу Миша-безногий. Но тут же опустил голову. – Ну да... Этого стали лечить, а твою сеструху... Мы с ней в одном классе, я ещё с ногами был... Что хотят, то робят. Индусы!.. А индусы что, не люди?

– Молчи, – сказал Вася.

И столько было в его голосе силы, что Миша-безногий осёкся. Но так как по натуре он был человеком лёгким, то не обиделся, а переключился на события, которые разворачивались на футбольном поле. Через минуту уже азартно выкрикивал:

– Да бей же ж, бей! Кобыле без подставки вставляешь, а по воротам попасть не можешь!.. Судья, давай штрафной – рука!.. Э-э, хлопек, тебе в домино играть, а не в футбол!..

Вася тоже смотрел на поле, где кучей бегали два десятка парней с непривычно голыми белыми ногами. Смотрел поначалу безразлично и хмуро, готовый вот-вот уйти со стадиона. Но всё не уходил, медлил – казалось, происходящее на поле понемногу захватывало его, становилось любопытным. Застоявшиеся за зиму десятиклассники старались изо всех сил. Из-под ног летела земля с едва пробиваю-

щейся травой, лица были бледны от усердия и ответственности, а азарта хватило бы на игру и более высокого ранга.

Впрочем, не это занимало Васю. Футбол, как ему показалось, смахивал на жизнь. Здесь были свои сильные и слабые, свои правые и неправые, были удача и горькая досада, а в центре всего, главенствуя и правя, находился судья.

Он вносил в происходящие на поле события смысл и справедливость, наказывая виновных и защищая правых. И что интересно, его беспрекословно слушались. Хотя, конечно, среди болельщиков находились такие, которые кричали: «Судью на мыло!». Но то, скорее, от молодечества, которому в немалой степени способствовало недавно принятое за столом.

Васино лицо постепенно светлело и разглаживалось, и он уже смотрел на Дударенкова с интересом и почти что с уважением.

– Дыхалка Дударя подводит, – сказал в перерыве между таймами Миша-безногий. Он объехал и поприветствовал всех своих знакомых и теперь вернулся к Васе, всё так же одиноко стоявшему у «мавзолея». Инвалид чувствовал свою ответственность за человека, которого затянул на стадион, и теперь как бы покровительствовал ему. – Туберкулёз это ж не шуточки, нехай и залеченный! Первый тайм Дударь ещё бегаёт, а на второй дыхалки не хватает. А куда денешься? По должности полагается бегать – председатель «Урожая»!..

– Другого судьи нет?

– Та все ж играть хотят, а не судить!

– Дураки, – отрезал Вася. – Жизни не понимают.

Миша-безногий прищурился:

– А ты понимаешь.

– Понимаю, – серьёзно сказал Вася. – Было время догадаться.

И продолжал пристально смотреть на мокрого от пота Дударенкова, который устало шагал к «мавзолею» передохнуть. Офицерскую фуражку со следом от звёздочки тот снял, и видны были потемневшие слипшиеся волосы.

Вася смотрел так внимательно, с болезненным таким интересом, что любой догадался бы – неспроста. Если не сейчас, то в ближайшем будущем что-то должно было непременно произойти.

4

Через неделю в Васиной жизни появилась женщина.

К тому времени он уже работал в карьере, который так опрометчиво оставил в смутном сорок втором. Карьер был единственным серьёзным предприятием в Солончаковской. Это всё же не коммунхоз и не артель «Лоза», работники которой плели корзины из ивняка, в изобилии росшего вдоль берегов Кубани, и именовали своё предприятие не иначе как артель «Лоза – напрасный труд». О колхозе, отягощённом многотысячными долгами государству, говорить не приходилось. Там работали жители станичной окраины, которые свой ещё более скудный заработок компенсировали воровством с колхозных полей.

Эту женщину Вася заметил, когда получал спецодежду. Необычное Васиное лицо её совсем не смутило, что случалось не так уж часто. Смуглая брюнетка, глубоко западая щеками, затягивалась крепким «Беломором», а на пальцах её правой

руки, которой она бросила на дощатую стойку брезентовую робу и такие же рукавицы, синели буквы АЛЛА.

– Давно от кума? – поинтересовался Вася, узнавая в ней товарища по судьбе. Сказано это было со сложной смесью насмешки и уважения. Уважения – потому что понимающий человек не мог не сочувствовать годам, проведённым на зоне. А насмешки – чтобы не подумали, что сам он баклан дешёвый и ставит себя ниже.

Вася в женщине не ошибся. Она не оробела, как это случилось бы с обычной станичницей, не опустила глаза и не промолчала – зачем связываться с недавним эком? Она выдержала паузу, перекинула мундштук беломорины из одного угла рта в другой и сказала так, будто Вася был ей глубоко безразличен:

– Фамилия. – Причем без сколько-нибудь вопросительной интонации.

Но и Вася был не лыком шит. Началась щекочущая нервы борьба самолюбий. Но если на зоне это могло закончиться долгой враждой, а то и поножовщиной, то здесь, на воле и с женщиной, всё было намного приятней.

– Сама знаешь. – Он картинно прищурился. И с ленцой кивнул на ведомость возле чернильницы и перьевой ручки. – В цидулке написано.

Не говоря ни слова, женщина полоснула его взглядом и подтолкнула по стойке ведомость. Вася, не меня выражения лица, расписался.

– Кум привет не передавал?..

– Кум мне без разницы, – ответила всё-таки женщина. – «Дальрыба». Пять лет по вербовке. Вопросы имеются?

– Базара нет, понимаю! – Вася, словно извиняясь, пожал плечами. Он слышал, что нравы среди работниц рыбных комбинатов на Камчатке и Курилах мало чем отличались от лагерных. Так что в какой-то мере он оказался прав. – Где живёшь, краля?

– Захочешь, найдёшь, – высокомерно ответила женщина, не устаивая больше Васю взглядом. И длинно выдохнула папиросный дым. Хотя бы таким образом она хотела отыграться.

Противницей в извечной любви-вражде между мужчиной и женщиной Алла обещала быть достойной. И это Васе понравилось. Не пресная какая-нибудь солончаковская бабёнка, а с перчиком, пряная, горячая кровь – что надо!..

Найти её хату в Солончаковской, где все друг друга знают, не составило особого труда. В ближайший выходной Вася уже стоял перед одним из домов на тихой улице имени Розы Люксембург. Правда, смущало несколько то, что обитала Алла там, где раньше проживал председатель райисполкома. Тот, который пугал Васиного отца Соловками и за корову которого румынский комендант посадил самого Васю в каталажку. Вася секунду помедлил, окинул взглядом давно не белёные стены, вьющийся виноград, забравшийся на красную черепицу крыши, но потом решительно поправил в кармане бутылку любимого женщинами портвейна «Три семёрки» и толкнул дверь.

– Принимаешь, хозяйка?

То, что такая шмара не может в воскресный вечер быть одна, Вася не сомневался. Но сразу двух мужиков встретить всё же не ожидал. За столом, застеленном дефицитной блескучей клеёнкой (по-местному, циратой) и уставленной закусками, сидел бухгалтер райпотребсоюза и ещё какой-то человек такой же упитанной

наружности. Похоже было, что и они не ожидали в этот вечер увидеть у Аллы кого-то ещё.

– Иду, значит, мимо, – начал Вася, с приступком ставя на клеёнку портвейн, – а малые дети пристают, за руки хватают: «Дядя, дядя, батьки наши пропали! Мамы все слёзы выплакали, а их всё нема! Скажите, их дома ждут. Нехай идут скорее!..»

Вася опустил на табурет, независимо закинул ногу на ногу и сложил на коленке ладони. Бухгалтер и его приятель переглянулись. Намёк был более чем прозрачный, можно сказать, издевательский. Оба были женаты.

– Нехай подождут, – сказал бухгалтер.

– Не подождут, – твёрдо сказал Вася и кивнул на дверь. – Выйдем.

Конечно, он рисковал. Алле могло его поведение не понравиться. Вася как бы и её упрекал детьми, отцов которых она привечает. И вообще, что это такое – пришёл в чужой дом и командует!.. Но Алла в разговор не вступала. Отставив руку с папиросой в сторону, она время от времени касалась сооружённой по случаю выходного дня прически, подбивая падающие на плечи тяжёлые чёрные локоны. Смутная улыбка бродила по её цыгановатому лицу.

Что Вася сказал за дверью бухгалтеру райпотребсоюза, осталось тайной. Однако тот вернулся в комнату довольно быстро, собрал со стола и рассовал по карманам закуску, затолкал за пазуху недопитую бутылку, а потом хмуро кивнул приятелю:

– Пошли, Петро... Он меня попомнит!

На презрительно улыбающуюся Аллу бухгалтер старался не смотреть.

Однако праздновать победу, как вскоре оказалось, было рано. Не успел Вася под сдержанным Аллиным взглядом расположиться за столом, как в комнату врвалась растрёпанная старуха с маленькой девочкой на руках. Вторую девочку, постарше, она толкала впереди себя.

– Шо ты ро-бишь, Ал-ла?! – закричала она, для большей убедительности скандируя слова. – Чего о детях не ду-ма-ешь?! Я тебе хоть слово сказала, когда ты на Дальний Восток завербовалась? Земля на Володиной могиле ещё не о-се-ла! Сталину кинула на меня – укатила!.. Любасы табунами ходят. От тех хоть помощь – угля на зиму привезут и жома для коровы. А с полиция чего возьмёшь? Где ж твой ро-зум?!

Вся сдержанность с Аллы вмиг слетела.

– Это не ваше дело, мама! – сверкнув глазами, закричала она в ответ. – Вы мне не указывайте, я свободная женщина!

– Знал бы Володечка с кем на фронте свя-зал-ся! В могиле сейчас переворачивается! Сталина, Валя, не любит вас мам-ка!..

Из дальнейшего возбужденного диалога Вася мог понять, первое: отступивший вместе с Красной Армией бывший предрика стал офицером и с войны вернулся домой с женой. Второе: от фронтовых ран он вскоре умер, оставив на руках у жены малолетнюю дочь Сталину. Третье: с Дальнего Востока Алла привезла ещё одну дочь. И четвёртое: «любасы», как свекровь назвала ухажёров невестки, были полезными в хозяйстве людьми.

– Иди сюда, – поманил Вася девочку постарше. Вмешиваться в женский гвалт – дело для мужчины последнее. И достал из кармана кулёк с конфетами-подушечками. – Бери.

Девочка, на которую происходящее на её глазах событие особого впечатления не производило (должно быть, привыкла), – почему-то застеснялась. Однако всё же оторвалась от бабушкиной юбки, схватила кулёк и быстро шмыгнула обратно.

– С сестрой поделись, – назидательно посоветовал Вася. А сам спросил у старухи: – Мамаша, минуту вашего внимания. Вы меня часом не помните?

Разгорячённая руганью старуха отрезала:

– Не помню и помнить не хочу!

– Не помните или не хотите? – уточнил Вася.

– Что мне до тебя! Мне вон внучек на ноги ставить надо, а мать у них...

– Э, давайте культурно, – Вася выставил ладонь в сторону уже набравшей полные лёгкие воздуха Аллы, призывая к спокойствию. – Родные ж люди. То есть почти родные... Вы, мамаша, помните, как румыны хотели корову у вас забрать? Перед самым отступлением. И молодого полицаю прислали. А он не стал корову забирать, вас пожалел – с чего бы вы без коровы жили?... К вам в тот год, как раньше к индусам, отношение было.

Старуха сбавила тон:

– Когда то было... У меня зараз другие заботы.

Вася некоторое время внимательно смотрел на неё.

– Так не помните?

– Не морочь голову! У меня...

– А давайте, чтобы забот у вас было меньше! – махнул Вася рукой, словно смиряясь с человеческой забывчивостью на добрые дела. Он разлил по стопкам портвейн «Три семерки». – Садитесь, мамаша, выпьем за наше второе знакомство. А чего ж!..

Старуха поначалу отказывалась, но Вася всё-таки заставил её сесть за стол.

Выпив, Аллина свекровь оказалась не такой уж и сволочной бабой. Смягчилась к невестке и даже всплакнула, вспоминая, как тяжело ей жилось во время оккупации. Ещё хуже, чем после смерти сына.

Вот только признавать Васю своим благодетелем она никак не хотела, ссылаясь на слабую память.

## 5

В середине пятидесятых станица Солончаковская напоминала Голландию. Но не тюльпанами и не ветряными мельницами. Ветряков здесь никогда не водилось, а тюльпаны, слабость к которым местные хозяйки хотя питали и регулярно высаживали ранней весной под окнами, росли всё же не в таком количестве, чтобы соперничать с Голландией.

Сходство было в другом – в велосипедах. Их в станице почему-то называли веломашинками. Время мопедов и мотоциклов было ещё впереди, не говоря уж о легковых автомобилях, появившихся в частном владении и того позже. Веломашинки в Солончаковской были в те годы основным средством передвижения. Не только для подростков, для которых это было делом престижа, но и для вполне взрослого солидного населения. На веломашинках ездили на работу, в магазины за покупками, на Кубань купаться и просто в гости. Ездили учителя, служащие рай-

онных учреждений, рабочие карьера, труженики славной артели «Лоза» и прочий солончаковский люд.

Даже сам секретарь райкома товарищ Нечипайло, хотя имел персональную «Победу», иной раз по утрам подъезжал к зданию районного комитета партии на веломашине. Как самый обыкновенный человек, он снимал бельевую прищепку с правой штанины, опускал её в карман светлого чесучового пиджака и, пристроив своё средство передвижения среди стоящих у стены веломашин рядовых инструкторов, поднимался по крыльцу райкома. Было ли это данью демократическим порядкам, утверждавшимся в стране в связи с приходом нового генсека Хрущёва, или же таким изначально был менталитет потомков запорожских казаков – неизвестно. Но факт остаётся фактом: по велосипедам на душу населения Солончаковская вряд ли уступала Голландии.

Задумал купить себе веломашину и Вася. Дело не только в традиции, образовавшейся в станице за время его отсутствия. Веломашина значительно сокращала дорогу до карьера. Потому-то в один из майских дней, когда доцветала сирень, а в воздухе ошутимо пахло пылью и близким летом, Вася появился в магазине «Культтовары».

В силу уже упоминавшихся причин магазин был ещё клубом футбольных болельщиков. Не тех, что приходили на стадион от нечего делать на Пасху, а настоящих фанатов, знавших по именам не только игроков «Кубани» или ростовского СКА, но и киевского «Динамо», московского «Спартака» и даже игроков тбилисского «Динамо», фамилии которых, что ни говори, запомнить не так-то просто. В центре внимания находился, как правило, молодой продавец, поклонник краевой команды и брюк в дудочку. Опершись руками на прилавок, он с жаром рассказывал кучкующимся по другую его сторону приятелям о последней игре «Кубани». Когда не хватало слов, продавец, рискуя порвать узкие брюки, перемахивал через прилавок и вдохновенно демонстрировал какой-нибудь поразивший его финт.

– А покажи-ка мне веломашину, – сказал ему Вася. – Но чтобы добрая. А то знаю я вас.

– Кого – вас? Что вы имеете в виду? – надменно выпрямился молодой продавец, прерванный на самом интересном месте своего рассказа.

– Кого надо. Показывай. – Каяться ни перед кем Вася не собирался.

Продавец мотнул подбородком на противоположную стену тесноватого торгового зала, возле которой, прислонённые, стояли несколько новых велосипедов с обмотанными промасленной бумажной лентой рамами. А сам, подчёркивая своё пренебрежение, продолжал рассказ, будто Васи здесь и не было.

Однако тот отходить от прилавка не торопился.

– А то что у тебя? – Вася ткнул пальцем на одну из брошюр. Целый их развал (все – на спортивную тему) виднелся за спиной молодого продавца.

Продавец словно не слышал Васю.

– Покажи.

– То будет вам неинтересно, – вскользь бросил продавец, не прерывая своего рассказа. И подмигнул приятелям: полицаи читать умеет! Книжкой о футбольных правилах интересуются!..

Вася стремительно перегнулся через прилавок, схватил продавца за рубашку на груди и притянул к себе:

– Ну?!

– Отпустите меня! – тонким голосом закричал продавец. – Что вы себе такое позволяете!..

Секунду помедлив, Вася разжал пальцы и спокойно сказал:

– Что ж вы кроме силы ничего не понимаете? Что ж только страх вас людьми делает?.. – На этот раз, похоже, подразумевая не только солончаковских брюнетов, но и многих других жителей станицы. – Совесть должна быть или как? Люди вы или кто?..

Веломашину он в тот день купил. Но самым ценным приобретением для него стала всё же брошюра о футбольных правилах. Её Вася обернул в газету, постоянно носил с собой и читал в свободную минуту.

Он хмыкал, качал головой, удивляясь предусмотрительности этих правил. Порой не мог удержаться и принимался рассуждать об их справедливости. В основном делал это в присутствии отца, в доме которого жил. Дистанция между Васей и большинством остальных солончаковских жителей всё ещё оставалась.

– Слушайте, батьку, – глядя в брошюру, он поднимал вверх указательный палец и монотонным голосом начинал: – Положение «вне игры» или «офсайт» называется свободным ударом в сторону ворот команды, нарушившей правила... – Вася вскидывал на отца глаза. – А разве ж не правильно? Зуб даю. Ты не хитри, делай по-честному! А то можно стоять у чужих ворот, ждать, когда мяч дадут, чтоб на дурнычку забить. Не будь хитрожопым! Ты побегай, обыграй защитника, тогда забивай. То будет справедливо. И кто такие честные правила составил, батьку? Как думаете?.. – И Вася сам себе убеждённо отвечал: – Не наши, нет!

Никифор Купко на всё это пожимал плечами. Разговор обычно происходил в конце дня, после работы, на пороге приземистой саманной хаты, которую Никифор построил ещё в молодости. Положив на колени хомут или какую-нибудь другую часть лошадиной упряжи, он орудовал шилом и толстой цыганской иглой, приводя упряжь в порядок.

– Оно тебе надо? – отзывался наконец Никифор, обрезая острым сапожным ножом дратву.

Вася задумывался и загадочно говорил:

– А что ж всё время делать, как другие скажут?.. Нехай делают, как я скажу.

– Э-э-э... – неопределённо тянул Никифор. Что можно было понимать так: суета и пустое дело. Другому человеку свой ум в голову не вложишь и по совести делать всё равно не заставишь. Жизнь такая.

В колхоз Никифор так и не вступил. Последние годы он работал ездовым в райкоммунхозе. При недостаточности грузового автотранспорта услуги его кобылы пользовались у солончаковских жителей немалым спросом. Нельзя сказать, что Никифор был совсем независим, но его положение многие считали завидным: он мог подрабатывать – кому что подвезти, помочь погрузить. В обход коммунхозовской кассы, понятно. Калымил, как говорили в станице. Никифор своей нынешней жизнью был в общем-то доволен.

– Или смотрим параграф восемь, «игра рукой», – продолжал Вася, не смущаясь прохладным отношением отца. – Если все бьют мяч ногами, какое ж ты, падла, имеешь право рукой себе помогать?.. Получай штраф! А если в штрафной площадке, то одиннадцатиметровый или... – воодушевлённый Вася всматривался в

непривычное иностранное слово, – ага, пенальти. А вот дополнение. Игра рукой бывает умышленной и неумышленной. Это когда мяч сам в руку попадает – тот, к примеру, не хотел, а мяч попал! Тогда штрафной не требуется. Нет, умные, умные правила!.. Дударенков говорит, англичане придумали.

Не отрываясь от дела, Никифор заметил:

– Так-то оно так. А главный тот, кто за правилами следит. Правила ж можно повернуть и туда, и сюда. Как там написано – «умышленно»? А кто скажет, умышленно или нет? Кто определяет?..

Вася несколько секунд не отрывал от отца взгляд. Такой пронизательности, надо сказать, он от него не ожидал. Как и все в Солончаковской, Вася считал, что отец – человек недалекий.

Никифор будто в душу его заглянул. Суд решил, что он пособник оккупантов. А кто посчитался с тем, что это было по молодости? Что жизни другой хотелось – не карьера с силикозом? Что не мог забыть, как задыхалась, синела лицом сестра, а её не хотели брать в больницу, потому что дочь «индуса»? Как Нюся умерла, захлебнувшись собственной кровью?

Судьи...

– Ты, я слышал, женщину себе нашёл? – продолжал между тем отец. – Женись, так лучше. Дети пойдут, будет кого розуму учить. Сам чего не так сделаешь – жинка поругает, тоже хорошо, на пользу. Будешь знать, для чего в карьере робишь. А все эти футболы, правила... Не верь! То не для нас. Брехня!

Никифор с глубоким презрением плюнул за порог, тяжело посмотрел на сына. Но тут же спохватился и глуповато, блаженно, как за многие годы привык, заулыбался.

## 6

Ритмично скользит Васина нога по округлому женскому бедру, мягкая грудь навалилась ему на руку, скрипит под двойной тяжестью веломашина. Это Вася везёт Аллу на Кубань купаться.

Самая пора. Июнь в Солончаковской месяц жаркий, к тому же позади рабочий день, надо смыть с себя каменную пыль карьера.

Сидеть на раме Алле неудобно, стальная узкая трубка режет бедро, но женщина не подаёт вида. Может, по причине самолюбивого характера. А скорее всего, потому, что лето наполнено простором, долгими солнечными днями, запахом цветущих трав и поспевающей черешни. Вся эта благодать заставляет не обращать внимания на мелкие неудобства.

К тому же Алла в Васю влюблена. Лицом урод, это правда, но есть в нём сила, внутренний порядок и крепость – Алла чувствует. На фронте и в «Дальрыбе» она повидала разных мужиков, так что настоящего отличает сразу.

Алла налегает грудью на Васину руку всё больше, в уголках её губ прячется усмешка. Сколько, интересно, Вася продержится?.. Осознавать свою власть над мужиком, в особенности над сильным, любой женщине приятно.

Вася давит на педали, горячо дышит Алле в затылок, но сворачивать в заросли лозняка не торопится. У него собственная гордость. Не фразер, под чужую дудку не плясал и плясать не будет, пусть даже это дудка фатовой бабы. Ноздри

у Васи побелели, зубы стиснуты, но он стойко терпит и везёт Аллу строго на пляж.

Солончаковский пляж – одно название. Это поросший травой берег Кубани, отличающийся от других мест разве что покосившимися дощатыми грибками с облупившейся краской и полуземлянкой спасательной станции. Вася тормозит у самой воды, ссаживает Аллу. Женщина одёргивает крепдешинное платье и ясными глазами, как ни в чём не бывало, осматривается по сторонам.

– Эдик уже хороший, – говорит она и кивает в сторону спасательной станции. А сама скользит взглядом по Васиным брюкам, удовлетворённо улыбается.

Васе эта победительная женская улыбка не нравится, и он, засунув руку в карман, усмиряет плоть. Пренебрежительно цедит:

– Баклан дешёвый. На понтах всю дорогу.

Между тем медбрат Эдик Подгурский того и гляди упадёт с лавочки. К спасательной станции приближаются пацаны, пинающие в траве мяч, просят Эдика что-то объяснить, но тот отмахивается неверной рукой.

– В душу, шелкопёр паршивый, насрал, – неизвестно кому с чувством сообщает он. – Кто видел меня пьяным? Кто?!

Эдик переживает. На днях в районной газете был напечатан фельетон о неудовлетворительной работе спасательной станции. Среди прочего было отмечено, что Эдик злоупотребляет казённым спиртом. Но тяжелее всего Эдик переносит то, что был назван медсестрой. В газете так и написано: «медсестра Подгурский». Для самолюбивого Эдика это кровное оскорбление.

– Кто ж так принимает мяч? – на минуту он забывает о своей муке. Поднимается с лавочки и идёт к пацанам. – Смотри, пенёк... Бей! Изо всей силы бей!..

Эдик валится на траву с намертво принятым мячом, и пацаны на секунду притихают. Медбрат – вратарь сборной станицы, один из лучших солончаковских футболистов. Даже крепкий градус ему не помеха.

– Купаться будешь? – Вася пробует привлечь внимание подруги. Ему не нравится, что Алла так долго смотрит на этого фраера Эдика. – Пошли переодеваться! – Он кивает на недалёкие заросли лозняка. – Ну?..

На этот раз показывает характер Алла.

– Даже не знаю... Чего-то неохота. Посижу пока. – И женщина садится на траву, тщательно оправляя складки крепдешинного подола. Выражение лица у неё самое невинное.

Вася играет желваками и в одиночестве направляется к кустам. Кабинок для переодевания на солончаковском пляже не предусмотрено. Через несколько минут, обо всём позабыв, он уже жизнерадостно гогочет в воде. Вынырнув, резким взмахом головы отбрасывает в сторону мокрые волосы, плывёт на середину Кубани, выскакивая после каждого мощного гребка из воды почти по поясу.

Слепящей чешуёй трепещет река под всё ещё высоким июньским солнцем, в пронзительно синем небе планирует белая чайка с красным клювом, Васино тело омывают тугие прохладные струи – и ему так хорошо, как давно уже не было.

– Свобода!.. – выдыхает Вася, выбираясь в конце концов на берег и скользя по траве мокрыми ногами. По эзовской привычке он присаживается на корточки, поправляет на голени намоченный бинт и от полноты чувств добавляет несколько

крепких слов. – Весь червонец мечтал об этом, мёрзлую землю грыз!.. Свобода, падла! Родина! Всё отдам!..

Алла затягивается беломориной и поощрительно щурится сквозь дым. Васины чувства ей понятны. Действительно, хорошо – лето, мягкий ветерок, белейшие вспененные облака над дальней далью за Кубанью...

– Кто это тебя? – Она касается пальцем шрама на Васином боку.

Тот с досадой дёргает плечом:

– Оставь!..

– Под лопатку метил, в сердце. Как фронтовая медсестра тебе говорю.

Алла из тех женщин, которые свои чувства демонстрировать не привыкли, но Вася тем не менее улавливает в её голосе запоздалую тревогу. И коротко объясняет:

– В лагере тоже правду не любят... Повезло, живой остался.

– Так не нарывайся, – вскользь роняет Алла. – Людей не переделаешь. Себе дороже.

Вася тоже закуривает и сквозь зубы цедит:

– Что ж, человек – скотина, своей гордости иметь не должен? Всю жизнь шестерить и молчать?.. Ни хрена!

Однако говорить об этом с женщиной ему явно не хочется, и Вася поднимается с корточек, заинтересованно смотрит в сторону ближнего грибка.

– Цы-ы-па!.. – тянет он. – Глянь, у советской интеллигенции рабочий день тоже закончился!..

Сказанное относится к выпускнице финансового техникума – той, что на Пасху была с позором изгнана со стадиона. На девушке смелый по станичным понятиям купальник, тёмные очки, а молодые гладкие ноги блестят от крема для загара.

Техникумовская выпускница и на этот раз в сопровождении двух своих поклонников. Без одежды сын директора карьера похож не на стилиста, а на тренированного спортсмена – мускулистая грудь, четко проступающий пресс, крепкая шея. А вот фигура продавца из «Культтоваров» подкачала – хиловата. Зато плавки на продавце самые модные. Не матерчатые, с завязками на боку, как у Васи, а эластичные нейлоновые пронзительного василькового цвета.

– Ты знаешь, кто по национальности Тарзан?

Алла с интересом поднимает к Васе лицо. Фильм про Тарзана, имевший бешеный успех, совсем недавно крутили в солончаковском кинотеатре.

– Ну?

– Заспорили, значит, индеец, американец и еврей, какой национальности Тарзан. Индеец говорит: он индеец, потому что джунгли находятся в Индии. Американец с индийцем не согласный – нет, Тарзан американец. Таким смелым и сильным может быть только американец. «Что вы такое несёте? – говорит еврей. – Тарзан таки наш. Только еврей может достать в джунглях плавки»...

Алла смеётся, но как-то принуждённо, неискренне. Теперь ревнует она. Вася не отрывает глаз от выпускницы финансового техникума. Та спустилась к реке, пробует ногой воду, повизгивает, оглядывается на парней... Мандавошка!

– Что это у тебя? Слышь, Вась? – требует к себе внимания Алла и показывает на пятно на Васином теле.

Вася рассеянно спрашивает:

– Где? – Но глаз от девушки не отрывает.  
 – Вот здесь, смотри! – Алла касается пальцем большого коричневого пятна на Васином локте. – Как ушиб. О, вот ещё один!.. Болит?  
 – Нет.  
 – Давно они у тебя?  
 – Не знаю... – Вася продолжает смотреть на девушку пристальным мужским взглядом.

Алла не теряет надежды привлечь его внимание:  
 – И про ногу твою давно хочу спросить. Почему всё время повязку носишь?  
 – Болячка не заживает. – Вася не отрывает глаз от стилияги. – Ну, цыпа! Перший класс. Станочек!..

Девушка медленно заходит в реку, кокетливо передёргивает плечами, делая вид, что ей холодно, посмеивается волнующим низким голосом... Вася подался вперёд, готовый лезть в воду следом.

Смотреть на всё это у Аллы нет сил. Она решительно захватывает руками подол крест-накрест и быстро сдёргивает крепдышиновое платье через голову. Улучив момент, толкает Васю в Кубань и сама прыгает следом.

Визг, хохот, Вася пытается подружку топить, та отбивается, оба нахлебались мутной кубанской воды... Вася на стилиягу больше не обращает внимания – ему уже не до того.

Переодеваться они удаляются в лозняк вместе. И находятся там довольно долго. К велосипеду возвращаются – Вася усталый, словно вмиг ощутивший всю тяжесть минувшего дня в карьере, Алла наоборот – возбуждённая, радостная.

– Ты чего на неё паялил? – со свойской грубоватостью, как между близкими людьми бывает, спрашивает Алла. Она расчёсывает на ходу свои мокрые, цвета вороньего крыла волосы и кивает в сторону троицы. Те давно уже выбрались из воды, играют ракетками в странную игру, название у которой тоже странное, в Солончаковской не слыханное, – бадминтон.

– Стано-о-чек! – передразнивает Алла. – Как дам сейчас!..  
 – Уже дала, – усмешливо отвечает расслабленный Вася. – Это чтобы ты много о себе не думала

Алла замахивается, хочет стукнуть его по спине. Но натывается на Васин взгляд и опускает руку. Даже шутить с Васей приходится осторожно.

Уже уместившись на раме веломашин, женщина, как бы извиняясь, замечает:  
 – Ты всё-таки сходи в поликлинику. Не нравится мне твои синяки. Ещё эта болячка на ноге... Как медсестра тебе говорю.

– Посмотрим.  
 – Сходи, надо!

Вася не устаивает подругу ответом. Пусть знает своё место. То, что живёт с ним, – не основание держать верх.

Первенство района по футболу пришлось на август. И в этом был свой резон. Позади осталось самое главное дело лета – уборка озимых. А до второй по важности страды в районе, уборки сахарной свёклы, ещё порядком времени. Так что

Дударенков, назначив первенство на первое воскресенье месяца, сориентировался, по общему мнению, правильно.

– Послухай, помощник тебе часом не требуется? – в день перед началом первенства поинтересовался у него сердобольный Миша-безногий. О хуторянах, которым предстояло играть на ярмом солнцепёке, беспокоиться не стоило – здоровые бугаи. А вот Дударенкова было жалко. – А то смотри, есть человек.

Дударенков на всякий случай усмешливо бросил:

– Не ты ли? – Он был чуток к любому намёку на свою болезнь, из-за которой его уволили из армии. Дударенков и сам мог при случае чувствительно уколоть.

– Тут, понимаешь, Индус выучил футбольные правила, – пропустил мимо ушей выпад Миша. – Знает, как таблицу умножения. От зубов отскакивает.

Распродав на базаре свой сладкий товар, инвалид околачивался у «мавзолея», собираясь по обыкновению отметить выходной день и пока не найдя для этого благого дела достойных товарищей.

Озабоченный Дударенков покосился:

– Зачем ему?

– А кто ж его знает!..

По живучей казацкой привычке, многое в станице делалось в самый последний момент. Уже были выдворены со стадиона окрестные козы; уже тихий сумасшедший Коля Черноморец, которого летнее утро застало под ёлкой у «мавзолея», бормоча своё привычное «каустик, карбид, хлорка...», побрёл с брезентовой торбой в поисках пропитания; уже съезжались к стадиону колхозные полуторки, в кузовах которых на кое-как обструганных сиденьях разместились крепкие хуторские хлопцы, – а подходящей кандидатуры хотя бы в боковые судьи у Дударенкова всё ещё не имелось. Как-то он попробовал было привлечь к судейству продавца «Культтоваров», но стилиягу футболисты слушаться не захотели. В помощники приходилось брать первых попавшихся – чаще всего солончаковских десятиклассников.

– А где Индус?

– Где? Та дома!.. – Миша-безногий мотнул подбородком в сторону ожидающих зрелище пацанов: – Пошли кого-нибудь, пусть позовут.

Ничего другого Дударенкову не оставалось. «Сидел, конечно. Бывший полицай к тому же... Но для хуторских бычков сойдёт, – успокоил он себя. – Да и какие права у бокового? Судья в поле всё решает».

Ждать себя Вася не заставил. Появился быстро и, не слезая с велосипеда, хмуро, с некоторым даже вызовом спросил у Дударенкова:

– Чего надо?

И совсем не удивился, когда тот изложил свою просьбу. Похоже, Вася чего-то подобного ожидал.

– Ладно, – отчуждённо сказал он. Отчуждённо потому, что разговаривал с какой-никакой, а властью, любви к которой не питал. К тому же Дударенков стоит перед ним живой и относительно здоровый, а сестра Нюся...

Дударенков им остался доволен. Не жалея себя, Вася мотался по кромке поля, определяя ауты, корнеры и офсайты. С неподкупным лицом показывал направление, в котором следовало выбрасывать мяч. Поднимал флажок, сигнализируя судьё в поле, если видел нарушение правил. А однажды, когда один из хуторских парней, вышедший на игру в брюках и имевший о футболе очень приблизитель-

ное представление, заспорил было с ним, Вася так цыкнул, что тот счёл за благо держаться подальше.

– Ты когда-то судил? – спросил в перерыве между играми Дударенков. Спросил с уважением – Вася того заслуживал.

Вася туманно ответил:

– Все мы судьи...

– Посуди теперь в поле. Я передохну. – Дударенкову и в самом деле требовался отдых. Тем более, что приближалась середина дня, самое пекло.

Между тем стадион постепенно наполнялся зрителями. Если утром это были по преимуществу пацаны, то часам к двенадцати стали появляться взрослые. Не такое уж это событие – первенство между хуторами, – чтобы солидным людям приходиться к началу. Если и суждено было в этот день быть приличному футболу, то разве что ближе к финалу. А пока с лавочек вокруг поля раздавалось насмешливое: «Кто выше бьёт – тот самый лучший!», «Дубовая голова – путь к победе!», а также реплики насчёт плохих танцоров, которые испытывают трудности по известной всем причине.

Надо сказать, солончаковские болельщики имели некоторое право на подобное высказывания. Станичный футбол переживал в те годы свой расцвет. Речь не о школьниках – их матчи были всего лишь пробой пера возможных в будущем кумиров. Именно в ту пору на добрую половину края гремела слава Эдика Подгурского и его товарищей по сборной станицы. У старожилов до сих пор ностальгически туманятся лица, когда они вспоминают о славном времени.

И стадион, и футбол, как уже говорилось, были в станице довольно-таки новым делом. Стадион появился в конце сороковых, а играть на нём стали и того позже – в начале пятидесятых. И не только потому, что бегать прилюдно в трусах считалось в Солончаковской неприличным. О футболе тогда знали в основном теоретически – из репортажей по всесоюзному радио Вадима Синявского. И лишь когда в станицу стали возвращаться парни, призванные в армию в конце войны, всё переменилось.

Хлопцы эти были вроде бы свои, но уже как бы и чужие. Они заматерели, превратились из недокормленных семнадцатилетних пареньков в крепких мужчин с самонадеянными лицами. Эти уволенные в запас сержанты и ефрейторы говорили о Вене или Будапеште так, словно те были не европейскими столицами, а соседними райцентрами. Но главное заключалось не в этом. В занявшей пол-Европы и уже несколько лет бездействующей армии солончаковские парни прирастворились к футболу. И научились играть так, что местные десятиклассники им и в подметки не годились.

Тогда-то в станичном футболе и наступила золотая пора. О ней и рассказывать следует особо.

*Разве забудешь тебя, Ваня Шевчук, когда ты, сложив на груди руки, как античный герой среди простых смертных, возвышался в центре защиты? Какой нападающий мог пройти тебя? Кто мог обыграть? Не было такого нападающего, Ваня! Никто не мог тебя обыграть!.. Противник мчался вперёд, хитроумно финтя и бойко поглядывая по сторонам. Он рвался к воротам, сама удача, казалось, несла его на своих крыльях. Но ты не паниковал и не суетился. Красивый, как греческий бог, ты устремлялся наперерез, улучал момент и с обескураживающей*

*простотой отбирал мяч. Это больше всего и поражало – простота и лёгкость, почти невозможные. Потом ты двигался к центру поля, делал пас своему нападающему или к восторгу зрителей сам проходил в чужую штрафную площадку и мощно бил по воротам. Случалось, штанга, как спичка, ломалась от твоего пушечного удара, а вратари влетали в ворота вместе с мячом.*

*И что с того, что сейчас фотография, на которой ты пострижен под полку, в широких и длинных, как юбка, трусах, кажется смешной. Что, подслеповатый пенсионер, ты торгуешь скудной зеленью со своего огорода у входа на рынок. У тебя, Ваня, была молодость, и в молодости ты был прекрасен! А то, как, единственного в крае, тебя приглашали играть за ростовский СКА и ты отказался, – об этом в Солончаковской будут помнить всегда. Потому что такой шанс выпадает раз в сто лет, и ещё реже от него отказываются. Из-за любви к родной станице. Из нежелания расстаться с ней.*

*Или ты, высокий и гибкий Эдик Подгурский – как большинство вратарей, немало позёр и любимец солончаковских девчат и молодых женщин. В чёрном свитере и кепке, фатовато надвинутой на глаза, ты обычно стоял у штанги, опираясь на неё спиной и перекрестив ногой ногу. Пренебрежительно лужгал семечки, поглядывая на то, что происходит на поле.*

*Ты был хорошим вратарём, хотя играл неровно, по настроению. А может, так и надо, Эдик? В одной игре пропустить лёгкий мяч («Э-э, – с издёвкой скажут болельщики и сплюнут под ноги. – Ему лишь спирт на спасательной станции пить!..») Махнут безнадежно и презрительно рукой и станут прикидывать, кто мог бы подойти на место вратаря в станичной сборной), а в другой раз, находясь в одном углу ворот, метнуться в другой и, вытянувшись в струнку, на мгновение зависнув в воздухе, дотянуться всё же до мяча и упасть с ним, крепко прижатым к груди, на вытоптаный пятак перед воротами. Неимоверно, необъяснимо!.. Потом подняться и, не обращая внимания на непривычные для Солончаковской аплодисменты, небрежно выбить мяч в поле.*

*Может, так и надо в нашей жизни, Эдик? Однообразие томит душу, как его ни назови – надёжностью, стабильностью или просто скукой. Ты постиг душу успеха, временная неудача лишь оттеняет и подчёркивает дар, заставляя увидеть его заново. Ты по наитию ощутил силу, которую таит в себе контраст, и на все сто использовал её.*

*На левом крае нападения блистал несравненный Серёжа Гурджанян. Это был вызов судьбе, вызов быкоподобным защитникам противника. Они видели тце-душиного низкорослого Серёжу, он представлялся им чем-то вроде мыши, и от этого чужие защитники чувствовали себя особенно сильными и значительными. Они неслись на Серёжу, готовые подмять, раздавить, размазать по траве этого недомерка и выскочку.*

*Защитники сталкивались, смотрели друг на друга, непонимающе оглядывались вокруг, но не находили ни мяча, ни Гурджаняна. А тот, вывернувшись, выскользнув, прошимгнув, финтанув, обведя вокруг пальца, кинув, как детей, уже далеко за их спинами мелькал бутсами, бежал к воротам и бил под острым углом, и мяч вопитирку входил под самую перекладину, и трепетала сетка, и печаль и отчаяние проступали на лицах противника ... Это тоже было чудо. Болельщики восторженно цокали языками – слов не было. А защитники смотрели на Серёжу*

с тупым недоумением неповоротливых от своей силы людей, которые никак не могут понять, как это их облапошили.

Однако всё это будет осознано намного позже. Золотой век и его герои получают оценку спустя годы. И то сказать, какой же это герой, если сидит в сапожной будке, чинит поношенные башмаки, как Серёжа Гурджанян. Или работает грузчиком в захудалой артели «Лоза», как Ваня Шевчук. Или любит, как Эдик Подгурский, на шару выпить и вдобавок отягощён тянущимся с детства неблагозвучным прозвищем Мотня?..

Будущие персонажи солончаковского эпоса в тот воскресный день, словно простые смертные, тоже неспешно стягивались к стадиону. В основном попить в приятной компании пива, заодно и понаблюдать за хуторскими. Срывая зубами крышки с «Жигулёвского», они устроились в тени «мавзолея» и с ленцой поглядывали на поле. Издевательских реплик в адрес играющих члены сборной станицы себе не позволяли. Но иронии своей тоже скрывать не собирались.

– Крепкие хлопцы в ногах, – задумчиво говорил рослый атлет Ваня Шевчук, глядя, как какой-нибудь хуторской с бордовым распаренным лицом нёсся напролом от одних ворот к другим и ни за что не хотел никому давать пас.

– Так на парном же ж молоке выросли. Есть у ребят здоровьице, – в тон отвечал Серёжа Гурджанян, сдерживая природную живость. Он делал несколько быстрых глотков из бутылки, хлопал по её гладкой поверхности ладонью – темперамент всё-таки требовал выхода. Но тут же брал себя в руки. – Здоровье-то есть... Этим хлопцам ещё смазки бы в голове побольше...

Русоволосый, смахивающий на Есенина с известной фотографии полузащитник Басистый солидно вставлял, как бы защищая хуторских:

– Чего вы придираетесь?.. Как там, Эдик, говорят – ты ж у нас спец по женскому полу. Нельзя требовать от девушки больше, чем она может дать – так, что ли?..

Все повернули ухмыляющиеся лица к Подгурскому. В команде было принято подначивать его насчёт женщин.

– Можно требовать или нельзя?.. – Басистый подмигивал вратарю, на что-то явно намекая.

Эдик молчал, наблюдая, как кучей бегают по солнцепеку простодушные взорванные парубки. Настроения присутствовавших он не разделял.

– Не хотел бы я быть на их месте, – наконец изрёк Эдик.

Парни грохнули хохотом, некоторые даже захлебнулись пивом. Их принялись дружно колотить по спинам.

– А мы в такую жару хотим!..

– Ну, выдал!..

– Штепсель и Тарапунька!..

Подгурский переждал веселье, с ленцой пояснил:

– Скоро все будем под полицаем ходить.

– Как это? – не поняли футболисты.

– Он игры судить будет. Справляется... – И Эдик с досадой заключил: – Нормально, скажу я вам, справляется!

Парни приумолкли, минуту смотрели на мотающегося по полю Васю. Действительно, заменив Дударенкова, тот судил на удивление хорошо. Сразу и не скажешь, что новичок в этом деле. Разве что свисток раздавался слишком часто

– Вася фиксировал любое нарушение, а делать это с такими футболистами, как хуторские, не стоило. Нехай играют как могут, лишь бы не покалечили друг друга.

– Ну и что – полицай! Правила одни, кто б ни судил.

– Э, не врубаетесь, хлопцы... – Эдик Подгурский, проделав всё это с ленцой и достоинством, вздёрнул подбородок и обвёл товарищей медленным взглядом. – Есть одна маленькая закавыка... Не каждый поймёт.

– Не хочешь, чтобы романешты указывал? Обидно?..

Эдик в раздумье, словно прислушиваясь к голосу в себе, покрутил головой:

– Не то главное, хлопцы, не то... Вы только подумайте, сколько в Индусе за его жизнь накопилось. Подумайте!..

– Какая такая жизнь? Он всего на пару лет нас старше!..

– Нет, хорошего не ждите, – упорствовал Эдик.

– Ладно тебе!..

Подгурский упрямо мотал головой. Высокомерие читалось на его лице, будто Эдик обладал потаённым, недоступным для других знанием.

Парни переглянулись, пожали плечами – чего волну гонит?.. Нашлась гадалка.

Последовавшие вскоре события их успокоили. Судить финальную игру между хуторскими командами вышел сам председатель «Урожая». К тому времени солнце уже заметно поубавило пыл, тень от «мавзолея» вытянулась до середины кое-как выкошенного футбольного поля, а члены сборной допивали третий ящик «Жигулёвского».

Отдохнувший Дударенков судил отлично, не цеплялся, как Вася, к мелочам. Васю он опять поставил боковым судьёй.

Там ему и место, решили футболисты, с иронией поглядывая на Эдика Подгурского. Нашёл кого бояться.

8

После работы Вася с Аллой ездили не только на пляж. Бывали вечера, когда прихватив мешки, они направлялись за травой для коровы. Случалось, Вася у женщины ужинал, нередко оставался ночевать. Так что с какого бока ни посмотри, помогать нужно было.

Просторы вокруг Солончаковской казались необозримыми, нажать мешок-другой травы не проблема. Но так только казалось. Не случайно станица носила свое название – на половине окрестных земель ничего не росло. Другую, сравнительно плодородную, занимали колхозные кукуруза, подсолнечник и сахарная свёкла. Лишь неподалёку от последних хат, в яругах и иных неугодьях оставалось ничем не занятое место. Но там пасся частный скот, выедавший траву под корешок.

– Ночка!.. – Алла хватала Васю за руку, пальцем тыкала в сторону чёрной однорогой коровы. Спешившись с веломашини, они шли в гору мимо вытоптанного пастбища, которое по-местному называлось обучей. Алла рылась в дерматиновой чёрной сумке, с которой ходила на работу, и доставала оставшийся после обеда кусок хлеба. – На, Ночка, на!.. Иди сюда, ешь. Какая здесь трава – горе!.. Ничего, ничего, мы тебе корму принесём хорошего, будешь сыта, красавица моя, молочка нам дашь...

Вася хмыкал. Алле за тридцать, а ведёт себя, как жизнерадостная малолетка. Куда только понты подевались, которыми она встретила его в кладовой в начале их знакомства. Выходит, довольная женщина? Удовлетворённая?.. Хмыкал Вася в общем-то польщённо.

Увидев однорогую корову в первый раз, он спросил:

– Та самая?

Алла сразу не поняла:

– Какая?

Вася не ответил. Пристально смотрел на печальную морду, на полувывлезшую чёрную шерсть на коровьих боках, на разбитые и загнутые, как носки восточных башмаков, копыта... Наверно, та. Из-за неё попал в каталажку, потом на Колыму. Все эти годы корова жила своей глупой жизнью здесь, он – там. Вася стоял и не знал, то ли ударить её, то ли в недоумении покачать головой, удивляясь жёстким вывертам судьбы.

– Закурить будет? – спросил заросший щетиной мужик с палкой в руке. – А то скоро завою, как волк.

Вася достал пачку «Спорта» и сдержанно поинтересовался:

– Уши пухнут?

– Не, тоска! – с готовностью отозвался пастух. – Побазарить не с кем. Всё один и один. Не станешь же с коровами, правильно?

Алла, скормив Ночке хлеб и оглаживая ладонью её чёрную жилистую шею, удивилась:

– А по мне, так хорошо! Спокойно, тихо – не то что в карьере. У нас каждый час камень рвут – какая уж тишина! Ещё прибить сверху может, пыль до неба...

– Сразу, конечно, хорошо. А потом – тоска.

– Зато на чистом воздухе!..

Пастух не стал спорить с женщиной, перевёл глаза на Васю.

– Купко? Ты, что ли?.. – сказал он, всматриваясь.

Вася молчал. Он тоже узнал Сауляка. Сделал шаг в сторону, рывком толкнул веломашину и, не оглядываясь, зашагал в гору. Запыхавшаяся Алла догнала его не сразу.

– Кто это?

– Да так один... – ответил, прошагав метров десять, Вася.

– Что-то к нему имеешь?

Вася передёрнул плечами:

– Чего мне иметь... Вместе в полициях служили.

Расспрашивать больше Алла не стала. Лишь время от времени внимательно поглядывала сбоку. Она знала, общая беда может не только сблизить, но и отталкивать людей друг от друга. Отталкивает чаще.

Но самое неприятное ждало в этот день Васю впереди. В дальней яруге, где можно было нажать травы (скот сюда не пускали, слишком крутые склоны), они натолкнулись на Колю Черноморца. Солончаковский сумасшедший, разложив почти невидимый в дневном свете огонь, что-то варил в казанке.

– Кукурузу, – догадалась Алла, поглядывая в его сторону. – Поле рядом, там кочанов и наломал... Хорошо, объездчик не видит.

Вася тоже посмотрел в сторону прозрачно дымящего костерка.

– Кто ему что скажет...

– Люди разные. На «Дальрыбе» у нас мастер был, собака собакой. Я, например, руку порезала – ножи у разделщиц острючие! – а он специально на засолку ставит. Ну не сволочь?! Смотри, какие у меня теперь руки.

– И где тот мастер?

– Где... В чану с иваси нашли.

– Вот видишь...

Они оставили велосипед у обочины, трягнули мешки, из которых вывалились серпы. Осторожно спускаясь по склону, принялись жать жёсткую августовскую траву.

– А он чего такой? – спросил Вася, имея в виду Колю Черноморца. – До моей отсидки нормальный вроде был.

– Говорят, на фронте. Контузило, что ли, землёй засыпало – точно не знаю... Они редко кто в своём уме остаётся. К нам таких в госпиталь тоже привозили.

– Отходили?

– Кто как. Самые опасные тихие. С буйными всё понятно, тех сразу видно, их в дурдом отправляли. А тихий вроде нормально, нормально, а потом что-нибудь выкинет. – Алла перестала набивать мешок травой и серьёзно посмотрела на Васю.

– Ты с ним осторожно.

– Я? Почему?

– Мало ли что.

Вася про себя опять усмехнулся. Забота женщины была приятна. Хотя с какой стати ему опасаться убогого Колю Черноморца? Что он ему сделал?..

В изменной части яруги протекал ручеек. Его течение было обозначено густо зелёной осокой – сочной с виду, но жёсткой и для коров несъедобной. Постепенно Алла и Вася спустились к кромке осоки и, оставив туго набитые мешки, сели передохнуть. Здесь было прохладней, чем на солнечном склоне, воздух пахнул влажной землёй и стоялой водой.

– Попить бы. – Не посидев и минуты, Алла резво вскочила, сунулась в осоку. Она, видимо, никак не могла выйти из определённой себе роли молодой восторженной девушки. – Ай, надо же! Вляпалась! Болото, мать его за ногу!.. – Отряхивая от липкой грязи босоножки и вытирая подошвы о траву, она, хохоча, быстро вернулась обратно. Приложив козырьком ладонь, посмотрела в сторону костра. – Ты глянь, Вась. Сумасшедший-то хитрый, у родника устроился, возле воды!.. Пошли попьём?

Вася кивнул. Ему тоже давно хотелось пить. Переговариваясь (говорила в основном Алла), они неторопливо двинулись к роднику, всё явственней ощущая запах дыма. Коля Черноморец, несмотря на лето одетый в брезентовый плащ, бородатый, с сосульками давно не мытых волос, не обращал на них никакого внимания. Озабоченно бормоча своё постоянное «каустик, карбид, хлорка...», он сидел перед костром и подкладывал наломанные, видимо, в лесополосе сухие сучья.

– Много тебе дров понадобится, Коля! – ласково, будто говорила с маленьким, сказала Алла, когда они подошли к роднику. – Кукурузу долго варить надо!..

Сумасшедший, перестав бормотать, пристально посмотрел на неё. Не отрывая глаз, следил, как женщина, присев на корточки, зачерпнула обеими ладонями воду

из выбитой родником ямки и с удовольствием сделала несколько глотков. Напившись и вытерев губы, Алла уступила место Васе.

– Вкусная вода. Соли совсем не чувствуется!.. Ближе бы к станице такой родник – очередь стояла бы!..

Коля медленно перевёл бессмысленный взгляд на Васю, стал молча смотреть, как тот, опустившись на колени, припал уродливыми толстыми губами к воде. Сумасшедший пристально смотрел и не чувствовал, что огонь лижет его замершую руку, подкладывающую хворост. По-прежнему не отнимая руку, он перевел ставший недоуменным взгляд на женщину, потом опять на Васю и вдруг закричал:

– Ты!.. Ты!..

Алла испуганно замерла, Вася, оторвавшись от воды, выпрямился.

– Здоровый, здоровый!.. Меня под Яссами, а ты здоровый!.. – Коля наконец отдернул обожжённую руку и дрожал то ли от боли, то ли от ярости. Тряслись его длинные грязные патлы, глаза стали осмысленными. – Отсиделся, живой! Ты с женщиной, человек, а я!.. Отсиделся!..

Он стремительно вскочил на ноги, схватил увесистый сук и бросился на Васю. Но тут же, колыхнув брезентовым плащом, резко остановился, качнулся и, закатывая белки, с горловым клёкотом стал заваливаться на бок.

Алла бросилась к нему, грубо, сноровисто ухватившись, оттащила от костра. Коля Черноморец лежал на спине, бился, напряжённо выгибался всем телом. На губах выступила жёлтая пена. Алла отступила, деловито оглянулась на Васю:

– Ничего страшного, эпилептический припадок. Пройдёт.

Она подождала, пока сумасшедший затихнет. Склонившись, обеими руками надавила где-то за челюстями, и Коля перестал хрипеть. Алла повернула его на бок.

– Теперь не задохнётся. Пошли.

Вася не двинулся с места.

– Вась, ну? – оглянулась женщина.

Вася молчал.

– Тебе бы так отсидеться, – наконец сказал он, глядя на неподвижного сумасшедшего. И тяжело зашагал к мешкам с травой.

Творцы солончаковского эпоса были людьми субъективными. Если для своих футболистов они находили возвышенные слова, всячески превознося и восторгаясь ими, то о сопернике упоминали вскользь и не слишком уважительно. Как бы ни играл соперник, какие бы чудеса на поле ни творил, он всё равно оставался врагом. И врагом тем большим, чем лучше играл. Таково уж было свойство солончаковского патриотизма.

Первыми чужой команде демонстрировали своё отношение пацаны. Они собирались вокруг «полуторки» или ЗИСа, на которых обычно приезжали футболисты другой станицы, и, ехидно прищурившись, смотрели, как из кузовов прыгивали пропылённые незнакомые люди.

– Ты глянь, орангутанг! – начинал кто-нибудь из них и показывал пальцем на сутулого длиннорукого парня, по всей видимости, вратаря. Мальчишка засовывал

язык под нижнюю губу, оттопыривал пальцами уши и принимался топтаться на полусогнутых ногах. – Орангутанг! Орангутанг! Из учебника зоологии сбежал!..

Через секунду, кривляясь и гримасничая, вокруг чужаков уже топтались все остальные мальчишки.

Прибывшие футболисты старались не обращать внимания на недружественное поведение – пацаны, что с них возьмешь. Оглядевшись по сторонам и задержав взгляд на непривычном для постороннего глаза «мавзолее» с ёлочками, они снимали рубашки, брюки и принимались переодеваться в футбольную форму. Но мальчишки не унимались.

– А эти штаны я в уценённом магазине видел! – громко заявлял кто-нибудь из них. – Рубль двадцать стоят. Я своему Бобику купил.

– Ну и как? Носит? – пытался перевести всё в шутку обладатель незавидных хлопчатых брюк. Опустившись на траву возле машины, он, как и товарищи, шнуровал казённые бутсы и с примирительной улыбкой поглядывал на пацанов.

– Не, порвал. Говорит, дешёвку не ношу.

– Так ты ему дорогие купи.

– Это ты себе купи, фраер!..

Чужим футболистам наконец подобное надоедало:

– Шуруйте отсюда, говнюки!..

Пацаны отскакивали на безопасное расстояние.

– Трупы! Всё равно продуете!..

Неприязнь к приезжим была такой, что стащить что-нибудь из их одежды не считалось среди солончаковских мальчишек зазорным. Более того, это было до блельстью.

Болельщики постарше до подобного не опускались. Но и они освистывали едва ли не каждый пас чужой команды. А уж популярное в те годы словечко «трупы» звучало ежеминутно и вне зависимости от того, забивали ли команде соперников гол или же она сама забивала. И горе тем, кто выигрывал у солончаковской сборной! Хотя случалось это чрезвычайно редко, обидчики долго помнили поспешность, с какой им приходилось убираться из станицы и град камней вслед «полуторке».

Знал ли обо всём этом Вася, когда согласился судить тот скандальный матч? В общем-то, да. Время изучить нравы станичных болельщиков у него было. Впрочем, эти нравы мало отличались от того, что ему было известно о жизни вообще. Более того, Вася, как показали дальнейшие события, по-своему подготовился... А согласился он судить игру со сборной чужой станицы потому, что Дударенков накануне матча попал в больницу – рецидив туберкулёза. Между тем игра уже была назначена.

На этот раз соперники приехали не на какой-нибудь задрипанной «полуторке» или даже ЗИСе, а в автобусе – роскошь по тем временам редкая. На задиристых солончаковских пацанов это обстоятельство особого впечатления не произвело, разве что добавило неприязни – паны нашлись!.. Однако знающих людей комфортабельный транспорт заставил со значением покивать головами. Слухи о том, что футбол у соседей пользуется покровительством первого секретаря райкома, подтверждались.

Подтверждением было и то, что форма на парнях оказалась новенькой, будто

только что из магазина. Под стать были без единой задиры на носках бутсы и нерастянутые, плотно облегающие голени полосатые гетры. Зависть вызывал ниппельный мяч, который можно было надувать велосипедным насосом до звона. У солончаковских же футболистов мяч был обычный, со шнуровкой, состоящий из кожаной крышки и дынеобразной резиновой чёрной камеры, в трубчатый отросток которой приходилось что есть мочи дуть – дующему при этом крепко сдавливали ладонями виски, иначе, по распространённому мнению, могли лопнуть перепонки в ушах...

О многом говорило и то, что приехавшие не заискивали и не старались понравиться. Пацанов они сразу от автобуса шуганули. Не обращая внимания на реплики, деловито топали бутсами в землю, поудобней устраивая в них ноги, перешучивались, а главное – далеко от автобуса не отходили, держались все вместе. Видно, были учёные. Слабакам опасаться за себя не приходится.

– Всё равно накажем фраеров, – то ли спрашивал, то ли утверждал похожий на Есенина русокудрый полузащитник Басистый. Хотя в звёздах станичного футбола он не числился и в солончаковском эпосе упоминался как герой достойный, но всё же второстепенный, Басистый тем не менее обладал одним примечательным качеством. Он вслух говорил то, о чём другие только думали. Его нынешняя фраза предназначалась вроде бы для товарищей по сборной. Но в то же время Басистый косил глазом на Васю, словно выведывал его отношение к соперникам. Всем известно, от судьбы многое зависит.

Солончаковские футболисты тоже уже успели переодеться. Они ждали момента, когда нужно будет выходить на поле, – разминаться перед игрой в станице не было принято. Однако Вася словно и не слышал произнесённых слов. Его шишковатое большое лицо, чем-то смахивающее на львиное, было непроницаемо. Вася посматривал то на часы, то на команду соседей. Те уже были на поле и, разогревая, готова к работе мышца, по очереди разбегались, со сдержанной силой били по воротам.

– Мы этим трупам рога посшибаем, клянусь! – заводил себя Басистый и уже смотрел на Васю требовательным взглядом. – Как считаешь, судья? Накажем?

Рослый и широкогрудый Ваня Шевчук хмыкал, не одобряя поведения товарища, – в таком поведении чувствовалась неуверенность, которой никак не должно быть перед игрой. Эдик Подгурский натягивал на руки вратарские перчатки и непонятно улыбался. Серёжа Гурджанян подпрыгивал на месте, пытаясь унять мандраж, всякий раз охватывавший его в такие моменты. А судья всё молчал. И лишь дав свисток командам строиться в центре поля, Вася повернул к Басистому суровое лицо:

– Ты меня на понты не бери!.. Мяч круглый, поле ровное – посмотрим!

О хитроумных бразильских схемах, о персональной опеке и искусственных коридорах для кинжальных проходов к чужим воротам, понятное дело, в Солончаковской в ту пору не знали. Эти времена были ещё впереди, и даже не для станичной сборной, а для тех, что рангом много выше. Здесь играли просто и незамысловато, полагаясь на свою выносливость, умение быстро бегать и несколько финтов, которым парни выучились за время службы в армии.

Зато выкладываться было принято полностью, до упора. И игра в очередной раз это продемонстрировала. Все десять полевых солончаковских футболистов от-

давали ей всё, на что были способны. И даже больше, как вообще всё в те послевоенные годы делалось. Так же бескомпромиссно были настроены соседи. И если бы не слишком серьёзное отношение к матчу, который был, в общем-то, ничего не значащей забавой, от игры можно было бы получать удовольствие. Действительно, здорово – простор изумрудного поля, россыпь ярких футболок, звенящие силой молодые тела... Счастье и праздник жизни.

Первым стал нагнать русокудрый Басистый. К тому времени уже отыграли добрую половину первого тайма. Было ясно, соперник сильный, но тягаться с ним можно. Солончаковцы забыли про небрежность, с которой обычно начинали игру, тешась красивыми, «на публику», пасами и демонстрируя своё презрение к противнику. А когда однажды потеряли мяч (слишком легко, фраерски, защитник отпасовал его Эдику Подгурскому) и кто-то из соперников, словно только и дожидаясь такой оплошности, выскочил из-за спин, перехватил мяч и едва не всадил его под перекладину, – поняли, надо играть всерьёз. Солончаковцы подобрались, заиграли строго в защите и напористо в нападении. Несколько раз казалось, мячу некуда деваться, кроме как победно затрепетать в сетке.

Однако он туда упорно не шёл.

Уже хитроумный Серёжа Гурджанян, уложив ложными замахами на траву защитников, бил в упор по воротам. Уже Ваня Шевчук мощным ударом издали посылал «в девятку» загудевший, словно ядро, мяч. Уже другие герои солончаковской футбольной саги превосходили самих себя в стремлении отличиться. А всё ничего не выходило.

То непреодолимым препятствием на пути мяча возникал необыкновенно, прямо-таки по-обезьяньи шустрый вратарь. То в последнее мгновение кто-нибудь из защитников выносил мяч грудью из пустых ворот. То от неминуемого гола соперников спасала штанга.

Был ли таковым замысел – позволить этот навал на свои ворота, чтобы усыпить бдительность, а затем поймать солончаковцев на контратаке – бог весть. Для подобных действий надо обладать немалой тактической изощренностью, в чём, как уже говорилось, ни команду Вани Шевчука, ни их соперников подозревать нет оснований. Но как бы там ни было, первым мяч побывал всё-таки в воротах сборной Солончаковской.

Произошло всё быстро и нелепо. После очередной неудавшейся попытки Серёжи Гурджаняна забить гол чужой вратарь послал мяч далеко в поле. Ему надо было хотя бы на минуту дать покой себе и защитникам. Первым к мячу подоспел быстроногий нападающий. Он погнался к воротам Эдика Подгурского и, услышав за спиной настигающий топот Вани Шевчука, этого Ивана Грозного солончаковской защиты, изо всех сил ударил понизу, в дальний от Эдика угол. Мяч был тяжёлый, из разряда неберущихся. Но Эдик не дернулся даже не по этой причине. Как и вся солончаковская команда, он не был готов к такому повороту событий. Гол назревал, но, казалось, в чужие ворота...

Басистый стал играть «в кость» ещё тогда, когда никак не удавалось забить. А уж когда пришлось начать игру с центра поля, он и вовсе перестал скрывать свой нрав. Солончаковский полузащитник принялся вполне откровенно бить по ногам.

– Борзеешь? – спросил Вася, свистком остановив игру.

– Пшёл, романешты!.. – запальчиво сказал ему на это Басистый.

Вася секунду помедлил, потом достал из заднего кармана просторных брюк жёлтую карточку и торжественно поднял её над головой. Чем поначалу вызвал замешательство – о таком футбольном наказании в Солончаковской знали только понаслышке.

– Ещё раз замечу, выгоню с поля! – сурово предупредил Вася. – Я тебя научу правила уважать!..

Что заставило Басистого на этот раз промолчать, неизвестно. Может, уверенный Васин вид, может, недоброжелательные, мягко говоря, взгляды, которые на него бросали соперники, обступившие своего присевшего от боли на траву товарища. Бормоча под нос невразумительные угрозы, Басистый потрусил от места инцидента. Всем, кто этого ещё не понял, стало ясно – с судьёй, каким оказался Вася Индус, надо держать ухо востро. Серьёзный мужик.

Солончаковцы гол всё-таки забили. Случилось это уже во втором тайме игры, подобной которой в станице давно не видели. Героем стал неугомонный Серёжа Гурджанян. Правда, на этот раз ни красотой, ни изяществом его гол не отличался – Серёжа затолкал мяч в бестолковой сутолоке у ворот, – но гол был забит. И он был важен не только как месть за перенесённое недавно унижение. Нависший было над командой позор проигрыша рассеялся. Уже можно было подумать о победе. Для чего требовалось забить хотя бы ещё один мяч.

Легко сказать! Соперники совсем не собирались уступать. Как оказалось, у этих малоприметных на первый взгляд парней тоже были самолюбие и воля. Наверно, их имена произносились в родной станице с таким же уважением и даже пietetом, как в Солончаковской имена Вани Шевчука, Серёжи Гурджаняна и Эдика Подгурского. Быть может, и там складывались свои былины, где земляки-герои не знали поражений. После пропущенного мяча чужаки всей командой навалились на ворота Эдика. Солончаковским парням стоило больших усилий сдерживать их. В этом старании один из защитников и сыграл в своей штрафной площадке рукой. Ничего другого ему не оставалось – мяч летел в ворота, неосмотрительно оставленные Эдиком, бросившимся на перехват...

Вася ни секунды не колебался. Резко прозвучал свисток. Вася показывал на одиннадцатиметровую отметку.

– Ты чего, придурок?! – выкатив побелевшие глаза, на него шёл Басистый. Штрафной в свои ворота понравиться никому не может, к тому же Басистый не забыл жёлтой карточки. По своему обыкновению он высказал то, о чем другие только думали: – По такой игре мы не отыграемся, романешты долбанный!.. – И с силой толкнул Васю в грудь.

Вася достал из заднего кармана брюк красную карточку и высоко поднял её:

– С поля!

– Да я тебя в гробу видел! – взъярился Басистый. Он быстро оглянулся на остальных солончаковских футболистов: – Хлопцы, чего мы этого полиция терпим? Кто он такой?!

От ворот ему на помощь, туже натягивая на кулаки перчатки и не отрывая от Васи взгляда, уже спешил Эдик Подгурский. Другие солончаковские футболисты обступали Васю, тесня и толкая. Попытки благоразумного Вани Шевчука (он был капитаном команды) оттащить Басистого от судьи результата не давали. На поле уже высыпали болельщики с весёлыми злыми лицами.

– Назад, гады! – рявкнул Вася. Отступая, он от зажигалки быстро поджёт и угрожающе поднял над головой непонятный предмет. – Я вас, гады, научу правду любить!..

Его слова никого не остановили. Тогда Вася швырнул предмет под ноги набегавшим. Полыхнуло пламя, над полем мгновенно выросло кудрявое деревцо взрыва. Толпа отшатнулась. Кто-то закричал тонким заячьим голосом. Вася, сунув руку в карман, опять держал её занесённой:

– Подходи, кому жить надоело!.. Кого на понты берёте, бакланы дешёвые?! Я вас заставлю правду уважать!

Понимая, что игре конец, чужая команда стала отходить к автобусу. Держались парни близко друг к другу, плечо к плечу.

– Садись с нами, подвезём домой, – кинули они Васе.

Вася волком глянул в их сторону:

– Не продаюсь!..

Он с презрением повернулся спиной к солончаковским футболистам и болельщикам. Вразвалку зашагал к выходу со стадиона, ни разу по дороге не обернувшись.

Ему ругались вслед, но преследовать так никто и не решился.

## 10

Конечно, потом пришлось отвечать. Васю таскали в милицию, выясняли, как у него оказалась взрывчатка. Вася говорил, что нашёл в карьере. «Как это нашёл? – картинно поражался следователь. – Я, к примеру, ни разу в жизни не находил!.. Ты что, по зоне скучаешь, опять на Колыму захотел? Говори, где взял!». Вася твёрдо стоял на своём: тротил нашёл в старых выработках. Наверно, взрывники забыли.

По-настоящему судить его не стали, ограничились пятнадцатью сутками за хулиганство. Скорее всего, потому, что никто от взрыва серьёзно не пострадал. С работы, однако, уволили по статье – хищение взрывчатки было налицо. Само собой, Дударенкову приказали до футбольного судейства Васю больше не допускать.

На какое-то время он присмирел. Не потому, что боялся мести солончаковских обитателей, хотя и это могло быть. По опыту Вася знал, жизнь одной подлянкой не ограничивается. Обязательно жди ещё одну, до пары – это самое меньшее. Но особых неприятностей пока не было, и нужно было подумать о работе – не на отцовой же шее сидеть.

– Есть одно место, – сказал Никифор Купко, когда Вася безрезультатно обошёл все солончаковские конторы. Его даже в колхоз не захотели брать. Мало того, что бывший зек, так ещё тридцать третья статья. – У нас в коммунхозе есть место. Мне обещали. Не знаю, чи пойдёшь... – Отец поскреб в голове мозолистой, плохо гнущейся пятернёй с выпуклыми жёлтыми ногтями.

Вася посмотрел на него:

– Что за работа?

– Стариковская. Платят мало. Хотя если с умом...

Отец был доволен. То ли тем, что к концу жизни почувствовал себя наконец-то уважаемым человеком и в состоянии даже помочь. То ли потому, что вышло так,

как он предупреждал – людей доброму не научишь. К Васиному временному вышению он с самого начала относился недоверчиво.

– Сторожем, что ли?

– Вроде того. На кладбище.

Вася хмыкнул:

– Чего ж там сторожить? Чтобы мертвяки не разбежались?..

– А тебе что? Положено. И копейку заработать можно – могилу выкопать, ещё чего... Не все сами могут.

Отец немного помолчал.

– Ты, Василь, вот чего... Я одеколон купил, в шуфляде стоит. Бери.

Вася поднял непонимающие глаза.

– Смердит от тебя. Я со скотиной всю жизнь и то чую... Или в баню сходи.

– То не ваше дело, батьку! – Налившись от стыда кровью, Вася свёл бугристые брови к переносице. – Моюсь я.

– Чего ж тогда?... В одной хате живём.

Вася промолчал. Он и сам чувствовал тяжёлый запах, который стал исходить от незаживающих болячек на ноге. Надо было бы пойти в больницу, но «лепилам» он отвык верить ещё на Колыме. Хотя пойти, видно, всё-таки придётся, раз уж другие замечают. Неприятно.

Насчёт работы выбирать не приходилось. Через день он уже подновлял глинобитную сторожку, где хранился немудрёный кладбищенский инструмент. По-немногу привыкал к тишине после суеты и грохота карьера. Выкосил траву на могилах матери и умершей от туберкулёза сестры Нюси. О чём-то упорно думал, неторопливо обходя свои новые владения и поглядывая на вытесанные из камня кресты и пирамидки со звёздочками.

Заканчивался сентябрь. Темнел и опадал лист с вишенника, которым было затянута всё кладбище. По недалёкой дороге тянулись колхозные подводы с первой сахарной свёклой. Дни стояли чистые, солнечные, по утрам уже холодные. В один из таких дней к сторожке, нещадно дымя, подъехала новенькая инвалидная машина, чем-то смахивающая на степенного жука. На дерматиновом сидении восседал Миша-безногий.

– Лимузин, га? – гордо бросил он выглянувшему из-за хлипких дверей приятелю. И с удовольствием хлопнул ладонями по рулю, очень похожему на руль веломашин. – В райсобесе выделили. Теперь я кум королю, куда хочу, туда еду – не то что на тележке!.. Обмоем?

Вася усмехнулся:

– Ты ж за рулем.

– А кто увидит?... Милиция здесь не бывает. В случае чего – просплюсь, всё чин чинарем!..

Когда они приняли по второй, из-за вишенника показался бедно одетый паренёк с лопатой. Глаза у него были быстрые, испуганные. Остановившись шагах в пяти, паренёк пробормотал невнятным голосом:

– Тётя умерли... Могилу трэба копать...

От неловкости и волнения он так стискивал черенок лопаты, что побелели суставы.

– Ты чей, хлопец? – поинтересовался Миша-безногий. Не дожидаясь ответа, повернул к Васе раскрасневшееся от самогонки лицо. – Вот такой и я был, когда мне ноги оторвало! Шестнадцать лет, девок за титьки ещё не мацал!.. Нашей, советской бомбой оторвало! В подлых захватчиков лётчик целил, а подвернулся я! Где справедливость, скажи мне?!

– Спроси чего полегче, – сухо ответил Вася. Историей о своей инвалидности Миша в Солончаковской всем уже надоел. – Справка из загса есть?

Паренёк протянул сложенную вчетверо бумажку.

– Прокопенко, – прочитал Вася. – Тех Прокопенков, что в яруге живут?

– Да.

Это была одна из самых бедных в станице семей. Вроде не лентяи, с самого детства работали, кто в артели «Лоза», кто в колхозе, но выбиться из нищеты не могли. Семья была многодетной, а тут ещё беда – отец, главный работник, утонул во время половодья в Кубани.

– Пошли, – кивнул Вася.

Когда он вернулся к сторожке, Миша-безногий, успевший ещё раз приложиться к бутылке и оттого раскрасневшийся ещё больше, хитро погрозил пальцем:

– Возле акаций место дал?

– Ну.

– Хорошее место – песок, сухо!.. А кому возле болота дашь? Кто сгниет в момент и косточки от него не останется, га?

Смутить Васю было трудно, но на этот раз, похоже, удалось. Он посмотрел на Мишу-безногого злыми глазами:

– Закройся! И никому ни слова!..

Приятель не унимался:

– Ну, ты хитрющий! Ты как господь бог хочешь. Чтобы после смерти получали кто чего заслужил. Хороший человек – песок тебе, сухо, могильный червь не грызет. Плохой – в грязь, в багно, к червям на расправу!..

Миша-безногий крутил головой и смотрел на Васю с восхищением. Это детское восхищение, скорее всего, и смягчило Васю.

– Хорош об этом.

– А мне где участок выделишь?... Ты смотри, добрый дай! Ты мне друг или портянка?..

Вася молчал. Было в его лице что-то горделиво замкнутое.

Вторую подлянку жизнь всё-таки подкинула. Случилось это, когда Вася помогал копать на огороде свёклу.

Аллина свекровь убирать её не торопилась – по местному обычаю, свёклу оставляли в земле до заморозков. Считалось, так она наберёт больше сахара, который и самогонке дополнительный градус даст, и для коровы питательней. Рядом крутились Аллины дочери, и Вася решил девчонок побаловать. Он разложил на меже костёр, а когда тот прогорел, закопал в угли несколько небольших – чтобы скорее пропеклись – свеколин. Он выворачивал вилами комья земли с литыми белыми корнями, а сам лукаво поглядывал на девчонок – печёная свёкла должна была им понравиться.

– Ох, поясница моя, поясница!.. – Алла, прямо из-под вил подхватывавшая за ботву корни и оббивавшая их один о другой, с трудом выпрямилась. Она бросила обе свёклы на кучу посреди участка. – Тяжело мне, мама, ваша Ночка даётся!..

– Чего ж моя? Ваша! – отозвалась свекровь. Подложив под себя телогрейку и обмотав голову тёплым клетчатым платком, она сидела возле кучи и большим тяжёлым ножом отсекала ботву. – Вот они, главные едоки. – Старуха кивнула на внушек, бросавших на угли костра веточки засохшего бурьяна.

Она давно смирилась с тем, что Вася в их доме на правах члена семьи. Тем более, что польза от него имелась. Свекровь даже несколько раз намекала, что неплохо было бы зарегистрироваться, чтобы всё как у людей.

– Сядь передохни, – распорядился Вася, а сам направился к девчонкам. Свёкла, по его расчётам, должна уже была испечься.

– Подожди, я сама, – торопливо опередила его Алла. Она растолкала резиновым сапогом угли и выкатила на землю почерневшие свеколины.

Вася, непонимающе взглянув на неё, достал выкидной нож с наборной рукояткой, который привёз с Колымы и постоянно носил с собой. Он собирался проверить, насколько хорошо пропеклись корни.

– Я сама, – опять быстро сказала Алла, стараясь встать так, чтобы оказаться между Васей и дочерьми.

Вася давно заметил эту странность в поведении подруги. Она словно защищала их от него. Алла забирала у девочек конфеты, которые Вася покупал им после полочки, и куда-то уносила. Определила дочерям отдельную посуду, которой никто не имел права пользоваться. Даже полотенце у них было своё – роскошь, в Солончаковской невиданная. Обычно вся семья вытиралась одним полотенцем.

– Не понял, – напряжённо сказал Вася.

Алла перекачивала по земле горячую свёклу и не поднимала головы.

– Есть разговор, – наконец сказала она необычным голосом.

Разговор состоялся, когда выкопали всю свёклу. Алла молча накрыла на стол, однако звать свекровь, как полагалось бы в честь окончания работы, не стала. Она налила полный стакан самогона и пододвинула к Васе:

– Пей!

– А ты?

– Мне не катит. – За столом опять сидела та Алла, которую Вася видел в кладовой со спецодеждой. Женщина закурила и независимо выдохнула дым длинной струей.

Вася дёрнул желваками и, не отводя от подруги потяжелевшего взгляда, выпил стакан до дна.

– Ну? – сказал он. Понты так понты, не привыкать. Хотя, конечно, после всего, что между ними было, странно.

– Ты человек особый, – западая смуглыми щеками, Алла глубоко затянулась. – Судьба у тебя тоже особая. Тяжёлая судьба. Возле тебя опасно.

– Хорош тюльку гнать. О чём базар?

– Большой ты! – не выдержав тона, истерично закричала Алла. – В больницу ходил? Нет?.. А я ходила! Нельзя с тобой жить! Всех нас позаражаешь!

Вася помолчал.

– Сифон, что ли?

– Если бы!.. Лепрозории для сифилитиков не открывают! Посмотри на своё лицо! У кого ещё здесь такое?! Дура, как сама не догадалась!

Вася поднялся.

– Знала и молчала, выходит? Дешёвка! Боялась, пахать на тебя перестану?..

Жизнь опять поворачивалась к нему своей сволочной стороной, дав лишь немного времени на передышку. И он решил женщину не щадить. Всем так всем, пусть даже он неправ в своих подозрениях. Хотя так ли уж неправ?..

– Раздевайся. Всё, говорю, снимай!.. Пикнешь – пришью.

Он овладел Аллой, по-зэковски приставив к её боку нож с наборной рукояткой. Женщина отворачивала лицо, но он нашёл её губы, с мстительной силой, до крови из дёсен целовал. Наконец Алла обмякла, тихо сказала:

– Всё равно с тобой нельзя. Ты несчастье притягиваешь. Это в последний раз. Можешь сразу убить.

– Чёрт с вами, – ответил на это запалённым голосом Вася. – Живите, как хотите! Мне на вас с высокой колокольни!..

Похоже, он имел в виду не только Аллу.

Вскоре Вася по прозвищу Индус исчез из Солончаковской. Одни говорили, что прямо на кладбище приехала санитарная машина из краевого центра и увезла его в неизвестном направлении. Другие утверждали, что Вася уехал сам, сказав на прощание, что кладбищ в Советском Союзе много и везде нужны сторожа, которые должны воздавать по заслугам. На этой версии настаивал Миша-безногий, который на своей новой инвалидной машине якобы и отвёз Васю на железнодорожную станцию.

Прояснить ситуацию мог бы Никифор Купко. Он, не имея родни кроме сына, время от времени получал откуда-то письма со штемпелем вместо марки. Однако Никифор молчал и по привычке дураковато улыбался, если на него начинали наседать с расспросами.

Со временем о Васе забыли, как забыли о живших до него людях со всеми их бедами и желаниями.

Как забудут о тех, кто станет жить позже и тоже будет любить, мучиться и к чему-то, сжав зубы, стремиться.

1970 – 2004

ИГОРЬ ТУРЧИН  
Повесть

## 1

– Настоящие спортсмены в новом не тренируются, – любил повторять Турчин в спортзале. – В новом тренируются одни салажата, буквари зелёные!..

При этом Игорь с достоинством поворачивался спиной, и все видели, что его знаменитая трикотажная куртка насквозь проедена потом. Она чем-то смахивала на рыбацкую сеть, эта известная всему техникуму линялая спортивная куртка. Сквозь частые дыры видны были, буквально выпирали литые мышцы.

– А в таком виде тренируются спортсмены-разрядники, они же настоящие мужчины! Уважающий себя человек в новом тренироваться не станет!..

Турчин расслабленно потряхивал мускулистыми, разведёнными немного в стороны, будто ему жало под мышками, руками. Он растирал магнезию на твёрдых мозолистых ладонях – магнезия лёгкой курящейся струйкой осыпалась вниз – и назидательно интересовался:

– Усвоили, сынки, разницу? Можете отличить настоящего спортсмена от салажонка?.. В жизни это дело крайне важно, рекомендую запомнить!

Турчин давно занимался штангой, и его звание кандидата в мастера спорта вызывало глубокое почтение техникумовских ребят. С самым умным видом он мог говорить всё, что душе угодно, – его с уважением слушали.

Однако мало кто замечал, что на парней, которые находились в это время в спортзале и ловили каждое его слово, Игорь поглядывал с затаённой усмешкой.

Турчин вообще заметно выделялся среди техникумовских ребят. Он был старше всех – учиться поступил после армии, и сейчас ему шёл уже двадцать третий год. К тому же – и это особенно делало его приметным – во всем техникуме трудно было найти второго такого парня. При росте метр семьдесят восемь весил Турчин больше девяноста килограммов. Причём все девяноста – сплошные мышцы, ни складочки жира.

– Ну-ка, сынки!.. – Раскачиваясь из стороны в сторону, он с неторопливым достоинством подходил к штанге и склонялся над ней. Пропустив между ладонями и грифом концы мягких кожаных ремешков, надёжно охватывающих запястья, напряжённо приседал, откидываясь всем своим большим телом назад перед специальным упражнением – тягой.

– В сторону, в сторону, в сторону!.. – деловито, уже со стеснённым дыханием торопил он первокурсников, обступивших деревянный, в тёмных гляцевых вмятинах от не раз падавшей штанги помост. – Снаряд сорваться может, сообщать надо!..

Мышцами ног, потом и всей спины он мощно тянул, взрывчато подбрасывал штангу вверх, и она с удивительной лёгкостью взлетала в широко расставлен-

ных руках до подбородка. Затем с грохотом и звоном опускалась вниз, на помост. И так много раз.

Потом, уже когда Игорь заканчивал тренировку, наблюдавшие за ним ребята пробовали сами поднять эту унизанную блинами штангу. Но редко кому удавалось хотя бы оторвать её от помоста.

– Сынки, кто же с такого веса начинает?.. – Турчин снисходительно щурил глаза. Накинув на плечи плащ, он уже стоял у выхода из спортзала. В опущенной руке покачивался широкий штангистский ремень, которым он перетягивался, когда подходил к большим весам. – Понемногу, понемногу килограммы набавлять надо! Начинайте где-то с сорока-пятидесяти. Мышцы у вас не готовы к большому весу, этак и пупок развязаться может!..

Он поворачивался и уходил – большой, сильный и добродушный. Скрипуче прогибались под его тяжёлыми шагами доски пола. Светлый плащ плотно облегал широкую спину и делал её ещё шире, ещё внушительнее.

Общежитие, куда Игорь направлялся после тренировки, находилось рядом. Надо было только миновать баскетбольную площадку с голыми – уже без сеток, их снимали на зиму – кольцами на потемневших от частых дождей щитах, а потом пройти через тесный скверик, усыпанный латунными листьями.

Воздух на улице был по-осеннему острый, из ноздрей вырывался и косо улетал вверх парок, опавшие листья шуршали под ногами. Вокруг было пусто и неприютно. Холод от дверной ручки, за которую брался Турчин, входя в общежитие, долго чувствовался на ладони.

Ещё у порога Турчин поморщился. На лестнице было накурено. По крайней мере, здесь, у входа, это сильно чувствовалось. Расслабленной походкой уставшего человека он поднимался по ступенькам. На площадке между первым и вторым этажами стояло несколько ребят с сигаретами. Турчин хлопнул ладонью по перилам и громко поинтересовался:

– Воздух отравляем, юноши? Курить – здоровью вредить, слышали? Народная мудрость, между прочим. Верно я говорю, Калашников? Как ты считаешь?

Второкурсника Славку Калашникова, высокого и очень худого парня, звали ещё Культуристом. В насмешку, конечно, потому что каждый, кто видел его впервые, смотрел на Славку с удивлением и даже некоторым состраданием – до того Калашников был худ. Нет, он ничем не болел, просто таким был от природы. Но техникумовские ребята, большие почитатели красивой мужской фигуры (едва ли не каждый с сосредоточенным упорством возился по утрам с гантелями), ребята считали, что Славке в жизни крепко не повезло. Впрочем, сам Славка, как можно было заметить, так не думал. Он принадлежал к тем беззаботным людям, которые на подобные пустяки внимания не обращают.

Сейчас, когда Турчин заговорил с ним, весело посматривая и поправляя накинутый на плечи плащ, Калашников попробовал было спрятаться за спины. Но Турчин ухватил его за руку и потянул к себе.

– Качаться надо, дружок Калашников, качаться, а не курить! Мышцы наращивать!.. – Игорь пощупал тонкие руки Калашникова, и скорбное недоумение отразилось на его лице. – Что это? Это бицепсы?.. Недоразумение, можно сказать, а не бицепсы! Стыдно, Калашников, стыдно! Честное слово, нехорошо.

Калашников, взболтнув длинными руками, переступил с ноги на ногу и то-

скливо оглянулся по сторонам. Кому какое дело до его мышц?.. Но перечить Турчину не посмел.

– Ты бы целыми днями не слонялся по городу и не курил бы, Калашников! Занимайся спортом, мой тебе совет. Станешь здоровым, как трактор. И тогда лучшие девушки... чего, Калашников?

– Залещиков, – покорно отозвался тот.

– ... и тогда лучшие девушки славного города Залещики будут смотреть на тебя восхищёнными глазами. А на груди у тебя вырастут волосы, как и должно быть у настоящего мужчины!.. – Заметив, что Калашников опустил голову, Игорь хлопнул его по спине. – Ладно, ладно, не обижайся. Шучу. – И доверительно добавил: – А вообще-то подумай. Спорт, он чудеса делает. Штанга, например. Неужели самому приятно, когда над тобой смеются? Гордости нет?..

За окнами ещё было светло, но на втором этаже все лампочки уже горели. В широком коридоре за рядом громоздких и при электрическом освещении почему-то особенно тёмных столов сидели над конспектами ребята – коридор был приспособлен для занятий. На столах в обычном беспорядке валялись учебники, толстые справочники по обработке металлов, плоские пеналы карандашей «Конструктор».

Устроившись под самыми лампочками, старшекурсники чертили курсовые проекты на больших ватманских листах. Мягко постукивали рейсшины. Тишина. На широком подоконнике (за стеклом покачиваются чёрные голые ветки) едва слышно играл чей-то магнитофон.

Потрескивая паркетом, Турчин прошёл в свою комнату. Здесь никого не было, в углах осели – или так казалось после яркого коридора – мутно фиолетовые сумерки.

Теперь, когда Игорь был один, его лицо переменялось. Сделалось озабоченным, явственно проступила усталость. Выражение обычной добродушной насмешливости слетело. Осторожным мягким движением он прикоснулся к трицепсу левой руки. Морщась, помял плотную мышцу. Перестарался!.. Надо было хотя бы сегодня побережиться, не давать полной нагрузки.

Не успел он протиснуться по узкому для него проходу между койками, как в дверях показалась хитрая мордочка Сани Карабая.

– Игорь, покажи, а? – просительно затащил Карабай, не входя в комнату. Глаза его бойко бегали. – Ну, Игорь, ну чего тебе стоит!..

Турчин распахнул тумбочку, неторопливо свернул и положил к задней стенке свой широкий штангистский ремень. Он делал вид, что не понимает Карабая. Его брови были высоко подняты.

– Странно вы как-то говорите, геноссе Карабай. Что вам показать?

– Мышцу.

– А, мышцу... – рассеянно протянул Игорь. Подумав, он достал из тумбочки мыло, а с никелированной спинки койки стянул полотенце. Затем взглянул на Карабая и внушительно произнёс: – Свою качать надо, сынок, свою, а не на чужую смотреть! Толку от этого мало.

– Ну что тебе стоит!.. Ну, Игорь...

Турчин сокрушенно вздохнул. Некоторое время постоял, будто раздумывая.

– Настырный ты тип, Карабай!.. Придётся откликнуться на просьбу трудящихся. – И он принялся осторожно стаскивать через голову свою легендарную драную куртку.

Турчину нравился этот шустрый паренёк с первого курса. За весёлый нрав и сообразительность он выделял его среди других ребят. Турчин заметил Саню ещё летом, во время приёмных экзаменов. Тогда он на каникулы домой не поехал, а остался в общежитии и каждый вечер уходил на товарную станцию разгружать вагоны. Цемент, уголь, длинные прогибающиеся доски, от которых все ладони были в занозах (работать в рукавицах было жарко, да и неудобно), разных форм и веса ящики, мешки, рассыпная картошка – Турчин брался за любую работу, лишь бы хорошо платили.

В общежитие он возвращался ранним утром по синим прохладным улицам. Солнце только-только поднималось, густые длинные тени протягивались от домов, никого навстречу, вдоль забора, сумрачно и диковато озираясь, пробирается одинокая кошка... Турчин приходил в общежитие, падал на койку и на несколько часов проваливался, будто отсекало, в глухой беспамятный сон. Просыпался уже после полудня, когда солнце накаляло комнату. Простыни были мокрые от пота, болезненно саднило ладони.

Вместе с ним в общежитии оставалось ещё несколько ребят, которые по разным причинам не разъехались по домам – большинство, как и он, устроились на лето работать. Когда в конце июля появились абитуриенты, старшекурсники придумали себе развлечение. Они даже Турчина, не очень-то любящего такие шутки, уговорили участвовать.

Развлечение было такое. Повязав галстуки, парни рассаживались в какой-нибудь из комнат и, обращая друг к другу по имени-отчеству, зывали по одному из коридора робеющих абитуриентов. Начиналось «собеседование». Парни выдавали себя за техникумовских преподавателей.

С самым серьёзным видом расспрашивали о родителях, о школьных оценках, о том, занимается ли товарищ спортом. Абитуриенты – все, как правило, из глухих прикарпатских сёл, – добросовестно хлопая глазами и мешая русские и украинские слова, отвечали. Многие из этих пятнадцатилетних ребят впервые попали в большой город, всё было непривычно и странно, представления смешались – у них и мысли не возникало, что их разыгрывают. Да и трудно было усомниться в серьёзности всего происходящего, особенно когда открывалась дверь и в комнату входил Турчин с красной папкой в руке и в чужих очках для солидности. «Комиссия» почтительно поднималась.

– Садитесь, товарищи, садитесь, – махал рукой Турчин и переводил внимательный взгляд на абитуриента. – Так, молодой человек, что вас привело в наш техникум?

Кто-нибудь шептал: «Директор...» Абитуриент бледнел.

– Вы не волнуйтесь, – говорил Турчин, усаживаясь на стул и неторопливо закидывая ногу на ногу. Роль свою он выдерживал, чего уж там, если согласился. – Не надо волноваться. Сдавайте экзамены, покажите в полном объёме свои знания. А там посмотрим. Способные студенты нам нужны.

Однако надолго Турчина не хватало. Сославшись на занятость и всё же поперхнувшись у порога от едва сдерживаемого смеха, он быстро выходил из комнаты и сдёргивал резавшие глаза очки. «Комиссия» со старательно серьёзными лицами опять поднималась со своих мест.

Пожалуй, единственным, кто не поверил во всё это с самого начала, был Ка-

рабай – невысокий, худощавый, с постоянно приоткрытым ртом. Обезжав бойкими глазами членов «комиссии» и всё быстро сообразив, он не обиделся и не расстроился, а принялся разыгрывать испуганного и до смешного неловкого сельского паренька. Когда Турчин вошёл с папкой, один вид которой говорил о многом, Карабай панически округлил глаза и даже сделал попытку забиться за шкаф. А отвечая на вопросы, то и дело вставлял «товарыш профессор». И всё это с самым простодушным лицом.

Он откровенно переигрывал, и у Турчина мелькнула мысль, что ещё неизвестно, кто над кем здесь потешается. Окончательно он убедился в том, что невзрачный этот паренек совсем непросто, когда Карабай – потом уже, – встречая его по утрам в умывальнике (с красными глазами, уставшего, с окаменевшими от цемента волосами на голове), здоровался с подчёркнутой почтительностью: «Добрый ранок, товариш директор. Как отдыхали?» Турчин, не расположенный в это время к шуткам, осадил его: «Не зарывайся, букварь!..» Но про себя отметил необычного паренька.

Сейчас, притворно вздохнув, он бросил на койку полотенце и осторожно стащил через голову свою ветхую трикотажную куртку.

– Ещё порву из-за тебя... – ворчливым голосом сказал он. – В чём потом тренироваться?.. И что за охота, Санёк, смотреть на чужую мышцу!

Турчин подошёл к треснувшему и слегка искажающему зеркалу шкафа, с трудом поместившемуся между койками. Как бы нехотя поднял разведённые в стороны и согнутые в локтях руки. Он подтянул живот с чётко обозначившимся прессом и волной перекатил мышцы, то напрягая, то расслабляя их. Его мощный торс ещё лоснился от пота, каждая мышца под смуглой, не отошедшей от летнего загара кожей рельефно выделялась. Зрелище в самом деле было впечатляющим.

– Девяносто килограммов стальных мышц и безрассудной ярости!.. – прорычал Турчин.

Он и сам не заметил, как увлекся, принимая всевозможные эффектные позы, и когда оглянулся на Карабая, то увидел, что в дверях комнаты столпились ребята, чертившие до этого в коридоре. Турчин опустил руки и строго спросил:

– Здесь цирк, что ли? Ну-ка, по местам!

Ему было неловко. Эти полушутливые культуристские позы могли быть кому-то неприятны – красуется, мол, бугай здоровый, задаётся. Турчину не хотелось, чтобы о нём так думали. Хотя, если честно, ничего плохого нет, если он даже и покрасуется. Никто из этих пацанов не знает, чего стоят такие мышцы, каким трудом они даются.

Карабаю он сказал:

– Всё ты, Карабай-барабай! Ставишь в неловкое положение. – И, развернув того за плечи, подтолкнул вслед за другими ребятами.

После тренировки следовало помыться. Можно было, конечно, спуститься в умывальник на первый этаж и окатиться холодной водой из-под крана. На некоторое время, Турчин знал, это взбадривало. Но потом наваливалась такая усталость, что даже подумать об учебниках было противно. А сегодня надо обязательно позаниматься – не за горами защита курсовых. Так что уж лучше сходить в кочегарку под горячий душ. Хотя это займёт больше времени, зато не будет такой усталости.

В коридоре за Турчиным увязался Карабай. Открыто глядя в глаза, будто и не его только что выдворили из комнаты, Саня сказал:

– Я с тобой, а?.. Давай полотенце понесу.

Повернувшись всем телом, Турчин с интересом оглянулся на него. И даже приостановился.

– Далеко пойдёшь, Карабайкин! Если, конечно, вовремя не остановят. – Однако полотенце всё же дал. Ему нравилось, когда рядом находился кто-нибудь, ловящий каждое его слово. На всякий случай всё же спросил: – У тебя что, свободного времени много, математики завтра нет? Смотри, Карабаев, Брадин сачков не любит. У Брадина как покажешь себя в первое время, так и пойдёт дальше, учти!

Карабай, пристроившись рядом, легкомысленно ответил:

– Мы с Брадиным лучшие друзья. У меня одни пятёрки.

– Нахал ты, Карабайкин! Лучшие друзья... – Турчин задержал на пареньке внимательный взгляд. – Точно, нахал!

Турчин до третьего курса сохранил уважительное отношение к преподавателю математики Михаилу Евсеевичу Брадину. Ни алгебры, ни тригонометрии, ни высшей математики на третьем курсе уже не было – всё это заканчивалось раньше, – но даже сейчас, встречая в коридорах техникума дородного, неторопливо вышагивающего Михаила Евсеевича с журналом в одной руке и с эбонитовой указкой в другой, Турчин старался поскорее пройти мимо. Брадин до сих пор вызывал у него не очень приятные воспоминания.

Для Турчина математика была самым трудным предметом. К тому времени, когда он поступил в техникум, от школьных знаний в памяти почти ничего не осталось. Так что на первых порах попотеть пришлось здорово. Раньше часа ночи он спать, обычно, не ложился.

Брадин никому скидок не делал, для него было безразлично, когда ты окончил восемь классов – в этом году или пять лет назад. К тому же по природе своей Брадин был нетерпеливым человеком. Нелегко, наверно, было из года в год объяснять одно и то же, и когда вызванный к доске непонятливый студент не мог решить уравнение, Михаил Евсеевич принимался ходить взад-вперёд перед кафедрой. Наконец бросал: «Пишите: скобка, восемь... Скобка, восемь... Скобка, восемь...» Вконец растерянный первокурсник, безнадежно пытаясь сообразить сам, медлил, и это окончательно выводило Брадина из себя. «Смотрите, он не хочет писать! – восклицал Михаил Евсеевич, апеллируя к аудитории, и с возмущённым недоумением пожимал плечами. – Пишите: скобка, восемь... Скобка, восемь... Нет, смотрите, он не хочет!» Оцепеневший подросток не писал. «Я вас прошу – садитесь. Садитесь! Я вам ш е с т ь поставлю, только садитесь!..»

Брадина в техникуме побаивались и уважали.

С Турчиным он себе такого не позволял. Но и ему как-то сказал, ставя в журнал трудовую четвёрку: «Вы мне непонятны, Турчин. Я знаю, чего стоит, допустим, Дрыган – он больше тройки при всём желании получить не может. Знаю, чего стоит Шин – ему надо учиться на физмате в университете, а не здесь. А когда вас вызываю, я представления не имею, как вы ответите – как Шин или хуже Дрыгана».

Игорь хлопнул Карабая по плечу.

– Пошли, вундеркинд.

– Ты чего! Больно! – Карабай обиженно отпрянул.

– Не рассыплешься. Привыкай к ударам судьбы, дружок. Представь, что я судьба. – Турчин опять поднял руку, но Карабай отбежал на безопасное расстояние, показал кукиш и быстро выскочил за дверь общежития.

На дворе начинался дождь. Литые чугунные решётки забора, отделявшие общежитие от тихой улицы (общежитие находилось на бывшей окраине, среди австрийской ещё постройки особняков с мансардами, широкими окнами и лепными надписями по фронтонам вроде Villa Rosa), были в тёмных потёках. Уже начинало смеркаться, воздух сделался пепельно-голубой. В мокром асфальте ясно и разбито отражались деревья и дома на другой стороне улицы.

– Игорь, привет!

Турчин оглянулся. По улице шла племянница коменданта общежития Тоня. Слегка полноватая девушка, карие глаза смотрели с весёлым интересом, подстриженные волосы выбились из-под капюшона болоневой куртки и венчиком легли вокруг лба и румяных щёк.

– Здравствуй, Тоня...

Девушка, не спуская с Турчина глаз, прошла в калитку. Игорь приостановился. Ему приятно было её видеть. Он всегда смотрел на эту здоровую весёлую девушку с удовольствием. Но, любуясь ею, в то же время испытывал странное, похожее на досаду чувство. Так было раньше, так было и сейчас. Будто рассматриваешь в журнале цветные фотографии далёких стран, такие притягательные и заманчивые, и точно знаешь, что никогда там не побываешь.

Турчин заторопился.

– Пошли, Карабай, пошли! Простынем. – Он плотнее запахнул на груди плащ. – Будь здорова, Антонина.

– Пока... – удивлённо протянула девушка. Она подошла к дверям общежития, но всё не заходила, медлила, будто ждала, что её окликнут.

С не идущей к его крупному телу поспешностью, делая много лишних движений (поднял ворот плаща, ещё раз запахнулся, сунул руки в карманы), Турчин подтолкнул в спину Саню Карабая и сам зашагал следом.

Уже за углом общежития Саня оглянулся. Лицо у него было хитрое.

– Ого!..

– Карабяну, – укоризненно сказал Турчин, опять становясь тем невозмутимым и уверенным в себе человеком, каким его все знали. – Карабяну, в вашем возрасте не то что рассуждать о девушках – думать о них рано! Поверьте слову старшего товарища. Девушки отвлекают нас от великих идей.

– Нет, я серьёзно. Как она на тебя смотрела!..

– Обычно смотрела.

– Не-е-е...

Турчин опустил руку Сане на плечо и слегка потормошил.

Саня порозовел от удовольствия. Ему приятно было вот так, запросто, идти рядом с самым сильным человеком техникума и чувствовать на плече его дружескую руку.

Первый этаж общежития был высоким. Если со стороны улицы его окна поднимались от земли метра на два, то с обратной, тыльной стороны дома до них рукой достать было уже невозможно – окна уходили высоко вверх. Небольшой вроде бы уклон, на котором находилось общежитие, становился от этого очень наглядным.

Саня Карабай поднял голову вверх и замер.

– Как замок... – Он пробежал быстрым взглядом по гладкой серой стене. – А если штурмовать? Тяжело было в старые времена, наверно. Сверху ещё смолу льют, бросают камни, стрелами... – Глаза у Карабая понемногу загорались, и проступали, напрягались лопатки под дешёвым тонким пиджачком. Сам того не замечая, Саня начал подёргиваться, а потом и вовсе принялся размахивать руками. – А если надо взять? Приказ такой!.. Ага, лучников сюда поставим. Штурмовые лестницы вперёд! Первая волна, давай!.. Лучникам – по бойницам, чтобы ни один гад не высунулся! Солдаты, на три дня даю город...

Оглянувшись на Турчина и встретив его весёлый взгляд, Саня смешался.

– Кровожадный ты человек, Карабаев! А я так запросто с тобой... Послушай, предки твои, часом, не из ордынцев? Или – крымчаки? И фамилия похожа... Не-е-т, от тебя надо подальше, а то обидишься и ножом когда-нибудь!..

Так приговаривая и удручённо качая головой (как ошибся в человеке!), Турчин потянул на себя дверь, которая вела в кочегарку. Пригнувшись и всем видом показывая, что с этих пор намерен держаться от Карабая подальше, он шагнул вниз.

В тамбуре было темно, но Турчин зачуженным движением толкнул вторую дверь и попал точно. Дверь отлетела, ударив ручкой в стену, и Турчин оказался в полутёмном помещении с низким потолком.

Слева, отбрасывая на цементный пол густой и ровный малиновый свет, была топка (Игорь сразу почувствовал щекой её тепло). Прямо – сидел за столом бородатый Эдуард и держал в руках обёрнутую в газету книгу. Настольная лампа, приглушённая сверху колпаком, разделяла лицо Эдуарда на две половины – освещённую нижнюю с золотисто вспыхивающими волосками в бороде и тёмную, неопределённую верхнюю, на которой даже глаза только угадывались.

В кочегарке пахло сернистым газом. После чистого воздуха улицы это особенно чувствовалось.

– Приветствую!

– Здравствуй, – ответил Эдуард медлительным, с сипотцой голосом.

Турчин прошёл к столу, тяжело опустился на табурет и далеко вытянул ноги.

– Устал... Вот помыться пришёл.

– Тренировался? – вяло поинтересовался Эдуард. Он вообще всё делал скучно, как бы с трудом – разговаривал, смотрел, двигался. Будто нехотя отрывался от каких-то своих, глубоких и нерадостных, раздумий.

– Было дело... Ты сегодня не торопишься? Могу подменить.

– Я не спешу.

– Смотри, если надо...

– Спасибо.

Эдуард, Турчин и ещё один мужичок из ближнего села второй сезон работали в котельной общежития кочегарами. Работа была спокойная (набрал в топку

угля, а сам можешь готовиться к занятиям или спать, лишь бы давление в котле было нужное), так что среди техникумовских ребят желающих устроиться в котельную хватало. Но комендант общежития Иван Леонтьевич Круглей выбрал из всех Турчина.

Игорь снял плащ, свернул его так, чтобы подкладка оказалась наружу – в котельной кругом была угольная пыль, – и аккуратно повесил на гвоздь в углу. Эдуард перестал читать и долгим странным взглядом следил за ним. Турчин уважительно кивнул на книгу:

– Аристотель?

Эдуард ничего не ответил. Он поднялся из-за стола, походил по кочегарке – кусочки рассыпанного по полу угля громко крошились под его тяжёлыми рабочими ботинками с заклёпками по бокам – и наконец бросил в сторону:

– Пушкин. – Вдруг посмотрел на Турчина ясными, с лёгкой сумасшедшинкой глазами. – «Маленькие трагедии» читаю... Интересно!

В другое бы время Турчин при всём уважении к Эдуарду (уважение, которое он испытывал к своему бывшему командиру части подполковнику Долгополову, непонятным образом переносилось и на его сына) обязательно прошёл бы на счёт того, что Пушкину, мол, повезло, его наконец-то оценили. Но сейчас промолчал и только поднял брови. С Эдуардом что-то творилось, он не походил на самого себя.

– Удивительное явление – Пушкин! Стихов, так сказать, пленительную сладость мы помним, а вот мысли... Любопытные вещи, между прочим, получают! Оказывается, опасно сильно любить, да!.. Опасно до конца быть преданным дорогому для тебя делу. Цельность и безоглядность опасны! При известной, конечно, доле самолюбия и твёрдости характера. Оказывается, чрезмерная любовь делает человека ревнивым к любому другому, кто занимается таким же делом. И не дай бог, если этот другой делает твоё дело лучше, чем ты! К тому же – не прилагая особых усилий. Так, походя. Оскорбительно, можно сказать! Богохульственно! Справедливости нет, мир рассыпается на части, жить незачем – хаос!.. Ты стараешься, из кожи лезешь, по-человечески не живёшь, а он, гуляка праздный, легко, свободно...

Эдуард глухо, неловко хохотнув, хлопнул себя ладонями по бокам. Он словно радовался.

Турчин покосился на него и пожал плечами. Да, происходит сегодня что-то с Эдуардом... Зачитался, наверно, бывает. Вон как проняло. Сам Турчин оставался спокойным.

Эдуард всегда казался ему странноватым. Ему были непонятны в сменщике его обычные вялость и какое-то смиренное равнодушие ко всему на свете. Такими в фильмах о дореволюционной жизни показывают монахов. Всё это казалось Игорю фальшивым. Он даже не сразу поверил, что Эдуард сын подполковника Долгополова – до того были непохожи эти два родных между собой человека: стремительный в движениях, властный, с прямым требовательным взглядом его бывший командир и Эдуард, медлительный, молчаливый, живущий будто через силу.

(Со времен службы в памяти осталась такая картинка: подполковник Долгополов отчитывает двух лейтенантов. Те, не заметив его приближения, выталикивали друг друга из кабины КраЗа – молодые ребята, только что из училища, конечно, тянет подураться... Хищно поджарая фигура подполковника, узкие

губы чётко, хлестко выговаривают слова, в лице, в посадке головы чувствуется сила. Лейтенанты с застывшими лицами вытянулись перед ним. Солдаты, оказавшиеся поблизости, потихоньку отходят в сторону.)

Турчину иногда хотелось подойти к сменщику и встряхнуть его. Проснись, парень! Что ты, как замороженный. Смотри, какой у тебя отец орёл!..

Особенно Игоря удивляло то, что младший Долгополов нигде не учился. Он часто видел у него в руках умные книги, о которых краем уха слышал, но которые самому читать не приходилось, и поначалу думал, что Эдуард готовится к семинару или зачёту. А кочегаром работает потому, что нужны деньги – какому студенту они не нужны. Хотя, конечно, странно немного, всё-таки сын подполковника, могли бы родители и обеспечить.

Оказалось, Эдуард читает просто так, для себя. И древнегреческих философов, которые мелкими буквами упоминаются в учебнике обществоведения, и другие книги, о которых Игорю не приходилось даже слышать. А на вопрос, почему не поступает в институт, скучно сказал: «Зачем?» Турчин недоверчиво покосился на него. Нет, вроде не смеётся...

Эдуард продолжал:

– Что же делать старательному человеку? Ведь смысл жизни для него пропадает! Как быть?.. Станиславский говорил, любите, дескать, искусство в себе, а не себя в искусстве. Красиво, не поспоришь! Но – как пожелание, а не как действительность. Только в таком смысле можно воспринимать. Как человеческую природу обойти? Как перешагнуть?... Конечно, хорошо бы! Ах, как хорошо!..

Эдуард задержал то ли мечтательный, то ли язвительный взгляд на малиново отсвечивающей топке. Постоял, хмыкнул. Посмотрел на Турчина и опять быстро отвёл глаза, будто стеснялся того, что говорил. – Прекрасно... а на самом деле? Христианство две тысячи лет бьётся, а что получается? Неважно получается! Причин много, не спорю, но результат-то... В человеческую природу упираемся. Так что же ему делать, очарованному человеку? Ставить на себе крест? Вот уж вряд ли, не поставит, святым надо быть. Святых во все времена мало. Или последний дар моей Изоры в стакан? Не себе, конечно, не себе!..

Свет настольной лампы рассеивался понизу вокруг стола, и шагавший Эдуард оставался в полумраке. Тускло поблёскивали заклёпки на ботинках, дробился, скрежетал под подошвами уголь. Раз Долгополов обернулся, и Турчину стало неприятно, даже жутко – глаза Эдуарда зеленовато, будто у кошки, светились.

Ничего, конечно, сверхъестественного в этом не было – так отражался в них слабый непрямой свет, похожее Игорь замечал и раньше, – однако он почувствовал к сменщику неприязнь, почти что враждебность, первобытную, безотчётную.

– Тебе это не грозит, – насмешливо и твёрдо произнес он. – Сам говоришь, очень надо любить своё дело. На этой почве злодеем ты явно не станешь.

– Вот и хорошо! Очень хорошо!.. – воскликнул Эдуард, не замечая или стараясь не замечать насмешки. – И Пушкин согласен, нельзя подчинять свою жизнь – свою священную единственную жизнь! – какому-то одному делу. Каждый свободен, каждый возвышен духом должен быть. Парить, охватывать всё с высоты, а не утыкаться в корыто! Видеть и понимать, не ограничивать себя шорами. Это же шоры, понимаешь? Шоры! Вот так вот мир видишь, – Эдуард судорожными движениями изобразил

что-то вроде тесного окошка перед глазами. – Вот так, а за пределами – ничего! А оно есть, оно существует. Шире и значимей любого, даже самого важного дела!..

«Потом ему самому неудобно будет, – подумалось Турчину. – Раскрылся Эдик, раскрылся...» Турчин поднялся и медленно, устало направился к узкой двери душевой в углу кочегарки.

– Лампочку Круглей дал? – будничным голосом спросил он, показывая, что умных разговоров хватит.

Эдуард остановился, непонимающе глядя на него.

– Что?

– Дал комендант лампочку? Старая в душе перегорела, я новую просил.

– А-а... – Долгополов поскущел. Молча прошёлся ещё по кочегарке туда и обратно. Он никак не мог успокоиться. – На подоконнике возьми.

С покрытого угольной пылью подоконника Турчин взял картонную коробочку с лампочкой и обдул её. Лампочку следовало бы ввинтить раньше, не дожидаясь, когда это сделает он, Турчин, – смена-то Эдуарда. Вообще, как успел Игорь заметить, молодой Долгополов не был обязательным человеком. То забудет перед сдачей дежурства почистить топку, то насыплет, как сейчас, угля на пол и не подметет. Игорь себе такого не позволял.

– Говорить мы все умеем, – сдержанно сказал он. – Поговорить, это запросто!.. Делать дело надо, а не болтать. Так я думаю.

Туго ударили горячие струи. Прикрыв от удовольствия глаза, Турчин подставлял их хлёткому напору то спину, ту грудь, то поворачивался боком. Тело блаженно тяжело, мышцы расслабленно, обморочно мозжили – казалось, каждым волоконцем, каждой клеткой слышен мощный успокоенный ток крови. Не хотелось ни двигаться, ни думать. Стоять бы так и стоять, опустив голову и свесив руки вдоль тела...

Турчин, как и прежде в комнате, осторожно помял трицепс левой руки. Мышца была плотная и болела. Он досадливо качнул головой и поморщился.

Ему всегда казалось, что каждая добросовестная тренировка что-то прибавляет в нём. Даже не силу, это было бы слишком просто. Возникало неясное ощущение постепенного, трудного и оттого драгоценного накопления. Не всё, правда, у него в последнее время ладилось, до заветной нормы мастера спорта оставалось ещё много, но всё равно на каждой тренировке было мучительно сладостно преодолевать себя, свои нежелание и усталость. Тренировки – одно из немногих в жизни, к чему следовало относиться серьёзно. И вот, пожалуйста, перестарался, пожадничал!..

Надо было ещё успеть в столовую, она закрывалась в половине восьмого. Плотно, отжимаясь, проведя ладонями по лицу и глубоко вздохнув, Турчин усилием воли согнал сонливость. Закрутил краны и некоторое время постоял, давая время стечь по телу каплям.

Как всегда после тренировки да ещё после душа, есть не хотелось. Но он знал, верить этому ощущению нельзя. Хотя бы порцию гуляша осилить надо. А на ночь он купит молока, хлеба и колбасы – ночью всегда есть хочется, мышцам нужны калории.

Высунувшись из-за двери душевой, он кинул Сане Карабаю:

– Полотенце!

Саня (тот появился ещё во время разговора с Эдуардом и вёл себя незаметно

– не знал, рассердился на него Турчин в самом деле или только пошутил) вскочил с табурета и с готовностью подал полотенце. Турчин подумал, что его требовательно протянутая рука – мускулистая, поросшая по предплечью чёрными волосами – должна вызывать уважение. Принимая полотенце, он напряг её, хотя это совсем не требовалось. И поймал преданный взгляд паренька.

Турчин усмехнулся. Вот так когда-то он смотрел на взрослых парней. Сейчас на него смотрят.

Перед тем как пойти ужинать, Турчин заглянул в спортзал.

Его второй год избирали в техникуме старшим спорторгом, ему полагалось открывать и закрывать зал и следить за порядком в нём. Были, конечно, и другие обязанности, но именно эту Турчин охотнее всего исполнял. Во-первых, ключ от спортзала в таком случае постоянно находился у него и можно было тренироваться в любое время. А во-вторых, штанга была под присмотром. Это только кажется, что ничего с ней, железной, не может случиться. На самом деле штанга требует бережного обращения. Замки в два счёта могут сломаться, если её без дела бросать на помост. А ребята не очень-то церемонятся.

– Не пора ли в общагу, друзья мои? К книжкам и тетрадкам! – громко сказал Турчин от порога. – Смею думать, к занятиям вы не подготовились.

Игравшие в настольный теннис парни без разговоров стали снимать сетку. В спортзале пахло разогретыми потными телами. Турчин, раздувая ноздри, с удовольствием вдыхал привычный воздух.

– Веселее, сынки, веселее! Время не ждёт, время торопит. Во всём, сами понимаете, мера нужна, а часами махать ракеткой какой смысл? Верно говорю?..

У него ещё были кое-какие соображения о бессмысленном препровождении времени, но высказаться он не успел. За спиной стукнула дверь, Турчин оглянулся. У порога стоял маленький Витя Шин и обеспокоено поглядывал то на него, то в зал.

– Уже закрываешь?

– А ты что так поздно? – удивился Турчин.

– Не мог раньше, курсовой по деталям машин рассчитывал.

– Могу, конечно, не закрывать, но скажи мне, дорогой товарищ Шин, кто перед сном тренируется?

Шин заулыбался. От улыбки его узкие глаза совсем исчезли.

– Мне спать не скоро. Всю ночь буду рассчитывать.

– Даёшь!.. Мышцам отдых требуется, а ты – рассчитывать!

– Надо.

– Что – надо? Тогда не тренируйся.

– Э, не могу.

– Как это – не могу? – удивился Турчин. – Ты устанешь, ошибок налепишь, пересчитывать придётся – зачем надо?!

Турчин лукавил. Он испытывал Шина. Ему был близок и понятен этот невысокий старательный паренёк, который, как и он сам, тоже не первый год занимается штангой. Глядя на Шина, трудно было поверить, что у него второй разряд, что под жидким спортивным костюмчиком ходят сильные мышцы и что ноги у Шина вполне приличные – он приседает со штангой в сто двадцать килограммов.

– Значит, будешь тренироваться?

– Буду, если зал не закроешь.

– Отбой, гиганты! Играйте, – разрешил Турчин, поворачиваясь к теннисному столу. – Шина благодарите, человек делом пришёл заниматься... Позови меня, когда закончишь.

– Позову, спасибо.

Постояв перед Турчиным из вежливости ещё несколько секунд, Витя затрусил вдоль стен зала – начал разминку. Турчин проводил его взглядом.

– Да, забыл сказать. – Шин вдруг вернулся. Чтобы не терять темп, он принялся подпрыгивать на месте. – В техникуме один парень появился, у нас в общезнании живёт. Сила – исключительная! Сам будет где-то в полусреднем... – Шин скосил глаза, прикидывая, – да, килограммов семьдесят пять весит. А жмёт сотню. Без техники, без тренировок – одной силой давит.

Турчин хмыкнул и значительно помолчал. Новость была интересная, хотя и маловероятная. Но обижать недоверием Шина не хотелось.

– Наш парень, говоришь? Любопытно... Почему я его не знаю? Все стоящие ребята у меня на примете.

Шин заторопился:

– Ты можешь не знать, он после десятого класса на второй курс поступил. Слушай, у меня челюсть отвисла, когда я увидел его на физкультуре. Феномен!

– Так уж и феномен... Ладно, приводи. Скоро соревнования, а у нас в полусреднем выставлять некого. Посмотрим твоего феномена.

– Хорошо, я скажу.

Упрямо наклонив вперед голову, Витя Шин опять затрусил по спортзалу. Его круглое лицо сделалось замкнутым, самоуглубленным. По всему чувствовалось, Шин настроился на тяжёлую, долгую – одним словом, хорошую тренировку.

Ужинать Турчин ходил в столовую при трикотажной фабрике. Это было не близко, зато там всё стоило дешевле, чем в обычной городской столовой, да и готовили лучше.

Подняв ворот плаща (на улице всё так же было холодно и сеялся мелкий дождь), Турчин шагал по чёрному мокрому асфальту, глубоко засунув руки в карманы. От фонаря к фонарю то впереди него, то сзади появлялась, росла, бледнела и наконец совсем пропадала тень, перескочив на другую сторону. В сыром тёмном воздухе горьковато, винно пахло опавшим листом.

В столовой было тепло и светло, через потолок доносился глухой шум работающих станков. Турчин взял поднос и прошёл к раздаче. Сегодня на раздаче была Люба.

– Привет, подруга! – бодро поздоровался Игорь. Он опустил поднос на алюминиевые направляющие и шумно втянул в себя воздух. Здесь он всегда вёл себя весело. – Чем так вкусно у тебя пахнет? Обслужки-ка бедного студента! Зачерпни со дна пожиже!..

– Ага, тебе дай пожиже, так обложишь! Вон какой бугай, – сказала раздатчица Люба, некрасивая женщина лет тридцати. Несмотря на ворчливый тон, в глазах у неё мелькнуло удовольствие. – Говори, тебе с макаронами или с гречкой?

– Давай с гречкой. – Лицо у Турчина стало мечтательным. – Ах, Любаня, целыми днями о тебе думаю!.. – Он поднял к потолку глаза и продекламировал:

– Милая, не бойся, я не груб, я не стал развратником вдали...

– Ну тебя! Бери быстрее да уходи!

Сказала это Люба недовольно, но мясо с гречкой подавать не спешила. Она слила воду со стопки чистых тарелок, принялась перемешивать гарнир в бачке.

– Так поэзия, Люба! Есенин!.. Ах, Любаня, страдающее сердце отталкивает!.. Ты не спеши, ты подумай.

– А чего мне думать, у меня муж есть.

– Так мы мужу ничего не скажем!..

Это была игра. Турчин знал, что Люба незамужем. Но он чувствовал, что значит для неё, уже не очень молодой женщины, считаться замужней хотя бы перед ним, посторонним человеком. И всякий раз, когда видел Любу на раздаче, затевал эту приятную для неё игру.

– Я верная жена, не надейся!

Услышав это, Турчин изобразил уныние и, приняв от Любы тарелку, направился к кассе.

Пожилая, уставшая за день кассирша, подслеповато щурясь сквозь очки – глаза её за толстыми стёклами казались совсем маленькими, мышиными, – недовольно бросила:

– Балуют тебя. Две порции здесь.

– Так он вон какой! – крикнула от раздачи Люба. – Мало ему!

– Пускай за две порции платит, раз мало.

Турчин склонил голову к плечу и развёл руками. На кассиршу он смотрел с сожалением.

– Нет, тёща, не понимаешь ты смысла жизни, совсем не понимаешь! Ну и что – две порции?.. Студенту можно простить, наверно? У тебя что, детей нет?

– Правильно, – подтвердили от раздачи.

Кассирша раздражённо махнула рукой.

– Ну вас, спелись... «Тёща»! Зятёк сыскался. Тридцать шесть копеек. Хлеб будешь брать?

– А вот теперь мать родная!..

В зале, полуподвальном помещении с толстыми стенами и окошками под самым потолком, почти никого уже не было. Работницы фабрики ели раньше, когда с улицы ещё не впускали. От вибрации вверху мигали лампы дневного света. В углу за столиком сидели два подвыпивших мужика и о чём-то спорили.

Турчин опустил поднос на первый попавшийся чистый стол. Есть по-прежнему не хотелось. Прогулка по свежему воздуху не помогла.

Когда он вернулся от посудомойки с чистой вилкой, к нему, нетвёрдо ступая, подошёл один из выпивавших в углу мужиков.

– Не обижайся, друг, я сейчас... – сказал он, неловко выдвигая стул и тяжело опускаясь, почти сваливаясь на него. – Я так, не переживай, мешать не буду!.. С тем долбаком разве поговоришь? Чурка с глазами. Ты серьёзный человек, я в людях понимаю!.. Выпьешь?

Он сосредоточился взглядом на Игоревом лице и принялся вытаскивать из внутреннего кармана потрёпанного пальто бутылку с пластмассовой пробкой. Бутылка никак не поддавалась.

Турчин усмехнулся. Он давно уже привык к вниманию подвыпивших мужиков. Всем нравилось, что он такой здоровый. Стоило Игорю оказаться рядом, как с

ним обязательно начинали заговаривать, приглашали выпить и осторожно, уважительно похлопывали по спине.

– Не порть аппетит, – бросил Турчин, перемешивая в тарелке гречку и не глядя на мужика.

– Не обижайся, друг! Я сам был, знаешь, какой!.. Жизнь, а? Что делает, зараза!.. Раньше два мешка брал и нёс, под одну руку и под другую. Цемент! Клянусь!.. А сейчас? Куда!.. Так весь человек. Сначала молодой, весёлый, а потом старый стал, всё неинтересно. Выпить ещё, а так... – Мужичок с чувством махнул рукой, глаза его смотрели влажно. – Вот скажи, почему я тебя уважаю? Я ж тебя не знаю. Молодой, потому, золотой! Ты всё можешь, за то люблю. Потом станешь, как я, а сейчас молодой, золотой! А так мне дела нет до тебя. Вон дундук сидит, чурка с глазами, ничего не понимает. Дурило. – Он тяжело повернулся к столику, за которым сидел его приятель, и с пьяным презрением, кривя губы, ткнул на него рукой. – Пенёк, чтоб я так жил! Хиба сравнишь? А ты!.. Тебе в цирке можно выступать, правду говорю. Женщины должны любить, все дороги везде открыты! Молодой, здоровый! Жизнь в глаза глядит и улыбается, всё сейчас для тебя!..

Турчин с интересом поднял голову. Нет, пьяненький этот мужичок на отчима похож не был, хотя и говорил как-то сходно. Голос? Интонация?.. Оплывшее дряблое лицо, пена в уголках рта, красные глаза. Мужичку, по всему видно, и пятидесяти нет, а на месте передних зубов чёрные провалы.

Цепкой детской памятью Игорь помнил, как отчим по вечерам возвращался домой. Даже сейчас, спустя столько времени, он подумал об этом с неприятным, саднящим чувством. Хотя, казалось бы, чего было бояться – ничего плохого ему отчим не сделал, ни разу не ударил, даже не ругался. Пьяным он никогда не был, но и трезвым Игорь его не запомнил – постоянно навеселе, ласковый, тихий, задумчиво-мечтательный.

Во времянке, где жили они втроём (а потом, когда родились сестрёнки, и все пятеро), отчим садился за стол и подпирал голову рукой. Глаза его туманились. «Вера, дорогой мой человек, – тихо, проникновенно говорил он. – Вера, томление у меня в душе. Тёплые ветры подули, беспокойно мне. Уйду скоро, не могу я...» Мать, взбивая на расправленной постели – готовились спать – подушки, отворачивалась. Подбородок у неё начинал подрагивать. «Радость моя, Вера, – продолжал отчим, и оттого, что он видел, как расстраивается мать, голос его взлетал выше, в нём слышались слёзы. – Сердцу не прикажешь. Душа тоскует на одном месте, простор ей нужен... К зиме, может, вернусь. Ты не расстраивайся, милая...»

Такие разговоры начинались задолго до того, как отчим уходил на самом деле. Он рассчитывался в поселковом магазине, куда обычно устраивался на три-четыре зимних месяца подсобником, собирал потёртый чемодан и с ласковым просветлённым лицом прощался с матерью. Робкая, молчаливая мать опускала голову, а отчим поднимал её за подбородок, целовал в мокрые глаза и становился от этого ещё ласковей, ещё радостней.

Отчим не был их местным, поселковым. По-настоящему, его и отчимом называть нельзя – они жили с матерью не расписанные. Появился он в посёлке как-то весной, когда стали строить сахарный завод, самый большой в области. На стройке они с матерью и познакомились. Как понимал теперь взрослым умом Игорь, мать после смерти отца боялась остаться на всю жизнь одна, потому и

приняла этого вроде бы безобидного мужика. Отец у Игоря погиб. Поздно вечером вёз со станции лес для строящейся хаты – отец шоферил на ЗИЛе, – и на спуске отказали тормоза. То ли отец растерялся, то ли ещё по какой причине, но машину бросило в кювет, радиатором в землю, и тяжёлые бревна прошили кабинку. Хоронили отца в закрытом гробу.

Отчим был из тех людей, которые всё понемногу умеют – и штукатуришь, и плотничать, и часы починить, – но не так, чтобы сделанным можно было гордиться. Да и гордиться работой было не в его характере, хотя поработать ему пришлось немало. С бригадой сезонников или сам по себе отчим изъездил почти весь Союз. Ничем не связанный, побывал и на Севере, и в Средней Азии, и на Дальнем Востоке. Что его гоняло, Турчин до сих пор понимал плохо. Денег отчим не привозил и не присылал матери ничего, даже когда родились близняшки. Ладно, был бы молодой парень, за романтикой потянуло, можно понять. А то ведь нет, мужик, тем более – семейный. Обязанности-то есть!..

К Игорю отчим относился хорошо, вернее, не замечал его. Лишь иногда подзывал, усаживал на колени и, заглядывая в глаза, начинал гладить по голове и приговаривал: «Сирота, бедный ты мой... Жалко папку? Скажи, жалко?..» – и глубоко вздыхал, когда у мальчика кривились губы и наливались слезами глаза.

Что это за человек и сколько он принёс им горя, Игорь по-настоящему понял позже, когда вырос.

Соседи, сочувствуя матери, посоветовали отдать сына в интернат – может, рассуждали они, отчиму мешает чужой ребёнок, потому он никак не уживётся. Да и тяжело одной с тремя детьми, каждого одеть и накормить надо. С пятого класса Игоря определили в интернат, но на отчима это никак не повлияло. Он по-прежнему с первым теплом собирал свой обшарпанный чемодан. Приезжая домой на весенние каникулы, Игорь всё видел. «Он на неделю, потом уедет», – несмело говорила мать и смотрела выжидательно. Отчим улыбался с мягкой укоризной: «Ты, Вера, женщина, ты не понимаешь... Живи здесь пацан, нету его – моя душа на одном месте долго не может, ей нового надо. А против своей души я не пойду. Зачем жить, если против? – Он поднимал на мать ясные глаза. – А? Зачем жить? Чтобы работать?..»

Перед тем, как идти в армию, повзрослевший Игорь выгнал отчима из дому. Он уже тогда третий год помогал в жестяной мастерской, его и материным трудом была наконец достроена хата, стены которой вывел ещё отец. «Иди отсюда! – глухо сказал Игорь, когда отчим заявился перед морозами. – Ты нам не нужен».

Эти слова дались ему нелегко. Игорь, хотя и было ему восемнадцать, всё ещё робел перед взрослыми. Но тут он подумал, как тяжело живётся матери, как всю жизнь старался для семьи отец, как погиб, раздавленный брёвнами для хаты, и как хорошо и безбедно устроился этот ласковый гад. Его затрясло. «Пошёл отсюда! – закричал он, с ненавистью впившись в отчима глазами. Суставы на его пальцах, упёршихся в дверные косяки, побелели. – Уйди, гадина! Трутень!..»

Что-то от того дикого чувства отозвалось в Турчине и сейчас. Он глубоко не любил эту пьяную шваль, прячущую свою никчемность за разными словами. Он тяжело посмотрел на подсевшего за его стол мужика.

– Залил пасть и потрепаться охота? А ты спросил, хочу я сидеть с тобой? – Турчин приподнялся. – Ну-ка вали! Быстро!..»

Мужик в тупом изумлении смотрел на него, молчал и не двигался. Турчин встал, легко поднял его за отставшие суконные плечи пальто и подтолкнул в угол к столику.  
– Пошёл!.. И не выводи меня. Обижаться будешь.

Под лестницей кто-то негромко играл на гитаре. Турчин остановился, растегнув плащ, прислушиваясь.

Послушай, Джон,  
Зачем ходил ты к нашей маме?  
Дарил подарки ей  
И целовал при лунном свете...

Всё ясно, Культурист-Калашников в своём репертуаре.

Турчин заглянул под лестницу, где комендантом было отведено место для курения и где никто обычно не курил. В полумраке (лампочки здесь не было) на длинной скамейке сидело несколько первокурсников и слушали Славку.

Забросив одна на другую худые ноги и сутулившись над гитарой, он с серьёзным лицом выдавал свою «коронку» – куплеты про Джона. Рядом сидела и увлечённо следила за его ловкими длинными пальцами на грифе племянница коменданта Тоня. Глаза её в темноте поблескивали.

Турчин осторожно отошёл. И только на своём этаже начал ступать на всю подошву, не опасаясь, что Тоня его заметит.

## 3

В перерыве между парами, когда ребята переходили из одной аудитории в другую, Турчина кто-то окликнул в коридоре:

– Игорь, подожди!..

Турчин остановился. Из-за спин длинных третьекурсников то появлялась, то опять исчезала круглая кошачья голова Жени Гордейко, техникумовского преподавателя физкультуры. Приподнявшись на цыпочки, Женя энергично махал рукой.

– Постой!..

Турчин отступил к окну. С улыбкой наблюдал, как плотный низкорослый Гордейко пробирается к нему. Сделать это было непросто – между парами коридоры заполнялись ребятами, каждый из которых стремился поскорее попасть в нужную аудиторию, оставить папку с конспектами и выйти во двор техникума покурить или потолкаться. Шум, шарканье подошв по плиточному полу, старшекурсники в модных кожаных пиджаках покрикивали на младших, возле лестницы на второй этаж образовывались водовороты, порой – свалки...

– Ты насчёт первенства области знаешь? – Женя Гордейко наконец протиснулся и опустил на подоконник свой солидный жёлтый портфель с двумя замками. Его лицо было деловито нахмурено. – Пора команду формировать. Кто у нас штангой занимается, давай список набросаем. – Достав ручку и записную книжку, Гордейко повернулся боком, так, чтобы его не толкали. – Значит, пишу. Турчин, Шин...

Игорь с любопытством посматривал на жёлтый портфель на подоконнике. Среди техникумовских преподавателей Женя Гордейко занимал особое место –

его всерьёз не воспринимали. То ли из-за предмета, который он вёл, то ли из-за суетливого характера, но с уважением к нему относились разве что на первом курсе. Ребята постарше звали Гордейко по имени. А однажды взяли и подложили в его солидный портфель кирпич. Ни о чём не догадываясь, Женя таскал его целую неделю. Впрочем, вид у Гордейко вполне представительный: Женя невысок, с выпуклой грудью, на лацкане серого финского костюма значок мастера спорта.

– Негусто. – Гордейко озабоченно постучал обратной стороной ручки по списку. Он значительно свёл брови и говорил отрывисто: – В штанге сколько весовых категорий? Десять?

– Сейчас одиннадцать... Женя, портфель не тянет? – Турчин прищурился. Ему становилось смешно, когда Гордейко напускал на себя значительность.

Физрук, порозовев, замигал.

– Я с тобой серьёзно... Где нам одиннадцать человек взять?

– Ладно, не обижайся! – Турчин приобнял его за плечи. Таким ему Женя больше нравился. – Одиннадцать-то мы, допустим, всегда наберём. Скажи другое, во всех категориях не сможем выставить. Например, в первом и втором тяжёлом весе. Это же за сто килограммов!.. Разве что этого гиганта.

Турчин кивнул на проходившего в это время мимо Саню Карабая. Вернее, Саню мимо проносило. Встретившись взглядом, Саня поспешно поздоровался. Среди всех толпившихся в коридоре ребят он был, пожалуй, самым тщедушным.

Гордейко улыбнулся, но тут же опять сделался серьёзным.

– Вопрос важный. В феврале чемпионат республики по «Трудовым резервам». Так что в облсовете большое значение придадут, хотя выставить приличную команду. Естественно, сейчас всех накручивают... Ты старший спорторг, ты мне помогай. Тем более, сам штангой занимаешься.

– А кто против? Мы с большим удовольствием!.. – Хотя Турчин и подтрунивал, и делал снисходительный вид, на самом деле ему было приятно. Советовался с ним всё-таки преподаватель. И он сказал уже серьёзным тоном: – Особо мудрить не будем. Устроим первенство среди групп, как в прошлом году было. Отберём крепких ребят, я с ними поработаю, подучу технике, а там составим команду. Будем не хуже других.

– Нужно, чтобы лучше!

Турчин опять посмотрел с прищуром.

– Уговорил.

Женя Гордейко помолчал, что-то прикидывая. Большой спокойный Турчин действовал и на него успокаивающе.

– А верно, чего мудрить... Пусть они там, в облсовете, головы ломают. – Он повеселел и затоптался на месте, готовый тотчас куда-то бежать, что-то делать. – Договорились так, сейчас я повешу объявление, а ты дай команду спорторгам, чтобы составили списки участников. Тянуть не будем. За два месяца такую сборную можно подготовить!.. – И, уже подхватив с подоконника портфель, бросил: – У тебя самого как? С мёртвой точки сдвинулся? Мастера на первенстве области сделаешь?

Турчин не ответил. Женя Гордейко задел за большое.

Вот уже почти год, как результаты у Игоря не росли. Они и всегда-то росли медленно, требовали постоянного труда, пота, а сейчас застряли на уровне кан-

дидата в мастера спорта – и ни с места. Когда Турчина спрашивали, в чём дело, он ссылаясь на травмы, на то, что не подготовился как следует, а сам нервничал, искал причину.

Он рассорился с тренером «Трудовых резервов» – ему казалось, что тот недостаточно к нему внимателен, – ушёл из секции и уже полгода тренировался самостоятельно. Но результаты по-прежнему не росли. Так, ерунда, прибавил пять килограммов в рывке и два с половиной в толчке. И то выходило это на тренировках. До заветной нормы мастера спорта оставалось около тридцати килограммов. Целая пропасть.

Женя Гордейко с мимолётным сочувствием взглянул на Турчина.

– Ну вот. А в акробатике мастером давно бы стал. Ты в четвёрке нижний был бы хороший, помнишь, я говорил?.. И вес перед соревнованиями сбросить не надо – наоборот!

Ещё на первом курсе Гордейко предлагал перейти в акробатику. В известной в городе четвёрке, неоднократно призёре республики, заболел (травматический радикулит, обычная вещь) нижний. Ребята как раз подыскивали нового партнёра.

– Ты за меня не переживай, – сказал Турчин, и ноздри у него раздулись. – Ты следи лучше, чтобы в портфель кирпичи не клали! Несолідно – преподаватель, а в портфель неделями не заглядываешь, кирпичи в нём заводятся!..

Он круто повернулся и, расталкивая ребят, зашагал по коридору.

Всю следующую пару Турчин сидел, сумрачно глядя перед собой. Мало того, что результаты не растут, так об этом уже говорят...

В который раз он мучил себя вопросом, почему так получилось. Он уже пробовал и увеличивать нагрузку, и снижать её. Комбинировал упражнения, отходя от привычного порядка, – может, всё дело в однообразии, в привычности и надо искать что-то новое?.. Или просто мышцы закрепощены, плохой обмен, сосуды сужены, кровь не успевает ни насытить мышцы, ни вывести продукты разложения?.. В библиотеке он нашёл том медицинской энциклопедии и читал каждый вечер. Брошюрам с рекомендациями для штангистов высоких разрядов он не верил – по таким методикам его тренировали в секции. Одно время взял себе за правило ходить после тренировок в баню, парился, нанимал банщика, и тот массажировал ему спину и ноги, прорабатывал каждое волоконец, каждую связку...

Ничто не помогало!

Подспудно вызревала гаденькая мыслишка: а что, если всё? достиг своего предела?.. Сколько ни тренируйся, что ни придумывай – всё будет впустую, потому что дошёл до потолка, большего не дано от природы... Турчин старался не думать об этом. Надо работать, стремиться, себя не жалеть – и всё изменится.

Он ходил в техникум, бросал в котельной уголь, рассчитывал курсовой – занимался ежедневным, необходимым, требующим внимания, голова всё время была занята, но что-то в ней постоянно работало, было настороже. Словно искало ответа в происходящем вокруг, вглядывалось и примерялось – а вдруг!.. Шёл поиск, в котором Турчин полностью не отдавал себе отчёта, сознание словно ждало подсказки от жизни, от случая, потому что разум, логика оказались бессильными.

Турчин был человеком трезвым, в разного рода заумь не верил, но порой с ним случались вещи, которые заставляли думать о неслучайности случайностей. Если ему без причины начинал часто вспоминаться какой-нибудь человек, ко-

торого он давно не видел, Игорь знал, что скоро этого человека встретит. А в детстве была точная примета: когда завуч в интернате надевала красную кофту, он в этот день получал двойку...

В другое время подобное не стоило бы внимания, всё это могло казаться остатками того Игоря, который боялся двоек, хромого интернатовского завхоза и темноты, но так можно было думать, когда всё было нормально, всё складывалось благополучно. Теперь Турчин внимательно вслушивался в древнюю, суеверную основу в себе, в то, что в обычное время было подавлено здравым смыслом.

В перерыве он пошёл оповещать спорторгов групп.

Многих Турчин знал и за десять минут успел сообщить почти всем. Одних находил во дворе под ржаво-жёлтым, наполовину облетевшим каштаном (подняв плечи и засунув руки в карманы, ребята со смехом толкались на холодном ветру), других обнаруживал в туалете среди запахов хлорки и сигаретного дыма, в котором едва угадывалась тусклая лампочка. Кого-то нашёл в тесном техникумовском буфете.

Сложнее было со спорторгами первых курсов. Турчин ещё не знал их в лицо. По висящему возле учебной части расписанию он определил аудитории, в которых занимались сейчас первокурсники, и сразу же после следующего часа поспешил туда.

Спорторга механиков он на месте не застал, а у обработчиков в аудитории почти никого не было. Только у кафедры преподаватель математики Брадин отчитывал какого-то паренька в кургузом пиджачке.

Турчин хотел уже выйти из аудитории – надо было ещё попытаться найти спорторга керамиков, – но Брадин остановил его:

– Турчин, на минутку! Прошу вас.

Игорь подошёл. Брадин смотрел на него, однако на его лице всё ещё сохранялось выражение, с которым он отчитывал первокурсника – брезгливо сердитое. Но спросил он негромко, так, как говорят с равными:

– Как у вас с собранием?

Турчин уточнил:

– Вы имеете в виду общежитие, отчётно-выборное?

У него была ещё одна нагрузка, в прошлом году его избрали председателем совета общежития. Игорь пробовал отказаться, но все его ссылки на то, что за спортзал он уже отвечает, ни к чему не привели. «А кого ещё выбирать? – убеждал его комендант Круглей. – Этих пацанов?..» Резон в словах коменданта был, но Турчин всё равно остался недоволен. В техникуме как ухватятся за кого-нибудь, так и затыкают им все дыры!..

– Конечно, отчётно-выборное. Давно пора проводить, – подтвердил Брадин, – во втором общежитии на днях проведут, мне обещали.

Турчин подумал. Пожал плечами.

– Странно. Договаривались по-другому. И директор в курсе.

Брадин вздёрнул широкие брови и внимательно посмотрел на него.

В преподавательском местном Михаил Евсеевич занимался соцбытсектором. В его обязанности входил контроль работы обоих советов общежитий. Событие было малоприятное, когда Брадин устраивал проверку порядка. Турчин даже сейчас, вспомнив это, почувствовал себя неуютно. В обход по первому общежитию

Брадин обычно приглашал в помощь ребят из совета второго. И наоборот. Между общежитиями шло соревнование, проверки отличались придирчивостью.

Особенно усердствовали в таких случаях девчонки. Они шныряли повсюду, заглядывали в шкафы, принимались к воздуху – не курил ли кто в комнатах? – торжественно демонстрировали палец со следами пыли откуда-нибудь из-за батареи отопления, брезгливо смотрели на вытащенные из-под матрасов грязные носки... Брадин девчонок во всём поддерживал и никакого снисхождения для первого общежития не делал, хотя сам вместе с женой жил здесь же в комнате на четвёртом этаже. Он отпускал язвительные замечания и с неодобрением поглядывал на Турчина. Можно подумать, что Турчин во всём виноват...

– Так ведь после Октябрьских договаривались, Михаил Евсеевич! Профсоюзное собрание в техникуме пройдёт, и мы сразу проведём. Другого распоряжения не было... – Турчин словно бы удивлялся забывчивости преподавателя. В его тоне слышалась сдержанная, солидная укоризна. Представилась возможность отыграться на суровом проверяющем, и он решил эту возможность не упустить. – Директор в курсе, комендант общежития тоже. Не стоит беспокоиться, Октябрьские пройдут – проведём! Кто это мог вас неверно информировать? Странно, очень странно...

Турчин сейчас сам себе нравился. Это вам не первый курс, Михаил Евсеевич!..

– Хорошо, хорошо. – Брадин отвёл глаза, видимо, припомнив сам. Он повернулся к паренюку в кургузом пиджачке, и его лицо опять приняло сердитое выражение. Как показалось Турчину, более сердитое, чем раньше. – Вот скажите вы, Турчин, как старший товарищ, этому учащемуся. Он считает, что это остроумно! – Брадин забрал из рук понуро стоящего первокурсника тонкую книжку логарифмических таблиц и постучал пальцем по обложке. – Венец остроумия! Дальше некуда!.. Молодой человек, может, вы не туда попали? Может, вам лучше перевестись в пэтэу? У нас такое остроумие в кавычках не понимают! Объясните ему, Турчин. Пожалуйста, вам скажет старшекурсник, уважаемый человек, раз вы мне не верите!..

Брадин оставался Брадиным... Турчин взглянул на обложку. В фамилии автора таблиц Брадиса последняя буква была исправлена на «н». Ничего особенного, когда Турчин учился на первом курсе, некоторые ребята тоже переправляли «с» на «н». Зачем они это делали – кто их знает. Просто так, от бездумности, от пятнадцати своих лет. А может, потому, что и Брадис, и Брадин были для них равны между собой и одинаково недостижимы.

Станным было другое. Почему Брадин придаёт этому такое значение? Не только неудовольствие – горечь слышалась в его голосе. Случай вроде бы того не заслуживал.

Как бы то ни было, паренёк действительно поступил нехорошо. Зачем библиотечную книгу портить?.. Турчин сказал:

– Конечно, безобразие. Ты книгу портишь и ставишь в неловкое положение преподавателя. Не он же таблицы составлял... И вообще вы любите писать не по делу. – Турчин выдвинул ящик ближайшего стола. – Пожалуйста! Свободного места не осталось!..

Действительно, фанерное дно ящика и даже его стенки рябили от букв. Над-

писи были самого вольного содержания. Турчин нахмурился, посмотрел себе под ноги. Салажата!.. Что они в этом понимают. Он быстро задвинул ящик.

– За такие вещи наказывать надо!

Он вышел из аудитории и не заметил, что после его слов выражение лица Брадина стало ещё более раздосадованным. Даже уязвлённым.

В коридоре он подумал о надписи, сделанной красным фломастером и оттого особенно бросающейся в глаза: «Любовь – костёр, не кинешь палку – погаснет». Засранцы! Это в пятнадцать-то лет писать. Но представилось ему другое. Он подумал о настоящих кострах, но не ярких, трещащих, а тихих, засыпанных сверху жёлтыми листьями, едва тлеющих, с сочащимся молочным дымом. Такие сейчас в парке, он их видит, когда идёт в техникум. Представились люди, которые там бегают по утрам. Немолодые мужчины, по всему видно, что никогда раньше спортом не занимались, а сейчас бегают для здоровья, спасаются от инфарктов. Хорошие шерстяные костюмы, импортные кроссовки, локти неуклюже расставлены в стороны...

Турчин остановился, напряжённо посмотрел перед собой. Что-то в этой картине утреннего парка показалось ему важным. Дернулся поплавок, пошли круги по воде... Болезненно пытливый наблюдатель, который сидел в нём, подавал знак. Турчин потёр щёку. Ну-ка, по порядку, внимательно...

А если начать самому бегать?..

Турчин быстро сунул руки под мышки. Правильно, бросить пока тренировки к чёртовой матери! Резко бросить, и всё. Конечно!.. Всё просто: перетренировался, мышцы закрепощены – какие могут быть результаты! Возможно? Вполне!..

Значит, так. Немного над техникой работать, лёгкая разминка со штангой, а потом в парк, на воздух, бегать, чтобы лишнего веса не набрать. Пусть отдохнут мышцы. Просто бегать! Хватит себя насиловать!..

Турчин от удовольствия щёлкнул пальцами. Всё правильно, всё верно!.. Никто, конечно, не гарантирует, может и не помочь (что-то ему подсказывало – по-может!), но попробовать нужно. Обязательно!

Есть надежда – есть и смысл в жизни, которую он вёл.

4

Турчина всегда удивляла быстрота, с которой пустело общежитие по субботам. Ещё утром перед занятиями все три этажа гудели от многолюдья и спешки, и, казалось, шагу нельзя ступить, чтобы на кого-нибудь не наскочить. Турчин возвращался после дежурства в кочегарке, а навстречу ему по лестнице, перепрыгивая через несколько ступенек сразу, проносились с полотенцами в руках взлохмаченные со сна ребята. Всеми четырьмя ножками гремели задетые впопыхах столы в коридорах, визжал пластик перил под ладонями, топот и хлопанье дверей слышны были даже на улице...

Так было утром. А часам к шести, когда ещё и темнеть по-настоящему не начинало, общежитие делалось пустым и гулким, будто вымирало.

Первыми, как правило, разбегались ребята, жившие в окрестных сёлах. С рассеянными, беспокойными лицами они едва досиживали до конца третьей пары, потом стремглав неслись в общежитие, торопливо заталкивали в тумбоч-

ки конспекты, прихватывали целлофановые пакеты и литровые банки, в которых привозились из дому смалец и квашеная капуста, и устремлялись к пригородным автобусам. Громко ударяла за ними входная дверь.

После первой схлынувшей волны во всём общежитии на некоторое время устанавливалась тишина. Она, казалось, была ощутима и пухлой вязкой массой, в которой любой звук представлялся одиноким и непрочным, наполняла этажи.

Турчин любил это время. Он специально выбирал такую дорогу из техникума, чтобы прийти, когда всё уже успокоится. Он неторопливо поднимался по лестнице, шёл по трескучему паркету коридора, и от стен с яркими после ремонта узорами, от высоких белых дверей, от матовых плафонов под потолком – от всего вокруг веяло тишиной и умиротворённостью.

В комнате Турчин опускал портфель у своей тумбочки и медленно снимал и вешал плащ – уже самой неспешностью и дремотно прикрытыми глазами готовя себя к тому, что предстояло делать. Не развязывая шнурков, он сбрасывал туфли и ложился на койку. Панцирная сетка прогибалась под его большим телом. Турчин тянулся рукой к тумбочке за учебником.

Но учебник открывался скорее для видимости. Теперь, пока есть возможность (тихо, никого в комнате – по субботам те из ребят, которые не уезжали домой, в общежитие не торопились), нужно хотя бы час поспать. И минуты через две-три Игорь учебник откладывал.

Лёжа с закрытыми глазами, он какое-то время ещё находился здесь, в комнате, чувствовал свои расслабленные мышцы, обмякшее тело, провалившееся, будто в гамаке. Слышал, как кто-то вполголоса разговаривал в коридоре. Потом звуки отсекались, мир вокруг пропадал, и, уже задремав, следя за каким-нибудь причудливо-странным событием, возникшим перед глазами, Турчин бессильно думал, что заснуть надо по-настоящему.

Будил его обычно Славка Калашников, ещё при входе в общежитие во весь голос заводивший свои куплеты о Джоне:

Послушай, Джон,  
Зачем ты пьёшь из унитаза?  
Известно всем давно,  
Что в унитазе есть зараза!..

Каждый куплет, подражая саксофону, Славка сопровождал подвыванием. Его голос прыгающим эхом разносился по лестничным пролётам.

Турчин недовольно садился на койке и ждал, когда Славка откроет дверь в комнату. И когда тот появлялся – с весёлым лицом, в распахнутой, свободно болтающейся на костлявых плечах куртке, – Турчин строго спрашивал:

– Чего орёшь, Геракл засушенный?.. Сколько тебе говорить?

Славка отводил глаза. Он молча шёл к своей койке и, оставив тетрадки, старался поскорее убраться в коридор.

Турчин, с хрустом потянувшись, вставал. Тело было лёгким, мышцы, казалось, позванивали. Честно говоря, он не очень-то и сердился на Славку. Подниматься всё равно было пора – часы показывали половину пятого.

Хотя была суббота, но коридор, как всегда, не пустовал. Вокруг столов устроились старательные и незаметные, все будто на одно лицо, первокурсники. Здесь же ребята постарше, которым нужно готовить курсовые проекты. В наброшенном на

трикотажный спортивный костюм солдатском бушлате со споротыми погонами (его Турчин стал надевать, когда решил вместо тренировок бегать в парке) он направился к выходу из общежития.

Турчин знал, что теперешний покой и тишина обманчивы, и потому старался в общежитии не задерживаться. Нетерпение постоянно ощущалось в этот субботний день. Не пройдёт и часа, как кто-нибудь первый из ребят не выдержит и бросится по комнатам искать уют. И сразу же будто по команде расчёты и чертёжные доски будут отставлены, все кинутся занимать очередь гладиться. А пока та ещё не подошла, станут один за другим выскакивать на лестничную площадку чистить туфли единственной на этаже щёткой...

Вторая волна спешки стремительно распространится по комнатам. Это ребята начнут собираться на дискотеку. Надо было успеть уйти раньше – суматоха раздражала Турчина. А так перед тренировкой нельзя.

Прежде чем идти в парк, он до первого пота разминался на баскетбольной площадке, а потом шёл в спортзал и немного, лишь бы не отвыкли мышцы от нагрузки, работал со штангой. Но сначала баскетбольная площадка. Он бежит, подрагивают в такт грудные мышцы, кеды слегка проскальзывают на песке, невидимым тонким слоем покрывающем площадку.

Турчину нравилось, что надо прилагать усилие, чтобы бежать по такой земле, что бушлат, в карманах которого лежали два пятикилограммовых диска от штанги, оттягивал плечи. Он верил, что всё это не пройдёт даром, всё обернётся пользой. Понемногу становилось жарко, но он бушлат не расстёгивал. Круг за кругом по площадке, энергичные движения согнутых рук. Кожу начинало мелко покалывать – верный признак, что выступает пот. Хорошо!..

Когда Турчин чувствовал, что размялся достаточно, что спина под бушлатом мокрая, а в мышцах – это главное! – появилось ощущение нетерпения, эластичной готовности, он направлялся в спортзал.

Ещё в тесном коридорчике он прислушивался, пытаюсь понять, есть здесь кто-нибудь или нет. Он шёл мимо неразличимых после улицы дверей раздевалок и подсобок (на никелированных ручках слабо лучись гнутые полоски неизвестно откуда проникающего света), вдыхал привычные запахи и знал, что вот за этой, терпко пахнувшей хвоей и немного химией дверью стоят рядами, терпеливо дожидаясь зимы, натёртые мазью лыжи. Здесь – пресный запах сложенных один на другой старых пыльных матов. А вон в той комнатухе, брошенные в кучу, лежат безрукавки, трусы и гетры, а вокруг них дымный запах здорового крепкого пота.

Всё было знакомо, почти неосознаваемо, всё настраивало на трудную, истовую тренировку.

Толчком ладони он распахивал дверь и вступал из тёмного коридора в спортзал. И облегчённо, свободно вздыхал. В зале никого не было. Пустынно и чуть сумрачно, пологие полосы вялого осеннего солнца протянулись от больших окон, затянутых частой сеткой. В тишине уютно пахнет нагретым деревом.

Надо было немного поработать над техникой. Перед каждым подходом Игорь тщательно поправлял диски (тонко, оборванно звякало железо). Поджимал их замком и пробовал, хорошо ли вращается гриф, а то совсем некстати можно повредить кисти. Выпрямлялся. Смотрел широко раскрытыми глазами в дальний

угол потолка. Настраивался. Не было никаких посторонних мыслей – сейчас для него вообще ничего не было, кроме вот этой вот штанги и памяти мышц – памяти, которой они заученно знают, что надо делать.

Тело гудит от прилива крови, мощно и размеренно бьётся сердце. Приходится сдерживать себя, не выкладываться, работать с небольшими весами. Это было нелегко. Мышцы требовали нагрузки.

Турчин особенно любил тренировки по субботам ещё потому, что в этот день в техникуме после обеда занятий не было. Часть групп училась во вторую смену, и Турчину больше всего не нравилось, когда вдруг в спортзал вваливались тридцать громкоголосых охломонов. Прежде чем построиться у брусьев или перекладины, они, проходя мимо, с удовольствием, звучно шлепали коня по гладким дерматиновым бокам. Сразу делалось шумно, пыльно и суетливо.

Игорю ничего не оставалось, как только хмуро поглядывать на Женю Гордейко, который приводил эту ораву. Стоило на минуту отойти от штанги, как возле неё уже возилось несколько ребят. От перекладины, возле которой выстраивал их Гордейко, слышалось бодрое: «К снаряду! Так, хорошо... Чётче, чётче фиксируй вис!», а эти пацаны с левого, дальнего от Гордейко фланга потихоньку пробирались за спинами к помосту и, краснея от натуги, по очереди пытались взять штангу на грудь.

У них ничего не получалось. Штанга с грохотом падала, откалывая от помоста белые щепки. «Ну-ка, в строй, быстро! Чтоб я вас не видел!» – прикрикивал на них Турчин. Вот такие же гераклы разбились уже один помост и замки на штанге испортили...

Игорь гнал их ещё и потому, что боялся – вдруг начнут просить, чтобы он показал, как правильно выполняется, допустим, рывок, а он не удержится и под восхищёнными взглядами начнёт молча выбрасывать вверх тяжёлую штангу. Ему нравились восторженность, это выражение преданности и обожания на лицах, в такие минуты Турчин наслаждался, душа упоительно плыла, и он готов был ещё и ещё раз поражать всех своей силой.

Но он знал и то, что подобные тренировки ничего не дают, их и тренировками назвать нельзя, потому что это уже цирк, несерьёзно, и задание, которое он давал себе, не выполнялось. Весь план летел к чёрту, и оставался неприятный осадок на душе, и больше обычного слабели ноги.

Турчин чувствовал, что в нём сидит кто-то ещё – тщеславный, глуповатый, – которому нельзя давать воли, всё время надо одергивать, а то он, этот второй, бог знает, что может натворить. Знать о себе такое было неприятно.

Когда Турчин уже заканчивал разминку со штангой, в спортзале появился Витя Шин. С ним был какой-то незнакомый парень.

– Привет. – Издали улыбаясь, Витя подошёл быстрой лёгкой походкой и пожал ладонь. – Тебе ещё долго?

Турчин как раз отдыхал между подходами, неторопливо кружил вокруг помоста, глубоко дышал и потряхивал расслабленными руками. Вместе заниматься они не могли – Игорь был почти на сорок килограммов тяжелее Шина, а штанга в зале только одна. Каждому пришлось бы перед подходом долго менять вес, а это уже не тренировка.

– Скоро кончаю. – Турчин кивнул на парня. – Ты про него говорил?

– Ага! – Витя Шин радостно оживился. – Знаешь, находка будет для команды,

точно. В полусреднем весе первое место займёт. Вот увидишь! Как это, пословица есть: то ни гроша, а то целый алтын.

У Вити Шина была слабость – при случае он любил козырнуть знанием русского фольклора.

Турчин внимательно посмотрел на новенького. Это был среднего роста парень лет восемнадцати, широкогрудый, с короткой крепкой шеей – сразу видно, сильный от природы. Таких штанга любит. Но глаза неприятные: с самоуверенным прищуром, нагловатые. Новенького явно не смущало, что стоит он перед человеком, о котором в техникуме знает каждый.

«Король, наверно, в каких-нибудь Перебыковцах, – подумал Турчин, которого всегда забавляли названия местных деревень. – В институт не поступил, вот родители и отправили в техникум – конкурса для десятиклассников почти не бывает...» Ему был знаком такой тип людей – в армии вдоволь с ними навозился. Чэпэшники, дисциплины для них не существует. У этого всё ещё впереди...

– Ну-ну, сказал Турчин. – Хорошо, если бы алтын.

Они с Витей заговорили о скором первенстве области – тема для обоих была волнующая – и выпустили парня из виду. А когда опять посмотрели в его сторону, то увидели: новенький стоял на помосте и жал штангу. В зубах у него была сигарета.

У Турчина раздулись ноздри.

– Иди-ка сюда, дружок... – Он поманил новенького пальцем.

Новенький от колен, не нагибаясь, бросил громыхнувшую штангу (тоже мне вес называется! – казалось, говорил весь его вид) и неторопливо подошёл к Турчину.

– Тебе сколько лет? – особым тоном спросил он.

Вопрос был риторический. После него новенькому полагалось почувствовать всю разницу между собой и Турчиным, взрослым, служившим в армии человеком, и осознать свою незначительность. А тот продолжал наглогато смотреть в глаза.

– Запомни раз и навсегда, юноша! – жёстко выговорил Турчин. – Здесь не колхозный клуб, а ты не первый парень на деревне! Всё понятно? Если ещё раз закуришь в спортзале – выброшу через окно.

Новенький с сомнением посмотрел на окна.

– Через какое?..

Это было слишком! Турчин шагнул вперёд и ухватил его за ворот. Новенький, скособочив шею, дернулся, пытаясь высвободиться, от унижения и ярости глаза его посветлели, но Игорь держал крепко. И чувствовал, что парень в самом деле сильный.

– Пусти, – сказал новенький сдавленным голосом.

Турчин отпустить не спешил.

– Тебе всё понятно?

– Пусти!

Турчин повысил голос.

– Тебе всё понятно?!

Парень, наклонив голову, молчал и пытался высвободиться. Он зло косился на Турчина и два раза попробовал достать его ногой. Но Игорь, закрутив ворот куртки, сжал шею так, что лицо у парня побагровело. Наконец снял руку.

– Считаю, что я тебя предупредил, – стараясь выглядеть спокойным, сказал он. – Сейчас раздевайся. Будешь тренироваться с Шином.

Новенький, ворочая шеей, отошёл в сторону. Но смирения на его лице что-то не было видно. «Ничего, дружок, обломаешься!» – подумал Турчин. А Вите Шину, который неодобрительно посматривал на него, сказал:

– Такому только на пользу пойдёт. Наглец, честное слово! В спортзале – курить!.. Ты не переживай, его не прошибёшь – толстокожий, сразу видно.

Но у самого неприятный осадок остался. Остался и всё время Игорь его чувствовал. И когда трусил вниз по улицам к парку, и в самом парке среди полуоблетевших деревьев и вяло дымящихся костров.

Погода была сухая, холодная – настоящая предзимняя, хотя всего только шёл октябрь, – и парк просматривался непривычно далеко и ясно. Турчин бежал по пружинящим опавшим листьям и думал о том, что сам бы он не смог вести себя так со старшими, а этот может. В чём здесь дело? От природы он хамоват или потому, что вырос в довольстве (в этом Игорь не сомневался – вон какой румянощёкий и крепкий!). Наверняка дома его любили и ублажали, ни в чём он отказа не знал, а у него, Игоря, всё было по-другому...

И так ли уж это хорошо, когда бывает гладко? При безбедной жизни утрачивается что-то важное, не бывает благодарности и уважения маловато – благополучному, заплывшему жирком человеку кажется, что иначе и быть не могло. У него сравнивать не с чем – с худшим, пережитым. Хотя, конечно, что говорить, шевельнулась зависть к жизни этого парня, шевельнулась!.. Но кого винить, что детство у тебя самого выпало нелёгкое? Да и сейчас не так уж сладко – учёба, по ночам дежурство, толком не выспишься, а ещё занятия штангой, к которым привык, втянулся. И не бросишь, хотя трудно.

Турчин давно почувствовал свою обособленность, это ещё дома началось, и смирился, свыкся с ней. У него не было отца, его одного с их улицы отдали в интернат, после восьмого класса пришлось идти работать... Всё ему давалось труднее, чем другим ребятам. Встречаясь с бывшими одноклассниками (восьмилетку Игорь окончил уже в посёлке – после шестого класса мать забрала из интерната, надо было помогать дома), он стеснялся того, что у него нет джинсов, стеснялся своих мыслей о заработке, о новых ботинках для близнецов – обувь на них так и горит... Это сейчас для Турчина нет ничего привлекательного в танцах, его уже раздражает бессмысленное топтание на месте, не в меру накрашенные молоденькие девчонки, с которыми не о чём поговорить, и задиристо поглядывающие по сторонам подростки. А тогда...

Он хорошо помнил, как в субботний вечер, отмывшись после работы, направлялся к школе. Окна в зале на первом этаже освещены, у дверей стоят дежурные из его бывшего класса – беззаботные, весёлые ребята в шикарно вытертых джинсах и тонких свитерах под горло, – и это хорошо, что свои, пропустят безо всяких. Игорь поднимался по широким, немного стёршимся посередине каменным ступеням школьного крыльца, слышал музыку из зала, от девчонок, попадававшихся навстречу, удивительно хорошо пахло – и у Игоря внутри начинало счастливо подрагивать...

Но он уже был здесь чужаком. Как-то Лёнька Британов при всех громко назвал его жестянщиком. Собственно, он и был тогда жестянщик, в маленькой мастерской у базара делал сточные желоба из оцинкованного железа («рыновы», как говорили в окрестных сёлах, откуда в основном поступали заказы), мастерил глухо

гудящие ящики духовок – всё, конечно, так. Но сказано это было с явным намерением оскорбить. Что ему, Британову, – его отец, главврач поселковой больницы, был жив и здоров, школу Лёньке бросать не пришлось. Он сейчас, кажется, уже институт окончил, даже в армии не служил...

Особенно болезненно заделали эти слова потому, что Игорь как раз танцевал с Валей Бежнар. Она всё слышала. Игорь дружил с Валей с седьмого класса – чистенькая девушка с лёгкими вьющимися волосами над выпуклым лбом, – но чувствовал себя в последнее время как-то неловко. Валя отличница, на золотую медаль идёт, а он целыми днями в тесной мастерской среди грохота жести и пахнущих чесноком напарников. Было в этом смутно досаждающее несоответствие. Даже мать, которая обычно ни во что не вмешивалась, работала и молчала, молчала и работала, сказала как-то со вздохом: «Она тебе не пара, сынок. Ты простую девушку найди, ровню нам». Игорь, конечно, рассердился, назвал мать тёткой с отсталыми взглядами, но её слова засели занозой.

В общем, они с Лёнькой Британовым подрались. Дежурные вывели их обоих с танцев, Лёнька моментально куда-то исчез, и Игорь, поискав и не найдя его, вернулся к школе и принялся ходить под окнами зала, из которых слышна была музыка. Он попробовал было вернуться в зал, когда немного успокоился, но дверь школы оказалась закрытой на ключ. Она молча, тупо, непрошибаемо отгородила его от всего того, что происходило в зале. Готовый заплакать от обиды и несправедливости, Игорь отошёл от двери. За празднично освещёнными окнами продолжалась своя жизнь, будто ничего не случилось.

И, слоняясь в тот вечер вокруг школы, Игорь ясно – будто вспышка света в темноте – вдруг понял, что он не такой, как все эти ребята в зале. Другая у него судьба, другая жизнь. И виноватых нет. На самого себя можно только надеяться, на свою волю и трудолюбие. У ребят есть родители, они помогут, а ему надо самому – какая на мать надежда? Она вон с отчимом, никчемным человеком, разобраться не может...

Из куста сирени выскочил заяц. Собственно, он появился даже не из куста – здесь, в глубине парка, был целый островок сирени, густой от молодых нерасчищенных побегов, с ещё не опавшими мясистыми листьями.

Заяц выскочил из зарослей, мгновение помедлил, настороженно приподняв усатую мордочку с торчащими большими ушами, потом задал стрекача. Он нёсся крупными скачками, высоко вскидывая задние лапы и опустив уши на спину.

Турчин от неожиданности приостановился. Ух ты!..

Он знал, что в парке живут белки, не раз их видел, но заяц ему встретился впервые. Откуда он здесь взялся?.. Мгновенно поддавшись азарту, Игорь бросился за ним.

Заяц, петляя, то пропадал за деревьями, то опять появлялся.

На фоне опавших листьев его серая шкурка была хорошо видна, при каждом прыжке мелькал белый хвост. «Что это я, в самом деле? – вдруг подумал Турчин и замедлил бег. – Охотничья собака?..». Он понимал, что гоняться за зайцем нелепо, по-ребячьи глупо, но тем не менее остановиться не мог, продолжал бежать, хотя теперь уже не так быстро.

Любопытно было, куда заяц спрячется. Ведь не лето, голо кругом.

Временами заяц совсем исчезал, и казалось, что его нет и не было. Но Турчин

трусил к тому месту, где зверёк мелькал в последний раз, и тот появлялся опять, словно выскакивал из-под земли, вновь мельтешил серым пятном между деревьями. «Не спрячешься здесь, дурной, не спрячешься! – укоризненно обращался к нему Турчин. Ему и хотелось, чтобы заяц убежал, и жаль было, если бы такое случилось, – всё же развлечение в его однообразном беге. – В сирень давай, там не видно, там надёжно!..»

Но к островкам сирени заяц не сворачивал. Он нёсся дальше, листья вылетали из-под его длинных задних лап, и на какое-то время совсем пропадал из виду. Однако Турчин упрямо бежал следом, вспугивал его, затаившегося, опять, и заяц вновь уносился.

В его поведении уже появилось что-то паническое. Игорь удивился: слабые, оказывается, у зайца нервишки! Чего паниковать, ещё и километра не пробежали!..

Зайца нельзя было отпускать далеко, иначе он действительно мог затеряться, и Турчин старался не отставать. Спина уже взмокла, струйки пота текли по ложбинке вдоль позвоночника, во рту появился медный привкус, но Турчин продолжал преследование. Можно было, конечно, бросить эту затею – не всё ли равно, где заяц прячется, – к чему себя изнурять, навредить можно организму. Но у Игоря возникло новое упрямое желание: узнать, как долго он может выдержать такой темп, а главное – заставить себя его выдержать, сколько понадобится.

Дело было безнадежное – разве можно перебежать зайца! – но Турчин только ниже нагнул голову. Он не успокоился, когда заяц шмыгнул к глухому дощатому забору, отделяющему парк от питомника пединститута. Видимо, в заборе была лазейка, и заяц устремился к ней.

Так было бы слишком просто, зайцу нельзя дать скрыться! Турчин тоже бросился к забору и принялся колотить в него ногами. Тонкие доски звонко дребезжали. Успел или нет?.. В похожих на сугробы ворохах листьев, которую здесь, на задах парка, никто не убирал, увидеть ничего было нельзя. Турчин побежал вдоль забора, стучал в него кулаком, торопливо загребал и подбрасывал ногами листья. Зайца не было. Турчин подпрыгнул, заглянул за забор, ничего рассмотреть не успел, кинулся обратно, потом остановился, попробовал оглядеться спокойно. Удрал!.. Ему было досадно, что задуманное сорвалось: сколько он может выдержать, так и останется неизвестным, – но тут опять увидел серый комок между деревьями по эту сторону забора и бросился следом. «Не ушёл! Не ушёл!.. – радостно билось в голове. – Не вышло у него!»

Чему так обрадовался – он и сам не понимал. Будто не предстояло опять бежать, хватая ртом воздух и чувствуя, как слабеют мышцы. Давно уже не было азарта, осталось одно упрямство, да и то через силу. Турчин вполне контролировал себя, мог бы свернуть в сторону, не преследовать больше зверька или просто перейти на шаг – так хотелось это сделать. Но как раз потому, что хотелось, не делал. Несмотря на усталость, в нём пульсировала радостная мысль: вот он вымотался, бежит из последних сил, но всё бежит, не сдаётся – победил себя!

Ему показалось, заяц скачет сейчас быстрее, и он тоже надал, хотя воздуха не хватало. Лёгкие жгло, и сил не было. Исчезала трезвая ясность ощущений, голые чёрные деревья, присыпанную листьями шуршащую мягкую землю вокруг, блеклое небо затянуло струящееся марево, будто в знойный июльский полдень, всё казалось зыбким, беспокояще неустойчивым. Ещё немного – и благоразумие

взяло бы верх. Но тут случилось непонятное. Заяц подпрыгнул вверх и упал неподвижно.

Удивляться не было сил. Турчин подбежал к зверьку. Тот не шевельнулся. Перед глазами мерцали чёрные точки, резко останавливаться нельзя. Турчин перешёл на трясцу, мыслей в голове не было, ничего не хотелось, он сделал круг, опять вернулся к зайцу, ходил, обессилено опустив плечи и запалённо дыша... Заяц был мёртв. В его тускнеющих глазах миниатюрно и чётко отражалось ближнее дерево. «Почему? Не выдержал, разрыв сердца?..» Турчин поднял зайца за лапы, дрожащей рукой подержал на весу. Заяц был длинный, намного длиннее, чем казалось, когда бежал. Что теперь с ним делать?..

Турчин не думал, что всё так может закончиться. Он чувствовал досаду и разочарование. Будто заяц обманул его и подвёл в чём-то очень важном.

Ещё издали было видно, что привезли уголь. Уголь предназначался для котельной, но высыпали его на улице рядом с калиткой, потому что подъехать к котельной было невозможно – в литом чугунном заборе ворот не было.

«При капитализме строили, – подумал Турчин. – разве о рабочем человеке думали? Опять придётся вручную таскать».

В прошлом году все пятнадцать тонн кочегары переносили во двор общежития вёдрами. Вон Эдуард и сейчас уже носит. Турчин видел, как сменщик вышел из калитки, опустил вёдра, взялся за совковую лопату.

– Давно начал? – окликнул его Турчин.

Эдуард выпрямился, подождал, когда Игорь подойдёт ближе, глуховато сказал:

– Только что. Полчаса, как привезли. – Он смотрел на зайца. – Откуда это у тебя?

Турчин потрянул рукой, тоже посмотрел на зверька, уши которого едва не доставали до земли. И ответил так, будто ловить зайцев было для него ежедневным делом:

– Да вот, попался. Забегал я его в парке.

– Как – забегал? – не понял Эдуард.

– Элементарно. Сердце у него не выдержало. Я оказался выносливей. Не мог, голубчик, убежать!..

Он чувствовал, что говорит как-то не так. Уж слишком просто, глуповато и хвастливо получалось, если верить его словам. В который раз Турчин отметил, что ведёт себя при сменщике неестественно.

Младший Долгополов подошёл поближе, внимательно осмотрел зверька, не прикасаясь к нему.

– Это не заяц. Это кролик. Просто одичал. – И спросил, вскользь взглянув на Турчина: – Не жаль? Ведь убил...

Турчин сузил глаза. Раздражение, которое исподволь накапливалось в нём к Долгополову, этому непонятному парню, и неудовольствие оттого, что не может вести себя с ним так, как с любым другим человеком, просились наружу.

– А ты спроси, мне тяжело не было?.. Ему от природы бегать полагается, а я догнал. Человек!.. Мне не обязательно, а я сумел, заставил себя! Ты сможешь?! Заяц!..

– Это кролик.

– Пусть кролик! Сумей ты. А потом будем разговаривать. Но сначала сумей!..

Понял?

Эдуард равнодушно пожал плечами и взялся за лопату.

Турчин напряжённо, с вызовом смотрел на него.

## 5

На следующий день, когда Турчин уже успел отдохнуть после ночного дежурства и, сидя у окна в коридоре, чертил на белоснежном ватманском листе общий вид двухступенчатого редуктора – свой курсовой проект, – его кто-то сзади легонько хлопнул по плечу.

Игорь с неудовольствием оглянулся. Он не любил, когда ему мешали, к тому же черчение, эта мелкая кропотливая работа, доставляло ему удовольствие.

Это была Тоня. Девушка игриво отдернула протянутую руку, будто только что собиралась ещё раз прикоснуться к его плечу.

– Я за тобой... Пошли, жаркое готово, – нараспев проговорила она. Щёки у Тони румянились, глаза смотрели открыто и весело.

Как всегда, когда Турчин видел Тоню, у него внутри что-то сладко дрогнуло. Обычно он смотрел на девушек и невольно отмечал, что эта симпатичная, а эта нет, из той должна получиться хорошая хозяйка – вон какая аккуратная, а у этой стержневой характер, по лицу заметно. Но когда он видел Тоню, ни о чём таком не успевал подумать. Что-то в нём начинало радостно вибрировать. И совсем неважным становилось, какой у Тони характер и получится ли из неё хорошая хозяйка. Словно в душе у Турчина существовала незаполненная формочка, и Тоня, нет, даже не сама она, а ощущение, вызываемое её округлым лицом, мягкой, неторопливой походкой, манерой произносить слова, прямым чистым взглядом – точь-в-точь совпадало с той странной формочкой в душе и счастливо, плотно заполняло её.

– Ну, что смотришь?.. Жаркое стынет.

Турчин отложил покотившийся и застучавший гранями по столу карандаш и, уже догадавшись, в чём дело, всё же спросил:

– Какое жаркое?

– Из твоего зайца. Круглей снял шкуру, а тётя сегодня приготовила... Пошли, пошли, ждут тебя!

Вчерашний свой трофей Турчин отнёс коменданту общежития – он не знал, что делать с зайцем, а выбрасывать было жалко. Задев дробно прыгнувший ножками по паркету стол, Игорь всем телом повернулся к девушке и вдруг, будто от яркого света, заслонился рукой.

– Ах! Глазам смотреть больно!.. Никак у вас приём сегодня? – Он заговорил шуточно, так, как между ними было принято. Себя второго, сейчас восторженного, влюблённого, простодушного, он глубоко прятал. Со стороны невозможно было догадаться о том, что он чувствовал.

– Думаешь, кроме джинсов, у меня ничего нет? Ошибаешься, я невеста богатая, будь спокоен! – Тоня сделала шаг в сторону и, приподняв плечи и уперев руки в бёдра, исподлобья посмотрела на Турчина. Она копировала позу из какого-то

журнала мод. Платье эффектно, ладно облегалo её тело. – Ну, что скажешь? Смотрюсь?

– Не то слово!..

– То-то же! Ну, пойдём, а то дядюшка Круглей сердиться будут. – И Тоня с усмешкой обвела взглядом тех немногих ребят, которые занимались в тот воскресный день в коридоре. Она словно приглашала посмеяться над строгим комендантом.

Тоня появилась в общежитии в середине этого лета, когда Турчин работал грузчиком на товарной станции. Появление незнакомой симпатичной девушки вызвало интерес у ребят, которые тоже остались подзаработать за лето. Интерес понятный: общежитие было мужским – те немногие девчонки, которые учились в их машиностроительном техникуме, жили не здесь, а во втором корпусе на другом конце города.

Приветливо посматривая на ребят (казалось, только заговори – она с готовностью ответит), девушка поднималась на четвёртый этаж, где были квартиры коменданта и некоторых техникумовских преподавателей. Вскоре стало известно, что это племянница Круглей, и желающих познакомиться с ней поубавилось. Вернее, Тоня была племянницей не коменданта, а его жены, но это дела не меняло. Лишний раз сталкиваться с Круглеем никому не хотелось.

К тому же, можно было догадаться, приезд Тони имел свои причины. Однажды Игорь услышал, как жена коменданта, рыхлая женщина с бледным, в тонких морщинах лицом, сказала племяннице: «Ты на парней не зыркай! Я за тебя перед матерью отвечаю!» Голос её в лестничных пролётах был гулок. «Ладно вам», – тоскливо отозвалась девушка. «Не ладно, а слушай! Больше ехать тебе некуда. И так мать из-за тебя раньше времени старухой стала».

Турчин как-то помог Тоне донести сетку с картошкой из магазина. Тоня сама окликнула его, когда он проходил мимо, возвращаясь из столовой. «Вот хорошо, – сказала она, открыто, без смущения глядя в глаза. – Ведь вы в общежитии, на втором этаже живёте?.. Поможете?» С тех пор они стали здороваться, встречаясь на лестнице. А когда в сентябре Тоню приняли в профтехучилище (странно, конечно, для пэтэушницы она была слишком взрослой – выглядела Тоня лет на двадцать), Турчин помог ей сделать несколько чертежей. Так, ерунда, какое у них там черчение в пэтэу...

– Ты так быстро, – сказала Тоня на лестнице и взяла Турчина под руку, придерживая. – Не торопись, не убежит твой заяц... – Она тихо засмеялась и прижалась к нему грудью.

От её прикосновения ток прошёл по телу. Турчин на мгновение замер. Ему было и хорошо, и неловко. Девушка ему очень нравится, это так, но что с того, если всё равно нельзя, не может он себе ничего с ней позволить. Да и слишком она откровенна. Турчин такого не любил.

Он осторожно высвободил руку и сказал, стараясь, чтобы слова его прозвучали мягко:

– Травмированного человека, Антонина, жалеть надо. До соревнований меньше месяца, а ты на потянутой руке виснешь.

Девушка пожалала плечами и отодвинулась.

– Пожалуйста.

Турчин остро почувствовал всё несоответствие между собой, девяностокилограммовым, от силы неповоротливым, – и своими жалкими словами. Он нахмурился. Но всё равно к девушке не придвинулся.

Иван Леонтьевич Круглей был похож на немолодого кавказца – черноглазый, носатый, длинные редкие волосы зачёсаны поперёк обширной лысины. Он крепко пожал руку Турчина и, не выпуская её, повёл в комнату. Ростом он был Игорю по плечо.

– Заходи, заходи!.. Маша, давай жаркое, – крикнул он в дверь кухоньки и опять повернул к Турчину своё худое, в жёстких складках лицо. – Что, думаешь, зажал комендант зайца? Э, плохо ты меня знаешь! Садись. Жаль, шкурка никуда не годится, – осень, линяет, а то можно приспособить. Что, неправильно говорю? Ничего не должно у хозяина пропадать, всё должно идти в дело!..

Посреди комнаты стоял стол под белой скатертью. Четыре прибора, цветы в вазе, накрахмаленные салфетки... Турчин приостановился. К такому он не привык. «Неспроста это», – подумалось ему.

– Всё надо уметь! Что за мужчина, если у него руки не из того места растут? Получил комнату – ничего не было, ни воды, ни газа! Маша воду ведрами из умывальника носила, – энергично, громко продолжал комендант, подталкивая Турчина к столу. – А сейчас посмотри. Всё своими руками! Воду провёл, газ провёл, туалет отдельный, кладовка... Да садись ты, чего стоишь! Заслужил, твой заяц, всё нормально! Тоня, помоги тётке.

Он подождал, когда девушка выйдет на кухню, и подмигнул Турчину:

– А мы пока по-мужски... – Из буфета достал графинчик с наливкой, твёрдой рукой наполнил два стаканчика. – Попробуй, для аппетита хорошо. Вишняк у нас называется, из вишни. Чистый сок, никакой химии!

Турчин стал отказываться:

– Мне нельзя. Сегодня тренировка.

– Э, брось! Ты здоровый, тебе это, как слону дробинка. Я студента сам спаивать не буду. Ну, бывай! – И Круглей опрокинул стаканчик в рот.

Игорь помедлил, пристально, смешливо прищурил глаза, посмотрел на коменданта.

– Из тех вишен? – Он кивнул на окно.

– Верно. А что?

– Ну, тогда попробовать надо... – Турчин пригубил наливку.

Вопрос был с подковыркой. Во дворе общежития росло несколько вишнёвых деревьев, от которых летом комендант постоянно гнал ребят. «Дикость! – негодовал Иван Леонтьевич, поймав кого-нибудь на дереве. – Кто ломать разрешил?! Ветку сломал, кору ободрал! Все борются за сохранение зелёных насаждений, а здесь... Слезть немедленно! – И переходил на беспощадное «вы»: – Сегодня пишу докладную директору, пусть лишит вас общежития. Раз нет у человека совести, с ним надо поступать соответственно!..»

Вишни благополучно созрели, и в один прекрасный день Иван Леонтьевич появлялся под деревьями с лестницей и ведром. На помощь звался кто-нибудь из первокурсников, полегче и половчее. «Культурно надо, осторожно, – приговаривал Иван Леонтьевич и горсть за горстью опускал ягоды в ведро. – А то налетят, как саранча...»

– Ваня, возьми. – В проёме кухонной двери появилась жена Круглея. В руках она держала большое блюдо. – Возьми, я сейчас, передник сниму...

Иван Леонтьевич живо перехватил у жены жаркое, густо посыпанное сверху зеленью, и осторожно опустил блюдо на середину стола. Комендантша вернулась на кухню, через минуту вышла, одёргивая туго сидящее на ней платье и поправляя волосы. Как и Тоня, она тоже сегодня выглядела принаряженной: платье новое, жидкие волосы уложены в причёску, губы на бледном, будто присыпанном мукой лице подкрашены. Она высоко вздёрнула брови и заговорщицки проговорила, подавшись к мужчинам:

– Только тихо, Тоня сама зайца готовила!.. Вот кому-то жена достанется. Молодец девка, всё по хозяйству умеет. – Она задержала многозначительный взгляд на Турчине. Потом оглянулась на кухню и по-свойски крикнула: – Ты скоро там? Поворачивайся, ждём!

Появилась Тоня. В одной руке она несла салатницу, доверху наполненную салатом из помидоров с луком, в другой – исходящую паром варёную картошку. Комендантша опять посмотрела на Игоря. Видишь, словно говорило её лицо, хозяйка!..

Уселись за стол. Турчина посадили напротив Тони. Иван Леонтьевич с торжественным видом, немного хмурясь, налил каждому вишнёвки.

– Ну, за упокой души... – Он поднял свой стаканчик.

Комендантша отставила наливку и возмущённо воскликнула:

– Ты что это? Люди собрались воскресенье отметить, а он!..

Возмущение было деланным – комендантша сразу поняла, что имеет в виду муж.

– За упокой души зайца! – махнул на неё рукой Иван Леонтьевич.

– А, тогда ладно. – Комендантша с готовностью взяла свой стаканчик. – И за Игоря пьём. Такой заяц на базаре десятку стоит. А жирный!..

Иван Леонтьевич многозначительно закивал, перебивая её:

– Не спеши. За Игоря в свой черёд, не последняя.

Жена погрозила ему кулаком. Круглей жуликовато улыбался. Тоня сидела между родственниками и открытым взглядом смотрела то на тётку, то на Круглея.

– Ты ухаживай, ухаживай за парнем, – подтолкнула её комендантша. – Сама позвала, а тарелка пустая. Ну, скажет, и невеста, баснями кормит!..

Турчин быстро взглянул на Тоню. «Шутят? Или в самом деле в женихах хожу?..» Тоня с невозмутимым видом взяла его тарелку и принялась накладывать рассыпчатую, сахаристо блестящую в изломах картошку, белый от сметаны, пахнущий укропом салат. Отрезала большой кусок зайца и, поддерживая вилкой, перенесла его Игорю в тарелку, полила сверху соусом...

Игорь непроизвольно сглотнул. Он забыл, когда вот так ел. Но тут же привычно подавил свои желания. Сдержанно сказал, прикидывая про себя, не лучше ли уйти, – уж слишком откровенно за него сватали:

– Много не надо. И так лишний вес.

– Он скромничает. Тоня, не слушай!..

– Нет. Правда, – Турчин забрал тарелку из Тониных рук. – Два килограмма лишних.

Иван Леонтьевич прожевал и чувством сказал:

– Ты как знаешь, а мне за тебя обидно. Обидно, и всё! Что ты с этой штангой носишься!.. Что за польза? Поесть нельзя! Платят кому – чемпионам, заслуженным мастерам спорта?.. Я давно хотел по этому вопросу с тобой поговорить. Здоровый, самостоятельный парень, а силы не туда тратишь!..

Турчин усмехнулся. Коменданта он знал не первый год, Круглей был перед ним как на ладони. Всё, что он может сказать, как поступить, угадать было нетрудно. У него вон даже выражение глаз какое-то выгадывающее. Турчин всё же спросил:

– А куда надо тратить?

Круглей бросил на него стремительный взгляд.

– А ты не улыбайся! Молодой ещё. – Он поборол раздражение и заговорил, сначала медленно, потом всё быстрее, напористей: – Это сначала кажется, что силам конца не будет. Ты не думай, я не о себе, я и сейчас ещё – будь здоров, но всё равно уже не то! Если б сразу делал, как надо, то теперь не в комендантах бы ходил... Ты скажи, что тебе с этими пацанами учиться? Почему на заочное не перейдёшь? Смотри вон, техникуму нужен мастер производственного обучения. А ты слесарное дело знаешь! Платят, конечно, немного, зато комнату дают, постоянная прописка... Жизнь можно строить! Что у тебя впереди? Хорошо, закончишь техникум – по распределению ехать надо, верно? В городишко какой-нибудь занюханный, а то и в село. Так? Ты извини, я с тобой откровенно, – Иван Леонтьевич понизил голос, приблизил к Игорю лицо. – Все в город, на асфальт, к культуре ближе, в любую щель влазят, а ты наоборот!.. Что, не так? Это пацанам не страшно, им ещё в армии служить, а как там после службы повернётся – неизвестно. А тебе надо свой курс держать, выработать линию. Сколько тебе уже, двадцать три?.. Видишь, пора о серьёзном думать. А ты все силы на штангу. Мне бы кто в своё время вот так подсказал!..

Игорь знал, комендант относится к нему доброжелательно. Недаром из всех техникумовских ребят именно его взял на работу в кочегарку. Иван Леонтьевич, конечно, и сейчас желал ему добра – так, как понимал его сам. Не совсем, может, бескорыстно, но желал.

Однако не это сейчас было для Игоря главным. В последнее время, особенно когда результаты перестали расти, Турчин всё чаще спрашивал себя, так ли живёт. Вышло, что штанга в его жизни заслонила всё. Может быть, сам того не заметив, он перешагнул черту здравого смысла и попутное, второстепенное стало для него главным?..

Вот напротив сидит девушка. От одной мысли, что он может обнять её, поцеловать – сбивается дыхание и начинает частить сердце. Но он избегает Тоню, боится, что встречи с ней нарушат привычную жизнь, отразятся на распорядке дня, в котором на первом месте – тренировка. Нелепо, глупо!.. И в то же время стоит только подумать, что можно забросить штангу, не слышать в гулкой пустоте спортзала грохот падающего металла, не чувствовать счастливого состояния мышц, когда каждая клеточка, каждое волоконец слитно и чисто звенят – до боли, до стона становится плохо!

Нет, те мысли от слабости, от растерянности, оттого, что результаты не растут. Тем более, что это знакомо, где-то подобное он уже слышал. Турчин наморщил лоб, глуховатый голос, звук дробящегося угля под подошвами ботинок с металлическими заклёпками, рассеянный свет от настольной лампы... Эдуард!

Конечно! Ну уж нет, походить на него Игорь не желал!.. Сам того не замечая, он с силой упёрся в стол локтями.

– Осторожно, перевернёшь!.. – с весёлым беспокойством крикнула жена коменданта. – Ну, Игорь, и здоровый же ты!

Турчин неловко улыбнулся.

– Задумался...

– Во, во, думай! – подхватил Круглей. – Есть над чем! В твоём возрасте люди семьёй обзаводятся, а ты всё в игрушки играешься. Что, неправду говорю?

Игорь знал, Иван Леонтьевич его не поймёт, да и не собирался он всерьёз разговаривать с ним на эту тему. Игорю не понравилось другое. Слишком уж фамильярен комендант. Потому, что на обед пригласил?.. Не с пацаном всё же разговаривает.

– Знаешь что, Иван Леонтьевич, – сказал он, глядя на коменданта, – в мои дела лезть не надо. Сам как-нибудь разберусь.

Возникла неловкая пауза. Лицо Круглей покраснело. Турчин положил вилку, он готов был подняться и уйти. Но тут раздался стук в дверь. Комендантша с преувеличенным оживлением, облегчённо бросилась открывать.

– Кто бы это? Вот интересно... Михаил Евсеевич, пожалуйста, проходите! Тоня, быстро ещё один прибор. Пожалуйста за стол, Михаил Евсеевич, с нами за стол!..

От двери, ухватив за рукав пижамы, комендантша вела Брадина. На лице у преподавателя было выражение человека, который недоволен, раздосадован, но вынужден улыбаться.

– Перестаньте, Марья Никифоровна. Я не голоден.

– Не говорите, Михаил Евсеевич, всё равно не поверю! Жена вторую неделю в командировке – кто вам готовит? Садитесь и не разговаривайте.

Брадин, высвободив рукав, остановился перед столом.

– Я по делу, Иван Леонтьевич, – сухо сказано он. – Помогите мебель отодвинуть. Я вот решил обои сменить, пока никто не мешает.

Круглей, кажется, тоже был рад появлению Брадина. Поднявшись, он пододвинул ему стул и широко улыбнулся, показывая серовато блестящие коронки в уголках рта.

– Э, Михаил Евсеевич, идти вразрез с женой не могу! В самый неподходящий момент припомнит. Рад бы, но... – Круглей развёл руками и сделал ныряющее движение головой. – Так что уж давайте садитесь. В самом деле, Михаил Евсеевич!..

«Интересно, – подумал Турчин, – а что им от Брадина нужно?..»

– Не хочу, спасибо.

– Ничего слышать не хотим, Михаил Евсеевич! Вот вам стул, садитесь.

– Ну что вы, Михаил Евсеевич! Ведь соседи, почему не пообедают? Смотрите, какой у нас заяц, пальчики оближете!..

Брадин выглядел озабоченным, встретив такое единодушие. Он, кажется, готов был сдаться, уже сделал было движение сесть, но тут же быстро отступил назад и с досадой приложил обе руки к груди.

– Честное слово, не могу! Только начал дело – и пожалуйста. Клейстер застынет!

– Водичкой разбавим, Михаил Евсеевич, всё будет нормально! Садитесь, садитесь, – уверенно приговаривал комендант, разливая по стаканчикам виш-

нёвку. – Я вам потом клеить помогу, в четыре руки быстро пойдёт, за час сделаем!

– Конечно, Михаил Евсеевич! Зачем обижаете?.. Если надо, и я помогу, вмиг закончим, – не отступала и комендантша.

Турчин с интересом следил за происходящим. Любопытно было наблюдать, как обычно солидный, даже барственный Брадин вот-вот стушется под напором Круглея и его жены. Это не с пацанами возле доски разговаривать!.. Но ему всё же стало жаль Брадина. На глазах происходило что-то противоестественное.

Турчин поднялся и сказал:

– Я помогу вам. – И вышел вслед за облегчённо заспешившим из комнаты Брадиным.

Брадин шёл впереди по коридору и глухо, с возмущением повторял:

– Демьянова уха, честное слово!.. Я понимаю, конечно, русское гостеприимство, хорошая черта, но ведь не так, не до такой степени!..

В комнате Брадина был беспорядок, который обычно возникает при ремонте. На полу разбросаны газеты, стулья стайкой сгрудились в центре комнаты, стёкла широкого окна в тумане мелких известковых брызг.

– Пылесосом белили? – со знанием дела спросил Турчин.

– Да. Оказывается, можно.

– Можно. Только зря вы люстру не прикрыли. Теперь каждую висюльку протирать придётся.

По всему было видно, что Михаил Евсеевич неопытен в хозяйственных делах. Налёт извести был и на пианино, и на полированной поверхности стола. «Неужели, кроме математики, ничего не знает?..» – со снисходительным удивлением подумал Турчин.

Отодвигать от стен, чтобы можно было наклеить обои, надо было не так уж много вещей. Пианино, шкаф, секции стенки с хрустальными бокалами и расписанным золотом сервизом за стеклом. Для Турчина передвинуть всё это труда не составляло даже одному. Он уже взялся за край пианино, когда в комнате возник Круглей. Вид у Ивана Леонтьевича был обиженно-извиняющийся.

– Нельзя же так, Михаил Евсеевич... Мы от чистого сердца... – Он бросился помогать.

Когда осторожно отодвинули последнюю секцию стенки, Круглей нагнулся и поднял свёрнутые в плотную трубку какие-то листки. Развернул их, придерживая так, чтобы упругий рулончик опять не свернулся. На лице у Круглея заиграла приятная улыбка.

– Михаил Евсеевич, ваши грамоты!.. Что они здесь валяются? Их под стекло надо, на стенку!

Игорь успел заглянуть под руку коменданта. Это были грамоты за победы на областных и республиканских олимпиадах по математике и физике, которыми награждался ученик, а затем и студент университета М.Е.Брадин. Грамот было много. Турчин перевёл уважительный взгляд на преподавателя.

– Ерунда! – с досадой сказал тот и быстро забрал листки. – Ерунда. Кому они сейчас нужны!.. – Он открыл дверцу секции и швырнул грамоты внутрь. Чувствовалось, Брадину очень неприятно. Наконец он поднял глаза и сказал: – Ну что ж, спасибо за помощь.

Комендант уходить не захотел, он собрался помогать клеить обои. «Ох, непростота!..» – Турчин задержал взгляд на Иване Леонтьевиче. На коменданта это было непохоже.

– Ты иди, тебя Тоня ждёт, – сказал комендант, размешивая клейстер. – Скажите что-то хочет. Стеснительная, сюда заходить боится.

Тоня, одетая, в куртке, стояла у выхода на лестницу. Возле неё крутился Славка Калашников, осмелившийся подняться на четвёртый этаж, где жили комендант и преподаватели. Обычно Круглей такие попытки решительно пресекал, – на четвёртом этаже должна быть тишина.

Славка хохмил, Тоня благосклонно улыбалась. Но едва появился Игорь, она решительно повернулась к нему.

– У меня билеты в кино, пойдём? На четыре часа. – И, увидев, что Турчин замешкался, не зная, соглашаться или нет, Тоня склонила голову к плечу и протянула: – Ну пойдё-ё-м... Ты ведь сегодня не дежу-у-у-ришь.

Она смотрела так откровенно, в её глазах, в выражении свежего лица, даже в том, как она стояла, было столько женщины, что Турчин почувствовал: он может не выдержать и прямо здесь, на лестничной площадке, при Славке Калашникове, обнимет её...

Он заставил себя отвести глаза и до ломоты в скулах сжал зубы. Постоял, пережидая. Глубоко вздохнул. Нет, пора всё сказать! Бог с ним, с курсовым, сегодняшним днём надо было пожертвовать.

– Что, Культурист, девушек кадрить? Из общежития вылететь не боишься? – сказал он Славке.

– Не боюсь, – ответил тот. Но посмотреть Турчину в глаза всё же не решился.

Игорь удивился:

– Какой смелый!.. – Он снисходительно понимал, что Калашникова делает храбрым присутствие девушки. – Ну, ну... Пошли, Антонина, я только оденусь.

До начала сеанса времени оставалось много, и они направились в центр пешком.

По тихой Ленинградской с её западного вида особняками спустились на широкую улицу Ленина. Здесь народа было больше, с гудением, пощёлкивая штангами, проносились троллейбусы, в сквере областной больницы сидели на лавочках люди в линялых байковых халатах и сквозь сетку забора смотрели на прохожих. Вялое октябрьское солнце отражалось в окнах домов на противоположной стороне.

Напротив ресторана гостиницы «Буковина» они задержались. Как раз подъехала свадьба. Тоня с интересом смотрела, как из «Чайки» с голубыми и красными лентами по капоту и большой куклой на сверкающем радиаторе вышли невеста и жених. Они были очень молодые, высокие и немного смущались оттого, что находятся в центре внимания. Вокруг них суетились какие-то нарядные женщины и мужчины с брюшками, парень в модном кожаном костюме стрекотал кинокамерой, откидываясь всем телом назад, впереди в белом платье и в белых гольфах шла девочка лет шести с золотистыми распущенными волосами. В руках у неё были крупные розы...

– Нравится? – спросил Турчин, чтобы не молчать.

– Красиво... Только зачем она такая молодая замуж выходит? Дурочка.

Турчин посмотрел на Тоню с удивлением.

– Почему?

– А чего хорошего? Пойдут пелёнки, готовка, стирка... У меня подруга вышла сразу после школы. Теперь раскаивается... Конечно, даже погулять не успела! А любовь давно прошла. Разве без любви интересно?..

– В самом деле? – Турчин хитровато, испытывающе улыбался.

– Конечно. Не понимаю девчонок, которые спешат выскочить замуж. Замуж не проблема, всегда успеется. А вот любовь... Хочется чего-то такого...

«Или дура, или в самом деле так считает», – подумал Турчин. Говорить, что выйти замуж не проблема при нём, в котором тётка и Круглей видят жениха, было обидной самоуверенностью. Вряд ли Тоня этого не понимала. Выходит, второе? Что-то слишком просто...

Как бы там ни было, но Игорь почувствовал облегчение. В то же время ему стало неприятно, что Тоня не думает о нём как о будущем муже. Он удивился себе: и так не хочется, и по-другому плохо. Дела!..

Свадьба фотографировалась. Парень в кожаном костюме теперь держал в руках фотоаппарат. Молодые возле «Чайки». Молодые со свидетелями подходят к ресторану. Молодые в окружении родных на крыльце ресторана. Молодая целует девочку с розами. Отдельно родители. Улыбающийся швейцар распаивает навстречу молодым дверь...

– Сколько у нас времени до кино? – Турчин преувеличенно бодро посмотрел на часы. – Ага, ещё пятьдесят минут! Пошли мороженым с вареньем угощу, здесь кафе недалеко. Любишь мороженое?..

## 6

Первенство техникума провели в конце октября. На следующий день ребятам, занявшим призовые места в каждой из весовых категорий, было сказано собраться к шести часам в спортзале.

Конечно, не все из собравшихся были штангистами – таких, тренировавшихся более или менее постоянно, было человек пять-шесть. Остальные – просто самые крепкие парни техникума. Их-то Турчину и предстояло за оставшиеся до первенства области полтора месяца обучить хотя бы элементарной технике рывка и толчка. Силы у ребят хватало, но с техникой было слабо, особенно в рывке. А хорошо поставленными движениями каждый из них мог поднять значительно больше.

– Здорово, джигиты! – громко сказал Турчин, появившись в начале седьмого в спортзале. Он двинулся вдоль низенькой скамейки, пожимал сидящим на ней ребятам руки и добродушно улыбался. – Поздравляю! Молодцом!.. – Перед Саней Карабаем он даже остановился. – Санёк, ты меня поразил в самое сердце! Первый раз видишь штангу – и сразу делаешь разрядный норматив. И где – в дефицитной весовой категории!..

Саня Карабай порозовел. Турчин похлопал его по плечу. Он был доволен не меньше Карабая. Хотя разряд Саня выполнил всего лишь юношеский (смешно подумать, тридцать пять килограммов в рывке!), а место занял третье, но Игорю всё равно было приятно. К собравшимся в спортзале ребятам он испытывал особое чувство. Они были для него как братья, потому что пришли работать, потеть, выкладываться.

– Гордейко ещё не было? Не заходил?

Гордейко как преподавателю физкультуры полагалось бы поговорить с кандидатами в сборную, задать с первого же занятия нужный тон, а он что-то опаздывал. И Турчин решил его не ждать, начать тренировку. Да и честно говоря, какой у Жени авторитет...

– Так, ребята, переодеваться! Разминаться будем.

И пока парни переодевались, Турчин похаживал в центре зала в обычной своей манере. Живо, остро поглядывая, говорил:

– За эти полтора месяца ваши куртки должны стать, как моя, джигиты! Вот такой. – Он поворачивался спиной, демонстрируя дыры на своей изъеденной потом куртке, которая напоминала рыбацкую сеть. – Сачков терпеть я не собираюсь. Я их на дух не переношу. Сачок – это позорное явление нашей действительности, прошу запомнить! Только старательностью и самоотверженностью вы можете заслужить моё расположение. А оно, – Турчин значительно поднял палец, – что-нибудь да значит!.. Дрыган, Дрыган, веселее, дорогой друг! А то пока переоденешься, утро наступит.

Дрыган, стокилограммовый первокурсник, сопел, натягивая трикотажные брюки, и неуклюже прыгал на густо поросшей шерстью ноге. Поступил он в техникум вместе с Турчиным, но затем был призван в армию и всего лишь несколько месяцев назад вернулся, отслужив два года. Это был крупный парень с упрямо прущей чёрной щетиной на длинном лице. Он выглядел значительно старше своих двадцати лет.

– На пожар, что ли? – буркнул Дрыган, заталкивая вторую ногу в брюки. – Валера силы должен беречь. Валере торопиться некуда...

Похоже было, что он всё ещё чувствовал себя армейским стариком, который имеет право на собственное мнение по любому поводу. Гражданская трезвая жизнь ещё не остудила его.

Начали разминку. Турчин стоял в центре зала, а вокруг него гуськом бегали ребята. В воздухе всё явственней становился запах пота и пыли. Возглавлял цепочку маленький, стремительный Шин, сзади всех тяжеломерно трусил Дрыган.

«Во бегемот! – подумал Игорь. – Но зачётные очки команде принесёт. Много ли по «Трудовым резервам» стокилограммовых ребят...» Дрыган, как и тщедушный Саня Карабай, был в перспективной весовой категории. Шансов занять призовое место в таких категориях значительно больше, чем в любых других.

Понемногу отставал и тот новенький, которого в своё время приводил Шин и с которым Турчину пришлось повздорить, – его фамилия была Муляр. Он исподтишка поглядывал на Турчина и постепенно замедлял бег. У других ребят куртки на спинах влажно темнели, а у Муляра она оставалась совсем сухой.

– Разминаемся мы для того, – заговорил Турчин, всё время поворачиваясь лицом к бегущим по кругу ребятам и стараясь не замечать отстающего Муляра, – чтобы подготовить организм к нагрузкам. Ну и мышцы, естественно, разогреть. Неразогретые мышцы легко травмировать, это вы все должны запомнить, одна из первых заповедей! Травмированный штангист – не спортсмен, а кандидат в группу здоровья. Видели, на стадионах бегают такие, с животами?.. Во всём, что мы тут будем делать, есть смысл. Сачковать не советую. Себе же хуже.

– Пошёл, сынок! – Дрыган толкнул Муляра в спину. – Путается под ногами... Молодой ещё сачковать.

Турчин спрятал улыбку. «Ну, дружок, здесь ты узнаешь, что почём!» И сам удивился своей неприязни. Ведь ничего, собственно, особого не произошло между ним и этим парнем. Ну, нахамил тогда Муляр по незнанию, пришлось поставить на место.

– Валера, давай без армейских штучек, – сказал он Дрыгану. – Здесь все равны, нет молодых и стариков. Усёк? – И уже всем: – Так, прекращаем бег. Спортивным шагом марш. Смотрите на Шина, он правильно показывает... Энергичней, энергичней руками! Переход должен быть постепенным, резко снижать нагрузку нельзя. Сердечко беречь надо, оно у нас одно... Правую руку вверх, левую – вниз. Рывки руками делай – раз-два! Раз-два! Раз-два!.. Карабай, ты что, заснул? Спокойной ночи. Рано я тебя, дорогой, похвалил, рано!..

Он так увлёкся, что Тоне, которая стояла в дверях спортзала, пришлось окликнуть его раза два.

– Привет, – сказал Турчин, деловым, быстрым шагом подходя к девушке. – Посмотреть пришла?

Он знал, что Тоня, конечно, пришла в спортзал не ради того, чтобы наблюдать за тренировкой сборной, и был даже рад, что видит её именно сейчас. Девушка казалась такой очевидно ненужной здесь, в спортзале, среди ребят с разгорячёнными лицами, запаха пота, рядом со штангой и гимнастическими снарядами, что совсем не представляло труда сказать ей то, что раньше сказать Турчин никак не решался. Та прогулка в город после обеда у коменданта ничего не дала, всё ему казалось, что момент неподходящий.

– Ненасытный какой человек... – протянула Тоня, прислонившись плечом к дверному косяку. Она откинула капюшон куртки и тряхнула короткими густыми волосами: – Не надоело? Может, погуляем?..

Турчин открыто смотрел ей в лицо. Ему и страшно было говорить девушке то, что он собирался наконец сказать, и хотелось сказать, нужно было – он не выносил неопределённости. К тому же необходимо было использовать счастливый момент свободы от власти движения, каким она встряхивает тяжёлые свои волосы, взгляда карих глаз, голоса, от которого становится радостно и спокойно.

– Тоня, ты знаешь, жениться я не могу, – сказал он так свободно, на одном дыхании, что сам удивился. – А просто встречаться, мозги тебе пудрить тоже не хочу, не тот уже возраст. Да и времени нет. Ты видишь, день у меня по минутам... Ты мне нравишься, я не скрываю, но встретились мы с тобой не вовремя... Извини, конечно.

Он говорил и с облегчением замечал, что Тонино лицо не меняется. Вот и хорошо. Девушка будто бы и не слышала его слов, она продолжала стоять, прислонившись плечом к косяку. Разве что улыбка была уже другая. Она оттолкнулась, встала прямо и спрятала руки в карманы куртки.

– Как хочешь, навязываться я не привыкла. – Она шагнула за порог. – Дурак ты!

Турчин секунду постоял, с кривой улыбкой глядя на захлопнувшуюся дверь. Будто больной зуб вырвал. И легче стало, но и ныло где-то, ныло неуспокоенно...

Гордейко явился, когда ребята уже обрабатывали рывок. Турчин стоял сбоку от помоста, а Витя Шин, горячась и то и дело поглядывая на него, словно желал убедиться в своей правоте, говорил туповато уставившемуся на штангу Дрыгану:

– Ты под неё подлезай! Подлезай, понимаешь! Вырывай вверх и резко подныривай. Раз!.. И включай руки! – Витя Шин, сжав кулаки и выбрасывая вверх широко разведённые руки, показывал, как надо «подныривать» под штангу.

Физрук был не один. Рядом в распахнутом кожаном пальто стоял немолодой мужчина с внимательными глазами. Гордейко ему что-то говорил, а он, наклонив к Жене голову и слушая, с интересом смотрел на ребят у помоста. То ли Гордейко просто хвастался командой перед этим незнакомым человеком, то ли о чём-то договаривались – понять было трудно.

– Внимание! – Гордейко вдруг захлопал в ладоши. – Внимание!.. Игорь, поставь сто килограммов на штангу.

Турчин покосился на физрука – опоздал и ещё командует!.. У них был негласный договор: когда Турчин занимается с командой – не вмешиваться.

– Зачем ещё?

– Поставь, спор у нас.

Турчин пожал плечами и кивнул Шину. Тот расторопно принялся менять диски на штанге. Остальные ребята с интересом ждали, что будет дальше. Они расступились перед физруком и мужчиной в кожаном пальто, некоторые, обхватив колени руками, сели на маты возле стены.

– Муляр, давай, – сказал Гордейко.

Все с недоумением повернули головы к Муляру. Выходит, не Гордейко будет штангу поднимать?.. Муляр приподнялся с матов.

– Выжмешь? – Физрук показал подбородком на штангу.

Муляр встал и неторопливо направился к помосту. Выставив вперед плечо, он шёл между ребятами и неопределённо усмехался.

– Попробовать можно...

Сказано это было скромно, но по тону чувствовалось, что выжать сто килограммов не составит для него особого труда.

– Молодой ещё, – буркнул Дрыган из-за спин. В команде выжать такой вес было под силу разве что Турчину.

Муляр нагнулся, ухватился за гриф и неумело, одной силой, не подседая и почти не сгибая колен, взял штангу на грудь. И сразу же начал жать. Он не дал себе времени ни устойчивей, поудобней расставить ноги на помосте, ни перевести дыхание...

Шин тогда оказался прав: Муляру действительно в его весовой категории не оказалось равных. Что говорить, парень сильный. Такому бы технику – и на первенстве области, теперь и Турчин был уверен, первое или второе место ему обеспечено. Жима, конечно, на соревнованиях уже нет, лет десять как отменили, но жим служит показателем возможностей, когда о человеке ничего не знаешь. Муляр силён, но всё равно сто килограммов для новичка слишком много. Нет, не выжмет...

Сначала штанга пошла у Муляра вверх хорошо, легко. Он даже не подбил её грудью, чтобы помочь себе, – о такой тонкости он, конечно, и не подозревал. Он давил только силой рук. Но вот-вот должна была наступить мёртвая точка, одни мышцы из работы выйдут, другие ещё не включатся, а инерции, за счёт которой можно проскочить эту точку, штанга не набрала.

Турчин отвернулся. Видеть то, что должно было произойти, ему не хотелось.

Вот вроде бы и предубеждение у него к этому парню, а всё равно злорадства

он не чувствовал. Не хотелось смотреть на неумение, корявые движения, а главное – на то, как штанга станет всё больше сгибать Муляра, как в конце концов упадёт на грудь, а он, красный, с набрякшим лицом, со вздувшимися на лбу венами, будет безуспешно пытаться опять и опять справиться с ней, пока, вконец обессиленный, не откажется от этой затеи...

Турчина – большого, добродушно-насмешливого, порой ёрничающего – охватило то особое чувство мучительной неловкости и стыда за другого, когда не хочется смотреть, а тянет куда-нибудь уйти, чтобы не видеть неизбежного позорного конца дела, начатого с такой откровенной самоуверенностью.

– Что я говорил!.. – раздался голос Гордейко. – Какие кадры, а? И только начал заниматься, обрати внимание!

Голос ситуации не соответствовал, и Турчин оглянулся. Физрук со скромным видом, будто отличился сам, смотрел на мужчину в кожаном пальто, а на помосте со штангой над головой стоял Муляр.

Выжал всё-таки?!.

– Это из пединститута мужик, – зашептал рядом Витя Шин. – Я смотрю, знакомое лицо – в секцию как-то приходил, когда я в «Динамо» занимался!..

Турчин озабоченно поднял брови. Он смотрел на Муляра. Ведь не должен был выжать! Слишком самоуверен и техники никакой!.. Он передёрнул плечами и сказал Шину:

– Всё-таки Женя дурачок. Этот, из пединститута, высматривает, лучших ребят начнёт к себе переманивать... Удивляюсь я Жене!

Гордейко отозвал Муляра в сторону, они стали о чём-то втроем разговаривать. По всему было видно, разговор приятный, все трое улыбались.

Турчин почувствовал укол ревности – разговаривали без него, тренера команды и самого сильного её штангиста. Он повернулся к помосту, сказал ребятам, чтобы продолжали тренировку. И тут увидел лицо Вити Шина. Раскосые глаза Вити смотрели на мужчину в кожаном пальто влюблённо. Лицо выражало преданность.

В кочегарке Эдуард лежал на топчане, закинув руки за голову. Удушливо пахло сернистым газом и угольной пылью, – у Эдуарда не было привычки смачивать уголь водой перед тем, как забросить его в топку. Турчин распахнул форточку.

– Послушай, Эдик, ты когда-нибудь шлак вынес бы. Так, один раз, для разнообразия!

Турчин не настроен был сейчас деликатничать. В самом деле, сколько можно? На колосниках гора шлака, совесть надо иметь!..

Эдуард молча поднялся и взялся за лопату. Всё он проделал, как обычно – вяло, с безразличной неторопливостью.

«Ну, человек!.. – изумился Турчин. – Надо же таким родиться!»

– Эдик, что ты такой... задумчивый? Извини, конечно, но интересно.

– То есть? – Эдуард даже головы не повернул. Размеренно ходила лопата в его руках – со скрежетом вперёд и беззвучно назад, к почерневшему тазу, куда ссыпался шлак.

– Безразлично тебе всё. Ничего не надо. Будто не живёшь, а повинность отбываешь. Я бы на твоём месте институт, что ли, закончил, каким-нибудь серъёз-

ным делом занялся! Смотри, я здесь к стипендии подрабатываю, а у тебя это, выходит, основное дело в жизни. Мне бы стыдно было – молодой парень, умный, книги вон какие читаешь, а... Скучно так жить!

Турчин подождал, думая, что Эдуард что-нибудь ответит, но тот отставил лопату, взял тазик за ручки и понёс к двери.

Турчин восхищённо зажмурился. Непрошибаем!

Но он был раздосадован тем, что видел в спортзале, неприятный, горький осадок оставался от объяснения с Тоней (как ни уговаривай себя, как ни хитри!) и потому, когда Эдуард вернулся в кочегарку, заговорил опять:

– Смотрю я на тебя столько времени и не понимаю. Странный человек. Да если бы у меня всё так складывалось!.. Почему к большему не стремишься?

– А что – большее? – отозвался наконец Эдуард.

– Настоящая жизнь! Интересно же добиваться. Поставил цель – и добился! Победил! Мало?.. Самое главное – себя перебороть. Пробовал? Делать, как надо, а не как хочется. Думаешь, просто?

Эдуард молчал, выгребая остатки шлака. Его снисходительное молчание раздражало Турчина всё больше.

– Ну, конечно, ты же сытый! – язвительно сказал он. – Ты в теплице вырос. Тебе всё без труда доставалось, тебе и добиваться ничего не надо, поэтому и воли нет. Удивляюсь только, как отец на тебя такого смотрит!..

Эдуард вынес во двор остатки шлака, вернулся, опустил тазик и заглянул в топку. Его бородатое лицо на мгновение стало багровым.

– Воля – это хорошо, – с хрипотцой сказал он и кашлянул, прочищая горло от едкой шлаковой пыли. Помолчал. – Один волевой китаец на рисовом зерне записал сто изречений Конфуция... Или вот ещё, читал недавно в журнале «Техника – молодёжи». Электродвигатель размером с маковое зерно. Целеустремлённые люди, верно?

Турчин подумал, что это унижительно: он будет горячиться, говорить сокровенное, дорогое, а Эдуард, как сейчас, с усмешкой станет отвечать ему. Турчин сузил глаза и сел за стол – так, сидя, он чувствовал себя уверенней.

– Эдик, ты ведь толковый парень. Невозможно жить без цели, сам, наверно, знаешь. Человеком себя чувствовать не будешь. Сам себя уважать не будешь.

Слова получались неубедительные, лёгкие, и Турчин с досадой подумал: «Что я, в самом деле! Как на пионерском сборе». И пока он решал, как точнее, впечатляющей выразить то, что было основой его представлений о жизни, его убеждением, Эдуард приглушённо хмыкнул и сказал:

– А я себя уважаю. – Он одевался, чтобы идти домой, и стоял, повернувшись лицом к двери.

У Турчина едва не вырвалось: «За что уважаешь? За отца-подполковника?..» – но он сдержался и промолчал. Эдуард натянул телогрейку, повернулся к Турчину и посмотрел на него смеющимися глазами.

– Не престижно, да – телогрейка? Ты не думай, я не хиппую, я её на работу ношу... Знаешь, Игорь, к чему-то стремиться – это ещё расталкивать локтями других. Хочешь не хочешь, а придётся, закономерность такая – локотками, локотками... Мне не хочется. Есть много других интересных вещей. Книги, например. Возможность думать, когда тебе не мешают. А стремиться, достигать...

Самое необходимое есть, и слава богу. Ты, наверно, думаешь, я с родителями живу, как сыр в масле катаюсь – нет, Игорь, нет. Стремиться, достичь... Я в эти игры не играю. Вы уж, ребята, как-нибудь без меня. Склонностей у меня нет, неспособный я...

И он, подмигнув Турчину, что совсем уж было на Эдуарда не похоже, скрылся за дверью.

И столько чувствовалось в этом его движении радостной поспешности, что можно было подумать: Эдуард и в самом деле избежал чего-то очень тягостного и неприятного.

## 7

Октябрьские получились длинные – целых три дня. В общежитии мало кто оставался, большинство ребят сразу после демонстрации разъехались по домам.

В комнате с Турчиным был только Славка Калашников – ему кто-то подбил глаз и ехать домой Славка постеснялся. Второй день он маялся в гулком, пустом общежитии, то ложился на койку, читал, то отбрасывал книжку и выходил из комнаты, где-то пропадал. Возвращался расстроенный и, опять завалившись на койку, отворачивался к стенке.

Турчин с усмешкой наблюдал за Славкой. Сам он времени даром не терял, вплотную засел за черчение курсового. Он прочно устроился с чертёжной доской у окна и уже штриховал разрез двухступенчатого редуктора. Успел Игорь за праздники немало – оставалось сделать только лист деталировки.

Порой он отрывался от работы и смотрел за окно на высветленную холодным воздухом улицу с флагами на домах. Улица была безлюдна, светло-серая, флаги вяло обвисли. Турчину хотелось вызвать в себе ощущение уюта от того, что сам он в тёплой и тихой комнате – так лучше работалось бы. Но сегодня не получалось, что-то мешало.

– Слава, – обратился он к Калашникову, когда тот в очередной раз забрёл в комнату. – Кто тебя так?

Славка буркнул давно, видимо, приготовленное:

– На шкаф наткнулся.

– В коридоре?

– Да.

– Ночью, что ли?..

Славка не ответил. Турчин выпрямился над доской, удовлетворённо посмотрел на чертёж – штриховка получилась ровная, без проплешин – и сказал:

– А всё почему, дорогой друг? Потому, что спортом не занимаешься! Так бы ты шкафу фингал подвесил, а получилось наоборот. Какой же после этого может быть успех у девушек? Какие, извините за выражение, волосы на груди?..

Славка, странно взглянув, что-то раздражённо буркнул и вышел из комнаты. Турчин не улыбнулся с насмешливым выражением, как это сделал бы в другое время, а отложил карандаш и опустился на койку.

Честно говоря, чертить ему совсем не хотелось. Не только потому, что праздник и все отмечают и ничего не делают, – Турчину нетрудно было бы себя заставить. Не выходил из головы случай с Муляром. А то, что он видел в последнее

время в спортзале, и вовсе было непонятно. Нагловатый этот парень ходил на тренировки чуть больше двух недель, а уже показывал второй разряд. Турчин знал, если дальше так пойдет, то через месяц-другой Муляр выполнит норматив первого разряда – дело только за техникой и специальными упражнениями. То, на что он сам потратил почти пять лет, Муляр мог сделать за считанные недели.

В общем-то Игорь знал, что в спорте, как в любом другом деле, могут быть таланты, но знал это отвлечённо, умом. Где-то существовали Янко Русев, Юрик Вardanян, Анатолий Писаренко – но какое они имеют отношение к обычной жизни, которая шла вокруг него?.. Те великие штангисты были чем-то почти нереальным, очень далёким, как бог, которым попы морочат старушек. А этот самоуверенный парень находился рядом. Он никак не мог быть из категории тех людей, у Турчина даже мысли такой не появлялось. А появилась – показалась бы дикой.

– А не выпить ли нам чаю? – сказал себе Турчин. Сказал бодро, стараясь отделаться от неприятных мыслей. И потому же закинул руки за голову и с преувеличенным удовольствием потянулся. – Передохнём немного, встряхнемся, а там и чертить захочется, будьте уверены!..

Он достал из тумбочки кружку, пачку быстрорастворимого сахара и успевший зачерстветь батон, купленный вчера после демонстрации. Насвистывая, вышел из комнаты, направился вниз, в полуподвал, где рядом с умывальником была кухня.

На лестничной площадке он прислушался. Вверху, на третьем этаже всё было спокойно. Салажата устроили вчера сабантуй в тридцать четвёртой комнате, пришлось вмешаться... Его шаги чётко, объёмно раздавались в тишине общежития. «Впечатление такое, будто ни души, – подумал Турчин, помахивая кружкой. – А на доске не все ключи...»

Он как раз проходил мимо столика на первом этаже, за которым полагалось сидеть дежурному. Рядом в застеклённом ящичке с номерами комнат над рядами вбитых гвоздей ключи висели не на каждом.

– Дежурный! – позвал Турчин. Голос его эхом разнёсся по лестничным пролетам. Он взглянул на график дежурств под стеклом на столе. – Карабай, ты где? Быстро сюда!..

Какое-то время было тихо, потом затопали, заторопились шаги, и на лестнице полуподвала показалось лицо Вити Шина.

– Старичок, сегодня я дежурю. Мы с Карабаем поменялись, он домой поехал. – Витя Шин улыбался и выжидающе смотрел снизу из-под цементного среза пола.

– Самовольничает букварь, – недовольно пробормотал Турчин. – Мне ничего не сказал.

Комендант вместе с женой ушли ещё вчера в гости и до сих пор не появлялись. Он попросил Турчина следить за порядком в общежитии, так что Игорь сейчас особенно чувствовал свою ответственность.

На всякий случай он спросил:

– Круглея не видел?

– Нет.

– А что ты там делаешь?

– Чайник поставил, старичок.

– О, это дело! Давно поставил?

– Только что.

– Подождём. – Турчин опустил на стол всё, что держал в руках. – Как там у вас говорят: чай не пил, какая сила?..

– Выпил чай, совсем ослаб! – подхватил Витя Шин и засмеялся. – Нет, это не у нас. Узбеки так шутят! Давай газеты, старичок, постелим, симпатичней будет. Я сейчас...

Он сбегал в свою комнату и принёс, прижимая к груди, начатую палку копчёной колбасы, топленое масло в литровой банке, несколько бордово-бурых гранатов. Витя выложил всё это на стол и, довольный, отступил на шаг.

– Ого! Откуда столько всего? – удивился Турчин.

– К празднику прислали. У меня мать продавец – величина в совхозе. Номенклатура!..

Турчину на мгновение стало неловко – сам-то он пришёл только с сахаром и чёрствым батоном. Но ведь не думал, что будет пить чай с кем-то вместе.

– Говорят, у вас имеет большое значение, какую должность человек занимает... ну, где работает, – сказал он первое пришедшее на ум, стараясь не смотреть на стол. – От должности, говорят, и уважение.

– Восток, сам понимаешь, – жизнерадостно согласился Витя Шин. Он опять засмеялся. – Интересно этим летом получилось. Приезжаю домой, встречается мне один родственник, так, седьмая вода на киселе. Ну, немного старше меня, года на четыре. Здороваемся, а он мне подаёт два пальца, как большой начальник. Я не понял. Дома спрашиваю: в чём дело? Как, говорят, не знаешь? Он теперь работает в военизированной охране на железной дороге, большой человек. И всё это на полном серьёзе!.. Мне чуть дурно не стало!

Минут через десять они пили чай. Витя, не жалея, насыпал заварки прямо в чайник, и чай получился красноватым, терпким. Витя то и дело предлагал подлить Турчину в кружку. Игорь ел колбасу с хлебом, шурился и благодушно кивал.

– У нас трудно поступить в институт или в техникум, – говорил Шин, быстро, по-заячьи, жуя. – Видишь, я куда приехал, за три тысячи километров. Надо иметь знакомства или ещё что-нибудь, иначе дохлое дело. Слушай, старичок, а в армии как со спортом? Есть возможность заниматься?

– Смотря где. В спорттротках – вполне. У армии, вообще-то, другие цели...

У Вити Шина заблестели глаза.

– В спортроту бы попасть! Меня после техникума сразу в армию возьмут. Ты знаешь, я с удовольствием пойду. Сейчас у меня второй разряд, а в армии кандидата в мастера сделаю, если повезёт. Тогда меня в любой институт возьмут с руками и ногами! Кандидат в мастера – звучит!..

Турчин подумал и спросил:

– Ты что, ради этого занимаешься штангой?

– Нет, почему... – Витя быстро взглянул на Турчина. Он уловил неодобрение в голосе, но не сразу понял, что сказал не так. – Нет, конечно. Приятно быть сильным. Все думают, вон слабак идёт, метр с кепкой, а я в два раза больше собственного веса толкаю. – Витя осторожно, будто угадывая, правильно ли ответил, посмотрел на Турчина.

Турчин подумал: «Тоже верно. Хотя и неизвестно, что для него всё же важнее...» Вспомнилось выражение, с которым Шин смотрел на мужика в кожаном пальто – преподавателя пединститута, которого Женя Гордейко как-то приводил в спортзал.

Сам Турчин никогда не считал, что его успехи в спорте должны как-то облегчать жизнь. Штанга штангой, а учёба учёбой, это были две непересекающиеся прямые. Более того, Турчину стало бы неприятно, если бы ему начали делать скидки из-за штанги.

– Ну, Витёк, спасибо, подзаправил ты меня. Тоска с этими праздниками – столовка не работает... Пойду посмотрю, как там в тридцать четвёртой. У них вчера весело было...

Он старался, чтобы ни в словах, ни в тоне не проскользнуло пренебрежение – зачем обижать Шина, вон как накормил, да и парень, в общем-то, хороший. Кажется, ему это удалось. По крайней мере, Шин с готовностью заулыбался:

– Ага, буйный народ собрался! Сегодня тихо – в город ушли. В кино, кажется.

Турчин бросил взгляд на доску с ключами.

– Да нет, не все. Ключа на месте не видно.

Ему, собственно, не так уж было важно, чем занимаются ребята из тридцать четвёртой комнаты, – тихо там, и ладно. Не давало покоя другое. Даже сейчас, благодушествуя с Шином за чаем, он не мог отделаться от мыслей о Муляре. Станный этот парень жил как раз в тридцать четвёртой комнате, ему тоже Турчин делал вчера внушение – штангой занимается, член сборной техникума, а употребляет спиртное... Наваждение какое-то! Притягивал его Муляр, вызывая недоуменный интерес, захотелось вдруг посмотреть на него, будто сам вид парня мог что-то объяснить.

Турчин удивился себе – что за дела, никогда такого с ним не было. Но он чувствовал, что не найдёт места, пока не увидит Муляра. И, снисходя к своей слабости, уступая тому, второму, сидящему в нём человеку, простодушному и по-детски глуповатому, он разрешил себе идти в тридцать четвёртую комнату. Он верил, что в любой момент может заставить себя поступить иначе.

– Муляр тоже ушёл, не видел?

Витя Шин пожал плечами.

– Без понятия.

– Странно, что ж он домой не поехал? Ближе живёт...

– Постой, старичок. – Витя Шин догнал его на лестнице и протянул два граната. – Возьми. Кровь обновляет. Полезно!

Игорь благодарно кивнул. Хороший всё-таки парень...

Тихо и пусто было на этажах. Столы в коридорах, в обычное время не занятые разве что по ночам, сейчас голо темнели своими морёными поверхностями. Белёсый, неуютный свет застыл в окнах. Скука праздников чувствовалась с особой силой.

На третьем этаже Турчин толкнул дверь тридцать четвёртой комнаты. Та не поддавалась. Турчин толкнул ещё раз – когда он подходил к двери, ему показалось, что за ней кто-то негромко засмеялся. Игорь прислушался. Нет, вроде бы тихо.

– Муляр, открой, – сказал он наугад.

За дверью по-прежнему ни звука. То ли там затаились, то ли действительно

ему показалось и никого в комнате нет. Но почему тогда ключ не висит на месте?.. Игорь замер. Тонко прозвучала пружина на койке, будто от чьего-то движения, и опять тишина.

– Ну-ка, открой! Живо!..

Никакого ответа. У Турчина раздулись ноздри. Нет, не проведёшь!.. Подавив в себе гнев, стараясь ступать как можно громче по трескучему паркетному полу, он пошёл от двери комнаты к лестничной площадке. Он даже замурлыкал что-то, стараясь показать тому, за дверью, насколько ему всё безразлично. Спустился по лестнице на один пролёт, старательно шаркая ногами по цементным ступенькам. А потом, переждав минуту, стал подниматься, затаив дыхание, на цыпочках обратно. Он сейчас не думал о том, что его могут увидеть за этим недостойным делом – подкрадывается, выслеживает. Мстительный азарт охватил Турчина. Но не полностью – в голове толкались мелкие мысли: почему не открывают?.. Если в комнате Муляр, тот открыл бы – он самоуверен, по-своему горд, не стал бы прятаться. Или это не он?.. А если он, то почему всё же не открывает, в чём всё-таки дело?..

Он пробрался к двери комнаты, ни разу не скрипнув паркетом. Приник ухом к тёмной щели между створками, стараясь не дышать... В комнате кто-то был, это ясно. Слышалась возня, приглушённые голоса, сдавленный смехок. «Девчонка там!.. – догадался Турчин. – Конечно. Иначе открыли бы». Он выпрямился, не зная, как поступить.

Конечно, непорядок – девчонка в мужском общежитии, да ещё заперлись на ключ. Откуда только она взялась, вчера в комнате собирались одни ребята. А с другой стороны, слишком это тонкое дело, чтобы вмешиваться. Пусть Круглей сам за такими вещами следит, если хочет.

Но с кем девчонка? С Муляром?.. И не боится, обормот, что на результатах скажется!..

Он уже хотел было отойти от двери, но женский голос в комнате прозвучал громко, узнаваемо. Турчин остановился, ноги у него ослабели. Т о н я ? Т а м – Тоня? Чёрная кровь ударила в голову, Игорь яростно принялся трясти ручку двери.

– Открой! Немедленно открой!..

Если бы дверь не была добротная, едва ли не под потолок, она бы не выдержала – Турчин её выломал бы. Она и так дрожала, сверху сыпался мусор, какая-то мелкая, собиравшаяся годами дрянь.

– Сейчас, – торопливо отозвались в комнате.

– Немедленно!.. – Турчин, не переставая, тряс ручку. В голове было пусто, не существовало никаких мыслей, желаний, кроме желания оказаться в комнате и всё самому увидеть.

Дверь открылась. Турчин шагнул вперёд. И сразу всё понял – защищать Тоню не требовалось. Всё, что здесь происходило, происходило с её согласия. Тоня даже не отошла от койки со смятым одеялом, стояла, засунув руки в карманы халата, выражение лица независимо-отсутствующее. Муляр (всё же он!..) открывал дверь и смотрел теперь растерянно. Но без испуга. Турчин взял его за рубашку на груди и притянул к себе.

– Ах ты!.. – От ненависти у него свело скулы.

– Круглею доложишь? – послышалось от койки. Тоня пыталась насмешливо

улыбаться. Не спуская с Турчина глаз, она провела рукой по халату, проверяя, все ли пуговицы застёгнуты.

– Шалава! – сказал Турчин. – Дешёвка!.. – Он оттолкнул Муляра, тот ударился о спинку ближней койки, койка взвизгнула колёсиками. – Сволочи!

Делать здесь было нечего. Турчин повернулся и вышел из комнаты.

В коридоре он натолкнулся на Славку Калашникова. Славка смотрел в открытую дверь и плакал. Судорожно вздрагивали его костлявые, узкие плечи.

8

Турчин всегда считал, что главное о жизни он знает. Конечно, двадцать три года это ещё не финиш, будут открываться новые подробности. Но основное было ему известно. Именно знание о жизни главного помогло добиться того, что сейчас у него было. Был дом, построенный после смерти отца, был третий курс техникума, было уважение преподавателей, было, наконец, звание кандидата в мастера спорта по штанге, которое тоже даром не даётся.

Игорь верил, что трудолюбием, упорством, безжалостным отношением к себе достичь можно многого, и жизнь это подтверждала.

Чего, допустим, стоило ему, шестнадцатилетнему, накопить денег, чтобы достроить дом. Выведенные отцом стены понемногу размывало дождями, дверные и оконные косяки растрескались и по-неживому стали серыми, но матери, которая как-то завела разговор о том, чтобы продать коробку дома, пока та ещё чего-то стоит, Игорь твёрдо ответил: «Нет. Достроим». И достроили. От отца никакой помощи не было, и он, Игорь, работал в жестяной мастерской не по шесть часов, как ему, несовершеннолетнему, полагалось, а наравне со всеми. Потом шёл подносить кирпич и раствор каменщикам где-нибудь на стройке или подряжался кровельщиком – крыть частные дома оцинкованным железом.

Брали его поначалу неохотно – молодость Игоря не внушала доверия, но, придирчиво понаблюдав за работой, удовлетворённо кивали: знает хлопец дело. Уставал он, конечно, сильно, замучила кровь из носа, но хата была достроена. Она для него значила больше, чем просто дом, в котором живут. Она стала свидетельством того, чего можно достичь, если очень желать, очень стремиться.

А в армии?.. Его, с восьмилетним образованием, оставили в школе сержантов, хотя были ребята грамотнее, даже окончившие институты. Значит, почувствовали в нём что-то, чего не было в других? И не ошиблись. Взвод, в котором Турчин был заместителем командира, на всех проверках и осмотрах признавался одним из лучших – он, сержант Турчин, относился к своим обязанностям серьёзно. Себя не жалел и от других того же требовал.

Или вот сейчас. Так ли уж надо было ему в техникум, на двадцать рублей стипендии, если он способен за один раз съесть два первых и два вторых? Пойди Игорь не учиться, а работать, он даже грузчиком мог бы получать не меньше двухсот – летом на товарной станции он насмотрелся, кто там работает и по сколько получает.. Не пришлось бы тогда ночей не досыпать из-за дежурств в кочегарке, и для тренировок больше времени оставалось бы...

Но в том то и дело, что такая жизнь не подходила ему! Слишком уж она была тесна, стремиться не к чему. Он и в техникум пошёл, потому что здесь надо

было думать, учиться, что-то новое постигать. И уже сейчас Игорь чувствовал, что словно поднялся на гору и видно отсюда далеко и больше здесь света. Его совсем не угнетало, что эта гора, если всерьёз рассудить, вовсе не гора даже, всего лишь пригорок. Что есть горы значительно выше. Он верил, что сможет подняться и на них, дайте только время, а сил и воли у него хватит. А уж какой там простор и сколько всего открывается!..

Всё достигается стремлением. И для того, чтобы добиться чего-то, надо себя ограничивать, от многого отказываться. И не только у него одного так – у всех. Конечно, ему труднее, так обстоятельства сложились. Но закон в жизни один: стараться, работать, себя не жалеть. Лентяям, лоботрясам надеяться не на что, это точно!

Но вот – Муляр...

И ладно, бог с ней, с Тоней, сразу можно было догадаться, что это за птица. Не для серьёзных она отношений. Поболит, конечно, но пройдёт. Но если бы даже и для серьёзных – не время для таких отношений. Мешали бы сейчас они учёбе и штанге. Нельзя! Но Муляру-то, выходит, можно?.. Неизвестно, как у него с учёбой, но со штангой всё хорошо. Даже больше, чем хорошо. Турчин придирчиво следил за ним на тренировках, видел, что парень ленив, работать не хочет. Но результаты у него росли как на дрожжах. А если бы ещё специальные упражнения? Если бы технику нормальную? Если бы с Тоней перестал трахаться?.. Происходящее было непонятно. Оно выбило Турчина из привычной колеи, лишало уверенности в то, во что он так безоглядно верил. Турчин растерялся и не пытался даже установить, что же такое Муляр – всего лишь случайность или же новая закономерность в жизни, закономерность, о которой он ничего не знает. Но если бы даже кто-то, жалея его, сказал, что всё, что связано с Муляром, случайно, а прав он, Турчин, это вряд ли бы успокоило. Что с того, что выпадает такое, с Муляром, раз на сто случаев, если он, этот единственный раз, перевернул твою жизнь?..

Дни между тем наступали по-настоящему холодные, предзимние. По утрам лужи затягивало иглистым льдом. Иногда пролетал снег, но пока ещё не ложился, таял на асфальте. Работы в кочегарке прибавилось, подходила пора топить всерьёз.

Иван Леонтьевич раздал по комнатам узко нарезанные полосы бумаги и слезавшуюся серую вату из списанных матрасов – затыкать и заклеивать щели в окнах. Комендант был деятелен и весел, его голос, казалось, раздавался на всех этажах общежития одновременно.

– Чего бы вам веселиться, Иван Леонтьевич? – сказал ему как-то Турчин.

– А что? – Круглей сразу высокомерно подобрался и стал особенно похож на кавказца, который думает, что его хотят оскорбить. После того обеда с зайцем отношения между ними были суховатые.

– Да так, ничего... – Турчин отвел глаза.

Комендант ещё несколько секунд смотрел на него надменно, потом жёсткие складки на его лице обмякли – бодрость так и пёрла из Ивана Леонтьевича.

– Несерьёзный ты всё-таки парень! Жалко тебя!.. Мог бы занять мою квартиру, если бы пошёл работать в техникум. Мне новую дают, полнометражную! А я б тебе все удобства оставил, – пожалуйста, живи.

– Вместе с Тоней.

– А что, плохая девушка? – Комендант опять выпрямился.

«Не догадывается», – с тоской подумал Турчин.

Всё, что было сейчас вокруг, проходило как бы мимо него. «Холодно». – думал он, выходя на улицу, и надевал перчатки, поднимал ворот плаща. «На дежурство пора» – и шёл в кочегарку. «Пожинать надо» – и направлялся к столовке при трикотажной фабрике. Но всё это проделывал не потому, что чувствовал холод или хотел есть, а потому, что так надо было делать. Он мог бы дойти до техникума в одном пиджаке, не замечая стылого ветра, мог бы долго не обращать внимания на голодно сжимающийся желудок. Обескураживающие мысли заслонили всё.

Тренировки сборной вместо него всё чаще приходилось проводить Вите Шину. Иногда выпадала ясная минута, Турчин думал, что безразличием ко всему он теперь напоминает Эдуарда, но это не пугало, а наоборот, появлялось какое-то горькое, язвительное чувство: вот так!.. Вот так!.. Он перестал следить за собой, не мылся после дежурства в кочегарке и, чувствуя, как разит от него потом, как катается по шее, если провести ладонью, угольная гарь, мстительно думал: «И хорошо! И пусть!»

Пробежки в парке он, правда, продолжал, но нерегулярно и уже без особой надежды на то, что они помогут поднять результаты, а так, по инерции. До результатов ли, когда такое!.. Пробежка, сама смена обстановки немного его отвлекали. Запустение поздней осени чувствовалось в парке. Бурные мёртвые листья беззвучно мялись под ногами. Турчин старался набегаться так, чтобы думать не оставалось сил. Иногда это удавалось, а чаще нет. Тогда мысли вновь в сотый, в тысячный раз шли по кругу – без выхода.

«Вот Славка Калашников, – думал Турчин, – он счастлив. Нет, несчастлив, но только сейчас, ненадолго, – Муляр отбил у него девушку и подвесил фонарь под глазом. Но вообще-то счастлив и жизнь проживёт счастливо, характер такой. А Карабай вряд ли. Умен и слишком живой, чтобы быть счастливым. А я?.. Муляр ведь не девушку отобрал, а уверенность в то, что всё в жизни как надо. Или нет в жизни никакой справедливости? Придумали это люди для собственного спокойствия? Как же можно жить тогда и делать вид, что всё хорошо?..» Он с недоумением, диковато смотрел на сквозящие ветви, на тёмные стволы. В такие минуты он походил на человека, которого грубо разбудили – толчками, руганью.

Как-то в дальнем углу парка он заметил Муляра и Тоню. Они явно искали место, где нет людей, даже со стороны можно было понять, какие между ними отношения. Избить Муляра?.. Момент подходящий, никто не увидит, а Тоня не расскажет, потому что всё тогда всплывёт. Но что изменится? Муляр, хотя Игорь не мог о нём даже подумать спокойно, был мерзок не сам по себе, а тем, что за ним стояла какая-то закономерность, которая не укладывалась в его, Игоря, представлении о жизни, о том, что хорошо и правильно. Здесь кулаками ничего не сделаешь. Самой большой человеческой силы не хватит!..

Можно, конечно, рассказать обо всём, что знал, Круглею. Но это уже фискальство, донос, похоже на сведение счётов с удачливым соперником. И опять же ничего не изменится – Муляр существовать не перестанет, даже если его и выселят из общежития. Не говоря уже о том, что сама подлая закономерность, если она существует, останется.

Турчин притаился за деревом и смотрел, как Тоня и Муляр направляются к

голубым весёлым домикам не работающих сейчас аттракционов. Он смотрел долго, пока пара не затерялась между домиками. Потом побежал от них в другую сторону, оказался в примыкавшем к парку питомнике пединститута, вблизи которого загонял зайца, и стал крушить молодые деревца.

Крушил ожесточённо, бил ногами под корень, переламывал, вырывал из земли и прерывисто, задыхаясь, шептал: «А я?... А меня за что?..»

Но даже теперь Игорь помнил о том, что в десятых числах каждого месяца он посылает матери деньги.

Не бог весть какая это была сумма – тридцать рублей из полочки, но Игорь решил матери помогать даже учась и делал это добросовестно. Летом посылал из того, что зарабатывал на товарной станции, а сейчас из зарплаты кочегара. Себе он оставлял в обрез – только на питание.

Близнецам шёл четырнадцатый год. Турчин знал, как важно в этом возрасте выглядеть не хуже других, да ещё девчонкам, а мать зарабатывала не так уж много. Отчим по-прежнему ничего семье не присылал. Он даже вести о себе не подавал – так и сгинул где-то после того, как Игорь выпроводил его.

В субботу, ближе к вечеру, он пошёл на почту. Суббота была единственным днём, когда он не дежурил в кочегарке, так что обратно в общежитие можно не торопиться. Да и состояние у него было такое, когда об обязанностях думать не хочется. Что они дали, эти обязанности? Ради чего стараться?..

От почты Турчин хмуро и решительно повернул к ближайшей забегаловке. За всю свою жизнь по-настоящему он выпивал раза два-три, не больше, но слышал, что вино приносит облегчение. «Ну что ж, давай, как все», – с усмешкой подумал он и взял бутылку креплёного.

Пить было противно, но он пересилил себя и выпил. Однако лучше не стало, только есть захотелось. «К Любе пойду! Ну всё к чёрту!..» – решил Турчин и направился к столовой трикотажной фабрики.

«Нормальная женщина, – думал он по дороге о раздатчице. – Ну, некрасивая, так разве не человек? Ко мне хорошо относится. – Он заторопился, ускорил шаг. Хотелось, как в детстве, к кому-то прижаться, пожаловаться, хотелось, чтобы приласкали и пожалели. – Живу, как монах, награды жду!»

Столовая оказалась закрытой. Сначала Турчин даже не понял, подёргал за ручку, но привычного гула станков слышно не было, и он вспомнил, что суббота, не работает фабрика. Есть хотелось всё сильнее – так подействовало вино. «Вот гадство!» – Турчин с язвительной удовлетворённостью покивал головой. Так и должно быть, одно к одному: алкоголь не берёт, столовая закрыта!..

Было темно, хотя круглые подсвеченные часы на проходной фабрики показывали всего лишь начало седьмого. Турчин подумал. В минутах пятнадцати ходьбы находилось общежитие текстильного техникума, там была своя столовая. Ближе ничего он не знал, а ехать в центр не хотелось.

Он засунул руки в карманы плаща и пошёл к «бурсе» – так у них в техникуме называли общежитие текстильщиц, туда ребята часто ходили на танцы. Почему «бурса», никто сказать не мог. Может быть, когда-то там находилась семинария, кто знает.

Турчин успел до закрытия столовой. На раздаче, правда, почти ничего уже

не оставалось, одно овощное рагу и рыжие, пахнувшие сухарями котлеты. Игорь устал тарелками весь поднос. Расплатился и прошёл к чистому столику. И сразу почувствовал на себе заинтересованные взгляды девчонок, которые сидели в разных концах зала. Одеты девчонки были по-домашнему – в халатах и шлёпанцах. В текстильном техникуме ребят училось немного, ещё меньше их жило в общежитии, так что ничего удивительного, что на него смотрели с интересом. Впрочем, он к этому привык. Но сейчас взгляды и перешёптывания вызывали раздражение. Он принялся есть, опустив голову.

Сначала он не понял, что произошло. Ойкнул кто-то из девчонок, возмущённо и растерянно заговорили, потом к нему подошли и высоким, срывающимся голосом сказали:

– Хоть вы помогите! Каждый день такое!..

Перед ним стояла девчонка с гневным лицом и показывала рукой на один из столиков. Игорь посмотрел туда.

За столиком, широко расставив локти и пригнувшись, быстро ел какой-то немолодой, потасканного вида мужик в грязном пальто. Он чем-то походил на бродячего пса, который откопал на свалке съедобное и торопится побыстрее проглотить, чтобы никто не успел отобрать. Рядом, оцепенев от стыда и обиды, сидела девушка с выпирающими лопатками на узкой спине. Мужик, исподлобья оглядываясь, ухватил стоящий перед ней стакан компота и, расплескивая, придвинул к тарелке, из которой ел.

Турчина кольнуло: «Отчим!» Он медленно поднялся и пошёл к столику. Мужик, заметив его, ещё ниже пригнул голову к столу и заспешил, глотая, не жуя.

– Как не стыдно! Студентка на последние деньги купила!.. Совести нет! – раздавалось сбоку от гневной девушки.

У Игоря отлегло от сердца. Нет, не отчим!..

Кажется, он где-то всё-таки видел этого мужика. Точно, в столовке трикотажной фабрики приставал с разговорами, предлагал выпить. Игорь и сейчас помнил, как обвис мужик в своём потрёпанном пальто, когда он поднял его за отстающие плечи и вытолкал из-за стола. Пьянь. Бич.

Он подошёл вплотную к столику. Мужик втянул голову в плечи и продолжал жадно глотать овощное рагу. Он понимал, что всё сейчас закончится.

– Бессовестный! В милицию надо! – наседала девушка. Она, чувствуя рядом с собой крепкого парня, даже ткнула мужика в спину кулачком. – Паразит! Каждый день приходит и у кого-нибудь забирает обед... Честно, да? Свинья, а не человек!..

У Турчина сжалось в груди. Он не слушал девчонку, а смотрел на этого опустившегося, потерявшего к себе уважение человека, на то, как тот глотает пищу, как трясётся его оплывшее лицо, и как затравленно бегают глаза. И почувствовал не обычное презрение и гадливость, хотя и они, приглушённые, где-то глубоко были, а сострадание и жалость. Ведь человек!..

Что-то у него в душе сдвинулось, видимое открылось по-другому.

– Оставь его, – сказал он разгневанной девчонке. Тронул за плечо ту, с острыми лопатками, – она так и сидела, оцепенев. – Пошли.

Подвёл к раздаче, взял рагу, котлету, компот, заплатил и посадил девчонку за свой столик.

– Ешь.

Худенькая эта девчонка ещё оглядывалась на мужика, который торопливо, обрадованно допивал её компот. Она не на шутку была испугана.

– Это несчастье, – глухо сказал Турчин. Сказал больше для себя, чем для неё. – Жизнь – сволочь. Не всё от человека зависит. Вот даже... – Он не договорил и стиснул вилку так, что она сломалась.

Первая девчонка не отходила, она стояла поблизости и смотрела с презрением. Всё случилось не так, как она ожидала.

– Такой здоровый. Струсил!.. – она буквально прожигала Игоря глазами. – А я ещё хотела на дискотеку пригласить. Думала, такой парень!..

Турчин даже не посмотрел на неё.

На улице было холодно и темно, тоскливо горели лампочки на столбах. Ветер налетал с разных сторон, заунывно свистел в проводах. На самой верхушке молодого тополя у ближнего столба одиноко трепетал, как флажок, последний лист.

Турчин поднял ворот плаща, посмотрел на длинное двухэтажное здание общежития текстильщиц. В окнах первого этажа мелькали принаряженные девчонки, – видимо, у них в самом деле сегодня дискотека. Интересно, ребята из сержантской школы будут?..

Когда он служил, некоторые его товарищи встречались со здешними девчонками. Курсанты у текстильщиц успехом не пользовались – через четыре месяца состав школы менялся, да и вырваться в увольнение курсанту намного тяжелее, чем сержанту, служившему в школе постоянно. У Турчина потеплело в груди. О службе он вспоминал с добрым чувством.

Много, конечно, там было своего, много несвободы и зависимости, значение человека определялось званием, но и твёрдая уверенность была, что если относишься к службе серьёзно, то это будет оценено. Такое многого стоит. И как хорошо в ту пору было переброситься словом с какой-нибудь девчонкой, глядящей из окна общежития, опёршись локтями о подоконник, как радостно становилось на душе! Сидишь в курилке возле забора – вот она, сержантская школа, рядом, через дорогу, – ворот гимнастёрки независимо расстёгнут, пилотка франтовато заправлена за погон...

Турчин перешёл улицу, двинулся вдоль глухого тёмного забора части, в которой прослужил оба армейских года. Всё уже, конечно, там не так, люди другие. Разве что некоторые знакомые офицеры остались. И суровый подполковник Долгополов, без которого Турчин не представлял сержантской школы. Он притронулся ладонью к доскам забора. Может, и в самом деле надо было пойти на сверхсрочную, как не раз предлагали?.. Всё ясно, все определённо. А там вечернюю школу окончил бы, в военное училище поступил. Время идёт, ты растёшь в звании, всё нормально. Есть движение, есть достижение нового, без чего жизнь пресна и бессмысленна...

Он не мог слоняться без дела даже сейчас. Надо было чем-то заняться. Быстрым шагом – в этом уже была видимость дела – он пошёл вдоль забора вокруг части. Вспомнился Калентьев, его замкомвзвода, когда Турчин сам ещё был курсантом. Это Калентьев пристрастил его к штанге. Так хотелось Турчину быть тогда похожим на этого сильного, независимого человека! Однажды командир взвода не захотел отпускать Калентьева на тренировку, и тот сказал: «Вы, товарищ лей-

тенант, оперой увлекаетесь, я знаю. Для вас счастье послушать хорошую труппу. А для меня опера – штанга!» Лейтенант сначала гневно покраснел от такого сравнения – он на самом деле был завзятый меломан, свой отпуск проводил в Москве, в Большом театре. Но, подумав, всё же отпустил Калентьева тренироваться, хотя приближалась инспекторская проверка и сержант во взводе был нужен.

Мысли об армии успокаивали. В одном месте Турчин услышал, как по ту сторону забора ходит часовой и вполголоса напевает что-то протяжное. «На посту не положено», – подумал Турчин. И позавидовал этому неизвестному парню. Скоро его сменят, а в караульном помещении тепло, ребята протирают автоматы, пахнет оружейным маслом...

Ветер с размаху бился в забор.

Турчин обошёл часть по периметру и вновь оказался напротив общежития текстильного техникума. «На дискотеку пойду!» – решил он. Решил с тем особым, идущим наперекор чувством, когда знают, что это глупо, бессмысленная трата времени, но всё равно делают.

Он перешёл улицу и направился через двор к тёмной двери общежития – лампочка над дверью у текстильщиц, как всегда, была разбита. Она мешала обжиматься, когда провожали здешних девчонок.

Не успел Турчин пройти и половины двора, как дверь распахнулась и из общежития принялись суматошно выскакивать какие-то ребята. Одни были раздеты, другие держали куртки в руках или торопливо натягивали их на бегу. Дверь хлопала, музыка то возникала, то отсекалась – танцы проводились в вестибюле общежития, – несколько тёмных фигур бросились к штaketнику, забор затрещал. – «Наших бьют!» – крикнул кто-то то ли всерьёз, то ли дурашливо – понять было трудно. Последней вывалилась группа из нескольких человек, они топтались у двери, толкались, злой голос допытывался: «Скажешь, не ты? Ты не прятал?..» К двери стали подтягиваться остальные ребята, в том числе те, которые ломали штaketник. Прежний голос крикнул: «Витя, вызывай милицию!» Какой-то парень шмыгнул в дверь, светом из вестибюля на мгновение высветилась красная повязка на его рукаве... Похоже, всё было серьёзно, не дурачатся. Вот-вот могла начаться драка.

Турчин подошёл ближе, всё так же держа руки в карманах плаща.

– В чём дело?

Его громкий уверенный голос заставил всех притихнуть. Появился взрослый, ребята сразу это почувствовали. Они остановились и повернули к нему лица. В своём светлом плаще Турчин выглядел очень внушительно. Темнота делала его особенно большим, почти квадратным.

– Что за базар? А ну дай сюда, – он протянул руку и выхватил палку у какого-то паренька. И, присмотревшись, удивился: – Карабай?.. Смотрите на него, драться собрался!

Оказывается, здесь были свои. Что это они с бурсаками не поделили?.. Турчин властно отвёл стоящих перед ним, прошёл к двери, где непримиримо сопели, уставясь друг на друга, несколько человек. Тут было ядро, отсюда и надо было начинать.

– В чём дело? – властно повторил он, зная, что именно так, уверенно и решительно, надо действовать. Но тут же почувствовал, что говорить поздно. Он едва успел перехватить чью-то руку, оттолкнул пытавшегося ударить, тот провалился

куда-то назад и вниз. Это было как сигнал, сопевшие у двери дернулись, стали молча колотить друг друга.

– Отставить! Салаги! По домам!.. – рявкнул Турчин. Его командирский голос перекрыл всё. – Вон!.. – Он хватал дерущихся, разбрасывал их в стороны, раздавал подзатыльники. – По домам, охламоны! Пшёл вон! Салаги!.. Кому ещё? Кто ещё драться хочет?!

Напор Турчина, его поставленный сержантский голос были такими, что драка, по-настоящему не успев разгореться, затихла. Ребята из текстильного столпились возле двери, свои растерянно отступили в глубь двора. Не успокоились только двое. Турчин уже несколько раз растаскивал их, но пока занимался другими, эти двое опять сходились. Один выжидал момент, чтобы ударить наверняка, второй, по-борцовски приподняв плечи и втянув голову, старался захватить его руку, поймать на болевой приём. Здесь не чувствовалось обычной мальчишеской суетливости – здесь было посерьёзней.

Турчин встал между ними.

– Ну, петухи!.. – заговорил он, толкая каждого в грудь и держа на расстоянии одного от другого. – Сейчас приложу обоих, допрыгаетесь!..

И вдруг замолк на полуслове. Один из парней был Муляр.

– Вор он, – срывающимся голосом крикнул второй, пытаясь через Турчина хватить Муляра. – Ворюга!..

Муляр, набычив голову, молча, зло смотрел на него, готовый ударить, едва представится случай.

– Заберите его, – приказал Турчин ребятам из текстильного техникума и кивнул на паренька. А Муляру бросил: – И ты иди! Смотри, а то!..

Он дождался, когда свои, возбуждённо переговариваясь, вышли со двора на улицу. Самому оставаться здесь тоже не следовало – вдруг действительно приедет милиция.

Он пошёл за ребятами, держась на расстоянии. Ребята всё никак не могли успокоиться. Беззаботные, молодые, они были разгорячены случившимся и теперь задиристо поглядывали по сторонам, готовые к новым приключениям.

Турчин тихо застонал, будто от зубной боли.

Гора заслоняла собой всё. В ней чувствовалась угрюмая, недобрая сила. Она была настолько огромна, что маленький треугольный клочок неба сбоку казался нелепым и беспомощным.

Гора была полуприсыпана снегом, и острые чёрные скалы выпирали на её крутых склонах, как клыки. Мощные, пёстрые от снега хребты, обширные плато, которые снизу выглядели небольшими площадками, отвесные стены в несколько сот метров высотой – всё было неподвижно, грозно, безжалостно.

Гора казалась огромным доисторическим ящером, затаённо чего-то ждущим. И всё живое чувствовало это хищное ожидание и обходило Гору стороной. Даже орлы здесь не гнездились, даже мыши не жили в её осыпях.

Странно выглядела цепочка людей на склоне. Бесконечно маленькие, ничтожные, они словно не чувствовали исходящей от Горы враждебности, не слышали её зловещего молчания. Наклонив головы, прощупывая снег альпенштока-

ми, люди медленно поднимались вверх. Издали их движение было незаметным, как незаметно движение часовой стрелки.

Что их гонит, этих людей? Что заставляет задыхаться, хватать губами разреженный воздух? Что заставляет не думать о сходящих с грохочущим гулом лавинах, попасть в которые значит не просто умереть, а умереть мучительно? Что заставляет этих благополучных людей срываться со скал, ломать кости, а потом, если останутся живы, опять идти в горы и опять карабкаться вверх?.. Пресловутый вид с вершины? Слава? Но в сотне метров от пика лежит обледеневший скрюченный труп немецкой альпинистки, лежит уже несколько лет, потому что у достигших этого места живых не остается сил спустить труп вниз, чтобы захоронить.

Никакая слава не стоит жизни. Но почему люди идут, хотя замирают сердца от недоброго молчания Горы? Идут, оставив обжитые места и родных. Или есть что-то сильнее рассудка, сильнее страха умереть?.. Что же это за страсть, не дающая человеку жить спокойно? И для чего она? Зачем?..

– Товарищ сержант!

Турчин оглянулся. Здесь, на третьем этаже, свет был выключен, и он не сразу рассмотрел того, кто произнёс эти непривычные слова.

– Я до вас, товарищ сержант!..

В меняющемся – то ярче, то бледнее – свете телевизора улыбался какой-то парень со спортивной сумкой на плече. Его глубоко сидящие глаза были затенены, зубы блестели.

Турчин поднялся со стула.

– Ты ко мне?

– До вас, так точно.

Турчин включил в коридоре свет и несколько секунд, шурясь, смотрел на парня. Тот, всё так же неловко улыбаясь, перебрал сумку с одного плеча на другое и сказал:

– Не узнаёте меня?

– Вакалюк?.. – неуверенно произнёс Турчин.

– Я! – с радостным облегчением сказал парень. – А я уже подумал – забыли вы!..

Турчин пожал ему руку.

– Как ты здесь оказался?

– Вас искал, товарищ сержант. Я слышал, вы после дембеля в машиностроительный техникум поступили. Вот, нашёл!..

Турчин немного помедлил, с сожалением оглянувшись на телевизор. Альпинисты неторопливо и осторожно поднимались по отвесной скале с набившимся в трещины снегом. Ветер рвал страховочные верёвки. Камера выхватывала напряжённо застывшие лица, жуткую глубину провала внизу, дикий камень скалы. Жизнь этих людей сейчас казалась особенно ненадёжной и случайной.

– Интересная передача. Как наши поднимались на Эверест... Ну, пошли в комнату!

Спускаясь по лестнице на второй этаж, Турчин уже точно помнил всё, связанное с Вакалюком. Тот был курсантом его последнего перед увольнением в запас выпуска. Обычный парень, ничем не выделялся. Правда, занимался в секции тяжёлой атлетики, которую на втором году службы вместо уволившегося в запас

Калентьева вёл в части он, Турчин, и не пропускал тренировок, даже если после этого нужно было заступать в наряд. Этим, наверно, и запомнился. Все перед нарядом отдыхать, а этот в зал, к штанге...

Строение у парня не для тяжёлой атлетики, тонкая кость, но кому в восемнадцать лет не хочется быть сильным. К тому же, Турчин знал, некоторые курсанты ходят в секцию, чтобы вызвать его, замкомвзвода, расположение. Хитры были, салажата!..

– Ого! – сказал Турчин, подталкивая всё ещё скованно держащегося Вакалюка и чувствуя ладонью, как движутся выпуклые твёрдые мышцы на его спине. – Поднакачался, как я посмотрю!..

Вакалюк опустил глаза. Было в нём что-то от застенчивой девушки.

– Какой там... До вас далеко, товарищ сержант.

– Скромничаешь.

– Правда, товарищ сержант.

– Перестань ты меня сержантом звать! Не в армии... Разряд есть?

– Перед дембелем второй делал. С запасом.

– Молодцом! – удивился Турчин. – Дома давно?

– С мая.

Турчин значительно кивнул. Рядом со своим бывшим подчинённым, который относился к нему с таким подчёркнутым уважением, он вновь почувствовал себя уверенно. Турчин посмотрел на Вакалюка доброжелательно, почти с любовью.

– Ты в командировке? Понимаю, устроился на такую работу, чтобы поездить, мир посмотреть... Верно?

Вакалюк помялся.

– Та нет... Три дня за свой счёт, дело у меня...

Они вошли в комнату. Здесь что-то происходило, вокруг койки Славки Калашникова тесной кучкой собрались ребята. Лица у них были азартные, в позах чувствовалось нетерпение. Они, не отрываясь, смотрели на Славку, а тот, подложив под спину подушку, небрежно перебирал струны гитары.

– Ищите, – скучным голосом сказал Славка и поднял глаза к потолку. Он взял аккорд, затем, приложив ладонь к струнам, погасил звук. – Найдёте, всё ваше. Претензий не имею.

Но весь Славкин вид говорил о том, что поиски у ребят будут нелёгкими.

– Алярм? – поинтересовался Турчин.

Славка приподнялся на койке и посмотрел на него, выглядывая из-за ребят.

– Несознательные элементы! Сала захотели!.. Я не против, пожалуйста, только сперва найдите... – ухмыляясь, Славка опять улёгся на подушку.

Выглядел он вполне благополучно. В первую же субботу после Октябрьских, едва сошёл синяк под глазом, Славка уехал домой, в понедельник и во вторник не был на занятиях, зато вернулся не таким убитым, как ходил всю неделю перед этим. Похоже, его любовь к Тоне прошла.

– Здесь не поговоришь, – сказал Турчин Вакалюку. Славкин беззаботный вид заставил его покачать головой: какой всё-таки лёгкий, поверхностный человек!..

– Пошли в кочегарку. Мне всё равно через полчаса заступать. – И пояснил удивлённо взглянувшему Вакалюку: – Подрабатываю. Стипендии не хватает.

По дороге в кочегарку он рассказал, что означает местное словечко «алярм».

В последние дни перед стипендией ребята не выдерживали и с людоедскими воплями набрасывались на продукты, привезённые кем-нибудь из дому. У многих дом далеко, часто не поездишь, а есть хочется и денег на столовую нет. Конечно, у того, чьи привезённые на неделю продукты поедались в первый же вечер, радости особой не наблюдалось. Но и очень обижаться считалось неприличным – легко можно было прослыть жмотом и куркулем. А жизнь таких в общежитии сложна...

Эдуард занимался непривычным для себя делом. Он смотрел в зеркальце и тщательно расчёсывал бороду расчёской. Он не смутился, когда в кочегарке появился Турчин с держащимся несколько сзади Вакалюком, а благодушно кивнул им и подул на расчёску. Потом аккуратно опустил её в карман клетчатой рубашки и посмотрел на Турчина усмешливым долгим взглядом.

Турчин подобрался. В последнее время ему казалось: Эдуард догадывается о том, что с ним происходит. Возможно, это была всего лишь мнительность – просто у Эдуарда хорошо идут дела, достал, скажем, редкую книгу по философии, – но даже предположить, что именно Эдуард понял его состояние, было унижительно. Будто на соревнованиях проиграл заведомо слабому противнику, а тот ещё ходит и перед всеми похвалывается.

Первые смятенные дни миновали, ядовитый вопрос не стал слабее, но ушёл вглубь, и Турчин уже старался ничем не проявлять того, что происходило в душе. Задним числом он стыдился своей слабости – распускать себя в любом случае не следовало. Он вновь стал ходить на тренировки, правда, занимался без удовольствия.

Оказывается, не помогло – заметили...

Турчин смотрел на улыбающегося Эдуарда – что-то покровительственное было в этой улыбке, даже аккуратно, волосок к волоску, расчёсанная борода всем своим ухоженным видом как бы снисходительно укоряла его, – и думал, как странно всё устроено. Стоило ему почувствовать неуверенность, стоило засомневаться, как такой человек, как Эдуард, не способный ни к чему настоящему, живому, подавленный своим властным отцом, стал выглядеть намного благополучней, что-то даже самодовольное в нём появилось. Кажется или на самом деле так?... И он, Турчин, выходит, выглядел таким же раздражающе самодовольным раньше?... Значит, ещё одна заковыка в жизни – заковыка, о которой он понятия не имел? Оставленное пространство заполняется, сомневающийся вытесняется, гибнет.

– Я пойду, не возражаешь? – спросил Эдуард.

Турчин, стараясь не смотреть на него, кивнул.

Эдуард, напевая что-то итальянское, оперное, переоделся и прощально поднял руку.

– Всего доброго!

Он быстро скрылся за дверью, будто ему неловко было своего благополучного вида. По крайней мере, так Игорю показалось.

– Садись, – сказал он Вакалюку и кивнул на второй табурет у стола. – Ну, что у тебя, говори.

Вакалюк опять смущённо заулыбался, показывая белые зубы.

– Не знаю, как сказать... – решившись, он засунул руку в спортивную сумку, стал там шарить и весело заговорил, то и дело поднимая голову и подмигивая:

– Сложный вопрос, товарищ сержант! На ясную голову отвечать трэба. Без допинга не разобраться...

Турчин озадаченно наблюдал, как Вакалюк достал из сумки бутылку вина, с ищущим видом осмотрелся.

– Сюда можно? – Он показал глазами на стол. – Стаканы найдутся?.. Теперь поговорим. Вы спросите, я отвечу – всё ясно будет!..

Игорю стало скучно. Он подумал, что надо бы взять в комнате берет, который всегда надевал в кочегарку, чтобы голова от угольной пыли не грязнилась.

– Подожди здесь, – сказал он Вакалюку и вышел.

Но в комнату не пошёл, а поднялся на третий этаж, переключил телевизор на прежнюю программу (ребята, смотревшие хоккей, пробовали было возражать, но Турчин бросил: «Тихо!») – и сел впереди на заскрипевший под его тяжестью стул.

Передача об альпинистах подходила к концу. Что-то ещё незначительное говорил мужчина с обычным, неприметным лицом. Потом показали, чего стоило попасть в команду. Как надо было в лёгкой одежде провести сутки без сна на двадцатиградусном морозе. Как человека помещали в барокамеру, создавали условия высокогорья, заставляли работать, двигаться, спрашивали, сколько будет, если к пяти прибавить три или к четырем два, и как человек со свистяще вырывающимся дыханием отвечал, путался, долго, трудно молчал... Но всё это показали быстро – будто чего-то стеснясь.

Турчин напряжённо смотрел на экран.

Потом опять показали Гору, её безжизненные отталкивающие склоны и цепочку полусогнутых людей, упрямо движущихся к цели. Великое, неприступное молчание Горы – и маленькие, ничтожные в сравнении с её громадой существа, упорно добивающиеся своего в этом враждебном для них мире.

– Вот так! – неизвестно кому сказал Турчин и поднялся.

В комнате Славка Калашников сидел на койке и, по-турецки скрестив ноги, наяривал на гитаре что-то ритмичное. Остальные ребята азартно рылись в тумбочках, выбрасывали из шкафа с треснувшим зеркалом одежду, заглядывали под койки, даже матрасы откидывали.

Алярм был в разгаре. По довольному лицу Славки можно было заключить, что поиски пока безуспешны.

Турчин снял с вешалки свой берет и вернулся в кочегарку. Вакалюк по-прежнему сидел на табуретке возле стола и листал одну из Эдуардовых книг. Он всё ещё был в куртке с затянутой под самым подбородком молнией, хотя в кочегарке было жарко.

– Это вы читаете? – спросил Вакалюк с уважением, показывая на обложку книги.

Турчин не ответил.

– Ты как на вокзале! Раздевайся. – Он втянул в себя воздух. – Выпил всё-таки?

– Есть немного, – Вакалюк протянул руку под топчан и вытащил наполовину пустую бутылку портвейна. Теперь стало заметно, что держится он свободней, глаза весело поблескивали. – Есть немного, товарищ... нет, просто Игорь! Не будете обижаться, если стану так называть? Вы для меня большой человек, сами знаете!..

– Крепко закладываешь?

– Не-е-т! – Вакалюк замотал головой. – По большим праздникам! Это сей-

час... Вы не думайте! – Он засмеялся, настолько, видимо, показалось ему смешным предположение Турчина. – Честное слово, не пью! Такой случай... Дело у меня до вас.

– Давай. И куртку сними. Ты что, вес сгоняешь?

Вакалюк засмеялся, расстегнул куртку и принялся её стаскивать, поочередно берясь за рукава.

– Та подождите о деле! Сразу как-то... Может, выпьете? А то что я один...

– Нет.

Вакалюк замолчал, собираясь, видимо, с духом. Наконец заговорил:

– Для вас, может, неинтересно или даже смешно... Приехал посоветоваться, что дальше делать. – И он с решимостью поднял на Турчина глаза.

Тот помолчал.

– А что случилось?

– Ничего не случилось. В том и дело, что ничего!.. Вы спрашиваете, чи не пью. Интересный вопрос! Есть хлопцы, что начинают пить. Я – нет. У кого как. Или после армии женятся, или начинают закладывать. У нас у всех хлопцев так. Знаете, почему?.. Сейчас всё можно. В армии отслужил, деньги зарабатываю – самостоятельный! Девчата уважают. Интересно, скажите? Всё есть, а... Если б кто мне в учебке сказал, что скучно будет, я б того остряка послал подальше. Вы с нас каждый день стружку снимали, гоняли, как цуциков. Мне казалось, ничего лучше гражданской жизни быть не может! А сейчас... Непонятно говорю? – Вакалюк замолчал и выжидательно посмотрел на Турчина.

– Да нет, понятно, – Турчин выдержал паузу. – Ты куртку всё-таки положи, мешает.

Вакалюк бросил куртку, которую всё ещё держал в руках, на топчан. Он настолько был занят своим, что не заметил, как куртка сползла на пол. Опять торопливо заговорил:

– Так гражданку ждал! Каждый день до дембеля считал. А хуже всего – знаю, теперь так всё время! Поверите, думаю иногда сам с собой: наводнение, что ли, случилось бы. Или землетрясение. Хоть что-нибудь, в полную силу!.. Я понимаю, нехорошо. Другие живут. Или надо подождать, пусть само пройдёт, такое у меня сейчас время?..

Турчин с интересом смотрел на Вакалюка. Никогда бы не сказал, что этого на вид обычного парня могут доносить такие мысли. Он почувствовал что-то вроде гордости – приехал-то Вакалюк именно к нему. Не к отцу обратился, не к друзьям! Значит, запомнился он своим бывшим подчинённым, если приезжают спрашивать, как жить дальше?..

«Гады! – подумал он о Муляре и о таких, как тот. – Какие всё же гады!»

– Ты кем работаешь?

– На заводе. Шлифовщик.

– Разряд какой?

– Третий... Какое имеет значение!

– Имеет. Мне было бы стыдно за третий разряд. Это почти разнорабочий, уборщик стружки. Почему не пятый или шестой?

Вакалюк молчал. Весь его вид, казалось, говорил: я серьёзно, а вы...

– Ну?

– Шестой... Асом надо быть.

– А почему тебе не стать асом? – сказал Турчин и требовательно посмотрел на него: – А? Объясни мне толково – почему? Характера не хватает? В учебке ты мне казался другим, характер у тебя есть. Знаний мало – иди учись! Ты сколько классов кончил?

– Десять.

– Видишь! А у меня восемь. Я пошёл учиться. Трудно было, а я смог. И ты сможешь, если человек. Или думаешь, всё уже знаешь? Дошёл до предела?

– Не думаю. – Вакалюк усмехнулся и опустил голову. – Ну, ладно, получу я шестой разряд. Даже институт закончу. Дальше что? Лучше мне от этого будет? Счастливым стану?

Турчин покраснел от гнева. Он знал, что не надо бы так, но сдержаться не смог.

– Ты получи сначала! Ты закончи! Говорить потом будем. Трепаться просто!.. Видеть не могу людей, которые свою лень оправдывают, философию на мелком месте разводят. Работать надо! Стремиться!.. Ты человек, воля у тебя есть или нет?..

Турчин напряжённо выпрямился. Решительность и уверенность, которые сейчас исходили от него, были заразительны.

– Или штанга! Почему бросил заниматься? Стань мастером спорта! Добейся, покажи результат! Что, хлопотно, потеть надо?.. Как можно говорить о скуке! Слизняки жалуются на жизнь, мне таких не жаль. Скучно им!.. Воля должна быть, интерес к жизни. Хоть марки собирай, а к чему-то стремись. Выбери и добивайся! Неужто в тебе нет гордости?.. Конечно, тоска, если ни к чему интереса не будет! Ты к цели стремись!..

Просидели в кочегарке допоздна. В конце концов разговор стал спокойным. Вспомнили общих знакомых по сержантской школе. Вакалюк рассказал о своей недавней службе – служить ему довелось в Приморье, места интересные.

Спать Турчин отвёл Вакалюка на свою койку. Было около часа ночи, когда они появились в комнате, но ребята ещё не ложились. На столе валялась промасленная бумага, куриные кости, шкурки от свиного сала.

– Папа римский убирать будет? – спросил Турчин. И когда ребята после недолгого препирательства между собой принялись убирать со стола, Турчин поинтересовался: – Нашли, значит?

– Сдались, – самодовольно отозвался Славка Калашников со своей койки. – Я сам показал.

Турчину стало любопытно. Обычно ребята находили припрятанные продукты, и довольно быстро – голод не тётка.

– И где же было?

– Он гвоздь под стол вбил, там повесил! – восторженно зачастил кто-то. – Ну, хитрован! А скатерть свисает, ничего не заметно!..

В шесть утра Вакалюк зашёл в кочегарку попрощаться – ему надо было успеть на поезд. До его станции ехать почти сутки, а три дня за свой счёт ходили к концу.

«Так не должно быть», – подумал Турчин.

Он сидел в спортзале на низенькой скамейке и перетягивал запястье серым с бахромящимися краями бинтом. «Так быть не должно!»

Он на Муляра не смотрел, но чувствовал любое его движение. Будто между ним и этим человеком существовала невидимая связь, постоянное слежение. Едва появлялся Муляр, как в Турчине словно начинал работать локатор, который пристрастно и недоброжелательно следил за каждым шагом парня. Зрение здесь было ни при чём. Турчин даже спиной чувствовал, чем занимается Муляр.

Сейчас он знал, что Муляр полулежит на матах в углу спортзала, снисходительно, с ленцой усмехается, а вокруг него расположились два или три человека из команды. У Муляра уже появились свои поклонники, которые ловили каждое его слово, ждали благосклонного взгляда. Оказался среди них и чутко реагирующий на всё Саня Карабай, а это уже вызывало досаду.

– Карабай, походи сюда.

Саня неторопливо поднялся с места и так же неторопливо подошёл

– Завяжи. – Турчин протянул ему запястье с болтающимися, особенно затёртыми концами бинта.

Саня принялся завязывать.

– Затяни сильнее, – приказал Турчин. И не удержался, иронически, а на самом деле ревниво, спросил: – Что, Муляр мёдом намазан, что вы вокруг, будто мухи?

Чуткий Саня хихикнул, но ничего не ответил, а так оглянулся на маты, что стало ясно: ему хотелось поскорее обратно.

– Ладно, иди, – бросил Турчин. Он смотрел на уходящего Карабая и думал, что походкой тот стал напоминать Муляра. Быстро!..

«Так быть не должно», – вновь подумал он, как о вполне решённом.

Если жизнь несовершенна, её нужно исправлять. Всё вокруг должно быть разумно и справедливо. Человек должен знать, что ему воздастся за его труд и старание. Иначе пропадут ориентиры, и непонятно будет, что хорошо, а что плохо.

Команда собиралась медленно, хотя часы уже показывали половину седьмого. В последнее время всё было пущено почти что на самотёк, ребята разболтались. «Тоже ненормально», – подумал Турчин. Он поглядывал на дверь, поджидая Шину. Стал разбинтовывать запястья. Сегодня он тренироваться не сможет, это ясно. Надо было заняться главным.

Подошедшему вскоре Вите Шину Турчин сказал провести тренировку – он, Турчин, неважно себя чувствует. Он ждал, как прореагирует Шин, специально выбрал нейтральный тон, полупросьбу-полуприказ, но Витя оставался всё таким же доброжелательным, лёгким.

– Хорошо, старичок, понимаю, – ответил он. Вежливо выждал несколько мгновений, лишь тогда повернулся и заспешил к матам: – Вставайте, ребята. Начнём разминку. Ну, трусцой за мной!..

«Всё правильно». Турчин даже благодарности к Шину не почувствовал. Так и должно было быть. Всё как надо.

Каждый из четырёх техникумов города был чем-нибудь знаменит.

Финансово-кооперативный – вокально-инструментальной группой «Центральная нервная система», в строительном техникуме учился в своё время один из космонавтов, а текстильный был известен борцами.

На первый взгляд, странно – в текстильном техникуме ребят было совсем немного, девчонок значительно больше, но «бурсаки» постоянно побеждали на первенствах области по всем видам борьбы. Физкультуру у них преподавал бывший «вольник», он и привил ребятам интерес к борьбе. Не заниматься ею в техникуме считалось дурным тоном.

«Этот тоже, наверно, занимается», – подумал Турчин, глядя на приближающегося парня в шлёпанцах. Парень по-борцовски сутулился и при ходьбе широко разводил колени.

– Кто меня спрашивает? – поинтересовался парень у вахтёрши, сидящей за столом возле входа. И перепрыгнул глазами на Турчина: – Вы? В чём дело?

– Он, он, – закивала пожилая вахтерша, уличая косясь на Турчина. Она никак не могла поверить, что в общежитие можно приходиться не только для того, чтобы попасть к девчонкам. – Говорит, нужен председатель совета общежития. Вот тебе, пожалуйста, председатель!..

Турчин протянул парню руку.

– Турчин. Игорь. Председатель совета первого общежития машиностроительного техникума. – Он говорил спокойно, подбирая слова. Его голос гулко раздавался в просторном вестибюле, где проводились дискотеки. – Прежде всего извиняюсь за наших ребят. В прошлую субботу здесь было недоразумение на дискотеке, наши замешаны. Мы решили разобраться и наказать виновных. Хотелось бы знать, как всё произошло. Я случайно оказался поблизости и разнимал их во дворе. Но причины драки не знаю. Прошу помочь выяснить.

Парень пожал Турчину руку, но себя не назвал. Сообразительное его лицо приняло деловитое выражение. Из заднего кармана брюк он выудил записную книжку и быстро раскрыл в нужном месте.

– Соня, светик, не упади, – ласково обратился он к проходящей по коридору девчонке в вытертых джинсах. Девчонка во все глаза смотрела на Турчина. – У меня к тебе просьба, лапонька. Позови Алатарцева. Он у нас пятнадцатого был дежурным по оперативному отряду, – пояснил «бурсак» Турчину, мельком глянув на обтянутые бёдра девчонки. – Толковый парень. Принципиальный... Садись, что стоять.

Турчин опустил на диван сбоку от вахтерши. «По возрасту если, то в армии служил», – подумал Игорь о «бурсаке». Такие сметливые ребята в армии бывают или писарями, или дослуживаются до ефрейторов. Он глубже засунул руки в карманы впервые сегодня надетого пальто, которое купил на деньги, заработанные во время каникул. Его что-то познабливало.

– С этой дискотекой!.. Каждый раз приключения, – доверительно заговорил председатель совета общежития. По всему видно было, что он признаёт в Турчине равного и одобряет желание наказать виновных. – А попробуй, прикрой. Такой гвалт устроят, рад не будешь!.. Нет, с девчонками тяжело, с ребятами всё же легче. Каждая с гонором, подхода требует... Тебе повезло, у тебя почти одни ребята.

«Вершители судеб, – вдруг подумал о себе и этом парне Турчин. – Неболь-

шие, но всё-таки вершители!..» Он переждал – ни к чему сейчас было это раздражение – и спросил:

– Ты в армии служил?

– А что?

– Так. Где-то я тебя видел.

– А я тебя точно знаю. Ты по штанге на первенстве города выступал.

Турчин шевельнул плечом – ерунда, мол, мелочи... Ему стало приятно: в марте на первенстве города среди учащихся техникумов он выступил отлично, с большим отрывом занял первое место... Игорь почувствовал, что и сейчас всё должно сложиться хорошо.

С этим предчувствием удачи он и заговорил с Алатарцевым, плотным паренком с борцовской, короткой и сильной, шеей. Вид у того был недовольный, будто его оторвали от дела, светлые глаза смотрели настороженно.

– Помню, – ответил Алатарцев. – Гад у вас один есть. По карманам в гардеробе лазил.

Турчин не удивился, хотя большей удачи ожидать было трудно – мало ли из-за чего могут повздорить ребята на дискотеке. Вполне могли из-за девчонки, чаще всего так и бывает. Паренька Турчин узнал сразу – это он несколько раз сходил с Муляром во дворе, пришлось ещё растаскивать.

– Сам видел? – на всякий случай спросил Турчин. – Дело серьёзное. Мы таких из общежития выселяем, это в лучшем случае.

– Ребята сказали. Я нашим ребятам верю!.. – Алатарцев насупился. Своих пришёл защищать, ясно, говорил весь его вид. Он тоже вспомнил Турчина.

Председатель совета общежития быстро оценил ситуацию.

– Валера, ты не заводись! Товарищ заинтересован в правде. Может, другое что было?

– А что ещё можно полчаса в гардеробе делать? Зашёл – и по карманам! Вот так шапка у Жмелёва пропала. А потом опять виноват оперативный отряд!..

– В этот раз шапка пропала?

– Нет. Раньше. – По голосу Алатарцева было ясно: он жалеет, что шапка пропала не в этот раз. – Всё равно! Он мог украсть!.. Скажешь, нет?

Турчин неопределённо пожал плечами. Он даже радости не испытывал – настолько закономерным и естественным было то, что ему сейчас сообщили о Муляре.

– Это с ним ты во дворе?..

– С ним.

– Подтвердить сможешь, если понадобится?

Алатарцев серьёзно посмотрел на Турчина.

– Я за свои слова отвечаю.

– А что это вы всех в гардероб пускаете? – сказал Турчин давно вертевшееся на языке. – Лишние проблемы создаёте.

Ответил Алатарцев. Он опять смотрел исподлобья.

– У нас на доверии. У вас, наверно, по-другому?

Всё было ясно. Турчин поблагодарил ребят. Пожал им руки (Алатарцев протянул свою неохотно) и прошёл мимо вахтёрши на улицу.

В свете фонарей косо летели редкие снежинки. Холодный воздух заставил

ощутить лицо. Столовая при общежитии ещё работала, ярким прямоугольником светилась её застеклённая дверь, но Турчин заходить не стал – есть не хотелось.

У себя в общежитии он поднялся на четвёртый этаж и постучался к Брадину. У открывшего дверь Михаила Евсеевича лицо стало удивлённо-недовольным. Беспокоить преподавателей дома было не принято.

– Да?

– Добрый вечер. Я насчёт собрания, Михаил Евсеевич. Пора проводить, ноябрь кончается.

Брадин подумал и кивнул. Мясистый нос его досадливо сморщился.

– Пожалуй. С этими квартирами все планы нарушились... Когда предлагаете?

– Можно завтра, можно послезавтра.

Турчину не терпелось сделать то, что он задумал. Конечно, у Михаила Евсеевича сейчас горячее время, техникуму выделили несколько квартир, много дел с их распределением, с оформлением документов для горсовета, – всё это Турчин понимал. Но и с отчётно-выборным собранием в общежитии в самом деле слишком уж затянули.

– У вас всё готово?

Турчин полез в карман.

– Вот тезисы выступления. Вот кандидатуры в совет общежития по секторам... – Турчин старался не выдать своего нетерпения и говорил медленно, даже как бы нехотя.

– Заходите. – Брадин понял, что держать его в дверях дольше неудобно. – Только, прошу вас, осторожно. У жены сегодня был тяжёлый день.

Он проводил Турчина на кухню и посадил на маленький аккуратный стул. Сам присел на такой же, быстро убрав с него одинокую газету с разгаданным кроссвордом. Вполголоса спросил:

– Ивану Леонтьевичу показывали? – И сам же кивнул: – Ясно, ему сейчас не до того. Переезжает... Думаю, он вообще от нас уйдёт.

– Почему вам квартиру не дали, Михаил Евсеевич? – вдруг спросил Турчин. Было в голосе Брадина, в том, как он взглянул, говоря о коменданте, что-то такое, что позволяло подобный вопрос. Игорю и в самом деле было интересно – и Брадин, и Круглей жили в одних и тех же условиях, но вот коменданту дали, а преподавателю нет.

Брадин посмотрел в сторону. Когда он заговорил, в его голосе не было уверенности:

– Нам с женой и здесь неплохо. А сын во Львове, учится... Не всё, Турчин, в жизни идёт по законам. Вы, наверно, это и по собственному опыту знаете.

– Должно идти! – сказал Игорь, наклонив голову и пристально разглядывая свои ногти. – Если по-другому, то... безнравственно!

Брадин удивлённо взглянул на него.

– Интересно, только тише... Хочу вас предостеречь, Турчин. Я за вами наблюдаю, вы человек заметный среди наших учащихся. Когда вас спрашивают, хорошо или плохо, если идёт дождь, – не торопитесь сразу говорить да или нет. Не спешите, мой вам совет. Понимаете? Сначала узнайте, какой была погода раньше. Какое время года. Нужно это для полей, не поднимется ли вода в реке, не зальёт ли она сёла?... Вы меня понимаете?

Игорь улыбнулся. Оказывается, он стал объектом наблюдения для Брадина. Любопытно.

– В самом деле я нетерпеливый?

– За собой сложно заметить. Немного меньше категоричности, Турчин. Извините, что я так вдруг... Всегда оставляйте место для сомнения. Возможно, это не показатель, но только на моей жизни столько оценок изменилось... Где истина? Может, для всякого отдельного случая своя правда? Вы не задумывались? Я с вами откровенно, вы человек взрослый... Многое относительно, Турчин, очень многое!

– Неужели думаете, что я ни в чём не сомневаюсь, Михаил Евсеевич? – сказал Турчин и с болью покачал головой.

– Может быть, но по вам не скажешь.

– Так и по вам не скажешь... Должно же быть такое, что не изменяется! Чтоб верить всю жизнь!.. Например, ваша математика.

Михаил Евсеевич помолчал, будто Турчин сказал очевидную бестактность.

– Математика! Математика потому и называется точной наукой... Хотя, пожалуй! Геометрия Лобачевского в сравнении с классической, эвклидовой. Вы же проходили... – Поскучнев, Михаил Евсеевич нагнулся к листкам, стал разбирать написанное Турчиным.

Игорь сидел, боясь лишний раз пошевелиться – лёгкий стул, на который усадил его Брадин, казался ненадёжным. Вот-вот мог рассыпаться.

Брадин просмотрел тезисы и вскинул глаза.

– Значит, предлагаете завтра?

Турчин кивнул. Он усмехнулся, не зная, говорить или нет то, что вдруг захотелось сказать.

Он никак не мог забыть, как Брадин обходился с ребятами на первом курсе, – сейчас это воспоминание всплыло с особой яркостью. Не лично с ним, Турчин и тогда бы не позволил подобного, а с другими. И главное – зачем? Показать свою власть и без того запуганным первокурсникам?... Рассуждения у Брадина, выходит, одно, а поступки – другое.

– Ладно, давайте завтра. Действительно, затянули... Назначим на семь часов. Что вы улыбаетесь, Турчин? Что-нибудь не так? Что-нибудь на мне?... – Брадин, теряя солидность, беспокойно оглянулся, посмотрел, вдавливая подбородком кадык, себе на грудь, на плечи.

– Я первый курс вспомнил.

– И что вы там находите такого, чтобы улыбаться? – Брадин немного успокоился и смотрел пытливо, подозрительно. – Ничего там весёлого не было. Я, конечно, рад, что у вас учёба наладилась, но вначале вы производили очень слабое впечатление. Если бы не ваша усидчивость, думаю, вам бы не удержаться в техникуме.

– Спасибо за откровенность, – сказал Турчин, слегка наклонив голову. Он всё ещё не решил, говорить или нет, но сел посвободней. С виду игрушечный, стул под ним даже не скрипнул.

– Вы не обижайтесь, это прекрасное качество. Это надёжней, чем способности, если человек не любит трудиться. Я, честно сказать, завидую вашему поколению. Сколько возможностей! Когда я поступал в университет, был один физ-

мат. А сейчас! Электротехника, теоретическая физика, различные комбинации математики с другими науками...

Турчин не слушал, он думал о плотном рулоне грамот, обнаружившихся за стенкой с посудой, когда собирались оклеивать комнату Брадиных. «Чего ему не хватило для победы? Наверняка мечтал не о том, чтобы в техникуме преподавать...»

– Извините, Михаил Евсеевич, мне на дежурство надо, – сказал Турчин. Он посмотрел на часы, будто и Брадина приглашал убедиться, что ему действительно пора в кочегарку. – Благодарю вас, я подумаю над тем, что вы сказали. Наверно, вы правы. За собой действительно сложно заметить... Но откровенность за откровенность, Михаил Евсеевич. Такая просьба. Не надо свои неудачи срывать на первокурсниках. Вы понимаете, о чём я?.. Нежный всё-таки возраст. Чем они виноваты, что у вас не сложилось? Правильно?..

11

Так тихо, что слышно, как по радио играют куранты. Их далёкий торжественный звон проникает сквозь потолок в кочегарку. Кажется, что кто-то большой и важный там, далеко вверху, перебирает верёвки волшебных колоколов. На мгновение замрёт, прислушается к водопаду истончающихся звуков, вновь дёрнет верёвки, опять прислушается...

Потом – веские, округлые удары. Бом!.. Бом!.. Бом!.. Все двенадцать.

Турчин помял лицо руками. Он наконец почувствовал то, чего хотел: пришло безразличие. Теперь сможет заснуть. Ало, с яростной нежностью светилась щель в топке. Турчин перевёл взгляд на чёрное окно. Ему уже не казалось, что на него смотрят из темноты, как это было весь вечер. Свет от лампы очерчивал вокруг стола яркий круг, а дальше – мохнатый сумрак котельной, пахнет сернистым газом.

В конце концов сказала усталость трудного дня. Он проверил топку, подбросил угля и лёг на топчан, подстелив свой армейский бушлат. Чтобы совсем отвлечься и уснуть, надо было что-нибудь почитать. Турчин взял со стола сборник фантастики, кочующий по общежитию и принесённый кем-то из ребят на днях в их комнату.

Книжка была сильно потрёпана. Тонкая бумажная обложка едва держалась. На обложке были изображены два парящих существа голубоватого цвета, по одежде – что-то среднее между космонавтами и ангелами, а между ними повис поддерживаемый под руки человек с недоразвитым рахитичным тельцем.

Лицо человека выражало боль и ужас, тонкие руки и ноги вяло висели, будто корешки выдернутого из земли растения. Ужас и ярость были и на поднятых к космонавтам лицах других людей, оставшихся внизу. Они, эти люди внизу, казались сплошной массой. Их тел, границ между ними не было видно, запрокинутые лица представлялись одинаковыми, будто срисованные с одного человека. Было в этой человеческой массе что-то отталкивающее и в то же время вызывающее жалость.

Турчин раскрыл книжку, начал читать. Но через минуту опять заглянул на обложку. Станный рисунок... Что он означает?

Глаза скользили по строчкам. Описываемые события, показавшиеся поначалу невозможными, выдуманскими, понемногу становились правдивыми и

естественными, словно происходили где-то на самом деле. Было любопытно. Но спокойно, сквозь усталость. Она брала своё, сознание мутнело, затягивалось, прочитанное воспринималось всё с большим трудом. Вскоре Турчин почувствовал, что книжка больше не нужна. Он закрыл её, и мелькнувший на обложке рисунок теперь уже не казался странным.

Ни о чём больше не думалось, приятная пустота в голове. Наплывали картины – чудное, произвольное смешение того, что было с ним, и того, что никогда не было. Вот-вот уйдёшь с головой в сон – в уютное, мягкое, славное... И границы нет никакой. И совсем не больно. А наоборот, весь пронизан ощущением простора, словно летишь над вспененными сияющими облаками.

Да, это он летит, и те двое, что поддерживают, совсем не вызывают страха. Насилия никакого нет, они просто помогали подняться вверх, к облакам, а этого всегда хотелось там, внизу, только непонятно было, чего именно надо... А вот их уже нет, исчезли, растворились в голубом, летишь сам. И ты здесь не один, попадают другие люди, пусть и не очень часто. Их вокруг не так уж много, но они есть, кто ближе к земле, кто дальше, а некоторые видны только точками в зените. Даже знакомые встречаются. В одном парящем существе Игорь узнает пионервожатую из интерната, в котором когда-то учился. Другой очень похож на дорогого друга Калентьева, первого тренера в сержантской школе. А сколько незнакомых!.. Вон Эдуард медленно проплывает. Он-то почему здесь?... И чисто, и светло. Но свет как бы предзакатный, немного печальный. Тоже тревожит и непонятно. Зачем печаль? Ведь столько простора, столько воздуха, грудь задерживается на вдохе, и чувствуешь, как расширяется сердце, принимая весь мир вокруг.

Турчин летит, взмывает вверх, невесомо планирует. Простор наполнен светом и счастьем. Турчину легко, как никогда раньше не бывало. Но отчего всё же и печаль рядом, чувствует он её привкус. Будто и радость, и счастливый простор недолговечны, а боль и печаль постоянны, и отпустили тебя на минуту, и никуда от них не улететь, ни в каких синих высях не скрыться. Откуда это?..

12

На собрании он ничего о Муляре не сказал. Оно прошло, как проходили обычно такие собрания – под присмотром Брадина, пристойно и скучновато. А вскоре, не доучившись семестр, Муляр ушёл из техникума сам. Ребята говорили, что его приняли на подготовительный факультет пединститута – постарался тот мужчина в кожаном пальто, который приметил его на тренировке.

Решилось и с Тоней. Перед Новым годом у Круглеев был скандал, ребята, жившие под квартирой коменданта на третьем этаже, всё слышали. Тоня перешла жить в общежитие профтехучилища, а комендант с женой в начале января переехали в новую двухкомнатную квартиру. После этого Турчин видел Тоню всего один раз – шла по улице Ленина под руку с каким-то кавказцем. Кричали вороны на голых каштанах в парке рядом, в руках у Тони были красные гвоздики. Выглядела она счастливой.

На первенстве области по «Трудовым резервам» Турчин занял первое место. Правда, на этот раз он не собрал своих обычных килограммов, не дотянул даже до нормы кандидата в мастера, но поездка на чемпионат республики была

обеспечена. А это главное – перед отъездом намечались двухнедельные сборы, а значит, и спокойная жизнь на базе под городом, хорошее питание и нормальный сон. Турчин очень надеялся на эти две недели.

Первенство области заставило поволноваться. Команда машиностроительного техникума боролась за первое место в общем зачёте, конкуренция оказалась жёстче, чем в прошлые годы, и в некоторых весовых категориях победитель определялся по меньшему собственному весу. Витя Шин набрал одинаковую сумму с каким-то парнем из строительного техникума, у них – случай редкий для таких соревнований – даже собственный вес оказался одинаковым.

Перед повторным взвешиванием Турчин полчаса гонял Шина по душной раздевалке, заставив натянуть на себя два свитера и пальто. Ребята из команды тоже болели за Шина, Саня Карабай то и дело прибегал и сообщал, что делают соперники. Когда он сказал, что те своего парня заставили встать под горячий душ, Турчин засмеялся. Он хотел было выговорить Сане – зачем шпионить? Нечестно! Но вместо этого только рассмеялся.

– Чудаки! Сейчас даже кожа воду впитывает. Организм обезвожен, понимать надо, вес-то сгонял перед соревнованиями!.. – Он смеялся, вытирая глаза. От чего-то они у него в последнее время стали слезиться.

Ребята из команды смотрели на Турчина с радостным недоверием. А он всё смеялся, и вытирал глаза, и снисходительно махал на Карабая руками.

1970 – 1984

## СНОХАЧ БУСЫГИН

### Повесть

#### 1

– Во! – радостно выдыхает Марго от порога. – Трифоныч на вышке Наташку... Ей-богу!

Голос у Марго с пропойстой хрипотцой, передних зубов наполовину нет, но это Марго не смущает. Она во весь рот улыбается, её круглое лицо исходит жизнерадостностью. Марго с размаха хлопает себя по ляжкам.

– Ну, старый хрен! Завалил Наташку на стол и – вперёд!.. Зыркнул на меня, думала, убьёт. Олежка узнает – чего будет!..

Женщины переодевались в пропахшие рыбой телогрейки (предстояло кормить лисиц) и на слова Марго прореагировали не сразу.

– Да ты чего? Он же свёкр ей!.. Поддала уже? Или со вчерашнего не отошла?

Но Марго сбить с толку невозможно.

– Вот этими глазами видела! Чтоб я сдохла, если вру! – Марго заводится, зрачки её загораются дурным огнём. – Если свёкр, так не мужик, что ли? Прибор работает!.. Наташка молодая, а Олежка неделями дома не бывает, коммерсант хренов. Ей что, не хочется? Особая какая?..

– Откуда знаешь, что прибор работает? Проверяла? – подначивают женщины. Отношение к Марго на звероферме особое.

– Предложит – проверю, ломаться не буду! – Переходы настроения у Марго стремительные, она уже сипло хохочет. Что-что, а недотрогой Марго назвать трудно. О её любвеобильном нраве ходят легенды не только в Рябинках, но и среди матросов местной линии речфлота. – О, о, смотрите, Трифоныч на кормокухню подался. А чего, сделал дело – гуляй смело!..

Глядя в окно на пожилого мужика – сторожко оглядываясь, тот спешит от смотровой вышки, – Марго опять смеётся. В её смехе расположение и товарищеское сочувствие. Мол, нормально, чего тушеваться? Так от природы положено.

Переодевшись в лоснящиеся, остро пахнувшие лисьим кормом телогрейки, женщины тоже подступают к окну. И по тому, как торопится и на ходу озирается зверофермовский повар Трифоныч, понимают: Марго не наврала. Что-то и в самом деле на вышке произошло.

Ну, Наташка, кто бы подумал!..

– Она не вырывалась, не кричала? Может, он силой?..

– Ага, нашли дуру! Кто вырывается, если под хорошего мужика попадёт? Одни импотенты кругом!..

– Ты, Маргарита, не трепись нигде, – внушительно говорит самая старшая из женщин. – Мало ли чего в жизни бывает. У Наташки семья, зачем проблемы? Олежка дурной, ещё застрелит отца.

Марго с готовностью поддакивает:

– Конечно, конечно! Зачем я буду им жизнь портить? Я чего, тупая, не понимаю?

И лицо у неё при этом становится весёлым и мстительным.

## 2

Олег скучно смотрел на вишневого цвета дверь с богатой бронзовой ручкой. Двойная. Ничего из-за такой не услышишь. Чего совещаются? Больше часа уже...

– Командир, веди в туалет. Мочевой пузырь у меня не резиновый.

Испуг прошёл, и привычное состояние нагловатой уверенности возвращалось к Олегу. Что они ему могут сделать? Ну, слегка помяли для профилактики. А если разобраться, он для них ценный кадр. Неизвестно ещё, для чего охранник больше приставлен: чтобы он, Олег, не слинял или чтобы ни одного волоса с его головы не упало. Случись что, кто ссуду возвращать будет?

Охранник, мясистый молодой мужик в камуфляже, взглянул на Олега исподлобья. Его поведение охраннику не нравилось.

– Руку! – Он щёлкнул наручниками на своём запястье, потом на Олеговом. Приковывать к себе было совсем ни к чему, но охранник хотел, видимо, показать, кто здесь главный. – Гуляй за мной.

Олег усмехнулся. Гнилой мужик!.. Но через минуту уже об этом не думал. Он шёл по светлым, с дорогими картинами на стенах коридорам банка, с удовольствием смотрел на двери с роскошными табличками, вдыхал пахнувший деньгами и успехом воздух, – и душа подрагивала от счастья.

Молодцы ребята! Умеют!.. И его место в их мире. А все эти прилизанные клерки и увешанные золотом бабёнки (как от заразного к стенке шарахаются!) ещё будут, будут целовать ему задницу!..

Собственно, в туалет Олегу не нужно было. Просто он давно подметил: лучше всего о фирме говорят туалеты. И если случалось бывать в солидной, не мог отказать себе в удовольствии заглянуть туда. Сверкающие роскошью итальянских смесителей и белоснежных писсуаров помещения! Запахи дорогих освежителей и жидкого мыла в элегантных флаконах!..

– Здесь-то отпусти, – сказал он охраннику. – Не бойсь, через окно не выпрыгну.

Тот пожал накачанными плечами, разъял стальную скобу на Олеговом запястье.

– Куда ты от нас денешься – четвёртый этаж... На задвижку не закрываться, понял?

– Как скажешь, начальник!

Олег прикрыл за собой дверь. В ноздри остро вошла свежесть моря. В ясных, с едва уловимым свинцовым оттенком зеркалах до малейших подробностей отражался крутой евростандарт.

Ей-богу, в таких апартаментах жить можно!

Он причесался, поиграл со смесителем (такого Олег ещё не видел: вместо привычных кранов – массивная никелированная рукоятка, которой всё сразу и регулируется, температура воды и напор). Уважительно прищёлкнул языком.

Подумаешь, нет денег ссуду вернуть! Фигня, всё будет путём!.. Роскошь туалета непонятным образом убеждала его в этом.

– Шустрее! – послышалось из-за двери. – Вызывают!

Олег ещё раз провёл ладонью по коротко стриженным волосам, с сожалением окинул взглядом сверкающее и лоснящееся великолепие.

– Подождут. В штаны мне, что ли?.. – Но задерживаться всё же не стал. С этими мужиками перебарщивать нельзя, отобьют почки.

Охранник спрятал мобильник, по которому, видимо, только что получил цэу, торопливо щёлкнул наручниками. В его движениях сквозила непривычная светливость.

– Строго тут у вас, – насмешливо прищурился Олег. – Платят хоть нормально?

Охранник шёл рядом, сопел и ничего не говорил.

Через полчаса они уже были в аэропорту. Предстояло лететь в Рябинки. Как Олег понял, через день-два приедут описывать его имущество. А пока, значит, он будет под домашним арестом. Под присмотром этого терминатора.

– Пошли покурим, – дружелюбно предложил Олег. Мужик гнилой, но мосты наводить надо. – У меня уже уши в трубочку сворачиваются. Прикинь – с утра не курил!..

Скучно в этот час было в аэропорту. Посадку на вертолёт объявлять не топились. Через весь зал ожидания вытянулась на регистрацию очередь смиренных вахтовиков из Самары. Эти улетаели самолётом. Где-то нудно капризничал ребёнок.

Охранник молча вывел Олега на просторное крыльцо. От предложения закурить дорогой “Парламент” отказался, достал свою “Яву”. Держит дистанцию, хмыкнул Олег.

– Слушай анекдот. Как тебя зовут?

Охранник помолчал, потом буркнул:

– Илья.

– Так вот, Илюха. Приезжает, значит, один мужик из наших мест в Париж. Ну, всякие там достопримечательности смотрит, Лувр и всё такое. Повезли его к Эйфелевой башне. А там целая толпа. Все не на башню смотрят, а на какого-то мужика. Тот стоит и пускает по-русски матюги. Наш к нему подходит, мол, ты чего? А тот: земляк, я четвёртый раз в Париже и каждый раз сюда прихожу. Ну когда эта долбаная вышка нефть наконец даст?!

Олег первым засмеялся, откидываясь всем телом назад. Но тут же замолчал и стремительно потянул охранника за собой. От рейсового автобуса к крыльцу аэропорта шёл средних лет мужчина в собольей шапке. Олег принялся кланяться ему в пояс, куражливо зачастил:

– Спасибо, отец родной, спасибо! Век помнить буду! Дай тебе бог здоровья, Валентин Степанович!.. – Насколько позволял упирающийся и ничего не понимающий охранник, Олег поднял вверх перехваченное наручниками запястье. – Из-за тебя, кормилец, повязали, чтоб ты сто лет жил и двести раком ползал! Спасибо, Валентин Степанович, спасибо, благодетель!..

Обойдя стороной, мужчина в собольей шапке скрылся за дверью зала ожидания. Вышедшие вместе с ним из автобуса люди с усмешкой поглядывали на Олега.

– Ты это кончай, – тихо, сквозь зубы сказал охранник. – У меня лицензия, я школу Виннера кончил. Удар правой сто пять килограммов, понял?!  
Олег не спускал глаз с прозрачной, из толстого стекла двери.  
– Я его ещё в вертолёте позорить буду! Я его достану, отвечаю!..  
Охранник помедлил.  
– Кто это?  
– Глава нашей администрации. Пожалел дать подряд на содержание зимника. Сейчас бы проблем у меня не было! – Олег поиграл желваками и с чувством добавил: – Мудила!

## 3

Мартовский день с январским не сравнишь, пусть даже будет мороз. Зимой всё мёртвое стоит. А в марте кора осинника на другом берегу Ваха уже зелёная. Значит, пошла работа. Началось.

Трифоныч, раздувая ноздри, остановился посреди двора. Весной пахнет. Такие дни бывают зимой в оттепель, но то обман. Работа начинается сейчас. Солнце оплавил снег, он стал крупчатый, сверху превратился в блестящий наст. Две-три недели – и начнёт собираться под ним вода, хлынет ручьями в реку... Вон и кончики веток на берёзе уже красные.

Пошло дело!

Кажется, столько ещё времени до лета, а жизнь начинается теперь. Жизнь торопится сделать, что ей полагается. Это если говорить про деревья. Лошади, коровы и овцы живут по-своему. Но жизнь им даёт то, что растёт из земли. Через них – человеку. Что человек сам по себе? Зверем бы стал, в норе бы жил...

В узкое, похожее на бойницу окошко стайки вываливались шматки навоза пополам с сеном. Показывались и прятались обратно вилы работника. Заходить в стайку было ни к чему – пропахнешь навозом, а это сейчас некстати, – но Трифоныч не удержался. Мысли о работе, которой с каждым днём всё больше наполняется окружающая жизнь, требовали зайти.

Под низким потолком бревенчатой стайки было тепло, привычно и хорошо пахло коровами. Бусыгин прошёл мимо вяло помахивающих хвостов, заглянул в отделение к Червонке, любимице. Корова повернула к нему голову, узнающе мыкнула. Своим большим животом она напоминала дирижабль и едва помещалась между дощатыми стенками. Крупные влажные глаза смотрели мученически и удовлетворённо. Червонка вот-вот должна была отелиться.

Бусыгин почесал кучерявый лоб тупо уставившемуся на него быку. Прошёл к огороженному закуту, где под низко опущенными сильными лампами грелись недавно родившиеся поросята. На секунду задержался у яловой Комолой.

Надо убирать.

И Червонка, и поросята, и глупый бык работали, делали своё дело. Червонка, как и другие коровы, носила телёнка, потом начнёт давать молоко. Поросята росли, укреплялись в жизни, набирали вес. Бык копил силу, чтобы летом отдать её стаду. Трифоныч чувствовал, они заодно с ним, делают одно и то же дело, неизвестно кем и когда человеку и скоту назначенное. А Комолоя не хотела быть, как они, как Бусыгин. Не хотела работать, делать назначенное. Пустоцвет. Сорная трава.

– Если поплотней сделай. Набей пару реек, – сказал Трифоныч работнику. – Много сена затаптывают.

Работник продолжал размашисто бросать в окошко навоз, не обращая на его слова внимания.

– Андрюха, тебе говорю!

Работник остановился, вынул из уха фитюльку на тонком, уходящем за пазуху проводке.

– Чего?

– Ясли, говорю, плотнее сделай. Вон сколько сена в навозе... Что это у тебя?

– Плеер. Музыка слушаю.

Бусыгин пошевелил бровями, задержал на работнике взгляд. Под сорок мужику, а забавляется, как пацан. Им бы оглушить себя – музыкой или водкой, неважно. Главное, чтобы не думать. Что за народ такой?..

За калиткой было просторно. Взлетающее с каждым днём всё выше солнце било в глаза, ощутимо грело лицо. Длинная сельская улица по бокам была оторочена слепящими сугробами. Редкие прохожие здоровались с Трифонычем первыми.

Встретиться с директором школы он договорился ещё утром. И сейчас шёл к двухэтажному типовому зданию с приятным чувством. Не только потому, что надеялся продать в школьную столовую мясо Комолой. Директора Бусыгин уважал. Это был понятный ему человек.

На полпути Трифоныч обнаружил, что забыл сигареты. Надо зайти в магазин. Из-за печки “Прима”, конечно, лучше – сухая, но не возвращаться же домой. На воздухе его всегда тянуло закурить.

В холодном кирпичном магазине пахло апельсинами, турецкими кожаными куртками и селёдкой. Народа не было, лишь у прилавка, облокотясь, стояла Валентина Нефёдова и разговаривала с новой продавщицей. А что ей ещё делать, подумал Бусыгин. Мужа похоронила, сыновья с семьями живут отдельно. Вот и ходит в магазин, как в клуб – язык чесать. Обычно народа здесь хватало.

– Трифоныч, а я Татьяну твою видела! На рынке обувью торгует! – громко, как о великой радости, сообщила Нефёдова. – Говорит, от хозяина. Холодно на морозе целый день, зато выходит у неё неплохо! Тысяч, говорит, по пять каждый месяц хозяин платит. Это сколько ж тебе, Трифоныч, за эти пять тысяч надо карячиться?!

Дурная, подумал Бусыгин. Что на уме, то на языке. Видеть Валентину ему было досадно. Не потому, что слишком простая и всё, что угодно, может ляпнуть. Стыдно было думать, что спасла его в послевоенную голодуху вот такая вот женщина.

– Как ты один живёшь-то? – не отставала Нефёдова. То, что Трифоныч хмуро зашевелил бровями, её не остановило. Склеротические щёчки Валентины ярко рдели, глаза смотрели ясно, наивно. – Вы с Татьяной развелись или как? Её целый год в деревне нет – где, думаю. Говорит, дочери помогаю, потому живу в городе, на рынке, дескать, торгую. А ты как? Тебе кто помогать будет? Хозяйство вон какое!..

– Разберёмся как-нибудь, – скупно сказал Бусыгин. На Нефёдову он не смотрел. Глаза обегали полки, тесно уставленные импортными товарами в красивых

цветных упаковках. – “Прима” есть? Или всё уже заграничное? – спросил он продавщицу, недавно приехавшую с большой земли, по-городскому сухопарую, в щеголеватом голубом переднике.

– А то смотри, невесту тебе найдём! – вела своё Нефёдова. И вдруг хихикнула: – Я хотя бы. С детства к тебе симпатия, а то не знаешь!..

Бусыгин чуть не выругался. На похороны копить надо, а не замуж собираться!.. Валентина всё не могла остановиться:

– Паша, подумай, какая жизнь хорошая настала! Вспомни, как на рыбоучастке работали!.. – Она теперь испуганно переводила взгляд с Бусыгина на вежливо молчащую продавщицу и обратно. – Из сил выбьешься, пока из протоки рыбу привезёшь. Кровавые мозоли от вёсел! И всё быстрее, быстрее, чтоб рыба не завоняла, первым сортом сдать, а то бригадир отчехвостит!.. Сейчас работай на себя, фермером становись или так, ещё спасибо скажут! Силы только нет. Молодым хорошо, которые позже родились, рыбоучасток их не тиранит. И ты, Паша, ещё ничего, крепкий мужчина, ещё при капитализме богатый станешь!..

– Ага, миллионером, – хмыкнул Бусыгин.

– Это ты правильно, что на пенсию не идёшь. – Нефёдова завелась, теперь её не остановить. – Какая от пенсии польза? Так с работы корму принесёшь, скотине задашь – чего хозяйство не держать, когда на звероферме работаешь? Всё под рукой, не ленись, носи!..

Трифоныч налился кровью.

– Дура ты, Валентина, – сказал он. – Как с молодости ума не было, так и пошло!.. Чужого человека постеснялась бы.

Нефёдова удивилась, взглянула на продавщицу.

– А чего я сказала? Кто не знает, что со зверофермы таскают? Не ты один. Марго, так та комбикорм на водку меняет, вчера мешок загнала!.. Не правда, что ли?

Видеть ясные Валентиныны глаза не было сил. Трифоныч безнадежно покачал головой и, быстро расплатившись, вышел из магазина. От греха подальше.

### *Кусок хлеба с комбизиром*

– На! На!.. – Не вынимая из кармана руку (пусть думает, что у него в кармане хлеб или варёная картофелина), Пашка сделал шаг к Рябому. Топорик он спрятал за спину.

Пёс недоверчиво отскочил. Он сторожко следил за каждым движением хозяина, по пегой морде было видно, что в нём борются голод и страх.

– Чего ты! На! – Пашка сделал вид, что достаёт из кармана съестное.

Рябой остановился, готовый податься к нему. Он жадно смотрел на Пашкину руку. Пашка бросил под ноги скомканную тряпку. И, когда Рябой стремительно кинулся к ней, взмахнул топориком.

Пёс с визгом отскочил, перемахнул через тёмные хлысты ограды и, скуля, понёсся вдоль улицы. Пашка чуть не заплакал. Не попал! В животе давно перестало бурчать. Он был сейчас сплошной ноющей раной.

Пашка не заметил, как с другого конца улицы подошла Танька Земскова и две девчонки калмычки из сосланных в войну. В руках Танька с достоинством

держала портфель, единственный на всю деревню, – все остальные ребята в Рябинках ходили в школу с матерчатými сумками. Танька из зажиточной семьи, её отца, передового охотника, даже на фронт не взяли.

Пашка заторопился в дом, но Танька всё же успела крикнуть:

– Не переживай! Приходи к нам, у нас кошка сдохла!..

Окаменев от стыда, Пашка смотрел вслед девчонкам через давно не мытое окно. Танька ему нравилась. Нужно же было случиться, чтобы она всё видела!..

Когда Танька и калмычки скрылись за краем окна, Пашка внимательно осмотрел избу. Он знал, что нести менять больше нечего, но всё же порыскал глазами по углам. Оставалась икона на стене под потолком, да кто её возьмёт?..

Если найти несколько горошин, можно было бы их распарить, насадить на крючок и попробовать поймать сороку. Рыба в речке сейчас не ловится – потемневший, в трупных пятнах лёд отошёл от берегов, вот-вот тронется. Но где возьмёшь горох? Последнюю заначку Пашка съел два дня назад. Топорик тоже менять нельзя, пригодится. И дрова порубить, и так... Пашка сглотнул голодную слюну.

Он залез на печку, закопался в оставшееся от матери тряпье, пробуя заснуть. Во сне голод не так донимает. Но заснуть не получалось. Пашка уже начинал жалеть, что сбежал из интерната. Конечно, там старшие пацаны бьют и порции отнимают, но иногда что-то достаётся.

Голод делался нестерпимым. Пашка слез с печки, пожевал приготовленную для растопки бересту. Выплюнул. Пойти на болото, поискать перезимовавшую под снегом клюкву?.. Но там сейчас полно талой воды, промокнешь и ничего не найдёшь. Да и дойдёт ли он до болота?..

Оставалось одно – на конюшню, к Вальке. За недостатком мужиков её недавно поставили конюхом. Идти не хотелось, но голод был сильнее.

Пашка вышел на улицу, глянул в обе стороны, не видно ли собак. С тех пор, как он стал их есть, собаки чуяли в нём врага и, завидев, остервенело набрасывались. Следовало остерегаться и служащих комендатуры – заметят, отправят обратно в интернат.

Из-за пригорка, трудно мотая головой, поднималась запряжённая в сани лошадь. Снег на дороге почти стаял, полозья шли по раскисшему суглинку. На передке саней, выставив в бок деревянный, формой смахивающий на бутылку протез, сидел фронтвик Алябьев и с удовольствием смотрел по сторонам. Вслед за его санями поднимались ещё двое, на каждах – тяжёлый ларь с рыбой.

С дальних озёр возвращаются, понял Пашка. Он с надеждой смотрел на приближающиеся лари – а вдруг выпадет рыбина?..

– Чего зыришь? – радостно закричал Алябьев. И оттого, что наконец-то прибыл домой, что впереди баня, стакан самогона и мягкая тёплая жена, вытянул от полноты чувств Пашку кнутом. – С дороги, кулацкое отродье!..

Пашка затравленно сиганул в сторону. Стоя по щиколотку в грязи, подождал, когда пройдёт обоз. Надеялся он напрасно, ни одной рыбины не выпало из ларей. Даже паршивого чебака.

Вскоре он уже был в полутёмном помещении, низком и широком, смотрел на спешащую к нему грудастую девушку в телогрейке и кирзовых сапогах.

– Помогать пришёл! – уверенно сказала Валентина, глядя ему прямо в глаза.

– Дак наши лошадки заслужили, чтобы за ними ухаживать! Невода разве таскать легко? Всю зиму наши лошадки на сорах и озёрах работали, план давали. А ты сын погибшего трудармейца, обязан помочь. Это твой вклад в восстановление разрушенного фашистскими оккупантами народного хозяйства!..

Пашке казалось, он чувствует пыльный, сытный запах овса из чулана, ключ от которого хранился в кармане Валентиновой телогрейки. Ему было стыдно, что Валька его любит, что она такая взрослая и что пригнал его сюда голод.

– Завтра пасха, дак ты смотри, на кладбище не ходи! – неизвестно к чему заговорила девушка. – Это только несознательные старухи ходят, а ты будущий комсомолец, я тебе рекомендацию в организацию дам... У тебя кто в Рябинках похоронен?

Пашка, соображая, как попросить овса, замешкался.

– Ты чего, язык проглотил?

– Дед, сестра маленькая... Мама недавно.

– А Колька где?

– Убежал. Ещё в прошлый год.

– Несознательный! Не понимает заботы советской власти твой брат! – рассердилась Валентина. Но тут же и отошла: – Дак ты, Паша, смотри, на кладбище не ходи. Насчёт души попы придумали, чтобы дурить людей. Я в комендатуре на лекции была, там рассказывали... Бери скребок, пойдём лошадей чистить.

Пашка собрался с духом:

– Валь, овса дашь?

Девушка в ужасе округлила глаза.

– Да ты чего!.. Это ж народное имущество!.. Ты, Паша, избавляйся от кулацкого духа. Твой-то отец своей жизнью искупил. – Она остановила на нём взгляд ясных выпуклых глаз, наконец сообразила: – Есть хочется? Голодный?

Пашка молчал. Валентина достала из кармана газетный свёрток, подала Пашке.

– Ешь!

Пашка деревянными руками принял свёрток, стал неловко разворачивать.

– Думала сегодня на обед домой не идти, теперь-то уж пойду. Так даже лучше, горячих щей поем!.. А хлеб, знаешь, с чем? – Валентина смотрела на бутерброд в Пашкиных руках. – С комбижиром! О таком, небось, и не слыхал? Из братова пайка, им в комендатуре полагается. Ешь, ешь! Я тебе завтра ещё принесу.

Пашка отвернулся и впился зубами в хлеб. Валентина захохотала.

– Паш, ты аж дрожишь! Собака, ей-богу, собака!..

Выступать в вертолёте Олег не стал. Тем более, что Валентин Степанович, торопливо мелькнув собольей шапкой, уселся в другом конце салона, подальше от него.

Олега заинтересовали трое мужчин в добротных, по всему видно, заграничных пуховиках. Лица у них тоже были какие-то нерусские – слишком довольные и доброжелательные. Иностранцы, понял Олег.

Вертолёт на этот раз дали почему-то не пассажирский, с мягкими, как в ав-

тобусах, сиденьями, а грузовой, с двумя длинными лавками вдоль бортов. Жителям дальних деревень это было на руку. Всё пространство между лавками они заполнили битком набитыми клетчатými сумками.

– Бизнес! – с покровительственной усмешкой кивнул на сумки Олег, когда поймал взгляд одного из иностранцев.

За грохотом двигателя иностранец сказанного, конечно, не расслышал, но с готовностью закивал. Судя по всему, он и два его товарища работали в российско-канадской компании, находившейся километрах в пятидесяти за Рябинками. О существовании такой Олег слышал, но ни с кем там знаком не был.

Когда вертолёт сел на дозаправку, Олег подошёл к канадцу. Тот, отступив от выложенной бетонными плитами площадки, говорил по мобильному телефону и улыбался.

– Удобная штука, – Олег показал на трубку. – Всегда под рукой. Аппарат не нужен, провод не нужен... – И соврал: – У меня тоже такой есть. Дома оставил.

Канадец предостерегающе поднял вверх указательный палец. По-прежнему улыбаясь, сказал в мобильник ещё несколько фраз и лишь потом отключил его.

– Хорошая вещь, говорю, – Олег приложил к уху воображаемую трубку. Сейчас он жалел, что толком не выучил в школе английский. Приходится, как дикарю, объясняться знаками. Чем чёрт не шутит, может, это знакомство когда-нибудь пригодится. – Вери велл. Как у нас в рекламе говорят, весь мир на тарелке!.. – И Олег изобразил ладонями спутниковую антенну, парящую где-то высоко над ними в космосе. – Глобализейшн!..

– Так-так, добра рич, – неожиданно сказал канадец.

Олег опешил.

– Ты что, хохол?.. Вы, то есть.

Канадец засмеялся.

– Так, хохол. Мий дид у Канаду примандрував з Захиднои Украины. Е такой таун... э-э, мисто Черновицы.

– А, бывший бандеровец, понятно!

– Дид нэ е бандэровэць, – упрямо замотал головой канадец. – Пан Бандэра воював з нимцями та советамы пизниш. Мий дид з Австро-Угорської імперії примандрував, щэ до пана Бандэры...

Нужно было срочно менять тему разговора. Скользкое это дело, национальный вопрос.

– Мой сикьюрити, – сказал Олег, небрежно кивнув на охранника Илью, который ни на шаг не отходил от него. В вертолёте он снял с Олега наручники и теперь внимательно следил за каждым его движением. – Я деловой человек, бизнесмен, но ещё немного занимаюсь охотой. Так что если нужен хороший мех, могу помочь. Ну, соболь там, лисица, белка... Жена мех любит?

– Айм диворсд...э-э, у шлюби нэ живу. До того ж люды з Грынпису у нас хутрови рэчи фарбою облывають. Кажуть, цэ е бэд, тварын вбываты.

– А с кем тогда по мобильнику ворковал?

– Та з сыном. Вин у коллэджи навчається. Зараз в Монрэали ранок, я йому затэлэфонував, розбудув.

Охранник Илья засопел и сказал вполголоса:

– Ни фига себе. От нас в Канаду звонит, сына будит!..

– Нормально, – веско заметил Олег. Он понимал канадского хохла с пятого на десятое, но на этот раз всё разобрал. – Глобализация, слышал такое слово? Чем вы только в своём банке занимаетесь... Глобализейшн, правильно говорю? – обратился он к канадцу. – Мир на тарелке, новые информационные технологии!..

Заправка вертолётá шла неторопливо. Внушительный гофрированный шланг торчал ещё в первом баке. Оба пилота и штурман, накинув короткие лётные куртки, вальяжно стояли у спущенной на землю дюралевой лесенки и шурились на солнце. Пассажиры бродили вокруг устало опустившего лопасти вертолётá. От площадки тянулась набитая снегоходами дорога к домику авиакассы, на котором виднелось выбеленное морозами приветствие прибывающим в село.

– Эх, мужики! – воскликнул вдруг Олег и крепко ударил кулаком в ладонь. – А ведь у меня был шанс! Вот такой шанс!.. Сейчас бы тоже приезжал в Россию в командировку, а жил за бугром, как ты, хохол. Чуть-чуть везения не хватило!.. – От переполнявших его эмоций Олег плюнул под ноги.

– Не вешай лапшу, – хмыкнул охранник.

Канадец, поглядывая на них, непонятно улыбался.

– Здоровьем клянусь! – Олег на кавказский манер завращал глазами. – Сыном клянусь!.. Ладно, расскажу, – сказал он, быстро успокаиваясь. – Слушайте сюда.

### *Сказ об удачливом сопернике*

– Был в моей жизни экстремальный период, мужики. Я вообще человек рискованный, по краю хожу, но не об этом сейчас речь. Мне в газете советовали о своей жизни написать – обещали с продолжением печатать, как бестселлер. Но это к слову. А если по делу, ситуация такая. Я тогда со своей россомахой практически не жил, были на грани развода. Скучная баба. Чего вы хотите, всю жизнь на звероферме. Какие у неё интересы? А тут молодая девчонка, студенточка, всё нормально. И в головке есть, и внешне всё на месте. Фейс энд боди вери велл, йес, канада?.. Ну, почти фотомодель. Я тогда из деревни уехал, устроился в ЖЭКе. У меня восемнадцать профессий, клянусь! Я всё умею – и на бульдозере пожалуйста, и корочки помощника капитана речфлота имеются, и помбуром могу у нефтяников!.. Допустим, понадобится сейчас вертолёт поднять. Не сумею, думаете? Херня! Всё людьми придумано, разобраться не проблема. При Советском Союзе я сезон в Туркмении змей ловил. У них яд для научных целей брали. Вот где кайф! Всё время на нервах. Ещё фаланги на каждом шагу и скорпионы – конкретно!.. Ага. Поступает, значит, вызов из девятиэтажки. Протекает туалетный бачок, соседи внизу хай подняли. Я звоню в квартиру. Открывает девулечка в очках, на глазах слёзы. Не знаю, как вы, мужики, а я от женщин в очках балдею. Очки им что-то такое придают... Не могу сказать! Очки с неё снимешь, она такая беспомощная становится, столько чувств к ней сразу... Хотел бы я того козла встретить, который ей бачок ставил. Гнилой всё-таки народ у нас! Бачок был с трещиной, так что этот мудила сделал? Краской трещину залил! Естественно, какое-то время она воду держала, а потом бачок стал подтекать. Главное, сразу не понять, почему. Лариска нервничает, мне тоже не в кайф – профессиональная гордость задета, сами понимаете. Но разобрался! Бачок заменил бесплатно, был у меня в заначке. Потом пару раз заходил вроде как посмотреть,

всё ли нормально. Хорошо познакомились. После одной халтуры я её пригласил в ресторан. Выпили, повеселились. Потом, естественно, секс. В общем, женщина в моём вкусе. И я ей, вроде, понравился. Короче, закрутилось у нас. Но что-то, замечаю, Лариска моя постоянно на взводе. Чем ближе к лету, тем больше. Думал, перед госэкзаменами волнуется – она иняз в пединституте заканчивала. Потом чувствую, нет, другое. Стал выяснять. Опаньки, в июле у неё свадьба! Должна выйти за бывшего одноклассника!.. Он тоже институт заканчивает, но на большухе, оттуда они все родом. Насчёт свадьбы, оказывается, родители ещё год назад договорились. Я ей: что за дела? У нас Кавказ? Что за горские обычаи? Ты кого любишь, меня или его?.. А на Лариску мать давит. Эта жаба заведовала клубом в районе, специально купила в городе квартиру, чтобы было где молодым жить. А может, деньги отмывала, хрен её знает. Накручивает Лариску, дескать, подумай о перспективе. Кто он такой – я то есть. А у того парня практически высшее образование. Опять же, мол, перед родственниками неудобно, они уже к свадьбе приготовились. Для их деревни это позор – невеста переметнулась. Короче, ситуация! Я Лариске сказал, сама решай. Сейчас понимаю, зря. За счастье надо бороться, а не прикидываться благородным фраером! Надо было круто с мамашкой поговорить, она мутила воду, жаба!..

Но соль, мужики, в другом. Важно то, что дальше вышло. А вышло, что после института Лариска устроилась в крутую фирму секретарём-референтом. Симпатичная, английский и немецкий знает, с компьютером ноу проблемс... Короче, её там оценили. И как раз приехало начальство из Москвы. Вышла нестыковка. Ларискиного шефа на месте не оказалось, так она гостей сама приняла. Стол накрыла, чай, кофе, бутерброды с икоркой, светские разговоры. А высокое начальство к сибирским морозам не привыкло. Горячий чай им понравился больше всего. К тому же, прикиньте, если он приготовлен симпатичной воспитанной женщиной. Короче, московский генерал забрал её с собой. Фирме, говорит, такие люди нужны, заботливые и внимательные. Забрал с мужем, этим пентюхом. Фирма сняла для них в Москве квартиру, мужа тоже пристроили на хорошие бабки. А потом Ларискиного нового шефа переводят в Германию, представлять фирму за рубежом. Шеф ехать без неё не захотел, тем более, что она немецкий язык знает. Муж, естественно, при ней. Ничего не сделал, а живёт сейчас в Германии, нормально получает – фирма нефтью торгует! Короче, везунчик. Вот так я пролетел, мужики!..

Несколько секунд все молчали.

– А что её так начальство любит? – простодушно поинтересовался охранник. – Обычная секретарша. Странно даже как-то.

Канадец ухмыльнулся и почесал в затылке.

– Не знаю! Не в этом дело! – загорячился Олег. – На месте её мужа мог быть я, вот что главное! И не с вами бы сейчас стоял, а в нормальном офисе где-нибудь в Берлине сидел. Рейн за окном, зарплата в дойчмарках!.. – Олег вдруг повернулся в сторону вертолётá и гнусаво запричитал: – Валентин Степанович, отец родной, ну где же ты там прячешься? Покажи ясное личико! Истосковался я, тебя не видючи!..

В школьном дворе, обсаженном хилыми берёзками (каждое лето их объедали деревенские коровы), Трифоныч увидел внука. Медно-рыжего Генку обступили ребята постарше, с любопытством заглядывали в руки. Там что-то пицало, требовало к себе внимания. Подойдя, заглянул через головы и Трифоныч.

– Это томагочи, игрушка такая, – довольный общим к себе интересом пояснил внук. Он нажимал на кнопки, смотрел на миниатюрный экран. – Я её должен накормить, а то сдохнет.

– Игрушка? – переспросил Бусыгин. Сказал это насмешливо и преувеличенно удивлённо, как разговаривают в таких случаях с детьми, но не понимал он по-настоящему. – Говоришь, игрушка может сдохнуть?..

– Ага, папа недавно привёз. Сейчас я ей банан... Не хочет! А яблоко?.. Тоже не хочет. Йогурт... О, йогурт съела!

Томагочи престала пищать. Генка, сбив на затылок вязаную шапочку, громко выдохнул и вытер со лба несуществующий пот. Огненно рыжий чубчик победно топорщился. Ребята вокруг завистливо смотрели на Генку.

– Отец дома?

– В городе! – легкомысленно бросил внук, упиваясь общим к себе вниманием. Он раскраснелся, глаза счастливо блестели.

“Олежка, копия! – Трифоныч иронично пошевелил бровями. – Хотя и рыжий”.

– Скажи матери, пусть зайдёт ко мне, дело есть... Смотри, не забудь.

– Сам скажи, некогда мне! – Генку несла безразличная ко всему на свете волна счастья. Зажав томагочи в руке, он побежал к калитке. Пацаны, как привязанные, потянулись за ним.

Бусыгин качнул головой. И этот не в его породу! С тем, что сын удался в жену и толку с него не будет, он давно смирился. Но ведь должны же когда-нибудь сказаться и его гены! Разве можно, чтобы на нём, Трифоныче, всё закончилось? Он не сам по себе, за ним отец, дед и бог знает, сколько ещё поколений работающих и рассудительных мужиков. Не может так быть, чтобы их порода не проклюнулась в ком-то.

Он поднялся по бетонным ступенькам двухэтажного типового здания. В школьном коридоре со стенгазетами, белеющими в простенках между дверями классов, было тихо. Уроки, как Бусыгин и рассчитывал, закончились, никто его разговору с Михаилом Филимоновичем не помешает. Костяшкой согнутого пальца он осторожно, уважительно стукнул в директорскую дверь.

– А, Павел Трифонович, заходи! – Директор тяжеломерно поднялся навстречу, протянул большую мягкую ладонь. – Кстати пришёл, хочу твоё мнение узнать. Ну-ка, оцени!

Задев по пути стулья, Михаил Филимонович прошёл к шкафу и достал пальто.

– Наконец-то построил. Черти, протянули до конца зимы! Три раза в город летал на примерку... – Он влез в добротное, с барашковым воротником двубортное пальто. Застегнул пуговицы и, вскинув голову, потоптался перед Бусыгиным. – Ну, как тебе?

Многое в этом человеке нравилось Бусыгину. И то, что директор весил ки-

лограммов сто с гаком. И то, что в свои шестьдесят был ещё крепким, пусть и полностью лысым мужиком. И что как к равному относился к нему, зверофермовскому повару.

Но больше всего располагало и делало близким то, что они с директором одного поколения. Понимают друг друга сразу. Для молодого, например, странно слышать, что пальто можно построить. А ему, Трифонычу, тотчас вспоминается пятьдесят девятый год, приятная тяжесть пачки больших, в тетрадный лист сто-рублёвок, которую он получил в конце навигации и которую всё время ощущал в нагрудном кармане. Вспоминается обходительный еврей в ателье индпошива в Сургуте, его жилетка и перекинутый через шею сантиметр, вопрос: “Какое пальто желаете построить? Демисезонное, зимнее или макинтош?..” Плотогоны рядом со значительным видом шупают образцы материи, морщат лбы и выпячивают губы, а лоцман Коровкин роняет: “Хорошее пальто построй. Не всё ему в телогрейке ходить. Женим парня”.

Одно слово, а сколько всего!..

– Сейчас, конечно, мода другая. – Михаил Филимонович стал снимать пальто, так же побряхтывая, неуклюже, как и надевал. Голос его прерывался. – Сейчас в основном... куртки и дублёнки... а мне пальто по душе. Настоящая вещь и... и солидно...

С порозовевшей от проделанных усилий лысиной он вернулся за свой директорский стол, кивнул на ближний стул.

– Садись, Павел Трифонович. Так как тебе моя обновка? Сидит? По фигуре?

– В самый раз, – отозвался Бусыгин. Он пришёл просить, зависел сейчас от директора, но похвалил искренне. Впрочем, сразу к делу не приступишь, нужно с подходом. И он спросил: – А где ты ателье для мужиков отыскал? Сейчас их, считай, не осталось. Все готовое покупают.

– Захочешь – найдёшь, – довольно ухмыльнулся Михаил Филимонович. – Себе заказать хочешь?

– Дак лето на носу, куда?

– За летом зима приходит.

– Так-то оно так... С деньгами негусто.

Жаловаться на отсутствие денег в их возрасте было несолидно, однако очень уж хороший выходил поворот на нужную тему.

– Тебе ли говорить, Павел Трифонович! Крепкий хозяин, если по-советски, не обижайся, кулак. Счёт в банке, полагаю, имеешь, да не один...

Бусыгин преувеличенно громко засмеялся. Такие разговоры ему не нравились, в обычное время он их быстро пресекал. Здесь нужно было потерпеть.

– Ты скажешь, Филимоныч! Хозяйство есть, а куда сбывать? В город на вертолёте возить? Дак это я одну дорогу окуплю. А что наши деревенские у меня молоко берут, так только на корма выручки хватает!.. Сейчас вон надо яловую корову убирать, а куда мясо девать? Все на ножки Буша перешли, их в магазине, как грязи. Разве что ты для столовой возьмёшь? Мясо хорошее, корова здоровая. Если б не яловая, ни за что убирать бы не стал.

Бусыгин выжидающе смотрел на директора. Тот завозился в кресле.

– Почём за килограмм хочешь?

Трифоныч назвал цену. Директор потянулся к стоящему сбоку компьютеру,

стал перебирать клавиши. Его пухлые пальцы бегали уверенно, будто Михаил Филимонович всю жизнь занимался этим.

Бусыгин наблюдал за ним со смешанным чувством. Они с директором почти одноклассники, Филимоныч запросто управляет с этой непонятной техникой, а он не знает, с какого боку к ней подойти. “Зачем она мне? – попробовал успокоить себя Бусыгин. – Считать, сколько саней навоза на огород вывезу?..” Но всё равно отчего-то было досадно. Будто оказался молодой в городском доме культуры среди расфуфыренных девчат и парней при галстуках, а сам припёрся в сапогах и с гармошкой.

– Ничего не выйдет, – сказал наконец директор, отыскав что-то в компьютере. Он зорко смотрел на экран. – На оптовом складе аргентинская говядина в два раза дешевле. Первая же ревизия из меня душу вытрясет.

– Филимоныч, я не задираю цену, не думай! Я посчитал, во что мне обошлась корова. Сам знаешь, сена накосить и привезти, а это бензин. Приплюсуй уход, комбикорм... Дешевле никак!

– Да верю я тебе, верю!.. – замахал на него руками директор. – Ревизоры разбираться не будут. Напишут, государственные деньги не берегут. Или, дескать, за взятку.

Бусыгин замер, задержал на директоре взгляд. Намёк, что ли? Может, в самом деле, дать?.. Тушу, конечно, можно продать по частям, но хорошо бы сразу.хлопот меньше, да и тепло становится на дворе, мясо может завонять.

– Ты что на меня так смотришь? – засмеялся Михаил Филимонович. – Что подумал?.. В самом деле, не могу, Трифоныч, не обижайся. Аргентинское дешевле. Ты не переживай, наши деревенские раскупят у тебя за день. Ножки Буша всем уже поперёк горла, нормального мяса люди хотят.

Трифоныч поднялся, отчуждённо сказал:

– Извините за беспокойство.

Прежде чем выйти, на компьютер у директорского стола он посмотрел, как на личного врага.

6

Заколебали алкаши!..

Наталья отошла от плиты и резким движением отбросила тюль на окне. Скоро Генка придёт из школы, а у неё суп ещё не готов.

Так и есть, господин Кашпировский собственной персоной! С большим достоинством, словно не деревенский пьянчуга, а высокородный испанский гранд, стоит у окна и постукивает в раму.

Наталья привычно поднялась на стул, выглянула в форточку.

– Чего?

– Понимаешь, Михайловна, я здесь сети потряс, – хорошо поставленным баритоном, по-актёрски начал Кашпировский. – И первая мысль, разумеется, о тебе! Надо, думаю, Михайловну угостить. Щука сейчас идёт весенняя, икра, полезные витамины и прочие ферменты из неё так и прут, так и колобродят!..

– Больше одной бутылки не дам, – оборвала поток красноречия Наталья. Из форточки остро тянуло, она запахнула на груди халат. – Сколько у тебя в пакете?

Кашпировский оскорбился, но в меру – так, чтобы Наталья не приняла это за несогласие.

– Михайловна, здесь минимум на три бутылки!.. – Он поднял вверх раздутый целлофановый пакет с полустёршимся рисунком. И сразу же добавил: – Но для тебя уступаю за одну, так тому и быть. Слаб, понимаешь, не могу отказать красивой женщине!..

Наталья пошла в неотопливаемую комнату, служившую складом, взяла из картонного ящика бутылку водки. Кашпировский ещё ладно, можно послушать его болтовню. А другие ломаются среди ночи, пьяные, наглые, и все хотят в долг. Не дашь – ты для них враг.

Сколько она уже повторяла Олегу, от спиртного надо отказываться! Пусть будет обычный ассортимент. Вагончик Змановских уже сожгли – всё из-за водки. Олежке весело: конкурентов убрали. Их тоже так могут убрать! У Змановских хоть вагончик, а у них всё в доме. В случае чего – где прикажете жить?..

Если бы она ещё пользу от этой торговли видела. А то неизвестно куда всё уходит. Устала она от такой жизни, от Олежкиных авантюр. Может, в самом деле уехать?.. Пусть решает, что для него важнее, семья или его дурацкий бизнес, от которого одни проблемы.

– Премного благодарен, – расшаркался Кашпировский. – Прикажете ещё принести?

– Куда мне столько! Я, по-твоему, продавать беру? Для семьи!..

Вышло сварливо, почти что скандально, Наталья это сама почувствовала. Вообще последнее время она какая-то заведённая. С такой жизнью станешь заведённой!..

Не успел пообедать вернувшийся из школы Генка, как появился свёкр. Наталья удивилась – заходили они друг к другу редко. Всё, что нужно, говорили или передавали на работе.

– Ну, как живёте-можете?.. Смотрю, у Генки новая игрушка, тамагучи какая-то. – Свёкр снял в коридоре унты, в шерстяных носках прошёл на кухню.

– Не тамагучи, а томагочи! – с готовностью отозвался Генка, опустив ложку в суп. – Ты хоть запоминай, как правильно!..

Свёкр хмыкнул:

– А то не проживу, если не запомню... Ты шустрее ешь. Мне с мамой поговорить надо. – Он старался, чтобы слова звучали легко, весело, но Наталья почувствовала, свёкр чем-то раздосадован.

– Есть будете?

– Что-то неохота. – Свёкр опустил на стул, принялся молча постукивать пальцами по столешнице.

– Давай быстро, – заторопила Наталья сына. – Полчаса сидишь, мухи уже на коньках по твоему супу катаются.

Генка захихикал, но суп доел быстро.

– Слышал, ты уезжать собираешься? – сказал свёкр, когда сын ушёл в комнату и включил телевизор. Его мохнатые брови шевельнулись. – Правда, что ли?

Наталья удивилась:

– С чего вы взяли? Кто сказал?

Ну, бабы, уже сообщили!.. Только раз и вырвалось у неё на звероферме, что

родители зовут к себе в Приморье. Отец устроился в какую-то китайскую фирму, получает неплохо, найдётся работа и для неё. О том, что живут они с Олегом неважно, родители знали.

– Сказали... В самом деле, что ли?

Наталья помолчала.

– Не знаю... Сами видите, жизни не получается. Я уже и так на многое глаза закрываю...

– Мне твои мать с отцом нравятся. Хозяйственные, – перевёл разговор на другое свёкр. Понять можно, кому хочется слышать о собственном сыне плохое. Хотя они тоже не очень между собой ладят. – Мать у тебя шустрая, за полчаса ведро клюквы набирала. Наши деревенские удивлялись. Всю жизнь в лесу прожили, а какая-то приезжая их обставляет...

В прошлом году родители гостили в Рябинках. Мать, действительно, не вышла из леса. Отец, как всегда, при ней. Клюква с брусникой, которые они за неделю собрали, окупили им обратную дорогу. Ещё с собой увезли.

Волнистые попугайчики, подумала о родителях Наталья. Такие же дружные, всё время вместе. Раньше она считала, что так в каждой семье. Нет, оказывается...

– Ты, Наташа, не удивляйся, что я скажу. Сначала подумай. Раз уж так у вас с Олегом получается... – Тесть запнулся. – В общем, переходи ко мне жить. Ты женщина серьёзная, мне подходишь. Олег не ценит, я – ценю. А что немолодой, так это ещё как сказать. От другого и в тридцать лет никакого толку.

Наталья не сразу поняла смысл сказанных тестем слов – настолько всё было неожиданно и дико. Павел Трифонович между тем продолжал, почему-то всё больше ожесточаясь:

– Олег что, настоящий отец? Подарками балует, а дома почти не живёт. У Генки скоро такой возраст, что нужна мужская рука. Где она? Какая тебе помощь?.. Если боишься, что по хозяйству надо работать, то загружать не буду. Мы с Андрюхой сами справимся, делать тебе ничего не надо.

Наталья неловко засмеялась.

– Предложение делаете?..

Сказанное тестем никак не укладывалось в голове.

– Да хоть так. Захочешь – распишемся, всё как положено! С Татьяной разведусь, пусть живёт в городе у своей дочери! Всё равно... – Свёкр спохватился, сбавил тон. – Я тебя не тороплю. Понимаю – так вот сразу... Ты подумай хорошо. Я серьёзно.

Не глядя на Наталью, он вышел в коридор, стал одеваться. Через минуту за ним хлопнула дверь.

Наталья постояла посреди кухни. Потом медленно прошла в комнату, обняла Генку и прижала к себе его голову. Из глаз потекли слёзы.

Было горько и очень обидно.

7

Едва не свалив с ног вихрями из-под винта, вертолёт ушёл вверх и в сторону. На несколько секунд Олег и охранник застыли на месте, повернувшись спинами к вертолётной площадке и вцепившись в шапки на головах.

Поднятый лопостями снег быстро оседал. После грохота в салоне вертолёта тишина на земле казалась неестественной.

– Определяемся конкретно. – Олег смотрел вслед торопливо удаляющемуся от площадки Валентину Степановичу. – Отсюда я никуда не убегу, так что браслеты свои спрячь, Илюха. Деревня, сам понимаешь, неправильно поймут... – И вдруг горячо, вполголоса забормотал, наклонив вниз голову: – Ты покупатель, приехал смотреть пиломатериал! Обещаешь быстро расплатиться. Выручай!..

Со стороны села, хмуро глядя в их сторону, приближались два молодых мужика. Олег бодро направился им навстречу.

– Всё нормально! Пятьдесят кубов обрезной доски пристроил. Вот со мной представитель фирмы, хочет посмотреть качество. – Олег повернулся к охраннику. – Илья Эдуардович, сразу пойдём на пилораму или сначала перекусим?.. Предлагаю сначала перекусить.

Мужики смотрели то на охранника, то на Олега и уходить не спешили. Настороженность и обида читались на их лицах.

– Каждый раз к вертолёту выходим, – заговорил один из них, сурового вида крепыш в тельняшке, видневшейся в вороте куртки. – Ты когда ещё обещал деньги привезти?.. Полгода без зарплаты. Мы даром на тебя пахать должны?!

– Мужики, всё будет путём! Какие вам ещё доказательства? Сегодня Илья Эдуардович посмотрит, через пару дней деньги на счёт придут, рассчитаюсь!

Встретившие потоптались.

– Хлеба не на что купить.

– Здоровьем клянусь!

– Смотри, Олечка, допрыгаешься.

– Ну вы, ей-богу! Я же сказал!.. Илья Эдуардович, пойдёмте, мой дом здесь недалеко.

Когда молодые мужики свернули в переулок, охранник поинтересовался:

– У тебя своя пилорама?.. Нехило!

– По дешёвке купил, когда рыбоучасток развалился. Проблема в другом – пиломатериалы некуда девать. Как же он мне нагадил! Как нагадил!..

– Кто?

– Сорокин! Ну, Валентин Степанович, глава наш!.. Пенсионерам дома надо ремонтировать, так он лучше стройматериал из города завезёт, а у меня не купит. Везде облом!..

– Зимник содержать не дал, пиломатериалы не берёт... Чего он к тебе так?

Олег ответил не сразу.

– Длинная история... Обидчивый очень.

Прошли ещё несколько метров. Охранник хмыкнул:

– Почему ты решил, что я – Эдуардович? Я Иванович.

– Эдуардович солидней. Больше доверия.

Дома Олег развил бурную деятельность. Пока Илья ходил по комнатам, придирчиво заглядывал в подпол и на чердак, проверял, надёжно ли закрыты окна (работа!), Олег позвонил по телефону и заказал привезти две бочки воды. Второй звонок был Кашпировскому (кличка, насторожился Илья), тот должен был прийти и затопить баню.

Олег сновал по дому. Счастливый Генка хвостиком следовал за ним. На ку-

хонном столе стремительно росло количество банок с венгерским лечо, томатами и огурцами, из большой холодильной камеры появились копчёные куриные окорочка, сыр, шпиг, колбаса салями.

– У тебя, как в оптовом складе.

– Почти угадал, – польщённо отозвался Олег. – Торгую понемногу. Наличка нужна. Мы сейчас по-быстрому, по-холостяцки. Жена на работе, у них на звероферме гон. Расстреляй её, раньше шести не придёт, стахановка!.. Садись, что ли.

Пить охранник категорически отказался. Олег понимающе кивнул – служба. Налил себе стаканчик и легко, с удовольствием выпил. Илья повёл головой, то ли осуждая, то ли с восхищением. Мужика со всех сторон обложили, берут за горло, а ему хоть бы что!..

Второй стаканчик Олегу выпить не дали. Раздался стук в дверь и появился, видимо, тот самый Кашпировский – с недельной щетиной, но большого достоинства человек в затёрханной болоневой куртке.

– Давай ключи от бани. – На стол Кашпировский старался не смотреть, до предела отвернув голову в сторону. Но глаза сами собой косили на снедь и бутылки.

Олег принёс ключи, сметливо взглянул на Кашпировского.

– Без комментариев!.. Налью, но только одну. Ты и так, вижу, весёлый, а мы попариться хотим.

Он достал из буфета гранёный стакан, налил до половины. Кашпировский, стоя у дверей, принял стакан обветренной красной пятернёй и прочувствованно сказал:

– За что я тебя, Палыч, уважаю, так это за гуманизм!

– Между прочим, он чугунную сковородку минуту на груди держать может.

– Олег, не обращая внимания на слова Кашпировского, живо повернулся к Илье.

– Висит, как приклеенная! И пять вилок.

– Шесть, – выпив, поправил Кашпировский.

– И где, думаешь, заряжается?.. На кладбище!

– Астрал там мощный, – солидно подтвердил Кашпировский. – Наблюдается прямая связь с космическими силами.

– Не веришь? – Олег пытливо смотрел на охранника. – Сейчас мы тебе докажем, что рябинковские мужики не пальцем деланные! Генка, тащи сковородку!..

Кашпировский по-актёрски выставил вперед ладонь.

– Не будем опешлять действо суетой. Насколько я понимаю, товарищ примет участие в банных процедурах. Отложим до этого сладостного часа!.. – Он значительно кашлянул, покосился на бутылку. – А тебе, Палыч, хочу сообщить любопытную новость. Сегодня утром, проверяя сети в протоке у Белой горы, я заметил твоего дядю. Сергей Иннокентьевич собственной персоной катались на лыжах. Я хотел было подойти поздороваться, но охрана, эти церберы, этот позор демократии, не допустили.

– Не понял! – Олег стремительно подался вперёд. – Сергей Иннокентьевич – у нас? В Сиротском Приюте?..

– Если, конечно, я не ошибаюсь. Что вряд ли. Твой дядя самолично осваивал технику горнолыжного спуска. – Кашпировский заговорил голосом Ельцина: – Мода, понимаешь, сейчас такая. Вчера, понимаешь, был теннис, сегодня, понимаешь, горные лыжи...

Несколько мгновений Олег сидел неподвижно, потом хлопнул себя по коленке и решительно поднялся.

– Едем!

– Ты не наглей, – насторожился Илья. – Знаешь, какие насчёт тебя я инструкции получил?

Олег бросил взгляд на Кашпировского и стал поспешно толкать его к двери.

– Займись баней, воду уже привезли!.. – Генку без слов выпроводил в комнату с телевизором и шёпотом закричал охраннику: – Такой шанс раз в сто лет бывает! Дядя, долларовый миллионер, отдохнуть приехал в родные места! У него перехвачу, сразу со всеми рассчитаюсь! С банком – тоже!.. Ты премию получишь и повышение по службе! Начальником будешь!..

Илья на всякий случай смотрел на него снисходительно-иронично.

– Мне и на своей должности хорошо.

Он сомневался. Нужно было всё взвесить. Договориться с Кашпировским Олег не мог, это понятно – всё время находился рядом, никуда не отлучался. Значит, с дядей так оно и есть. Может, в самом деле дать шанс?.. Подопечный ему достался шепутной и с закидонами, но на подлянку, похоже, не способный.

Кстати, в банке действительно могут оценить его инициативу. В первом же самостоятельном деле не ударил в грязь лицом, принял перспективное решение...

– Это далеко?

– Сиротский Приют? Полчаса на “Буране”!

– Хрен с тобой. – Илья сунул руку подмышку, достал пистолет. Несколько раз, будто проверяя, щёлкнул предохранителем, потом опять спрятал. Пусть видит. – Заводи свой “Буран”!

Трифоныч был недоволен собой. Какого чёрта после директора сразу сунулся к Наталье?.. Надо было подождать. Неудача одна не ходит, она пару любит. Похоже, перепугал сноху. Теперь она не то что к нему жить не пойдёт – обходить станет за километр. Или ещё лучше: Олежке расскажет. У молодых ведь как, сегодня ругаются, а переспали – всё у них по-хорошему.

Работник ел сало с хлебом, запивал чаем и, задрвав вверх лицо, смотрел телевизор. Это его идея, пристроить телевизор под самый потолок, где у людей когда-то иконы висели. Говорит, так в кино у американцев в барах, чтобы всем видно было. Американец...

– Андрюха, ружьё после охоты чистил?

– Кажись, да. А что?

Трифоныч едва сдержал злость. “Кажись”!.. Надо не “кажись”, а точно – пришёл, почистил, чтобы наготове было!.. Ругаться на Андрюху нельзя, психованный. Говорит, в Чечне контузило, когда служил контрактником. Чуть что – срывается с места и с матом и криками убегает из дома. Через день-два, правда, возвращается, кому он в деревне нужен. Но без него с хозяйством трудно приходится.

– Комолую больше не корми. Завтра убирать буду.

– Застрелишь?

– Не глотку же резать... Я сейчас на звероферму, а ты целлофан найди, на котором скотину разделяем. Помой.

– Жаль... Ласковая корова.

Бусыгин остро взглянул на работника. Неужели то, что ему как-то показалось, правда? Он зашёл тогда в стойку неожиданно, и Андрюха как ошпаренный отскочил от коровы, отвернулся, стал быстро заправляться...

Бусыгин отвёл глаза. Его дело. Хотя мог бы бабу завести, в Рябинках их хватает. Хозяйственных мало, но для этого дела хозяйственность не нужна. Мог бы ту же Марго, охотку сбить. Говорят, никому не отказывает.

– Ласковая... Корм зря переводит!

В телевизоре изнывала от любви певица. Она протягивала вперёд руки, её растопыренные пальцы дрожали, а на лице было столько страдания, будто у девки в одночасье умерли все родственники. Голос у певицы был ничего, приятный, но в нём прерывались особые звуки. Так – утробно, призывно – мяучат кошки, когда хотят кота. Вдруг из-за спины певицы выскочили два парня в блестящих облегающих брюках и в распахнутых до пупков рубашках. Подхватили страдалицу с обеих сторон под мышки и подняли в воздух. Она, мученически откинув голову, секунду висела крестом, потом парни осторожно опустили её на пол и принялись петухами похаживать вокруг. Певица перестала петь и под музыку бросалась то к одному на голую грудь, то к другому. Наверно, не могла никак выбрать...

Смех смехом, а ведь и в жизни так, подумал Трифоныч. Люди считают, что сами влюбляются, сами находят себе пару, а это природа или, кто его знает, бог из тебя самого, изнутри подаёт знак – мол, пора, надо оставить детей, продлить род. Не на тебе он начался, не на тебе должен закончиться.

Зачем это природе или богу – неизвестно. Не только с людьми, а вообще со всем, что живёт: деревьями, животными, травой. Эта главная, всем управляющая сила хитрая, может быть, подлая. Заманивает любовью, приятным, человек сначала не понимает, для чего. Думает, такой подарок в жизни. Держи карман шире!..

Перехитрить бога надо – вот главное. Он рассчитывает, тебя на крючок поймал, ему всё равно, что из твоей любви выйдет. Но голову даёт – так думай!.. Мало того, что самому обидно, так, может, ещё отвечать придётся, почему на тебе прервалась линия работающих мужиков – ведь кто его знает, как оно там, после смерти, бывает. Не перед богом отвечать – тому всё равно, иначе не позволял бы многого, что делается в жизни. А вот что скажешь отцу, деду, его родителю, если встретиться придётся? Те-то, видно, думали об этом, делали так, чтобы правильно было.

Жаль, понимаешь это поздно. В молодости бы знать, не на красивое лицо и толстую задницу смотрел бы, на эти божьи приманки! Или ещё не поздно? А?..

Поев, Андрюха стал наводить марафет. Достал ботинки и принялся начищать кремом из импортной баночки. Видно, вечером собирается куда-то идти, отметил Трифоныч. Чего у Андрюхи не отнимешь, так это аккуратности в одежде. Любит выглядеть на людях прилично. Пусть даже всего людей-то – его приятели, рябинковские алкаши вроде Кашпировского.

Трифоныч уже хотел было сделать замечание – кто чистит ботинки на кухне, сейчас вонь пойдёт! – но подумал, что нынешние обувные кремы не воняют. Наоборот, чем-то приятным пахнут. Это не гуталин, которым он сам всю жизнь пользовался.

Трифоныч с новой досадой подумал, как много всего переменялось вокруг.

Ладно бы только компьютер в кабинете у директора или это Генкино придурочное томагучи. Вроде незаметно, но ведь всё это на его веку – и керосиновые лампы, и телевизоры с видаками. До космоса добрались, чего только сейчас там не летает!..

Знак для таких, как он? Другая жизнь пошла, а они, старое поколение, задержались в ней? Сейчас, дескать, всё другое, зарабатывают не горбом, как раньше, а головой. По телевизору показывали, какой-то американец стал миллионером – придумал новую компьютерную игру. За игру – миллион! Добро бы за путнее!..

– Хер вам! – сказал он и ударил левой рукой по сгибу другой.

– Ты чего, Трифоныч? – Андрюха смотрел на него весёлыми глазами.

Бусыгин крикнул. Забыл, что работник рядом. Достали его сегодня.

– Насчёт целлофана не забудь. Я пошёл.

Но спокойно уйти не дали. У калитки он столкнулся с Нефёдовой.

– Здравствуй ещё раз, Паша, – сказала Валентина. – А я к тебе.

Трифоныч покосился.

– Чего?

– Дак проведать. Ты ж теперь один, холостякуешь. Может, для чего пригожусь... – И Валентина подмигнула сразу обоими глазами, иначе у неё не получалось.

Бусыгин на секунду даже остановился. Бессовестная баба! И наглая. Ведь не поймёт, чего ему на самом деле надо. Да и с какой стати с ней, дурой, откровенничать?..

– Чем ты можешь пригодиться. – Закрывая за собой калитку, он опустил глаза, сделал вид, что не понимает. – Мы с Андрюхой сами управляемся. С готовкой и так по хозяйству...

Валентина засмеялась, щёчки в склеротических жилках собрались в тугие пунцовые яблочки.

– Дак женщина не только для работы нужна! – Она толкнула Бусыгина в бок локтем. – Ты как без Татьяны целый год обходишься-то? Говорят, она к дочери потому сбежала, что ты очень уж... ну, жеребец. А я ещё ничего, у меня интерес к этому делу есть. Была бы помоложе, в город уехала, нашла бы себе клиентов. А чего? Сейчас рыночные отношения, что нравится, то делай. Проститутки хорошо зарабатывают и удовольствие получают, по телевизору рассказывали... Рано мы с тобой, Паша, родились, ох, рано! Нам бы чуток попозже!.. Ну, так чего? Когда прийти, чтобы ты дома был?

Трифоныч искал глазами вокруг что-нибудь поувесистей. Но ничего подходящего не попадалось.

– Валентина, предупреждаю тебя, – сдавленным голосом заговорил он. – Ещё раз подойдёшь ко мне с такими разговорами, не обижайся! Забора не пожалею, а отхожу тебя колом! Постесняйся, дура старая! Чего несёшь!..

Нефёдова поджала губы.

– Не подхожу, значит. В голодуху подходила, теперь нет. Кто побираться приходил на конюшню? Тогда дурой не обзывал, что говорила, всё-ё делал!..

Бусыгин в сердцах махнул рукой, повернулся и зашагал на звероферму. Не драться же с бабой в самом деле.

Оказывается, всё помнит. Последние слова больно задели. И вообще, когда вспоминаешь об унижениях, всегда больно.

## Сватовство

Из Сургута на АН-2 прилетели в Ларьяк, оттуда по "верёвочке" вместе с почтой добирались до Рябинок. Лоцман Коровкин, весь сплавсезон не бравший капли в рот, теперь не просыхал. Павел уже начинал беспокоиться. Как-никак ехали свататься, а если сват зайвится к Татьянинному отцу пьяный, какое к ним будет отношение?..

Коровкин время от времени садился в санях, дикими глазами озирался по сторонам. Его тонкий хрящеватый нос со светлой, натянутой на горбинке кожей словно приплюсывался. Дорога шла по Ваху, повторяя все петли реки, с обоих боков тянулась однообразная тайга. Наткнувшись взглядом на Павла, Коровкин спрашивал:

– Едем?

Получив утвердительный ответ, доставал из кармана бутылку водки, делал несколько глотков и опять заваливался между рогожными мешками с газетами и письмами.

– Дядь Вань, замёрзнешь, – толкал его Павел. Ему самому в санях не сиделось, чем меньше оставалось до Рябинок, тем больше он волновался. Последние несколько километров перед деревней он шёл за санями, то и дело закуривая и ломая спички.

– Ни хрена мне не будет, – бормотал в ответ Коровкин. – Нагреби сена на ноги.

Иногда он, раскинувшись на мешках с почтой, принимался рассуждать:

– Ты вот мне скажи по-свойски, чем тебе моя Тамарка не пара? Ну скажи!.. Здесь и здесь – всё при ней. Или какая-нито её подруга, а?.. Какого мы хрена прёмся в эти твои Ромашки?..

– Рябинки.

– Пожалуйста, пусть будут Рябинки!.. Девки, скажу тебе, все одинаковые. Бабы – разные. Как воспитаешь, такой будет. Я тебя за то уважаю, что доказать своё хочешь. Она тебе до армии от ворот поворот, а ты всё равно на своём!.. С ребёнком берёшь. Кто, пацан или пацанка?

– Не знаю. – Павел косился на возницу. Тот, похоже, прислушивался к их разговору. Хотя мужик и не рябинковский, но лишние уши всё равно были ни к чему.

– Во, не знаешь! – легко переходил от одобрения к осуждению пьяный Коровкин. – И почему от мужа ушла, не знаешь!.. Может, твоя краля чёрт в юбке, а ты её за себя берёшь... Ладно, ты зелёный, хотя в армии был ефрейтором. Я-то, старый хер, чего в это дело впутался? Какого хрена мне надо? За тыщу вёрст киселя хлебать!.. С другой стороны, ты сирота. Это понимать надо. Кто поможет, как не Иван Иванович Коровкин, фронтовик и тоже сирота? Доля наша горькая, сиротская!..

Но всё это происходило, пока ехали. В Рябинках Коровкин преобразился. Проспался и о водке напрочь забыл. Чисто выбрился, надушился тройным одеколоном и ходил по избе, нетерпеливо потирая руки.

Вечером они пошли в клуб – оба в добротных драповых пальто с серыми барашковыми воротами и в пыжиковых шапках. Коровкин быстро завязал знакомство с мужиками, пришедшими посмотреть новый фильм. Распахнув полы пальто так, чтобы были видны медали и орден Красной Звезды, он сел между ними на лавку и принялся угощать "Казбеком".

Павел вышел в тёмный тамбур. В ожидании фильма, а за ним танцев парни курили, сплевывая на пол, и травили анекдоты. На несколько секунд освещая тамбур светом висящей над клубным крыльцом лампочки, открывалась дверь, и с улицы появлялись раскрасневшиеся девчата в плюшевых жакетах и пуховых платках. По одной они входили остерегались, заваливались целой оравой, но это им не помогало. Стоило входной двери отсечь свет, как парни бросались их лапять. Отбиваясь и визжа, девчата старались поскорее проскочить в зрительный зал.

Гришки Алябьева, сына безногого фронтовика Алябьева, в доме которого Павел и Коровкин остановились, не было. Павел это определил, как только открылась дверь на улицу. Наверно, всё ещё чинил трактор. С Гришкой Павел начал переписываться, когда служил в армии. Это Гришка в последнем письме сообщил ему, что Татьяна развелась со своим милиционером и вернулась к родителям.

За время, которое Павел не был в Рябинках, молодёжь подросла, и он почти никого не узнавал. Павел толкнул дверь, вышел на крыльцо и тоже закурил. Из темноты появлялись люди, обметали веником валенки, поглядывали на богато одетого парня. У Павла каждый раз ёкало сердце, когда ему казалось, что к крыльцу идёт Татьяна.

– Здорово, – раздалось откуда-то сбоку и снизу.

Павел обернулся. Перед ним стоял пацан лет десяти и солидно, как взрослый, протягивал руку в варежке.

– Здорово, коль не шутишь. – Усмехаясь, Павел пожал детскую ладошку.

– Я тебя знаю, – сказал пацан. – Ты на нашей Таньке жениться хотел. Я тогда ещё в школу не ходил.

Павел помолчал. Потом, стараясь, чтобы голос звучал всё так же уверенно-покровительственно, спросил:

– Сестра кино придёт смотреть?

– Не-а, дома будет сидеть. Малую нянчить. Батя говорит, сама родила, сама рости, на нас с матерью не надейся. Батя хочет, чтобы Танька к мужу вернулась.

В горле у Павла запершило, он несколько раз с натугой кашлянул. И чтобы хоть что-то сказать словоохотливому пацану, спросил:

– Тебя как зовут?

– Серёга, – ответил пацан. И похвастал: – Я председатель совета отряда, ага! Наш класс на Октябрьские в пионеры приняли. Я их всех заставлю учиться на четыре и пять, как пионеры должны. Смотри! – Он расстегнул ворот пальто и показал красный галстук.

После улицы особенно чувствовалось, как сильно накурено в клубе. Вот-вот должен был начаться фильм. Киномеханик, молодой паренёк, за спинами зрителей в конце зала уже настраивал кинопередвижку, стараясь поместить ослепительно белый прямоугольник света в границы простыни над сценой, служившей экраном. С задних рядов, где сидела молодёжь, то и дело раздавался хохот. Все лужгали семечки и, не таясь, бросали шелуху под лавки.

– Дядь Вань! – позвал Павел и поманил к себе Коровкина.

Тот с явным сожалением оторвался от разговора с мужиками и стал пробираться между лавками, задевая спины и колени сидящих.

– Ну?

– Пойдём к ним домой. Она в клуб не придёт.

– Я тебе сразу предлагал! – с готовностью подхватил лоцман. – Чего дипломатию разводите? Ну, не поговоришь ты с ней загодя, так она своё мнение всё равно скажет. Здесь главное не хезать, как на фронте говорили!..

Павел знал за собой слабость: в самые ответственные моменты его могло охватить оцепенение. Он продолжал двигаться, всё слышал и всё понимал, но ощущение было такое, будто это происходит не с ним. В голове тонко звенело, руки и ноги становились, как деревянные. Чтобы сказать в такой момент слово, требовалось огромное усилие.

Что-то вроде того он почувствовал и сейчас. Они шли по тёмной улице, Коровкин о чём-то толковал, а Павел всё не мог справиться с собой, прорвать этот глухой кокон с прозрачными стенками, в котором вдруг очутился.

– Здесь, – сказал он непослушными губами и остановился.

Коровкин приблизил к нему лицо.

– Эге, как тебя проняло!.. Не ты первый женишься, не ты последний, парень. Дыши ровнее!.. Этот дом, говоришь? Собак, небось, целый двор. – И он принялся колотить в высокие ворота с двускатным козырьком вверху. – Всё будет нормально, не хезай. Гарантирую!

Стучать пришлось долго. Уже лаяли собаки не только во дворе, но и все окрестные, когда отворилась дверь и женский голос крикнул:

– Кто там ещё?

– Покупатели, хозяйка! Прогони собак.

– Какие ещё покупатели?

– Увидишь!

Татьянина мать прикрикнула на псов, те замолчали. Коровкин и Павел ступили во двор и через минуту уже были в жарко натопленном пятистенке. За столом под розовым абажуром с кистями сидел Татьянин отец и набивал тускло светящиеся латунные гильзы. На вошедших взглянул с любопытством.

– Добрый вам вечер, хозяева! – разбитным голосом заговорил Коровкин, проходя к столу и доставая из кармана пальто бутылку “Московской” с залитым сургучом горлышком. – У вас товар, как говорится, а у нас соответственно купец-молодец!.. Вы уж извините, что заявились не предупредивши. Но уж больно издалека ехали, из самого Сургут-города!..

Татьянин отец хмыкнул, повёл головой. Не отрываясь от своего занятия, сказал:

– Ты, что ли, Пашка, купец? – Ни раздеваться, ни садиться он не приглашал.

– Кому Пашка, а кому Павел Трифионович, передовой плотогон и уважаемый член коллектива, – встрял Коровкин. – Вот вы, к примеру, сколько зарабатываете? А он за сплавсезон на избу себе собрал, и ещё на хороший мотор осталось! Теперь, говорит, могу с полным правом в родную деревню вернуться и семейной жизнью зажить!..

Татьянин отец опять хмыкнул и сказал в сторону перегородки:

– Товар, пойдёшь сюда. За тобой пришли.

Долго никто не появлялся. Татьянин отец уже раза два поворачивал к гостям лицо и, по-прежнему не предлагая садиться, иронично кивал на перегородку: такая, дескать, у меня послушная дочь. Наконец показалась надменно выпрямившаяся фигура в байковом халате.

За время, которое Павел не видел Татьяну, она заметно изменилась. Сделалась статной, по-женски округлой и ещё красивее. Павел с трудом сглотнул и опять почувствовал, как его охватывает оцепенение. Татьяна гневно смотрела на них с Коровкиным.

– Где только у людей гордость!.. Павел, я сказала, замуж за тебя не пойду, хоть ты все деньги Советского Союза заработай!.. – Она кинулась к столу, схватила бутылку “Московской” и стала совать Павлу в руки. – Иди и не приходи сюда больше! Заруби себе на носу!..

Павел по-дурацки стоял посреди комнаты с бутылкой в руках. Наконец сумел выдать:

– Пошли.

– Хозяин, как же так! – поспешно заговорил лоцман, склонив голову к плечу и разводя руками. Он изображал недоумение, хотя и в самом деле не был готов к такому повороту. – Ты отец, твоё слово последнее. Дочка стесняется, понять можно, сразу бросаться на шею ей не положено. Так ты объясни, что такие женихи на земле не валяются. Серьёзный, зарабатывает хорошо, собою симпатичный!.. Опять же она не девушка, чтобы особо кочевряжиться. С приданым, можно сказать, берём, с дитём!..

Татьянин отец поднялся из-за стола.

– Чего?.. – Последние слова Коровкина ему очень не понравились. – Верно Пашка говорит, иди, пока я вас не проводил. У нас таких женихов!..

За воротами их поджидал Гришка Алябьев.

– Когда свадьба? – кинулся он навстречу и азартно толкнул Павла в плечо. – Я прихожу в клуб, а мне говорят, ушли. Ну, я сразу смекнул, куда!..

Рассмотрев, что вид у Павла потерянный, а в руках нелепо застыла бутылка, он всё понял.

– Давай окна побьём! Гордые очень, на хромой козе не подъедешь! Передовые охотники, маяки коммунизма!..

– Полагалось бы, – согласился Коровкин.

Павел молчал.

9

– Мужики, поморозимся!..

– Лежать!

– Вы чего, в натуре? Сергей Иннокентьевич мне дядя!..

– Лежать, сказано!

Олег повернул залепленное снегом лицо к Илье.

– Вот садюги. За киллеров, что ли, принимают?.. Ты как?

– Нормально. – Илья хотел было потрогать разбитую скулу, но один из стоявших над ними мужиков с короткоствольным “узи” опять рявкнул:

– Руки!..

Илье досталось. Наверно, из-за пистолета, который эти суровые мужики нашли у него. Выскочив неизвестно откуда на чёрных “Ямахах”, они перехватили снегоход с Олегом и Ильёй ещё метров за триста до Сиротского Приюта. Заставили сойти, обыскали, отобрали документы!..

Теперь лежи мордой в снег, жди, когда разберутся.

Хорошо же дядюшка встречает родственника!..

У монументального частокола Сиротского Приюта на увале загудел мотор. Через несколько минут Олега и Илью уже рассматривал моложавый человек с цепкими глазами. Начальник службы безопасности, решил Олег. Дело, судя по всему, было поставлено чётко.

– Ты – сюда, ты – на мою “Ямаху”, – распорядился моложавый. – Предупреждаю, вести себя спокойно.

Олег нервно засмеялся.

– Нет, мы сейчас брейк начнём танцевать!.. У меня дело к Сергею Иннокентьевичу, я его племянник. Ответите!

– Какой Сергей Иннокентьевич? Почему вы решили, что он здесь? – удивлённо вскинул брови главный эсбэшник.

Олег решил его устыдить. Лежать на снегу было мало того, что унизительно, так ещё холодно.

– Прокололась твоя служба! Утечка информации!.. Так Сергею Иннокентьевичу и доложу.

Он ничем не рисковал. Дядя, Олег чувствовал, здесь – значит, ничего им не сделают.

О Сиротском Приюте в Рябинках ходили самые фантастические слухи. Ещё в советское время областное начальство на одной из кедровых грив неподалёку от села построило что-то вроде элитного пансионата. Здесь шла своя жизнь, о которой можно было только догадываться, – даже обслугу сюда завозили из города на вертолётах.

В перестроечные годы жизнь в Сиротском Приюте на какое-то время замерла. Поговаривали, что его хотят отдать под пионерский лагерь. Даже статья в районной газете была “Зажравшихся партocrats – поганой метлой!” Однако надежды не оправдались. Вскоре вместо солидных обкомовцев с брюшками здесь обосновался другой народ – молодой, быстроглазый, с какими-то голодными лицами. Охота на медведя и стерляжья рыбалка теперь устраивались для них.

– Вставай. Вперёд.

Олег огрызнулся:

– Ты меня ещё автоматом ударь!..

С подчёркнутой неторопливостью он слез со снегохода, огляделся. За высоким частоколом из ошкуренных сосен находилось несколько основательных, нарочито неброского вида строений, тоже бревенчатых. Обширный двор был тщательно расчищен от снега. Вверху на частоколе виднелись камеры слежения. Если бы не они, можно было бы подумать, что попал на богатую заимку, какой её показывают в кино о дореволюционной России.

– Двигай.

– В советах не нуждаюсь.

– Давай, давай!..

Олега завели в ближнее помещение. Куда исчез Илья, он не заметил. Эсбэшник начальник полистал отобранный паспорт, несколько раз остро взглянул на Олега, потом на фотографию, сличая.

– Какой у вас вопрос к Сергею Иннокентьевичу? – переходя на официальный тон, спросил он.

– Это семейное дело.

Эсбэшник помолчал.

– Сергей Иннокентьевич очень занят. Прошу конкретнее.

– Ты, служивый, доложи обо мне, – глумливо растягивая слова, заговорил Олег. – А уж дальше не твоя проблема, дорогой!..

Эсбэшник смерил его взглядом, но ничего не сказал. Легко поднялся и вышел. Олег тоже встал со стула и прошёлся по тесному помещению.

Типа караулки, подумал он, осматривая небогатую мебель. Почти в таком же помещении он провёл не одни сутки, когда служил на Дальнем Востоке. Разве что вместо караульного топчана здесь диван.

Олег вдруг засомневался. А есть ли у дяди Серёжи деньги на самом деле? Может, всё это разговоры – насчёт долларового миллионера?.. Люди завидуют, потому и говорят. В чужих руках хер всегда толще. В туалет, что ли, пойти? Уж он-то рейтинг точно покажет. Не в здешний, конечно, а когда в апартаменты попадёт.

– Сел на место! – неизвестно откуда раздался голос.

Олег отыскал глазами камеру под потолком и показал средний палец. Фак ю! Наблюдают, гады!..

Ждать пришлось порядком. Олегу надоело ходить, он снял дублёнку, выкурил пару сигарет. Эсбэшник начальник будто сгинул. Олег толкнул дверь. Заперли!.. Как в тюрьме. Ну, дядюшка!..

Сергей Иннокентьевич всегда вызывал у него двойственное чувство – восхищение и зависть. Первым в Рябинках он стал работать у нефтяников, когда открыли Самотлор. Даже орден за это получил. В школьном музее одно время был уголок, посвящённый буровой бригаде дяди. Потом дядю Серёжу за какие-то грехи посадили – то ли был виноват в несчастном случае на работе, то ли ещё что, Олег толком не знал. Лет пять он дядю не видел, но меньше завидовать не стал. Достаточно было посмотреть, как шестерили перед ним самые крутые деревенские ребята, когда после зоны дядя какое-то время жил в Рябинках. Потом он перебрался в город, стал одним из первых кооператоров. И чем лучше у него шли дела, тем реже он появлялся в Рябинках. Последние года три Олег его вообще не видел. Что за это время произошло – бог знает...

– Сергей Иннокентьевич готов вас принять. У вас десять минут, – сказал, наконец-то появившись, эсбэшник.

Олег хотел было послать его – десять минут! – но не стал. Клерк, что от него зависит...

Дядя Серёжа лежал в бассейне. Над мелко пузырящейся водой возвышалась одна голова. Небольшой бассейн был выложен каким-то дорогим камнем, вода от этого казалась бирюзовой, нереальной и красивой. Олег узнал дядю не сразу – в таком виде он никогда Сергея Иннокентьевича не видел.

– Проходи, садись. – Дядя медленно кивнул на кресло у бортика бассейна. – Прописали, понимаешь, нарзанные ванны. Надо бы в Кисловодск, но времени нет. На месте приходится.

– Нарзан специально привозят? – почтительно удивился Олег. Он не знал, как

обращаться к дяде, на “ты”, как делал раньше, или всё-таки на “вы”. – Прямо из Кисловодска?..

– Ну. Какой, правда, толк, не знаю. Тысячи километров, чего довозят – неизвестно. Деньги ладно, лишь бы на пользу. – Дядя говорил неторопливо, с паузами, как говорят люди, каждое слово которых ловят. – Вот снял на пару недель пансионат. Всю мелкоту выставил. Дома, говорят, стены помогают. Понравится, куплю. Не так далеко от города – и никто не мешает... Как там в Рябинках?

– Вроде нормально.

– Думаю на днях побывать. Пару компьютеров хочу подарить школе. Пусть пацаны учатся... Валера, угости гостя, – всё так же неторопливо, ровным голосом велел он парню в костюме с галстуком, неотступно находящемуся поблизости. И засмеялся: – Замёрз, наверно, на “Буране”-то? А потом ещё в снегу?.. Извини, без этого нельзя. Мои ребята службу знают туго.

Парень с бугрящимися под пиджаком мышцами распахнул вделанный в стенку и сразу ярко осветившийся зеркальный бар. Вскоре Олег держал в руке массивного хрустального стакана со спиртным. Отхлебнул и сказал, демонстрируя осведомлённость:

– Текила?

– Хрен знает. Я не пью. Что у тебя ко мне?

Вопрос прозвучал неожиданно, хотя, в общем-то, следовало быть к нему готовым.

– В гости хотел пригласить, – соврал Олег. Сразу просить денег не поворачивался язык. – Посмотрите, как живу. Я тоже бизнесом занимаюсь. Строительные материалы там, розничная торговля... Дело идёт, перспективы нормальные. Думаю бизнес расширять.

Сергей Иннокентьевич повернулся на живот, заплескался в бассейне, и Олегу показалось, что его крупное, с твёрдым подбородком лицо ухмыляется. Олега пронзило: всё знает! Илья раскололся – его наверняка допрашивали!.. Он неловко хохотнул.

– Ладно. Честно так честно... У меня проблемы. Хочу занять тысяч пятьсот. Не думайте, я верну, дядя Серёжа! Клянусь!..

– Вернёшь, куда ты денешься. – Сергей Иннокентьевич продолжал плескаться, походя на могучего, с литым лоснящимся телом сивуча. – Если, конечно, дам. Ты знаешь, что такое деньги? Большие деньги?

– Знаю.

– Ни хрена ты не знаешь! – Лицо у дяди вмиг побагровело. – Вы, шантрапа мелкая, думаете, деньги так, со смехуёчками делаются! Сами в руки прыгают! Из земли растут!.. А это видел? – Сергей Иннокентьевич сорвал с головы волосы (так Олегу в первое мгновение показалось) и отшвырнул в сторону. Бледный череп был в синих страшных шрамах. Между шрамами, налезая на рубцы, виднелись жалкие островки полуседой растительности.

Не обращая внимания на мягко упавший в воду парик, дядя быстро наклонил голову, подставил ладонь. В неё выпало что-то круглое, похожее на голубиное яйцо. Когда он посмотрел на Олега, тот едва не отшатнулся. У дяди на месте правого глаза краснела дыра, сырое мясо.

– А это видел? Хорош?.. Хочешь меняться? Я тебе свои деньги, а ты мне здоровье? Зассал?.. Это ещё повезло, живой до сих пор. Пятьсот тысяч!.. А четыре покушения? А стрихнин в минералке? А баба со спидом в постели? Пятьсот тысяч!..

10

Кто не знал, мог подумать, что это орут кошки. Визгливые, словно от боли, крики слышны были ещё на подходе к звероферме.

Мучаются, подумал Трифоныч. И опять остро удивился: что за сила такая, что лишает покоя, заставляет кричать, жаловаться, метаться в страдании по клетке? Жили лисы спокойно, ели корм, растили свой мех, а тут будто будильник какой в них сработал.

Звучит-то просто, инстинкт, но кто его во всё живое вложил? А главное, для чего, для какой такой цели из поколения в поколение орут и мечутся эти существа?.. “Чтобы в декабре их приплод получил колотушкой по башке”, – хмуро усмехнулся Трифоныч. Он чувствовал враждебность к бессмысленному инстинкту чернобурок. У всего должна быть цель, а здесь её нет.

На двери вагончика, в котором переодевались перед работой звероводы, висел замок. Тоже бардак, отметил Бусыгин. Идёт гон, раньше в такое время женщины дневали и ночевали на работе. Сейчас никому ничего не надо. Какой будет выход щенков – до лампочки. Ещё не так давно лисьи шкурки возили в Омск на пушно-меховой холодильник. Трифоныч сам не раз сопровождал груз. Шкурки старались привезти побольше и сдать сортностью повыше. Зарплаты шли нормальные, к праздникам – премии...

Где теперь те зарплаты? Где премии? Где пушно-меховой холодильник?.. Лисьи шкурки сейчас не продашь, нет покупателей. Как звероферму до сих пор не закрыли, уму непостижимо.

– Трифоныч, здорово! – Из пристройки, где находился дежурный электрик, выплянула круглолицая Марго. Заулыбалась, показывая щербатый рот.

– Здравствуй, – неохотно ответил Бусыгин. И подумал, что Марго единственная из звероводов, кто сейчас на работе. И то, наверно, с электриком кувыркалась – вон какая довольная.

А может, специально показала, чтобы он видел, она не на складе шарится, а здесь, в гостях. Трифоныч давно стал замечать, что в его отсутствие на складе кто-то бывает – подобрать ключ не проблема. Как бы между делом обронил в присутствии женщин: застанет кого – ноги переломает. И так ползверофермы растащили.

На смотровой вышке кто-то находился. Через большое, в частых переплётах окно виднелся неясный силуэт. Наталья, кто ещё, решил Бусыгин. Ответственная женщина. Если бы даже была не зоотехником, а простым звероводом, всё равно следила бы за гоним. Олечка придурок, не понимает – такую жену на руках носить надо.

У двери склада он внимательно огляделся. Нет, чужих следов вроде не видно. На всякий случай снял замок и заглянул за дверь. Приготовленный с утра мешок с куриными шейками был на месте. Свины их хорошо едят. Мешок тяжёлый, килограммов пятьдесят весит, но здесь Андрюха не помощник. Такие дела делаются в одиночку.

На кормокухне пахло подгнившей рыбой и отошедшими в тепле субпродуктами – всеми этими куриными шейками и лапами, коровьей требухой. Трифонич воня не замечал, привык за годы работы. Он переобулся в резиновые, легко моющиеся сапоги, влез в заскорузлый, когда-то синий халат и включил мясорубку. Вилами принялся бросать рыбу и субпродукты в натужно взрывающийся механизм.

Отчего-то было беспокойно. Будто нужно было что-то срочное делать, а он всё тянет, откладывает. Смотровая вышка, подумал Трифонич. Наталья. Лучшего случая не будет.

Он с минуту ещё работал, потом решительно прислонил вилы к стенке и принялся обратно переодеваться в чистое.

Сейчас всё решится.

### Митяевские лишенцы

– Пашк, а Пашк?.. Вставай. – Мальчик увидел над собой взлохмаченную бороду. Слабый белёсый свет, пробивающийся через окно, делал дедушкино лицо чужим, неясным. – Шустрее, Мокей ждёт. Мошка, поди, его уж совсем заела...

По дому бесшумно двигались какие-то люди, и Пашка со сна не сразу понял, что это мать и отец.

– Колька где? – всё тем же быстрым полушёпотом спросил дедушка Пётр.

– С улицы не вернулся, – сиплым спросонья голосом ответила мать.

– Выдеру, ей-бо, выдеру! Рано гулять начал. Я когда ещё говорил, сегодня жать пойдём!.. – Единственный среди домашних, дед был сейчас разговорчив и подвижен. Он бодро сновал по избе, доставал что-то из углов и укладывал в мешок. – Натрись. – Дедушка ткнул в Пашкины руки остро пахнущую дёгтем склянку. – Потом некогда будет... Ты сейчас пройди мимо комендатуры, глянь, чего у них. Мы здесь подождём...

Ударив в дверь плечом, Пашка вывалился во двор. После избы ночь показалась холодной. Запахнув длинную братову телогрейку, мальчик ступил за калитку. На востоке едва зеленело, деревенская улица, как ей и полагалось в такой час, была в оба конца пуста.

Быстро стряхивая остатки сна, Пашка осторожно двинулся к комендатуре – раньше, пацаны говорят, там жил купец Островерхов. На крыльце добротного дома никого не было видно, лишь в одном из окон слабо горела прикрученная керосиновая лампа.

– Спит Альчибаев! – сказал он через минуту, от холода стуча зубами. – У-у, знобко.

– Жать начнём, дак согреешься. Рановато тебя в работу запрягать, да делать нечего. – Дедушка Пётр оглянулся на мать с отцом. – Ну, с богом!..

Опасливо оглядываясь на комендатуру, они спустились под берег, прошли к тому месту, где река упиралась в кедровую гриву. У широкого тёмного каюка сидел и попыхивал трубкой остяк Мокей.

– Курю, думаю, – сказал вместо приветствия Мокей. – Плохая у русских жизнь. Работай, работай, работай!..

Дедушка с матерью забрались в каюк, взяли к себе Пашку. Отец и Мо-

кей, поднатужась, сдвинули посудину с места и уже из воды запрыгнули на корму.

– Да как же без работы, – словоохотливо отозвался дедушка. Он по-прежнему находился в приподнятом настроении, в котором нынче проснулся. – Всё на ней держится. Давно померли, кабы не работа. Вот не поленились, овёс посеяли, зимой с зерном будем. В колхозе дадут, не дадут – не известно, а нам и горя мало!.. С тобой, опять же, за лодку рассчитаюсь.

– Работа, работа... Я не работаю, а живой. Остяк рыбу поймал, утку подстрелил – хорошо. А ты своих в соху запряг, землю ковырял. Они разве хоры?¹ Зачем родных не уважаешь?

– А чего делать, если лошадей нет? И в колхозе не попросишь, сразу Альчибаеву доложат. Потому и приходится втихую, чтобы никто не знал. Ты-то тоже молчи.

Отец и мать налегали на вёсла, Мокей на корме то с одной, то с другой стороны подгребал ладным и лёгким, будто игрушечное, остяцким веслом. Он не хотел дедушке уступать:

– Работать надо мало-мало. Ты потому лишенец, что много работал. Когда жить, если работать?..

– Тише, по воде далеко слышать, – сказала мать, тяжело откидываясь назад. При каждом гребке становился особенно заметным её выступающий живот.

Что такое “лишенец”, Пашка толком не знал. Знал лишь, что это обидное слово, им в Рябинках дразнили некоторых ребят, их с братом Колькой тоже. Но дедушка с Мокеем ругаться почему-то не стал. Потому, наверно, что это слово каким-то образом было связано с Митяево – деревней, в которой они жили раньше.

Пашка иногда пробовал представить себе это таинственное Митяево, но почти каждый раз получались Рябинки: россыпь приземистых изб, еловый лес вокруг, Вах, вода в котором цветом напоминает чай...

В лучшем случае представлялись картинки из увиденной в клубе фильмы “Богатая невеста”. Вдоль чистой улицы стоят столбы с натянутыми тонкими верёвками, посерединке идут колхозницы в белых платочках и с граблями. Обгоняя их, проезжает трактор, а на нём улыбающийся замурзанный парень в майке, кепке и больших, как у лётчика, очках на лбу...

“Не, у нас другое, – отвечал дедушка, когда Пашка приставал к нему с расспросами. Лицо у него разглаживалось, веселело. – Село большое, с церковью, а на горе барская усадьба. Ты-то ничего этого помнить не можешь, тебя оттуда годовалым увезли. В праздники колокола на церкви звонят и парни с гармошками по улицам ходят, песни кричат... Ладно было!”

После долгих Пашкиных уговоров дедушка начинал рассказывать, как они оказались в Рябинках. Начинал неохотно – чего, мол, Пашка в его годы может понять, – но потом рассказ брал его самого за живое. Дедушкин голос подрагивал.

В коллективизацию Бусыгиным и ещё десяткам двум митяевских семей дали на сборы час, а затем под конвоем погнали на Тюмень, Тобольск и дальше на север. Красноармейцы в островерхих богатырках были злые, то и дело грозились устроить кулацкому отродью Варфоломеевскую ночь. Что это такое, никто не знал. Но по голосам красноармейцев было ясно: хорошего не жди. В Тобольске все сани в

¹ Хор (хант.) – ездовой олень-бык

обозе перетрясли, отобрали иконы и деньги. Под Сургутом умерла бабушка и неженатый дядя Егор. Их не дали похоронить, пришлось обоим закопать в снег.

“Таких псов цепных я отродясь не видел, – сокрушался дедушка, забыв, что говорит с Пашкой. – Я им, чего, мол, сынки, яритесь? Мы природные крестьяне, работали, хозяйство наживали, только в том виноваты. А меня прикладом в спину, старого-то человека! Дескать, контрреволюционную пропаганду развожу...”

Дедушка рассказывал ещё о том, как пригнали в Рябинки. Первым домом была пещера, вырытая в речном обрыве. Никто переселенцев не ждал, здешние люди в свои избы не пускали. Хорошо, в комендатуре выдали по лопате и топору на семью – обустройвайтесь. На первых порах выручала конина. Мерин пал уже в Рябинках. Семижильный, от самого Митяева вёз пожитки и детей. Сейчас-то уже ничего, обжились, хотя постоянно под надзором комендатуры. То не положено, сё не положено... Чуть что – кулаки, лишены избирательных прав – лишены то есть. Да хрен с ним, с этим избирательным правом, лишь в гроб не загоняйте!..

Почему дедушка, рассказывая, так тужил, Пашка понимал плохо. Все его беды и радости были связаны с Рябинками, а далёкое и таинственное Митяево – как сказка. Сейчас, пригревшись у дедушки на коленях, Пашка подрёмывал и видел колёсный трактор «Фордзон», весёлого отчаянного тракториста, похожего на кого-то из рябинковских парней, отёсанные ровные столбы с натянутыми между ними верёвками – “провода”, говорят взрослые...

– Погоди-ка. – Дедушка осторожно приподнялся и посадил Пашку на своё место. Неверно ступая в шатком каюке, сделал шаг вперёд и тронул мать за плечо. – Пойди к Пашке. С тебя хватит.

Потревоженный мальчик опять почувствовал холодный простор, влажное дыхание реки, увидел всё яснее проступающие деревья на берегах и пустынные песчаные косы. Мать взяла его на колени. Она тяжело дышала. Пашка чувствовал её выступающий живот. Он опять пригрелся и задремал, а проснулся оттого, что чей-то голос громко сказал:

– Забирай к острову! Ещё, ещё!..

Было уже совсем светло, синело небо, по ближней отмели, покачивая узкими длинными хвостиками, бегали пёстрые трясогузки.

– Вот ты скажи, в каждой деревне – свой обычай!.. – Радостный дедушка, поворачивая голову и поглядывая на приближающийся остров, мелко подгрёбал веслом. – Здешние хозяева не знают, что такое серп. Коса – это им понятно, а серп в глаза не видали!.. Я как знал, взял из Митяева. Сейчас чем бы овёс убирали? По кочкам-то?..

Заражаясь дедушкиной радостью, Пашка с нетерпением поглядывал на остров, ступеньками сходящий к воде. Заросший тальником, он смахивал на огромный остяцкий облас, перевёрнутый вверх дном, – вытянутый в конце и начале, высокий и узкий. Как только каюк ткнулся в берег, Пашка прыгнул вниз. И тут же ушёл босыми ногами в ил.

– Торопыга! – покачал головой дедушка. – Что, тоже невтерпёж?.. Да ты у нас богатый мужик – в сапогах!..

Пашка чуть было не заревел – ноги по колени стали чёрными от ила, – но передумал. Ему понравились дедушкины слова насчёт сапог. Не моя ног, он стал

вместе со всеми пробираться вглубь острова. То и дело посматривал вниз, представляя себя в настоящих сапогах.

– Лишь бы медведь не потравил, они овёс любят... Не столько съест, сколько затопчет, – прерывающимся голосом говорил дедушка, раздвигая впереди кусты. – У мишки губа не дура, он понимает – овёс сытный, быстро жир на зиму нагулять можно...

Вышли туда, где тальника не было. На обширной поляне росла какая-то невысокая пожелтевшая трава с клонящимися книзу метёлками. Овёс, сообразил Пашка. Было странно, что эту траву можно есть.

– Слава богу. Никто не тронул! – Дедушка перекрестился. С трудом опустившись на колени, захватил одну из метёлок между ладонями, потёр. – Пospel. В самый раз!.. Трифон, вынимай серпы. Сразу и начнём, чего ждать... Трифон, ты чего?

Отец, не снимая с плеча мешок, смотрел в сторону тальника на другой стороне поляны. Оттуда вышел низкорослый крепыш в командирской фуражке и два красноармейца с винтовками.

– Альчибаев, мать твою!.. – потерянно выругался дедушка. – Теперь точно перезимуем... – И громко заговорил: – Тоже рыбалить, гражданин лейтенант? Это вы правильно, здесь самые что ни на есть стерляжьи пески. Мы семьёй собрались рыбалить, но места всем хватит – и нам, и вам!..

На губах круглолицего, смугло румяного Альчибаева играла презрительная усмешка. Он видел, что дедушка испугался, неловко пробует хитрить, и в его презрении к этим жалким людям чувствовалось даже что-то гадливое. Лейтенант двигался напрямик через овёс, с раздражением похлопывая по голенищу сапога прутиком.

– Кондратьев, несите бутыль, – чётким голосом распорядился он, не обращая внимания на дедушкины слова. И пока один из красноармейцев доставал что-то припрятанное в тальнике, зло бросил: – Работать не хотите? Думаете обмануть советскую власть? Не выйдет! Советская власть не таким хребты ломала!.. Кондратьев, начинайте.

Расторопный красноармеец, передав винтовку товарищу, принялся поливать овёс бледно-жёлтой жидкостью из бутылки.

– Керосин! – ахнула мать. – Да что же это?..

Дедушка засуетился, замахал руками:

– Гражданин Альчибаев, погодите! Дорогой Эркияш Майманович! Ведь труд, зачем губить?! На себе землю под овёс пахали, как скоты. Дайте хоть малость собрать, с куском на зиму остаться!..

– Не верите в колхозный строй? Голодом колхоз вас морит? Вредительством занимаетесь, пропаганду разводите? – зло, всё больше наливаясь презрением, чеканил лейтенант. – Нет вам пощады! В пособники к фашистам и японским милитаристам записались! Ответите перед советским судом!..

– Убрать дайте!..

Молчавший всё это время отец вдруг бросился к красноармейцу и стал вырывать из его рук бутылку. Альчибаев выхватил наган.

– Назад, кулачьё!.. Кондратьев, поджигайте!

Пашка на всю жизнь запомнит эту картину.

Быстро расползающийся по полю красный, густо дымящий огонь.

Красноармейцы заломили отцу руки за спину, он согнулся и смотрит исподлобья бессильным яростным взглядом.

В голос плачет мать, трясётся её большой живот.

Дедушка Пётр молча стоит. Его лицо застыло. Ветерок шевелит растрёпанную бороду...

Пашке тоже вслед за матерью хочется заплакать, но весело бегущий по полю огонь кажется ему живым, нестрашным, он притягивает Пашкин взгляд. Мальчик несмело выглядывает из-за матери, и в глазах у него – любопытство.

## 11

Наталья заметила, что на тетрадный лист с записями упало несколько капель. Она вытерла их ладонью, но слёзы всё капали и капали. Бумага в этом месте становилась выпуклой и рыхлой. Наталья смотрела через стекло вниз, на пронумерованные клетки производителей, к которым подсадили новую партию самочек, на азартный коитус, а перед глазами стояло глуповатое лицо Нефёдовой.

Господи, за что ей всё это?..

Нефёдову она встретила по дороге на звероферму. Было такое впечатление, что бабка шатается по деревне от нечего делать. “Ну ты представь, нигде никого нет! – сокрушенно пожаловалась она. – Ни в клубе, ни на почте. И куда весь народ подевался!” Наталья хотела было ответить в том смысле, что народ в отличие от неё делом занят, но не стала. Убогий по-своему человек. Всю жизнь чужим умом живёт.

Баба Валя, довольная, что хоть кого-то встретила, принялась рассказывать, как была недавно в городе и как на рынке увидела её свекровь. Обувью торгует. А про мужа совсем забыла, пусть, мол, сам с хозяйством управляет. “Она у вас вообще непутёвая. – Нефёдова доверительно приблизила лицо и заговорила вполголоса, хотя вокруг никого не было. – Сколько раз замуж выходила, я и со счёта сбилась. Твой Олежка в неё. Чего, скажи, при живой жене со всяким блядвом связываться?.. Ты не знала, что ли? Люди видели, как Олежка от Марго выходил. На ней же пробы негде ставить!..”

У Натальи хватило сил спокойно спросить: “Зачем вы это мне рассказываете?” И только на смотровой вышке она дала себе волю. То, что Олег от неё гуляет, она догадывалась. Если бы даже от мужа после поездок в город не пахло духами, есть множество мелочей, которые выдают мужчине. Но чтобы с Марго!.. Ничего более унижительного придумать было нельзя.

А как он сначала ей понравился! После второго курса Наталья приехала домой на каникулы, и как раз в это время в колхозе солдаты заготавливали сено. “Золотая! – окликнул её один из них вечером на пруду. – Ты где пряталась, золотая? Что-то я тебя раньше не видел”. Наталья смутилась. Её всё больше звали рыжей, и вдруг так красиво: золотая... Почему-то застенчившись своего бикини, она осторожно посмотрела на парня. Стройный, с чётко прочерченным прессом, он единственный из пришедших после работы купаться солдат был не в длинных сатиновых трусах, а в элегантных плавках.

Освещённый заходящим солнцем парень спросил: “А ты везде золотая? Покажешь?..” – “Дурак”, – только и сказала Наташа. Но какая девушка в глубине

души не ждёт от парня того, о чём может разве что подумать?.. В их союзе Олег всегда был ведущим. Он восполнял то, чего не хватало ей – уверенности в себе, смелости, предприимчивости. Но когда предприимчивость переходит в авантюризм, а уверенность – в наглость и позор для близкого человека...

Наталья закрыла глаза. Слёзы сами собой покатались по щекам, щедро закапали на тетрадь с пометками количества коитусов. Нет, так жить больше нельзя! Позорить себя она не даст.

Наталья не сразу сообразила, что на вышку кто-то поднялся.

– Не хочет работать. – Тесть подошёл к просторному окну, возле которого она сидела, стал смотреть вниз, на выстроившиеся в ряд клетки с производителями. – Устарел двадцать седьмой. Лежит. Лисичка перед ним и так, и этак... Под колотушку скоро пойдёт. Получается, гон для лисовина, как экзамен. Хорошо отработал – живи! Нет – под колотушку!..

Тесть со своим философствованием был сейчас совсем ни к чему, но делать нечего. Наталья постаралась незаметно вытереть глаза и ниже склонилась над тетрадью. Тесть вёл своё:

– Вот такая она, жизнь. Может, этот двадцать седьмой только и стал что-то понимать, а всё, давай под колотушку! Устарел, для дела негодный. Нечего корм переводить, молодые лисовины на подходе. Они-то работать будут, силы много!..

В голосе свёкра была какая-то неискренность, и Наталья подумала: чего он пришёл на самом деле? Вспомнился недавний разговор, когда тесть предлагал выходить за него замуж, но прежней обиды она не почувствовала. Какой всё-таки Олег скотина!..

– Вот те на! Ты чего это?.. Кто обидел-то?

Наталья уронила на руки голову и, уже не таясь, в голос зарыдала. Трифоныч остановился рядом.

– Ну, ладно тебе, Наташа. Чего переживать, – неуверенно забормотал он. – Чего случилось-то? Брось, всё будет нормально...

Ещё сильнее заплакав, она ткнула лицом в его рукав, будто ребёнок, наконец-то нашедший понимание и защиту. Трифоныч принялся гладить её по голове, по плечам. Подняв на ноги, прижал к себе, обнял и стал шептать, что она хорошая женщина, таких сейчас мало. Её надо ценить и любить, что дети от неё должны быть хорошие, в мать, и муж должен быть хороший, а не баламут Олежка, который хрен знает, о чём думает, а только не о семье и не о жене...

Наталья почувствовала твёрдые мозолистые ладони, которые пробирались всё глубже под одежду. Но вырваться или оттолкнуть тестя у неё не было ни сил, ни желаний.

## 12

Илья от водки теперь не отказывался. Одну за другой опрокидывал в рот стопки и почти не закусывал. Забеспокоился даже Кашпировский:

– Ваше благородие, извольте ветчинки с огурчиком! Иначе отключитесь раньше срока и не увидите мои феноменальные способности.

Илья сосредоточенно смотрел перед собой, время от времени касался пластыря на рассечённой брови и молчал. Под глазом у него наливался багровый кровоподтёк.

У Олега настроение было не лучше, но он сказал:

– Ладно тебе! Меня родной дядя послал, и то я ничего.

– Скоты зажавшиеся, – бормотал охранник и смотрел в пространство немигающими глазами. – За людей не считают.

– Да брось ты!.. Слушай, Кашпирян, мы ему сейчас женщину организуем. Марго, наша рябинковская смоковница. Профессионалка!

Кашпировский закивал:

– Хорошо дурную кровь оттягивает. Неоднократно и всесторонне проверено. Самые лестные отзывы.

Полуголые, они уже второй час сидели в жарком предбаннике. Небольшой столик был плотно заставлен закуской и бутылками. В углу надрывался магнитофон. Повязанный по бёдрам полотенцем Кашпировский иногда выскакивал за дверь и, напуская клубящегося по низу морозного воздуха, приносил охлаждавшееся в снегу пиво. Он же хлестал Олега и Илью веником, когда те забирались в парилку на полоч.

Олег несколько раз пробовал охранника уговорить покататься после парилки в снегу, но тот хмуро отмалчивался.

– Ну, ты, ей-богу! Будто тебя никогда не били!.. Ты где раньше работал?

– В школе. Физруком.

– И что, не попадал в переделки? Херня, не поверю!.. Каждый мужик бьёт и его бьют. Закон жизни!.. – Поняв, что Илью не расшевелить, приказал: – Кашпирян, давай по-быстрому за Марго. Товарищу нужна срочная сексуальная помощь.

Багровому от тепла и водки Кашпировскому совсем не хотелось отлучаться от обильного стола и идти куда-то в темноту, на мороз.

– Может, не будем форсировать события?

– Давай-давай! – по-хозяйски прикрикнул Олег. Глядя на него, уже трудно было поверить, что и он недавно перенёс унижение. Олег выглядел вполне благополучным, уверенным в себе человеком.

– Как скажешь, гражданин начальник. Я – мухой!

– То-то.

Едва за Кашпировским захлопнулась дверь предбанника, как Илья принялся молча натягивать брюки. Олег удивлённо уставился на него.

– Не понял! Ты куда?

– Одевайся. Пойдём к вашему главе администрации.

– Зачем?

– Поговорим.

– Ты чего, охренел? Поддатые, с фингалом под глазом?!

Илья был непреклонен. Его зрачки сумрачно горели.

– Почему он тебе помочь не хочет? Ты как рыба об лёд... Скоты! Все они скоты!..

Олег несколько секунд молча смотрел на него. Вот так поворот!.. Такого сочувствия от охранника он никак не ожидал. Лишь бы глупостей по-пьяни не наделал.

– Дай пистолет.

– Я как стёклышко! Не веришь?..

– Верю. Дай пистолет. А то не пойду.

Через несколько минут они уже мчались на “Буране” по тёмным улицам села.

Впереди метался жёлтый свет фары. У одного из домов за снегоходом увязалась собака и цапнула Илью за ногу. Он этого почти не заметил.

Сидя у Олега за спиной, кричал на ухо, какие это сволочи, начальство и богатые люди. У них в банке тоже. Вроде все вежливые, на “вы”, а охрану на самом деле презирают. Не хотят понять, что у него удар правой сто пять кэгэ, он школу телохранителей закончил. Любому может обломать рога!..

Остановились у большого, с мансардой дома, обшито светлым пластиком. Олег с любопытством поглядывал на Илью. Интересно, что из всего этого выйдет?.. Дом Валентина Степановича напоминал богатую дачу где-нибудь в пригороде. Даже электрзвонок у входа был. Олег нажал на кнопку.

Появилась приземистая, очень полная женщина в брюках и с сигаретой во рту. Прикрывая грудь концами шали, без церемоний спросила:

– Чего надо?

– Мне-то ничего, – сказал Олег, отступая за спину Ильи. – У товарища какой-то вопрос.

Сорокина оценивающе смерила Илью взглядом.

– Это тот, что тебя сегодня привёз?.. Олежка, ты чего перед Валентином Степановичем в городе выступал? Крутой очень? У тебя проблем мало?.. – Она опять перевела взгляд на Илью. – Чего надо, конвоир?

Илья обиделся.

– Я не конвоир, а представитель банка. Хочу поговорить с вашим мужем.

Женщина затянулась, выдохнула сигаретный дым.

– Говори со мной. И быстрее давай. Не лето, холодно стоять.

– Мне ваш муж нужен, – упрямо повторил Илья.

Олег сзади шепнул:

– Настоящий глава администрации – она...

– Фу, да вы пьяные! – Женщина отстранилась, негодуяще тряхнула короткими, пышно завитыми волосами.

Илья взорвался:

– Вы почему зажимаете частного предпринимателя? Окопались на тёплых местах, сволочи!

Сорокина изумлённо посмотрела на него. Она даже рот приоткрыла и забыла про сигарету.

– Что уставилась, свиноматка? Правды не слышала? Никто не говорил? Все боятся?... Была бы ты мужиком, я бы тебе быстро всё растолковал!

– Подожди, я сейчас, – сказала Сорокина и, резво развернувшись громоздким телом, заспешила в дом.

Дело было дрянь. Здесь таких слов не прощали, Олег на собственном опыте знал. Он потянул Илью за куртку.

– Рвём когти! Она пошла звонить участковому.

Илья упёрся.

– Никуда я не пойду. Мне нечего бояться. Это вы здесь все обосрались.

– Как знаешь. – Олег оседлал “Буран”, дёрнул тросик стартера.

Взрослый человек, в случае чего сам виноват будет. Никто не заставляет.

Ну вот, он теперь практически свободный! Само получилось. Ещё и с “макаровым” в кармане! Куда-нибудь далеко уехать или лечь на дно сейчас не проблема.

В доме горел свет, значит, Наташка уже вернулась с работы. Но заходить Олег не стал, сразу направился к бане.

В предбаннике Кашпировский подливал Марго. Та сипло смеялась и толкала его плечом. Марго была в выцветшем купальнике, но в валенках. Видно, мёрзли ноги – по низу ощутимо тянуло.

– Прикрывай лавочку! Разбегаемся!.. – Олег, как был в дублёнке и унтах, прошёл к столу, выпил водки. Он даже шапку снимать не стал.

Марго с пьяным изумлением захлопала глазами.

– Чего тогда звали?.. Я всё бросила, пришла – и пожалуйста, выгоняют!

Кашпировский тоже смотрел недоумённо, хотя ничего не говорил.

– Сейчас участковый придёт, в подельники определит. Илюха, придурок, решил отношения с властью выяснять! Хорошо ещё, я пистолет забрал... Чего ждёте? Оделись и по домам!

Марго вдруг ударила по столу ладонью.

– А вот никуда не пойду, и всё! Я что вам, малолетка – то приходи, то уходи.

– Марго или здесь уже так развезло, или она пришла навеселе. С пьяной настойчивостью она принялась грозить пальцем. – И вообще, Олежка, ты мне должен! Я тебе никогда не прощу! Никогда!..

Олег слегка даже опешил.

– Чего это я тебе должен?

– Чего... А кто меня на буксир продал? Забыл уже?.. Я по-о-мню! Четыре мужика, а я одна. Забыл?..

– Не гони пургу! Две недели проблем не знала, они тебя поили и кормили.

– Мне обидно! Я, может, человек! Женщина!..

Олег засмеялся. Ну, даёт. Женское достоинство прорезалось!.. Года два назад он в самом деле отвёл Марго на приставший к Рябинкам буксир – “продал”, как говорили в таких случаях. Мужики расплатились ящиком водки. Была середина навигации, они два месяца жён не видели. Если б Марго не хотела, так не пошла бы. Или в Вах прыгнула – плавать-то умеет. Целочка нашлась...

– Ты мне посмеёшься! Я такое знаю!..

– Потом расскажешь. Одевайся по-быстрому. – Олег стал бросать Марго одежду.

– Не-е-т, я сейчас скажу. Ты у меня смеяться перестанешь!.. Жалко Наташку подставлять, но ты сам виноват, сам!.. – Марго опять принялась грозить пальцем. – Довёл женщину. С тестем трахается. Сама видела!..

Олег остановился, прекратил бросать одежду.

– Думай, что говоришь. Это ты профура, а она семейная женщина.

– Профура?! – взвилась Марго. – Я с родственниками не трахаюсь! Твоя Наташка профура!..

Не отвечая, Олег засунул руку в карман и вытащил “макарова”. Марго споткнулась на полуслове и умолкла. Олег снял пистолет с предохранителя. Кашпировский, который всё это время быстро наливал в стопку водку и пил, крикнул и солидным голосом произнёс:

– Олег Павлович, прошу вас, без эксцессов.

Олег секунду помедлил и, развернувшись, толкнул дверь на улицу.

Собака завизжала с таким отчаянием и болью, что Трифоныч невольно подался к окну. По дороге в прозрачных ещё сумерках убежала мосластая тощая сука. Она испуганно оглядывалась назад, под животом болтались вытянутые пустые сосцы. Похоже, хотела чем-то поживиться в соседском дворе, а её сильно ударили.

Вид у суки был такой затравленный и жалкий, что Бусыгин несколько секунд стоял неподвижно. Щенки тянут, жрать хочется нестерпимо, а отовсюду гонят и бьют... Тоска стиснула сердце. Голод и страх, подумал он. Ничего другого в жизни, только голод и страх. У человека тоже. Для чего жизнь? Зачем?..

Андрюха куда-то ушёл, и это тоже было сейчас некстати. Всё-таки живой человек, словом можно перекинуться. Не очень весело он жил с Татьяной, а всё равно рядом кто-то был. Татьяна... Жизнь потратил, чтобы у них стало полюдски. Ничего не вышло. Может, потому один Олежка и получился. Да и тот...

Поздно.

Поздно он спохватился.

Трифоныч отложил в сторону сеть (скоро вскроется Вах, надо быть готовым), влез в телогрейку и вышел во двор. Догорал чистый холодный закат, с каждым вечером уходивший всё дальше к западу. Виднее стало пламя над газоперерабатывающим заводом далеко за рекой и лесом. Оба кобеля не могли никак успокоиться, всё метались вдоль глухого забора, злобно лая вслед убежавшей собаке.

– Цыц! – прикрикнул Трифоныч. Тоже, как люди. Одна судьба, а готовы друг друга загрызть.

Стайка пахнула запашистым теплом, коровьим дыханием. Бусыгин безошибочно опустил руку на выключатель у входа, зажёл свет. Потревоженно хрюкнула свинья с поросятами. Дробно застучали острыми копытцами овцы по доскам настила. Червонка встретила доверчивым жалующимся взглядом. Всего несколько часов прошло, как Трифоныч видел её, а казалось, живот у коровы стал ещё больше.

Яловая Комолая косила фосфоресцирующим глазом. Но неприязни к ней, напрасно переводившей столько времени корм, Трифоныч не почувствовал. Как не чувствовал сейчас и особой любви к Червонке. Они обе дышали, дёргали кожей, жевали жвачку – и это было главное. Живые. Пусть не люди. Хорошо, что не люди.

Он встал на лестницу, откинул крышку и поднялся на сеновал. Нашёл вилы и принялся бросать сено вниз. Надо на ночь задать коровам и быку. Работа была простая, бездумная, и мысли опять стали вертеться вокруг сегодняшнего случая на смотровой вышке... Чтобы не было так досадно и стыдно, Бусыгин представил Сургутский речвокзал, тускло освещённый зал ожидания и Татьяну с ребёнком на руках, её неприкаянный вид. Хотя хорохорилась, то и дело выпрямляла спину и горделиво откидывала голову. Это у них семейное. Как же, мы – Земсковы, лучшие в районе соболятники, известные люди!..

О Татьяне он узнал от Коровкина, у которого жил на квартире. Стоял октябрь, вот-вот должна была закончиться навигация – со времени неудачного сватовства прошёл почти год. “Лежишь, значит! – Лоцман присел на его отгороженную занавеской кровать. Выражение лица было непонятное. Он был навеселе: последнее время Коровкин целыми днями пропадал в конторе “Сплавлеса”, закрывал

летние наряды, а вечером обязательно отмечался в буфете речвокзала. Он вдруг сильно хлопнул Павла по ноге. – Ещё не оприходовал мою Тamarку? Ты мне прямо говори, я отец, должен знать!.. Или не по душе?.. Ладно, дело твоё. Беги на пристань, там твоя мадам. Полагаю, сбежала от мужа. Может, от родителей... Зря вообще-то суетишься! Хорошего не будет. Коровкин под людьми на три метра видит, просто так говорить не станет!..”

Ему бы прислушаться к тем словам, а он отбросил книжку, стал торопливо натягивать хромовые сапоги, схватил из шкафа пальто с барашковым воротником... Скользя в темноте по раскисшей глине, добежал до речвокзала. Зайти сразу не решился, пошёл по дебаркадеру вдоль окон, всматриваясь в запотевшие стёкла. Сердце бухало. Когда увидел Татьяну, оно споткнулось и замерло. Неизвестно, хватило бы у него смелости открыть дверь и зайти. Помог случай. Татьяну стали тянуть к буфету подвыпившие грузчики. Она отпихивала руки, сверкала глазами, но чувствовалось – испугалась. Среди грузчиков было много недавних зеков. “Парни, вы чего? Это сеструха моя! – Павел сам не понял, как оказался рядом. По-хозяйски взял у Татьяны ребёнка. – Чего телеграмму не отбила? Хорошо, люди сказали».

Она и в самом деле опять ушла от мужа. Вернулась в Рябинки, а там отец не принимает. Нашла коса на камень. Без денег, без тёплой одежды села на пароход...

Он, Павел, нашёл ей квартиру, все деньги, заработанные за сплавсезон, потратил на неё и дочку. Татьяна его долго к себе не подпускала. Но и когда стали жить семьёй, холодок всё равно остался. Может, она из таких людей, которым никто не нужен, – одиночка по жизни. Бывали по ночам моменты, когда Татьяна, содрогаясь всем телом, плотно подавалась к нему, дышала со стоном. Но неизвестно, о ком в эти секунды думала. Да и думала ли? Инстинкт. А так – за всю жизнь ни разу не поцеловала. Ни тогда, когда жили в Сургуте, ни позже, когда он перевёз семью в родительский дом в Рябинках.

Трифоныч взял рукой клочок сена, помял, поднёс к лицу. Нет, уже не пахнет. Выдули запах ветры, выжгли морозы. А как хорошо и сладко пахло разнотравье в августе!.. Так и его жизнь. Ещё немного – и останется одна труха непонятного цвета и запаха.

На дворе стемнело. Озаряя горизонт прыгающим светом, горел факел над газоперерабатывающим заводом. Звёзды над головой однако тоже хорошо были видны. Ночью подморозит, отметил Бусыгин. Надо было жить дальше. Варить суп, принести мешок с куриными шеями и лапками – свинье, её поросята сосут. Утром, как и задумано, он уберёт Комолую. Хозяйство запускать нельзя, как бы паскудно на душе не было.

Он растопил печь, поставил на плиту кастрюлю с двумя ножками Буша, набрал в подполе картошки. Нужно было посмотреть тулку. Так и есть, Андрюха после охоты не почистил. Трифоныч разложил на столе газету, достал шомпол, масло и, пока закипали ножки Буша, сделал всё, что полагается.

Порядок. Чтобы всё было наготове, вставил в стволы патроны с пулями. Второй – на всякий случай. Скотина не должна мучиться.

За этим занятием его и застал Олежка.

Трифоныч так и не понял, почему не залаяли кобели, – сын был несчастный гость в его доме. Олежка распахнул дверь и остановился на пороге, вызывающе

засунув руки в карманы. Однако ожесточение, с которым он ступил в дом, тут же почти и исчезло – похоже, Олег не ожидал увидеть в руках у отца ружьё.

– Чего такой грозный? – с лёгкой насмешкой, как обычно и говорил с сыном, спросил Бусыгин.

Замешательство Олега быстро прошло.

– Это я тебя хочу спросить! Почему меня позоришь? Что у тебя с Наташкой было?!

У Трифоныча ёкнуло внутри: вот уже и знают в деревне!.. Но вида он не подал, для чего-то взвел курки.

– Чего молчишь, было?..

А всё-таки он меня боится, подумал Бусыгин, посмотрев на сына. Заводит себя, распалает, а сам настороже... И эта мысль вызвала не презрение, которое он чаще всего испытывал к сыну, а полузабытое снисходительно-тёплое чувство.

Тридцать лет мужику, а стержня, настоящей уверенности в себе нет. Всё с налёта, всё нахрапом – тоже, наверно, несладко. Отчего так? Почему они между собой чужие? Другой породы, но – сын...

– Кто тебе такое наплёл? – спросил он как можно спокойней и поставил тулку прикладом на стол.

– Нашлись люди!

– Не Марго ли? Я её недавно с комбикормом шуганул, вот она и распускает сплетни.

Если бы дело было только в нём, он говорил бы по-другому – унизительно врать и выкручиваться в его возрасте. Да ещё перед сыном. Но не хотелось подводить Наталью. Она-то в чём виновата.

– Ты мне пургу не гони! – на глазах наглед Олежка. Он выхватил руку из кармана, и Трифоныч увидел наставленный пистолет. – Короче, пятьсот тысяч за моральный ущерб! Было, не было – разбираться не будем. Пятьсот тысяч – и забыли!..

Трифонычу кровь ударила в голову.

– На отца – с пистолетом?! – В ярости он ударил прикладом о столешницу. Громыкнуло так, что с полок посыпались тарелки. Задымилась над печкой занавеска, в которую угодили заряды. Из-за занавески с диким воплем выскочил кот. Трифоныч схватил тулку за стволы, замахнулся на Олега. – Пугать вздумал?! Отца?!

Присев в коленках и выставив в вытянутых руках пистолет, Олежка пятился к порогу. Он, похоже, воображал себя сейчас то ли гангстером, то ли полицейским из американского боевика. Бусыгин запустил в него ружьём. Олежка увернулся, выскочил за дверь. В тамбуре застучали его шаги.

Тяжело дыша, Трифоныч опустил на табурет. Его колотило.

От обиды и гнева на сына, пустого человека.

Оттого, что сейчас только начинать бы по-настоящему жить, а уже другое время, не его.

Оттого, что в этом новом времени главное не то, что он привык считать важным, а мелкое и ничтожное, над чем можно было бы и посмеяться, если бы всё не так неотвратимо и горько.

И вот он сидит за столом, ест суп с курятиной и без интереса смотрит на телевизор под потолком. Там клип, беснуются негры, орут что-то дикое и непонятное.

Перед ним початая бутылка. Сегодня нужно, за день много чего произошло. Достали.

Чтобы не вспоминать, думает о неграх. На его памяти они были угнетаемым американскими империалистами народом, потом поющим по-русски и потому симпатичным Полем Робсоном, ещё позже – олимпийскими чемпионами, по животному быстрыми и выносливыми. Теперь уже и не негры, а афроамериканцы. Похотливые, наглые, почти все наркоманы и больные спидом. Какими станут для внука Генки и других людей, подпирающих Трифону́ча, выталкивающих из жизни, – неизвестно.

На кухне жарко. От тёплого воздуха вверху над печкой шевелится простреленная занавеска. Но уходить отсюда не хочется. Трифону́ч снимает рубашку и остаётся в футболке с надписью BOSS на груди.

– Не по-нашему написано, – слышит он голос. Ищет глазами и видит в углу дедушку Петра.

Дедушка в глухо застёгнутой белой рубашке, в дешёвых хлопчатых брюках, подпоясанных сыромятным ремешком – такой, каким его запомнил в гробу малолетний Пашка. Редкая дедушкина борода тщательно расчёсана. Причёсаны и волосы, прикрывающие восковую лысину.

– Здесь? – спрашивает Трифону́ч и показывает себе на грудь. Он совсем не удивляется тому, что видит давно умершего деда. – По-американски написано. По-ихнему это значит, что я большой начальник... – Трифону́ч усмехается.

– Хорошо, что нас не боишься, – спокойно произносит дедушка Петр. – Трифон, пойдёшь сюда.

Вслед за дедом появляется отец. Вид у него запущенный. Отец зарос щетиной, красноармейская форма без петличек кое-как заштопана, над ботинками с отставшей подошвой грязные обмотки. Но даже такой он выглядит сейчас намного моложе его, Трифону́ча.

– Выходит, советских победил не немец, а американцы, раз их слова себе на груди пишете? – говорит дедушка, проходя к столу.

– Выходит, – опять усмехается Трифону́ч. – Есть будете?

– Мне без надобности. А ему дай, – кивает на отца дедушка. – От голода на заводе в Челябинске умер. И от работы.

Бусыгин наливает всем водки, отцу ещё и большую тарелку супа. Все вместе выпивают. Отец принимается жадно есть, то и дело протягивая руку за хлебом. Но ни супа в тарелке, ни хлеба на столе не убывает.

– Зря ты парня своего прогнал. Дал бы денег сколько-нито.

– Если бы на пользу, – хмурится Бусыгин. – Спустит за месяц. Работать по настоящему не хочет.

Дедушка кивает, но нравится ему такой ответ или нет – не ясно.

– Как у вас там? – спрашивает Трифону́ч. Ему радостно видеть деда и отца, хочется о многом расспросить и о своей жизни рассказать. – Есть там что-нибудь?

– Сам узнаешь, – скупко отвечает дедушка Петр.

– Скоро?

– Не скажу.

– Мать, бабушку встречаете? Другую родню?..

Дед ничего не говорит. Ему, похоже, всё на кухне нравится. Он прислушивается к огню в печке, гладит ладонью пластик стола, смотрит на большой глянце-вый лист календаря с котятами – Татьяна ещё покупала.

– Справно живёшь.

– Да вроде, – соглашается Трифону́ч. – Только на мне, видно, всё кончится.

– Не думай. Другое будет. Для нас чудное, а для них в самый раз. Потом опять другое...

– Дак чужое уже, непонятное.

– Потому и забирают нас. Это его раньше времени. – Дедушка кивает на отца. Тот продолжает жадно есть. И молчит. Молчаливым он был и при жизни, во всём слушался деда.

– Я никуда не собираюсь. Силы у меня ещё есть, – не соглашается с резонами деда Трифону́ч.

Дед крикает.

– Сегодня ты бабе показал свою силу... На работу теперь только и способный. Там за этим внимательно следят. – И дедушка Пётр неопределённо машет рукой куда-то в сторону.

Помолчали. А что скажешь?..

– Чего раньше не приходили?

– Нужды не было.

– Оставайтесь у меня. – Трифону́ч замолкает. Добавляет с трудом: – Один я...

– Кабы можно было. Ты к нам придёшь. Не сейчас.

Дед вздыхает и смотрит на отца. Тот понимает его. Поднимается из-за стола, напихивает в карманы штопанных-перештопанных красноармейских штанов столько хлеба, что они начинают бугриться.

– Бывай пока, – говорит дедушка Пётр. – Уходить надо.

У Трифону́ча перехватывает горло. Он подаётся вперёд, хочет обнять дедушку и отца, не многих из дорогих в его жизни людей. Но мешает стол. Да и гости отстраняются.

– Нельзя тебе.

И вот уже нет обоих.

Бусыгин опускается на табурет. Неподвижно сидит, опустив голову.

Гудит пламя в печке, и что-то ненужное бормочет телевизор.

## В УСТЬ-САБУН И ОБРАТНО

### Повесть

Тамаре снится, будто она утёнок. Маленький, жёлтый, с писклявым голосом. Где-то рядом мать, но Тамара её не видит, только знает, что она здесь. Откуда-то появляется чужая большая утка и начинает Тамару топить. Хватает сильным клювом за голову, окунает во враждебную тёмную воду, не даёт дышать. Удушье и ужас охватывают Тамару, она барахтается, пытается вырваться и всплыть, но какие её силы. Вместе с ужасом мысль: где мама, почему не отбивает, почему не прогонит страшную утку?! Тамара захлёбывается, вода врывается в лёгкие, безысходность и смертная тоска.

Фу ты, блин!..

Женщина садится на постели, сердце стучит так, что того гляди проснётся Сашка. Дурацкий сон! Вчера она заходила в музей, принимала у деда Камина хантыйские луки и стрелы, может, потому. Обычно угрюмый дед разговорился, вертел в руках особую стрелу с набалдашником впереди. Когда такую пускали, она прыгала по воде и напоминала несущегося к матери утёнка. Утка бросалась навстречу и получала в грудь остриё на набалдашнике. Дед Камин говорит, для уток это обычное дело, топить чужой выводок. Потому матери так бросаются. Разговоришься, когда от Тамары зависит, сколько дед получит за свои экспонаты.

Сквозь тюль на окне во всю светит солнце, но Тамара смотрит на часы. В мае солнце не показатель, в два часа уже светло, практически начались белые ночи. Пять, рано. Тамара пробует заснуть ещё, но не получается. Сон про утку, которая её топит, не даёт. Всё в нём так осязаемо, явственно, будто происходило на самом деле: жёсткая хватка сильного клюва, упругость озёрной воды, ужас... Нет, не заснет, надо подниматься.

В Тамаре килограммов девяносто, перебраться через Сашку она старается аккуратно. Но тот всё равно просыпается. Не открывая глаз, улыбается и пытается ухватить за бёдра.

– Отстань.

Сашка открывает глаза и удивлённо смотрит.

– Ты чего?..

– Настроения нет.

Сашка пожимает плечами. Хорошо выспавшийся, он выглядит сейчас особенно молодо. Сашка похож на киноартиста Михаила Кузнецова из старых фильмов, брюнет с голубыми глазами, был когда-то такой.

– Дело хозяйское.

И отворачивается к стенке. Обиделся. Но Тамаре сейчас всё равно. Вчера было, хватит, не двадцать лет. И собираться надо. К тому же сон этот дурацкий, к чему – не поймёшь. Тамара в ночной рубашке принимается ходить по дому, отыскивает Сашкину сумку с надписью «Рита», прикидывает, что взять с собой.

Сейчас ездить в гости просто, подарки можно купить на месте, были бы деньги. Тамаре обижаться не приходится, зарплаты в администрации хорошие, недавно опять прибавили. Но лучше всё-таки своими руками, уважительнее. Когда выяснилось, что дочь наконец-то забеременела, она заказала по почте шерсть, связала комбинезончик. Потом узи показало: двойня, мальчик и девочка, Тамара связала ещё один. Хорошо бы из своей шерсти. Раньше в деревне держали овец, но собаки всех передавили. Тамара помнит, как на лето овец перевозили на остров, но лайки и туда добрались. Плавали как на охоту.

Женщина откидывает крышку в подпол, спускается по ступенькам. Тело под ночнушкой, будто в воду, окунается в стоялый холодный воздух – и сон про утку тут как тут. Тамара старается быстрее взять трёхлитровую банку белых грибов, и скорей назад. Банку она завернёт в детские комбинезоны, чтобы по дороге не разбить. Кстати будет, Наташка и зять вряд ли в прошлом году ходили за грибами. Всё мотались в Тюмень и обратно с этим искусственным оплодотворением. Хорошо хоть, результат есть, четыре года ничего у них не получалось. У зятя какие-то ленивые сперматозоиды.

– Оленину возьми. Я там разделал на куски, в морозилке лежит.

Сашка тоже встал, умывается на кухне под рукомойником. Он уже забыл про свою обиду, поглядывает на Тамару весёлыми васильковыми глазами. У Сашки ещё одна особенность. На следующий после выпивки день губы у него становятся пунцовые, будто подведены помадой. Вампир прямо.

– Прикинь, поехали на гусей, а вернулись с олешком!.. Интересно так получилось. Смотрим, прямо по курсу стадо переплывает, голов так двадцать...

Сашка никак не отойдёт от своей охотничьей удачи, принимается в очередной раз рассказывать, как с моторки он и ещё один мужик подстрелили дикого северного оленя. Он и вчера во время застолья в администрации только об этом говорил. По характеру Сашка лёгкий, общительный, многим нравится. Сам он не говорит, но Тамара догадывается, в их краях Сашка скрывается от алиментов.

– Загадку хочешь? – вдруг спрашивает он и заранее смеётся. – Скажи, чем деревенская женщина отличается от городской? Прояви сообразительность!..

Тамара отмахивается.

– Делать мне нечего.

С Сашкой хорошо, но беспокойно. Разница в возрасте всё-таки чувствуется. Сашка несколько секунд выжидательно смотрит, потом сообщает:

– У деревенских на заднице след от ведра!..

Можно было бы принять за намёк (а что, зимой приходится, удобства на улице), но Тамара знает, Сашка это от простоты, и смеётся тоже. Интересно, почему он к ней прибился? Потому, что она в администрации работает? Работала.

Пока собралась, позавтракали – начало девятого. Сашка ушёл к себе в жарку, а Тамара берёт мобильник. Можно звонить Викторшне, та уже на работе.

– Начальник отделения почтовой связи... – заученным голосом начинает трубка.

Тамара смеётся:

– Отставить!.. Как ты там? Голова бо-бо? Или похмелилась?

– Не говори! – голос у подруги становится разбитным. Чувствуется, на почте она одна, посетителей пока нет, рано. – Ты же знаешь, не умею я похмеляться, такое паскудство!.. А не помешало бы, ей-богу, не помешало!

– Значит, угодила?  
 – А то нет! И вино, и водка, и пиво... Давно никто так с работы не уходил, кое-кому ты нос утёрла!  
 – Ну, пока только в отпуск.  
 – Так с последующим увольнением, не бойся, все соображают. Знают, что в няньки решила податься... Нет, Том, здорово было! Я не помню, кто ещё так уходил, стол прямо ломился.

Тамара понимает, подруга хочет сказать ей приятное, но и на самом деле она не поскупилась. Всё, что можно было купить в их деревенском магазине из выпивки и продуктов, купила. Был даже коньяк, специально в город заказывала. Тамара удовлетворённо улыбается, но сейчас важно другое. И она рассказывает про странный сон.

Викторевна какое-то время молчит, потом уточняет:

– Утка какого цвета была?  
 – Ну, дикая, какого они цвета – серая.  
 – А мать?  
 – Я её не видела, только знаю, что рядом. Но чужую почему-то не прогоняет.  
 – Хорошо, я в сонник посмотрю, недавно выписала. – Однако к её проблеме подруга относится легкомысленно. То ли мечтательно, то ли с горечью говорит:  
 – Эх, Тома, накрылся теперь наш Кисловодск медным тазом! А как хорошо там, какой парк прекрасный!.. Не пожалеешь?

Тамара соображает не сразу: почему накрылся?.. А, ей больше не полагается санаторно-курортное лечение – всё, не бюджетница. В Кисловодске действительно хорошо, лучшее место на Кавминводах. С Викторевной они в прошлые годы побывали в Ессентуках, Пятигорске, Железноводске – компенсация за скудное северное лето, – но в Кисловодске лучше всего. Викторевна ещё и романы крутила.

– А чего мне жалеть? Подкоплю, съездим.  
 – Ага, с пенсии!.. – иронизирует подруга. – Я, например, боюсь с работы уходить. Так авторитет, зарплата, а на пенсии?.. Ты обратила внимание, как Лариска вчера смотрела на Сашку? Так и съела бы. Ты, Том, держи уши топориком, а то уведёт. Она мимо чужого пройти не может.

Тамара смеётся:

– Не уведёт! Он брезгливый, а на Лариске пробы негде ставить. Полдеревни молочные братья.  
 – Не зарекайся, мужиков не угадаешь. На Сашку твоего многие поглядывают. Если б не подруга, я бы... Не бойсь, шутю!

Во время вчерашнего застолья в администрации Тамара не заметила, чтобы Лариска (раньше секретарь, сейчас, по-новому, старший специалист) ухлёстывала за Сашкой. Под конец забралась на стол и начала танцевать, задирая юбку, это да, но и только. Можно было бы сделать замечание, но раз Конкина, начальница, молчит, то чего Тамаре соваться. И смешно – с Ларискиной-то кирзовой физиономией на что-то рассчитывать. Однако Тамаре на время становится беспокойно. К Сашке она привыкла, уступать никому не хочет.

– Я за Сашку спокойна, – говорит она уверенным, даже безразличным голосом. И переводит разговор на то, ради чего собственно звонит: – Слушай, Маш, мне са-

мой неудобно, да и не успею. Поговори с Полиной Николаевной насчёт сна, пусть погадает. Она там как-то по свечке и блюдцу с водой. Говорят, всё точно. Ладно?

– Не вопрос! – щеголяет недавно появившимся в деревне словечком Викторевна. – А ты позванивай. Я знаю, что такое маленькие дети, с рук бы не спускала! Ты Серафимычу своему насчёт билета звонила?

– Какой он мой...

Теперь позвонить бы Наташке и сказать, что сегодня прилетит, но Викторевна права, сначала надо решить вопрос с билетом, мало ли что. Следующий звонок на аэроплощадку. Бывший муж солидно произносит:

– Вас слушают.

– Мне в Усть-Сабун сегодня надо.

Тамара не называет себя. Анатолий должен узнать по голосу. Как-никак вместе прожили почти двадцать лет, трёх дочерей родили.

– Ну и что?

– А ничего, место оставь.

– В порядке живой очереди. – И Анатолий кладёт трубку.

У Тамары раздуваются ноздри. Ну, козёл, всегда любил повыпендриваться! Потомок сибирских казаков, видишь ли!..

– К дочери твоей, между прочим, лечу, к внукам! – говорит она, нажав кнопку повторного вызова. – Не понимаешь, что ли?!

– Не надо скандалить, ты теперь на общих основаниях. Пришла, заняла очередь, купила билет, если останется. Бронь администрации на тебя не распространяется. – И бывший муж опять кладёт трубку.

Тамара плотно, до белизны сжимает губы. Умеет унижить! Вот скотина!.. Удивительно, как быстро всем стало известно, что она увольняется.

2

Тамара метиска, отец у неё ханты. Но об этом напоминают разве что скулы и слегка приподнятый к вискам разрез глаз. В остальном она в мать – белотелая, крупная, пропорционально сложенная. Та в пятидесятые приехала по вербовке в здешние края, работала сначала на рыбоучастке, потом устроилась ночной няней в интернат. Сама Тамара не помнит, но мать рассказывала, как в детстве отец смотрел на неё и качал головой: плохо, очень белая. Однажды на все деньги, полученные за соболиные шкурки, купил чёрного чая и велел Тамару купать каждый день в заварке, чтобы стала смуглой.

Отец вообще был занятный человек. В деревнях вдоль Реки до сих пор рассказывают историю о том, как один хант на своём обласе обогнал пароход «Антонин Зырянов». Это про Тамариного отца. Капитан «Зырянова» пожалел аборигена, окликнул через жестяной рупор, предложил подвезти. «Нет, мне, однахо, быстро ната», – якобы ответил хант. Капитан только засмеялся. И очень удивился, увидев ханта в деревне, куда «Антонин Зырянов» шёл, – тот уже спал пьяный у мырлавки. Оказывается, Натальин отец спрямлял себе путь, переносил лёгкий осино-вый облас через перешейки, где Река делает большие петли. А петель у неспешной Реки с избытком. Отец и закончил жизнь по-особому. Не вышел из тайги весной, в конце сезона на соболя и белку. Что с ним случилось, так никто и не узнал.

В мать Тамара не только телом, но и характером. Спокойная, рассудительная. После восьмого класса пошла работать на звероферму и заочно поступила в техникум. Замуж вышла рано. Сначала с Анатолием жили так, потом расписались, когда родилась старшая дочь. Для их деревни это обычное дело. Многие парни вообще не женились, если до них у девушки никого не было. Дескать, если она никому не нужна, то мне зачем. В начале девяностых звероферму закрыли, и Тамара осталась без работы. Здесь и пригодилось то, что по паспорту она ханты. К тому же с техникумовским образованием.

Прежде малочисленная деревенская администрация в те годы стала стремительно разрастаться. Появилось с десятков различных должностей, в том числе специалиста по работе с коренным населением. Районный бюджет позволял – не все нефтяные деньги стали уходить наверх. Как затем оказалось, временно, до Путина. А года два назад деревню включили в новообразованное сельское поселение. В администрации оставили трёх человек, и она теперь называется отделом. Тамарину должность не сократили – в деревне добрая половина ханты.

С Сашкиной сумкой «Рита» Тамара идёт к аэроплощадке. То, что на дворе май и начались белые ночи, ничего ещё не значит. Ночью был ноль, и сейчас холодно, пришлось надеть куртку с капюшоном. Но это даже хорошо, не потечёт оленина в сумке. Вообще-то май самый лучший месяц. Без морозов – и комаров с мошкой ещё нет.

– Здравствуй, Тамара Ефремовна. Ты куда это собралась? – В голосе встречной Лыткиной преувеличенное удивление. Чёрные глазки сметливо бегают.

Тамара ставит тяжёлую сумку на землю, растирает ладонь со следами врезавшихся ручек.

– В Усть-Сабун надо, внуков ещё не видела.

– Выписали уже? – продолжает радостно удивляться Лыткина.

– Пора, месяц в боксе продержали. Двойня, роды тяжёлые.

Лыткина смеётся:

– Ты у нас теперь богатая бабушка! У старшей дочери дети, теперь у младшей... То ни одного, то сразу двое! Хорошо, сразу отмучается, может больше не рожать. Демографическую проблему в масштабах семьи решила!..

Говорить, что при искусственном оплодотворении двойня не редкость, Тамара не хочет. Вроде как тень на зятя. Она только молча улыбается и кивает головой.

– Как твои нижевартовцы поживают? – продолжает задавать вопросы Лыткина, не хочет Тамару отпускать. – Всё нормально? Оба работают? Сейчас с работой даже в городе проблема. А попробуй детей в детский сад устрой! Племянница звонила, сто сорок седьмые на очереди, три года ждать...

Лыткина любит поговорить, но на этот раз Тамаре кажется – неспроста. Она рассказывает, что перебравшаяся из деревни в Нижневартовск семья старшей дочери устроилась неплохо. А сама думает, не метит ли Лыткина на её место. Лыткина она по мужу, а так ханты, окончила институт, кандидатура подходящая. Работает в школе, но, говорят, с первого сентября будут объединять начальные классы, первый с третьим, второй с четвёртым. Две учительницы окажутся лишними. Может, Лыткина ищет запасной аэродром.

– Ладно, побегу, а то билета не достанется.

– Сегодня боинг или вертолёт?

– Дак четверг, вроде боинг.

– Тогда достанется! И тошнить не будет, ветра нет.

Тамара отвечает на «здрасьте» редких встречных, дышит пахнувшим холодной хвоей воздухом, смотрит по сторонам. Привычно отмечает, дворы у ханты не такие, как у русских. В русских теплицы, грядки, а хантыйские пустые, с полегшей прошлогодней травой. Многие даже не огорожены. На одном из подвожий, громко стукнув дверь, появляется заросший растрёпанный парень, делает несколько неуверенных шагов. Увидев Тамару, круто, едва не свалившись, поворачивает назад, скрывается в доме. Тоже привычно. Аборигены её побаиваются, пьяными стараются на глаза не показываться. Ведь в случае чего обращаться приходится к ней.

С хантыйскими подворьями ясно, люди привыкли жить лесом и рекой. Но раньше можно было ягоду, кедровый орех, другие дикоросы и рыбу сдать заготовителям. А сейчас тем невыгодно в их глухомань ездить. Пушнину тоже продать тяжело. И по безработице хантам уже не платят. Конечно, можно жить на стойбище, разводить оленей. Нефтяники до их мест пока не добрались, экологию не испортили. Но попробуй заставь молодёжь. Она выросла в интернате, тянется к нормальной жизни, а в деревне работы нет, молодёжь спивается, бичует. Так и получается, от одного ханты ушли, к другому не прибились.

Тамара даже не вздыхает. Привыкла.

В кармане куртки играет мобильник. На дисплее Викторовна. Удобная всё-таки штука, мобильник, с ним всегда на связи. Ещё недавно было странно видеть человека, который идёт по улице и сам с собой разговаривает, – крыша, что ли, поехала? Сейчас нет.

– Чего, Маш?

– Слушай, что в соннике про уток пишут. – И подруга принимается монотонно читать: – Приснившиеся вам утки в чистых водах реки предвещают счастливые путешествия, морские поездки. Если белые утки бродят по крестьянскому двору, сон сулит процветание вашему дому и большой урожай...

– Самое оно. Насчёт морских поездок и большого северного урожая.

– Подожди ты, слушай дальше! Охотиться на уток – предвестье резких перемен в осуществлении ваших планов. Если на охоте утки были подстрелены, сон предвещает вмешательство недоброжелательных людей в ваши дела... Я тебе говорила, опасайся Лариску! Ты всё на Сашкину совесть надеешься.

– Ладно, Маш, потом, – говорит Тамара и хочет отключить мобильник. И так на душе из-за сна хреново.

– Подожди, здесь хорошее есть! Ага, вот. Если видите уток летящими, судьба улыбнётся вам. Возможен счастливый брак, рождение прекрасных детей или новый дом.

Это лучше. Но Тамара не просто утку видела, та топила её. И настойчиво так, злобно. До сих пор Тамара чувствует болезненную хватку клюва на затылке.

– Больше ничего про уток нет?

– В этом соннике нет, я в других посмотрю.

– Ты с Полиной Николаевной поговори, пусть по свечке и блюдечку погадает.

– Да помню я, помню!..

Окраина деревни. За последними домами и кедровой гривкой угадывается пустое пространство взлётного поля. На бревенчатом здании хантыйского музея, где Тамара вчера принимала сделанные дедом Каминным экспонаты, замок. Не торопятся девчата на работу. И осуждать их тяжело – обеих увольняют по сокращению штатов. Раньше предполагалось на базе музея открыть мастерскую по изготовлению поделок из бересты и бисера – всё-таки аборигенам работа. Специально прилетали телевизионщики из города, районная газета много писала. Но что-то там не сложилось. Похоже, опять проблемы с финансированием. Это в районе, который добывает каждую пятую тонну нефти в стране. Или как там, баррель.

– В Багдаде всё спокойно! – рапортует через забор Рогожников и прикладывает ладонь к вязаной шапочке. Выражение лица у него придурковатое.

Это ещё не старый мужчина с коротким крепким телом. Он выглядывает из теплицы с запотевшими стёклами, она у него капитальная, отапливается. А чего не отапливать, Рогожников лесник, дрова и транспорт для него не проблема. Первые огурцы и помидоры в деревне у него. Сначала Тамара думала, Рогожников заигрывает. Оказывается, нет, он со всеми работниками администрации так здороваются.

– Почему в Багдаде? – спрашивает Тамара то, что давно хотела спросить. – Мы в деревне живём.

Рогожников ухмыляется.

– Неужели фильм не смотрела?.. Посмотри, советую. Название забыл, там один старик всё время такие слова говорит. Власть его уважала. До восьмидесяти лет старик дожил, башку не отрубили!..

И Рогожников щурится, то ли ласково, то ли с издёвкой. Станный человек, мутный какой-то. В деревне он не так давно, перевёлся откуда-то с большой земли. Говорят, там у него были проблемы. У такой язвы будут. Ты власть не люби, но Тамара-то здесь при чём?

Уже видно, как по взлётной площадке разъезжает машина с цистерной и поливает утрамбованную землю. Это чтобы не было пыли, полагается по инструкции. От пыли лётная техника быстрее выходит из строя, Тамара знает, не зря столько лет была женой заведующего аэроплощадкой. То, что поливалка на взлётном поле, показатель: рейс состоится, боинг уже вылетел из города.

Тамара торопится в избушку из соснового бруса – здание аэропорта, где находится касса. Если бы даже не знала, что Анатолий на месте, это можно было бы понять по «Тойоте», машина стоит рядом. До аэроплощадки Анатолию ходьбы три минуты, но он ездит, а как же!.. Наверно, уже выписывает билеты. Неужели не оставил?

Народа в комнате, она же зал ожидания, всего несколько человек. Это Тамару немного успокаивает. Настоящий бум начнётся летом, когда бюджетники станут разъезжаться в отпуска. Вот когда Анатолий в деревне царь и бог. Все перед ним прогибаются, даже администрация. Но и теперь надо быть начеку. Человек поступил подло, понимает это, но вместо того, чтобы исправиться, начинает гадить. Обычное дело.

– Выписывает? – Тамара показывает головой в сторону комнатки с открытыми дверями, где рация. Там же сидит Анатолий.

Ей кивают. Среди пассажиров Тамара замечает в прошлом продавщицу рыб-

кооповского магазина, а ныне пенсионерку и авторитетную гадалку Полину Николаевну. Удивляется (тоже улетает?..), но мимолётно, не до того. Заходит в кассу-диспетчерскую-кабинет, достаёт из куртки паспорт и молча кладёт на стол. Так же молча садится – не стоять же перед бывшим мужем. Хорошо хоть мандавошки этой нет, его жены. Анатолий оформил её кассиром, но занимается билетами в основном сам. Та больше сидит дома с детьми.

Бывший муж, увидев Тамару, делает постное лицо. Чего, казалось бы, проще, возьми ручку и выпиши билет, а он тянется к микрофону, чем-то щёлкает в рации, вызывает борт. Говнитесь, показывает власть. Сейчас-то ничего, Тамара уже может спокойно его видеть, у неё Сашка, да и время прошло. А сначала было очень обидно. Прожили двадцать лет, трое дочерей – и пожалуйста, снюхался с молодой девкой, присланной в клуб методистом. Тамара достаёт портмоне, отчуждённо спрашивает:

– Сколько теперь?

Но Анатолий продолжает ломать комедию, делает вид, будто не слышит. Экипаж на подлёте, ответил, а он с умным видом всё не выпускает микрофон из рук.

– Сколько билет стоит, спрашиваю?

Анатолий наконец переводит на неё глаза, называет сумму.

– Ого! – вырывается у Тамары. Ей давно не приходилось летать, с прошлого ноября.

– А чего хочешь, керосин дорожает, – быстро отзывается Анатолий.

Тамара усмехается. Решил, её удивление вроде как сигнал, приглашение к нормальному разговору. Нет уж, ей этого не надо. И о Наташке и внуках ничего не скажет, если он спросит.

Но Анатолий не спрашивает. Почувствовал, видимо, её настроение. Может, и не собирался. Тамара забирает билет, паспорт, сдачу. Старается проделать это так, чтобы не было заметно досады. Не спросил, скотина!..

Самолёта ещё не слышно, и в первой комнате, служащей залом ожидания, Тамара заговаривает с Полиной Николаевной. Мелькает быстрая мысль, может, успеют ещё пойти к ней домой, погадают?.. Но тут же от этой мысли отказывается. Поздно, боинг ждать не будет. Полина Николаевна летит в город жаловаться на цех ЖКХ. Она купила тепловой счётчик, десяток экземпляров оббежала, а здесь всё волюнты, не хотят врезать. Ещё бы, цеху невыгодно, по счётчику платить выходит меньше. Обнаглели.

Тамара смотрит на расстроенное лицо всё ещё подводившей глаза и губы Полины Николаевны и думает, что у неё впереди такие же проблемы. Тепловой счётчик в доме не установлен, а пенсия это не зарплата работника администрации. Ещё Тамару томит и смутно удивляет сознание, что обычная с виду женщина может обладать такими способностями. Всю жизнь Полина Николаевна простояла за прилавком и не подозревала о них. Неужели и с ней возможно что-то похожее? Может, тоже есть необычные способности, просто Тамара об этом не догадывается?.. И как, наверно, интересно и страшно знать то, чего не знают другие.

Боинг – отдельная песня. Так в деревне прозвали двенадцатиместный АН-2. Он прилетает раз в неделю, и билеты на него дешевле, чем на вертолёт. Компенсация за страх и неудобства.

Сидеть в боинге, когда он на земле, приходится мало того что в тесноте, так ещё перекобачившись, подавшись телом в сторону пилотской кабины – она над передними шасси, которые намного выше заднего, хвостового. В колени крупной Тамары упираются ноги сидящего на противоположной лавке мужчины. И не раздвинешь колени, чтобы не давил, не пустишь его ногу между своими, не так поймёт. В салоне боинга полутемно. Салон – слишком шикарное название для узкого низкого пространства. Как в гробу, думает Тамара и пугается сравнения. Не нравится ей и то, как ведут себя оба лётчика, слишком весёлые. Господи, долететь бы!..

Особенно ненадёжным самолёт кажется в воздухе. Ничего не стоит рассыпаться хлипкой конструкции, под которой сотни и сотни метров пустоты. Тамара представляет эту жуткую пустоту, на дне которой голые рогульки деревьев, обширные болота, сверху похожие на куски замши, сосновые и кедровые гривы с сохранившимся кое-где снегом – и кожу на Тамариной голове сводят мурашки. Сколько не сглатывай, не помогает, уши напрочь заложены. Двигатель гремит так, что не слышно собственного голоса. Когда весёлые лётчики закладывают вираж, Тамара, которая не знает, что такое морская болезнь, начинает шарить рукой в поисках пакета. Хорошо ещё, нет ветра, не болтает. Иначе точно бы все обрыгались.

В Усть-Сабуне Тамара выбирается из АН-2, словно выпила. Слава тебе, господи! Сашкину сумку она едва не волочит по земле. Клянётся, что никогда больше на боинге не полетит. С какой, спрашивается, стати сорвалась, страха натерпелась?! Подождали бы внуки, вертолёт через два дня.

Тамару встречает зять Василий. Прямо у самолёта он перехватывает сумку и сочувственно интересуется:

– Всё нормально, мама?

Зять на Севере давно, но хохляцкие привычки и некоторые слова сохранил. В том числе «мамо», когда обращается. Василий чернявый, с усиками, Тамара долго не могла понять, кого он ей напоминает. Пока наконец не вспомнила – писаря на картине «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Постриги ещё под горшок – копия! Похож не столько усами, сколько понимающим, лукаво затаённым выражением лица. Зять в самом деле человек непростой. Когда другие в геолого-разведочной экспедиции месяцами сидели без зарплаты и гадали, что будет дальше, Василий уволился, взял в банке ссуду и открыл рыбокопильный цех. Места-то здесь рыбные. И вроде ничего, дела идут неплохо. Даже детей с Наташкой родили, хотя сейчас на это не каждые молодые решаются.

Посёлок Усть-Сабун, конечно, не Тамарина деревня, но и не город. Простоты здесь тоже хватает. Свою пропахшую рыбой «Газель» Василий подогнал почти к боингу. Он ставит сумку в машину и распаивает перед Тамарой переднюю дверцу.

– Садитесь, мама.

– Уф! – выдыхает Тамара. – Подожди немного, дай на земле постоять. – Но

тут же поворачивает к зятю озабоченное лицо. – Как у Наташки с молоком? Хватает на двоих? Или прикармливаете? Всё нормально?

Перед самым вылетом она звонила дочери, Наташкин голос ей не понравился. Вроде как что-то скрывает.

– Прикармливаем. Они хорошо детские смеси едят, в больнице привыкли.

– А с весом как?

– Почти набрали.

– Грудь берут?

– Наташа потом даёт. Тоже едят.

Тамара смотрит, как боинг, высадив в Усть-Сабуне часть пассажиров и взяв новых, разгоняется, чтобы лететь дальше. Его двойные крылья похожи на полки для посуды, одна длиннее, другая короче. Ни за что больше не полетит на нём!.. Полина Николаевна осталась внутри, ей в город. Жаль, не получилось у них погадать.

– Ну что, поехали?

Василий кивает и садится за руль. Тамаре кажется, с прошлого раза весёлого лукавства в его лице поубавилось. Озабоченное оно какое-то, словно зять о чём-то постоянно думает. Тамара успокаивает себя, с этим сном про утку ей теперь везде будут мерещиться неприятности. Выкинь из головы.

Едут минут пять, но Тамаре кажется, дольше. Наверно, потому, что по пути встречаются машины, а на тротуарах видны люди. Тех и других не так много, но всё равно не деревня. У них если машины кто и покупает, то в основном для выпендрёжа, взять того же Анатолия. Ездить особо некуда, зимник работает, дай бог, месяца три в году. Зима вроде длинная, но пока его проложат, ледовые переправы наморозят, то да сё. Основная связь с большой землёй по воздуху, «Антонин Зырянов» тоже давно не ходит. А из Усть-Сабун до города дорога круглый год, бетонка. Цивилизация.

Неподалёку от Наташкиной двухэтажки Тамара замечает ряды голых берёзок, привязанных к косо воткнутым палкам. В лунке вокруг каждой торф. На фоне песка, который в Усть-Сабуне всюду, тёмный торф бросается в глаза.

– Что, парк у вас решили сделать?

– Вроде того.

– Ещё бы, теперь вы центр сельского поселения! Все деньги у вас. Куда хотите, туда направляете!..

Говорится это с полушутливым укором, мол, средства до деревень доходить не будут. Но зять тон не поддерживает, не начинает со смешком, с улыбками защищать поселковое начальство. Скучно роняет:

– Всё равно коровы сожрут.

– Ты радоваться должен, будет где с детьми гулять. А ты – коровы!..

Тамара поворачивает к зятю лицо. Обычно весёлый, остроумный, он за словом в карман не лезет. Сейчас молчит. Или случилось что-нибудь и от неё скрывают, или зять просто не высывается. Всё-таки двое грудников.

– Поселение... – говорит, тормозя у подъезда деревянной двухэтажки Василий. – Ещё бы зоной назвали. Реформаторы...

И это опять странно.

Тамара не раз представляла, как возьмёт на руки двойняшек, зареется лицом в пелёнки, вдохнет сладкий детский запах. Верно говорят, к внукам отношение

особое. Когда свои дети растут, сама ещё молодая, много других интересов, да и работа, хозяйство. Срывалась на дочерей, иногда не по делу. Двойняшек Тамара ещё не видела, но уже любит. Любила даже тогда, когда они не родились. Это правда, для внуков надо созреть.

– Ну, где они, показывай! – заявляет она в прихожей, едва сняв куртку.

Наташка делает большие глаза, прикладывает палец к губам.

– Тс-с-с... Спят.

Она молодец, не опустилась, как бывает с кормящими мамочками. В аккуратном халате, причёсанная. Не поцеловала, а приложила, как в американских фильмах, свою щёку к Тамариной, чмокнула воздух. Молодёжь, у них так теперь принято.

– Ну хоть взглянуть, – тоже переходит на шёпот Тамара.

Наташка манит её за собой, осторожно открывает дверь в комнату, оглядывается и ещё раз прижимает палец к губам.

– Тимка такой чуткий, от малейшего звука...

Дети спят в одной кровати, но места в ней всё равно ещё много. Личики уже разгладились и не красные, нормальные, оба тихо посапывают. Шторы в комнате задёрнуты, полумрак и тишина.

– Господи, – шепчет Тамара, на глазах у неё слезы. – Господи...

Нежность и жалость рвут сердце. Только родились, а уже в боксе с кислородом лежали, капельницы ставили в эти маленькие ручки, иголками истыкали, бедные мои... Но она справляется с собой.

– Тимка? – едва слышно спрашивает, показав на завозившегося и недовольно сморщившего круглое лицо ребёнка.

– Нет, Анжела... – Наташка на цыпочках тянет её к двери. – Насмотришься ещё, пошли...

Всё-таки она молодец. Двое грудников, а сумела к материному приезду накрыть стол. Через несколько минут они втроём уже на кухне, зять наливает Тамаре полную рюмку.

– А себе?.. Наташка ладно, кормит, а ты чего скромничаешь? Наливай!

Молодые переглядываются, дочь вступает за мужа:

– У него ещё дела, не надо его заставлять... Ну, мам, с приездом.

Тамара молча смотрит на Наташку, потом на зятя, выпивает. Нет, что-то не так. Василий раньше никогда не отказывался поддержать компанию. Ситуацию сглаживает подарок. Дочь на минуту отлучается из кухни, возвращается с небольшим глянцевым пакетом на золотистом шнурке.

– Мы не смогли вовремя подарить, ты не обижайся... С юбилеем, мамуля! Чтобы ты ещё пятьдесят лет прожила нам на радость.

На этот раз Наташка целует по-настоящему. Целует, крутя ус и шутливо подмигивая, зять. Раскрасневшаяся Тамара смеётся. Всё-таки хорошие они у неё. Старшая дочь только позвонила, средняя вообще не поздравила, та в Ханты-Мансийске живёт, а эти... Не подарок дорог, внимание. Однако на мгновение Тамара становится девчонкой, ей хочется узнать, что в красивом пакете. Но лезть в него сразу она считает неприличным.

– Нет, ты посмотри, посмотри! – настаивает дочь. – Вдруг не понравится.

Тамара, неловко посмеиваясь, уступает. В пакете продолговатый конверт.

Уже догадываясь, что это деньги, Тамара достаёт его, открывает. Какая-то несерьёзная, похожая на фантик разноцветная бумажка, внизу надпись: 50 евро. О существовании евро Тамара знает, но ни разу не видела, только слышала, что они дорогие.

– Мы подумали и решили, – говорит дочь, – ты сама себе купишь, что надо. А то купим, а тебе вещь ни к чему. Правильно? Только деньги зря переводить. Или отложишь, мало ли, пригодится.

Наташка младшая, но самая толковая из дочерей. Окончила институт, удачно вышла замуж, до декрета работала экономистом у нефтяников. Если считает, что это хороший подарок, значит, так и есть.

– Обратите внимание, мамо, – поддерживает зять, – у вас пятёрка с нулем и здесь пятёрка с нулем. Наше пожелание, чтобы вам дожить до пятёрки с двумя нулями!

Тамара машет на него рукой

– Не надо, не надо! Я уже не та сейчас, а дальше так вообще!..

– Не прибедайтесь, мы вас ещё замуж выдадим.

По-настоящему посидеть не удаётся. Во время еды Василий поглядывает на часы. Вскоре говорит, что ему пора. Едва он уходит, подаёт голос двойняшки. Оставив Наташку убирать со стола, Тамара спешит в комнату.

Вот когда она отводит душу. Ласково приговаривая, разворачивает пелёнки, меняет памперсы, осторожно, нежно гладит под распашонками маленькие худенькие тельца, берёт внука и внучку на руки, принимается расхаживать с ними по квартире. Врёт Василий, не набрали они ещё своего веса. Руки всё прекрасно помнят, уверенно держат двойняшек, будто и не прошло столько лет, как нянчили дочерей.

– Как у тебя хорошо получается. – Наташка стоит в дверях, с улыбкой наблюдает за ней. – Я первое время боялась. Такие маленькие...

– Ничего, мамка, вырастим. Правда, Тимофейка, правда, Анжелка?.. Кормить когда будешь?

– Я поставила подогреть.

– Смеси? Может, сначала грудь дашь? Материнское молоко полезнее.

Дочь отводит глаза.

– Что молчишь?

– Молоко пропало, – после паузы отвечает она.

– Почему? Давно?

– Уже неделя.

Дочь уходит на кухню и не появляется. Тамара с детьми на сгибах обеих рук идёт следом.

– Почему пропало?

– Ты сядь, – говорит Наташа и трясёт бутылочки, взбалтывает подогретые смеси. Наконец решается. – Думаешь, куда Вася поехал?

– Куда – работа, наверно. А что?

– Если бы работа... В город, к прокурору. Цех у него хотят отобрать. Рейдеры. Слышала про таких?

С Линой Кулызиной Тамара училась в техникуме. Вообще-то она Сталина, Линой стала позже. В их техникумовской группе Кулызина была старостой. Это словно про неё сказано: комсомолка, спортсменка и просто красавица.

Ну, красавица не красавица, а то, что была в группе зоотехников самой активной, точно. Организовать для заочников культпоход, выступить на собрании, купить подарки преподавателям – это Сталина. Одно время Тамара была у неё в подчинении. Кулызина тогда заведовала коопзверопромхозом, в состав которого входила и звероферма в Тамариной деревне. Во время перестройки Кулызина прошла в депутаты, потом работала где-то в городе, и вот недавно её избрали главой сельского поселения. Так что опять она Тамарина начальница. К ней Тамара и пошла на следующий день.

Лина Степановна встретила приветливо. Заметила её в приёмной и сразу пригласила в кабинет:

– Заходи-заходи. Работников администрации я принимаю без очереди. Тем более из отдалённой деревни. – Это говорится для остальных, ожидающих в приёмной. – Валя, чаю нам.

Как меняешься сама, почти не замечаешь, а в других перемены бросаются в глаза сразу. После того, как Тамара видела Кулызину в последний раз, та погрузнела, щёчки оплыли, кожа на шее дряблая, как ни прикрывай крупными бусами. Ну, так бывшая однокурсница и старше. А вообще-то, видно, что следит за собой. Волосы осветлены, макияж, причёска.

– Слушай, мне сказали, ты увольняешься, – говорит Лина Степановна и на мгновение приостанавливается, это уже в кабинете, удивлённо смотрит на Тамару. – Правда, что ли?

– Пока в отпуск...

– Не глупи. Сейчас в госструктуры даже из бизнеса рвутся. Теперь не девчонские, всё поменялось. Лучше зонтика, чем госслужба, нет. Ты подумай, ты хорошенько подумай!..

Тамара из уважения соглашается:

– Подумаю.

Отпивая из чашек, женщины принимаются вспоминать знакомых по техникуму и коопзверопромхозу, кто где чем занимается, сколько детей и внуков. Некоторых уже нет в живых, другие вышли на раннюю северную пенсию или уехали на большую землю. Лина Степановна знает о многих, не то что Тамара в своей деревне. В общем, ностальгируют.

– Ты ко мне по делу?

– Даже не знаю, как сказать...

Вот оно. Тамара подбирается, отводит глаза, передвигает чашку на невысоком приставном столике, за которым они расположились.

– Говори как есть. – Лина Степановна улыбается и тут же убирает улыбку с лица, будто её и не было.

Это умение всегда озадачивало Тамару. На совещаниях в коопзверопромхозе Кулызина могла кому-нибудь улыбаться, потом улыбку мгновенно будто выключала, смотрела серьёзно, холодно. Словно отодвигала человека, говорила, что её

улыбка ничего ещё не значит. Тамара одно время пыталась копировать начальницу, но у неё получалось неважно.

– У зятя неприятности. Он предпринимательством занимается, рыбокопильный цех, слышала, наверно... – И Тамара рассказывает то, что узнала от Наташки и Василия.

В феврале в цехе появились двое незнакомых мужчин, по виду не местные. Василий подумал, что хотят заключить договор или на поставку рыбы, или на приобретение продукции – обычное дело. Повели себя мужчины странно, сначала попросили показать цех, однако это Василия не насторожило. Когда вернулись в кабинет, предложили продать бизнес. Василий засмеялся, продавать цех ему даже в голову не приходило, столько труда вложено, да и прибыль нормальная. Покупатели не хамили, не угрожали, посоветовали не торопиться, подумать, они позвонят.

После их визита в цех зачастили с проверками. Районная санэпидстанция, пожарные, налоговики, технадзор... Раньше Василий со всеми жил дружно, сейчас выяснилось, что в цехе множество недостатков. В конце концов санэпидстанция заставила остановить производство. Деньги на счетах закончились, банк перестал давать кредиты, магазины нашли других поставщиков. В это время Василию и позвонили. Опять предложили продать цех, но сумму на этот раз предлагали смешную. А на днях ещё хлеще. Приехали крепкие ребята, вытолкали охранника, заняли кабинет Василия, опечатали сейф и отключили компьютер. Когда прибыла соснинская милиция, старший показал решение суда об удовлетворении материального иска поставщика рыбы. Всё как полагается, с печатью, с подписями. Василий клянётся, никто из поставщиков в суд на него не подавал.

– Да, мне уже говорили. – Лина Степановна кивает. – Спор хозяйствующих субъектов.

– Какой спор, Сталина?! Отобрать цех хотят, не мытьём, так катаньем. Там одного оборудования на четыре миллиона, зять до сих пор с банком не расплатился!..

Кулызина несколько секунд молчит.

– Ему нужно найти хорошего адвоката.

– Так он уже несколько раз ездил в город к прокурору!..

– И что?

– Говорят, ждите.

Лина Степановна громко, искренне удивляется:

– Чего вам беспокоиться, скажи на милость? Прокуратура солидный орган, разберутся! Понимаю, была бы ещё нефтяная фирма, там бизнес отбирают серьёзные люди. А здесь шелупонь какая-нибудь, не те силы!..

Тамара решается:

– Ты не могла бы помочь?

– Как ты себе это представляешь? – Лина Степановна выключает улыбку, её лицо становится чужим.

– Ну, ты глава администрации, у тебя власть, милиция. И так повлиять можешь, позвони в город...

Тамара знает, как решаются вопросы в их деревне, уверена, здесь круче. У администрации сельского поселения больше возможностей.

– Ты ещё советские времена вспомни! Это тогда звонками всё решалось. Те-

перь не так, теперь демократия... – И снисходительно, как неразумному ребёнку, Лина Степановна принимается объяснять, что существуют три ветви власти, законодательная, исполнительная и судебная. Исполнительная не имеет права вмешиваться в деятельность ни законодательной, ни судебной. Не прежние времена, у каждой власти своя зона ответственности. Спор хозяйствующих субъектов, закон разберётся.

Тамара понимает, Сталина помочь не хочет или не может. Но выработанный годами инстинкт подчинённого человека заставляет опустить голову и кивать, как бы даже каясь. Действительно, как сама не сообразила. Ей неудобно, что беспокоила занятого человека, злоупотребила старым знакомством.

– Извини, – говорит она, поднимаясь. – Не буду отрывать тебя от дела. Вон сколько людей в приёмной.

– Ну что ты. – Кулызина поднимается тоже, провожает до дверей кабинета. – Я слышала, твоя дочь двойню родила? Передавай мои поздравления.

– Передам.

«Спасибо» Тамара не говорит.

Идти домой не хочется. Там ждёт Наташка, а что ей сказать?.. За благоустройство в Усть-Сабуне и в самом деле взялись серьёзно. В будущем парке с голыми берёзками женщины в комбинезонах с надписью на спинах «Жилищно-коммунальное хозяйство» насыпают торфяные клумбы, красят невысокий, городского вида забор из литого металла. На одной из сторон центральной улицы автокран вместо деревянного тротуара укладывает бетонные плиты. Стропальщики в оранжевых куртках машут рукавицами «майна», «вира» и налегают на троса, стыкуя плиты. В устье боковой улицы остановилась и смотрит на всё это пегая корова с такой же пегой нетелью. На мордах растерянное удивление.

– Вот и хожу за ними, жду, пока опорожнятся! – со смехом говорит пожилая женщина, почти старуха, но очень живая. В руках у неё ведро и совок. – А что делать, огород удобрять надо. Здесь голимый песок, сын торфа привёз, а его одного на такую землю мало!..

Эту женщину Тамара видела. Когда вчера вечером прогуливалась внуков в широкой двухместной коляске вокруг дома, та возилась на участке под окнами первого этажа. Женщина, видно, её тоже запомнила.

– Что, коров в посёлке много?

– Есть. Вот смотри, почти целое набрала. – Соседка показывает ведро со свежим навозом. – Говорят, стайки скоро сносить будут. Дескать, вид портят. А если семья к молоку привыкла, да к настоящему, а не из магазина? И зарплаты у всех разные. Здесь-то ещё рай, а у нас...

Соседка рассказывает, что сын перевёз её с большой земли. Цены там почти такие же, а пенсии намного меньше. Здесь к праздникам неработающим пенсионерам когда пятьсот рублей, когда тысячу подкинут, а в их краях и не мечтай. Одним словом, забота. Тамара внимательно смотрит на соседку. «Заелись мы, – думает она. – Всё нам не так. А вон как другие живут, в их бы шкуру!..». И волна благодарности к тому, что родилась на Севере, что здесь добывают нефть, что жизнь лучше, подступает к сердцу. И уже не таким обидным кажется нежелание Сталина помочь. Единственное, что смутно озадачивает, это то, что на улицах никто с ней не здоровается. Ну да, не деревня, здесь от неё ничто не зависит.

В квартире ор на два голоса. Наташка мечется между детьми, лицо у неё несчастное.

– Мам, не знаю, что с ними. Сухие, накормленные, а... Ты руки после улицы помой.

Она права, но слышать замечание неприятно. Тамара молча идёт в ванную, не спеша берёт мыло. В деревне руки особенно не моют, а дети вырастают здоровые и молоко у матерей не пропадает. Однако надолго Тамары не хватает. Вытерев ладони, спешит в комнату, берёт заходящегося багрового Тимку, принимается расхаживать с ним по квартире, укачивает. Держит внука так, чтобы тот животиком был прижат к её телу. Показывает глазами дочери, делай то же с Анжелой.

– У них животы в этом возрасте болят. К тому же на смесях растут, не на материнском молоке.

Наташкины глаза наливаются слезами.

– Я что, виновата?..

Тамара не торопится её успокаивать. Пусть знает, как делать матери замечания. Наконец дети засыпают. В таком возрасте они почти всё время спят. По Наташкиному лицу видно, ей не терпится спросить, чем закончился поход в административную. Тамара коротко пересказывает разговор с Кулызиной. Дочь опускает голову, какое-то время сидит молча.

– Ты не говори, что ходила просить. Вася не любит.

Может, Наташка и права, что так за мужа переживает. Дети вырастут, разъедутся, а хороший муж на всё время. Да и на что жить, если Василий не будет приносить денег. Тамара смягчается:

– Пойди поспи пока.

– Я борщ варить поставила.

– Я доварю.

Дочь уходит в комнату к двойняшкам, а Тамара снимает с кастрюли крышку, выуживает из борща ломтик картошки. Дует в ложку, пробует. Ещё сырая, пусть покипит. Она набирает номер Сашкиного мобильного, слушает гудки. Наконец Сашка отзывается.

– Ты чего не звонишь? Вчера молчал, сегодня молчишь. Спишь, пожарник?

– Скажешь тоже. Проверка у меня. Документация там, материальная часть...

– Чего это вдруг? – Тамара озадаченно поднимает брови. Проверки пожарного депо вроде не намечалось, она бы знала.

– А хрен поймёт. Из города комиссия.

– И как?

– Вроде нормально.

– Ладно, – говорит Тамара. Ещё одна забота, ломай теперь голову. – Про парник не забыл? Огурцы поливаешь?

– Сегодня полью, ничего с ними не случится.

– Саш, ты это брось! Они сейчас нежные, погибнуть могут. Навоз внизу горит, температура...

– Я не могу разговаривать, потом перезвоню.

Тамара отводит от уха мобильник. Сашка глуповат, не понимает, с внеплановыми проверками просто так не приезжают. Ей стоило труда уговорить заведу-

ющую отделением назначить его начальником пожарного депо. Конкина у них ни рыба ни мясо, если на неё начнут давить, отстаивать не будет. Пожарное депо только название, всего одна машина, но должность хорошая, бюджетная зарплата, соцпакет, желающие всегда найдутся. А у Сашки нет специального образования. Ну, окончил пожарную учебку в армии. Теперь этого мало, дети начальства позаканчивали институты, их нужно трудоустроить...

Тамара набирает номер Конкиной. Разговор начинается вроде как с шутки:

– Ань, ты на моё место никого не взяла? А то смотри, я, может, ещё передумаю.

– Внуки уже надоели? – бесцветным голосом отзывается заведующая отделением. Тамара никогда не видела Конкину вышедшей из себя. Чтобы ни случилось – авария на котельной в самые морозы, убьют кого-нибудь, ханты по пьянке дом спалят, – Конкина всегда спокойна.

– Ну что ты, как эти солнышки могут надоесть!.. – Тамара на время обо всём забывает, делится своим счастьем. Но здесь же и мысль: Конкина должна понимать её положение, сама скоро станет бабушкой, сын недавно женился. И вообще проникнуться к ней и расположиться. Как бы между прочим интересуется, что за проверка у Сашки.

– Не знаю, – отвечает Конкина. – Прилетели, попросили показать пожарку. Я отвела...

Тамара представляет лицо начальницы. На нём постоянно написано: не трогайте меня. Вот именно, не мешайте получать мою большую зарплату!.. Удивительный человек. Умудряется ни с кем не конфликтовать, но и не берёт ничего на себя. Удобна для начальства, потому и поставили заведовать отделением – никто не пишет на неё, не жалуется, не надо разбираться. Раньше Конкина директорствовала в школе, говорят, такой же была. Ни богу свечка, ни чёрту кочерга. Ничего больше не выяснив, Тамара с досадой отключает мобильник.

В начале их совместной жизни Сашка как-то заявил: «А чего мне здесь ловить? В случае чего, ноги в руки и до свиданья. Классные отделочники везде нужны». Похоже, не шутил. В деревне он появился прошлым летом вместе с бригадой строителей. Тамару назначили курировать их работу – дом строился для хантйской семьи, на бюджетные средства. Там она Сашку и увидела в первый раз. Молодой улыбчивый мужик с яркими голубыми глазами, он однажды спросил: «А в гости к вам, Тамара Ефремовна, прийти можно?» Тамара попробовала отшутиться: «Нашёл к кому в гости ходить. Вон сколько молодых вокруг!» – «Э, они не такие». – «Чем же это я лучше?» – «Вы серьёзная женщина. Положение у вас». – «Смотри какой!.. Да у меня зятя такие, как ты». – «Ну и что?»

Казалось бы, пошутили и забыли. Но Сашка в самом деле явился вечером с бутылкой. Его прямотушие развеселило Тамару. Не то чтобы она поставила на себе крест как на женщине, но не с таким же молодым!.. Однако в тот же вечер всё и произошло. Через несколько дней Сашка перебрался к ней из интерната, где бригаду разместили до начала учебного года. А потом Тамара его устроила пожарным, недавно – начальником депо. Прост-то Сашка прост, но понимает, наверно, как от неё зависит. Должен понимать.

«Блин! Да я же увольняюсь!» – вдруг вспоминает Тамара. И эта мысль бьёт по голове, будто поленом.

Она едва дожидается, когда встанет Наташка. Но сразу о своём желании не говорит. Терпеливо смотрит, как дочь уходит в ванную, слушает звук воды из крана. На кухне Наташка появляется посвежевшая, волосы на висках слиплись от воды.

– Вася обедать придёт?

– Не знаю, мам. Может, опять в город поехал.

– Тогда садись, поедим.

Пообедав, Тамара говорит:

– Ты вроде пасьянсами увлекалась. Не забыла ещё?

– Да нет. А что?

Тамара рассказывает ей про сон с уткой. Ещё об одной вещи, на которую хочет получить ответ, она не говорит. Дочь становится оживлённой, в глазах появляется интерес:

– Я знаю лучше, чем пасьянс. Есть такая китайская Книга перемен, по ней тоже гадают.

– Китайская?.. – Тамара в сомнении поднимает плечи.

– Не бойся, это не китайские шмотки. Там шестьдесят четыре варианта, в каком-то из них ответ. Кстати, в молекуле ДНК тоже шестьдесят четыре составляющие.

– Ладно, давай.

Наташка приносит книжку, три монеты, листок бумаги, ручку. Тамара с усмешкой наблюдает за приготовлениями.

– Значит, так. Бери копейки, трясги в ладонях и бросай на стол. Если орлов выпадет больше, чертим одну сплошную линию. Если больше решек, чертим пунктир... Ты не смейся. Сосредоточь мысли на своём вопросе.

Попытка не пытка. Только с чего начинать – с утки или как повернутся дела у Сашки?.. Усмехаясь, Тамара трясёт в ладонях монеты, рассыпает их на столе. Наташка внимательно смотрит на то, что выпало, делает пометки на листке бумаги.

– Так, ищем, – наконец говорит она и принимается листать книжку. Находит выпавший вариант и поворачивает книжку к Тамаре. – Читай.

«До самой земли склонилась ветвь дерева под тяжестью снега, но скоро она выпрямится и займёт прежнее положение. Обстоятельства ваши в данный момент можно назвать лишь умеренно благоприятными. Если поведение ваше будет отличаться умеренностью и сдержанностью, впоследствии вы станете хозяином положения...» И ещё несколько обтекаемых, не очень понятных фраз. Китайцы.

– Ещё раз можно?

– Подожди, сейчас я, – отвечает Наташка и принимается трясги монеты. Выпавший вариант она читает молча.

– Ну что?

– А, так себе! – Дочь легкомысленно машет рукой, и Тамара понимает, что выпало неприятное. Наташка успокаивает себя: – Вообще-то любое гадание это так, развлечение!.. Ещё раз тебе?

На этот раз Тамаре сообщается, что она ощущает дисгармонию. Назревает конфликт. Ей надо вести себя скромно и сдержанно и если бросят перчатку, не поднимать её. Пусть всё идёт своим порядком, тогда наступят мир и покой, и Та-

мара лишний раз убедится в том, что жизненные проблемы не только удручают, но и учат... В общем, поджечь хвост и не рыпаться. Но главное, Тамара не знает, какой ответ к чему относится. Когда она бросала на стол монеты, оба вопроса смешались в голове.

Через полчаса они кормят проснувшихся двойняшек. Дочь будет стирать детское бельё, а Тимку и Анжелу пеленают, укладывают в коляску и спускают со второго этажа во двор. Гулять с ними будет Тамара. На свежем воздухе дети сразу засыпают.

– Мам, – говорит Наташка, стягивая ворот халата под горлом, – ты обратила внимание, Анжела на хантыйку похожа? Лицо круглое, и смуглая.

– А чего удивляешься. Дед у тебя хант, гены должны сказаться... Ладно, иди, простудишься. Мастита ещё не хватало.

Соседка, которая утром собирала навоз, опять возится под окнами. Узкая полоса чёрной от торфа земли тянется метров на десять. Заметив Тамару, старуха выпрямляется.

– Убей бог, не могу без дела! – смеётся она. – Картошку дешевле купить, а я сажать надумала – всё занятие! Может, сына уговорю тепличку поставить...

И старуха рассказывает о том, что раньше у неё была забота, внуки. Сейчас выросли, в ней не нуждаются, а руки чешутся, делать чего-то хочется. Сын у неё хороший, невестка тоже, говорят, отдыхай, а она не может, всю жизнь работала. Пока здоровье есть, будет понемногу топтаться.

Тамара кивает, однако в ответ ничего не говорит, боится разбудить двойняшек. В самом деле, старуха сначала жила своей жизнью, потом жизнью сына, его детей, а сейчас вроде как и не для кого. Работа – желание занять себя, чтобы не чувствовать пустоты, своей бесполезности. Неужели и её, Тамары, тяга к Тимке и Анжелке оттого, что своя жизнь закончилась? Дочери и внуки вытеснили, они теперь замена её жизни, той, что настоящая, заняли место?..

От такой мысли Тамара перестаёт качать широкую двухместную коляску и останавливается. Нет, она не согласна! Она ещё сама жить хочет! Нет!..

– Ты гордая какая-то, – недовольно бросает старуха. – Слова от тебя не дождёшься.

Тамаре не до неё. Не отвечая, толкает коляску по деревянному настилу вдоль дома, уходит. Колёса то и дело съезжают с узкой деревянной дорожки на песок, проваливаются, грузнут, но женщина не замечает этого.

От открывшейся правды всё в ней оцепенело.

Не хочу, не согласна, сама ещё жить хочу!..

Василий появляется поздно, уже после ужина. Наташка уводит его на кухню кормить, и они там вполголоса о чём-то разговаривают. Судя по всему, весёлого мало. Тамара во второй комнате, где ей определили ночевать, смотрит телевизор, спать пока рано. Какое-то время спустя молодые подсаживаются к ней на диван, тоже начинают смотреть фильм. Оба молчат.

Фильм американский, у парня убили родителей и его же подставили. Ему приходится прятаться от полиции, одновременно собирая на убийц улики. К делу подключается ФБР, парня обложили со всех сторон, кажется, ему только и остаётся, что пойти сдать. Но он не идёт, с разных телефонов звонит помощнику окружного прокурора, рискует, убегает, в него стреляют. В конце концов

всё заканчивается хорошо. Помощник прокурора получает улики на убийц, один из них срывается с крыши небоскрёба, второй гибнет под машиной, суд присяжных парня оправдывает.

– Кино... – от долгого молчания или ещё от чего-то сипло говорит Василий.

– Одно не могу понять, откуда у американцев такой оптимизм? Что ни фильм, правда обязательно побеждает. Или в Штатах на самом деле так? Добиваются, доказывают своё? Государство так устроено, у них можно?..

– Ладно, Вась. – Наташка берёт мужа за руку. – Проживём без цеха.

Но тот уже не может остановиться:

– Я никому ничего плохого не сделал! Хочу только своим трудом зарабатывать! Головой, руками! А на меня смотрят, как... Хотя на стенку лезь, всё схвачено. Пустой дом какой-то, кричи не кричи – никто не отзовется! Я для них хуже бомжа. Путаюсь под ногами, жить мешаю...

– Ва-а-сь, – тянет Наташка и прижимает руку мужа к себе. – Ну, вернёшься в экспедицию, будешь там работать. Я на детей получаю, с голоду не помрём...

Зять выдёргивает руку.

– Не в этом дело! Я человек или скотина, чтобы со мной так?.. Налоги платил, что полагалось, делал! Почему такое отношение? Всё понимают, а делают вид...

– Он вдруг поворачивает отчаянно весёлое лицо к Наташке. – Может, взять ружьё и разобраться? Как в американских фильмах?..

Тут уже вмешивается Тамара:

– Брось фигню нести! Детей без отца оставить хочешь?.. Себе жизнь ломаешь и семье!

Василий замолкает. Хохол, старших слушается. Наташка тихо всхлипывает сбоку.

– Вот что, – говорит Тамара, – сегодня дети пусть у меня спят. Перевезём кровать в эту комнату. И давайте ложиться, поздно.

Пусть Наташка с мужем останутся вдвоём. Выспятся, и вообще, стресс снимат. В семейной жизни это бывает нужно. А то за нервотрёпкой, наверно, забыли, как это делается. Выпить бы ещё им.

И опять ей снится сон про утку.

Глухая старица, густая осока у берегов, ряска на открытых местах. Тамара и её жёлтые пушистые братья и сёстры пытаются нырять, радостно трясут хвостиками, крутят по сторонам головёнками. Всё вокруг такое яркое и интересное. На этот раз Тамара видит мать-утку. Она большая, сильная, родная. Крякает, напоминает об осторожности, говорит, что жизнь полна врагов. Тамара не думает об этом, её тянет к осоке, там мальки, она уже знает их сытный вкус. Из осоки неожиданно появляется чужая утка и бросается к Тамаре. За ней ещё одна и ещё, страшные, с раскрытыми клювами. В этих чужих утках столько беспощадной злобы, что Тамара в ужасе машет скелетиками будущих крыльев, пытается бежать по воде, прочь, прочь, скорее к маме!.. Страшные утки догоняют её, принимают топить, но мать уже несётся навстречу, стучит чужих уток клювом по головам, бьёт крыльями. Тамара прячется за большое тело, которого нет надёжней

и роднее. Всё, никуда от неё, рядом, дальше от страшных уток, от предательской осоки, от мальков. По крайней мере, пока помнит...

Спокойные ребята, думает Тамара о внуках. За всю ночь двойняшки ни разу не проснулись. Она приподнимается на локте, заглядывает в кровать. Дрыхнут. Но приготовить есть надо, уже семь. Тамара встаёт, осторожно ступая, выходит в коридор. В комнате молодых тихо, куртка Василия на вешалке. Пусть побудут вдвоём.

Почти тот же сон, а впечатление совсем другое. Тамара сама удивляется своему спокойствию. Потому, что закончилось хорошо? «Это мне предупреждение», – думает женщина. Что-то должно защищать и оберегать, вон какая теперь жизнь. Собственно, жизнь никогда доброй не была, только каждый раз недобрая по-своему. Решение появляется само собой. «Поторопилась!». Но ещё не поздно, по-настоящему она не уволилась. Тамара включает на кухне радиоточку, приглушает звук. Музыка словно по заказу, энергичная, подталкивающая.

Надо лететь.

– Что-то у меня на душе беспокойно, – говорит она, когда Тимка и Анжела подмыты, перепеленаты и накормлены. Тамара берёт их по очереди на руки, держит «столбиком», чтобы срыгнули лишнее. – Оставила хозяйство на квартиранта, а как там он справляется, не знаю. Навоз в парнике горит, огурцы требуют регулярного полива. Да и пахать огород скоро пора, картошку сажать...

В семье Сашка известен как квартирант, хотя о настоящей его роли все догадываются. Наташка и Василий смотрят друг на друга. Ведь договаривались, что Тамара уволится с работы и приедет надолго.

– Ладно, давайте вместе позавтракаем, – говорит Тамара, чтобы перевести разговор на постороннее. – А то всё порознь да порознь. Наташ, накрывай на стол.

Сама уносит детей в комнату, укачивает. Молодые её решению, понятно, не рады, но ведь отпуск большой, она ещё прилетит. А вот насчёт того, чтобы уйти на пенсию... Можно подыскать Наташке кого-то в помощь. Да хоть ту же соседку с первого этажа, бабка ещё энергичная, мается без дела. Тамара заплатит.

Викторовна звонит в самый неподходящий момент, внуки только-только закатили глаза. Тамара быстро выходит в коридор, негромко отвечает:

– Да, Маш?

– Хреново дело, подруга! Утром Лариска выходила из твоего дома.

Тамара несколько секунд молчит.

– Откуда знаешь?

– Люди видели! Вчера Сашка фестивалил в пожарке с комиссией, Лариску тоже пригласили. Вроде как для компании. А утром...

– Подожди, – останавливает Тамара. – Комиссия где ночевала?

– К тебе домой Сашка повёл, куда ещё?!

– А с чего ты решила, что Лариска с Сашкой была? Может, кто из комиссии пригрел.

– Удивляюсь твоему спокойствию, Тома! У неё мужика уводят, а она!..

– Что-то ты слишком заботишься обо мне, – сухо отвечает Тамара. Может, не шутила тогда Викторовна, на самом деле имеет на Сашку виды. Насчёт женской дружбы Тамара давно не заблуждается. – Надо будет, я сама с ними разберусь. Брось сплетни распускать.

Викторовна оскорблена:

– Я? Сплетни?! Будешь ещё локти кусать, да поздно будет! – И отключается.

Завтракают молча. Ещё одна причина, чтобы не уходить с работы. Викторовна, скорее всего, паникует, но, может, Сашка в самом деле хочет прилепиться к Лариске, чтобы была поддержка и защита? Однако не он всё же главное, пятьдесят лет, не так уж ей мужик и нужен. Кто Тамара без своей должности? Пенсия нерка. Пустое место. Ничто. Ноль.

– В аэропорт подбросишь? – спрашивает она у зятя.

Тот, не поднимая головы, кивает.

– Прямо сегодня, мам?.. – Наташка смотрит тоскливыми глазами.

– Я не надолго. Кое-какие вопросы решу, и обратно. Через пару дней буду.

К рейсу Тамара успевает. И с билетами проблем нет – летит вертолёт, билеты дорогие. Зато и условия хорошие, с боингом не сравнишь: просторный салон, мягкие, как в автобусе, сидения на два человека, чистые круглые, будто иллюминаторы, окошки.

– Садись ко мне, – хлопает по сидению рядом возвращающаяся из города Полина Николаевна. Заметив Тамару, она оживляется.

Тамара тоже рада видеть знакомого деревенского человека. Подсаживается к бывшей продавщице рыбокооп, принимается расспрашивать, как дела, чего удалось добиться. За разговором женщины не замечают, как вертолёт поднимается и ложится на курс. Вверху грохочет двигатель, но слова разобрать можно. В районной администрации Полине Николаевне сказали, что ЖКХ теперь им не подчиняется, пусть обращается в суд. А это опять лететь в город. Не налетаешься, если ты пенсионер, и гостиница дорогая. К тому же неизвестно ещё, как суд решит.

– Испугаются жэкахашники судиться! – говорит Тамара, приблизив лицо к уху Полины Николаевны. – Подумайте сами, зачем им проблемы, зачем скандал? Испугаются, точно говорю! Даже не думайте!..

Бывшая продавщица, а ныне гадалка в сомнении пожимает плечами.

– Испугаются, испугаются! – напористо повторяет Тамара, свято веря в то, что говорит. – Суды у нас демократичные, справедливые! Там всё по закону, честно! Я вам говорю!..

Своего заявления на отпуск с последующим увольнением она ещё не переписала, но уже чувствует себя уверенно, твёрдо. Если захотеть, добиться можно всего. Было бы желание. И даже то, что под вертолётотом сотни метров леденящей душу пустоты, Тамара теперь не пугает.

ЗАТМЕНИЕ  
Повесть*Моей жене Гале*

Ничто его не берёт, сколько можно, каждое утро! А на вид дохлый и немолодой уже, к полтиннику, это как зарядка у него.

Скотина!..

Кирюхин лежит на спине, слышит, как над головой порывисто скрипит тахта, и не может подавить в себе острой неприязни, почти гадливости. Ещё месяц назад этот азартный ритмичный скрип заставлял его тянуться к жене, обхватывать её тёплое сонное тело, привлекать к себе. Он сглатывал, представляя белые вскинутые ноги соседки с четвёртого этажа, напряжённую спину её мужа, этого официанта хренова, слаженные удары бёдер, мокрый смачный звук, – и его рука пробиралась под Томину рубашку, ласкала, гладила, с нежной подрагивающей силой прихватывала слегка влажную грудь, скользила вниз к волнующе поросшему мыску...

Лишь бы не проснулась, думает теперь Кирюхин и потихоньку отодвигается от жены. Он слышит, как нарастают, убыстряются движения наверху, вот-вот сосед закричит, а это кого угодно разбудит. Кирюхин осторожно поднимается и уходит на кухню.

Козёл похотливый! Скотина!

Ещё темно, пять часов, можно бы поспать, сегодня за машинкой во вторую смену, не дал официант. Некоторое время Кирюхин топчется на кухне, курит, открыв форточку, на дворе весна, март, но он весеннего запаха не чувствует. Идёт в ванную умываться. Как больной, думает он, глядя на себя в зеркало. Подглазья и веки набрякли, лицо лимонного оттенка. Э, друг, надо что-то делать, официант здесь ни при чём. Каждую ночь Кирюхин просыпается часа в три, словно от лихорадочного шёпота: как ты можешь спать! как можешь!.. Ощущение то же, что и в Геленджике. Ужас перед тяжело ворочающейся силой – той, что под берегом и морем, под полями колышущихся маслянистых водорослей с мечущимися рыбами, под степью со скифскими могильниками и затянутыми землёй эллинскими городами, под нынешними селениями. Всё живое, хрупкое, дышащее, гонящее соки – ничтожный сор для угрюмой безжалостной силы. Раздавит и не заметит. Кирюхин лежит в постели, пробует уснуть, не получается, лежит до самого этого скрипа на четвёртом этаже.

Он знает, что надо делать.

В мастерской – бывшей кладовке – садится к столику, вокруг полочки с инструментом, тесно, хорошо. В белом свете круга от настольной лампы большая сильная лупа на штативе. Здесь уютно пахнет металлом, ацетоном и слегка пылью. Минуту Кирюхин сидит просто так, положив на стол расслабленные руки

– лишь бы не стали дрожать!.. – потом достаёт заветную коробочку, осторожно открывает. На дне тускло светятся детальки. Кирюхин пинцетом захватывает одну, смотрит со всех сторон. Тончайшим бархатным надфилем подправляет в нескольких местах. Микрометр похож на небольшую элегантную подковку. Кирюхин проверяет размер, ещё несколькими лёгкими движениями надфиля прикасается к заготовке. Под лупой и она, и надфиль кажутся несоразмерно крупными, а появляющийся сбоку край ногтя – циклопическим, невероятно огромным. Кирюхин задерживает дыхание, двигает надфилем с чрезвычайной осторожностью, понемногу втягиваясь в работу. И нет уже официанта, нет судорожного панического шёпота, от которого он просыпается, нет унижительного животного страха.

Ещё в постели он помнит о том, что должен позвонить Нуриджанову. Тот тоже начальник отдела, но приближен к верхам, а там, по слухам, гоношат совместное предприятие. Может, и ему, Кирюхину, место найдётся. Кирюхин думает о Нуриджанове с нежностью, он его почти любит, этого румяного человечка с густыми бровями, деликатного и умницу. Нуриджанов сказал сегодня позвонить, должно что-то проясниться. Кирюхин волнуется, думая об этом. Так он волновался всего несколько раз: когда в седьмом классе впервые поцеловался, когда защищал кандидатскую и ещё раз или два. Однако звонить рано, Нуриджанов наверняка спит. Вот сходит за молоком, тогда.

С приятными мыслями о Нуриджанове он одевается и выходит из дому. Улыбка теплится на его нездоровом лице. Совсем некстати вспоминает о Розиной просьбе. Вообще-то надо зайти, всё-таки они с Юрой приятели, почти друзья, насколько такое возможно в сорок лет. Не хочется. Это опять Розины насмешливые взгляды, недомолвки и едва замаскированные шпильки – о, женщины, ничтожество вам имя. А в общем-то, сам виноват, чёрт дёрнул, и перед Юрой свиньёй себя чувствуешь. Дробится под ногами застывшая за ночь мартовская слякоть – недотаявший крупчатый снег пополам с грязью, – и этот хруст сначала гулко раздаётся среди молчаливых многоэтажек с ярусами чёрных окон, потом звуку становится просторно, он не прыгает, не бьётся в стены, а успокоенно стелется над дорогой – это Кирюхин выходит к Ильинке, посёлку с вольно стоящими приземистыми домами. На тёмных деревьях хрипло пробуют голоса невидимые вороны.

Глупо, думает Кирюхин. На молоке экономим, а сапоги на такой дороге рвутся. Вспоминать о том, что купить новые теперь не получится, а эти сапоги у него единственные, Кирюхину не хочется, потому что сразу знакомо охватят тоска и безысходность, и он старается не думать ни о чём.

Шагает, слышит хруст под ногами, разрастающийся вороний грай, дышит холодным воздухом. Вот так, больше ничего. Какого чёрта, пробует он себя приободрить, нельзя быть таким малодушным! Руки есть, голова на плечах – вывернемся!

До того, как магазин откроется, почти два часа, но ещё от железнодорожных путей он видит чёрный сгусток очереди у двери. Очередь по-утреннему неразговорчива и малоподвижна. Кирюхин спрашивает крайнего и молча стоит вместе со всеми, ждёт, чувствуя, как понемногу начинают мёрзнуть ноги, как всё больше холодит взмокшую от ходьбы спину. Скорее бы восемь, тогда впустят в магазин, там тепло. Резко покрикивают, притормаживая перед платформой,

электрички – в Город и из Города, – тянутся низки освещённых вагонов, густыми красными пучками искрят внизу тормозные колодки. Если присмотреться, можно различить за окнами редких, в этот час дремлющих людей, всё как обычно, мирно и скучновато, обыденно, и Кирюхин смутно удивляется. Словно ничего не происходит.

Они что, не понимают, куда всё идёт?!

Светает понемногу. Будто в проявителе проступают брёвна в стене магазина. Резче очерчиваются штакетины невысокого заборчика. Явственнее лица стоящих в очереди. В основном это пенсионеры, но есть и молодые. А очередь не такая уж молчаливая. Старушка впереди вполголоса жалуется другой на сантехника Вовку, с которым без бутылки и разговаривать нечего, а попробуй эту бутылку купи, а сосед заливает каждую неделю, а ничего не скажи, грозитя побить, вот такой сосед. Старушка понуро качает головой, её знакомая сочувственно поддакивает.

– За кого голосовала, бабушка? – спрашивает женщина в хорошем зимнем пальто с норковым воротником. В голосе её насмешка.

Старушка сразу тушует. По привычке она начинает оправдываться, по привычке же лукавит:

– А кто написан был, за того... Чего я там понимаю? Все голосуют, и я... Нам-то чего, всё равно жизнь плохая...

– Не говори зря, не такая уж плохая была! – начальнически срезает женщина в добротном пальто. На вид ей лет пятьдесят, губы подкрашены, лицо породистое, с крупными чертами – она, похоже, не местная, не ильинская, а пришла, как и Кирюхин, за дешёвым молоком, хотя и говорит старухе «ты».

– Я разве чего... – бормочет старуха и почему-то оглядывается. – Как люди, так и я...

Женщина не слушает.

– Раньше ты пошла бы в райком или в газету написала, твоему бы Вовке вместе с соседом быстро хвост прижали. Правду говорю? Разве не так было? – Она произносит это громко, уверенно, чувствуется, что разговаривать с такими людьми она умеет. Очередь начинает прислушиваться. – А сейчас что? И придушит тебя сосед, я верю, например. Кому ты нужна? Милиции не до тебя, она с мафией разобраться не может, телевизор смотришь, должна знать. Партию разогнали. Нет сейчас власти, человек никому не нужен.

– А чего эта партия хорошего сделала?! Чего?! Сколько народу уничтожила, вы знаете? – вступает в разговор худенькая женщина предпенсионного возраста. Её простоватое лицо измождено, но чёрные глаза смотрят горячо, истово. – На народной шее большевики сидели, а сам народ уничтожали в ГУЛАГе, вы только подумайте! Партократы проклятые! Я сорок два года на производстве – а что видела? До чего страну довели, а сами валютные счета за границей открывали и хоромы себе строили!.. – От возмущения у худенькой перехватывает горло, несколько мгновений она молчит. – Сейчас трудно, согласна. Но это временно, президент сказал, до осени. Посмотрите, как за границей люди живут. И мы так жили бы, если б не большевики проклятые!..

– Это вы не надо, не надо! Бросьте всё на партию валить, нашли козла отпущения!..

– Да как же не надо! Виноваты кругом, чего защищаете!

– Бросьте! Поначитались газет. Ельцин вам ещё покажет!..

Женщины принимаются спорить, каждая отстаивает своё. Кирюхин слушает их, но вмешиваться в разговор ему не хочется. К чему? Выпускают люди пар, ничего от слов не изменится. Вообще ни от него, ни от этих женщин ничего не зависит. Мы пыль на ветру. Где он это слышал?

– Ах, милые мои, как легко нас очаровать, – раздаётся ласковый голос за спиной. – Только поговори с нами по-человечески, посочувствуй бедам, пообещай поступать порядочно, когда у власти будешь... До чего же народ у нас хороший!

Тон для очереди необычный. Кирюхин оглядывается. Говорит мужчина с сухим ироничным лицом. В отличие от большинства пенсионеров он хорошо выбрит, одет в просторную куртку с незавидным брезентовым верхом, зато на настоящем меху – в разрезе ворота диковато торчит длинная тёмная шерсть. В такой и сорокаградусный мороз не страшен. Сам Кирюхин уже изрядно продрог, он топчется, постукивая ногой об ногу, мужчина ему неприятен своей уверенностью, тёплой курткой, снисходительным выражением лица.

– Мы всему верим, что нам ни пообещают. Коммунизм обещали – верили! Сейчас другое светлое будущее обещают, опять верим! Надо потерпеть? Потерпим! Мы, понимаете, очень вождей своих любим. Если прозреваем, так после их смерти. Все разом. Иначе никак у нас не выходит, вот такие мы!..

Все смолкают. Только что спорившие женщины смотрят настороженно – куда гнёт, за кого?

– Был такой хороший поэт в период застоя, как сейчас говорят. Умер уже. Так вот что он писал: «Всё, даже чих, звучащий свыше, простак с заглавной буквы пишет. В делах и праведных, и ложных лишь он опора на века. Без многих умников жить можно, а проживи без простака!..» – Мужчина тонко, желчно улыбается, шурит глаза. После паузы замечает необязательным тоном: – Ну да ладно, сколько уж об этом, скучно... Пойду-ка газеты куплю. Киоск на платформе открылся, похоже.

Он отходит, мягко ступая удобными тёплыми бурками – как только сохранились. Философ, думает Кирюхин. Детей вырастил, можно книги читать, витать мыслями и анализировать – на хлеб пенсии хватит. Какое-то время очередь молчит, потом раздаются слова:

– Еврей, наверно...

Очередь не возражает. Кирюхин усмехается.

Из магазина он возвращается в приподнятом настроении. Вся эта нервотрёпка – привезут молоко или нет, сколько фляг, достанется ли ему; к тому же продавщица может просто не дать, всех своих, поселковых, она знает, а он пришлый, – все эти переживания заканчиваются благополучно, молоко он купил, оба трёхлитровых бидончика, это удача. Три литра пойдут на каши, Антон и Верочка любят, из трёх других сделаем творог. Хорошо будет утром к чаю – на хлеб вместо масла.

Теперь не таким тягостным кажется зайти к Ванеевым, это по дороге. Ещё издали Кирюхин высматривает возле подъезда Розу, гуляющую с Ампиrom, но не видно – должно быть, вернулись домой. Как его Ампиr не покусал, уму непостижимо. Большой чёрный дог с внимательными человеческими глазами. Они с

Розой запирались в комнате, а пёс индифферентно дремал на коврике. Что с сорокалетними бабами происходит, женский вариант седины в бороду? Кирюхину она говорила, что с мужем себе такого не позволяет. Да уж...

На мгновение появляется лукавая вёрткая мыслишка, бесёнок поощрительно подмигивает, провокатор, высовывает быстрый красный язычок, делает характерное, двумя руками к бедрам, джиги-джиги, натягивающее движение, как буйно ликующий футболист, но Кирюхину не надо прилагать усилий, бесёнок сам по себе тускнеет, вянет, скоренько пропадает.

Если разобраться, суетливое и мелкое занятие. Недостойное. Даже постыдное. Вывод настолько естественен и сам собой разумеется, что Кирюхина смущает лишь одно – не слишком ли рано? А как же мужики, которые в шестьдесят детей рожают? Как официант с четвёртого этажа?..

Дверь открывает Роза. Взгляд у неё странный. Кирюхин преувеличенно неуклюже топчется в прихожей, шумно раздевается, бодрым голосом несёт шутивную ахинею, приличествующую между добрыми знакомыми, которые давно дружат домами. Ему кажется, всем этим он создаёт дистанцию между собой и Розой, никакого интима, но Роза верна себе, предупреждая роняет вполголоса:

– Юра дома. – И после паузы, громче: – Опоздал.

О, женщины... Кирюхин проходит в комнату, приглаживает волосы и видит Юру, который суетливыми быстрыми движениями протирает пыль на мебели. Юра снуёт по комнате, он в рубахе распояской, ни на секунду не останавливается, едва замечает Кирюхина. Мимоходом, как-то вскользь суёт ему руку и тут же вырывает её. Ведёт себя Юра непривычно, странно, похоже, внутри у него бешено работает моторчик, который заставляет без конца торопиться, судорожно двигаться. Кирюхин оглядывается на Розу. Роза отвечает красноречивым взглядом.

– Где ваш зверь? А, ребята? Что-то не вижу. – Кирюхин пробует рассеять висящую в воздухе напряжённость, исправить ненормальность происходящего. Спрашивает он бодро, со смешком, подбрасывает и ловит в воздухе безделушку с телевизора.

Роза начинает шмыгать носом, Юра с хмурой деловитостью роняет:

– Он много ест, мы его не потянем. Вчера отвёл усыпить. Надо принимать меры. Иначе погибнем все.

Кирюхин не знает, что сказать. Так вот почему Роза зазывала его, ну и мудак же!.. Он старается не смотреть на Розу, а та уже явственно всхлипывает. Кирюхин принимается говорить. Всё не так уж плохо, ребята, есть точные сведения, что в мае институт получит крупный заказ от китайцев, – ты, Юра, знаешь, – отдел отзовут из административного, дадут хорошие оклады, надо только пережить это время, всё будет хорошо. Ну, ребята, уж Ельцину-то мы можем верить, а он чётко обещал, всё наладится. Юра, так же судорожно двигаясь с тряпкой, кивает, не поворачивая головы, соглашается, но Кирюхин понимает, что слова его звучат легковесно, несерьёзно. Орехи с высохшей сердцевинкой, скорлупа пустого яйца. Весь институт с начала года тешит себя такими слухами.

– А в случае чего место на упаковке машинок без проблем, ребята! Концерт нуждается в крепких мужских руках. Какие наши годы, парни, выше голову!..

Наигрыш так очевиден, прёт в глаза, коробит самого Кирюхина, но он про-

должает в том же духе. Здесь благодарны и за это. Роза зовёт на кухню пить чай, по пути показывает антресоли, доверху забитые пачками стирального порошка.

– Бойтся, что завширеем. Снял с книжки последние деньги и купил. – Роза неуверенно улыбается, она не знает, смеяться или опять плакать. Юра стоит рядом, а она говорит так, словно речь о ком-то отсутствующем. – Валя, ну хоть ты посоветуй. Может, к психиатру его сводить? Ненормально же это, сам видишь!..

Юра молчит, будто разговор не о нём. Он весь в себе, по закаменевшему скуластому лицу с усами под Руцкого видно, каких усилий стоит ему не двигаться.

Через несколько минут Кирюхин и Роза во дворе. Пить чай он отказался – сейчас сахара не достанешь, зачем создавать людям проблемы, от себя отрывают. Роза идёт к остановке, ей в школу к третьему уроку. Кирюхин провожает.

– А я ничего не замечал, – говорит он, глядя под ноги. – Юра вроде как обычно – в автобусе каждый день вместе...

– Мне страшно, Валя, ты не представляешь! Реланиум ему уже плохо помогает, перед работой по пять штук принимает. Вдруг чего взбредёт в голову, ведь никаких гарантий, никаких! Вот и с Ампиром... – Роза замолкает, всхлипывает, ищет в сумочке платочек, осторожно промокает слегка раскосые подкрашенные глаза.

Пса в самом деле жалко. Здоровенный, красивый. Не любил, когда при нём рвали бумагу, – внимательные человеческие глаза делались яростными, чётко проступающие под гладкой чёрной шерстью мышцы мелко дрожали от напряжения – вот-вот кинется. Ещё не пускал Розу в туалет, считал, что она должна всё делать вместе с ним во дворе. Ситуация неподходящая, но Кирюхин не может сдержать улыбки.

– Если бы кто знал, как мне одиноко, если бы кто знал!.. – Роза поднимает глаза, смотрит на Кирюхина прямым, откровенным взглядом. – Валя, я от него уйду, честное слово! Опасно с таким, я ещё жить хочу. Валь?..

Кирюхин чувствует, как у него стягивает кожу на лице, как всего заполняет тяжёлая неожиданная злоба.

– Я тебе уйду! – обещает он сквозь зубы. – Я тебе уйду!..

Роза, дико взглянув на него, отстраняется. Так, молча, отчуждённо, они проделывают путь до автобусной остановки.

Насколько он виноват, что изменилось бы, если бы тогда, после дня рождения, не полез к ней? Юра с Ампиром пошёл разводить по домам гостей, Тому тоже, а Кирюхин, чего уж там, едва держался на ногах, его оставили ночевать. «Перестань, – сердито шептала Роза, шлёпая по рукам, – ты что, с ума сошёл?!» Кирюхин ловил её ладонь, тянул вниз, к налившимся, отвердевшему, смеялся.

Скотство, гадость, вспоминать тошно, но было. Или не в нём дело, это с Розой всё равно случилось бы, если была, в общем-то, готова? Дело за случаем, за соблазном? Ведь уступила, хотя он не слишком настаивал, ума хватило, всё как бы в шутку.

Ладно.

Тополя – как обнажённая арматура, скелеты с объединенной плотью. Кричат вороны, подаваясь от натуги вперёд и приседая, раскачивая тонкие ветки. Некоторые снимаются, летят за многоэтажки, неторопливо поводя по сторонам крупными носатыми башками. Вид у них такой, будто они что-то знают. Что?..

Если уж дал такой крюк, надо зайти в коммерческий. Интересно, почём сейчас машинки. Хорошо знать заранее, куда свою сдавать – здесь или в Городе лучше. Стальные двери комка «У Ларисы» – бывший стол заказов для ветеранов, – единственное окно забрано решёткой в виде расходящихся лучей. Самому дверь не открыть, в руках у Кирюхина по бидончику с молоком, надо ждать, когда кто-нибудь появится. Долго никого нет, но Кирюхин не торопится, отходит от разговора с Розой, впечатления от Юры. Наконец стальная дверь гремит и показывается какая-то женщина. Кирюхин, осторожно держа бидончики в приподнятых руках, боком проскакивает внутрь.

Все эти комки – ларьки, отделы и целые магазинчики, расплодившиеся в последнее время, – он не любит, цены в них вызывают острое чувство неполноценности. Но сейчас ощущение другое. Кирюхину хочется, чтобы машинки стоили как можно дороже, пусть цены будут дикие, несусветные – чем выше, тем лучше. Тогда его тупой труд в концерне, час туда в автобусе и час обратно будут что-нибудь значить. Появится варёная колбаса к завтраку, можно будет покупать масло и белый хлеб.

В магазинчике почти никого, хорошо одетая молодая продавщица смотрит по цветному телевизору бесконечный сериал о плачущих богатых, в стороне рослый парень в кожаной куртке разговаривает с её подругой, слышен сдержанный смехок, тон разговора странный: одновременно игривый и деловой.

Кирюхин ищет глазами на полках швейные машинки, слышит обрывки фраз: полторы штуки в баксах... ну что ты, Европа, не обижают... брось, самой интересно, как там у немецких мужиков... наших в Германии любят, спасибо Горбачёву...

Сначала Кирюхин подумал, что парень в богатой кожаной куртке охранник – сейчас они в каждой коммерческой лавке, – но голос с низкими доверительными модуляциями кажется ему знакомым, и Кирюхин становится так, чтобы увидеть лицо парня. Всё верно, Гена Ратников. Знаменит тем, что как-то в компании заявил, что он находка для любой женщины. С тех пор его в институте прозвали Находкой.

– Привет, – здоровается Кирюхин и с отвращением слышит подобострастие в своём голосе. Полгода, как Гена уволился из института, говорят, ударился в коммерцию, ездит в Польшу, Турцию и, по слухам, дела у него идут неплохо. Похоже, что так, – одна куртка на нём стоит многие тысячи.

– Здравствуйте. – Гена узнает Кирюхина не сразу. Наконец протягивает руку. – Здравствуйте, Валентин Семёнович.

Кирюхин суетливо ищет, куда бы поставить бидончик, пожимает Генину руку.

– Товар сдаёшь?

– Да как сказать... – Гена с улыбкой смотрит на симпатичную продавщицу, та дёргает плечом, улыбается тоже и скользит глазами в сторону. Улыбка у неё высокомерная и неловкая сразу, будто их застали за чем-то нехорошим. – Ну, ладно, Валюшка, ты подумай. Игра стоит свеч. И смотри на это, как на работу, понимаешь?.. – И уже Кирюхину: – Вы домой, Валентин Семёнович? Подвезти?

У Гены белая «вольво», в таких Кирюхин ещё не ездил. Ход у машины плавный, беззвучный, за всю дорогу молоко ни разу не плеснуло. На все вопросы

Гена отвечает с готовностью, но немногословно, будто что-то недоговаривает. Да, ездит за границу, покупает здесь, продает там. И наоборот. Сейчас этому не препятствуют, был бы начальный капитал и желание. Но есть бизнес посольнее. Надо только проявить инициативу, занять нишу, пока свободна. Как кошмар вспоминает работу в институте – каждый день от звонка до звонка, за копейки. Сейчас его никакой силой назад не затащишь. Ваш этот подъезд? Неудобно «рафик» встал, но ничего, развернёмся...

Кирюхин выбирается из «вольво», благодарит Гену. Мелькает сумасшедшая мысль: может, попроситься к нему в помощники?.. Не возьмет, только унижаться. Интересно, о каком бизнесе он говорит? Вообще-то Кирюхин догадывается, но почему же ни тени неловкости в Генином голосе, ведь нормальный же парень. Чем-то в комитете комсомола занимался.

Господи, каким всё оказалось непрочным, неглубоким! Даже мысли не могло прийти, что всё так легко рассыплется. Почему? Или наоборот, это естественней, а что было раньше – вымучено и всё время требовало усилий, чтобы оставаться, существовать? Но какое же подлое мурло у этого естественного! Какое сволочное! Оцепенение и ужас.

Пролёты лестницы чутки к любому звуку, и ещё у почтовых ящиков Кирюхин слышит сопение, прерывистые сдавленные голоса сверху. На свой этаж Кирюхин идёт пешком – лифт опять не работает – и на одной из площадок видит передыхающих возле огромного двухкамерного холодильника Официанта и ещё какого-то мужика, наверно, шофёра «рафика», который стоит внизу. Взгляд у Официанта быстрый, оценивающий, неуверенный, и Кирюхин догадывается: тот не знает, просить или нет, чтобы помог, – они всего лишь здороваются, никогда не останавливались, не разговаривали. Секунду Кирюхин колеблется, но потом всё-таки ставит в безопасный угол бидончики.

– Помочь?

– Помоги, сосед! Запарился с этой бандурой, ну её!.. – Официант хозяйственно суетлив, он ухватывается тонкокостными белыми пальцами за брусок упаковки, даёт рядом место Кирюхину, и втроём они тащат неудобную тушу холодильника с этажа на этаж.

Кирюхин быстро сдаёт – сказывается, что мало спит, – уже после первого лестничного марша он мокрый, но шершавого занозистого бруска из рук не выпускает. Толкаясь, тяжело дыша, они наконец заносят холодильник в квартиру.

– Сюда... на лоджию... – Официант пятится впереди, открывая задом дверь из прихожей в комнату, и Кирюхин с приглушённым усталостью любопытством косит глазом на тахту. И в самом деле, прямо над их с Томой постелью. Ежеутренние битвы под знамёнами Венеры, чёрт бы его побрал! И ведь не скажешь, чтобы передвинули, – не по-мужски, и себя выдашь. Да и какое у него право распоряжаться, где и что должно стоять в чужой квартире.

– Выпить, мужики, не предлагаю, – говорит, едва отдышавшись, Официант. И довольно, сметливо смотрит то на шофёра, то на Кирюхина. – А вот сувениры примите. Хорошие сувениры, отвечаю! – Он вытаскивает из джинсов бумажник, двумя ловкими пальцами вылавливает по зелёной бумажке. Передавая одну Кирюхину, поощрительно улыбается: – Кандидат наук сегодня на меня работал, то ещё событие!.. Заходи, сосед, если что. За мной не пропадёт.

Только дома Кирюхин рассматривает бумажку. На ней человек в буклях и надпись one dollar.

Кирюхин до хруста в пальцах сжимает купюру. Какое-то время стоит неподвижно.

Это удивительная вещь – метаморфозы, которые происходят в его сознании с Нуриджановым. Раньше Нуриджанов был просто коллегой – умным, доброжелательным, осторожным, – а сейчас Кирюхину важно знать, как Нуриджанов поднимается по утрам, о чём говорит с семьёй за завтраком, какие сигареты курит, как шнурует в прихожей ботинки. Всякая мелочь стала значимой и весомой, приобретает сокровенный смысл, словно Нуриджанов не такой же начальник отдела, как сам Кирюхин, а президент Соединенных Штатов, самое малое.

Кирюхин чувствует, что всё больше и больше любит Нуриджанова. В детстве он так относился к взрослым людям – сильным и могущим всё. Его обожание таково, что Кирюхин готов сбежать для Нуриджанова за сигаретами, если понадобится. Что сигареты, надо будет – почистит туфли, выгуляет собаку. И не будет считать это унижением, а знаком доверия и ответной любви.

Он волнуется, набирая номер. Представляет, как в квартире Нуриджановых звонит телефон, как смугло-румяный, со сросшимися бровями Нуриджанов подходит к аппарату – возможно, он брился. Одна щека в пене, через плечо переброшено полотенце, – и эти обыденные подробности заставляют сердце Кирюхина сжиматься от нежности.

– Здравствуй, Сергей Завенович. Кирюхин.

Нет, не Нуриджанов, поторопился. Голос похож, но не тот, слишком правильный, без намёка на акцент, как порой бывает у интеллигентных армян. Ответивший голос вполне здешний, акающий – сын.

– Отец где? Мы с ним договаривались созвониться.

– Его нет, он ушёл.

– Так рано?.. – Кирюхин медлит. Хотя, в общем-то, почему рано, уже часов десять, просто не ожидал. – А когда будет, не сказал?

– Нет, ничего не говорил. – Выжидательное молчание на другом конце провода.

– Ну, ладно. Если увидишь, передай, я ещё позвоню. Или пусть сам позвонит, я до часа дома.

Кирюхин кладёт трубку. Он немного раздосадован, оскомное ощущение неудачи. Не то чтобы чувствует разочарование в Нуриджанове, но тот начинает ему казаться не таким уж необыкновенным человеком. Кирюхину понятны происходящие с ним метаморфозы, он сам себе неприятен, но нельзя дать этому гадливому чувству разрастаться, нельзя! Спокойно, вдох-выдох. Слишком многое от его выдержки теперь зависит.

В мастерскую. В уют настольной лампы, запах металла, тихое свечение деталей. Всё нормально. Всё так. Спокойно.

Иногда он пробует понять, почему его так влечёт к этому бесполезному, можно сказать, никчемному делу – микромоделированию. Отчего нравится мир маленьких вещей, которые, как настоящие, двигаются, ползают, едва слышно тоненько жужжат. В институте считают, что у него золотые руки, мог бы под-

рабатывать ремонтом часов, тех же швейных машинок или электробритв. А то и начать своё дело, сейчас это запросто, открыть мастерскую – по крайней мере, всё было бы на совесть, с гарантией, не то, что у этих оборотов из рембыттехники, они умеют только деньги драть. Кирюхин слушает такие речи и улыбается. И не спешит расклеивать на остановках объявления с предложением услуг, хотя деньги семье очень нужны.

Может, это из детства, из пяти-шести лет, когда ему особенно нравились щенята, лилипуты в цирке, только что опушившиеся и умищающиеся на ладони крольчата в сарае у липецкого деда – всё настоящее, маленькое, славное, уютный понятный мир. Ребята на катушке из-под ниток нарезали зубчики, вставляли в отверстие двойную резинку, закрепляли с одной стороны обломком спички, с другой небольшой палочкой или огрызком карандаша – получался маленький трактор. Или вездеход, кому что нравится. Надо лишь завести его, то есть накрутить резинку, опустить, придерживая, на пол, и он полз вперёд, а иногда, к восторгу маленького Кирюхина, даже пробуксовывал. Совсем как всамделишный. Валя мечтал раздобыть особые зёрнышки пшеницы, вспахать трактором из катушки поле у липецкого деда на огороде, засеять, и чтобы пшеница выросла обязательно небольшая, с иголку высотой, но с настоящими маленькими колосками.

Взрывается телефон. Кирюхин вздрагивает. С сожалением откладывает полусобранную модель двадцать девятого «МиГа», трёт уставшие глаза и думает, что нервы ни к чёрту. В его душе ничто не шевельнулось, никакого предчувствия. Идёт в прихожую, спокойно берёт трубку.

– Пап, ты только не волнуйся, – голос у Антона приглушённый, виноватый. Он замолкает.

Кирюхин всё ещё спокоен, разве что слегка настораживается.

– Что такое?

– Не знаю, как сказать...

– Говори, как есть, не кокетничай.

– Маме ничего не говори, ладно?

– Хватит торговаться, Ботанищев. Я занят. Что у тебя?

– Понимаешь, я в больнице сейчас. – Чувствуется, сын подбирает слова, и Кирюхин задерживает дыхание, тотчас ударяют барабаны паники, в комок сжимается внизу мошонка. – Царапнулся я, короче. Так, ерунда, ты не волнуйся. Пару дней придётся здесь поваляться. Короче, всё нормально.

Кирюхин звереет:

– Оставь это быдловское «короче»! Как поцарапался?! Не пудри мне мозги! Ты в каком отделении? – Он кричит, в нём ничего не осталось, только страх и злоба. – Говори!

– Папа, спокойно, – слышит он серьёзный, уже без деланной развязности голос Антона. – Я специально тебе звоню, а не маме... Пожалуйста.

Кирюхину делается неловко. Разорался как баба. Всё чаще он замечает за сыном этот снисходительный тон, нет, не обидный, а как бы покровительственный, родственник, словно старше не он, а Антон.

– Я сейчас приеду, – говорит он сухо. – Какая палата?

– Шестьсот двадцать третья.

– Хорошо.

Так, шестой этаж. Это хирургия. Спокойно. Раз сумел подойти к телефону, не так уж всё плохо. Поцарапался... Кто мог? За что?.. Сейчас ни за что могут! Ладно, без паники. Где шапка? Где, твою мать, шапка?! Так, шарф, куртка. Антошка родился семимесячным, страшненьким, у него сердце сжималось, когда он укладывал сына на руку, почти весь в ладони, опускал в ванночку с водой, подкрашенной марганцем, осторожно, чтобы не испугать, поливал на животик, на подпревающий пашок, на худенькие ножки. И какая-то сволочь ударила его ребёнка ножом – задавлю, голыми руками задавлю!..

Лестница, подъезд, салон автобуса, ненужные люди, на всём метка несчастья и тревоги. В холле больницы почти никого, краснолицая пенсионерка в белом халате пропускает его к лифту.

В палате он видит Антона сразу же. Бледноват, но ничего, спокоен. На голой груди толстый марлевый тампон, схваченный по бокам лейкопластырем. Капельницы рядом нет, это хорошо.

– Значит, сачкуешь. – Кирюхин изображает улыбку. Он ищет глазами стул, задевает его ножкой кровать и замечает, как боль меняет лицо сына. – Все на лекциях, а ты здесь отлёживаешься. Скверно, брат Ботанищев.

Сын тоже улыбается, но улыбка вымученная, видно, что ему всё ещё больно от нечаянного удара по кровати.

– Отлежусь. Всё нормально, пап.

– Ножом? – спрашивает Кирюхин и напряжённо подаётся вперед.

– Наверно. – Сын отводит глаза, и Кирюхин готов взорваться: Антон всегда был скрытен, добиться от него прямого ответа тяжело было даже в детстве. Почти ни на что не надеясь, он всё же спрашивает:

– Кто? Знаешь?

Антон молчит.

– Ты должен понимать, – как можно спокойней говорит Кирюхин, – я эту сволочь всё равно найду. Найду!.. И милиция будет брать с тебя показания. Уже приходили?

– Пока нет.

– Придут! Так что говори.

Антон осторожно, как бы невзначай смотрит по сторонам (в палате лежат ещё трое человек, Кирюхин их сейчас не воспринимает), и хотя говорят они и так вполголоса, Антон просит отца нагнуться.

– Ну?

– Папа, не надо! Хуже будет! – шепчет он.

– Ты что говоришь! – так же лихорадочным шёпотом возмущается Кирюхин. Он чувствует, что сын в эту минуту особенно близок и родственен, и сердце рвётся на части от жалости и любви к нему. – Ты что говоришь! Куда хуже?!

– Хуже будет, папа, – убеждённо повторяет Антон. – Я знаю.

Кирюхин выпрямляется, внимательно и отчуждённо смотрит на сына. Опять этот снисходительно сожалеющий тон, будто Антон знает то, чего он, отец, ещё не понял.

– Не Сицилия же у нас, в конце концов!..

Антон ничего не отвечает, он опять спокоен, толстые мальчишечьи губы,

обычно красные, сочные, теперь с заметным сиреневым оттенком – от потери крови, должно быть.

– Из-за твоей коммерции? – напрямик спрашивает Кирюхин.

Сын опять уклончив, будто не он только что горячо, искренне шептал ему на ухо.

– Возможно.

Кирюхин громко вздыхает, со сдержанным осуждением поводит головой. Сейчас от Антона ничего не добьёшься. Ладно, не время и не место. Потом.

Он находит врача, делавшего операцию. Невысокий крепыш лет тридцати с густой и короткой хемингуэевской бородой. Пациент поступил в десять часов, ножевое ранение в верхнюю часть левой половины грудной клетки, состояние средней тяжести. Удар, по счастью, пришёлся на ключичную кость, нож скользнул, глубина раны шесть сантиметров, жизненно важные органы не задеты. Да, шесть сантиметров это немного, всё могло быть значительно хуже. Нет, дежурить не нужно, есть можно всё. Не за что, нам за это деньги платят. До свидания.

Кирюхин выходит из больницы и чувствует, что нужно сесть. Как когда-то в Геленджике, он ощущает зыбкость земли, беспощадные глубинные сдвиги коры, для которых ни он, ни пронзительно родные люди, ни эти чёрные мартовские деревья, ни дома, среди которых он вырос, ничего не значат. Инфузории со своими ничтожными жизнями. Несомая ветром пыль. Кирюхин находит лавочку в больничном сквере, торопливо опускается, закуривает прыгающими пальцами. В десять часов. А он ничего не почувствовал. Погодите, скоты, я вас достану! Я вас достану, ублюдки!.. Парню девятнадцать, и кроссовки новые хочется, и пуховик, и слаксы. Девчонкам пыль в глаза пустить – закурить «Мальборо», небрежно вытащить из сумки бутылку импортного шампанского с золотой, обёрнутой фольгой головкой, – Кирюхин сам помнит, в таком возрасте человек ты или дерьмо зависит от того, во что одет, что куришь. Стадное чувство, молодой жестокий снобизм, который с годами выветривается. А институт отца второй год трясёт, зарплаты едва хватает на самое необходимое, с нового года всех вообще отправили в административный отпуск. Об Антоновой стипендии говорить смешно. Ещё летом стал приторговывать. Кирюхин с интересом смотрел на сына. Домашний тихий мальчишка, предприимчивости за ним не замечалось, а вот, пожалуйста, выходил по вечерам к гастроному, предлагал идущим с работы молоко и кефир – специально ездил за ними в Город, там они даже дешевле, чем на Ильинке. И не стеснялся...

Ладно. Хорошо.

Как с Томой быть? Кирюхин поднимается с лавки, переходит улицу, направляется к Дому пионеров, там работает жена. Стоит ли теперь говорить? Последние несколько недель он только и слышит от Томи взвинченные монологи о хватких ребятах из мэрии. Несколько этажей в доставшемся им здании горкома эти шустрые ребята сдают коммерческим структурам, а сами понемногу прибирают к рукам площади беззащитных контор. Дом пионеров хотят занять под гуманитарную помощь. Похоже, собрались ею всю жизнь кормиться. Тома уже и в газеты писала, и в центральный совет детских организаций ездила, и к городскому прокурору ходила. Из газет просто не отвечают, все остальные только сочувствуют и разводят руками. Демократия, власть на местах. Такая сейчас

установка. Тома дёргается, смотрит на него ранеными глазами, – а чем он может помочь? И это постоянное чувство вины перед ней, хотя она ничего не говорит... Нет, к Томе сейчас нельзя. Узнает, но позже. Надо подготовить. Позвонить тётке Груше? Та сможет что-нибудь сварить и посидит сегодня с Антоном.

Возле гастронома, известного тем, что когда-то он снабжался из Города, по первой категории, несколько рядов дощатых стоек – здесь небольшой рынок. Парниковая зелень, картошка из деревенского погреба, восково-белые вилки капусты, парное мясо – говядина и свинина. За стойками мужики и бабы с крепкими, сизыми от стояния на холоде лицами, в дешёвых болоневых куртках.

То ли Кирюхину кажется, то ли так на самом деле, но мужики и бабы выглядят основательнее, уверенней, голоса у них громче, чем несколько лет назад. Довольство независимых людей видится Кирюхину в их лицах и позах. Они не церемонятся с опасливо подходящими покупателями, цену называют без смущения и пожимают плечами: «Дорого, так не бери! Машина навоза, знаешь, почём сейчас? А штаны купить?.. Зайди в магазин, глянь».

Когда Кирюхин видит не только деревенских, но и обычных работяг с завода или стройки, он ловит себя на том, что завидует им. Как уверенно эти люди себя чувствуют! Не только теперь – вообще. Никогда не перестанут класть дома или обрабатывать металл, пусть даже в кустарных мастерских, если уж до того дойдёт. Они в любом случае выживут. И не надо работягам заглядывать в рот начальству, соизмерять свои слова и поступки с его мнением – токарь или шофёр всегда найдёт себе место. Это только разговоры насчёт безработицы и закрывающихся заводов. Разгоняют конторы и институты.

Мысль идёт дальше, и Кирюхину становится нехорошо: как он повязан цивилизацией! как уязвим! Он был рад до чёртиков, когда отец познакомился в доме отдыха с женщиной и уехал на Алтай – вся квартира, пусть и двухкомнатная, осталась его кагалу. Но отключи в этой квартире газ, электричество или хотя бы воду – как жить?! Простой печки нет, чтобы наломать во дворе веток и сварить суп. Костёр посреди кухни?.. Да и надолго ли этих веток хватит, ведь сбежится народ со всех домов, вырвет во дворе деревья с корнями. А за водой – с ведрами на Пехорку?..

Кирюхин никак не может избавиться от мысли, что в какой-то момент жизни его здорово надули, бесчеловечно обманули, подло подставили.

Скоты, думает Кирюхин. Скоты!

Один из торгующих – мужичок в грубошёрстной, изнутри, шапке и свалывшемся полушубке из искусственного меха – кажется Кирюхину знакомым.

Вроде бы не до того, все мысли там, в больнице, с Антоном, но Кирюхин, как и утром в комке, когда встретил Гену-Находку, приостанавливается, внимательно смотрит на мужичка. Делает вид, что закуривает. Мужичок сначала подбирается, принимая его за покупателя, готов уже заговорить, расхваливать товар, но, задержав на Кирюхине взгляд чуть дольше, поспешно его отводит. Принимается равнодушно перекидывать перед собой широкие, тяжело гнущиеся красно-белые пластины свинины. И это убеждает Кирюхина окончательно, что он не ошибся.

(Детское воспоминание: свадьба в избе липецкого деда, пьяные громкоголосые люди, нестройно играет баян, воздух синий от дыма, а в торце длинного стола сидит худой парень. Парень в костюме и в белой, застёгнутой на все пу-

говицы рубашке без галстука, вид у него то ли испуганный, то ли стесняющийся. Рядом с парнем невеста с толстым лицом и в удивительно не идущей этому грубому лицу фате. «Федька! Смотри мне!..» – кричит пьяненький липецкий дед и трясёт кулаком перед собой. Он говорит уличные слова и показывает пальцем на невесту, гости хохочут, невеста тоже прыскает, но положение обязывает, и она опускает своё большое лицо, стыдливо прикрывается краем фаты. Жених – с мелкими чертами лица и острым носом – конфузится, подаётся в сторону от невесты. «Иди к ребятам, погуляй», – говорит мама и выпроваживает маленького Кирюхина из-за стола. Она тоже оживлена, чувствуется, происходящее ей по душе, здесь она своя, и Валя удивляется и недоумевает – его самого эти крики, эти пьяные люди, их грубые слова пугают.)

Маминого брата Фёдора он видел ещё раз. Тогда Кирюхин уже учился в институте, и на Новый год Фёдор привёз своих двойняшек. Мама взяла им билеты на ёлку в ДК. Молчаливые деревенские девочки, забывавшие сливать воду в туалете, они по вечерам шуршали фантиками и шёпотом ссорились, перебирая содержимое пакетов с подарками. Фёдор почти не изменился, лицо подростка, правда, уже в морщинах, и всё та же неуверенная улыбка. Валентину он говорил «вы» и был, в общем-то, ему неинтересен.

Фёдор и сейчас мало чем отличался от себя двадцатилетнего – есть такой тип, Кирюхин читал, что-то там у них не в порядке с эндокринной системой. Оригинал, однако. Делает вид, что его не знает. Самоуглублённо перебирает шматы свинины. Ну-ну.

И какого чёрта он уставился на этого недоноска?!

Тетя Груша живёт в общежитии для малосемейных. Вахтёр за столом, телефон-автомат на стене, стойкий запах общей кухни. Слава богу, тётка дома. Встречает она Кирюхина радостно, старушке скучно одной.

– Веришь, я сегодня вспоминала о вас! – восклицает она и лучится морщинистым лицом, так похожим на лицо покойной матери Кирюхина. – Телепатия прямо!.. Рассказывай, как у вас? Да не снимай ты обуви, так проходи! Давай сюда, к столу, чай пить будем. Или чего покрепче скажешь? Ты не стесняйся, у меня есть, скажи только!..

Радость тётки, похоже, вызвана ещё одной причиной – от неё пахивает самогоном. Не по возрасту сноровисто накрывает на стол, между делом рассказывает о своей жизни. На пенсии Груша давно, но без дела не сидит, вяжет варежки и носки, ездит с ними на толкучку.

– Ты только подумай, Валя! Шарахнулся от меня, как от чумы! – вдруг в сердцах говорит она, останавливаясь посреди своей двенадцатиметровки с тарелкой в руках. И возмущённо смотрит на Кирюхина: – С какой стати? Что, я мяса у него попросила? Отродясь не побиралась и сейчас не буду. Аж перекопился весь! Брат! Да пропади ты пропадом со своим мясом, нужно оно мне!..

Кирюхин уже догадывается, о ком речь, но тем не менее бросает на тётку удивлённый взгляд.

– Ты что, крёстная? Про кого говоришь?

– Да про Федьку, сегодня встретила! Обидно, Валь. Что я ему сделала, чтобы прятаться от родной сестры? Да он, заморыш, первый сдох бы, если б я в войну сахарин в лаборатории не делала и не торговала по деревням!..

Кирюхин плохо ориентируется в разветвлённом генеалогическом древе своей липецкой родни, кроме давно умершего деда, тётки Груши да ещё вот Фёдора, он никого не знает. Он родился здесь, здесь учился, здесь работает и деревенских своих корней почти не ощущает. Мать умерла, умрёт крёстная – они и вовсе оборвутся. Неинтересны ему эти отношения, скучны. Да и не до этого сейчас. Нельзя засиживаться, через полчаса автобус.

– Крёстная, у меня к тебе дело...

– Такая благодарность, Валь! Как хочешь, а обидно! – перебивает тётка. Она всё не может успокоиться. – Меня за этот сахарин под трибунал могли! Мне одной много ли надо? Я о них думала, чтобы с голодухи не померли. Тогда строго было, чуть что – статью в зубы и в тюрьму!.. А потом, когда Федька за колбасой приезжал, – что у них в деревне было-то? И бутылку поставлю, и деньгами помогу. Ни разу не попрекнула ведь, слова не сказала!..

В конце концов, Кирюхину удаётся утихомирить крёстную. Когда он рассказывает, зачем пришёл, Груша обеими руками хватается за щёки, горестно качает головой. Ой, несчастье! Ой, беда!.. Но тут же деловито начинает прикидывать, что можно по-быстрому приготовить и когда будет в больнице. Похоже, она даже довольна – появилась в ней нужда.

Кирюхина немного отпускает. Он оставляет крёстной те небольшие деньги, что у него были, и спешит на автобус. Сегодня в концерне надо быть обязательно. Начнут давать справки на машинки.

Он вдруг остро чувствует, как устал. Опустошён, почти физически чувствует себя полым – ни мыслей, ни желаний. Последние несколько недель, с тех пор, как началась бессонница, он вял, не может читать, думать о чём-либо более или менее серьёзном, выходящем за пределы обыденных семейных забот. Уже кажется странным, что гаситель турбулентности на новых машинах – самая, пожалуй, изящная разработка института последних двух-трёх лет – в том числе и его дело. Собирались даже выдвигать на Госпремию, но её в прошлом году прикрыли. Неужели смог такое?.. Сейчас он другой человек. Отскочивший кусок асфальта. Скомканная обёртка от мороженого. В мокрых мартовских деревьях больше интеллекта, чем в нём.

По улицам движется оболочка сорокалетнего мужчины с бледным, нездоровым лицом, небритый – забыл за всей этой нервотрёпкой. Таким опустошённым, полым Кирюхин был только в медовый месяц, когда они с Томой ночи напролёт трахались в Геленджике среди стрекота степных кузнечиков и морского воздуха – тонкого, шелковистого. Потом целыми днями спали у себя в комнате, даже на пляже почти не появлялись. Но тогда опустошённость была понятна. Жизнь иссякала в нём, чтобы появлялась новая, Антошка, запульсировала эмбрионом в Тамаре. Всего этого он ещё не понимал, просто гонял Тамару до одурения, до стёртой кожицы, до сукровицы, но смысл был именно такой.

В чём сейчас?..

Всё безразлично. Нет сил даже думать. Слякотный асфальт, бесцветные люди, дома и машины – всё мимо. Исчезни разом, пропади, ничто не шевельнулось бы в душе Кирюхина. Да и где душа? Не чувствует её в себе Кирюхин. Забиться бы куда-нибудь в угол – не трогайте меня. Устал.

Он так и делает. Занимает место в самом конце автобуса, благо, автобус пуст,

здесь конечная. Приваливается плечом и головой к стеклу, закрывает глаза. Всё, час езды до концерна, час покоя. Всё. Говорил же засранцу, предупреждал – допрыгаешься! Бизнесмен паршивый, молока с кефиром ему мало, доходы не те, а кругом гребут. Когда пропали дедовы медали, надо было душу вытрясти, но узнать, куда дел. Куда – ясно, перекупщикам, – но как посмел? А с другой стороны, не станешь же драть ремнём, стыдно, здоровый лоб, на втором курсе института. И молчит как партизан, монотонно заладил: я не брал, это Вера. И так упорно, что он стал сомневаться – может, и в самом деле дочь? Взяла показать подружкам и – потеряла. Верочка смотрит испуганными глазами, трясёт головой, нет, папа, не я. И этот обормот стоит на своём, хоть пугай его, хоть обнимай за плечи и говори по-человечески. Упёрся, и всё: я не брал. Он даже растерялся – что делать? Не станешь же в милицию звонить, чтобы разобрались, куда из дома подевались медали?..

Ладно, всё. Хватит, не думать ни о чём. Кирюхин заставляет себя представить круг света от настольной лампы, уютную тесноту своей каморки. Сокровенно лучатся детальки, похожие в коробке из-под запонок на драгоценные вещицы. Хорошо. Покойно. Об этом и думать, на этом и сосредоточиться.

Прежде чем выехать за пределы их городка, автобус делает две остановки, у «Океана» и на Лацкова. Он только ещё притормаживает, а Кирюхин, не открывая глаз и скользя плечом по стеклу вперёд, представляет мужчин и женщин, одетых похуже, толпящихся у жестяного флажка с автобусным расписанием. Озабоченные, алчные какие-то лица с быстрыми глазами – всем хочется сесть, дорога неблизкая, – бьют по ногам забрызганные грязью целлофановые пакеты с бутербродами и термосами, все бросаются, как стадо, к дверям автобуса...

Именно эти люди делают лучшие в мире перехватчики. Конечно, половина бездельники, балласт, но разве не понятно, что т а к и е КБ разгонять нельзя? Интересы у государства одни и те же, кто бы ни правил. Россия слишком большая, чтобы быть на побегушках. Даже Франция свою игру ведёт. Хочешь, не хочешь, не получится быть нейтральной Швейцарией. Очередное головокружение от успехов, теперь демократических. И хрен бы с вами – но почему за мой счёт?! В чём я, в чём моя семья виновата, что вы, бездари, оказались у власти? Даже скотине, если уж в хлев поставили, не дают сдохнуть. Даже скотине! Почему ваши игры за наш счёт?!

Перестань, говорит себе Кирюхин. Перестань, принимай, как должное. Всё у нас через жопу. Всё. Ну их!..

Он чувствует, как рядом кто-то садится. Хорошо, если незнакомый, но на всякий случай Кирюхин даже приоткрывает рот – пусть думают, что спит. Ни разговаривать, ни видеть кого-либо он сейчас не в состоянии. Журчат впереди два женских голоса, в смысл слов Кирюхин не вникает. Вскользь отмечает: женщины стойче нас, так не дёргаются. Позавидуешь. Автобус покачивает, голоса впереди умиротворённые, ажиотаж, вызванный посадкой, проходит. Всё это вместе действует на Кирюхина успокаивающе. Ехать бы так и ехать, чтобы никогда не нужно было вставать, двигаться, думать, что-то делать – жить.

Помимо воли он начинает вслушиваться в слова женщин. Сторожевые центры сработали, выделили что-то важное в разговоре. Кирюхин с неохотой, с отвращением, но всё же выходит из бессильной апатии, пытается различить гово-

римое – проносящиеся встречные машины на время перекрывают в автобусе все звуки. Речь о загранице, у одной из женщин там муж по приглашению. Он на днях звонил, говорил, что есть возможность получить гражданство. Аргентина – самая цивилизованная в Латинской Америке страна, всё как в Европе, и уровень жизни приличный. Лишь бы не завёл себе какую-нибудь сеньору. Женщины смеются.

Кирюхину не надо напрягаться, строить догадки – ему знакомы такие люди. На первый взгляд, как все, ничем не выделяются – ни зарплатой, ни положением в институте, но существуют слегка обособленно. Явно это проявляется в праздники, когда приглашают в гости по неведомому признаку, и хотя атмосфера их застолий основательно подразбавлена повсеместной итээровской незатейливостью, есть что-то и своё – то ли лёгкий выпендрёж, то ли шарм. В их квартирах до сих пор встречаются антикварные вещицы, а в семейных альбомах можно увидеть мужчин в бородах и усах, тесных воротничках и женщин в длинных платьях с тяжёлыми складками. Или вдруг узнаёшь, что за очень посредственного Терлецкого просил академик и лауреат Ленинской премии. С чего вдруг?.. При Брежневеве они особенно не афишировали, что у них есть родственники там, а во времена Горбачёва, с конца восьмидесятых, стали ездить за границу в гости. И секретность работы больше не мешала. Потом стали уезжать навсегда. Знакомым писали, что за границей можно делать то же, что в институте, а жить тем не менее в загородных домах с бассейнами, отпуск проводить где-нибудь на Гаити или в Италии, среди античных развалин.

Не светит, думает о себе Кирюхин. Рылом не вышел, нет благородных кровей. Родственники у него одни – от сохи, липецкие. Отец детдомовский, с той стороны вообще никого.

– Не спи, замёрзнешь!.. Ладно, ладно, подъём.

Голос Юры Ванеева. Кирюхину глаза открывать не хочется, разговаривать не хочется, но Юра не отстаёт:

– Проснись, красавица, пора!.. Ну что ты, в самом деле, не спишь, вижу. Здесь у меня такая новость – закачаешься!..

Кирюхин знает, от Юры не отвязаться, и, посидев ещё несколько секунд расслабленно, делает вид, что просыпается, даже зевает и слегка потягивается. Вообще-то он удивлён, голос у Юры спокойный, уверенный, почти вальяжный. А когда Кирюхин останавливает на приятеле медленный взгляд всё ещё сонного человека, то замечает, что от судорожного утреннего Юры нет и следа. Широкое лицо Ванеева вполне осмысленно, роскошные, под Руцкого, усы шевелит добродушная улыбка.

– А где молодой? – спрашивает Кирюхин, сладко зевая. Он старается изо всех сил, ему не хочется, чтобы хоть в чём-то заметили его слабость. Прошлым летом Ванеевы выдали замуж дочь за штурмана-испытателя, и в последнее время зять тоже стал ездить в концерн – нет работы и у испытателей.

– С Валеркой всё нормально. Институтское начальство заключило договор, теперь гоняют «Илы» на Камчатку. Обратил внимание, горбуша в магазинах появилась?.. Оттуда! Платят хорошо, коммерческие рейсы.

– Когда Валерка успел – вчера с нами был..

– Шустрый, – довольно улыбается Юра. – Завтра уже улетает.

– Что за новость у тебя? Разбудил, понимаешь... – ворчит Кирюхин. Отчасти искренне: каждый раз его охватывает недоброе чувство, когда он слышит, что кто-то устроился, зарабатывает на жизнь даже сейчас.

– О, моя новость много стоит! Институтское начальство со своей коммерцией – дети!.. Про такую страну слышал, Новую Зеландию? А?

– Ну ладно, ладно.

– Так слышал? Точно говоришь?

Кирюхин молча смотрит на Юру. Тот тем не менее держит паузу, затем будничным голосом, будто о чём-то незначительном, сообщает:

– Меня туда на работу приглашают. Три тысячи фунтов в неделю. Дорога за счёт фирмы. – И не выдерживает, бросает ликующий взгляд на Кирюхина.

Кирюхин молчит, потом спрашивает:

– Как на тебя вышли?

– Есть, есть связи... – Юра хитровато отводит глаза, ухмыляется, шевеля усами. – Мог бы догадаться. Помнишь мою статью в «Вестнике авиастроения»? Там тоже читают. Приглашают воплотить в жизнь задуманное, так сказать.

Кирюхин спрашивает, понимая, что спрашивать не надо, но тем не менее:

– А мои публикации там читают?

– Не знаю, старик, не знаю, – легко говорит Юра и несёт что-то самодовольное о том, что в Новой Зеландии сейчас осень, отличная пора, можно будет со временем купить небольшую яхту, выходить в море – наконец-то попробует суп из акульих плавников, а то ведь только читал.

Кирюхин запальчиво перебивает:

– Откуда у них КБ? На кой чёрт?! Им дешевле готовые самолёты покупать, у тех же американцев! Зачем велосипед изобретать? Зачем самодеятельность?..

– Понятия не имею. – Юра пожимает плечами. И опять начинает о яхте, о супе из акульих плавников, об уникальной природе островов – Новая Зеландия, оказывается, состоит из двух островов, Северного и Южного, его фирма находится на Северном, недалеко от Веллингтона. Специально смотрел в энциклопедии.

Кирюхин молчит, он больше не пытается Юру остановить, и тот болтает до самого концерна, упоённо болтает даже после того, как они выходят из автобуса, минуют проходную и шагают в толпе по слякотным дорожкам. Работают они в разных цехах, и Кирюхин резко обрывает Юру, когда тот пробует задержать его, прежде чем разойтись:

– Всё. Спешу. – И тут же с мстительным чувством добавляет, опять понимая, что делать этого не надо: – Передавай привет Розе. Ей будет, что вспомнить в заграницах. Чао!..

На участке упаковки ругаются. Кирюхин совсем этому не удивлён – выясняют отношения здесь едва ли не всё время. К тому же не до того. Досада, зависть и злость свели всё внутри. Он раньше таким не был, он сам себе отвратителен. Как может изуродовать человека такая жизнь! Он ищет в себе остатки достоинства, крепится изо всех сил, но не всегда получается. Кирюхин проходит в раздевалку – огороженный закуток в углу участка, – переодевается у шкафчика, выкрашенного в немаркий шаровый цвет. Весь его лексический запас сведён сейчас к словам: твою мать! Ну, твою мать!..

– Слушай сюда, мужик. – Сбоку появляется плотная деваха в расстёгнутом пуховике, довольно симпатичная. Она из другой смены, Кирюхин её несколько раз видел. Приблатнённая какая-то. Может, сидела, а скорее всего, нет, просто такой сейчас стиль среди молодёжи. Косят под авторитетных, побывавших на зоне. – Мужик, ты вчера на коробках стоял? Чего молчишь, тебя спрашиваю. Стоял?

– Переодеться дашь? – зло поворачивается к ней Кирюхин. Развязности, тем более наглости в женщинах он терпеть не может.

Деваха уходит за шкафчики, оттуда громко говорит – то ли Кирюхину, то ли всей смене:

– Обнаглели, шестьдесят коробок заныкали! Мы что, пахать на вас должны? Допрыгаетесь, отвечаю!

Новая волна гвалта вздымается над участком – смена, обычно недружная, постоянно переругивающаяся, кричит на этот раз вся, в общем порыве. Деваха кричит тоже, кричат её подруги, уже отработавшие и переодевшиеся.

Кирюхина это приводит в себя. Нельзя опускаться. Стыдно.

Надев рабочее и переждав гвалт, он идёт искать мастера. Долго искать не приходится. Данута Йоновна сама плывёт навстречу, успокаивающе кивает головой.

– Я всё помню, Валентин Семёнович. Сегодня обязательно рассчитаю – наряд на смену закрывать буду. Ещё на месяц остаться не хотите? Машинки дефицит, не для себя, так продать можно.

Данута Йоновна уже бабушка, но в её округлой фигуре, спокойно-внимательном лице, голосе с лёгким акцентом есть что-то такое, что заставляет Кирюхина смотреть на неё с удовольствием. Даже сейчас, когда всё стало в жизни тусклым. «М-да...» – думает Кирюхин. Без прежнего, правда, энтузиазма, но всё же думает. Он чувствует, Данута Йоновна к нему тоже расположена. Может, ей нравится, что он не концерновский работяга, а человек здесь временный, из другого – интересного и престижного – мира. Может, он ей просто симпатичен как мужчина, почему бы и нет. Спокойная симпатия людей не первой молодости. Ещё способное выкинуть росток зерно, достаточно сделать шаг навстречу. Но Кирюхин знает, ничего между ними не будет. Не ко времени. Не суждено. И в понимании этого есть печальная сладость, своё мазохистское удовольствие.

– Ну так как, Валентин Семёнович? Вы освоились, работу знаете... Оста-нетесь?

– Ещё не знаю, Данута Йоновна. Всё зависит от того, как в институте сложит-ся. – Кирюхин улыбается, ему говорили, его улыбка действует на женщин. Он не такой уж ходок, но понимает, что жизнь даёт нечастый шанс. Им ничего бы не мешало, Данута Йоновна разведена, Кирюхин это слышал от работающих на участке женщин, у неё отдельная квартира. – Сегодня как раз должен созвонить-ся, станет ясно с институтом. Как говорится, всё в руках божьих...

– Что ж, пусть бог будет к вам добрый.

Обоим эта игра нравится. На мгновение Кирюхин даже забывает обо всём том, чем вынужден жить сейчас. Но только на мгновение. Оно неотвязчиво. К тому же надо работать. Уже раза два мелькал Славка, бригадир, он ничего не скажет, но на участке всё друг за другом замечают. Какому-то инженеру из их института, который здесь работал до Кирюхина, смена поставила ко-эффициент трудового участия ноль пять. Говорят, был с лентой. Конечно,

машинку всё равно продадут, но обидно получать половину того, что полу-чают женщины.

Нужны деньги, чёрт бы их побрал! Как нужны!..

Кирюхин идёт в конец участка, приносит из кладовой и раскладывает во-круг себя картонные заготовки. Поработает пока на ящиках, надо будет, Славка переставит. Ну, поехали. Пол-оборота направо – под пальцами шершавая по-верхность картона, резко на себя – торцом на стол – удар руками с обеих сторон – пыль, расходятся стенки сплющенного ромба, четыре лепестка будущего дна – пыль пахнет почему-то шоколадом, лепестки попарно вниз – хоп, переворот – главное, чтобы коробка не завалилась набок, её поднимает, клонит пружини-сто расходящееся дно, подпереть коленом, хорошо, теперь поддон, резко на себя плоскую заготовку, вот уж никогда не думал, что края срезанного гильотиной картона как бритва – гнущие движения кистями, ещё раз, зафиксировать – под-дон в коробку, в её четырёхугольную чёрную утробу – перекосило, сильно ла-донью вниз, пошло – запах шоколада уже привычен, работа пахнет шоколадом, пол-оборота налево к стопке длинных рифлёных амортизаторов, тоже картон, но фактура другая, пальцы чувствуют – согнуть вдоль, переломить в четырёх местах – тоже вглубь четырёхугольной трубы коробки.

Готово. В штабель. Двадцать секунд.

Боковым зрением Кирюхин видит надвигающуюся тёмную массу. Это баба Шура. Она на голову выше Кирюхина и в два раза шире его. Гренадер, штангист супертяжёлого веса.

– Буду тебе помогать, пока транспортёр не запустили, – объявляет баба Шура.

– Помогайте.

Можно было бы уже привыкнуть к размерам этой женщины, но Кирюхин каждый раз удивляется. Баба Шура сильнее его и бригадира Славки вместе взя-тых, она без труда переносит по четыре упакованных в ящики машинки и при этом то ли без меры добродушна, то ли глуповата. Женщины на конвейере время от времени меняются местами, потому что работа есть тяжелее и легче, а баба Шура постоянно на самом трудном месте – таскает от конвейера и укладывает в штабеля упакованные машинки.

– Семёныч, двести семь дней осталось, – сообщает баба Шура и поправляет выбившиеся из-под косынки седеющие волосы.

– Угу, – отзывается Кирюхин. Баба Шура считает дни до пенсии.

– Заснуть бы и проснуться через это время. Буду на даче жить. У меня там яблони посажены, крыжовник, четыре сотки под картошку... Хорошо буду жить.

Кирюхин соглашается.

– Одно не знаю, хватит ли пенсии. Цены сейчас вон какие... А так подума-ешь, то чего бояться? После войны хуже было, карточки, голод. Ничего, выжили. И сейчас как-нибудь не пропадём. Ничего-о...

Большое лицо бабы Шуры становится довольным, она вся в будущем, в сво-ём пенсионном рае, и Кирюхин подлаживается, согласно кивает. Эта немолодая женщина – загадка для него. С её силой можно было бы на участке верховодить, поставить всё так, чтобы было по-человечески, справедливо и честно, а она даже за себя постоять не может. Или не хочет?

Опять непонятное, другая жизнь, как и то, чем живет его Антон.

Пол-оборота направо – заготовку резко на себя – торцом на стол – удар руками с обеих сторон – новый выдох пыли, расходящиеся стенки сплющенного ромба... Тома молча манила пальцем. Кирюхин досадливо посмотрел на неё, отмахнулся: подожди, мама, мы с задачкой разбираемся. Тома сама подошла, взяла его за руку и потянула в маленькую комнату. «Верочка, ты подумай пока, мы с папой сейчас». Кирюхин хмыкнул, пожал плечами – упорство для Тома непонятное, – уже сам, заинтригованный, шёл за ней. «Смотри», – жена откинула когда-то полированную крышку старого, ещё родительского пианино, кивнула в глубь ящика с пыльными колками, толстыми струнами и фетровыми молоточками. Кирюхин знал, на самом дне у сына тайник. Тома случайно как-то обнаружила. «Опять презервативы?» – «Не смейся. – Тома была серьёзной, почти испуганной. – Хуже, чем ты думаешь. Смотри». Она сама засунула руку до подмышки вглубь, вытащила пачку недавно появившихся в обороте тысячерублёвых купюр. За каждую из них Кирюхину нужно было бы работать два месяца. Он потёр скулу. «Откуда?» – «Ты у меня спрашиваешь?» – «Ладно, не дёргайся. Разберёмся». – «Ещё не всё». Тома опять погрузила руку, вытащила чёрный пистолет. «Газовый, не паникуй, – сказал Кирюхин, покачивая на ладони оружие. – Положи всё на место. Я...»

– Валентин Семёнович, Александра Ивановна, я вам подмогу привела. Покажите товарищу что и как. – Мастер доброжелательно, немного заговорщицки улыбается, почти что интимно, голос у неё тоже особый. Сексапильный, думает Кирюхин.

– Товарищ – пройденный этап, – говорит он и смотрит на пожилого мужчину, стоящего рядом с Данутой Ионовной. – Господин, другое дело. Здесь только господа работают. Впрочем, беру обязательство подготовить себе достойную замену.

Улыбается мастер, улыбается баба Шура, улыбается новенький, показывая слишком белые, чтобы быть настоящими, зубы. Сразу видно, он из идейных борцов за право купить машинку по себестоимости. Что-то в его умном лице кажется Кирюхину знакомым, но вспомнить сразу не удастся, и Кирюхин, проводив Дануту Ионовну взглядом, принимается показывать, как делают (крутят, говорят на участке) коробки.

Новенький неловок, забывает последовательность немудрёных операций. Часто останавливается и озадаченно морщит лоб. Кирюхин его понимает, он сам начинал так же.

– Вы сегодня за молоком на Ильинке не стояли? – спрашивает вдруг новенький. – Очень похожи.

– За молоком? – не сразу соображает Кирюхин. Всё, что случилось до звонка сына, кажется далёким, почти что неправдоподобным.

– В очереди ещё дискуссия развернулась. Сейчас что ни очередь, то дискуссия. Вы, правда, молчали. Но у меня хорошая зрительная память. – Последние слова новенький произносит не без самодовольства.

Кирюхин бросает взгляд на его ноги. Точно, доисторические белые бурки. Как только сохранились, опять удивлённо думает он.

– Игорь Николаевич. – Новенький протягивает руку. – Рад познакомиться.

Кирюхин бормочет что-то в ответ. Ему неприятен этот человек, он сам себе

удивляется. Ничего новенький ему плохого не сделал – ни тогда в очереди, ни сейчас. В самом деле, странно.

Раньше над этим можно было бы поразмыслить, но теперь мозг словно измождённое, с трудом дышащее животное. Всё на уровне рефлексов, противится любому усилию, обескровлен. Кирюхин старается не смотреть на Игоря Николаевича, он налегает на работу. Перевернул, коробка заваливается, подпереть коленом – надоедливо пахнет шоколадом, плоская заготовка поддона, осторожно, не порезаться, так можно шоколад возненавидеть – согнул – резко вглубь – ненавидь, всё равно хер уже купишь, недоступен, пол-оборота налево к рифлёным амортизаторам, пальцами удобно брать, согнуть вдоль, переломить в четырёх местах...

Вечером он долго не ложился, специально ждал Антона. Тот пропадал теперь целыми днями неизвестно где, появлялся поздно и уходил в свою комнату. Кирюхин как-то уже заводил разговор, что бизнес дело хорошее, но учёбу запускать нельзя, диплом есть диплом. Вся эта пена когда-нибудь сойдёт, а грамотные инженеры нужны будут всегда. Он не очень в это верил, но говорил. «Я институт не запускаю, пап», – Антон смотрел так честно, прямо в глаза, что он понял: врёт. Уже раздражаясь, стал говорить, что нельзя поддаваться общей истерии, у них всё-таки интеллигентная семья, нельзя себя ронять. Сын ударил по самому больному, сострил, засранец: ты, пап, работаешь на космос, а сосед с четвёртого этажа – в «Космосе». Он недавно машину поменял, а у тебя её нет и вряд ли когда будет. Сосед, между прочим, в институте не учился... Он не сдержался, ударил Антона по щеке, глупо вышло, по-театральному, оскорблённый отец наказывает непочтительного сына. Лицо у Антона сделалось замкнутым, упрямым. Парень он, в общем-то, неплохой, хотя и скрытный, с ним надо иначе.

И когда в тот раз Антон появился во втором часу, он сделал вид, что так и должно быть, позвал на кухню пить чай. Посмеиваясь, сказал, что, по агентурным данным, Антонов бизнес процветает, в банках осели многие тысячи, любопытно, какие планы по их реализации. Антон сразу же всё понял, бросил сметливый взгляд: «Нашли?» – «Есть момент. И нелогично поступаешь. Если уж поздно возвращаешься, носи с собой пистолет. Всё же нам с мамой спокойней будет» – «Я, пап, не один». – «Вы что, компанией ходите? Или у тебя телохранители?.. Важная птица, поздравляю». – «У нас фирма, пап. Всё солидно, ты не беспокойся». – «Приятно слышать, что ты у нас крутой бизнесмен. Тогда, может, семье поможешь?» Антон замялся: «Это деньги фирмы. Мы только раскручиваемся... Пап, ты не обижайся. Ты должен понять, я не один в фирме». – «Ладно, не суетись. Чем вы занимаетесь?» – «Я не могу сказать, коммерческая тайна». – «От меня тоже?» – Кирюхин вздёрнул брови. Он старался быть ироничным, не показывать своей тревоги. «Пап, пожалуйста. Ты должен меня понять». – «Ладно, Ботанищев, что с тобой поделаешь. Понимаю».

Допонимался... Надо что-то делать. Самому. О милиции в больнице он просто так сказал. Но что придумать? Что? Здесь ещё Юра душу перевернул со своей Новой Зеландией. Кирюхин опять ступнями, всем телом чувствует, как гудят, сдвигаются где-то глубоко мощные пласты, угрюмая, безжалостная сила вот-вот сомнёт, раздавит, размажет, как червяка, – отчаяние и ужас охватывают его. То, что было в Геленджике, – мелочь, по молодости не воспринимал всего, да и перед Томой хо-

рохорился, всё-таки мужик. Подлость ситуации в том, что старый пудель, новым фокусам не выучиться. Сорок лет, поезд ушёл, не вписываешься в ситуацию!..

Он знает, что никогда не простит э т и м происходящего. Что бы потом ни было, какой бы рай и благоденствие ни наступили. Нельзя так с живыми людьми! Нельзя! Впрочем, нужно и м его прощение...

– Баба Шура-а!..

Конвейер заработал. Шаркая толстыми, слоновьими ногами, уходит баба Шура. Наступает самое тяжёлое, только успевай подавать машинки. Бригадир Славка похож на спортсмена на старте: весь в готовности, напряжён, лицо порозовело, рукава рубашки закатаны, обнажая белые веснушчатые руки – Славка рыжеват. Он на самом ответственном месте конвейера, от него зависит, сколько машинок будет упаковано, соответственно, и заработок. Славка оглядывается, цепкими, быстрыми глазами окидывает смену.

– Поехали!

– Пошёл ты!.. – неожиданно злобно отзывается Люба, плотная молодая женщина. Она в смене, что называется, неформальный лидер и во многом непредсказуема. Впрочем, место своё на конвейере всё-таки занимает. Кирюхин чувствует, Люба не в настроении и вполне возможен скандал, так уже было недавно. Заведёт кого угодно.

– Давай, давай!

– Ладно, погоняло!..

Шуршат отполированные цепи транспортёра, плывут на них ящики, которые только что сделали Кирюхин, баба Шура и новенький. Теперь надо быстро брать поступившие со сборки и проверенные уже здесь, на участке, машинки, ставить их в эти ящики. В каждой килограммов по семь, одну в правую руку, другую в левую, но не это тяжело, куда хуже пробираться к транспортёру: проходы узкие и все забиты машинками. И надо быстро, быстро – конвейер не ждёт.

Через несколько минут Кирюхин уже мокрый.

– Хороший тренинг, – говорит Игорь Николаевич, когда они сталкиваются у транспортёра. Новенький улыбается, держит машинки в полусогнутых руках без напряжения, и Кирюхин думает, что он не такой уж старый, как показалось вначале. Игорь Николаевич кивает на сидящую за столом и что-то пишущую Дануту Йооновну: – Хочу спросить насчёт мастера. Она что, литовка?

– Похоже.

– Ага, уроженка, значит, ныне независимого государства. Иностранка, можно сказать... – Глаза Игоря Николаевича останавливаются, сосредоточенно смотрят внутрь себя. – На родину не собирается?

Кирюхин пожимает плечами.

– Зачем это вам?

– Для общего развития, – усмехается новенький. Сейчас особенно видно, как он непросто, этот Игорь Николаевич. – Интересуюсь исключительно в образовательных целях. А то ведь как? В лесу известны все дела орлу на уровне орла, грачу на уровне грача, сычу на уровне сыча. А что там знает воробей – не представляю, хоть убей!..

– Из умершего поэта эпохи застоя?

– Оно.

Смена смотрит на них неодобрительно – слишком долго стоят без дела, – но Игорь Николаевич словно не замечает этого. Видно, что он быстро осваивается в любой обстановке, уже вальяжен, ироничен, и не отпускает рукав Кирюхина до тех пор, пока не заканчивает стишок. Кирюхин отходит от него, озадаченно приподняв брови. Силён, однако.

Когда выдается минутная пауза – что-то там у Славки заело, – Кирюхин спешит к телефону-автомату в сборочном цехе рядом. Достает пятнашку, крутит разболтанный диск и опять задерживает дыхание, ждёт, слушая длинные гудки. Даже затыкает пальцем второе ухо, чтобы не мешал грохот прогоняемых на стендах машинок. Но трубку у Нуриджановых не берут. Никого дома. Кирюхин ещё раз набирает номер. Тот же результат.

Он чувствует себя восьмилетним мальчиком, который стоит напротив двухэтажного «дворянского гнезда» и кричит, подняв голову к окну комнаты одноклассника: «Во-ва! Вов-ка!..» У одноклассника отец большой начальник в институте, вся эта тихая улица застроена аккуратными коттеджами на две семьи, и Кирюхину кажется странным, что у Вовки есть своя комната с настоящим письменным столом и большим сине-зелёно-коричневым глобусом, – сам он делает уроки на кухне. Одноклассник позвал вчера на день рождения, но женщина в нарядном крепдешиновом платье и в лаковых туфлях на высоких каблуках – она только что открыла дверь – сказала, что Вова уехал к бабушке. В лице женщины, во всём её виде есть что-то такое, что заставляет его вернуться через несколько минут обратно и кричать, подняв голову к окну на втором этаже: «Во-ва! Вов-ка!..» Окно распахивается, всё та же женщина говорит: «Мальчик, я тебе сказала русским языком, Вова у бабушки». Сквозняк развивает её завитые и подколотые у висков волосы, из-за спины слышны весёлые голоса. Кирюхину стыдно, но ему страшно хочется туда, где праздник и сладкий стол. Побродив вдоль «дворянских гнёзд» ещё, он опять возвращается к Вовкиному дому и стучит в дверь. Он стучит долго, он зовёт, глядя на заветное окно. Ничто не помогает. К нему никто не выходит.

Какие мы нежные, усмехается Кирюхин. Нашёл время рефлексировать! Нуриджанов бегаёт по делам, жена на работе, сын ушёл к приятелям. Всё именно так. Может, даже номер не набрался. Диск телефона-автомата болтается, как дерьмо в проруби. Давай на участок, крика тебе не хватало. Шустрее, шустрее!..

И от этих грубоватых свойских слов самому себе становится будто легче.

Обед во вторую смену ранний. Без десяти шесть Кирюхина отправляют занимать очередь в столовой. Он не возражает – это несколько лишних минут отдыха. Столовая одна на несколько цехов, и народа порядочно. В просторном, выложенном светлой плиткой помещении витают запахи пищи, монументальные раздатчицы в белых фартуках неторопливы. И – тихо. После суеты и шума участка здесь особенно хорошо.

И вообще, блаженство – стоять и ничего не делать. Мышцы устало мозжат, майка и рубашка мокрые от пота, но даже это не в счёт. Просто стоять и ничего не делать. Кирюхин опускает в карман руку, нащупывает деньги. Их совсем немного, почти все оставил тёте Груше, но тут пальцы натываются на жёсткую новую купюру. Доллар, который Официант дал утром. Сейчас Кирюхину уже приятно, что у него есть доллар, хотя, конечно, в столовой он бесполезен. Кирюхин

усмехается – какая всё-таки человек скотина! Всё рядом, оскорбление, которое утром казалось кровным, и нечаянная маленькая радость теперь.

Но по-настоящему Кирюхина занимает сейчас совсем другое. Чем ближе к раздаче, тем ему беспокойней. Он старается справиться с собой, для этого нарочито расслабленно поводит плечами, пробует даже рассеянно насвистывать. Не помогает. Мандраж только сильнее. Уже можно достать закуски. Быстро съесть тёртую морковь со сметаной, а блюдечко спрятать в карман халата. Нет, лучше ветчину с капустой – дороже и калорийней. Сайру тоже можно, а блюдечко в другой карман. Не только потому, что вкусно и есть хочется очень. Ещё потому, что всё нелепо, до смешного дорого – и еда оттого приобретает самостоятельную ценность, над ней ореол недоступности и притягательности. Дикая штука! Кирюхин в очередной раз унижен, но вёрткая животная сущность ищет выход, погибать ей не хочется – укради, возьми силой или хитростью.

– Куда! Куда! – слышится скандальный голос от кассы. – Ты что, сволочь, прячешь! Что прячешь! Мне за тебя платить потом?!

У Кирюхина обрывается всё внутри, он медленно поворачивает голову. Лицо кассирши злобно, кричит она на мужчину, стоящего за несколько человек перед Кирюхиным. В руке у того неловко застыл сочник.

– Не умеешь – не воруй! – издевательски, громко поучает кассирша. – У нас свои не воруют, не то, что вы!. Напринимают чёрт-те кого!

Кирюхина словно током пронзает. Когда мужчина берёт свой поднос и уходит от кассы, сомнений уже нет. Юра Ванеев. Вот дурак, думает Кирюхин, ему-то зачем?..

Сбоку выныривает бригадир Славка. Он по-хозяйски смотрит по сторонам, выбирает из закусок самое дорогое, опускает себе на поднос. За ним появляется Игорь Николаевич, тоже становится перед Кирюхиным. Женщин нет, те предпочитают есть захваченное из дому, прямо на участке. Одна только Данута Йоновна подходит к кому-то из знакомых, но это впереди.

– Нормально! – Славка оглядывается на очередь, которая вытянулась уже до середины зала. Он доволен, что долго стоять не придётся. – Пять минут, и мы в порядке!..

Доволен и Кирюхин. При Славке и Игоре Николаевиче его подлая животная половина, которую он откровенно побаивается, что-нибудь позволить себе остережётся. Чутка, осторожна эта половина. Рысь на дереве, скрытая ветвями, всё время готовая к действию. Может, уже и не половина. Может, больше. Кирюхин знает, она растёт и всё основательнее забирает над ним власть.

– Сегодня утром говорит, папка, это платье бяканое, в садик не одену. Не одену, и всё!.. – вдруг говорит Славка. Его большое, по-особому белокожее лицо, как бывает только у рыжеватых людей, счастливо расплывается. Это Славкина слабость, рассказывать о дочери. – Новое ей подавай. Чтоб красивое! А всего три года и пять месяцев. Не буду, папка, бяканое!.. Надо же, такой короедик, а уже к тряпкам тянется. Женщина!..

Славка говорит, и видно, что никто ему сейчас не нужен, он вполне самодостаточен, может обойтись и без слушателей. От женщин на участке Кирюхин знает, что жизнь у Славки непростая, он женат второй раз, первая жена умерла от рака, оставив ребёнка.

– Платье – это, конечно, хорошо. А вот где пани Данута? – Игорь Николаевич не склонен подыгрывать бригадире, восхищаться его дочерью. Он смотрит в зал, пытаясь отыскать столик, за который села мастер. Находит и цокает языком. Кирюхин догадывается: Игорь Николаевич хотел подсесть к Дануте Йоновне, но все места за её столиком заняты.

Он тоже ищет глазами – Юру Ванеева. Юра быстро ест, втянув голову в плечи и низко наклонившись к тарелке. Ничего победительного, того, что было, когда они ехали в автобусе, в нём не осталось. Кирюхин брезгливо жалеет Юру, хотя понимает, что вполне мог оказаться на его месте. Не понимает одного – зачем тому понадобилось воровать сочник. Человек одной ногой за границей.

Когда они расплачиваются, толстая кассирша удивлённо смотрит на Кирюхина. У него на подносе винегрет, чай и три кусочка хлеба. Для мужика это ничто.

– Талию берегу, – усмехается Кирюхин.

За столом Игорь Николаевич, не обращая внимания на попытки Славки рассказать какую-то историю о дочери, принимается рассуждать об особенностях русской государственности. С чего вдруг – понять трудно. Похоже, этот неутомный человек живёт сразу в нескольких измерениях: вынашивает какие-то свои планы относительно Дануты Йоновны, готов цитировать строки из поэта эпохи застоя, демонстрирует пренебрежительное снисхождение ко всему вокруг, и бог знает, где ещё витает его насмешливый ум. По словам Игоря Николаевича, в России никогда не считались с личностью, такова особенность здешней власти. Больше всего достается интеллигенции. Она воспитана на европейских образцах, а тут на тебе – стопроцентная азиатчина. В этом-то драма интеллигенции, отсюда все её стоны и всхлипы. Лет через сто, быть может, что-нибудь и изменится. И то, если Штаты будут присматривать. Но мы сто лет не проживём, надо сейчас что-то делать. Говоря всё это, Игорь Николаевич поглядывает в сторону Дануты Йоновны.

Кирюхин успел отвыкнуть от слов, которыми оперирует этот человек, от самих отвлечённых разговоров. Но он не может избавиться от непонятной неприязни к Игорю Николаевичу, поэтому пробует иронизировать:

– И что из сего следует?

– А ничего. Анекдот расскажу. Юный червяк впервые выполз из навозной кучи. Смотрит вокруг и глазам своим не верит. Трава зеленеет, солнце светит, цветы благоухают... Он спрашивает у отца: «Папа, почему мы живём в дерьме? Смотри, как хорошо вокруг!» – «Ты ещё многого не понимаешь, сынок, – отвечает ему мудрый отец червяк. – Запомни, есть такое слово – родина!..»

– Вы насчёт того, что надо уезжать? Но русская интеллигенция всегда служила своей стране, не бросала её в тяжёлое время. – Кирюхин сам понимает, что его слова худосочны, выспренны, но уступать этому язвительному бесу не хочется.

Сожаление появляется в глазах Игоря Николаевича.

– Вы серьёзно?.. Эти разговоры хороши под коньячок. Думаете, я ему нужен? – Игорь Николаевич кивает на примолкшего Славку. – Он только спасибо скажет, если ему не будут напоминать о достоинстве, чести и прочем. Он прекрасно проживёт без нас с вами. Спасаться надо.

Бесцеремонная прямота отталкивает, но в то же время есть в словах этого человека что-то и притягательное. Кирюхин озадачен, зачем-то спрашивает:

– Вы где работаете? – Сразу же поправляется, вспомнив о возрасте Игоря Николаевича: – Где работали?

Тот не отвечает. Встаёт и, не спуская глаз с отобедавшей и поднявшейся из-за стола Дануты Ионовны, быстро шагает за ней.

Кирюхин доедает хлеб, запивает его чаем. Потому и неприятен этот человек, что вытаскивает на свет то, что не смеет высказать он, Кирюхин?..

До конца перерыва ещё несколько минут, можно успеть позвонить. По пути к телефону-автомату Кирюхин решает – кому, Нуриджанову или тётке Груше, монетка у него осталась одна. Мысли о сыне всё время сидят в нём, ни на секунду не отпускают.

Опять разболтанный диск, опять безответные гудки. Кирюхин прижимает трубку к уху и думает, что тётка ещё в больнице, это хорошо. Утром он сказал Антону, что они не в Сицилии, но сейчас ему тревожно оттого, что на улице стемнело, впереди долгая ночь и Антон, в общем-то, беззащитен. Кто может помешать? Старуха на вахте, дежурная медсестра?.. Раньше ему и в голову не приходило, что американские детективы о мафии могут иметь отношение к настоящей жизни. Ведь зайдут и прикончат!

Опять ударили барабаны паники, судорожно сжимается мошонка. Кирюхин приказывает себе успокоиться, но успокоиться не получается. Сегодня он пойдёт в больницу дежурить, переночует рядом с Антоном. Надо только взять у мастера справку на машинку, и он уедет. Пусть даже ему не засчитают смену.

Против ожидания, работать на участке ещё не начали. Бригада собралась у конторки мастера и что-то обсуждает. Увидев Кирюхина, женщины замолкают, и он понимает, что речь шла о нём.

Решали, какой ему дать коэффициент трудового участия? Кирюхин спокоен, месяц отработал добросовестно, наравне со всеми. Значит, и зарплата будет как у всех. Что с того, что он временный работник.

– Вот и Валентин Семёнович подошёл. Присоединяйтесь к нашему собранию, Валентин Семёнович... Товарищи, – Данута Ионовна мило смущается. – Даже не знаю, как теперь обращаться... Совет трудового коллектива нашего концерна решил проводить выборы мастеров и начальников цехов. Раньше их свыше назначали, теперь будете сами выбирать, в том числе на нашем участке.

– Так мы тебя, Ионовна, можем скинуть? – громко, словно удивляясь, говорит скандальная Люба и обводит всех медленным взглядом. – Наконец-то!

– Сама, что ли, в мастера метишь? – перебивает её Славка. – Кто за тебя голосовать-то будет?

– Не за тебя же голосовать, козла! Снюхались, думаешь, всю жизнь в начальстве будете? Накомандовались! Привода коробками воруете!

– Ты докажи, докажи! Сама вчера мотор в раздевалке прятала!..

Слушать всё это тягостно. Кирюхин не уверен только в одном: всё время эти люди такими были или последние годы вытолкнули наружу всю дрянь и дерьмо, которые в благополучные времена скрыты? Игорь Николаевич, он стоит ближе всех к мастеру, почти касаясь её, с азартным интересом наблюдает за происходящим. Встретившись глазами с Кирюхиным, подмигивает. Такие, мол, пироги! Огромная баба Шура слабо машет рукой и уходит на рабочее место, принимается «крутить» коробки. Вековые усталость и покорность сквозят в её движениях.

Первый автобус от концерна в их городок уходит в десять часов. За полчаса до срока Кирюхин направляется к конторке мастера. Данута Ионовна занята какими-то бумагами, но сразу же поднимает на Кирюхина ясные глаза.

– Пожалуйста, ваша справка, Валентин Семёнович. Я всё помню, сделала. Завтра обратитесь в бухгалтерию, вас рассчитают и дадут талон на машинку. Вы какую хотите взять, «Чайку» или «Чайку-2М»? Советую «Чайку-2М», она делает больше операций, на ней можно даже вышивать...

Всё вроде бы как всегда, доброжелательность и словоохотливость, но что-то в Дануте Ионовне Кирюхину не нравится. Похоже, она знает о нём нехорошее. Так врачи ведут себя с тяжелобольными, которые о своей болезни ещё не подозревают.

– Почему мне такой низкий коэффициент дали? – наобум говорит Кирюхин и тут же по глазам мастера понимает, что попал в точку. – Это у вас принцип такой, обирать временных работников?

– Это не моё решение, Валентин Семёнович. Так бригада решила. – Данута Ионовна смущена. – Вы же не станете утверждать, что разбираетесь во всём, как Слава, например.

Смущён и Кирюхин. Не так ему хотелось расстаться с приятной женщиной, нет, не так. Но его уже понесло:

– О чём вы говорите! Я кандидат наук, в чём здесь разбираться!.. – От возмущения, от несправедливости у него перехватывает горло. – Вы мастер, ваше слово что, ничего не значит? Вы разве не могли настоять?

– Я сегодня мастер, завтра – не мастер. Поговорите с бригадой, докажите ей. – Данута Ионовна берёт ручку и делает вид, что углубляется в бумаги.

Кирюхин резким движением сдёргивает со стола справку на машинку. Ничего, завтра пойдёт к начальнику цеха! Понадобится, дойдёт до директора концерна!..

Кирюхин слышит, как прекращает работу транспортёр, тишина зависает над участком. Он оглядывается назад и первыми видит бригадира Славку и Любу. Славка смотрит на него исподлобья, настороженно, Люба – с откровенной злобой, готовая вот-вот взорваться криком.

Бесполезно.

Одного он всё-таки сумел избежать. Тома уже про Антона знает, рассказывать ни о чём не надо.

– Что теперь делать? – говорит жена и с надеждой смотрит на Кирюхина.

Они сидят на кухне, Кирюхин ест суп, сваренный на костях. Их, каждый раз стесняясь, Тома покупает вот уже несколько месяцев.

– Что делать? – Кирюхин старается говорить так, чтобы голос звучал уверенно и вполне бодро. Этими уверенностью и бодростью должна проникнуться жена. – Если разобраться, ничего страшного с парнем не произошло. Просто напали хулиганы. От этого никто не застрахован, тем более сейчас. Запретим ему шляться по ночам. Пусть дома сидит, к лекциям готовится.

– Думаешь, это не из-за денег? – Томе очень хочется, чтобы Кирюхин её переубедил.

– Конечно, нет! – твердо отвечает он. – Нашла акулу капитализма. Кому он

мог дорогу перейти со своим бизнесом? Это нам его деньги кажутся большими, а для серьёзных людей – ерунда. На преступление из-за таких не идут... Я тебе говорю – случайность!

Тома, похоже, несколько успокаивается. Тем более, что она недавно из больницы, сменила тётю Грушу и сама видела, что с Антоном не так уж плохо. Тома начинает рассказывать о событиях, произошедших за день, постепенно становясь домашней, родной, привычной – такой, какой Кирюхин её знает.

– Пойдём спать? – наконец спрашивает жена, помыв посуду и вытерев со стола.

Если бы не его решение дежурить ночь у Антона, пришлось бы изворачиваться, что-то придумывать, лишь бы не ложиться одновременно с женой. Сейчас Кирюхин спокоен.

– Схожу-ка я к Антону. Посмотрю, как он там.

– Начало первого, Валя! Я час как от него, всё нормально, – со скрытой обидой говорит Тома. Обида её смешана со смущением, жена старается не смотреть на Кирюхина. – Ты ничего не подумай, я совсем не о том... Просто хотела к тебе под крылышко. Полежать, пошептаться...

Кирюхин тоже отводит глаза.

– Вернусь, пошепчемся, – быстро отвечает он и уходит в тёмную комнату.

Осторожно, чтобы не разбудить Верочку, достаёт из недр пианино Антонов газовый пистолет, прячет его в карман, прислушивается к сонному дыханию дочери. Мимо дома проезжает машина, на секунду освещает потолок, и слабый отсвет ложится на лицо Верочки. Лёгкие русые волосы, ещё детский овал щеки, вздёрнутый Томин носик... Только тебя, милая, пока не задело, думает Кирюхин. Только тебя. Надолго ли?.. От нежности к дочери и страха за неё сжимается сердце.

На улице подмораживает, шаги Кирюхина далеко слышны в тёмном пространстве между домами. Кирюхину хочется, чтобы на него сейчас напали, уж он тогда бы выместил всё, что накопилось. Пистолет не понадобится, он будет рвать зубами, грызть глотки. А если убьют, тоже хорошо. Лишь бы вышло так, чтобы потом не опознали – хоронить его Томе не на что. Как и утром, хрустит под ногами подмёрзшая мартовская слякоть, ярусы окон опять темны, только в нескольких тревожно мерцает свет телевизоров.

С улицы больничный холл похож на огромный пустой аквариум. За стеклянными стенами нет жизни, лампы дневного света бросают молочные блики на диваны вдоль стен, на плитку пола, на листья раскидистого растения в квадратном ящике... Кирюхин долго стучит, пока, наконец, не появляется женщина в мятом – уже спала – белом халате.

– У меня здесь сын лежит, – кричит Кирюхин сквозь толстое стекло, – впусти на минутку!

Женщина недовольно советует прийти завтра, сейчас нечего, поздно.

– Завтра я в командировку уезжаю, – врёт Кирюхин. – Мне на минуту, попрощаться только. – Он достаёт и прикладывает к стеклу заработанный утром доллар. Очень кстати пришёлся.

Довод убедительный. Ещё посомневавшись, дежурная всё-таки открывает дверь, Кирюхин суёт в карман её халата доллар и торопится к лифту. Лифт

уже не работает, и Кирюхин быстро, задыхаясь, поднимается на шестой этаж. Ему кажется, если он именно сейчас промедлит, с Антоном обязательно что-то случится.

В хирургии сонно, тихо, свет горит лишь на посту медсестры, и Кирюхин облегченно переводит дыхание. Дежурной медсестре он говорит то же, что и женщине в холле, обещает через минуту уйти и вскоре уже стоит в палате, привыкая к темноте.

– Ты что, пап? – шёпотом спрашивает Антон.

– Не спишь? – Кирюхин осторожно двигается на голос, находит ощупью стул и садится. – Как дела?

– Вроде ничего.

– У меня здесь, Ботанищев, мысль появилась. Ты не спеши отвечать, сначала всё взвесь. Думаю, тебе какое-то время надо пожить у бабушки. Пони-маешь меня?

Антон долго не раздумывает:

– А как бабушка к этому отнесётся? – Он не возражает, он согласен уехать из родного города, от друзей и знакомых, от них с Томой, наконец. Всё оказывается даже серьёзней, чем думал Кирюхин.

– А что бабушка? Во все детали его посвящать не будем, просто поедешь в гости. Он вас с Верой в каждом письме приглашает... Сначала сделаем так, а там посмотрим. – Кирюхин рад, что голос звучит рассудительно и твёрдо. Сын не должен почувствовать его состояние.

Загудел лифт. В больничной тишине этот звук отчётлив, хотя идёт будто из-под земли. Кирюхин настораживается, и не только потому, что десять минут назад лифт был отключён. Страх перед подземным гулом навсегда вьелся в мозг. Щёлкнуло, открываются двери лифта, суматоха и сдавленные голоса в коридоре. К палате идут, и Кирюхин суёт руку во внутренний карман куртки, где у него газовый пистолет. На пороге распахнутой двери стоит дежурная медсестра, шарит по стенке рукой, быстро находит выключатель.

– Мужчина, надо помочь.

Щурясь от света, Кирюхин поднимается со стула, кивает Антону, мол, я сейчас, и следует за медсестрой. Руку из кармана он не вынимает. Выйдя в коридор, настороженно смотрит по сторонам. У кабины лифта топчется женщина, её движения суетливы и бестолковы, она шмыгает носом, тихо поскуливает. Виден край носилок, на них неподвижное тело, прикрытое плащом.

– В операционную, – командует сестра.

Кирюхин вскользь удивляется – где санитары? Почему на носилках, а не на каталке? – но сталкивается взглядом с причитающей женщиной и замирает.

Роза Ванеева.

– Юра?.. С Юрой?..

– Упал родной мой с балкона! Нечаянно упал! – рыдает Роза, тычется Кирюхину лицом в грудь. – За что, господи? За что?!

– Женщина, прекратите, – приказывает медсестра. – Мужчина, беритесь с той стороны. – Она поворачивает к Кирюхину строгое лицо, осуждающе, с досадой говорит: – Четвёртый за этот месяц. И всё нечаянно!

Кирюхин, боясь смотреть вниз, идёт за сестрой. То, что на носилках, молчит,

и молчание это давит на Кирюхина невыносимо. Дверь отсекает Розин плач, в ноздри бьёт специфический медицинский запах. Не может быть, думает Кирюхин. Не должно быть. И тут же: так просто?..

Он гонит от себя эту мысль, но она неотвязчива. Кирюхин призывает всё своё мужество, резко выдыхает воздух и сжимает зубы.

Его вцепившиеся в ручки носилок пальцы белеют от напряжения.

Они были заняты собой и сначала не обратили внимания на голоса. Это случилось часто – тропинка к морю проходила мимо их коттеджа, и далеко за полночь можно было услышать скрип гальки, неясные смешки в темноте, обрывки разговоров – многие ходили купаться голышом.

Они вспотели, его тело сладостно скользило по Томиному. Тома подавалась навстречу, вращала бёдрами, постанывала – они многому научились в тот месяц в Геленджике. Кто-то опять прошёл под окнами, и разговаривали не только взрослые, явственно слышались детские голоса, а по стене торопливо мазнул свет карманного фонарика.

Это было странно – глубокая ночь, почему дети не спят? – однако мысль прошла краем сознания. Кирюхин держал Тому за плечи, его мокрый лоб упирался в подушку, щека в такт движениям терлась о её щеку, колени привычно ощущали твёрдые доски – от жары и чтобы не скрипеть, они спали на полу, расстелив одеяло.

Вдруг Тома замерла и перестала отвечать. «Почему не флюидируешь?» – шепнул Кирюхин. Тома молчала, неудобно приподняв над подушкой голову. «Послушай». Кирюхин с трудом задержал дыхание, но ничего не услышал. «Не отвлекайтесь, мадам». – «Дрожит», – сказала Тома. «Что дрожит?» – не понял он. «Земля. Спиной чувствую».

Они быстро оделись. Испуга не было, но стали понятны и озабоченные голоса, и торопливые шаги, и непривычное для ночи многолюдье. Кирюхин щёлкнул выключателем, но свет не загорелся. Тома крепко ухватила его за руку и потянула наружу. Он попробовал пошутить, но Тома не отозвалась.

Плохо различимые в темноте, на вершины прибрежных холмов поднимались люди. Сколько их, трудно было понять, но, похоже, уходили не только из пансионата. Весь склон испятнал жёлтый свет фонариков. Кузнечиков не было слышно, сильно и тревожно пахло полынью, чёрный простор вокруг дышал враждебностью.

Сейчас уже и Кирюхин чувствовал, как подрагивает земля. Его вдруг качнуло, он инстинктивно расставил в стороны руки, ухватился за Тому. Молодой жаркий стыд обдал его. Скрывая досаду, он опять попробовал схохмить, но со стороны обрыва над морем тяжело ухнуло, дробно покатилося, затрещало дерево, и чей-то голос сказал: «Крайние домики».

Вокруг панически затолкались. «Валя!» – звонко крикнула жена, потеряв его руку. Кирюхин бросился на крик, выхватил Тому из запалённо дышащей и мощно напиральной толпы. Он сам на минуту поддался общему страху и, не выпуская ледяных Томиных пальцев, потащил её подальше от обрыва. Кроссовки проскальзывали на обожжённой южным солнцем крошащейся глине, голые ноги – Кирюхин был в шортах – рвали колючки.

Вдруг утробно, подспудно загудело. Кирюхин подумал, что так гудит в метро, когда стоишь на платформе, поезда ещё нет, не видно даже отблеска фар в тёмном повороте тоннеля, но звук уже возник и медленно набирает силу, становится всё явственней, мощнее, шире, заполняет, наконец, всё пространство станции и легко перекрывает шарканье сотен подошв и слабые человеческие голоса. Тома опять потянула вверх. Утробное гудение угрюмо нарастало, земля под кроссовками дернулась раз, второй, колыхнулся воздух, угрожающе сдвинулось пространство.

Было что-то апокалипсическое в этом множестве полуодетых людей, в темноте молчаливо бегущих вверх. Иногда кто-то из них спотыкался, падал или просто опускался на склон, выбившись из сил. Тогда его отталкивали в сторону, топтали, выбрасывали из общего движения, из самой жизни.

На вершине холма Кирюхин остановился, во рту было так, словно насосался пятаков. В обе стороны вдоль моря свет не горел ни в одном пансионате, ни в одном доме отдыха. Глухой чёрный простор раскинулся на многие километры. Лишь видно было, как из Новороссийска шёл празднично освещённый, в разноцветных гирляндах трёхпалубный теплоход. Даже сюда доносилась музыка с него.

Беззаботность, глупый шлягер по внутрикорабельному вещанию были издевательскими, противоестественными, кощунственными. Кирюхин обнял Тому за плечи и почувствовал, что её колотит. Он ничего не успел сказать, успокоить, их опять тряхнуло, повалило на землю. Кирюхин поднялся на четвереньки, нашупал жену и помог встать.

Падая и опять поднимаясь, они побежали в тёмную степь. Они спасались от несущегося на них поезда, от его тяжёлого беспощадного всепокрушающего движения. Лица обдавало то сухим степным, то мягким морским воздухом. Близились самый глухой час ночи.

Звёзды вверху горели светло и мирно, но удивиться этому у них не было сил.

1992 – 1999

БУДНИ, ИЛИ СРАЗУ ПОСЛЕ АРМИИ  
Повесть

Дембелям 68 года

1

Андрей хотел было открыть калитку, он и руку уже опустил на шершавую некрашеную штaketину, как вдруг остановился, поставил чемодан на траву и восторженно присвистнул.

По дорожке из-за белых гаражей шла незнакомая девчонка.

Андрей вернулся на дорожку и широко раскинул руки.

– Дэвушка, ты кто такой? Почему тебя не знаю? Стой, знакомиться будем! – Для большего впечатления он завращал глазами и погладил верхнюю губу, будто там у него и в самом деле росли усы. – Меня Гиви зовут, а тебя как?.. Говори, да, зачем не говоришь, зачем молчишь?!

Девчонка замедлила шаг, а потом, исподлобья поглядывая на Андрея, стала обходить его стороной.

– Ги-и-ви, – протянула она.

Девчонке было лет четырнадцать, ошибся Андрей, это издали она казалась старше – походка, что ли, такая была, взрослая. Девчонка смотрела опасно. Пучок выгоревших волос на затылке, дешёвенькое платье, на ногах над белыми кроссовками краснеют цыпки... Так себе, сыроежка скороспелая.

– Вы тётки Веры Губановой племянник, а не Гиви, – упрекающим голосом сказала она. – Не обманывайте.

– Не веришь?! – оскорбился Андрей. – Ну, погоди!..

Он бросился к ней, сделал вид, будто хочет схватить в охапку. Но девчонка так брызнула в сторону, прямоком через бурьян и мелкий битый кирпич, оставшийся после строительства гаражей, что Андрей расхохотался. И затопал на месте ногами.

– Держи её! Ух, догоню, мурзилка!..

Девчонка отбежала и оглянулась. Увидев, что никто за ней не гонится, остановилась и покрутила пальцем возле виска.

Андрей подхватил свой чемодан и бодро направился в калитку.

– Приходи в гости, мурзилка! – Он помахал ей рукой. – Не бойся, дядя шутит. Дядя маленьких не бьёт!..

– Дя-я-дя, – передразнила девчонка. Если и было в ней что-то от взрослой, так это грудь. Высокая, крепкая, она тяжело ходила после бега. Девчонка, видимо, стеснялась своей груди и оттого сутулилась. – Тоже мне дядя нашёлся...

– Поговори, – рассеянно сказал Андрей уже из-за забора. Он её не слушал. Внимательно поглядывая на окна, прикидывал, дома ли крёстная.

Сразу за калиткой начиналась выложенная красным кирпичом дорожка, которая вела прямоком к крыльцу. Ближе к дому, у самых темно отсвечивающих – сумрачно как-то, омутно – окон раскидисто росли яблони. Было тихо и неподвижно, над цветущей картошкой по бокам дорожки мягко гудели пчелы.

Андрей на секунду даже приостановился. Странно всё-таки! Тебя нет, ты где-то далеко, стоишь в карауле или пашешь в кухонном наряде – не два года, целая жизнь, можно сказать, прошла! – а здесь всё по-прежнему. Картошка, яблони у окон, бочка вон под стоком ржавая... Разве что кусты крыжовника разрослись да дранка на крыше потемнела.

Дела!..

Прихлопывая рукой по шатким перилам, Андрей поднялся на крыльцо и толкнул ладонью дверь на веранду. Та не поддавалась. Тогда он принялся стучать, напористо и весело приговаривая:

– Крёстная, открывай!.. Открывай, мамаша, двери, твой разбойничек идёт!.. Тётка Вер, слышь?..

Никто открывать что-то не шёл. Андрей хмыкнул, подмигнул белой крашеной двери, её продольным тонким трещинам, бегущим до самого низа, и ловким коротким движением, будто проделывал всё это у кого-то на виду, сдвинул ногой тряпку перед порогом.

– О-па!

На чисто промытых досках с выступающими коричневыми сучками открылось влажное пятно. Андрей даже тряпку приподнял и потряс. Но ключа не было.

– Ладно, – сказал он, устраиваясь на ступеньках и прислоняясь плечом к скрипнувшей балясине. – Можно подождать, мы не гордые!..

Но на месте никак не сиделось. Андрей поднялся со ступенек и прошёл к забору, который одной своей стороной упирался как раз в середину дома. И заглянул за штaketник.

Собственно говоря, дом не весь был тёткин. Ей принадлежала только одна его половина, а в другой жили Голосуевы, давнишние соседи, которые и продали крёстной в своё время полдома. Андрей повертел головой, но на половине Голосуевых тоже никого не было видно. “На работе все, – решил Андрей. – День-то будний!..”

По красной кирпичной дорожке он вернулся к калитке. Минут десять послонялся по поляне за оградой, но никого из знакомых так и не увидел. Лишь какой-то молодой парень копался в моторе “Жигулей” у забора кооперативных гаражей.

– Что, искра в землю ушла? – крикнул ему Андрей.

Парень оглянулся, внимательно посмотрел на него, но ничего не сказал. Он был в модных джинсах, на голой спине – следы грязных пальцев. Видно, почесался. – Ты её за хвост, земля, за хвост! И держи крепче, чтоб не вырвалась!..

“Салага ещё, в армии не служил, – подумал он о парне. – А машина отцовская. Девчонок будет катать. Нормально!” Андрей представил девушек с длинными распущенными волосами, и ему стало радостно.

До прихода крёстной всё равно делать было нечего, и Андрей вышел на дорогу, ведущую в город. Не спеша двинулся по обочине. Можно было бы, конечно, сесть на трамвай – он как раз здесь делал кольцо, – но Андрей решил идти пешком. Всё ему вокруг было интересно.

По сторонам шоссе стояли потемневшие избы окраины и вытянутые одноэтажные дома барачного вида с натыканными в крыши телеантеннами – своей формой и изгибом трубок они походили на пионерские планеры. За заборами, покрашенными в пропылившийся синий цвет, виднелись участки с цветущей картошкой. Кое-где лучились на солнце рамы парников. И над всей этой приземистой жизнью, будто оберегая и защищая, поднимали свои зелёные ветви деревья – яблони и вишни за оградой, берёзы и рябины у калиток.

Дальше, стоило только перевести взгляд и посмотреть вперёд, неожиданно и смело высились белые, слепящие и похожие, должно быть, на айсберги – такие же огромные и неподвижные – двенадцатиэтажные дома подступающего города. Празднично и ярко горели их стёкла, чётки и красивы были строчки балконов и лоджий.

– А что, нормально, – сказал сам себе Андрей. – Скоро и крёстная квартиру получит – город-то разрастается! Воду из колонки не носить, крышу не чинить – отлично!..

Становилось всё жарче. На углу двух переулков Андрей заметил вывеску бани и, недолго думая, решил зайти ополоснуться – уж очень неприятно липли штанины к потным ногам. И не пожалел. В раздевалке, куда он, расстёгивая на ходу рубашку, ступил, было прохладно. Между открытыми окнами, отдувая занавески, гуляли тонкие сквознячки. Даже сумрак этого сыроватого помещения после ярких жарких улиц был приятен.

Андрей взял у гардеробщика простынь, мочалку и целый час простоял под холодным душем, с удовольствием ощущая, как скатываются между лопатками щекотливые струйки. А когда уже собрался выходить из моечного зала, его остановил рыжеватый мужичок с выпирающими ключицами над костлявой грудью и в обвисших мокрых трусах.

– Помоемся? – спросил мужичок и зазывно потрянул пышной мочалкой. Глаза у него были заискивающие. – А то давай, по первому разряду оформлю, а?..

– Не, я уже, – сказал Андрей. Стирая ладонью капли с лица, он кивнул в сторону редких в это время посетителей, всё больше пенсионеров с дряблыми ягодицами: – А эти что, не хотят?

Мужичок безнадежно махнул рукой:

– А!.. И ведь, скажи, недорого беру – бокал пива за всё удовольствие. Я же контрабандой, понимать надо!

Вскоре стало ясно, что он и в самом деле “контрабандой” – его принялся гнать настоящий, в клеёнчатом фартуке на голое тело, банщик. Банщик ругался по-бабьи тонким голосом, и Андрей, смерив его взглядом, презрительно сказал:

– Чего к человеку пристал?.. Отвали!

Когда они с Саней (так звали рыжего мужичка) уже пили пиво за оцинкованной стойкой буфета, который находился здесь же, при бане, Андрей спросил:

– И охота тебе? Каждая шестёрка бочку катит, позорит... Я бы не стал.

Саня отводил глаза и молчал.

– Унижаешься. Зачем надо?..

Саня глухо пристукнул кружкой по мокрой жести стойки.

– Думаешь, мне это пиво нужно? – наконец сказал он. – Я сам могу кого хочешь угостить, зарабатываю – будь спокоен! Я не кусочник, чтобы стаканы

сшибать. Слесарь-лекальщик шестого разряда, триста колов в месяц у меня всегда выходит, вот так! – Саня отхлебнул из кружки и вытер губы распаренной рукой со сморщенными подушечками пальцев. Какое-то время молчал, глядя в сторону. – Мне поговорить, может, хочется. Просто так, поговорить – и всё! Радио, к примеру, слушаешь, а сказать ему ничего не можешь. Или телевизор. А вот так, чтобы он тебе и ты ему, с живым человеком... На работе – когда? На работе работать надо. Там мастер над душой, и вообще... Только и побазаришь, когда выпиваешь. Ну, ещё после получки или аванса с мужиками соберёшься. Правильно говорю?

Андрей пожал плечами. Есть с кем поговорить, нет... Чудило! А насчёт того, что триста рублей зарабатывает – это мужик заливает. Стал бы тогда другим спины тереть!.. Но спорить Андрей не стал, а принялся рассказывать о своей службе. Саня почему-то располагал к такому разговору. Время от времени он прикладывался к кружке, посыпав её ободок солью, и согласно кивал.

– Ну, правильно, теперь гуляй, тебе положено. Я-то знаю, что такое армия, самому пришлось. С сорок четвёртого по пятьдесят первый трубил, не веришь? Всё срочной службы! Я двадцать седьмого года рождения, после нас несколько лет некого призывать было, понимать надо!..

Андрей взял ещё по кружке пива. Опёршись на стойку, они вдвоём долго разговаривали об армии, припоминали всякие интересные истории. Странное дело, понимали они друг друга так, будто служили в одной части.

– Ты часто здесь бываешь? – спросил под конец Андрей. Пора было уходить, крёстная, наверно, уже вернулась с работы.

Саня, который только что рассказывал, как в своё время ездил на хоздворовской кобыле Берте в самоволку и как его уважали девчата из окрестных деревень, сразу поскучнел. И почему-то принялся оглядываться.

– Бываю...

– Тогда увидимся. Я сюда мыться буду ходить.

– Ладно...

Встреча с крёстной получилась не такой, как Андрею хотелось.

Сначала вроде всё было хорошо, ему даже удалось подшутить над ней. Надеясь догнать тётку, он специально выбрал дорогу, которой та возвращалась обычно с фабрики. И в самом деле, едва свернул за последний перед домом угол, как увидел впереди её коренастую фигуру в цветастом летнем платье.

Крёстная неторопливо шла, слегка помахивая сумкой из коричневого кожзаменителя. Андрей тихо подкрался сзади и, схватив сумку, потянул к себе. Крёстная дёрнула сумку, быстро повернула испуганное и в то же время сердитое лицо, но обессиленно опустила руки, увидев расплывшуюся в улыбке физиономию племянника.

– Ну, тебя, ей-богу!.. Напугал!.. Давно ждёшь меня? Ключ не нашёл?.. Нет, чтобы телеграмму дать, встретила бы, а то молчком!

– А что меня встречать, я сам к тебе дорогу знаю, – улыбался довольный Андрей.

Здесь же, посреди улицы, крёстная обняла его и расцеловала. Потом отвела на вытянутые руки и, крепко держа за локти, склонила голову набок.

– Симпатичный ты у нас, Андрюша, настоящий мужчина, честное слово! – Крёстная привстала на цыпочки и ещё раз поцеловала Андрея. Слабо улыбаясь, покачала головой: – Господи, господа, как годы летят!..

Следом за ней Андрей прошёл в калитку. По ступенькам крыльца поднялся в душную от солнца веранду, а затем ступил в комнату. Здесь было прохладней. Андрей огляделся.

Всё тот же розовый абажур с кистями на невысоком потолке, фотографии на стенах, оклеенных светлыми обоями. В простенке между окнами, выходящими во двор, золото грамот с густо-красными знамёнами и профилями вождей – грамотами крёстную награждали за ударный труд на фабрике.

Длинные тюлевые занавески на окнах, сквозь них протянулись тонкие лучики, которые проникают через листву яблонь. Под вышитой салфеткой стоит баян, оставшийся после дяди Миши, первого мужа крёстной, погибшего в шахте на Донбассе...

– Ну, что стоишь? Проходи, садись. Или отвык за два-то года?

– Не торопи, начальник, ещё успею сесть... – Андрей, подойдя к проигрывателю в углу и перебирая пластинки, шутливо прищурился на крёстную. – А вот поесть бы не мешало. С утра не ел.

– Сейчас, дай отдышусь... Выключи ты этот проигрыватель, поговорить не даст!

Через минуту, не переодев цветастого платья, крёстная уже ходила из комнаты на кухню и обратно, накрывала на стол. Между делом расспрашивала, как там мать с отцом поживают и как дела у Кати, Андреевой старшей сестры, – у той выпивал муж.

Крёстная беззлобно поругивала Андрея. Мог бы и пораньше приехать, ведь уже сколько прошло, как вернулся из армии, а тётку родную всё никак не удосужится проведать. Хоть бы письмо написал, не поленился!.. Наконец, стукнув дверцей холодильника, достала початую бутылку водки и поставила на стол.

– Водку? В такую жару? Стаканами?.. – брезгливо произнёс Андрей. И, выдержав паузу, закончил: – С удовольствием!

Крёстная засмеялась, оценив юмор. На самом же деле Андрею было неудобно – как сам не догадался и ничего не купил! Ведь теперь-то вполне взрослый, может выпить и с крёстной, тем более в день приезда. Но чувство было мимолётное, торопливое, и вскоре Андрей о нём забыл.

– Ну, мужчина, разливай, – сказала крёстная, снимая фартук и присаживаясь к столу. Она посмотрела на проигрыватель. – Андрюша, ты хорошую музыку поставь, а эти буги-вуги я терпеть не могу!

Всю современную музыку она называла ”буги-вуги”, будь то “Самоцветы” или ”Песняры”. И если бы не Андрей, ничего, кроме пластинок Руслановой и Зыкиной, у крёстной не было бы.

После второй стопки крёстная как-то сразу захмелела. Лицо у неё покраснело, набрякло. Тяжело опираясь локтями на стол, она упрямо колола вилоккой ускользящий по тарелке кругляшок огурца. Андрей же был совсем трезв, не смотря даже на выпитое в бане пиво.

– Не надо мне было вторую пить, – пожаловалась крёстная.

– Сейчас ляжешь, отдохнёшь, всё нормально будет!

Однако слова Андрея, похоже, не подействовали на тётку. Настроение у неё совсем упало. Отложив в сторону вилку, она сидела, подперев щеку рукой. А когда подняла на Андрея глаза, тот увидел, что они полны слёз.

– Ты чего? – с удивлением и укоризной спросил он.

– Будешь у меня, Андрюша, за сыночка. Бог своих не дал, так хоть ты не бросай...

Крёстная была моложе матери на четыре года и в молодости, после того, как дядю Мишу засыпало в шахте, ещё два раза вышла замуж. Однако жизнь всё не складывалась. То ли потому, что не было детей, то ли ещё по какой причине, но мужья уходили от неё. Крёстная до сих пор делала маникюр и подщипывала брови. Но лицо у неё по-прежнему оставалось простоватым, деревенским – её почти не изменили годы, прожитые в городе.

– Не дал господь своих... Как ни лечилась, как ни мучилась...

– Ну, не надо, не надо, – поднимаясь из-за стола, сказал Андрей. Чтобы успокоить, погладил крёстную по плечу. А та вдруг крепко, судорожным движением ухватила за его руку и, тихо заплакав, стала прижимать к щеке и куда-то к горлу и целовать.

Это было совсем уж ни к чему. У него праздник, из армии вернулся, а здесь!..

Андрей решительно высвободил руку и вышел на веранду, плотно прикрыв за собой дверь. Закурил. Долго смотрел на воробья, который сидел с раскрытым клювом на краю железной бочки под стоком и с сомнением заглядывал внутрь. Потянулся и зевнул. Жара и Андрея разморила.

Позже, когда крёстная часок соснула и появилась на веранде, неловко улыбаясь, Андрей сказал, не глядя на неё:

– Мне поспать бы. Устал как собака.

Крёстная с облегчением засуетилась. Готовя здесь же, на веранде, постель, всё приговаривала:

– Вот бестолковая! Нет, чтобы самой догадаться. Парень в общем вагоне ехал, сел поздно, всю ночь не спал... И духота ещё эта. Вот бестолочь-то!.. Андрюша, я дверь оставлю, прохладней будет, ладно?

2

К крёстной Андрей приехал в конце июля. А до этого весь месяц, первый после армии и оттого долгий и запомнившийся, провёл у отца и матери в небольшом районном городке

Городок был старинный, с тем особым укладом жизни, который вырабатывается веками и из-за отдалённости от больших городов меняется медленно и преимущественно на поверхности. Расположен городок был среди низкорослых на болотистом грунте сосен, вдали от железной дороги. Если кому-нибудь из его жителей нужно было добраться до железнодорожной станции, то требовалось не меньше трёх часов трястись на автобусе по лесным дорогам с выступающими и хлопающими по колёсам корнями. Была здесь и своя достопримечательность – белый монастырь у озера, обнесённый высокой стеной. Говорили, что монастырю четыре века.

Ещё лет пятьдесят назад городок славился в округе своими яблоками и пирогами с рыбой, которой в озере было в изобилии. Но время шло, и то ли потому,

что люди менялись, одни умирали, другие рождались, то ли потому, что рыбы стало меньше, но сейчас уже редко какая старуха помнила рецепт этих самых знаменитых пирогов. Да и яблоневого сада на задах как-то понемногу захирели, поредели, а потом и вовсе сошли на нет – частью вымерзли, а частью были пущены под топор в холодное и голодное военное время. Да и куда местному сорту было равняться с краснобоким пепин-шафраном, который в большом количестве стали выращивать в ближнем совхозе.

Но известности своей городок не терял. Стала она, правда, несколько иной. На удивление завидно пошли дела у цеха сувениров, открытого при мебельной фабрике. Деревянные мишки, орлы, расписные детские стульчики местного производства можно было встретить далеко за пределами области. Особым успехом пользовалось маленькое, на игрушечных козлах декоративное брёвнышко с вошедшей в него двуручной пилой. Пила никелированная, по полотну надпись: “Пили, но знай меру!” – этот сувенир в качестве подарка для своих благоверных покупали мужчины. Ещё знаменит был городок хоккейной командой, которая постоянно занимала в области призовые места.

Вот в такой городок и вернулся Андрей после армии.

Как положено уволенному в запас солдату, он в этот первый месяц гражданской жизни ничего не делал – гулял. Спал не в доме, а перебрался в сад на деревянный топчан, чтобы не стучаться и не будить родных, когда возвращался среди ночи.

Целыми днями Андрей пропадал на пляже. Там он знакомился с девчатами, подростками в его отсутствие, играл в волейбол, в невероятных прыжках вытаскивал безнадежные, казалось, мячи и на спор переплывал озеро туда и обратно без отдыха. За этот долгий месяц после армии Андрей стал общепризнанным хранителем ключа от пляжа, потому что раньше всех на пляж приходил и позже всех уходил.

– Чадо, – говорили ребята, направляясь по домам, – будешь уходить, пляж закрой. Ключ, само собой, под бакен.

– Бу-сделано, – снисходительно соглашался Андрей, отрываясь от содержательной беседы с какой-нибудь из загорелых девчонок. Он поворачивал голову, и красиво, чётко обрисовывалась его высокая крепкая шея. – Закрою, идите... Пора бы на ставку меня, между прочим, оформить!

“Чадо” – так звали Андрея с детства, а ключ от пляжа, конечно, был символический.

Всё шло именно так, как и мечталось долгими часами в карауле. В городке почти ничего не изменилось. И танцы по-прежнему проходили на пяточке в парке, который ещё звали зверинцем, – это, должно быть, из-за высоких металлических прутьев, тесно ограждавших площадку. Друзья были рады, что Андрей опять с ними. А зрелые “монашенки” на пляже (в бывшем монастыре уже много лет размещался дом отдыха – не пустовать же добротному зданию) любовались Андреевой фигурой. Служба была сравнительно спокойной, и оба армейских года Андрей занимался туризмом.

Было, правда, неудобство, на которое Андрей старался не обращать внимания – это случайные встречи с Галей Карпухиной. Особенно стали они неприятны после одного случая. Придя как-то в гости к своей замужней сестре Кате, Андрей выпил бражки и устроил у дома Карпухиных скандал. Он требовал, что-

бы вышла Галя – надо, мол, поговорить. Галя не выходила, только раза два мелькнуло в окне её бледное лицо. К Андрею вышел Галин муж, молодой специалист – его года три назад прислали по распределению на мебельную фабрику, – худой парень с кадыкастой шеей. Он был в спортивных брюках и синей майке, которая обвисала под мышками.

– Что вам нужно от моей жены? – спросил он, стараясь говорить строго.

– Не твоё дело, – сказал Андрей и ухватился рукой за притолоку. – Пусть Галя выйдет. Поговорю – и всё!.. А ты пошёл отсюда, индюк.

Неизвестно, чем бы всё кончилось, но тут, оттеснив зятя плечом, подоспела Галина мать. Стыдя и ругаясь, она принялась сталкивать Андрея с крыльца. Тому это показалось обидным. Он стал упираться, в конце концов сломал перила и так толкнул старшую Карпухину, что та упала, запнувшись о порог.

Сидеть бы Андрею пятнадцать суток – на лицо был дебош и нанесение телесных повреждений, – если бы не сестра Катя. Она уговорила соседку забрать заявление из милиции. Да и ударилась та, в общем-то, легко. Но старшая Карпухина всё же высказалась, облегчила душу:

– Вырастили оболтуса! Строже бы держали, на старших руку не поднял бы, – уличающее бросила она матери. – Ты и девки твои. Ходили вокруг квочками – Андрюшенька да Андрюшенька!.. Вот тебе Андрюшенька, бандит вырос. Слава богу, Гальку уберегла. Был бы зятёк...

Мать на это промолчала – рада была, что всё закончилось хорошо, – а сестра Катя молчать не захотела. Заявление из милиции соседка забрала, спасибо, но поносить семью никто не позволит.

– Не в баловстве рос, а в любви, – сказала Катя побелевшими от обиды губами. – Что он, чужой нам? Родная кровь! Это ты своих гоняла, материнской ласки не видели. К тебе хоть раз сыновья приехали в отпуск? За десять лет?.. А девушку Андрей себе получше твоей Гальки найдет, успокойся!

Слово за слово – разругались основательно. Пришлось потом ещё раз мириться. Дома среди своих сестра возмущалась: «Баловали!.. Да кого же любить, как не родных! В жизни и так мало радости, чтобы ещё своих не любить...» Мать молча кивала головой.

С Андрея же взяли слово оставить Галю в покое.

– Нужна она мне... – хмуро буркнул на это Андрей. После бражки сильно болела голова.

Ему было досадно. Ну что бы он Гале сказал, если бы она даже вышла?.. С Галей он встречался до армии. Глазастенькая эта девчонка была на его проходах, они сидели за столом рядом, касаясь ногами друг друга. Первое время Галя писала часто, а потом промежутки между письмами становились всё больше, пока, наконец, она не сообщила, что полюбила хорошего человека и выходит за него замуж.

Для Андрея это не было такой уж неожиданностью (друзья написали ещё раньше, что Галя появляется на танцах с каким-то кадром, и спрашивали, не очистить ли этому шустряку физиономию), но всё равно было обидно.

Сейчас, вернувшись домой и увидев где-нибудь на улице Галю с детской коляской, Андрей чувствовал себя неловко. Ему почему-то становилось стыдно тех слов, которые говорил ей, когда они стояли вечером под вязом возле её ка-

литки и слышно было, как ветер перебирает вверху листья. Будто он признался в своей слабости, а Галя взяла и воспользовалась этим. Он старался о Гале не думать и не встречаться с ней даже случайно.

Удавалось это довольно легко. История с Галей была так, лёгким облачком где-то у самого горизонта. На пляже Андрей познакомился с тридцатилетней старшим инженером Оксаной, она проводила свой отпуск в местном доме отдыха. Сначала Андрей, хотя и не подавал вида, чувствовал себя не очень уверенно (как-никак разница в возрасте почти десять лет), но болтал и смешил в обычной своей манере. Старший инженер оказалась своей женщиной, твёрдо решившей весело и без оглядки провести время там, где её никто не знает. Они с Андреем очень понравились друг другу, особенно когда познакомились ближе...

Домой Андрей возвращался поздно. Белая рубашкой в предрассветной душистой тишине, открывал калитку, и навстречу, сбивая тяжёлую росу с кустов сирени, шумно выскакивал и начинал ластиться лохматый Матрос. Андрей нагибался, брал его морду двумя руками и начинал, притихшему, мять уши, а потом резко отталкивал, – и пёс, ломая кусты, в восторге носился вокруг него. “Сук-к-ин ты сын!” – говорил этому простодушному большому псу Андрей.

Странное дело, он чувствовал, что они с Матросом чем-то похожи друг на друга. Может, открытостью, радостной силой, уверенностью, что жизнь отличная, великолепная штука! Ерунда, конечно. Он – человек, а Матрос собака. И всё же...

Пригибая голову, Андрей проходил между деревьями, сбрасывал со своей постели на топчане громко зашелестевший целлофан от росы и садился на одеяло. Было темно и влажно, в чёрных кронах акаций возле забора, как рыбёшки в неводе, шевелились предутренние звёзды. Пахло землёй и холодными мокрыми листьями.

Всё шло отлично, но недели через три такой свободной беззаботной жизни Андрей, возвращаясь как-то от колонки с двумя вёдрами воды, неожиданно остановился и, посмотрев в небо, увидел самолёт.

Было вечернее время, самолёт, ещё освещённый солнцем, шёл высоко – полупрозрачный серебряный крестик в зеленоватом бездонном просторе. Тонко взблескивали его далёкие рубиновые огни. Гула турбин, даже самого отдалённого, едва намекающего, не было слышно – он, похоже, не долетал до земли.

Андрея вдруг охватило тревожное чувство, надо было куда-то спешить, что-то делать, торопиться... Он ясно, с пронзительной силой почувствовал, что жизнь – та, настоящая, о которой столько думалось и мечталось в армии, не здесь, а там, где-то, далеко...

Даже дышать стало трудно.

Андрей не стал задумываться, откуда, почему такое чувство. Он принёс вёдра домой, аккуратно поставил их на кухне и громко сказал:

– Всё! Завтра еду к крёстной!

И в самом деле уехал. Решительность и уверенность в себе у него были ещё армейские.

В тот город, где жила крёстная и куда Андрей решил поехать, он выбрал себе направление (Андрей учился хорошо и направление на работу себе выбирал), когда до армии окончил профтехучилище. Тогда поработать по специальности

не пришлось – призвали, и сейчас, после службы, Андрей был, в общем-то, вольный казак, езжай куда хочешь, хоть на БАМ, хоть севера покорять. Дело было за ерундой – за деньгами.

Думать о жёсткой непоколебимости денег Андрей в армии как-то отвык. Можно было бы, конечно, попросить у отца, вечно озабоченного человека, работавшего прорабом в коммунхозе, но незадолго до отъезда отец строго, даже зло, дёргая щекой, отчитал его, обозвал лоботрясом – выпивая с приятелями в саду, Андрей помял куст роз, которые с такой старательностью отец вот уже несколько лет выращивал, – и просить денег у него не хотелось. А тех рублей, что, оторвав от хозяйственных расходов, дала мать, было мало, чтобы уехать далеко.

В ночном вагоне Андрей разговорился с каким-то парнем лет под тридцать. У этого парня широкие зальсины едва не доходили до макушки. Узнав, что Андрей только что из армии, он принялся рассказывать, как служил сам. Было это на севере Сибири, возле какой-то реки, парень отслужил все три года, как тогда и полагалось, а в части, что стояла рядом, лишь на том берегу, служили по два – был такой закон, на Севере служили меньше, чем на остальной территории Союза

– Представляешь? – допытывался пожилой этот парень. Он заглядывал Андрею в глаза и с болезненной какой-то улыбкой качал головой. – Через реку, триста метров каких-то – и на целый год меньше! Представляешь?!

– Ещё бы! – солидно усмехался Андрей и откидывался в тень верхней полки. Он почему-то чувствовал себя опытной и старше.

Утром попутчик принялся угощать вяленой олениной. Оказалось, он работает в Якутии, начальник автоколонны. Сюда приехал – “на запад”, сказал он – в отпуск. Погостил у родных, а вот теперь направляется к морю. Андрей, видимо, чем-то ему понравился, и этот молодой начальник автоколонны стал звать к себе на работу.

– Слушай, а чего ты теряешь? Мне крепкие ребята вот как нужны! И тебе заработать надо, приоденешься после армии как следует. Здесь что заработаешь? Мне, например, смешно на материковские заработки смотреть – несерьёзно, правда!.. Сначала будешь слесарем в мастерских. А сдашь на права – получишь новую машину. У нас это запросто. И через годика два-три на “Жигули” у тебя будет, гарантирую. Ну?

– Боюсь, – отшутился Андрей, разливая по стаканам пиво, которое принёс из вагона-ресторана. – Холодно у вас. Железо, говорят, не выдерживает.

– Ну, это сам понимаешь! Денег нигде даром не платят.

– Нет, – уже твёрже сказал Андрей. – У меня свои планы.

Ему, собственно, было всё равно, куда ехать. Просто не хотелось нарушать представления о себе, как о солидном, знающем, что ему надо “старике” – представления, которое, Андрей чувствовал, сложилось о нём у этого пожилого парня.

“Нет”, – твёрдо говорил Андрей и в душе немного любовался собой, своей целеустремлённостью. Он гордился тем, что ему двадцать лет, что здоров и крепок, что перешагнул этот порог, армию, а светлый пивной хмель делал прекрасную жизнь впереди ещё прекрасней и такой же необозримой, как казахские степи, в которых Андрей служил.

Вспомнилось, как двадцать восьмого июня (незабываемый день!) они, четыре “старика” из предпоследней партии уволенных в запас, сошли с поезда в Москве. Как сияли их значки на специально подогнанных и ушитых к такому слу-

чаю мундирах. С каким тщанием были подшиты белые подворотнички с вдетой проволочкой и как черным пламенем горели надраенные сапоги. А на крышке дембельского чемодана одного из ребят было выведено большими белыми буквами: “Ну, девчата, держитесь!”

По площади проносились блестящие машины, торопился деловитый утренний люд. Сбоку полыхали в раннем солнце окна высотного здания. И у подземного перехода свободно продавались – подходи и покупай! – пирожки и мороженое, от которых ребята отвыкли за время службы.

Вот она, жизнь!..

Парни, все четверо, остановились, сбили фуражки на затылки и молча – слов не было – переглянулись. Поток людей огибал их, были в этом потоке красивые девушки. Они читали надпись на дембельском чемодане и, подняв глаза, мимо-лётно улыбались...

Весь месяц Андрей чувствовал себя удивительно. Радость и счастливая уверенность переполняли его. Он теперь хозяин жизни, а жизнь – она проста и понятна, как камешек на ладони, может, только немного равнодушна. Но это даже хорошо. Есть возможность проявить свою закалку и силу и взять её, как берут понравившуюся женщину.

## 3

Вечером Андрей вышел на поляну.

Было ещё светло. Старухи на ближней лавочке оживлённо заговорили, проводив его взглядами. За самодельным столом под берёзами сидели мужики в мятых домашних штанах и туфлях на босу ногу, играли в домино. Фанерная столешница глухо ухала под сильными – от души – ударами.

Андрей усмехнулся. А в самом деле странно! Будто и не было тяжёлого степного зноя, тёплой воды из алюминиевой фляжки, которой никак не напиться, командира роты старлея Дериглазова...

Андрей прошёл к берёзам, минуту постоял за спинами играющих. Первым его заметил дядя Лёва Кондрашов, известный на окраине своей силой человек – он поднимал за передок “Волгу”, на которой возил директора мясокомбината.

– Отслужил?

Андрей сдержанно кивнул.

– К тётке в гости?

– Вроде того.

– Это дело хорошее... – Дядя Лёва зорко поглядывал то на стол, то себе в ладонь, на которой легко умещалось до десятка костяшек. Мужики вокруг насторожились – Кондрашов играл отлично, и сейчас, было видно по его лицу, что-то замышлял.

– Хорошее дело, хорошее... Ещё бы не хорошее... Рыба! – Дядя Лёва с размаху ударил по фанере. Костяшки, подпрыгнув, перемешались. – Под стол, суслики! Что за команду мне подсунули! Следующий!..

Желающих играть хватало. Андрей занял очередь, а пока решил сделать круг по поляне, посмотреть что да как.

Ещё несколько лет назад, Андрей помнил, поляна представляла собой заросшее травой широкое пространство между домами и деревянными, наскоро ско-

лоченными из бросовых досок и горбыля сараями – шанхаем, как их все называли. В сараях держали дрова и уголь, в тёмных закутах визжали по утрам голодные поросята, а петухи, взлетев на низкие, крытые толем крыши, орал, напряжённо выгибая шею. В общем, не скажешь, что город, хотя бы и окраина. Только за сараями день и ночь неумолчно гудело шоссе. Оно одно и напоминало, что город рядом.

По вечерам, пугая надменных гусей, на поляне пацаны играли в футбол. Даже взрослые парни, перекатывая папиросы с фигурно смятыми мундштуками из одного угла рта в другой, порой приходили попинать мяч. По дорожке, взявшись под руки, прогуливались девчата. Они грызли семечки, пересмеивались и задевали парней. Стойкой полосой тянулся за ними запах духов, светились в близких сумерках лёгкие кофточки.

Меняться все началось ещё до того, как Андрея забрали в армию. Дошла наконец очередь и до окраины, топить дома провели газ, надобность в сараях вроде бы отпала. И однажды на поляне появился бульдозер и за полчаса шанхая не стало. Как-то неожиданно и скоро всё произошло, хотя, конечно, разговоры шли давно и о предстоящем все знали. Поросят и кур хозяева перевели за заборы, поближе к домам, а на месте шанхая очень скоро вырос кооперативный гараж – приземистое длинное строение из белого силикатного кирпича.

Гараж захватил добрую половину поляны, она как-то переменялась, поскучилась. И хотя пацаны мяч гоняли здесь по-прежнему, взрослые ребята играть в футбол перестали. И девчата перешли гулять на новую асфальтированную дорожку, проложенную специально к гаражам.

– Чадо!

За забором стояла Нинка Голосуева, соседка, и улыбалась. В руках – сквозь штaketник было видно – Нинка держала эмалированный ковшик. Похоже, поливала помидоры. Заулыбался и Андрей, направляясь к девушке.

– Привет!

– Здравствуй. – Симпатичная темноглазая Нина, перехватив ковшик из одной руки в другую, вытерла о джинсы ладонь и протянула Андрею. – Давно приехал?

– Сегодня. А я днём смотрю, у вас никого нет. Куда все Голосуевы, думаю, подевались? Ни тебя, ни Пети Чаева, ни матери...

– Так работаем ведь! Это ты слоны слоняешь. – Нина с подчёркнутым вниманием осмотрела Андрея с головы до ног. – Ну, Чадо!.. Тебя ночью встретишь, сам карманы вывернешь. Во амбал!

Андрей сделал вид, что засмутился.

– Сама понимаешь, дисциплина и чёткий распорядок!.. Как вы здесь? Игорь ещё служит?

– Осенью должен вернуться. Ты надолго к тёте Вере?

– Видно будет.

Андрей посмотрел на девушку и вдруг засмеялся.

– Чего ты?..

Андрей, не отвечая, продолжал хохотать. Он даже руку к животу приложил, так ему было весело. Нина непонимающе подняла брови.

– Кончай, Чадо.

– Я вспомнил... как вы с Игорем... козью морду!.. – Андрей во всю веселился. Он даже ухватился за штaketник, чтобы не упасть.

Когда Андрей в первый раз приехал к крёстной – было ему тогда лет двенадцать – и вышел на поляну, к нему сразу, будто специально поджидали, подошли двое, мальчишка и девчонка. Оба черноглазые, смуглые, оба держали руки в карманах одинаковых курток. “Хочешь козью морду?” – вдруг сказала девчонка и прищурилась.

Андрей остановился. Он понял, что придётся драться, но отступать не собирался. Посмотрел на девчонку, потом на мальчишку и независимо отставил ногу. “Замучаешься!” – “Кто замучается? Я замучаюсь?!” – угрожающе подхватил мальчишка и полез на Андрея грудью. “И ты тоже”, – Андрей ноги своей не убрал, и они сошлись нос в нос. “Сейчас ка-э-к врежу!..” – с придыханием сказал мальчишка. Он, похоже, не ожидал такой смелости от нового на поляне пацана, и угроза его прозвучала не очень уверенно. “Слабо! Я десять раз на турнике подтягиваюсь.” – “Заливаешь! – Мальчишка презрительно скривил губы. Сдаваться он тоже не собирался. – Вон турник, подтянись давай!” – “И подтянусь! – Андрей посмотрел туда, куда показывал мальчишка. Между нижними ветвями двух берёз видна была железная труба. – Пошли!”

Он подтянулся все десять раз и подтянулся бы одиннадцатый, но труба была неудобная, слишком толстая, и пальцы у него сорвались. “Теперь давай ты. – Андрей поплевал на ладони и вытер о штаны ржавчину. – Что, дрейфишь?”

Мальчишка не успел ничего ответить, его оттеснила девчонка. – “Смотри!” – Она подпрыгнула, ухватила за трубу и принялась быстро подтягиваться. И тоже подтянулась десять раз. “Так не считается! – заупрямился Андрей. – Надо честно, до подбородка, а ты до носа только!..” Но всё равно почувствовал к ней уважение. Девчонка – и десять раз подтянулась! Особенно понравилось то, что последние два раза она подтягивалась с трудом, через силу, но не спрыгнула, от своего не отступилась.

Позже оказалось, что это сестра и брат, Нинка и Игорь Голосуевы, близнецы. Они на поляне качали права. В конце концов Андрей с ними подружился. У него вообще была такая примета: с кем он начинал со ссоры, тот потом становился его лучшим другом.

– Ну ладно тебе, – сказала Нина. – Ты что, глупостей в детстве не делал?

– Нет, здорово вы подлетели тогда насчёт козьей морды!.. – не унимался Андрей. У него даже слёзы на глазах выступили от смеха. – Ещё бы, пацан чужой, возьми-ка на испуг! Тем более, двое на одного!..

Нина, показывая неуместность столь длительного веселья, пожалала плечами. Она наклонилась, зачерпнула ковшиком из ведра и опять принялась поливать помидоры.

– Ну, ну, отсмейся... Говорю тебе – возрастное. Кто бы меня в то время заставил в огороде копать? Да никогда! А сейчас, видишь, поливаю, и даже приятно.

– Помидоры, что ли, поливать?

– А что ты думаешь, – Нина серьёзно взглянула на Андрея. – Правду говорят, всему своё время.

Андрей облокотился на штакетник, несколько минут наблюдал, как девушка работает. В воздухе пахло резким запахом, который обычно исходит от потревоженных помидорных кустов. За спиной стучали в домино, дядя Лёва Кондрашов время от времени покрикивал: “Не, мужики, не! Вам только в лото играть, честно говорю!..” На половине крёстной зажгётся свет, а окна Голосуевых оставались тёмными.

– Нин, а Петя где? – спросил Андрей. – Игра на выезде?

Нина помедлила.

– Какой Петя?

– Ну, ты даёшь. Чаев!.. Он раньше в домино любил. Или спит, устал после тренировки?

– Он там, где должен быть, – ровным голосом сказала девушка. Она звякнула опустевшим ведром и выпрямилась, заправляя в джинсы выбившуюся футболку. – Ты лучше бы воды принёс, сосед называется! Слабая беззащитная женщина из сил выбивается, а он стоит и смотрит. Нет, Чадо, каким ты был, таким ты и остался. Не научили тебя ничему в армии!..

Андрей внимательно посмотрел ей в лицо. Что-то здесь не так, зубы Нинка заговаривает.

– А всё-таки, где Петя? А?.. Колись давай, колись!

Несколько лет назад Нина Голосуева сразила всех наповал. Едва ей исполнилось восемнадцать, выскочила замуж за Петю Чаева, известного в городе футболиста, одного из немногих мастеров спорта в местном “Авангарде”.

Честно говоря, Андрей до сих пор не понимал, как это так получилось, что Петя женился на Нинке. Она девчонка симпатичная, это конечно, но ведь – Петя Чаев!.. Андрею казалось, что у такого человека и жена должна быть какой-то особенной.

– Тебе бы разведчицей быть, сведений не разгласишь, точно!.. Так где Петя?

Девушка на него даже не взглянула. Андрей недоумённо хмыкнул. В самом деле, странно. Надо будет у крёстной спросить.

Его позвали играть, и, направляясь к столу под берёзами, он оглянулся на девушку. С пустыми вёдрами та шла к колонке, походка у неё была непривычная – какая-то строгая, что ли, подтянутая. Раньше Нинка ходила враскачку, как большинство девчонок на окраине. “Ещё бы, – подумалось Андрею. – Теперь она – дама!..”

Дядю Лёву Кондрашова наконец высадили, и он, нависая сзади над играющими, давал советы. На него ругались, просили не мешать, но дядя Лёва хохотал, закидывая голову:

– Как это молчать, когда глупость вижу?! Ты зачем ему конец рубишь? Ты с кем играешь – с ним или против?.. Чемодан ты некрашенный!

Как большинство сильных людей, дядя Лёва любил иной раз покуражиться.

Играли в домино до полной темноты, до тех самых пор, пока на костяшках ещё можно было что-то разглядеть. Потом мужики стали расходиться. Андрей не торопился. Он ещё раз сделал круг по поляне, слушая вечерние звуки и глядя на окна, освещённые голубоватым светом телевизоров.

Затем сел на лавочку возле одной из калиток, стал смотреть на зарево огня над близким городом, на мелкие, едва видные звёзды. А какие они в Казахстане!.. Но даже то, что звёзды здесь блеклые, – нравилось.

Ощущение было, как в детстве. Их, младшие классы, строят у дверей спортзала, рядом, успокаивая, с деланно строгими лицами, похаживают учительницы. У ребят горят глаза, никто не может спокойно устоять на месте. Все знают, за дверью – чудо. Переливается огнями огромная, под потолок, ёлка, душисто пахнет её оттаявшая хвоя, и волшебю, необыкновенно, заво-

раживающе светятся игрушки на широких лапах. К запаху хвои примешивается запах мандаринов, шоколадок в хрустящей фольге, какой-то особый, но тоже прекрасный запах канители и гирлянд. И всё это вместе пахнет самым лучшим в мире праздником – Новым годом. Дед Мороз уже приготовил свой мешок, под завязку наполненный подарками.

Вот-вот дверь распахнется, и Андрей вместе со всеми окажется в ярко освещённом зале. От предчувствия невероятного счастья у него обмирает всё внутри, по рукам и спине бегут мурашки... Скорей бы открывалась дверь, скорей бы!..

Дома крёстная принялась угощать чаем. Она вполне уже пришла в себя и совсем не напоминала женщину, которая может жаловаться на судьбу и со слезами целовать племяннику руку.

Широко, прочно расставив на столе локти, крёстная прихлёбывала из блюдечка – была у неё такая привычка, любила пить чай из блюдца. Говорила, так вкуснее, чем из чашки.

– Слушай, а что, у Нинки детей ещё нет? – спросил Андрей.

– Какие дети! Я же тебе писала – развелась она. Вот уже с полгода, как развелась.

Андрей поперхнулся чаем.

– Ты что! Развелась с Петей Чаевым?.. – Он даже засмеялся. – Когда ты писала?

– Ну, значит, думала написать, забыла. Его из команды выгнали, она с ним и развелась.

– Петю Чаева?! – Андрей отставил кружку.

– Ну да. Избили они какого-то парня, он и его дружки. Сильно избили, чуть под суд не попали. Замяли, в общем, дело, других бы точно посадили. А отвечать кому-то всё равно надо. Нинкин муж, говорят, взял всё на себя. Его из команды и попросили. Он теперь каждый день пьяный ходит, не просыхает. Настоящий алкоголик стал, жаль парня, пропадает.

– Дела-а! – Всё ещё до конца не веря, Андрей испытывающее посмотрел на крёстную. – Правда, что ли?

– Буду я тебе врать! – Крёстная оживилась: – А ты помнишь, как Нинка за ним бегала? Совесть девка потеряла, честное слово! Мать, так та глаза соседям казать боялась. Ну, видано ли – встанет у его калитки и ждёт, когда он со своего футбола приедет. Час стоит, два!.. И ведь уже взрослая была, стыд должна чувствовать, а ей всё как с гуся вода! А сейчас... Пойди пойми её. Что за любовь такая?..

Андрей молчал. Новость, в самом деле, была неожиданной. Нинкино поведение, когда он с ней разговаривал, было, конечно, странным, но мало ли что – вдруг поссорились или ещё что-нибудь. Оказывается... Дела!

Перед тем, как улечься спать, они договорились, что завтра пойдут Андрея прописывать – жилплощадь у крёстной вполне позволяла. И сразу же он начнёт устраиваться на работу.

– Чего тянуть, – твёрдо заявил Андрей. – Нагулялся, хватит!

Крёстная посмотрела на него с уважением.

– Здравствуйте – поздоровался Андрей от порога.

За большим полированным столом сидел пожилой мужчина с гладко обритой головой – начальник отдела кадров. Он что-то писал и на Андрея не посмотрел.

– Садитесь. – Не поднимая головы, мужчина кивнул на стул. Потом вздохнул, воткнул ручку в письменный прибор, изображающий ракету на чёрной пластмассовой подставке. И взглянул на Андрея неожиданно яркими голубыми глазами. – Слушаю вас. На работу?

Андрей протянул документы.

– Да. По направлению, – коротко сказал он, для солидности хмурясь.

Начальник отдела кадров взял документы и ещё до того, как просмотреть их, спросил:

– Недавно из армии?

– Так точно! – вырвалось у Андрея. Он чуть не встал по стойке смирно, но усмехнулся и спросил: – Как вы догадались?

– Да уж догадался! – Начальник отдела кадров довольно завозился в кресле. – Причёска у тебя, например, короткая. Паспорт новый... И вообще выправка чувствуется. Остальное дело техники, как говорится.

И уже другим, свойским голосом он спросил, раскрывая синие твёрдые корочки Андреева диплома:

– Ну, что у тебя? Профессионально-техническое училище... Чертёжник... Значит, по направлению к нам?

– По направлению. – Андрей протянул заполненный бланк направления с крестообразным следом сгибов. Бумага бланка уже слегка пожелтела. – Сразу после училища направили. Ну, пока служил...

– Где я тебе место чертёжника найду?! – вдруг перебил его начальник отдела кадров. – Да что это, как сговорились все! Девчата в институт провалятся, приходят к нам – так только хотят чертёжницами или лаборантками! А еще лучше, секретаршами к начальству, туда, где потеплее. А я спрашиваю, кто за станок пойдёт? Кто на рабочее место встанет? Главный-то в нашей стране рабочий класс, пролетариат, трудовые руки!.. Давайте засядем все по конторам, конструкторским бюро разным – и пропади всё пропадом! Нам хорошо, а остальное неважно!..

– Чего вы на меня? Я здесь при чём? – недовольно протянул Андрей. – Я училище закончил, получил к вам направление...

– Не на тебя!.. Я вообще. И ведь что интересно, станочник у нас раза в два больше инженера получает, а всё равно в институты конкурс, а на заводе станочный парк простаивает! Стыдно работать физически?.. А как мы после войны с киркой и ломом – и ничего, не стыдились! Наоборот, чем руки мозолистей, тем почётней!.. Или я чего-то не понимаю? Время другое?..

Андрей пожал плечами. Но, похоже, начальник отдела кадров и не ждал от него ответа. Он обеими руками провёл по своей гладкой голове, потом вскинул на Андрея васильковые глаза.

– В контролёры пойдёшь? На внешнюю приёмку?

Андрей принялся тереть пальцем едва заметное пятнышко на торце столешницы.

– Так я же чертёжник...

– Ну где я тебе место возьму? Как только появится – переведём, обещаю! А пока месяц-другой поработаешь контролёром в ОТКа. – И начальник отдела кадров доверительно подался к Андрею. – А что, оформим по четвёртому разряду, это рублей за сто с прогрессивкой выйдет. Ты один пока? Ну да, по паспорту не женат, одному хватит. Ты по направлению, пойми, мне тебя устроить надо!.. И работа хорошая, лёгкая, постоянно на свежем воздухе... Лады?

– Зимой тоже на свежем воздухе?

– А что – зимой?.. – искренне удивился мужчина. – Ты солдат или не солдат?.. Ну как?.. Временно.

– Ладно, – махнул рукой Андрей. – Уговорили!

Начальник отдела кадров поднял трубку и набрал номер.

– Позовите Копача... Это ты, Богдан? Что-то я тебя не узнал, богатому быть... Скажешь тоже – рыбалка! Лето на дворе, захочешь, не простудишься. Пропил голос – так и говори, а выкручиваться нечего!..

Поговорили в таком духе ещё с минуту. Неизвестный Копач, похоже, назвал начальника отдела кадров клоуном.

– Сам ты клоун, – не обиделся тот и, придав голосу серьёзность, перешёл к делу: – Вот что, Богдан, найди, разговор есть. Я тут тебе парня одного, – он бросил взгляд на Андрея, – даю на внешнюю приёмку... Да где я тебе отставника возьму, они что у меня, грибы после дождя?! Демобилизованный солдат, грамотный, дисциплинированный. Ты мне целый год голову морочишь со своим складом листа!.. Ну, давай, жду.

“Что за Копач такой, что начальника клоуном обзывает?” – недоброжелательно заинтересовался Андрей. Армейские понятия о субординации крепко сидели в нём.

– А чего ты специальность такую выбрал? – Кадровик опять потёр свою гладкую, словно полированную голову. – Чертёжник! Женская работа. А ты парень вон какой – подковы, наверно, гнёшь? Гнёшь, угадал?

– Не пробовал.

Андрею было приятно, что даже этот посторонний человек обратил внимание на его мышцы, но ответил он сухо. Не станешь же каждому объяснять, что сестра уговорила. “Надо, чтобы работа была чистая, среди культурных людей. Вон мой охламон (имелся в виду муж) двести пятьдесят зарабатывает. А толку? Половину пропивает и мат-перемат каждый день...” Андрей недовольно смотрел в окно. Всегда Катя за него решает, пользуется тем, что старше!..

Пока дожидались Копача, в кабинет заходили разные люди. Одни просили что-то подписать, другие – выдать справку, третьи ругались и требовали, бросали на стол листки с заявлениями. Народа заходило много, был он самый разный, и в конце концов Андрей уже почти ни на кого не обращал внимания.

Не придал он особого значения и появлению какого-то шустряка с загорелыми залысинами. Этот очередной посетитель метнулся взглядом по кабинету, коротко остановился на Андрее, подхватил решившую было выскользнуть из-под мышки папку, плотнее прижал её – и всё это на ходу, по пути от двери к столу начальника отдела кадров.

– Добрый вам день в вашей хате!

– Здорово, Богдан, здорово. – Кадровик приподнялся и протянул руку через стол.

Это, оказывается, и был Копач. В самом деле, шустряк: маленький, быстрый, с острыми локотками. Спину Копача облегал шёлковая тенниска в продольных жёлтых и зелёных полосах – от такого сочетания цветов загар на руках вошедшего казался коричневым.

“А хорошо ему, прохладно”, – позавидовал Андрей, посмотрев на свободные брюки Копача. Сам Андрей был в доармейских, узких, уже не модных, а сейчас ещё и жарких.

– Вот, Богдан Иванович, знакомься. Тот парень, о котором я тебе звонил.

Андрей поднялся и ступил навстречу Копачу.

– Русков. Андрей.

– Богдан Иванович Копач... Ну, ты и так уже понял.

Вместе с Копачем Андрей вышел на территорию завода. На проходной он показал вахтёру свой, пока только разовый пропуск, а у Копача даже проверять не стали – видимо, его знали и так.

Богдан Иванович повёл мимо огромного строящегося цеха с могучими железобетонными опорами, с наглядно обнажёнными, будто на чертеже, широкими пролётами; мимо молодых деревьев, недавно, должно быть, посаженных и оттого чахлах, с мелкими редкими листиками; мимо транспарантов из толстой жести, вкопанных ножками в землю. На них – схемы и диаграммы, рассказывающие о росте выпуска продукции, производительности труда, средней заработной платы...

– Работа у нас, Андрюха, лёгкая, – споро шёл и деловито говорил Копач. Он сразу взял с Андреем свойский тон. – Ты на руки мои не смотри (Андрей тотчас посмотрел. Руки у Богдана Ивановича были в чём-то буром – похоже, в ржавчине). На работу сможешь ходить вот так, как есть сейчас – не замажешься. Насчёт этого не беспокойся.

Андрея задело, что Копач, да и начальник отдела кадров тоже, подчёркивают, что работа будет лёгкой. “Не замажешься...” Недовольно растягивая слова, он сказал:

– А я работы не боюсь. Я и рабочим пошёл бы, если надо. В армии всё приходилось.

Копач взглянул на него и, не удивляясь, кивнул – понятно, мол.

День постепенно набирал силу, было уже около десяти часов. Короче, словно подтаяли, сделались тени. Поднимая известковую пыль и погромыхивая, рядом проехал самосвал с бортовым номером 21-21. “Очко, – отметил Андрей, провозжая взглядом металлический кузов с глубокими вмятинами. – Два очка сразу».

– Ну и жарит! – сказал Копач и полез в карман за платком. Отвернувшись от поднятой самосвалом пыли, он вытер лицо и шею. – Сильное в этом году лето! Давно такого не было. Как в мае начало жарить, так уж третий месяц.

– Разве это жара? Так, лёгкая разминка, – небрежно заметил Андрей, желая произвести на Копача впечатление. Ему хотелось расстегнуть рубаху ниже, давно хотелось, но он, проверяя силу воли, этого не делал. – Настоящая жара не здесь. Кара-Кумы – вот, где жарко! Яйца в песке можно печь. Вкрутую.

– Ты служил там?

– Почти. В Казахстане. А в пустыне во время учений приходилось бывать. – И солидно добавил: – Не раз, конечно.

– Ну и как служба?

– Нормально. Только людей, гражданских в смысле, два года не видел.

– А отпуск?

– Так не все в отпуск ездят! Мне не дали. А так служба нормальная, чего там... – Андрей замедлил шаг и значительно посмотрел на Копача. – Только это между нами. О трудностях и прочем. Я подписку давал о неразглашении.

– Будь спокоен.

Этого Андрею показалось мало.

– Я, конечно, не пижон, но военная тайна есть военная тайна.

– Понимаю. – Копач, опять не удивляясь Андреевым словам, вытер платком потную шею.

Некоторое время шли молча.

– А вы где служили?

– Я, Андрюха, нигде не служил. Здоровье не позволяет. Почки.

“Откосил! – снисходительно подумал Андрей. – Интересно, что за работу он мне подкинет?..”

Наконец подошли к двухэтажному блочному зданию, обсаженному со всех сторон молодыми тополями. Стоило дохнуть лёгкому ветерку – и тополя, показывая светлую изнанку листьев, казалось, хлопали в ладоши. Широкие ячеистые окна первого этажа были закопчёны. Иногда слышалось, как в однотонном непрерывном гуле вдруг высоко вскрикивал какой-нибудь станок. В короткой тени у входа в цех стояли скамейки с изогнутыми спинками. Они были пусты.

– Сначала я тебя, Андрюха, познакомлю с сертификатами. Чтобы ты знал что и как, – деловито сказал Копач, глядя себе под ноги.

По затоптанной каменной лестнице со щербатыми – местами выбиты куски – ступеньками они поднялись на второй этаж. Деревянный пол здесь оказался гулким, как барабан. Было тихо, сумрачно, слабо пахло сигаретным дымом. Копач толкнул ладонью дверь с табличкой “Контрольный мастер по внешней приёмке”.

– Заходи. Сейчас с сертификатамиознакомишься, а после обеда пойдём на склад. Всё на месте посмотришь. Практически, так сказать...

Комната контрольного мастера была чуть светлее коридора, зато, как сразу отметил Андрей, просторная, хоть в футбол играй. У затенённого тополями окна в зелёном полусумраке сидела за столом худенькая, будто засушенная девушка и что-то писала. Она коротко взглянула на вошедших и опять опустила голову.

– Вот это Валя. Если что будет неясно, а меня не найдёшь, спрашивай у неё.

– Ладно, – согласился Андрей и подошёл к девушке, представился: – Меня зовут Андреем, буду у вас работать.

И осмотрел её с ног до головы, не стесняясь. Мордашкой вроде ничего, но уж очень худая. И ножки, что из-под стола виднеются, тоненькие. Вобла какая-то.

Андрей повернулся к Копачу и спросил голосом выдавшего виды человека.

– Ну, так где эти ваши сертификаты?

Присутствие даже такой незавидной девчонки, как Валя, действовало на него особым образом.

– Сейчас. Садись.

Разделённые столом, они сидели с мастером голова к голове, и Копач рассказывал, что завод, прежде чем выпустить готовую продукцию (идушую, кстати, в семнадцать стран мира), – разные там колонны, теплообменники, скруббера, Андрей потом сам всё увидит, – должен получить сырьё. А что такое сырьё для завода? Что оно собой представляет? Это и штамповки, и электроды, и флюсы для сварки, и электродвигатели, и листовая сталь. И ещё много всего, чем и голову забивать пока не стоит.

– Ты, Андрюха, будешь контролёром на складе листа. Возникает вопрос, что ты обязан делать? – Копач живо изобразил на лице озабоченность. Он на секунду даже подпёр кулаком подбородок в раздумье. – Объясню. Приходит, допустим, на склад вагон с металлом. К нему вот такой сертификат, который ты видишь. Здесь записан каждый лист, то есть номер плавки и марка стали. Ты переносишь с сертификата в свою книгу (там у тебя такая будет, я покажу) все данные, а сертификат отдаёшь Вале. Вагон разгружают, а ты старайся запомнить, в какой штабель какой лист попал. Это здорово облегчит тебе потом работу. Конечно, не всё сразу получится – штабелей много и листы попробуй все запомни. Но это сначала. Потом с закрытыми глазами будешь знать, где что лежит.

– Дела... – протянул Андрей. Работа намечалась нудноватая. Листы, штабеля...

– Ничего, разберёшься. Это сначала кажется, что запутано, а привыкнешь...

Так вот, приходят к тебе, допустим, из цеха. Не к тебе, конечно, а к кладовщику, но ты всё равно обязан присутствовать. Металл в цех выдаёт кладовщик, а тебе необходимо как контролёру проверить каждый лист, который выдают. Надо, чтобы номер плавки на листе металла и у тебя в книге совпадал, а главное – чтобы были все испытания...

Копач говорил ещё что-то об отклонениях, которые могут при этом случаться.

– Я всё сразу не запомню, – сказал Андрей.

– Конечно, – охотно согласился Копач. – Это я тебе так, общий обзор. Со временем сам во всё вникнешь. У меня в основном отставники работают и ничего, разбираются – будь здоров!..

Обедать пошли в заводскую столовую. Пристроились в конце длинной и нестройной очереди. Андрей прикинул расстояние до раздаточной и чуть не присвистнул – постоишь!.. В армии в этом отношении куда лучше: пришёл в столовую, а столы уже накрыты, кухонный наряд позаботился – садись, пожалуйста, обедай. Щи паруют в большом бачке, рядом порции мяса в тарелке лежат-дожидаются, а в бачке, что поменьше, разопревшая гречневая каша или, например, макароны... И никакой очереди!

– Не повезло, раньше надо было подойти. Теперь не меньше часа стоять будем, – быстро, скороговоркой, как всё, что говорил и делал, подсадовал Копач.

Но времени зря терять не стал. Тут же вытащил из кармана своих просторных брюк сложенную в несколько раз газету, тряхнул, разворачивая, и уткнулся в неё.

Андрей от нечего делать принялся рассматривать очередь. Стояли в основном рабочие – не молодые и не старые, усреднённого какого-то возраста мужики в широких спецовках. Спецовки на них тёмные, но всё равно видны масляные пятна и металлическая пыль, вьёвшаяся в ткань. Тяжёлые руки перебиты набухшими венами. Рабочие переговаривались, шутили, подначивали друг друга, но на лицах уже проступила усталость. Ещё бы, большая половина смены позади.

“Работают ведь!..” – подумалось Андрею. Подумалось с уважением к этим людям, но он всё равно метнулся взглядом по столовой, отыскивая что-нибудь светлое, радостное. И не нашёл. Посмотрел в окно, в котором должна была стоять зелень тополей, но молодые деревья полностью умещались в тени здания, их листья сумрачно, глухо глянцевели.

Андрею стало тоскливо. Вспомнилось ощущение безысходности, которое появилось дома, когда смотрел на серебряный самолёт в зелёном вечернем небе. Ни с того ни с сего подумалось, что слишком уж легко, будто не на всю жизнь прощаясь, расстались тогда с ребятами в Москве на вокзале.

“Чего это я!..” – сердито подумал Андрей. Он поймал себя на том, что даже о старлее Дериглазове думает с теплотой. И покосился по сторонам, проверяя, не заметил ли кто его слабости. Распустил нюни! Мечтал о гражданке – вот она, чего ещё?!

И посмотрел вокруг уже веселее.

Сразу после обеда пошли с Копачем на склад листа.

Склад листа – это штабели разложенных по толщине и маркам стали листы разных размеров. Штабели высокие, а между ними, чем-то напоминая горное ущелье, тянулся узкий и длинный проход. Вверху, искря и потрескивая, скользил по рельсам мостовой кран со стеклянной кабинкой крановщика.

Склад находился рядом цехом нефтеаппаратуры, и Андрей одобрительно подумал: ну и правильно, листовая сталь в основном идёт в этот цех. Кое-что из пояснений Копача он всё-таки усвоил.

– Вот это, Андрюха, будет твоё хозяйство, – с паузами говорил Богдан Иванович, осторожно, иногда боком пробираясь по проходу.

Здесь, среди громоздких стопок металла, было ещё хуже – обдавали сухим жаром накалившиеся на полуденном солнце листы стали. Андрей почувствовал, как потекло под мышками и прилипла к спине рубашка.

– Только вот что. Советую тебе, Андрюха, – это Богдан Иванович сказал уже подчёркнуто серьёзным, чтобы запомнилось, тоном, – особенно по штабелям не прыгай. Бережёного бог бережёт. Как листы хорошо ни укладывай... – Вдруг Копач задрал голову и весело закричал вверх: – Чего зеваешь, Анюта? Чего зеваешь?.. Ночью спать надо, а не кувыряться!..

Андрей тоже посмотрел вверх и, увидев в кабине мостового крана девушку, запомнил: ага, Анюта, значит.

– Трепач ты! – отозвалась Анюта, свесив из окошка светловолосую голову в синем берете. – Завидуешь, потому говоришь так. Сам-то старенький!

“А видать, сговорчивая, – решил Андрей. – Подзадоривает Богдана”. Он задержал взгляд на крановщице. Копачу было всего-то лет тридцать пять, не больше.

– Ну, так я молодого веду. Солдата. Он тебе покажет, он и за меня отыграется!..

Анюта с интересом взглянула на Андрея, но промолчала – всё-таки новый человек.

В самом конце склада, за последним штабелем нержавеющей стали стоял деревянный домик с несоразмерно большим окном. Андрею домик показался

каким-то несерьёзным, игрушечным. Сбоку от него, рядом с железнодорожной веткой, по которой, видимо, и подгонялись к складу вагоны с металлом, шла шпалера подстриженного пыльного кустарника.

– А это твоя резиденция, – сказал Копач, кивнув на домик с большим окном. – Здесь сидите вы с кладовщиком... Да, завскладом ещё, он только в первую смену работает.

Андрей с сомнением смотрел на “резиденцию”.

– А что, Богдан, и зимой здесь?.. – Делая вид, что искренне озабочен, как придётся зимовать в этом ненадёжном строении, Андрей назвал Копача Богданом, а не по имени-отчеству. Назвал осторожно (начальство всё-таки!), но мастер этого будто и не заметил.

– Запросто. Там печка есть. Подтопить как следует – Ташкент!.. Ладно, пока кладовщицы нет, я тебе покажу книги, с которыми будешь работать. Пошли в резиденцию.

– А что, кладовщик – баба?

– Угу, Люда. – Копач пытливо посмотрел на Андрея. – Тебе о ней что-нибудь говорили?

– Нет, я так.

– О, вон она подошла! Пойдём, познакомлю.

Андрей посмотрел туда, куда кивнул старший мастер, и увидел в тени мостового крана... нет, именно бабу: невысокую, ширококостную, с крепкими короткими ногами. Грудь у неё была такая, будто она набрала полные лёгкие воздуха, да так и ходит, не выдыхая. “А ещё “Люда”, – насмешливо подумал Андрей. – Вот так “Люда”!

– Людмила Осиповна, привёл тебе нового контролёра. Смотри, не обижай парня. Ты ж у нас кипяток, а не женщина!.. – Копач взял Андрея за локоть и, не отводя, здесь же, чтобы кладовщица слышала, назидательно сказал: – А ты, Андрюха, знай, начальник у тебя я. Что она будет говорить, имей в виду, конечно, но особенно не переживай. Не бери, как говорят в Одессе, в голову. Понимаешь меня?

Кладовщица, сделав нетерпеливое движение, перебила:

– Он хоть немного разбирается? А то пришлют кого попало, а ты с ними возись!..

Андрей сначала опешил – чего это тётка?! Ничего о нём не знает, первый раз видит и сходу борзеет!..

– Чего здесь разбираться! – напористым голосом заговорил он. – Хитрое дело! Да в армии, знаете, какие задания приходилось!..

– Гляди, Богдан, чтобы склад мне не простаивал, – не слушая, сказала кладовщица. Она по-прежнему смотрела не на Андрея и не на Копача, а куда-то в пространство между ними. – Имей это в виду, Богдан!

Копач примирительно притронулся к её руке.

– Ладно, ладно, не заводись. Всё будет нормально. Раньше у тебя вообще контролера не было, и ничего, справлялись.

Люда отрезала:

– А без вас лучше! Никто не суёт свой нос и не мешает работать! – Она решительно повернулась спиной и громко крикнула под навес у стены цеха, который Андрей сразу не заметил: – Митя! Вася! Чего лежите? Времени сколько?..

Через минуту из-под навеса показались два мужика с красными, распаренными от сна в духоте лицами. Судя по всему, это были стропальщики.

– Анюта! – Кладовщица задрала голову вверх. – Анюта, поехали!

И пошла, не оглядываясь, между штабелями. За ней, опустив головы и спотыкаясь, побрели одуревшие от сна стропальщики. Загудел, трогаясь с места, кран. Он отбрасывал на раскалённые штабеля скользящую изломанную тень.

– Ну ладно, Андрюха, – заторопился Копач, – я пойду. Если чего надо будет, звони Вале, она всегда знает, где меня найти... Ну, давай! Я ещё наведаюсь.

Андрей кивнул. “Мне тоже, значит, надо”, – решил он и двинулся за кладовщицей. Та отошла уже метров на тридцать и шла всё так же решительно, не оборачиваясь. Была она в выгоревшей капроновой косынке, завязанной по-пиратски на затылке. Тесный халат обтягивал крепкое тело.

“Ну и задница!.. – с усмешкой подумал Андрей. Ему сделалось весело. – Как у доброй лошади. Точно!..”

## 5

Так и пошли у Андрея дни: с утра на работе, а вечером дома. Или наоборот, если работать выпадало во вторую смену.

По армейской привычке Андрей просыпался рано. Раньше даже крёстной, которая тоже залёживаться в постели не любила. На рассвете он слышал, как начинали вразнобой петь птицы, чувствовал, как через приоткрытую дверь наполняли веранду прохладный утренний воздух и запахи огорода.

Андрей на секунду открывал глаза, видел сереющее окно в переплётё частых планок, чёрные ветви яблонь, дремотно прислонившиеся к стеклу. Сразу забывшая увиденное, опять опускал веки, плотнее кутался в простынь (под одеялом спать было невозможно), сглатывал и глубоко вздыхал. Спал он без снов, вставал легко и был весь день бодр.

Зарядка начиналась с пробежки. Согнув руки в локтях и подавшись корпусом вперёд, Андрей срывался с места. Сначала бежал по утоптанной дорожке вдоль штакетников. Скользила впереди долговязая тень, шуршал песок под кроссовками. Легко, хорошо!.. Из палисадников бодряще обдавало холодком, и ликующе, громко орали петухи в голубом утреннем воздухе.

– Лыжню! – бросал Андрей трусившим впереди двум девчонкам.

Те, с радостной готовностью оглянувшись, сбегали с тропинки. Одну из них Андрей знал – ту, что с красивой грудью. Когда он приехал к крёстной, она ему встретилась первой. Девчонки стали бегать недавно, раньше он их на поляне не видел. Андрей понимающе ухмылялся: интересуются, мурзилки скороспелые!..

– Грузинец, – слышал он за спиной глумливо тонкий голосок. – А, грузинец?..

– Зарэжу! – Андрей круто поворачивался, бросался к девчонкам, и те с радостным визгом заскакивали в ближайшую калитку. – Ладно, живите, сыроежки!

– Тебя не спросили!..

Возле колонки он разворачивался, но бежал уже не вдоль штакетника, а рядом со стеной кооперативных гаражей. Отсюда как на ладони были видны дома, мимо

которых только что пролегал его путь. Дома стояли молчаливо, тихо, но по непонятным самому себе признакам Андрей знал, что люди в них уже проснулись.

Пробегая мимо дома крёстной, Андрей косился на половину Голосуевых. На веранде, очень похожей на ту, в которой спал он сам, сидела над книгами Нинка. Подбородок упирается в кулаки, на плечи накинута кофта.

Андрею хотелось пробежать мимо и даже не посмотреть в её сторону, но он невольно поворачивал голову. Это ж надо, Петю Чаева бросила, такого человека!.. Да ещё тогда, когда у него неприятности. Кто Петя, а кто она?! Андрей хмурился. Подло Нинка поступила, точно!

Он поднимается рано, но Голосуева, похоже, встаёт ещё раньше. Каждое утро Андрей видит её за книгами – крёстная говорила, в институт готовится. Такая своего добьётся. Чего-чего, а упорства у неё хватает.

Андрею рассказывали, как Нинка купила свои первые сапоги. Училась она тогда классе в шестом. Тётя Шура, её мать, дать денег на сапоги категорически отказалась. “Подумать только, сто двадцать рублей! – жаловалась она соседям. – Да мы в их возрасте мечтать не смели!..” Тётя Шура работала проводницей, сутками тряслась в вагонах, деньги доставались ей непросто.

Нинка уговаривать мать не стала. Но и от своего намерения, как позже выяснилось, не отступилась. Два месяца её на поляне не было видно – после школы она забегала домой, оставляла портфель и исчезала куда-то до самого вечера.

Оказывается, устроилась на главпочтамт разносить телеграммы. Когда деньги были собраны, Нинка работу бросила. И однажды на поляне появилась в красивых новеньких сапогах. На носках – писк моды! – поблескивали латунные полоски, сзади – маленькие декоративные шпоры. Нинкины подружки онемели от восхищения и зависти. Большинство из них донашивали сапоги своих матерей, старые, ещё на платформе, сейчас – нелепые...

Без скандала, правда, не обошлось. За четверть Нинка получила несколько двоек, и мать, вернувшись из очередной поездки, устроила ей взбучку. Но уже тогда стало ясно, Нинка – человек серьёзный. Если уж чего захочет, то добьётся обязательно.

Занятый мыслями о соседке, о её коварстве и удивительной настойчивости, Андрей едва не наскочил на Вовку Губенкова.

– Осторожней! Размахался... – Вовка стоял, повернувшись к Андрею вполоборота и выдвинув вперёд плечо. На руках у него была девчушка в белой косыночке на стриженной голове.

– Ребёнок, видишь? – хмуро повторил Вовка и оглянулся назад. – Наташа, двери заперла? Рукой толкнула, проверила?..

Наташа, Вовки Губенкова жена, издали улыбалась Андрею. Она только что вышла из калитки. На ней был сарафан с весёленьким рисунком, а в руках целлофановая сумка с надписью по-английски.

– Проверила, проверила... Ух, нехороший дядя, чуть с ног не сбил. Что ты, дядя!..

Андрей, заулыбавшись в ответ, покаянно приложил руку к груди:

– Так не видел же, честное слово! Понимаешь, Наташ, задумался. Может ведь человек задуматься, верно?..

Как всегда, он смотрел на Наташу с удовольствием. В который раз удивился

про себя: какие всё-таки разные бывают муж и жена! Вовка – рыхлый, неуклюжий, с выболевшими следами прыщей на толстых, подпрыгивающих при ходьбе щеках. А Наташа – симпатичная и весёлая, с налитыми плечами и высокой грудью. Фигурой, правда, не вышла – талия и бёдра почти одинаковые, – но это особенно и не бросается в глаза.

– Что вы так рано? Начало седьмого только.

– Почему, рано? Совсем не рано. – Наташа поправила на девочке платочек, чтобы не съезжал на глаза, и одёрнула платице. – Пока доедем, пока красотульку нашу в ясли занесём, как раз на работу пора... Вов, пошли? – Она с готовностью посмотрела на мужа.

– Сахару на варенье не забудь купить, – солидно, как и полагается главе семьи, проговорил Вовка. Он поудобней перехватил сидящую на руках дочь. – Деньги не забыла?

– Взяла, Вов. – Наташа на всякий случай заглянула в сумку, проверяя, на месте ли кошелёк. Потом ясными глазами посмотрела на Андрея. – Ты к тётке Вере надолго? А то мы слышали, на работу устроился. Правда, что ли?

– Устроился.

– Ну и правильно. Тётя Вера вон как тебя любит. У нас лучше, чем у тебя в посёлке – город всё же. И снабжение другое.

Андрей усмехнулся:

– Снабжение... Неужели важнее снабжения для человека ничего быть не может? – Наташа была ему симпатична, и он слегка рисовался. – Снабжение меня мало интересует. Надо жить там, где хочется, и делать то, что хочется. А то что за жизнь? Принудиловка!..

– Ты такой смелый, пока семьи нет, – бойко перебила Наташа. – Посмотрим, что потом запоёшь! Мой дядя тоже как в молодости сорвался с места, так до пятидесяти лет всё ездил, романтику искал. А сейчас что?... У других внуки, а у него ни кола, ни двора.

Андрей глубокомысленно свёл брови к переносице. Хотелось сказать что-нибудь значительное и загадочное. Не спорить же всерьёз – что может знать Наташа о его мечтах и надеждах?..

Но тут вмешался Наташин муж Вовка. О том, что он стоит рядом, Андрей как-то забыл.

– Пошли, опоздаем, – бросил Вовка и первым направился в сторону магазина, за которым находилась трамвайная остановка.

Наташа послушно двинулась за ним. Немного отойдя, оглянулась.

– Ты заходи как-нибудь вечером. Чаем угостим, телевизор посмотришь – у нас цветной!..

Андрей проводил их взглядом. Даже не верится! Классную всё-таки жену отхватил себе Вовка Губенков. Андрей хорошо помнил, в детстве, когда приезжал к крёстной, к нему всё время приставал этот жиртрест. Он подходил и тихо, чтобы никто не слышал, начинал канючить: “Давай дружить. Давай дружить...” От одного Вовкиного вида Андрею становилось тоскливо. Он сердился: “Уйди! Я с Игорем Голосуевым дружу, не приставай!..”

Хотя Вовка и был на два года старше, его все на поляне колотили. Мальчишки презирали Губенкова за то, что он толстый, неуклюжий, что совсем не

умеет постоять за себя. Размазня, одним словом. Можно было запросто подойти и сделать ему “козью морду” или дать пендаля. В этом даже мальчишки младше Андрея упражнялись.

Что-то вроде сочувствия шевельнулось в душе Андрея, когда он однажды застал Губенкова плачущим в сарайчике, который стоял в конце теперь уже несённого шанхая. Ребята играли в казаки-разбойники, и “казак” Андрей тихо подкрался к дощатому сарайчику – там обязательно кто-то должен быть, Андрей чувствовал! Затаив дыхание, он прижался щекой к шершавой стенке и вдруг услышал непонятные звуки. Он влетел в сарайчик и на кого-то накиннулся, подмял под себя, стараясь покрепче прижать к земле. “Пусти”, – послышался сдавленный голос. “Это ты?... – Андрей с досадой узнал Вовку, которого не приняли в игру. Не удержался и ткнул кулаком в бок. – Чего забрался сюда, дурак!”

Он поднялся, а Вовка остался лежать на земле, тихо плакал и ничего не говорил. По его толстым щекам текли слёзы, лицо болезненно кривилось. “Ладно, не реви”, – сказал Андрей и поскорее выскочил из сарая.

То, как Губенков безнадежно плакал, лёжа среди щепок и мусора, он не забыл. И однажды Вовку защитил. Защитил и ещё раз, по-настоящему, до крови подравшись с пацанами на поляне. Вовку при нём уже больше не трогали, и тот проникся к Андрею собачьей, унижительной какой-то преданностью.

Андрей озабоченно наморщил лоб и ещё раз взглянул на далеко уже отошедших Губенковых. Наташа держала мужа под руку и что-то говорила, запрокинув к нему лицо. Из-за плеча Вовки видна была подпрыгивающая головка в белом платочке. Сам Вовка шёл солидно, широко расставляя ноги...

– Почто стоим, грузинец? – раздался сзади гаденький голосок. – Аль порча какая?..

Опять сыроежки!.. Сказали и юркнули за калитку. Ну, я вас сейчас!.. Однако на этот раз, счастливо взвизгнув, девчонки надолго скрылись в доме.

Андрей направился к перекладине между двумя берёзами. Надёжно, умело ухватился за трубу – теперь она была ему в самый раз, не толстая – и принялся быстро подтягиваться. И не до груди, как все обычно подтягиваются – детская забава! – а за голову, к затылку. Так не каждый сможет. Ноги приходилось поджимать, потому что перекладина была уже для Андрея низковата.

Вверх – вниз, отдаляется – приближается земля, шире – уже горизонт. Вон и крёстная видна за кустами малины вдоль штакетника, появляется и исчезает – тоже поднялась и по холодку окучивает картошку. Мелькает за малиной её домашнее платье, крёстная согнулась и похожа сверху на деку гитары: поуже плечи, пошире бёдра, и талия ещё вполне заметна.

– Ты как после работы, вспотел весь!..

Увлёкшись, Андрей не заметил, как подошла Нина Голосуева. Она склонила голову к плечу и с интересом рассматривала его. В руке у неё покачивался бидончик с молоком.

– Красавец-мужчина. Ого, мохнатый какой!..

Андрей отпустил трубу и, разгорячённый, подскочил к девушке и рывком притянул к себе. Под тонкой футболкой почувствовал её грудь с твёрдыми сосками, Нина была без бюстгалтера.

– Но, но, не дури! – быстро проговорила девушка. Она оттолкнула Андрея и

нахмурила тонкие выщипанные брови. Лицо у неё было строгое, а вот глаза не очень. – Разговоров мне только не хватало. Бабки увидят – разнесут. И так уже чёрт знает что трепят.

– Раз трепят, чего тебе терять... – Делая вид, что шутит, Андрей опять попробовал притянуть девушку.

Нина живо отскочила в сторону и отвела за спину бидончик.

– Дождёшься! Влеплю сейчас!

Она уже не шутила. Зрачки тускло горели, хищноватые, с глубоким вырезом ноздри раздувались. “Симпатичная, – невольно подумалось Андрею. – Хотя дрянь, конечно”.

– Ладно, шуток не понимаешь. Разошлись.

– Ничего себе шуточки! – Нинин взгляд скользнул вниз, по Андреевым спортивным брюкам. Она насмешливо покачала головой. – Нашёл, главное, где.

– А в другом месте – нормально? – Андрей заметил её взгляд, но не смутился. И даже подмигнул. – Если никто видеть не будет?.. А что – ты ведь теперь женщина свободная.

– Не болтай, – строго остановила его девушка. – Балбес ты, Чадо. Раньше скромнее был.

– Так и ты была лучше. Людей в тяжёлую минуту не бросала.

– Ага, рассказали уже. Ну, давай, презирай меня. В армии отслужил, а всё, как ребёнок. В пятнадцать лет твоё развитие остановилось – на уровне подростка и “Трёх мушкетёров”.

Андрей обиделся. И смерил девушку взглядом.

– Ладно, много ты обо мне знаешь!..

Нина помолчала, усмехаясь. Затем вскинула на Андрея глаза.

– Помнишь, как мы соревнование устроили, кто больше подтянется на этом турнике? Сколько нам было? Лет по двенадцать, не больше... Я почему это говорю – что для тебя тогда было главным? В двенадцать лет? Не знаешь?.. Так я объясню. Папу с мамой слушаться, это раз! Металлолом для школы собирать, два! Подвиг мечтал совершить – остановить поезд перед разобранными рельсами или ребёнка во время пожара спасти...

– И что плохого?

– Не ты один, я тоже об этом мечтала... А то, что сейчас желания у тебя другие. Шкала ценностей изменилась. Понимаешь? У всех так. Хочешь не хочешь, а приходишь к этому всё равно. Человек похож на электронную машину – с самого рождения в нём программа заложена. В десять лет ему надо одно, в двадцать лет другое, а в сорок – ещё что-то.

– Ладно пудрить мозги. Сделала подлость, так признайся!..

Нина опять на секунду замолчала.

– Думаешь, я Петю не любила? Вам и не снилось!.. Но прошло. Да, мне нравилось, что все его знают, что он самый знаменитый человек в городе. Это приятно любой женщине. Но теперь мне неинтересен человек, который в двадцать восемь лет умеет только забивать голы! Неинтересен, понимаешь?.. Когда все разговоры о футболе, когда одно и то же изо дня в день – и ничего другого, понимаешь, ничего!.. Сейчас не первобытное общество. Мышцы, ловкость, сила – красиво. Но не они в современной жизни главное. Да и во-

обще в жизни. Нужен интеллект, нужна воля совершенствоваться, двигаться вперёд, добиваться умом, а не силой!..

Андрей удивлённо, немного даже обескуражено смотрел на девушку. Вот так Нинка – как повернула. И слова какие. Не зря корпит над книгами... Нашёлся он не сразу:

– Красиво говоришь, подруга. А как насчёт верности? Как насчёт порядочности и честности?.. Ведь он твой муж.

– Наивный ты, Андрей, – с усталым видом, будто в сотый раз поясняя неразумному ребёнку, сказала Нина. – Порядочность, честность... Мне даже не по себе стало... – Она отвела насмешливый взгляд. – А может, честность должна быть прежде всего перед собой – не приходило в голову? Ты меняешься, значит, и люди рядом с тобой должны меняться. Плохо приходится человеку, который в тридцать лет остаётся восемнадцатилетним. Он белая ворона, понимаешь?.. Жизнь делают не восемнадцатилетние. У взрослой жизни свои законы. Нельзя отставать от поезда. – Нина вдруг махнула рукой. – Ладно, чего объяснять. Сам должен соображать... А осуждения ваши мне по барабану!

Она повернулась и пошла, покачивая бидончиком.

Андрей задумчиво погладил волосы. Больше всего поражало то, что Нинка – обычная девчонка с окраины, своя в доску! – научилась так рассуждать. Нет, не зря целыми днями просиживает над книжками, не зря...

Пора было идти умываться. Андрей толкнул калитку.

– Зарядился? – Крёстная выпрямилась и, заслоняясь ладонью от солнца, смотрела на него. Тёмно-зелёная ботва закрывала ей ноги, и крёстная стояла посреди грядки, как в воде.

– Под завязку!.. Ты оставь, я приду вечером с работы, помогу.

– Ладно, чего уж. Не привыкать. – Крёстная потёрла ладонями поясницу. – О чём вы с Нинкой? Я целую грядку успела пройти, а она всё тебе мораль читает. Не слышно, правда, но по лицу – точно, мораль.

– Да так... За жизнь беседовали. Да и чего это вдруг ей морали мне читать?

Рассказывать не хотелось. Разговор с Ниной оставил неприятный осадок. Андрей привык оценивать всё чётко: хорошее – оно и есть хорошо, плохое – плохо. А Нинка пытается то и другое смешать. Демагог. Но совсем убедить себя в том, что Голосуева просто выкручивается, Андрей не мог. Что-то в её рассуждениях задевало за живое, казалось если уж не правильным, то интересным. И это было особенно неприятно.

– Андрюша, ты бы воды принёс. Пока огурцы в холодке, полить немного. Видишь, жара какая в этом году. Лучше, конечно, вечером, ну да ладно.

– Есть принести воды! – Андрей, дурачась, прикрыл левой рукой макушку, а правой отдал честь. Ну её, Нинку!.. Ему хотелось ясности и определённости, с которыми он жил последние два года. – Разрешите идти?

– Разрешаю. – Крёстная смотрела на него с улыбкой и покачивала головой – шутник, мол, с таким не соскучишься.

У дома дяди Лёвы Кондрашова стояла белая “Волга”. Видно, Кондрашов подкатил только что – когда Андрей делал зарядку, машины не было. Прежде чем ехать за директором мясокомбината, дядя Лёва заворачивал домой позавтракать, на поляне все это знали.

Андрей опустил на траву вёдра и оценивающе посмотрел на “Волгу”. Сможет её поднять за передок, как это делает Кондрашов, или нет? Ну-ка... Он обошёл машину и ухватился за никелированный бампер.

– Э, парень! – Дядя Лёва, отведя ветки черёмухи, выглянул из открытого окна. В руке у него была вилка. – Ты чего это? Что надо?

Андрей, повернув к окну голову, приостановился, но бампера не выпускал.

– Попробовать хочу.

– Одна попробовала, семерых родила!.. Я тебе за инвалидность платить не собираюсь.

– Не переживай, дядя Лёва, всё путём! – Андрей понадежней перехватился, устойчивей расставил ноги и потянул изо всей силы вверх. Лицо у него налилось кровью, руки от напряжения вздрагивали, рот ощерился. Радиатор слегка приподнялся, затем, отпущенный, мягко качнулся на рессорах.

Андрей выпрямился и победно посмотрел на окно.

– Я тебе!.. – погрозил дядя Лёва кулаком с зажатой в нём вилкой. Но с места не тронулся.

Андрей подхватил вёдра и, пренебрежительно поведя плечом, с достоинством направился к колонке.

Солнце поднялось выше, поляна выглядела теперь уже по-другому. Голубизна в воздухе исчезла, светлей и короче сделались тени, роса на траве быстро высыхала. Всё вокруг становилось обычным, дневным. Там и тут бродили выпущенные на волю куры. Репродуктор на столбе у продмага играл, казалось, уже не так громко, как час назад.

Андрей надавил на ручку колонки и подставил ведро. Белая от напора струя звонко ударила в дно. Постепенно звук становился всё глуше и ниже – ведро наполнялось. Андрей шурился на солнце и подпевал репродуктору.

Когда он возвращался с полными вёдрами, у калитки Голосуевых увидел мотоциклиста. Парень в кожаной куртке и шлеме, опустив с обеих сторон мотоцикла на землю ноги, громко прогазовывал и смотрел на окна дома. “Неужели Петя Чаев?.. – Сердце у Андрея забило. – Почему тогда на мотоцикле, а не на машине?” Он подошёл сзади и заглянул парню в лицо.

Нет, не Петя...

– Постой, Русков.

Андрей удивлённо приостановился. Парень снял блеснувший на солнце шлем.

– Не узнаёшь?

Продолговатое худощавое лицо, короткая стрижка, оставляющая открытыми уши, спокойный взгляд холодных серых глаз...

– Суханов?.. – неуверенно сказал Андрей. – Дима?

– Ну вот, вспомнил. – Парень опять надел шлем и опустил руки на руль мотоцикла. – Тоже отслужил? Ты что, здесь живёшь?

Андрей кивнул:

– Да, у родных.

С Сухановым Андрей вместе служил, они даже играли за одну команду на первенстве части по волейболу. Но Андрей совсем выпустил из виду, забыл как-то, что Дима родом из города, в котором живёт крёстная. Впрочем, неудивитель-

но – вместе они прослужили всего полгода, срок службы у Суханова закончился раньше. К тому же никогда близко между собой не сходились, хотя и были почти земляками. Суханов держался немного особняком, он был старше других ребят и до армии успел окончить институт. Дима принадлежал к тем положительным серьёзным парням, которых почему-то все зовут по имени.

– Ты работаешь или гуляешь ещё? – улыбнувшись выскочившей из калитки с сумкой через плечо Нинке, Дима опять повернул лицо к Андрею.

– Работаю. На машзаводе.

– Я тоже на машзаводе. В отделе главного конструктора. Будет время – заглядывай.

Мотоцикл мягко тронулся с места. Нинка, усевшаяся на заднем сидении, подалась вперёд, обхватив Диму за талию. “Вот, значит, что!..” Андрей попрежнему стоял, не выпуская из рук вёдра.

Из-за малинника выглянула крёстная.

– Скоро ты там?

Андрей молча занёс вёдра за ограду.

– Здесь ставь. Ага, вот так... И завтракать иди, а то опоздаешь. Неудобно будет, месяца, скажут, не работает, а уже опаздывает... Ну что ты? Чего стоишь?

– Кто этот парень Нинке? Ну, на мотоцикле сейчас подъезжал.

– А кто его знает. Городской какой-то. Ухажёр, наверно. – Крёстная опять заторопила: – Ладно, иди, на столе приготовлено, ешь быстрее... Да, чуть не забыла, на проигрывателе тебе открытка лежит. С Крыма. Вчера из ящика достала... У тебя что, знакомые в Крыму?

Минут через пятнадцать Андрей уже шагал к остановке трамвая. Утро было такое хорошее, что хотелось запеть или побежать. Андрей со сдержанной силой поводил плечами и без надобности напрягал мышцы. А когда увидел выскочивший из-за угла трамвай – и в самом деле побежал. Хотя этого совсем не требовалось – трамвай здесь делал кольцо, остановка была конечная.

Покачиваясь в вагоне, он достал сунутую впопыхах в карман открытку и прочитал её. Писал тот пожилой парень из Якутии, с которым Андрей познакомился в поезде. Он передавал черноморский привет и спрашивал, не передумал ли Андрей. А то, пожалуйста, место в автоколонне всегда найдётся. И охота в их краях хорошая.

“Чудик!” – подумал Андрей. И подался к окну – как раз начинались новые белые дома города.

Город у Андрея всегда вызывал любопытство.

На завод Андрей ходил с удовольствием. В погустевшей и замедлившей перед проходной шаг толпе он чувствовал себя своим. Своим среди солидно здорающихся за руку пожилых рабочих и недоспавших, с набрякшими веками парней, вяло отвечающих на подначки. Своим среди немолодых женщин с хозяйственными сумками и гибких девчонок в джинсах, бойко постреливающих по сторонам глазами. На заводе у Андрея уже появились знакомые, и он, подняв руку, приветствовал их поверх голов.

Приятно было знать, что ты занятой нужной человек, что идёшь вместе со всеми, не спеша и с достоинством. Шарканье ног по асфальту, скупые утренние разговоры. Ты вроде как все – и в то же время сам по себе. Можешь остановиться и закурить, пряча спичку между ладонями и искоса поглядывая на девчонок. И никто слова тебе не скажет, никто командирски не прикрикнет – ты гражданский, свободный человек...

Мелочь, казалось бы, а хорошо!

В тот первый рабочий день, когда Андрей появился на складе листа, он познакомился со своим сменщиком, отставным капитаном Николаем Кузьмичём.

Денёк выдался суматошным и каким-то скомканным – тут тебе и начальник отдела кадров с лысой, как шар, головой, и громыхающие цеха завода, и шустрый Копач, и суровая кладовщица Люда – впечатлений было много. Так что к концу смены новые лица почти уже не воспринимались. Но Николай Кузьмич запомнился и сразу чётким вошёл в память.

Он показался не со стороны проходной, как можно было бы ожидать, а откуда-то сбоку, из распахнутых чёрных ворот цеха и, видимо, уже знал, что Андрей принят вторым контролёром. Подошёл, назвал себя и, пожимая руку, сказал густым голосом:

– Вот и добро. Теперь станет легче.

Николай Кузьмич был похож на запорожца с картины Репина – такой же крепкошей, плотный, но без живота, с лицом мужественным и бесхитростным. Гладко выбритый, он носил стрижку своей молодости: затылок и виски были голые, лишь сверху, откуда у запорожцев стекал “оселедец” – короткий седоватый полубокс.

– Вот и добро, – повторил Николай Кузьмич и вытер большим платком потную шею. Он обстоятельно и не торопясь сложил платок и спрятал его в карман. Потом спокойно, прямо посмотрел Андрею в глаза и сказал: – Ты не тушуйся. Если с характером, всё будет нормально. Недели две поработаешь – и контролёром будешь толковым. Не боги горшки обжигают.

– Я не тушуюсь, – ответил Андрей. Он смотрел на Николая Кузьмича с уважением, тот ему сразу понравился. Андрею очень хотелось спросить, почему Николай Кузьмич вышел в отставку в таком непривычном звании – всего лишь капитан, – но постеснялся.

Сменщик глянул на часы.

– Ты вот что, иди-ка домой.

– Так рано же, – Андрей удивился. – Ещё двадцать минут.

– Я уже здесь, чего нам вдвоём... Иди!

– А Копач ругаться не будет?

– Что ему ругаться – склад не простаивает, контролёр на месте...

Андрей, кивнув, ушёл.

Но когда в понедельник он вышел во вторую смену и явился на склад не к пяти, как полагалось, а в четыре тридцать – раз сменщик так, то и ему, получается, позже неудобно, – Николай Кузьмич раньше уходить не стал. Сначала Андрея это удивило, а потом озадачило. Он спросил:

– Что ж вы не идёте? Я уходил.

– А что мне дома делать? На жену смотреть?.. Насмотрелся. А ты молодой, тебе другое дело.

– Я не женат, – усмехнулся Андрей. – Смотреть не на кого.

– Смотри на девушек. Так даже интересней!..

Возможно, Николай Кузьмич и в самом деле домой не торопился, не было у него для того причин. Но всё равно его упорное нежелание уходить раньше Андрею не понравилось. “Не так-то ты прост, дорогой товарищ капитан! – удивлённо подумал он. – Мне, значит, удобно раньше времени с работы уходить, а тебе, выходит, нет!..”

И теперь, работая в первую смену, Андрей сам стал дожидаться пяти часов, минута в минуту. Только после этого, помахав рукой крановщице Анюте и стропальщикам, с лёгким сердцем направлялся к проходной.

Работалось нормально. Правда, первое время, когда ещё как следует не освоился, приходилось часто звонить Копачу и спрашивать совета. А если мастера найти не удавалось – дел у Копача было много, на месте он не сидел, – Андрей шёл в сумрачную комнату на втором этаже и справлялся у Вали. Та отрывала взгляд от бумаг, отвечала каким-то потусторонним слабым голосом и опять с головой уходила в свои сертификаты. И так каждый раз – ни слова лишнего, ни взгляда, ни улыбки.

“Кукла чёртова, – думал Андрей с усмешкой. – Нужна ты мне!..”

Ему становилось смешно, стоило только представить рядом с собой эту воблу с тонкими ногами. Он вспоминал Оксану, старшего инженера из Мурманска, которая была у него дома. Вот это женщина!.. У неё муж подводник и сын в этом году в школу пойдёт. Оксана любила водить рукой по Андреевой груди и всё не верила, что у него была только одна женщина, да и та ещё до армии и по пьянке.

“А что тут такого?” – улыбался Андрей. Оксана уклончиво отвечала, боясь, видимо, из ревности перехвалить: “Ну... Ты парень видный”. Такая женщина его оценила! А эта Валя изображает из себя чёрт знает что!..

В тот первый памятный день, когда Андрей устраивался на работу, Копач в самом деле сказал правду. Работа контролёра была лёгкой. На взгляд Андрея, даже слишком лёгкой. А рядом по-настоящему, тяжело трудились стропальщики.

Митя и Вася или ещё какая-нибудь бригада строили прогибающиеся под собственным весом металлические листы, и “лапы” надо было подвести с двух сторон точно под середину, чтобы ни один из концов не перевешивал, иначе лист легко мог сорваться и натворить бед. Когда это удавалось сразу, из кабины крана показывалась голова Анюты в синем берете.

– Молодец ты сегодня, Вася! – Анютино лицо было покрыто летучей мелкой ржавчиной, и от этого зубы казались особенно белыми. – Попал с первого раза! Настоящий мужчина!..

Стропальщики только смеялись и мотали головами:

– Ну, даёт! Во, девка!..

Потом кран, натужно загудев, осторожно трогался с места, листы плыли на платформу с низкими побитыми бортами. Платформу, нагрузив, завозили в тёмный дымящийся провал цеховых ворот... Все – и Митя с Васей, и Анюта, и кладовщица Люда, которая удивительно ловко для своего сложения умела пробираться между штабелями, когда отыскивала нужную марку стали, – все работали, только Андрей, так ему казалось, был не у дел. Иногда, конечно, подходил, тёр щёткой край листа, чтобы узнать номер плавки, затем сверял с

номерами в контрольной книге и опять отходил в сторону – снова стоять. Какая же это работа?..

И однажды Андрей решился.

– Митя, ты оставайся возле платформы, будешь принимать листы. А мы с Васей будем здесь стропить, – сказал он, откладывая контрольную книгу.

– Будешь с нами стропить?.. – удивился Митя, приземистый крепкий мужичок с красными голыми веками. И в недоумении наморщил лоб. Никто из контролёров раньше не предлагал помощь. У стропальщиков даже мысли такой не возникало, что им кто-то должен помогать.

– А что, быстрее будет!

– Быстрее, ясно, – согласился Митя и заспешил к платформе, будто опасался, что Андрей может передумать.

Так и стали работать. Андрей сверял номер плавки на листе металла с записью в своей книге, затем, перехватив тяжело покачивающиеся в воздухе “лапы” и рукой показывая крановщице “майна! майна!”, заводил “лапы” под край листа. С другой стороны то же проделывал второй стропальщик Вася, неразговорчивый сутулый холостяк сорока лет.

– Готово? – бросал ему Андрей. Сразу как-то так вышло, что Вася стал его во всём слушаться.

– Да.

– Вира! – кричал Андрей Аняте, отходя в сторону и зорко поглядывая, хорошо ли, ровно ли поднимается лист. Гудел мотор крана, из ворот цеха доносился лязг и грохот, но всё равно было слышно, как потрескивала, отскакивая от прогибающегося металла, окалина.

Теперь Андрей неловкости больше не чувствовал. Он работает, а не сачкует. К тому же и смена стала быстрее проходить. В перерывах, когда работы не было, он садился со стропальщиками под навесом у стены цеха, играл в домино или слушал разные истории, которых Митя знал без счёта. Иногда сам рассказывал о Казахстане, о скорпионах и фалангах, о буранах зимой.

– Хороший человек!.. – с чувством сказал как-то Вася и крепко пожал Андрею запястье.

Андрей смутился Васиного порыва и попытался перевести всё в шутку:

– Потому, что помогаю?

– Не, – сказал Вася. – Вообще. – Он поднялся и вышел из-под навеса.

Митя с усмешкой кивнул вслед:

– Молчун, а?.. Уважает! Ты в армии в каком звании был?

– Рядовой.

– Конечно, свой парень.

Но как-то на склад завернул Копач – он довольно часто обходил участок – и, увидев, чем занимается Андрей, поманил к себе.

– Андрюха, неправильно делаешь, – сказал мастер, отводя глаза. Похоже, он обо всём догадывался. – Ты сейчас стропишь, а через неделю, допустим, у тебя рука заболит. Ты станешь только сверять плавку, а они, – Копач кивнул на стропальщиков, – будут недовольны. Сечёшь?

– Почему?

– Потому, что приучил их.

Андрей задержал взгляд на Копаче, насмешливо подумал: “Ну и народ! Боятся пальцем для другого шевельнуть”.

– Э-э, не понял, не понял! – торопливо и с досадой заговорил мастер, перехватив его взгляд. – Пошли-ка... Вы работайте, мужики, работайте! Перекура никто не объявлял!

Он подвёл Андрея к скамейке и, усадив на горячие от солнца рейки, опустил рядом. Какое-то время молчал, постукивая по скамейке пальцами и дёргая шеей, будто её давил ворот. Андрей, усмехаясь, смотрел прямо перед собой на тополя у кирпичной стены цеха.

– Есть такая, Андрюха, штука, как специализация труда. Кто на что учился. Ты сам знаешь, что тебе объяснять, парень грамотный... Но я тебе для наглядности – сапожник, допустим. Не задумывался, почему он ещё хлеб не выпекает? Как хорошо бы, и модные туфли – и французские булки! А?

Андрей уже хотел было встать и сказать что-нибудь резкое, вроде того, что не надо ему мозги пудрить, когда всё ясно. Но последние слова мастера заставили улыбнуться. Такое сочетание – туфли и булки – действительно показалось смешным.

– Чего, казалось бы, лучше, а не получается! – Улыбка Андрея ободрила Копача, он придвинулся на скамейке ближе. – Человеку надо делать что-то одно, жизнь заставляет. А то, как говорится, за двумя зайцами погонишься... Ни туфель, ни булок твоих никто покупать не станет, потому что они будут плохие. А чтобы вырасти в хорошего специалиста, я имею в виду настоящего, а не тят-ляп, надо... – Копач, подыскивая слово, оглянулся по сторонам и пошевелил в воздухе пальцами. – Ну... Хорошая профессия, как ревнивая жена. Или ты весь её, или она тебя к себе не подпустит!..

И Копач засмеялся, довольный сравнением.

– Всё понятно, Богдан Иванович. – Андрей вежливо улыбнулся. – Но ведь быстрее же будет, если помогу! При чём здесь специализация? По-человечески... –

– Погоди, погоди, я не закончил, выслушай. Анята, например. Это пальцем легко ткнуть, куда хочешь – там мышцы, всё ясно. А краном попробуй! Если умеешь так подвести крюки, чтобы стропальщикам было удобно, по голове никому не дало и чтобы у тебя всё получалось быстро – молодец, умеешь работать!.. Нужно всего-то вовремя нажать кнопку или опустить. А сколько учатся!.. Правильно говорю?

Андрей неохотно пожал плечами.

– Или Люда. Может, конечно, у неё от природы хреновый характер, а может, от забот. Нам с тобой всё равно, сколько листа осталось на складе. Нам важно, чтобы металл прошёл испытания и чтобы в цех выдавали нужную марку. Количество нас не интересует. А для неё важно. И ещё следы, чтобы склад как часы работал, а стропальщики ребята такие, что не перетрутся... Материальная ответственность, её Люда тоже чувствует. В случае чего – и под суд попасть можно... Сечёшь?

Андрей наморщил лоб. С одной стороны, Копач вроде бы прав – каждый должен делать своё дело, и хорошо делать. А с другой... Помочь-то надо, если сам ничем не занят! Иначе нехорошо, не по-человечески получается.

– Э-э, ты плечами не дёргай, ты думай, – сказал мастер, с укоризной покачи-

вая головой. – Ты контролёр. Вот и работай контролёром, чтобы готовый аппарат из-за нашего недосмотра не полетел к едрене-фене. А за стропальщиков не переживай! Ну, поможешь ты им, дальше что? Только раньше в домино сядут играть.

Андрей решительно поднялся со скамейки. Не нравилось ему всё это.

– Ты ликбез, Богдан Иванович, с кем-нибудь другим проводи. Когда из-за меня аппарат полетит, тогда будешь мораль читать. Сейчас сам как-нибудь разберусь.

– Когда полетит, поздно будет. – Копач смотрел сожалеющими глазами. – Ты молодой, некоторых моментов в жизни ещё не прощупал. Отношения между людьми – штука тонкая... Ладно, дело твоё. Я предупредил.

– Да не бойся, Богдан! – на этот раз уже мягче, почти примирительно сказал Андрей. Копач был, в общем-то, хорошим мужиком, не хотелось его обижать. – Всё будет нормально. Я и здесь, и там успеваю!

– Ты подумай, Андрюха, подумай...

После разговора Андрей помогать стропальщикам стал меньше. Слова мастера были ему неприятны (при всей правильности было в них что-то жлобоватое), но – начальник. А начальство необходимо слушаться, это Андрей усвоил ещё в армии. Впрочем, часто он забывал об этом, увлекался и работал со стропальщиками наравне.

Андрею нравился склад во вторую смену.

Сначала, часов до шести, было, правда, не очень уютно. Мимо шли к проходной рабочие из цехов – все с чистыми лицами, мокрые волосы причёсаны волосок к волоску, сразу видно, мужики после душа. Сигналя и поднимая пыль, проезжали в гараж, который находился неподалёку, заводские машины – шофёры работали только в первую смену. И когда уже казалось, что всё успокоилось, неожиданно прибежал из какого-нибудь цеха завозчик металла и начинал упрашивать суровую Люду срочно выдать металл. Первая смена забыла завезти его в цех, и сейчас бригада разметчиков простаивала.

Люда в таких случаях начинала показывать характер. Она заявляла, что если завозчики не позаботились раньше, сейчас пусть не рассчитывают, ей некогда. Надо сортировать листы на складе.

Дело обычно доходило до начальника цеха. И тот, если не успевал уйти домой (как правило, не успевал), появлялся сам и начинал доказывать, что необходимо обеспечить бригаду металлом, людям нужно заработать, да и план может пострадать. На Люду увещевания действовали плохо. Начальник цеха, интеллигентного вида мужчина в очках и галстук, говорил умно и убедительно, но кладовщица упорно стояла на своём. “Нет! – повторяла она. – Надо было раньше думать!”

Видеть всё это было неприятно. Людины категоричность и упрямство раздражали. “Подожди, голуба сизопёрая, мы с тобой схлестнёмся!.. – Андрей недобро, предвкусно посматривал на кладовщицу. – Я миндальничать не стану!”

Ещё больше невзлюбил он Люду, когда узнал, что муж у той прапорщик и что раньше она работала в воинской части. Андрей живо представил, как бегала она – а что, вполне в её характере! – по всякому пустяку жаловаться командиру части и как попадало солдатам, чем-то ей не угодившим. “Ох, схлестнёмся!..” – думал Андрей и щурил глаза.

А вот после шести часов на складе начиналась спокойная жизнь. Стropальщики неспешно грузили металл по завтрашним заявкам, территория завода пустела, становилось как-то просторней. А если отойти немного от цеха, то и шума не было слышно. Жара спадала, потягивал лёгкий ветерок, мерно шевелилась листва на тополях... И что ещё хорошо – начальства нигде не видно.

Андрей взбирался на один из высоких устойчивых штабелей, сажился на контрольную книгу и сквозь приспущенные радужные ресницы смотрел на неторопливодвигающихся Митю и Васю. Или вверх на Анюту, на её внимательный сосредоточенный профиль...

Покойно и хорошо.

7

Как-то в обеденный перерыв, когда до начала работы оставалось ещё минут двадцать, Андрей прямиком из столовой направился на волейбольную площадку – та находилась поблизости, за цехом.

Проходя мимо устроившихся в тени тополей рабочих, Андрей снисходительно усмехнулся: старички! Прислонились спинами к стволам, устало отхлёбывают молоко их стеклянных, захватанных грязными пальцами бутылок... Ему самому жара была нипочём. И не только ему – волейбольная площадка не пустовала.

Ещё за углом тихого – обед! – цеха Андрей услышал знакомое: “Вынимай!” и звучный удар мяча о землю. Он вышел из-за угла и увидел, как под самой сеткой, только что приземлившись после прыжка, всё ещё как-то боком и на одной ноге стоял Дима Суханов. Этакая моментальная фотография.

– О, Дима! – вырвалось у Андрея.

Сказал он это с непонятным себе чувством. То ли рад был встрече, то ли не очень, когда впору поворачивать обратно. Суханова на заводе он уже как-то видел, но не окликнул и не подошёл – не захотелось. Не потому, что раньше встретил его у калитки Голосуевых, хотя, конечно, это тоже было неприятно – Андрей не мог забыть Нине того, что она бросила Петю Чаева. И совсем не потому, что не успел по-настоящему сойтись с Димой в армии – на гражданке как с родными встречаешься с парнями, с которыми вместе служил, независимо от того, дружил ты с ними в армии или нет.

Здесь было другое.

Странноват он был, этот Дима Суханов, если говорить честно. Даже среди ребят своего года службы он выглядел чужим. Может, потому, что старше?... То, что волновало и радовало других, его совсем не интересовало. Рассудительный и спокойный, всегда говорил так, будто газету читал. “Что за человек такой?... – удивлялся порой Андрей. – Или притворяется? Зачем? Чтобы старлею Дериглазову понравиться?..”

В прошлый раз он видел Диму, когда тот проходил мимо склада. Дима явно работал в заводоуправлении, он был в голубой рубашке с коротким рукавом и в светлых брюках – так марко в цехах даже итээровцы не одевались. Он шёл не один, рядом семенил какой-то человек с папкой в руке. Если судить по виду, человек этот был старше Димы, но держался зависимо. Он что-то Суханову го-

ворил, размахивая свободной рукой и заглядывая в глаза. Дима молчал и смотрел себе под ноги.

Похоже, этот мужчина, как и Андрей раньше, когда с Димой служил, чувствовал себя неловко. Будто набедокуривший подросток перед серьёзным взрослым, который сейчас докажет тебе, как ты глуп и вообще с приветом.

Андрей на секунду приостановился, но потом всё же решительно ступил к волейбольной площадке.

– Ребята, можно? У вас, вижу, не хватает одного.

– Заходи, Русков, – отозвался первым Дима. Сказано это было так буднично, будто они виделись всего лишь час назад. Он проследил, как сильно посланный мяч ударился за пределами площадки и посоветовал бывшему: – Ты кисть загибай. Видишь, уходит.

Андрея, как всегда перед игрой, охватил нетерпеливый мандраж. То и дело поглядывая на площадку, он быстро разделся, путаясь в штанинах и прыгая на одной ноге. О Диме больше не думал – не до того.

Вдвоём – из шести человек по-настоящему умели играть только они с Димой – разнесли другую команду. А когда до конца перерыва оставалось несколько минут, оделись, и Суханов попросил Андрея проводить его до заводоуправления – четырёхэтажного кирпичного здания на другом конце заводской территории.

Андрей согласился. Без особой, впрочем, радости. Одно дело с Димой играть и совсем другое быть рядом, разговаривать. Да и о чём?..

Они проделали путь, по которому раньше Копач вёл Андрея из отдела кадров. Мимо строящихся, огромных и пустынных, цехов, мимо стендов с показателями роста выпуска продукции, производительности труда и средней заработной платы. Жгло солнце. Диму, похоже, на заводе все знали – пока шли к заводоуправлению, с ним здоровался едва ли не каждый встречный.

– Приходи сегодня к пяти. Потренируемся, – медленно, в обычной своей манере, проговорил Дима. Прищуренными глазами он смотрел в пространство перед собой, будто видел там что-то, понятное ему одному. – В сентябре первенство города, завод выставляет команду. Ребята есть ничего... Нужно будет, от работы освободим, можно договориться. – И он перевел взгляд на Андрея, сдержанно улыбнулся. – Директор нам идёт навстречу, в молодости сам играл в волейбол.

– Ладно, – стараясь сохранить солидный, под стать Диме, вид, согласился Андрей. Теперь он уже был доволен, что встретил его, что понадобится заводской команде. И грубовато, по-армейски, как близкому и понимающему человеку, сказал: – Всё, старик, глухо! Приду.

И не заметил, как Дима поморщился.

Ещё не было пяти, а Андрей уже сидел на лавочке возле волейбольной площадки. Один за другим подходили парни, кто со стороны заводоуправления (его ещё на заводе называли Белым домом), кто от цехов. Андрей посматривал на них и думал, как это хорошо – сразу столько новых знакомых. Он не сомневался, что подружится с этими ребятами.

Среди всех людей Андрей волейболистов выделял. Ему казалось, что между ними существуют особые, родственные, что ли, отношения. В детстве у него

была мечта – составить из ребят своей улицы команду и всем вместе, не шадя себя, тренироваться. Будет идти время, они вырастут, но всё равно останутся товарищами, друзьями – одной командой. Они пройдут по улицам родного городка, тесно, плечо к плечу – настоящие парни, готовые один за другого в огонь и в воду. Людям, которые увидят их, это станет понятно. Их будут уважать и восхищаться ими.

И что до того, что возможности у каждого окажутся разными. Кто-то не сможет играть всё лучше, как нужно для команды, – не это ведь главное! Можно будет выигрывать или проигрывать, но друзей другими игроками не заменять и шагать всё так же тесно, плечо к плечу по улицам городка или где-нибудь на выезде, на первенстве области, а может – республики... Андрею и сейчас эта мечта нравилась и не казалась детской.

Попотеть пришлось здорово. Андрей давно не играл, и это давало себя знать. К тому же мешали мышцы, чрезмерно накачанные во время службы. Но все эти неудобства были в конце концов ерундой и мелочью. Андрей бросался за безнадёжными мячами, каким-то чудом доставал их, поднимал над площадкой, делал хороший пас... В команде он оказался одним из лучших.

– Ты где такого кадра прятал? – как бы посмеиваясь, но на самом деле с уважительным удивлением спрашивали заводские ребята у Димы. – Ему в защите цены не будет!

– Да ладно, – польщённо отмахивался Андрей.

– Из резерва главного командования, – отвечал Суханов. – Секретное оружие против конкурентов.

– А как насчёт пива из резерва главного командования? – любопытствовали ребята. – После игры, конечно.

Дима отшучивался:

– Лимиты не отпущены... Давайте, давайте, парни, не размагничиваться! Попробуем ещё раз со второго номера с подстраховкой... Подавай!

После тренировки надо было помочь Диме снять сетку и отнести вместе с мячами в кладовую спортивного инвентаря. Вызвался Андрей. Вдвоём они затолкали сетку в объёмистую Димину спортивную сумку и вышли через проходную завода на широкую, обсаженную с обеих сторон молодыми липами улицу. Солнце клонилось к закату и уже не так пекло. Листья на истомившихся по дождю липах шуршали как бумажные. Дима и Андрей держали перед собой на ладонях по мячу.

Под кладовую была выделена комнатка в общежитии. Ключ от неё, как понял Андрей, находился у воспитателя, но того на месте не оказалось. Какое-то время пришлось потолкаться на вахте возле большого коричневого стола с разложенными на нём письмами. Здесь, в общежитии, Диму тоже все знали и, проходя мимо, здоровались. Парни запросто, мимоходом, девушки – вежливо, с затаённым смыслом, как показалось Андрею.

Наконец появился воспитатель. Он крепко держал под мышкой две новые шахматные доски, отсвечивающие в вечернем солнце полированной поверхностью и, судя по всему, скользкие – их то и дело приходилось перехватывать.

– Это ж надо! С ума сойти!.. – Воспитатель с облегчением опустил шахматные доски на стол с письмами. Снял летнюю шляпу в мелких дырочках и протёр

платком кожаный ободок внутри. – До чего дошло – во всём городе шахмат днём с огнём не сыщешь. Попробуй в таких условиях организуй работу!..

Дима поднял с кафельного пола спортивную сумку.

– Радоваться надо, Виктор Тимофеевич. Налицо свидетельство интеллектуального взрыва среди наших рабочих.– Шутит он или говорит серьёзно, понять было трудно.

– Так ты мне за этот взрыв, Дмитрий, опять на комитете будешь втык делать! – Виктор Тимофеевич, пожилой полный человек, порылся в карманах белого полотняного пиджака (несмотря на духоту, пиджак был застёгнут на все пуговицы) и достал нужные ключи. Он старался говорить легко, шутливо, но в этом своём старании перебирал через край, и Андрей понял, воспитатель за что-то обижен на Диму. – Мячи хотите, значит, сдать? Потренировались? Это можно, это пожалуйста... Так готовить место под кубок или погодить пока?..

Андрей ещё по дороге решил, что пригласит Суханова выпить по кружке пива. В такую жару да ещё после тренировки это было бы в самый раз. Но Дима его опередил. Когда они, оставив мячи и сетку, отошли от кладовой, он сказал, кивнув на ведущую вверх лестницу:

– Мне к ребятам надо зайти. Парни техникум заканчивают, просили расчёты посмотреть. Ну что, пока?..

– А может, пойдём по кружечке пива? – быстро проговорил Андрей. Ему не хотелось оставаться одному, он настроился на неторопливый разговор – как-никак вместе служили. Хотя, конечно, разные совсем люди.

– Нет, я обещал, – серьёзно сказал Дима. – Если хочешь, пошли со мной, посмотришь. Кстати, тебе тоже надо как-то определяться. Учиться, например, поступить. Не вечно же тебе в контролёрах быть.

Андрей пожал плечами.

– Успею, куда торопиться! – Он пожалел, что не остался с ребятами-волейболистами. Уж те наверняка пошли пить пиво.

– После армии надо жить всерьёз. Это по молодости ещё можно порхать, а сейчас приходится думать основательно. – Сообразив, что слова прозвучали с излишней назидательностью, Дима засмеялся: – Как там Серёжка Акопян, не знаешь? Ходит по своему Кисловодску в американских джинсах? А комбинированные туфли отец ему сделал, не пишет?.. Весёлый парень!

Андрей хмыкнул.

– Пока не пишет. Ловит кайф в своём Кисловодске.

С Серёжкой Акопяном был связан случай, запомнившийся, оказывается, не только Андрею. Как-то он, а с ним ещё несколько таких же первогодков, сидели на тёплом плиточном полу ротной сушилки и пережидали строевой тренаж. Вверху под потолком висели гирлянды подменного хэбэ, от них пахло кухней, макаронами по-флотски, а с плаца через открытое окно доносились зычные команды сержантов.

Все заинтересованно следили за Серёжкой Акопяном – он незадолго до того исполнил свою мечту, купил в военторге чемодан, с которым рассчитывал увольняться в запас. И сейчас, осторожно макая кисточку в баночку с белой эмалью, выводил на крышке этого дембельского чемодана: ”Девчонки, держи-

тесь!” Роту тогда охватило какое-то поветрие, чуть ли не каждый писал на крышке своего дембельского чемодана подходящие слова. Ладно бы старики, им полагается. А то ведь и они, салаги, которым служить еще было как медным котелкам, увлекались этим.

Случай запомнился Андрею, наверно, потому, что он тогда как раз маялся тоскливым ожиданием: получил на утреннем разводе десять суток гауптвахты, и его должны были с часа на час отвезти в гарнизон. Погорел, в общем-то, глупо. Попытался сбежать в аул в самоволку, но нарвался на патруль и был с позором доставлен обратно в часть.

«... Одеваю, значит, рубашечку в талию, джинсы, – рассказывал Серёжка Акопян, отрываясь от своего занятия и обводя всех мечтательными глазами. – Мне отец корочки сделал, цэ! – Серёжка поцеловал кончики пальцев. – Комбинированные! Ни у кого в городе таких нет. Белые с чёрным, лакированные, иду – весь Кисловодск завидует...» – «Акопян, а что такое – корочки?»

Ребята не заметили, как в сушилку зашёл Дима Суханов, дежурный по роте. Суханов не был ни сержантом, ни даже ефрейтором, но старшина по известным только ему соображениям назначал Диму не дневальным, как полагалось бы рядовому, а рангом выше – дежурным. «Так что такое корочки, Акопян?»

Первогодки, поскуцнев, стали подниматься с плиточного пола и нехотя побрели к выходу. Сачкануть не удалось.«Это, дежурный, такие... как тебе сказать, – Акопян тоже направился было к двери, но остановился и наморщил лоб. Словно не найдя нужного слова, покрутил перед собой руками. – Ну, понимаешь, такие ма-а-ленькие сапоги...» Сушилка грохнула от хохота. В дверь стали заглядывать испуганные дневальные.

Дима Суханов, которому, видимо, до чёртиков надоели такие вот разговоры о доармейской жизни, где каждый из ребят представлялся значительней и отчаянней, чем был на самом деле, – Дима просто хотел подшутить над Серёжкой Акопяном (знал он, конечно, что такое “корочки”), а вышло наоборот. Акопян объяснил ему, как человеку, ничего, кроме армейских сапог, не знающему. Здорово подколол.

«Да не об этом я, ребята, – не рассердился и не стушевался Суханов. Мимо него, ухмыляясь, парни тянулись к выходу. – Не об этом я совсем. Жизнь серьёзней, чем нам здесь кажется. – Однако Диму, похоже, всё-таки задела насмешка Акопяна. Его голос звучал напряжённо. – Плохо будет, если с такими представлениями вернёмся на гражданку. Шишек себе набьём. Зачем?.. – И вдруг засмеялся, хлопнул Серёжку по спине. – А вообще-то здорово ты меня. Молодец! Маленькие, значит, сапожки?..»

Дима, а за ним и Андрей поднялись на четвёртый этаж общежития. Жёлтые лампочки освещали коридор, тянувшийся в обе стороны от лестничной площадки, и ряд дверей с чётко выведенными номерами вверху. Маслянисто блестел линолеум под окнами в торцах коридора.

Суханов постучал в одну из дверей.

– Позвольте, господа дипломанты?

В небольшой комнате с койками по углам склонились над столом два сосредоточенных парня. Комната, оклеенная голубыми обоями, была светлой, через настезь распахнутое окно доносились уличные звуки. На столе взрброс лежали

справочники, раскрытые учебники с замысловатыми диаграммами, исписанные листки бумаги.

Оттого, что парни сидели серьёзные, отрешённо-замкнутые, тишина комнаты казалась насыщенной, почти осязаемой.

– Здорово, страдальцы! – поздоровался Дима.

Парни, откладывая в сторону логарифмические линейки, ответили. Лица у них оказались невыразительные, будто выцветшие – похоже, ребята здорово устали.

– Дим, глянь, как я станки в поточной линии разместил. Нормально?

– Слушай, а как с оформлением пояснительной записки? Может, отдать перепечатать? Почерк у меня...

– Подожди ты со своей запиской, я ещё компоновку не сделал!.. Смотри, Дим, штамповка фланца поступает сюда, здесь черновая обработка на токарном полуавтомате... Какой станок выбрать, как думаешь?

Андрею стало скучно. Неужели ребятам не хочется пойти в город, с девчонками поболтать, вечером на танцах попрыгать?.. И что за необходимость такая корпеть в душной комнате над учебниками? Из-за диплома, бумажки этой несчастной? Только-то?..

– Парни, вы в армии служили?

Все повернули к Андрею лица.

– Я не у тебя, Дима, спрашиваю – ты служил. Я у них.

– Служили, а что? – ответил один из парней, глядя на Андрея с некоторым вызовом. Ему, видимо, не понравился тон, каким был задан вопрос.

– Да так. – Андрей усмехнулся. – Я вот что думаю. Неужели всю жизнь надо заставлять себя? Когда по-настоящему жить? Как нравится, как хочется?..

– Странно ты рассуждаешь... – начал было один из парней.

– Жаль мне вас, ребята! – Андрей не стал слушать. Он эффектно повернулся и, твёрдо ступая, вышел из комнаты. Ему самому понравилось, как это у него получилось.

Действительно, тоска!

Домой не хотелось, и Андрей направился в центр города. Он шёл и любопытно осматривался по сторонам – в самом центре после приезда к крёстной он ещё не был. Проезжать проезжал, а чтобы вот так, пешком, не спеша – не доводилось.

У города было как бы два лица. Так могло показаться потому, что он состоял из двух разных, не похожих друг на друга половин – старой, приземистой, тяжеловесно-основательной, построенной ещё в прошлом веке, и новой – светлой и однообразной, которая выросла не так давно, уже на памяти Андрея.

В старой части города режиссёры любили снимать фильмы о нэпмановской Москве. Андрей сам видел: какая-нибудь из улиц перегораживалась, на ней появлялись софиты на голенастых подставках (софиты включались неизвестно для чего – стоял ещё день, видно было отлично, ничего, считал Андрей, подсвечивать не нужно было), решительного вида парни в кожаных пиджаках покрикивали через мегафоны...

Этим улицам, плотно мощёным синеватой брусчаткой, и в самом деле удивительно подходили мощные битюги, легко катящие гружёные подводы, и редкие, старинных марок, нескладные автомобили, которые старательно сигналили

пешеходам. Своими на этих улицах казались мужчины в клетчатых кепках и с юркими глазами. А в перспективу обсаженных деревьями тенистых переулков хорошо вписывались барышни с короткой, по моде тех лет, стрижкой и в ботинках с высокой, едва не до колена, шнуровкой.

Соотношение было отличное, и порой становилось даже жаль, что идут всего лишь съёмки.

Эта старая – центральная – часть города выглядела солидной, слегка хмуроватой и по-купечески уважаемой. Добротные дома в два, три, редко – четыре этажа с небольшими окнами были украшены по фронтонам сюжетами из античной мифологии. С фасадов невидящими глазами смотрели задумчивые львиные морды. Здесь же тяжеловесные лепные гирлянды из цветов и листьев, корзинки со всевозможными фруктами. Улицы в этой части города были чаще всего узкими. Старые, с бугристыми стволами липы, которым не давали разрастаться и подрезали каждую весну, стояли в небольших квадратах живой – не покрытой камнем или асфальтом – земли, здесь редкой.

Хорош бывал центр по вечерам, Андрей помнил, особенно в выходные. Сюда на небольшой отрезок главной улицы (между госбанком и кинотеатром “Победа”) стекались со всех сторон нарядно одетые люди. Они гуляли двумя параллельными потоками, движущимися навстречу друг другу. Слышался неумолчный говор, шарканье шагов по брусчатке, музыка из транзисторов и портативных магнитофонов. Открытые окна нижних этажей слабо и уютно брезжили голубым светом телевизоров. В подворотнях на вынесенных стульях совсем по-домашнему располагались старики и старухи, молча смотрели на гуляющих. Ярко, но всё же не разгоняя до конца темноты, над улицей, тихо гудя, горели неоновые светильники. Свежо пахло охладевшей к ночи листвой лип, духами и едва уловимо – нафталином за немолодыми супружескими парами. У юных блестели глаза. Пожилые раскланивались со знакомыми.

Шагая сейчас по улицам (завод и общежитие находились тоже на окраине, но противоположной – через центр – той, где стоял дом крёстной), Андрей сам мог наблюдать, как постепенно город меняется, как сквозь один его лик понемногу проступает другой.

Он шёл и видел, как среди громадных светлых многоэтажек стали появляться, постепенно вкрапчиваясь старые здания. Чем дальше к центру продвигался Андрей, тем их становилось всё больше и выглядели они всё основательней. Улицы делались уже, многолюдней, а цвет города из светло-серого превращался сначала в красноватый (ближе к центру встречались нештукатуренные кирпичные дома – такие строили в начале шестидесятых), а потом в бурый – это уже шёл старый город.

Чаще стали встречаться магазины, город выглядел всё зеленей. В небольших ухоженных сквериках сидели в тени деревьев дородные пенсионеры в теннисках и обмахивались шляпами и прочитанными газетами. Было всё ещё жарко, возле бочек с квасом вытянулись очереди.

– Попить, что ли?..

Андрей замедлил шаг возле одной из бочек. Выпить кружку холодного кваса не помешало бы. Тем более, что пива нигде что-то не было видно. Андрей на

какое-то мгновение даже почувствовал вкус кваса, его острый, кисло-сладкий, шипящий в нос запах. Вот только очередь, стоять надо...

Он повертел по сторонам головой, высматривая, нет ли где поблизости автомата с газированной водой.

– Слушай, друг, – обратился Андрей к какому-то подростку в белой футболке. У того на груди был изображён удручающе заросший бородач. – Где попить можно, ты не в курсе? Что-то я перестал ориентироваться.

Подросток кивнул себе за спину:

– Там, дальше.

– А кто это у тебя нарисован?

Подросток с опаской посмотрел на Андрея. Ему показалось, что этот здоровенный парень насмехается над ним. Неужели не знает?..

– Демис Руссос.

– Он кто?

– Греческий певец.

– Антифашист?

– Не знаю.

– А мне Муслим Магомаев нравится, – доверительно сказал Андрей. – У него голос хороший и репертуар что надо. Слышал песню: тот мужчина, кто отважен и душой не продажен... Отличная песня! У нас в роте пластинка такая была... Вода, значит, дальше?

Возле трёхэтажного особняка, в котором, судя по вывескам, находились редакции обеих областных газет, партийной и молодежной, стояли в ряд автоматы с газированной водой. Андрей, прежде чем опустить монету, с сомнением прищурился – автоматы стояли на солнце, вода в них наверняка была тёплой.

Но, когда он пригубил стакан, оказалось – нет, ничего, пить можно. Андрей отступил в тень липы у края тротуара и, прислонившись спиной к бугристому стволу, принялся неторопливо тянуть из стакана. Время от времени он поглядывал на лепные головки пухлогубых девушек над окнами второго этажа. Над каждой из головок в виде чепчика был прилажен отлив из оцинкованного железа. “Чтобы дождь не размывал”, – догадался Андрей.

Он допил воду и, секунду помедлив, взял ещё стакан. Этот выпил уже залпом и сразу почувствовал, как тело под рубашкой покрывается испариной. Захотелось в тень. Он направился было на другую сторону улицы, но тут краем глаза отметил что-то знакомое. У магазина радиотоваров стояла Валя.

Сильно перегнувшись набок, она держала в тонкой руке продолговатый картонный ящик. Солнце горело в витрине магазина, и Андрей невольно заслонился ладонью.

– Купила? – сказал он, сворачивая к девушке. – Что, если не секрет? Приёмник?

Валя опустила ящик на тротуар и потёрла нарезанную шпагатом ладонь. Она коротко взглянула на Андрея и отвела глаза.

– Приёмник с проигрывателем.

“Ну и худющая! – в который раз поразился Андрей, окидывая девушку взглядом. – Неужели и такие замуж выходят?..”

– Одна покупала?

– Одна.

– А как его нести будешь?

– Донесу как-нибудь. Я просить не люблю, – тихо сказала девушка. Она опять склонилась к ящику, просунула пальцы под шпагат, перехлёстывающий тот несколько раз крест-накрест.

– Подожди-ка, – остановил Андрей. Он отвёл Валину руку, взял приёмник и легко, держа его немного на отлёте, поднял. – Тебе куда? В общежитие?

– Да.

– Благодарю аллаха, что встретила меня. – И Андрей размашисто зашагал впереди. – Не отставай давай. Шире шаг!..

В трамвае выяснилось, что Валя любит музыку. Потому вот и купила приёмник – можно ловить разные станции, бывают очень интересные передачи, наши и зарубежные. Ещё можно слушать пластинки, их у Вали накопилось много. В основном джазовые вещи.

– У него короткие волны есть? – Андрей пошлёпал ладонью по ящику, который устроил на сиденье. Они с Валею стояли рядом, придерживаясь за поручень и, время от времени касаясь друг друга руками, когда трамвай поворачивал или неожиданно тормозил.

– Конечно.

Андрей усмехнулся:

– Когда я служил, у нас в ленинской комнате тоже стоял приёмник. Только без коротких волн.

– Почему?

– Потому. Не положено, – коротко ответил Андрей. Рядом с Валею он чувствовал себя особенно значительным, и это ему нравилось. – Чтобы “Голос Америки” солдаты не слушали! Почему!..

Возле общежития они столкнулись с Димой Сухановым. Тот шёл под руку с Нинкой Голосуевой. Похоже, они только что спустились с высокого общежитийского крыльца. Андрей от неожиданности даже приостановился. Хотя удивляться, в общем-то, было нечему – где-то же им надо встречаться...

Дима кивнул ему, а Нина сделала вид, что не заметила. По крайней мере, так Андрею показалось.

Андрей давно уже с интересом поглядывал на Анюту.

Было в этой светловолосой девушке с броскими карими глазами что-то раздражающе-притягательное. Слишком уж свободно вела она себя с мужчинами. Стропальщики, не стесняясь, рассказывали при ней анекдоты, а однажды Андрей видел, как из кабины мостового крана спускался какой-то парень в коротком, выше щиколоток, комбинезоне. Дело было во вторую смену, в конце обеденного перерыва, и уже темнело. Чем они там занимались – неизвестно, только улыбка у парня была хмыреватая.

– Да ты попробуй, чего даром смотреть! – сказал как-то стропальщик Митя и подмигнул. Он, должно быть, заметил выражение, с которым Андрей поглядывал на Анюту. – Она такая – ребёнок у неё есть, а мужа нету!..

Вообще-то не всё, что Митя говорил, можно было принимать всерьёз. Ан-

дрей уже понял, что Митя любит подшутить. Уставясь на собеседника своими выпуклыми глазами с красными голыми веками, стропальщик мог напористо доказывать что-нибудь маловероятное.

Чаще других на Митину удочку попадался его молчаливый напарник Вася. То он подавал в местном заявлении на городскую квартиру, хотя жил в деревне и там у него была своя изба. То купил ящик папирос “Беломор-канал”, на которые, как утверждал Митя, скоро должны были поднять цену.

Митя относился к напарнику насмешливо. “Что ты за мужик – сам себе бельё стираешь! Женись или так найди какую-нибудь. Давай, познакомлю! У неё квартира и собой ещё не старая. Ну?.. Эх, кулёма! – И Митя, затолкав руку в расстёгнутый ворот рубашки, азартно тёр грудь, густо поросшую курчавым седеющим волосом. – Да я бы на твоём месте!..”

Митя недавно женил сына, однако всякую проходящую мимо склада женщину провожал пристальным взглядом.

Об Анюте Митя, похоже, говорил правду.

– Ну-у, чего я... Мне мешаться не стоит, – с простоватым видом сказал ему на это Андрей. Испытывающе поглядывая на стропальщика, он то ли утверждал, то ли спрашивал: – Вон у Васи вроде с ней серьёзно... Зачем мешать человеку.

Митя, до отказа отвернув голову в сторону, презрительно махнул рукой.

– Это тебе, что ли, Люда сказала? Ага, дождутся они от Васи! – И он закричал напарнику, подводящему “лапы” под лист нержавеющей стали у соседнего штабеля: – Василь, слышь! Говорят, пацан у Анютки от тебя. Правда, что ли?

Вася ничего не ответил. Этот толстогубый сорокалетний мужик был подетски обидчив.

– Тебе бы только посмеяться, – вступилась за него кладовщица Люда и нахмурила редкие брови. Митя, сам того не желая, задел её. Андрей тоже успел заметить, что Люда специально ставит Васю с Анютой в одну смену. Но, похоже, её старания ни к чему пока не приводили.

– Как лист штабелюешь? Где прокладки? – рассердилась Люда на стропальщика. – Хочешь, чтобы металл попортился? Докладную напишу, посмеёшься! Смеётся он...

Но Митю не так-то легко было пронять.

– Ну, ну, раскипятилась! Самовар! А это что, не прокладки?.. Раз пропустил, так ругаться надо? Ух, кудрявая! – дурашливо выкатив глаза и растопырив руки, он подсказывал к кладовщице обниматься.

Люда заносила над головой деревянную планку, которой обычно прикидывала длину отпускаемых в цеха листов.

– Врежу сейчас!..

Но говорилось это уже не так строго. Долго сердиться на Митю было невозможно.

И вот однажды к концу дня, когда выдался перерыв в работе, Андрей решил про себя – пора! В самом деле, почему не познакомиться поближе?..

– Ого, сколько у тебя здесь кнопок! Как в самолёте, – сказал он Анюте. Обернувшись вниз к стропальщикам, которые наблюдали за ним, сделал успокаивающий жест рукой: спокойно, мол, всё будет в порядке. – Научила бы ты меня

на кране, а, Анют? Хочу освоить смежную профессию. Что смотришь, правду говорю, честное слово!..

Он уже взобрался по лесенке с рифлёными ступеньками и, придерживаясь за поручни, заглядывал в кабину крана. Девушка, удивлённо взглянув на него, молча подвинулась. Андрей никогда раньше с ней не заговаривал и не принимал участия в тех шутках, которыми Анюта обменивалась со стропальщиками. Он только непонятно усмехался и отводил глаза. Анюта считала его гордым.

Андрей опустил рядом. Дерматинное сиденье не было рассчитано на двоих, и он почувствовал налитое Анютино бедро. “Нормально!..” – подумалось хмельно, и Андрей вспомнил Оксану, с которой познакомился дома в тот долгий счастливый месяц после армии.

Анюта словно почувствовала его состояние. Она подобралась, насторожилась и, не поднимая глаз, скороговоркой начала:

– Вот этой кнопкой!..

Андрей её перебил, мягко и со значением сказал:

– Ты меня удивляешь... Разве я в самом деле... – И прикоснулся к её мягкой вышше локтя руке.

– Во-о-н оно что! – облегчённо протянула Анюта. Она сразу повеселела, скованность и оцепенение слетели с неё. – А ну прими! Слышишь? – Дёрнув плечом, она звонко шлёпнула Андрея по пальцам.

– А вот не приму.

– Примешь! Я тебя вниз сейчас столкну.

– Не столкнёшь. Я здоровый.

– А посмотрим. – Анюта в самом деле принялась сталкивать его с сиденья. – Ты не смотри, что я маленькая, у меня сила есть... Ага, ага!

Дело принимало какой-то несерьёзный оборот. Андрею стало досадно.

– Так и будем толкаться? В гости пригласи, видишь, интересуюсь тобой, – настойчивей и грубей заговорил он. Крепко обняв девушку за округлое плечо, прижал к себе. – В первый раз, что ли? По тебе так не скажешь. Ну?..

Анюта поскучилась и перестала толкаться. Неприязненно покосилась на Андрея.

– А тебе какое дело, в первый или нет? – Высвободившись, наконец, из его рук, она подняла локти и поправила сбившийся в возне берет. Спокойно посмотрела на Андрея: – Чего надо?

Андрей прищурился, улыбаясь.

– Сказать?..

Он выдержал паузу. Анюте полагалось бы смутиться, но она никак не прореагировала. Андрей почувствовал себя неуверенно и оттого принялся горячиться:

– В чём дело?! Может, я не нравлюсь тебе? Так и скажи тогда!..

– Да нет, парень ты ничего... Только вот что, выметайся-ка из кабины. Мне работать надо.

– Это как понимать?

– А вот так. – Крановщица прямо посмотрела на него. – Давай, давай! Меня вон Люда уже зовёт.

Положение было глупейшее. Андрей медленно стал спускаться из кабины. Движения у него выходили какие-то деревянные.

Это же надо!.. Облом!

Хорошо ещё, что стропальщиков рядом не было – склоняясь к листам, они вместе с кладовщицей отыскивали в дальнем углу склада нужную марку стали. Так что позора его никто не видел.

“Ну, это мы ещё посмотрим!”

И Андрей решил от своего не отступаться.

Вечером, когда неожиданно большие в темноте тополя, заслонив небо, дышали прохладой и покоем, когда умолкли цеха и сделалось тихо, странно, а в клумбах вдоль заводского забора стали звонко кричать кузнечики, Андрей подждал Анюту у проходной.

Перед концом смены он, словно ничего не случилось, сказал крановщице: “Анюта, я тебя провожу”. Девушка скользнула по нему равнодушным взглядом: “Проводи”. И вот сейчас, выйдя из размытого круга света над проходной, Андрей стоял под деревом и ждал, засунув руки в карманы брюк.

Вторая смена уже схлынула. Лишь иногда, хлестко ударив дверь, торопливо выскакивал кто-нибудь из задержавшихся в цехах рабочих и, заглядывая вдоль улицы – не видно ли трамвая, – бежал к остановке.

Анюта всё не шла.

Андрея от волнения познабливало. Охватив руками плечи, он с привычным удовольствием ощутил под ладонями свои мышцы. Ему вспомнились взгляды, которые бросали на него, на его фигуру девчонки на пляже. Вспомнилось, как Оксана сказала как-то, что Андреева спина напоминает два сложенных крыла. По тону было ясно, что это красиво.

“Да я уговариваю себя!” – с неудовольствием подумал Андрей. – Вот ещё! Не такие вон женщины...”

Он верил, что теперь, после службы в армии, ничего невозможного для него быть не может. Даром, что ли, целых два года настоящей жизни не видел? Должна же быть справедливость!

Наконец появилась Анюта. Во что она была одета, Андрей толком рассмотреть не успел – девушка быстро минула освещённый у двери круг, – но впечатление осталось вполне определённое: хороша! До этого он видел её только в спецовке и сейчас был приятно удивлён. Андрей шагнул навстречу и проговорил, стараясь быть как можно небрежней и снисходительней:

– Тебя пока дождёшься!..

– Я не просила. Шёл бы к себе домой, – сказала Анюта, поравнявшись с ним и не замедляя шага.

– Ладно, не обижайся. Это я так.

– Чего мне обижаться, – Анюта пожала плечами. Весь её вид говорил, что ей безразлично, будет Андрей провожать её или нет. А уж обижаться она и не подумает.

Андрей пытливо посмотрел на неё. “Ладно, увидим!”

В правой руке девушка держала сумку, Андрей зашёл слева и молча шагнул рядом. О чём говорить, он не знал и сейчас торопливо соображал, что бы такое спросить.

– Тебе на трамвай?

– Нет.

– А как ты добираться?

– В общежитии живу.

– А, так это же рядом! Я у вас как-то был.

Анюта ничего не сказала, не поинтересовалась, зачем Андрей заходил в общежитие. Помолчали.

– Давно на заводе работаешь?

– Пятый год.

– Всё время крановщицей?

– Сначала ученицей. Это уже потом крановщицей.

– Дальше учиться не собираешься? Ну, поступать куда-нибудь, – Андрею вспомнилась упорная Нинка Голосуева. – Сейчас все учатся.

Анюта неопределённо хмыкнула.

– Это не для меня.

– Почему так решила?

Девушка не ответила. Сейчас она совсем не походила на ту разбитную крановщицу, которую знал Андрей. Анюта шла строго, отчуждённо и даже разговаривала, не поворачивая головы. Будто вовсе это и не она подзадоривала Копача, когда, свесившись из окошка своей кабины, кричала, что он уже старенький и для постельных дел не годится. И Василия не подначивала, когда тот удачно стропил лист: “Ты сегодня молодец, Вася. Попал с первого раза!..”

Это несоответствие, это неожиданно скромное – притворное, конечно! – поведение разозлило Андрея. Он взял Анюту за плечи и, развернув к себе (ткнулась в колено её сумка), спросил:

– Чего выпендриваешься?

Девушка не испугалась.

– Давай не будем.

Она молча смотрела ему в глаза, не вырывалась и своей простотой и трезвостью остудила Андрея. Он отпустил её.

Первым побуждением было: уйти, бросить всё к чёртовой матери!.. Но упрямство и нежелание признать себя побеждённым – за это Андрею нередко доставалось в армии – удержали. Чувствуя стыд и вяжущую неловкость (“Ах, салага! Как облажался!..”), он всё же продолжал шагать рядом.

Они молча шли через виадук, под которым проходила железнодорожная ветка. Внизу на рельсах скользили параллельные отсветы от неблизких прожекторов над станцией. Торопливые гудки маневровых тепловозов перекрывала неразборчиво гулкая скороговорка диспетчера.

Виадук закончился, Андрей и Анюта опять ступили на тротуар, вошли в чёрные тени деревьев и по-прежнему молчали.

– Думаешь, если у меня ребёнок, так уже всё, лапать можно и всё такое? – Анюта блеснула на него глазами. – Быстрый очень! Много вас таких шустрых.

– Ладно, – буркнул Андрей. – Тоже мне, девочка нашлась.

– А если не девочка, так что – не человек?

– Ладно...

– И нечего идти со мной! Не провожай, сама дойду. – Анюта решительно остановилась.

Андрей быстро нашёлся:

– А мне, может, по дороге!

– Ну и иди один.

– А не пойду!.. – Он, язвительно склонив голову набок, заглянул ей в лицо.

Всё складывалось так безнадёжно и по-дурацки, что ему стало даже весело. И ведь что интересно – похоже, Анюта не притворяется, не просто набивает себе цену... Вообще тогда ничего не понятно! С одной стороны – крановщица, о которой только и можно сказать, что сама девка просится, а с другой... Пойми попробуй!

Анюта постояла и, враждебно смерив его взглядом, повернулась и пошла дальше. Андрей, чтобы досадить, двинулся следом.

Сейчас, вечером, общежитие ещё издали можно было отличить от других домов. Многие его окна без занавесок и оттого светились оголённо и неуютно. “Как в казарме”, – отметил Андрей. На лавочке у входа в общежитие в густой тени кустов сирени кто-то сидел. Разгорался и меркнул сигаретный огонёк, и слышался негромкий перебор гитарных струн.

Андрею захотелось, чтобы его стали задирать – на Анюту здесь наверняка кто-нибудь имеет виды. Но задирать никто не стал, только на минуту смолкла гитара, и спокойный голос заметил:

– Анька с кадром.

Андрей остановился. Покосившись на тень и независимо отставив ногу, спросил:

– Ну так как, в гости приглашаешь?

– В следующий раз, мальчик! – насмешливо и громко, чтобы слышали на лавочке, ответила девушка.

– Наглеешь, – сказал Андрей.

Но Анюта уже поднималась по широкой лестнице. Из тени ей что-то негромко сказали, и она засмеялась.

Андрей направился к остановке.

Время было позднее, так что ждать трамвая пришлось долго. Андрей стоял, засунув руки в карманы, и насвистывал, покачиваясь с пятки на носок. На душе было отвратительно. Вверху, бросая на синюю брусчатку пятна яркого молочного света, ровно гудели светильники.

Дома за чаем, пить который на ночь у них с крёстной стало обычаем, он сидел молчаливый. Задумчиво водил ложечкой в кружке.

– Ты чего это? – долго присматривалась и наконец спросила тётя Вера. Она уже была готова ко сну, лицо лоснилось от крема, а на голове, прикрытые косынкой, угадывались бигуди. – На работе случилось что?.. Андрюша, слышь? Чего молчишь?

– Нет, всё нормально, – ответил Андрей. Он отодвинул кружку, встал и направился было к себе на веранду, но вдруг вернулся. – Спасибо за чаёк, крёстная... И вообще спасибо, что приняла хорошо. Спать не ложишься, ждёшь с работы...

– Ну вот ещё! – отмахнулась крёстная, хотя по лицу было видно, что слышать это ей приятно. – Станем считаться, родные ведь. – И, погладив Андрееву руку, вздохнула. – Ладно, иди спать, иди... Устал ведь, вижу.

Убирая со стола – Андрей уже скрипел на веранде раскладушкой, – крёстная несколько раз останавливалась и озадаченно хмыкала.

Дело шло к получке.

Аванса Андрею в своё время не выписали. К пятому числу, когда аванс выдавался, он проработал всего несколько дней, так что бухгалтерия не успела, видимо, развернуться. И сейчас Андрей ждал денег с нетерпением.

Неудобно прежде всего было перед крёстной. Даже на обед приходилось у неё брать. Не говоря уже о том, что дома он завтракал и ужинал. Это только в армии даром кормят... Крёстная, конечно, ничего не говорила – да и не скажет! – но Андрей сам понимал, что уже не тот маленький мальчик, который запросто мог приехать и жить на всём готовом.

За день до получки Андрей заглянул к Копачу в его просторную сумрачную комнату. Подошёл к столу, опёрся на него руками и негромко, значительно сказал:

– Богдан Иванович, так у меня вроде завтра первая получка намечается...

Копач – он сидел над справочником по технологии металлов – поднял сосредоточенное лицо и крепко потёр его ладонями. Лишь потом, сообразив, что сказал Андрей, поспешно заморгал.

– Вот и хорошо, Андрюха! Получишь гроши, купишь себе что-нибудь, приоденешься – ты ж после армии, тебе надо... – Он говорил неуверенной скороговоркой, стараясь не смотреть в глаза. Было ясно, мастер отлично понимает, что Андрей имеет в виду.

– С меня причитается, – перебил его Андрей. – Соберёмся, значит, так: вы, я, Николай Кузьмич, Валя, ну, ещё кого-нибудь позовём.

– Зря ты это, честное слово... – Копач сделал кислое лицо. – Тебе ж, клоуну, деньги сейчас нужны, а ты будешь нас поить, такую ораву... Нет, Андрюха, не надо, мой тебе совет.

– Ладно, дело решённое! – твёрдо сказал Андрей. – Я не жлоб, обычаи уважаю. Первая получка, Богдан, понимать надо!.. – Словно в раздумье он склонил голову к плечу и медленно погладил волосы на затылке. – Только где бы нам собраться, чтобы никто не мешал? В резиденции разве дадут... – Андрей быстро взглянул на мастера.

Копач понял. Он окинул взглядом свою просторную комнату и сказал:

– Ну, можно здесь. – И неодобрительно добавил: – Зря ты это всё затеваешь, Андрюха. Честное слово, зря.

Он был всё-таки начальником, Копач... Андрей понял, что беспокоиться больше не стоит.

– А что это ты изучаешь, Богдан Иванович? Вроде как справочник какой-то, – спросил он. Уйти сразу ему казалось неудобным.

– Это? – Копач хлопнул ладонью по открытому тому. Его голос зазвучал весело. – К теории приобщаюсь, можно сказать. Некоторые вещи вспоминаю – я ведь техникум давно кончил. Что я буду за начальник, если меньше Вали буду знать?.. Она такие вопросики подкидывает, что сразу не ответишь – это сейчас, на третий курс только перешла. А дальше что будет?.. Вот и приходится соответствовать, а то подчинённые уважать перестанут.

Копач хитровато поглядывал на Валю, сидящую за своим столом у затенён-

ного тополями окна и по обыкновению что-то пишушую. Девушка, не поднимая головы, улыбалась краешками губ. У них были какие-то свои дела.

– Так договорились, Богдан Иванович? Всё чётко? – на всякий случай ещё раз уточнил Андрей. Он направился к двери. – Тогда завтра не уходите. Часов в пять соберёмся, лады?

В комнату мастера Андрей заглянул по пути от проходной к складу (если позже зайти, можно и не застать – Копач работал только в одну смену), и теперь, после разговора, Андрей шёл, свободно, широко размахивая руками. Он был доволен, что настоял на своём. Ему тоже было немного неловко, будто предлагал Копачу что-то не совсем хорошее. Такое дело, обмывание получки, он затевал впервые.

На складе как раз шла пересменка. Отбрасывая неподвижную тень, застыл кран, не грохотали сгружаемые листы металла, и никого вокруг не было видно – первая смена ушла переодеваться, а вторая ещё не заступила. Склад выглядел пустынным и непривычно тихим.

Своего сменщика Николая Кузьмича Андрей застал в “резиденции”. Широко расставив ноги в вытертых на коленях до блеска синих армейских галифе, тот переписывал в журнал данные из сертификатных листов.

– Отставить, Николай Кузьмич! – Андрей заглянул ему через плечо. – Я перепису.

На вторую смену работы выпадало, как правило, меньше. Так что можно было успеть сделать всё: и металл выдать, и сертификаты переписать.

– Вы завтра никуда не уходите, у меня первая получка! – Андрею было весело. – Отметим!..

– Добро, – согласился Николай Кузьмич. Отложив ручку, потянулся и молодецки похлопал себя по бокам. – Это можно.

Андрей подмигнул:

– Порядок в финансовых войсках!..

На днях он узнал, что в армии Николай Кузьмич был начфином, потому-то и ушёл на пенсию в таком непривычном звании, всего лишь капитан – для большего должность не позволяла. То, что при всей своей внушительной мужественной внешности сменщик занимался таким несерьёзным делом – деньги офицерам выдавал, – рассмешило Андрея. Какая это служба!.. Он не то чтобы перестал уважать Николая Кузьмича, но вёл себя с ним теперь вольнее, а в разговоре мог ввернуть что-нибудь насчёт людей, не нюхавших настоящей службы.

– Финансовые органы являются признаком цивилизованного государства. Будет тебе известно, это сложнейшая система, – солидно произнес Николай Кузьмич, снимая чёрный сатиновый халат и вешая его в шкафчик для одежды.

Андрей дурашливо вскинул руки.

– Сдаюсь! Убедил, товарищ капитан запаса!..

Николай Кузьмич собрался и ушёл, схлынула волна рабочих из цехов, и на складе опять стало тихо и спокойно.

Вот тут-то и случилось то, что рано или поздно должно было случиться. Слишком уж два разных человека работали бок о бок: властная, даже деспотич-

ная Люда – и Андрей, только что отслуживший солдат, который по простоте своей считал, что раз он отвечает за качество, то все должны его слушаться. Иначе за что ему деньги платят?..

Произошло всё так. На вторую смену цех нефтеаппаратуры подал заявку на шесть тонн листа нержавеющей стали толщиной десять миллиметров. Надо было найти нужный штабель, сверить с данными журналов номера плавки на листах, а затем погрузить металл на платформу.

– Здесь будем брать, – сказала Люда и ткнула своей деревянной метровой планкой в первый попавшийся, как показалось Андрею, светлый штабель.

Андрей полез вверх отыскивать номер плавки, Анята в кабине крана, а стропальщики внизу на земле ждали. Номер просматривался хорошо, не надо было даже тереть щёткой. Андрей принялся листать журнал, чтобы сверить плавку, но почему-то сразу в журнале её не нашёл. Он перелистал книгу ещё раз. И опять нет.

По опыту Андрей уже знал, что надо отвлечься – такое случалось, просто примелькались цифры, притупилось внимание, – и он несколько секунд смотрел вдаль на телевышку, которая возвышалась над городом в жёлтом послеобеденном мареве. Затем вновь раскрыл книгу, опять принялся искать. Но и на этот раз нужной плавки не оказалось.

Чувствуя себя неловко – его ждут, а здесь ещё Анята, на которую после того дурацкого провожания в общежитие он старался не смотреть и насмешливые взгляды которой часто ловил на себе, – Андрей бросил:

– Я сейчас!..

И побежал в «резиденцию» за другим журналом. Металл мог поступить давно и вполне вероятно, что записан в старом журнале. Стropальщики отошли в сторону и, присев, закурили. Анята в кабине крана достала вязание, одна только Люда проворчала:

– В книгах своих разобраться не может...

Но и в другом журнале номера плавки, который значился на верхнем листе штабеля, не оказалось.

– Нету плавки, – с облегчением сказал Андрей и захлопнул журнал. – Сертификаты, наверно, не пришли ещё. Выдавать пока не будем.

Такое случалось, металл иногда поступал раньше, чем на него приходили документы.

Люде ничего не стоило выдать нужные шесть тонн из какого-нибудь другого штабеля – на складе была ещё нержавейка, и тоже “десятка”. Но Люда сказала раздражённо:

– Не будем из другого! Там сверху листы снимать надо. Будем давать отсюда! В первой смене выдавали.

Ничего не стоило и Андрею сходить в цех и узнать, в самом ли деле утром выдавали нержавейку именно этой плавки. Но он уже начинал заводиться. Ах ты стерва! Привыкла всеми помыкать, на голову садиться! Это тебе не армия, здесь не наябедничаешь!.. И он сказал вызывающе твёрдо:

– Нет! Я контролёр, я отвечаю за качество. Из этого штабеля, пока всё не выяснится, выдавать запрещаю. Всё поняла?

Люда взвилась:

– А, запрещаешь!.. – Её мясистое лицо моментально сделалось пунцовым, на короткой шее вздулись вены. И началось...

Кричала она на удивление пронзительным голосом, но даже это (с кем связался? Со вздорной бабой?..) не могло уже Андрея остановить. Не очень-то выбирая выражения, он выложил всё, что думал о ней, наглой бабёнке, которую неизвестно почему здесь терпят, и о её муже-прапорщике, которых в армии не зря прозвали тормозами коммунизма.

Стропальщики сначала переглядывались, подмигивая друг другу – Люду, свою начальницу, они недолюбливали, она им спуска не давала, – дурашливо затыкали уши, а потом, когда ругань затянулась, Митя сходил за Владимиром Ивановичем, контролёром на складе литых заготовок, тоже, как и Николай Кузьмич, военным пенсионером. Владимиру Ивановичу довелось поработать на разных участках, всё контролёрское дело он знал в совершенстве.

Пришёл Владимир Иванович, высокий худой мужчина с благородно оплывшим лицом, и внушительно сказал:

– Прекратите! – Взглянув на номера плавки, он наморщил лоб, припоминая. – Минутку, сейчас восстановим.

Но Люда была решительной женщиной. Ждать она не желала.

– Грузите! – приказала она стропальщикам. Даже появление Владимира Ивановича, полковника в отставке, на неё не подействовало. – Грузите, говорю! Беру на свою ответственность!

Андрей с надеждой смотрел на Владимира Ивановича. Дело принципа. Тот, склонив голову набок и высоко вздернув брови, потёр пальцем переносицу.

– Нет, что-то не помню... Я советую подождать. И давайте без базара – неприлично всё-таки! – Он повернулся и ушёл, раскачиваясь на ходу всем своим моластым телом.

Андрей заиграл желваками. Стропальщики, вопросительно поглядывая на кладовщицу, принялись подводить под листы крюки. Люда со злым решительным лицом наблюдала за их работой.

– Ладно. Буду писать на вас рапорт. Сами заставили, – спокойным голосом пообещал Андрей. – Ещё раз говорю: я выдавать не разрешаю!

Он твёрдо решил этого дела так не оставлять. Молча и оттого ещё сильнее презирая кладовщицу, дотянул до конца смены, а на следующий день пришёл за час до начала работы и направился прямо к Копачу.

– Я так понимаю, Богдан, – напористо заговорил он, расхаживая по комнате мастера, – раз контролёр не разрешает, значит – всё, нечего всякой тюльке селёдку из себя строить! Кто отвечать будет в случае чего? Люда эта?.. Дождёшься от неё. Контролёр! А листы, наверно, уже в разметку ушли. Точно, ушли!.. Ты же помнишь, начальник ОТКа собирал и ясно сказал, сколько от нас зависит. Сам начальник ОТКа! А эта... Кто она такая?! Нет, надо на место поставить, а то работать невозможно.

Копач, который, видимо, уже знал обо всём, сдержанно кивал. Вдвоем они направились к Николаю Кузьмичу на склад.

– Что с той десяткой, нержавеющей? Вон в крайнем штабеле, – подойдя, спросил Копач. Вёл он себя, на взгляд Андрея, слишком уж спокойно.

– Всё в порядке, Богдан Иванович, – бодро ответил сменщик и преданно посмотрел на мастера. – А что случилось?

– Где же сертификат на неё? Где сертификат?.. – быстро заговорил Андрей, подёргиваясь от нетерпения. – Сертификата же нету! Нельзя выдавать!..

– Как – нет? Есть сертификат, пришёл сертификат, – ответил Николай Кузьмич и непонимающими глазами смотрел то на Копача, то на Андрея.

– Как это пришёл?.. – Если всё так и есть, как говорит сменщик, то он, Андрей, оставался в дураках. Люда права оказывалась. – И испытания все есть?..

– Всё нормально.

– А почему же в книге ничего нет? Почему ничего не записано?..

– Должно быть в книге, – Николай Кузьмич принялся листать журнал. – А как же, и в книге должно быть...

– Нет в книге. – У Андрея побелели крылья носа. – Неправду говорите! Непорядок!

– А! – вдруг воскликнул Николай Кузьмич и отложил журнал. – Я ведь сертификат сдал Вале, а переписать сюда, – он ткнул пальцем в картонную обложку, – забыл! – И сам себе удивился: – Как забыл только? Бывает же... – Потом вдруг насторожился: – Что-нибудь случилось?

Андрей ничего не ответил. С досадой хлопнул себя по бедрам и быстро ступил в сторону. “Поесть бы ты забыл, финансовый работник!” – зло подумал он о сменщике. Но, переборов себя, опять подошёл к Копачу.

– Всё равно с ней надо что-то делать, – исподлобья взглянул он на мастера. – Вздорная бабёнка, неужели управы нет! Сегодня ладно, сертификат есть, а вдруг не было бы?..

Копач отвел глаза.

– Она давно работает, опытная...

– Так нам же начальник ОТКа ясно сказал: без разрешения контролёра... Должен же порядок какой-то быть!..

В это время как раз и появилась кладовщица. Она появилась откуда-то из-за штабелей и сразу же принялась ругаться:

– Что это такое, Богдан, что за безобразие, на кой мне такой контролёр, если у себя в книгах разобраться не может, работу срывает, без него лучше работать было, ставят здесь всяких, молоко на губах не обсохло, я пойду к главному инженеру, пойду к директору!.. – И понесла, понесла...

– Ша, Людмила Осиповна, – устало пытался остановить её Копач. – Ну, хватит уже, хватит! Знаю. – И принялся униженно, как показалось Андрею, оправдывать его: – Так он же хлопец молодой, не знает ещё всего, погорячился. Чего вы так? Не ошибается тот, кто ничего не делает...

Андрею стало горько. Вот, оказывается, и всё, к чему привело его стремление добиться порядка и справедливости!

– Так что, я ещё и виноват?!

Он схватил лежавший на ближайшем штабеле контролёрский журнал, швырнул с силой на землю и пошёл прочь.

С полчаса Андрей одиноко просидел в “резиденции”. Неподвижно смотрел, как билась в створку открытого окна муха, воображавшая, что летит на волю. Было до слёз жалко себя и эту бестолковую муху.

– Андрей, ты здесь? – спросил, заглянув в домик, Николай Кузьмич. – Пой-

ди деньги получи. Там тебя ищут, один остался... – Он смотрел виноватыми глазами.

Андрею ничего сейчас не хотелось. Но и сидеть вот так, нахохлившись, тоже было глупо. Душила обида, что никто его не поддержал, хотя он, Андрей, абсолютно прав. Щелчком сбив муху в шпалеру пыльного кустарника, он резко поднялся.

“Ну, я вас сегодня напою!.. Под столом будете ползать! – решил Андрей, тяжело глядя на красный затылок своего сменщика. Тот уже о чём-то спокойно и, что особенно было обидно, даже посмеиваясь, разговаривал с кладовщицей. Они между собой ладили. – Уж я вас напою!..”

Он пошёл в кассу, получил свои шестьдесят три рубля с копейками и задумался. Для покупок нужна была сумка, не понесёшь же всё в руках. Сумка могла быть скорее всего у кого-нибудь из женщин. И Андрей направился к Вале.

– У тебя сумки никакой не найдется?

– Сумки нет, – коротко взглянув, ответила девушка. И неуверенно предложила: – Авооську могу дать.

“Чёрт! – неожиданно подумалось Андрею. – До чего запугали девчонку. Вон как смотрит!” В душе шевельнулась жалость, будто к маленькому ребёнку.

В магазинчике вблизи проходной водки не оказалось. Злость на Копача и Николая Кузьмича уже прошла – Андрей был по натуре отходчивым, – и можно было бы купить вместо водки вина, но на витрине виднелось одно столовое, а какая это выпивка – так, вместо кваса... Андрею хотелось, чтобы всё было как можно лучше.

Он пошёл за виадук, выстоял очередь в гастрономе. Купил три бутылки “Российской”, килограмм колбасы, буханку пахучего свежего хлеба и завернул всё это в газету “Гудок”, несколько экземпляров которой ещё оставались непроданными в киоске поблизости.

Назад через проходную прошёл благополучно. На вахтера взглянул дерзко: мало ли что можно нести в авоське – может, чистая спецовка!..

Все свои покупки он выложил в комнате мастера на стол.

– Натюрморт с водкой, – сказал Копач, склонив к плечу голову и уперев руки в бока. – Валя, доставай-ка наше. У нас здесь, Андрюха, тоже событие. Получили по десятке за внедрение новой техники, есть на заводе такая премия. Решили чаёк организовать.

Валя вынула из шкафа коробку с тортом, позвякивая ложечками, принялась доставать и ставить на стол чашки, блюдца, небольшой чайник для заварки, расписанный по бокам красными ягодами. Копач, поощрительно поглядывая на девушку, приговаривал:

– Молодец! Умница!.. Всё это она, между прочим, завела. Ничего такого у меня раньше не было. Большое дело – женщина в отделе!..

Андрей принялся помогать Вале нарезать колбасу и хлеб – надо было себя чем-то занять. В шкафу отыскались и нож, и тарелочки с трафаретными надписями на краях “Общепит”, и даже вилки. Мастер между тем позвонил на склад листа. Там, видимо, ответил кто-то другой, и Копач некоторое время стоял с трубкой, ждал, когда подойдёт контролёр. А когда тот наконец подошёл, мастер буднично, со стороны нельзя было что-либо заподозрить, сказал:

– Николай Кузьмич, зайдите ко мне. В том составе, как договаривались.

Затем был звонок на склад литых заготовок. Там тоже обещали сейчас подойти. И в самом деле, не прошло и пяти минут, как Владимир Иванович со своим сменщиком, белобрысым пареньком с застенчивым выражением угреватого лица – этого паренька Андрей раньше видел только мельком, – были уже в комнате мастера.

Даже не взглянув на бутылки с водкой, будто их здесь и не было, Владимир Иванович принялся говорить Копачу о заготовках фланцев, в которых слишком много воздушных раковин. Придётся составлять акт. Копач озабоченно кивал головой. Паренёк как сел на стул в углу, сложив руки на коленях, так и сидел.

– Ну, ладно! – прервал Владимира Ивановича Андрей, когда всё было готово, колбаса и хлеб нарезаны и сложены в тарелки. Андрею не нравилось то, что все, как ему казалось, лицемерят, и потому его голос прозвучал развязно: – Поехали, что ли? Давно в горле пересохло, промочить пора! – Он щёлкнул по бутылке и забубенно помотал головой.

Копач повернул к нему лицо. Мастер будто что-то преодолевал в себе и посмотрел в глаза не сразу.

– Подожди, не все ещё собрались... Здесь вот какое дело, Андрюха. Водку твою пока трогать не будем, отложим давай. Вот у меня сейф, здесь пусть стоит. А не хочешь, домой можешь забрать... И не обижайся, будет у нас ещё время, обмоем твою получку.

Андрей не понял. Он замер, задержав руку на горлышке бутылки.

– Почему?..

– Что нам два события вместе сводить? Только скомкаем. Сейчас просто чаю с тортом попьём. А водка подождёт до другого раза. Не испортится, верно? – Копач улыбнулся с таким видом, будто говорил: разве не видишь, как просто – торт испортится, а водка нет. В этом всё дело.

– Обижаетесь, начальник!.. – куражливо начал было Андрей, но мастера поддержал Владимир Иванович.

– Верно, верно, Богдан Иванович, – солидным своим голосом проговорил он. – Какая может быть водка в такую жару?.. Конечно, в другой раз.

Валя тоже что-то сказала, и даже парнишка, сменщик Владимира Ивановича, согласно кивал из угла.

– Да пойми, не время сейчас! – убеждённо заговорил Копач, подойдя к Андрею и приобняв за плечи. – Ты наши обычаи тоже должен уважать. У нас так принято, после премии все вместе чай пьём. Ну? Договорились?..

– А что вчера не сказал? Мог же сказать!..

– Вчера насчёт премии не было известно. И не расстраивайся, не стоит! Спасибо, конечно, мы понимаем, ты от души, но подождём давай. Не уйдёт от нас твоя водка, не беспокойся... Валя, как там чайник? Вскипел? Владимир Иванович, заварите чай, это у вас хорошо получается...

Все задвигались быстрее, заговорили веселее и будто облегчённо. “Сговорились, – подумал Андрей. Он отошёл к окну и скрестил руки на груди. – Ладно!..” Можно было бы взять и уйти, но оставаться сейчас одному не хотелось. Лучше уж посидеть вместе со всеми, хотя, конечно, обидно.

Дверь в комнату открылась, и появился Николай Кузьмич. За ним показалась Люда. У Андрея сами собой вздулись желваки, когда он её увидел.

– ... даже плакат такой был, часто можно было видеть, – говорил Николай Кузьмич, повернув к кладовщице лицо и рассказывая, видимо, начатое раньше. – На нём, внизу так, слова: “Не смотри, что на груди, а смотри, что впереди!” Сколько мне тогда было – пацан, семилетки ещё не закончил, а запомнилось. Владимир Иванович тоже, наверно, помнит. Помнишь, Владимир Иванович?.. На предприятиях и в учреждениях висели. Вот такими буквами: “Не смотри, что на груди, а смотри, что впереди!..” Понятно, почему вдруг такие плакаты появились. Время ведь какое? Людей нужно было настраивать на будущее, на послевоенную жизнь. Наши солдаты ведь как возвращались домой – герои, за границу повидали, грудь в орденах, море по колено! Победители!.. А дома карточки, голод, с жильём плохо. Вот и надо...

– Почему она здесь? – громко спросил Андрей, мотнув головой в сторону кладовщицы. – Кто её звал?

Все замолчали, а Копач осуждающе сказал:

– Так нельзя, Андрюха. Мы вместе работаем, вместе и события отмечаем... Хватит дуться, не маленький, в конце концов! В работе всякое бывает. – И уже мягче, улыбаясь: – Я, может, для того и собрал вас вместе, чтобы такое, как вчера, не повторялось. А ты мне карты путаешь...

Андрей почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо.

– Собирайтесь без меня. Миротворец!.. – И, ударив дверь, он выскочил из комнаты.

## 10

На следующий день Андрей на работу не пошёл. Он проспал до обеда, а чтобы крестная не приставала с расспросами (она вот-вот должна была вернуться после первой смены), поднялся и медленно, туго соображая, оделся и вышел из дому.

Пусть думает, что он на заводе.

Сильно болела голова. По всему телу разлилась слабость. Андрей даже руки сжать как следует не мог. Думать о том, что произошло вчера, было тяжело. Вытирая ладонью то и дело потеющий лоб, он добрался до сквера возле трамвайного кольца и опустился на первую попавшуюся скамейку. Надо было уехать куда-нибудь от дома подальше.

Рядом, скрежеща на повороте и громыхая, проезжали трамваи. Андрей тупо смотрел на клумбу с привядшими от жары цветами. Ничего не хотелось.

Тоскливо было вспоминать то, что случилось потом, когда он психанул и выбежал из комнаты мастера. Направился прямо к магазину, скинулся на троих с какими-то мужиками, потом ещё раз... Мужики (все почему-то с жёлтыми глазами) слушали его, согласно кивали головами – да, бабы сволочи, что на работе, что дома. “На меня! – Андрей делал паузу и поднимал вверх указательный палец. – Кричит! – Опять пауза и поднятый палец. – Какая-то жена паршивого прапора!.. Я два года Родине!..” Кажется, даже плакал. Покупал ещё водку, наливал всем, кто хотел.

Потом неизвестно как оказался в заводском общежитии. Ходил по этажам, искал Анюту, но не нашёл. Очутился в комнате у Вали и потребовал, чтобы она включила проигрыватель, который как-то помогал нести. Они танцевали, потом между ними, кажется, что-то было – Андрей помнил, Валя его растолкала, когда

за окном стало темно. Он лежал в расправленной постели, Валя, держа в зубах шпильку и закинув руки, закалывала на затылке волосы. Сквозь сжатые зубы она невнятно говорила, что скоро должны вернуться после второй смены девчонки, так что Андрею надо уходить. В комнате горела настольная лампа, потолок был тёмный. Валя на Андрея не смотрела.

Вот это, с Валею, было особенно ни к чему! У Андрея даже мысли не появлялось, что между ними может что-то быть. Забывшись, он с досадой стукнул кулаком по скамейке. И тут же прикрыл глаза от боли. В голове будто чугунные шары покатались.

Андрей не помнил, сколько просидел так. Надо было что-то делать, попробовать стряхнуть оцепенение, преодолеть слабость. Он поднялся и медленно пошёл к бане.

От кого-то слышал, что в таких случаях хорошо помогает парилка. К тому же Андрей никак не мог отделаться от ощущения, что весь грязный и надо помыться. Кожа зудела, казалось, не мылся целый месяц.

В бане так же, как и в тот первый день, когда Андрей приехал к крестной, было прохладно и сыро. Сквозняки отдували занавески на открытых окнах. Андрей, поглядывая по сторонам, разделся и по скользким ступенькам спустился в моечный зал. Он и здесь пристально осмотрелся, но Сани, того рыжего мужичка, с которым тут познакомился, не было видно.

Андрею хотелось его встретить. Как хорошо они в прошлый раз поговорили, как понимали друг друга!..

Когда он уже одевался, стоя перед своей кабинкой на резиновом мокром коврикe, случилось непонятное. Андрею вдруг показалось, что он у себя в части и тоже в бане. Рота только что помылась, уже строится во дворе, а он почему-то замешкался и сейчас торопливо натягивает на себя хэбэ. Вот-вот заскочит посланный старшиной замкомвзвода и начнёт весело подгонять, а за окном слышно, как смеются и дурачатся ребята...

Ощущение было такое явственное, что Андрей даже почувствовал на ногах тяжёлые парки сапоги, а на талии широкий армейский ремень с жёсткими краями. Он до того полно ощутил себя опять солдатом, что даже потянулся к верхней полке шкафчика за пилоткой.

“Финиш, – сказал он себе. – Глюки!..” Но не испугался – наоборот, было приятно. На всякий случай даже пошарил рукой на полке. Пилотки не оказалось.

И уже выйдя из бани, Андрей подумал, что время – это бесконечный шланг, в котором несутся люди, телебашня, деревья, кошка на той стороне улицы, окурки на асфальте – в общем, всё вокруг. Шланг не прямой, а перегнут во много раз и уложен ряд к ряду, как проволока в трансформаторной обмотке. И вполне можно переходить из своего теперешнего отрезка времени в соседние. Надо только суметь пройти сквозь стенки этого странного шланга. Хорошо бы...

Андрей споткнулся о камень (в голове опять болезненно бултыхнулись тяжёлые шары) и подумал: “Точно, глюки начались...”

После бани действительно стало легче. Но всё равно ни домой, ни тем более на завод идти не хотелось. Равнодушно глядя перед собой, Андрей побрёл по улицам, выбирая теневую сторону. Незаметно вышел к парку. Белый полукруг

колонн перед входом неприятно слепил глаза, зато дальше, под деревьями, были прохлада и сумрак.

Андрей перешёл улицу. Какому-то частнику на синем “Москвиче”, судорожно затормозившему прямо перед ним и яростно высунувшемуся через опущенное стекло едва ли не до пояса, он хмуро сказал:

– Пошёл ты!..

В парке было тихо, на песочных дорожках разбросаны мелкие пятна солнца. Андрей забрался в самую глубь и сел там, а потом – лёг на одну из затянутых в кусты лавок. Немного подумал и перебрался вниз на траву.

И уже дремля, решил: чёрт с ним, со вчерашним. Кладовщица сволочь, конечно. Ничего, он ей ещё покажет!.. А Валя сама виновата.

Проснулся Андрей оттого, что кто-то осторожно тряс его за плечо.

– Поднимайтесь. Здесь спать не положено.

Андрей недовольно открыл глаза и увидел над собой двух милиционеров. Ребята были молодые, его где-то возраста, оба в белых летних тужурках и в фуражках, обтянутых также белыми чехлами.

– Вставайте, гражданин, – повторил один из милиционеров и вполголоса сказал другому: – Видишь, живой!..

Андрей, заправляя выбившуюся из брюк рубашку, поднялся. По армейской привычке согнал складки за спину.

– Вы где служили, ребята? – спросил он, рассматривая милиционеров. Заметив, что лица у тех по-прежнему остаются отчуждёнными, добавил: – Ладно вам, не строжитесь! Меня после дембеля тоже приглашали работать в милицию. Я не пошёл – ну его, опять тянуться!..

Милиционеры были наглаженные, аккуратные ребята – приятно смотреть. От них даже одеколоном пахло. Андрей поспал и чувствовал себя значительно бодрее, ему хотелось с ними поговорить. Но те были настроены иначе:

– Проходите, проходите, гражданин.

– Пройду, не беспокойся.

– Если увидим, что будете здесь спать – заберём в отделение.

– Всё, не буду, хорош об этом!.. Я, например, в Казахстане служил. В десантных частях, – зачем-то соврал Андрей. – На выживаемость когда-нибудь приходилось проходить проверку?.. О, та ещё проверочка! Забросят на вертолёте в пустыню, до базы – километров сто, а у тебя только фляга воды и пачка галет. Ну, энзэ, конечно, но это так, в самом крайнем случае... И ничего, между прочим, нормально! Через пару суток возвращались. Ящериц по дороге ели, змей тоже приходилось... Служба! Наш старлей, например, три кирпича ребром ладони ломал. Каратист, шестой дан. Нормально, скажи?..

Милиционеры, постояв возле Андрея и убедившись, что он не пьян, неторопливо отошли, отводя руками ветки. Разговаривать они не собирались. Андрей презрительно хмыкнул:

– Деятели... С ними, как с людьми... Деревня!

Тогда один из них – тот, что будил Андрея, – оглянулся и предостерегающе бросил:

– Не выступай.

– Иди, иди! Старик называется. Тоже мне... – Андрей был раздосадован.

Здесь же, в парке, находился городской стадион. Андрей, подумав, направился туда – делать всё равно было нечего. Миновал тёмный гулкий тоннель под трибунами и вышел прямо к барьеру, за которым начинались беговые дорожки.

Стадион ударил в глаза яркостью, разноцветными красками: изумрудное под уже низким солнцем футбольное поле, голубые скамейки секторов, сверху на мачтах полоскались большие шёлковые флаги спортивных обществ...

По дорожке мимо Андрея пронеслись загорелые девушки в шиповках. Их ладные тела красиво, плотно облевали майки и белые трусики. В другой раз Андрей обязательно крикнул бы что-нибудь весёлое им вслед, но сегодня не хотелось. Он прошёл в ближний сектор и сел, свесив руки между коленями.

Внизу на газоне тренировались футболисты местного “Авангарда”. Стоя друг напротив друга, парни перебрасывались пёстрыми – белое с чёрным – мячами. Выходило это у них ловко, красиво. Неподальку разминался вратарь. Резкий, злой, он бросался за низко посланным мячом, вытягивался в струнку, распластался в воздухе. Если взять мяч не удавалось, вскакивал на ноги, хватал горсть песка с вытоптанного перед воротами пяточка и швырял о землю.

– Спокойно, Толик, спокойно, – одобрительно приговаривал немолодой полный мужчина в спортивном костюме – наверно, тренер. Он бил по воротам метров с семи-восьми «щёточкой», мягко, в разные углы.

«А ничего вратарь, – отметил Андрей. – Надо будет как-нибудь пойти на игру». До армии они с Игорем Голосуевым часто бывали на стадионе, оба болели за «Авангард».

Полный тренер вдруг оставил мяч и вперевалку двинулся к кромке поля. Шёл он неохотно, по пути оглядывался и что-то говорил вратарю. У края газона, приподняв сутулые плечи, его поджидал какой-то парень в джинсах. Что-то в его фигуре – сухопарой, хищноватой – показалось Андрею знакомым.

«Петя Чаев!..» Первым движением было броситься вниз, перепрыгнуть через барьер и подойти. Но Андрей сдержал себя.

Причина была. На днях он встретил Чаева на заводе. В цехе нефтеаппаратуры тот убирал стружку у карусельного станка. Двигался Петя медленно, скучно, спецовка на нём лоснилась от грязи, грубые ботинки с заклёпками стоптаны... И это Чаев, известный всему городу человек!

«Петя, здорово!» – окликнул его Андрей. Чаев повернул голову, смерил взглядом. «Ошибаешься, пацан. Я Александр Македонский». Любому другому пришлось бы ответить за «пацана», но тут... Андрей пожал плечами, отошёл. Чего дурака валяет? Ведь знает его, не раз проводил на футбол... Сразу не сообразил, что это Чаев от стыда.

Ему и сейчас, похоже, было не сладко. Мужик в спортивном костюме разговаривал вяло, нехотя. То и дело поворачивал лицо к полю, смотрел на перекидывающихся мячами футболистов. И разве что прямо не говорил, что Петя ему мешает.

Чаев загнанно оглянулся и как-то боком, словно его стремительно повело в сторону, шагнул от газона. Андрей увидел его лицо – злое, с побелевшими тонкими губами. Чаев почти бежал к выходу со стадиона.

– Зачем человека обижают? Ему и так сейчас!.. – Андрей не выдержал, поднялся со скамейки.

– Ты мне? – Тренер строго посмотрел в его сторону.  
 – Тебе! – с вызовом сказал Андрей. Не нравились ему такие люди – начальственно пренебрежительные, самоуверенные. – Попрут из «Авангарда», узнаешь, как это!.. Давно пора, развалил команду. Девятое место, позор!..

Тренер стремительно двинулся к Андрею.

– Что такое? А? Чего здесь делаешь?.. – заговорил он сдавленным злым голосом. – Кто разрешил нарушать тренировку? Пьяный? А, пьяный! – Тренер выхватил из кармана свисток и засвистел, повернувшись к центральной, открытой козырьком трибуне. – Сержант, сюда! Пьяный хулиган!

Андрей опешил:

– Какой я пьяный?.. За это и схлопотать можно.

– Угрожает! – Низенький полный человек с красным гневным лицом быстро приближался к Андрею. Он потянулся через барьер и цепко ухватил за рубашку. – Сержант! Сюда!..

«Только спокойно. – Андрей с трудом отвёл взгляд от переносицы тренера. – Спокойно. Нельзя». Он легко сбил руку с груди. От центральной трибуны, отрезая выход со стадиона, уже бежали два милиционера – похоже, те, что будили Андрея в парке. Они придерживали подпрыгивающие на бёдрах кобуры, форменные галстуки завернулись на плечо.

Стараясь не слишком спешить, Андрей свернул в ближний проход между секторами. Он вёл к запасному выходу, который открывали после матчей. Андрей с разбега бросился на ворота, стараясь зацепиться пальцами за верхний край.

Хотя ворота и были выше стенки на полосе препятствий, ему удалось всё-таки ухватиться за кромку. Подтянувшись, перекинул тело на другую сторону. Асфальт больно отдался в ступнях, когда он спрыгнул вниз. Припадая на обе ноги, Андрей заторопился прочь. Почему убегает – он и сам бы толком не объяснил.

Потом Андрей забрёл в кино. Фильм закончился, когда уже стемнело. Зажглись фонари на улицах, осветились витрины магазинов. Идти домой по-прежнему не хотелось, но и слоняться по городу осточертело. Постояв посреди тротуара, Андрей всё же двинулся к остановке трамвая.

Дома крёстная сидела за швейной машинкой.

– Ты что так рано? – Она удивлённо повернулась к Андрею, придерживая рукой полированное колесо. Подняв очки на лоб, озабоченно спросила: – Что случилось?

– Отпросился. Голова болит, – буркнул Андрей и пошёл на веранду.

Не включая света, постоял в темноте. Лиловели стёкла и пахло старыми обоями, которыми были оклеены стены веранды. Лечь, что ли, спать?..

Какой длинный, тягостный день!

Швейная машинка перестала стучать, и крёстная появилась в дверях.

– На вот, выпей, – сказала она и протянула что-то на ладони и кружку с водой в другой руке. – Тройчатка, хорошо от головы. Давай, давай, надо! И свет включи, чего ты впотьмах.

Он сама включила свет, передала таблетку и кружку Андрею и встала рядом, наблюдая, как тот морщится и нехотя несёт тройчатку ко рту.

– Катя письмо прислала. Пишет, чтобы пальто тебе купили и зимние ботинки тоже... Деньгами обещает помочь.

Андрей, чуть не захлебнувшись, зло дернул головой.

– Ничего мне не надо! Сам зарабатываю! – И передразнил: – Зимние ботинки... Ещё валенки, может?

Крёстная, откинувшись назад, смотрела с недоумением.

– Да ты что, она от чистого сердца. От своей семьи отрывает!.. Нет, Андрей, такое ценить надо.

– Они со своей заботой вот здесь у меня! – Андрей хлопнул себя по загривку. – Оставьте меня в покое, дайте жить, как хочу!

Вспыллил он неспроста. В семье Андрей был младшим, обе сестры, Катя и Лиза (Лиза жила сейчас с мужем в Карелии, работала в леспромхозе), родились намного раньше него. Он, младший брат, был для них чем-то вроде любимой игрушки – по крайней мере так сейчас думал Андрей. Они наряжали его в белую рубашку, отглаженные короткие брючки, на верхнюю пуговицу рубашки цепляли бантик в крапинку и, взяв с обеих сторон за руки, вели гулять...

Андрей до сих пор помнил свой стыд. Особенно за этот дурацкий бантик. Соседские мальчишки, завидев его таким, принимались дразнить. Андрей капризничал, дерзил сёстрам, а то просто брал и садился в новых брюках в пыль посреди дороги – делайте, что хотите, никуда не пойду!..

Опеку сестёр он постоянно чувствовал и позже. В школу на родительские собрания ходили не мать и не отец, а кто-нибудь из них. Сёстры разрешали дружить с одними ребятами и запрещали с другими. И в пэтэу Катя посоветовала ему поступить именно на чертёжника...

Вот и сейчас они за старое! Андрею было досадно, бестолковая надоедливость родных злила. Он давно уже самостоятельный взрослый человек. Хватит!..

Крёстная, удивлённая вспышкой, молчала. Потом негромко спросила:

– Есть будешь?

– Не хочется. – Видя, что крёстная всё не уходит, Андрей добавил: – Ладно, ты иди. Мне ещё письмо написать надо.

Он давно собирался написать ребятам из своего отделения, которые остались служить. Но всё как-то не выходило – то одно, то другое. А вот сегодня особенно потянуло. Андрей нашёл бумагу, шариковую ручку и устроился на широком подоконнике. Наморщил лоб, принялся покусывать кончик ручки. “Здорово, молодёжь! – появились на листке первые слова. – Привет с гражданки!”

Дальше он писал о том, что живёт отлично, что после дембеля погулял, как следует, столько вина выпил, в озере накупался. И с женщинами всякие приключения, понятно, были. На гражданке кадров завалились, к отслужившим ребятам они относятся нормально, так что пусть молодёжь держит хвост пистолетом, и им достанется. Сейчас устроился на работу. Работёнка нормальная, а со временем вообще перейдёт в конструкторское бюро. Так что всё отлично, всё, как говорится, хоккей. Сам себе король, гуляешь, сколько хочешь. Захотел – на танцы, захотел – в ресторан, никто тебе не запретит. Ещё бы – вольная жизнь, салажата зелёные, сами понимаете!..

Андрей перестал писать и задумался, глядя в черноту за окном. Перечитал письмо. Ещё посидел, подумал.

Потом зло сгреб листок, скомкал и вышвырнул в форточку.

Андрей стал присматриваться, как живут вокруг другие люди.

Раньше, в родном городке, подобного желания у него не возникало. Какое ему было дело до всех остальных, если сам он с таким интересом и жадностью смотрит на жизнь!.. Он ждал от неё нового и прекрасного. И эти ожидание и готовность заполняли его всего и заглушали остальные чувства. Будто постоянно звучала высокая счастливая музыка.

Но шёл уже третий месяц, как он на гражданке, и что-то в том счастливом чувстве нарушилось. Звучало оно уже не так уверенно. Теперь и на работе, и дома, и на улице, когда Андрей выходил прогуляться под вечер, он с пристальным, болезненным каким-то интересом присматривался ко всему. И всё больше и больше недоумевал: неужели никто из этих людей не понимает, какая скучная у них жизнь? Какая безысходная и душная? Неужели не чувствуют?!

Во время службы гражданская жизнь представлялась необыкновенной. Так где же она сейчас? Вот уже Андрей полноправный свободный человек, но почему всё не так, как мечталось? Где яркость и необыкновенность? Или прав Дима Суханов, напридумывали они всё с ребятами?..

Верить в такое не хотелось. Никак!

Он часто видел парней с детскими колясками – его где-то возраста ребят, может, немного постарше. Эти молодые отцы прогуливали своих пискунов, сосредоточенно потряхивая коляски. Было в их виде что-то усмирённое, слегка даже пришибленное, и Андрей думал: неужели вот так? Прийти домой, стирать пелёнки, чуть свет бежать в детскую кухню за кефиром и творожком, потом на работу, а вечером, как награда, час у телевизора с приглушённым звуком?..

Ах, чёрт!

Как-то он зашёл в гости к Губенковым. К другим Андрей, может быть, и не пошёл бы – женатых друзей у него не было, и он не знал, о чём можно с ними говорить. Но Наташа, Вовкина жена, была ему симпатична, и когда она раз в третий принялась приглашать, Андрей решил зайти – не хотелось обижать приятного человека.

Весь вечер они просидели втроем за бутылкой сухого вина, и действительно оказалось, что говорить, в общем-то, не о чем. Не станешь же вспоминать, как Вовка ходил и тянул своё: «Давай дружить» и как все его во дворе лупили. Говорили в основном об их маленькой дочери. Наташа радостно рассказывала о её забавных словах и привычках, Андрей вежливо кивал, то и дело ловя на себе хмурые Вовкины взгляды. Похоже, тот был не очень-то рад – может, ревновал, а может, Андрей напоминал ему детство. В конце концов Андрей вышел во двор покурить, да так больше и не вернулся.

Андрей стал замечать, что всё больше и больше его тянет к Диме Суханову. Этот парень знал, видимо, то, о чём не догадывался он, Андрей. Что за человек особый? Не может же быть, чтобы Дима не чувствовал или хотя бы не понимал всего того, что чувствует сейчас Андрей.

Но как завести об этом разговор? С налёта неудобно, слишком тонкое дело. Не

станешь же допытываться на тренировках – обстановка не та. А поймать Диму в другое время было тяжело, Андрей сам в этом убедился. Как-то он решился и пошёл в заводоуправление, но Димы на месте не оказалось, он в это время как раз проводил совещание комсомольского актива. На двери конференц-зала, где проходило мероприятие, висел ватман с повесткой дня: “Задачи комсомольской организации в деле выполнения заводом плана III квартала”. Дождаться окончания Андрей не стал – надо было возвращаться на рабочее место.

Нашёл его Дима сам. Однажды он появился на складе и возбуждённо заговорил, пылливо, пристально поглядывая на Андрея:

– Комсомольцы завода хотят рекомендовать тебя на прецизионный участок. Нам поступило несколько новых станков, участок расширяется. Ты как?.. Работа интересная, детали пойдут на экспорт. Представляешь, допуск сотые и тысячные доли миллиметра! Микроны!.. Согласен?

Андрей пожал плечами.

– Так я никогда на станках не работал...

– Научись! Поставят к опытному расточнику, там у всех не ниже пятого разряда. Мне, например, было бы интересно. Ты здесь, – Суханов с мимолётной усмешкой кивнул на штабеля металла вокруг, – всё уже превзошёл, нового ничего нет. А там рост и думать надо. Производство мелкосерийное, всё время новые детали, не надоедает. Ну что?..

Андрей неуверенно улыбался и молчал. Дима смотрел на него требовательным взглядом.

– Условия труда хорошие. Отдельное помещение на специальном фундаменте, кондиционер, чтобы поддерживалась постоянная температура – ведь допуски жёсткие. Цветы на окнах... И заработок, между прочим, хороший!

Андрей смотрел себе под ноги. Совсем не об этом ему сейчас хотелось говорить с Димой, совсем не об этом!..

– Ладно. Ты подумай. – Дима торопился. Таким возбуждённо-радостным Андрей его никогда раньше не видел. – Целых пять станков, представляешь? На валюту куплены! Бюро комсомола решило взять шефство над участком, сделаем его лучшим на заводе. Настоящее дело, интересное!..

И Дима, быстро повернувшись, зашагал дальше по своим неотложным делам.

Мрачное настроение Андрея первой заметила крёстная. Несколько дней она молча поглядывала на него, а потом напрямик спросила, чего это он такой. Андрей отмахнулся:

– Какой – такой? Нормальный.

– Я что, не вижу? Говори.

– Чего говорить?..

Действительно – что? Вот, мол, обидели? Да и кто, собственно, обидел?.. Его чувства, выраженные словами, выглядели в самом деле глуповато, по-детски.

Но Андрею до того захотелось с кем-то поделиться, что он не выдержал и пожаловался:

– Скучно, крёстная!.. Тоскливо, понимаешь?

Тётка от души удивилась:

– Это почему ещё? Тебе жить да радоваться! Молодой, здоровый, в жизни устроен...

– А плохо! Будто в клетку попал. Днём – на работу, ночью – спать... Будто на рельсы встал и – пошёл! Ни остановиться, ни в сторону. Неужели всё время так? Всю жизнь?.. – Андрей, болезненно усмехаясь, помотал головой.

– Почему всю жизнь? А выходные? Праздники?

– А! – Андрей досадливо махнул рукой и отвернулся. – Не понимаешь ты.

Тётка покраснела.

– Ты вот что, не считай себя умнее всех! А за кусок хлеба и баланду по двенадцать часов у станка каждый день – не хочешь? Без выходных и отпусков! Чтобы, извини за выражение, трусов новых купить не мог – они тогда тысячи стоили! Что?..

– Ещё вспомни, как до революции жили... – буркнул Андрей. Ему стало досадно оттого, что затеял этот разговор. Он об одном, крёстная о другом. И уже просто так, чтобы позлить, сказал: – Это нормально, по двенадцать часов твоих? Для того ты живёшь, чтобы кроме работы ничего не знать?

– Не моих! Для фронта! – Крёстная рассердилась не на шутку. – Вон грамоты за эту работу! – Он ткнула пальцем на стенку. – Не бумажки, не думай! Труд мой. Здоровье. И не ныли, на жизнь не жаловались.

– Да не обижайся ты! Я тебе серьёзно, а ты... – повысил голос и Андрей. – Ну, работала, молодец! И я так работал бы, если б жил в то время. Или воевал. Неизвестно, что ещё тяжелее... Я не об этом. Жизнь не такой должна быть.

– Хорошая сейчас жизнь! Дай бог всё время так. – Крёстная немного успокоилась. Покачав головой, с чувством добавила: – Эх, Андрюша, жареный петух тебя в задницу не клевал! Сил у тебя много, а ума нет. Вот и маешься.

Поговори с такой!.. Андрей криво усмехнулся.

Тётка ещё походила по комнате, попереставляла с места на место стулья. Наконец села за стол и подняла за подбородок Андрееву голову, заглянула в глаза. Андрей недовольно дёрнулся, высвобождаясь.

– Мать тебе не рассказывала, как мы жили? Нет?.. Вот и плохо. Вам сравнивать не с чем, а то б не говорили. Я – так с восьми лет в людях, всего повидала. Сначала нянкой у соседей за харчи, а потом вообще из дома выжили. Мать-то наша, бабушка тебе, умерла в тридцать третьем, в голодовку...

– Ладно тебе. Наверно, просто болела.

Крёстная молча посмотрела на Андрея. Потом медленно произнесла:

– Можно, Андрюша, от голода умереть, можно! Это сейчас не верится, а тогда... Ну вот, слушай. Отец, значит, второй раз женился. Можешь представить, каково с мачехой было. А баба, точно говорю, сволочная попалась. Не потому, что мачеха, а сама по себе. Есть такие. И отцу не пожалуешься, он без того злой. Сейчас-то я его понимаю, мы, пятеро, девки, вся работа на нём – и в заводе, и дровами запастись, сеном, и другое по хозяйству. Раньше мужику тоже доставалось, не только на работе, как сейчас. Сейчас что, пришёл домой, пузом кверху лёг возле телевизора и все дела... Помощи отцу никакой – сыновей-то нет. Тяжело всё на себе тянуть. Мы ведь жили как, отец в заводе работал и земли немного своей было. У нас там, в посёлке, привычно так. Помню, у отца лицо обожжённое, борода почти не росла – конечно, в горячем цеху работал. Какая тогда техника безопасности? Окалина прыгает, хорошо ещё, глаза целы остались...

Крёстная, подперев щеку кулаком, задумчиво смотрела на скатерть. Ладонью медленно расправляла невидимые складки.

– Как мать умерла, я хорошо помню. Мы все тогда животами мучались, сходить не могли. Щепочками друг у друга выковыривали. Это от плохой еды. Да ты не кривись, не кривись, слушай, как в жизни бывает!.. Ну вот. Мать долго болела. Бывало, сидит зимой у окна, смотрит в горшок с цветком, потрет пальцем землю, внимательно так. Не страшно, говорит. В землю, значит. Глаза прозрачные, лицо как в муке – слабая уже была. Или подзовет кого-нибудь из нас, поставит рядом и тихо гладит, молчит... А умерла так. Утром вдруг начала икать. Мы ей воды – выпей, мама. Не помогает, она рукой только машет. Мы хлеба – поешь, лучше станет, она мало ела. Так хлеб-то в руке сжала, а уже глаза закатывает. Так и умерла... – Крёстная, не поднимая головы, провела пальцами по одной щеке, по второй. Глубоко вздохнула. В её голосе не было ни надрыва, ни бурного горя – одна безысходная печаль смирившегося человека. – Ой, страшно, Андрюша, когда видишь, а ничем не можешь помочь. Родной человек на глазах умирает. Что говорить...

Андрей поднялся. Эта история была сейчас совсем ни к чему, и без того паршиво. Но что-то удержало его на месте, заставило опять сесть. Он смотрел в тёмное окно и постукивал пальцами по столу.

– Ну, схоронили мать. Батя к следующей зиме женился. Я его не осуждаю. Мужчина он был ещё не старый, да и хозяйство – что мы, девчонки, могли? Силы какие?.. А со скотиной управься, по дому всё сделай, обстирай, приготовь, позаботься – мало ли женщине приходится. Без хозяйки не обойтись. Вот он и женился. А мачеха попалась старая дева. Много в ней злости накопилось. Ох, как вспомню... Первой Шуру, маму твою, выпроводила – Шура у нас самая старшая. В домработницы в город. Шура уезжала – плачет, нигде дальше посёлка не бывала, к чужим людям... Ну, ладно. Пожили какое-то время, моя очередь подошла. Меня уже в няньки не брали, большая, пятнадцатый год, ем много. Отец сначала в фэзэу толкнул, там продовольственные карточки давали. А эти карточки, оказывается, не отоваривают. Ну, мачеха на дыбы, дармоедка, мол, иди куда хочешь!.. Мне обидно, всё уже понимала. И от отца никакой защиты, сунься – обматюгает ещё. Кому пожалуешься? Кажется, кто бы приласкал, по-человечески слово сказал – уткнулась бы и разревелась... Ведь до чего доходило – я боялась в избе появиться. Пока тепло было, ещё ничего, в баньке на огороде переночую, сестрёнки украдкой варёной картошки принесут – жить можно. Но стыдно, Андрюша, стыдно! Я ведь уже не маленькая была, здесь и здесь появилось, на парней заглядывалась. А такое, из дому гонят! В посёлке у нас, как в деревне, всё друг о дружке знают, и про меня, конечно, знали. А то, что платишко единственное, да и то штопаное-перештопанное, я уж не говорю...

Поверишь, иной раз думаю: заплыву на середину пруда, руки сложу и – ко дну. Не могу жить, стыдно. Может, так и сделала бы в конце концов. Помытарилась бы, помытарилась, да и утопилась. А что, не бывало, думаешь? Ещё как! Не я первая. Спасибо, люди научили Шуру написать, а то б не знаю...

Шура тогда уже второй год в городе жила. Написала я ей. Жду. Приезжает моя Шура. В баретках (тогда так тапочки называли), белые носочки, в чистеньком платье по тогдашней моде сшитом... Зашла в избу, за руку со всеми поздно-

рвалась – городская да и только! Даже подарки привезла. Она у нас очень такая деликатная была и работающая. Конечно, старшая, а старшим больше достается. Мачехе плохого слова не сказала, села на лавку, мне кивает, собирайся, мол. А мне долго ли собраться? Я моментально туда, сюда – стою уже готова. А сама рада, ой как рада!..

Крёстная, слабо улыбаясь, покачала головой. Лицо у неё было задумчивое, мягкое, грустное. Андрей, взглянув на неё, опустил голову.

Может быть, всё и так, как крестная говорит, но какое, какое, скажите, отношение это имеет к нему, к теперешней жизни?! Крёстной недоставало нового платья и еды вдоволь, а ему этого уже мало, нужно ещё что-то, потому что и еда, и одежда есть. Томится душа, рвётся куда-то. Чего же ей хочется, душе? Какой другой жизни?..

Выходит, всё время к чему-то стремиться, чего-то хотеть, а достигнув, хотеть нового и опять тянуться, опять хотеть и страдать от этого? Неужели правда?..

– Несчастные мы, выходит? – сказал он вслух, пристально глядя на узоры скатерти и мучительно морща лоб. – И всегда такими будем?..

– Кто несчастный? – не поняла крестная.

– Люди. Все.

– Почему? Нет, я так не скажу. И раньше были, что хорошо жили. В достатке и отношения были хорошие, любили друг друга. У нас в посёлке, например...

– Хорошо, хорошо, ты дальше рассказывай. Что дальше было? – быстро проговорил Андрей. Он уже не пытался убедить тётку, ни к чему это, а поднялся и заходил по комнате – сидеть на месте не мог, так его взволновала пришедшая мысль.

Что ему самому-то надо? Чего он хочет? Чтоб постоянно праздник был? Свобода? Чтоб любили его все вокруг и восхищались?.. И как передать, как словами выразить?! Словами глупо выходит. А главное – что делать? Потому что несчастным быть не хочется. Человек создан для счастья, как птица для полёта, – в школе учили...

– Ну вот. Потом всё было, будто не со мной. Шура привезла сюда, несколько месяцев я прожила у неё, спали вдвоём на одной койке. Хозяйка Шуре хорошие попались, не возражали. Помогла устроиться на ткацкую фабрику, я перешла жить в общежитие. А потом стала самостоятельно работать – сначала-то ученицей. Конечно, с тем, как раньше жила, сравнить нельзя. Никто не шпыняет, сама себе хозяйка, люди вокруг хорошие... Да и молодая, в молодости всё кажется хорошим! Одним словом, настоящая жизнь началась. Карточную систему отменили, в магазинах всё есть. Денег, правда, у нас с Шурой было не густо, но всё равно хорошо. Мы даже сумели две или три посылки собрать. Ситчику там на платья сёстрам, чулки, по мелочам разного – родные всё-таки, кто, как не мы, поможет. Им и так от мачехи доставалось, та теперь за них взялась, выживать стала.

А Шура в то время уже дружила с твоим отцом. Он жилищно-коммунальный техникум заканчивал. По тем временам это было хорошее образование, техникум. Они и уехали вдвоем по назначению, когда отец закончил учёбу. Это перед финской войной как раз было. С тех пор вы там и живёте, куда отца направили. Ну, в городке-то вашем. Там уже и девчата, Катя с Лизой, родились, и ты... А какая любовь между ними была, Андрюша, какая любовь! Такая редко бывает, правда. Все на них любовались, а многие завидовали.

– Серьёзно? – рассеянно удивился Андрей. Особой любви между родителями он не замечал. Отец был вечно озабочен работой, а в последнее время ещё это хобби,

над которым втихую все посмеивались, – розы. Мама вся в домашних делах, а когда у Кати появились дети, так неделями у неё пропадала – помогала. Сварит большую кастрюлю борща отцу, поставит в холодильник, а сама к внукам. И не очень-то торопилась обратно. Да и смешно представить – мать с отцом влюблены...

– О, ещё какая! Я всё думала – мне бы так... И ведь была у меня, Андрюша, любовь, была тоже! С Мишей моим. Его в сорок четвёртом по ранению демобилизовали, дали вторую группу инвалидности. Он пулемётчиком на войне был. После госпиталя устроился ремонтником к нам на фабрику. Молодой парень, ноги-руки целы, идёт между станками со своим ящичком с инструментом, так девки, кажется, вот-вот его съедят. У нас и сейчас такие, что спуску не дают, а уж тогда!.. Война к концу, мужиков всех подчистую вымели, здесь уже и самая скромная не вытерпит. А как ещё обратить на себя внимание, если их сотни, а он один! Вот и хулиганили.

Ну, у меня-то всё вышло по-хорошему. Я тогда пела в художественной самодеятельности (подумать, откуда силы брались!), мы часто перед ранеными в госпиталях выступали. А Миша хорошо на баяне играл. Ну, через художественную самодеятельность мы и сошлись. Несколько месяцев погуляли, а потом расписались. Как мне бабы на фабрике завидовали, если бы кто знал! Это видеть надо. Некоторые даже задирали, хотели побить. Не на такую напали! Я и сама уже могла дать сдачи. Жизнь научила.

Зажили мы с Мишей хорошо. Из общежития ушли, сняли себе угол у одного старичка. А у Миши была мечта, чтобы свой домик купить. Лежим вместе, он меня обхватит вот так рукой и рассказывает, как всё будет. Он нежный был, хотя всего насмотрелся. Я даже удивлялась – взрослый мужчина, день не побреется, так всю исколет, а мечтает, как ребёнок. Чтоб возле домика огород небольшой, сад разведём, яблони, стол со скамейкой вкопаем. Будем сидеть, а над нами яблони цветут, пчёлы летают, и тихо. Эта мечта, Миша говорит, мне на фронте помогла. Кругом убивают, грязь, смерть, подлость, мучения, а он представит, как можно будет после войны жить, и легче становится. И когда в госпитале лежал, тоже об этом думал. А операции!.. Так что сейчас, говорит, ничего не мешает так устроить. В свободный часок тащит меня, пойдём с ним на окраину, Миша смотрит по сторонам и говорит, вот этот бы домик хорошо или вон тот. Руки приложить – игрушка будет. И так ему хотелось, чтоб сад рядом, чтоб яблони цвели и пчёлы летали, так хотелось – передать невозможно!..

В то время на Донбассе стали шахты восстанавливать, будь они прокляты. Платили хорошо. Миша загорелся: поеду, денег на дом подзаработаю. Мне отпускать его не хотелось. Не то, чтобы предчувствие было, а жалко, он весь израненный, а на шахте известно, какой труд. Я говорю, может, не надо, Миша, сами потихоньку скопим, детей у нас пока нет, расходы небольшие. Он смеётся. С нашей зарплатой, говорит, лет двадцать копить надо. Верно, конечно, что скажешь. Рассчитался с фабрики и уехал. А через две недели приходит мне сообщение, что погиб во время обвала. Я приехала, а их уже похоронили. Я плачу, пошла везде, почему, мол, меня не подождали. А мне какая-то женщина говорит, хорошо, что ты не видела, какими их подняли, твоё счастье...

Крёстная встала, потяжелевшими шагами дошла до лакированного столика, на котором под вышитой салфеткой стоял баян дяди Миши. Опустила обе руки сверху, медленно проговорила:

– Вот и дом с садиком, вот и пчёлы над яблонями летают... Зачем мечтал, зачем тянулся? Чтоб в шахте задавило?..

С полминуты она стояла молча. Потом тряхнула головой, быстро помигала, сгоняя слёзы, и повернулась к Андрею:

– Слушай, а может, тебе жениться? А, Андрюша?..

Андрей сидел, не поднимая головы.

– Нет, в самом деле. Девушек хороших много, посмотри вокруг, – в голосе крёстной появился интерес. – Вон Людка, Сони Тырышкиной дочь, недавно спрашивает, чего, мол, ты тренироваться на поляне перестал. Видно, глаз на тебя положила. Молодая, конечно, ну так подрастёт. И кроме неё хорошие девушки для жизни есть. А то, конечно, скучно, понять можно – парень ты молодой, забот никаких, вот всякие мысли... Как ты, Андрюша?

Андрей ничего не отвечал.

## 12

На работе всё шло своим чередом. Теперь Андрей дело уже знал хорошо, так что к Копачу обращаться почти не приходилось. Он старался вообще пореже появляться в комнате мастера, чтобы лишний раз не встречаться с Валею. Андрей боялся, что после того случая в общежитии она будет за ним бегать.

Но Валя, похоже, не собиралась ничего такого делать. Она оставалась прежней, молчаливой и сдержанной. Ни взглядом, ни словом не напоминала, будто ничего между ними и не было. У Андрея отлегло от сердца. Но всё равно в комнату мастера он старался заходить как можно реже.

Наладились отношения с крановщицей Анютой. Однажды, когда не было работы и Анюта спустилась со своей верхотуры, они слово за слово разговорились. Всё получилось так просто и естественно, что крановщица принялась рассказывать о себе. От её откровенности Андрею даже сделалось неловко. Она рассказала, как познакомилась со своим бывшим мужем (Анюта, оказывается, всё-таки побывала замужем – недолго, правда), и как всё смеялась, когда ходила беременной – от нервов, наверно, – и как её, такую дурочку, отвезли в роддом... Она даже на столе смеялась. Все кричат, а она смеётся.

С мужем развелась по глупости. Познакомились, когда он служил здесь в армии. Потом поженились. После службы он тоже стал работать на заводе, сварщиком. Поссорились из-за того, что всю его первую получку Анюта израсходовала на себя: купила новые сапоги, сумку дорогую – дура, конечно. Муж разозлился и ударил её новой сумкой по лицу. Дурак тоже. Она вызвала милицию. Так он потом уехал к своим родителям и даже письма ни разу не написал. Алименты, правда, стал высылать сразу же. А что с того – дочери нужен отец. К ней, Анюте, кадрятся разные, но в основном поджениться на ночь глядя. Ей такого не надо. Нужен человек для жизни, а не на один раз.

Разговорились так доверительно, что смотреть после этого на Анюту просто как на смазливую разведёнку Андрей больше не мог. Теперь они в столовой занимали друг другу очередь. Нередко вместе шли с работы.

Стропальщик Митя, наблюдая всё это, неодобрительно мотал головой. Он считал, что Анюта водит Андрея за нос. “Разве так с ними надо? – говорил

Митя, и ноздри у него раздувались. – Ты верь мне, она смеётся над тобой! Они ж, бабы, хитрые, как черти!.. Ты уши развесил, жалеешь, а она думает, как бы ты её поскорее прижал. Увидишь, ещё виноватым будешь!” – и Митя пророчески грозил пальцем.

С кладовщицей Андрей не разговаривал по-прежнему. Копачу так и не удалось помирить их. Молча встречались и расходились, молча выдавали в цеха металл. Но, странное дело, после того скандала Люда стала относиться к Андрею с осторожностью, чуть ли не с уважением. Вот такой человек. Никаких высказываний на его счёт она себе теперь не позволяла – по крайней мере, при нём. И Андрей её не трогал. Что с неё возьмёшь – жена макаронщика (так у них в части называли прапорщиков), тупая и с глоткой лужёной.

Как-то произошло событие, которое здорово всех насмешило. Вася, молчаливый Митин напарник, однажды после аванса не поехал домой, а остался в городе и загулял. Ночевать ему пришлось в вытрезвителе. Это было бы ещё ничего – на проходной частенько вывешивались “молнии” с фамилиями попавших по пьяному делу в милицию. Но Вася пошёл дальше. В вытрезвителе он представился ни больше, ни меньше, как инженером по строплению. В бумаге, пришедшей на завод, так и было записано. Смеялись все. Это ж надо, придумал себе инженерскую должность!.. На Васю приходили смотреть из цехов.

– Зачем тебе это нужно было? – допытывался Митя. – Чтоб не били, что ли?

– Меня не били, – буркал Вася.

– Тогда зачем?.. Что ты, как партизан на допросе? Скажи друзьям.

Вася, опустив глаза, хмуро молчал. Митя подмигивал Андрею.

– Промахнулся ты. Надо было сказать, что директор завода. Тогда бы точно отпустили, еще на “Волге” домой доставили! Или отдельный номер дали бы, а утром похмельиться принесли на подносе с закуской!.. – Митя весёлыми глазами обводил присутствующих. Он даже как бы восхищался. – Кулёма кулёмой, а соображает! Не просто работяга, а инженер. Не из деревни, а городской, культурный. Прошу без грубостей и на вы! Василь, так, что ли?

Вася непробиваемо молчал.

Так шли дни.

В середине сентября жара неожиданно сменилась дождями. Сначала все обрадовались, повеселели, но когда дождь не прекратился и через неделю, и через две, принялись ругаться. Чёрт те что творится с природой – то жара без продыху, то мокрядь!..

Николай Кузьмич считал, что всё это от космических полётов. Придя на работу и подбросив в печку угля (в домике уже понемногу подтапливали – от сырости в основном), Николай Кузьмич садился перед большим окном в частых переплётах и посматривал на склад через мокрое стекло. Видно было, как между штабелями неповоротливо двигаются в громоздких брезентовых плащах стропальщики. На головах у них капюшонами были надеты мешки.

– А может, от китайских атомных бомб. Они же продолжают испытания в атмосфере, несмотря на протесты мировой общественности, – развивал свою мысль о причине затяжных дождей Николай Кузьмич. – Хуже всего в такую погоду где-нибудь в поле стоять, на учениях. В окопах воды по колено, плащ-палатка промокает... Приходилось?

– Было, – солидно отвечал Андрей. Он только что вернулся со склада, вытирал мокрое лицо и подступал ближе к печке. – А вы откуда знаете? Начфину сидеть в окопах не обязательно.

– Ты думаешь, я всё время начфином был? За двадцать пять лет службы всякого повидал, будь спокоен!.. – Заскрипев табуретом, сменщик поворачивался к Андрею всем своим крепким телом. – Нам неприятно, а деревьям, смотри, хорошо. И трава вон опять зазеленела... Ну, всё здесь нормально? Вагонов не было?.. А обувь тебе надо другую. Промокли туфли, верно? – Он критически смотрел на ноги Андрея. – Ты с этим не шути. Заболеешь. Знаешь, пословица есть: держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле – сто лет проживёшь.

Андрей хмыкнул:

– Не в первый раз. Вы же в армии не болели после таких учений? – Он кивал на окно, рябое от стекающих капель.

– Так то в армии!.. – отвечал Николай Кузьмич и поднимался. Он набрасывал на голову капюшон прорезиненного плаща и сразу становился похожим на монаха какого-то средневекового ордена. – Ну, я на склад. Бывай здоров.

Всё так и вышло, как предсказывал Николай Кузьмич. Через несколько дней Андрей заболел. У него поднялась температура, появился кашель. Сам бы он, может, и не стал обращать на это особого внимания, но крёстная на работу не отпустила и вызвала врача. Острое респираторное заболевание...

Крёстная ходила в аптеку, принесла кучу лекарств и наказала принимать. Когда она была дома, Андрей таблетки глотал, но стоило ей уйти на работу – выбрасывал в форточку. Целыми днями он валялся на раскладушке, читал по очереди те немногие книги, которые стояли у крёстной на этажерке, или просто спал.

Случалось, во время чтения Андрей вдруг опускал раскрытую книгу себе на грудь и задумывался. Потом поднимался и, шлёпая босыми ногами по полу – видела бы крёстная! – подходил к карте Советского Союза. Она, сколько Андрей себя помнил, висела всё время на одном и том же месте: в углу между буфетом и зелёной кафельной печкой.

На карте среди порыжевших мушинных точек он находил Якутск и в задумчивости выпячивал нижнюю губу. Далековато... Там сейчас уже снег, наверно... Последнее время он всё чаще вспоминал того немолодого парня из поезда, начальника автоколонны. Парень прислал ему из Крыма несколько открыток (скучно ему так было, что ли?), а в последний раз фотографию, на которой был изображён дважды. Справа – протягивающим наполненный стакан, слева – он же, но двумя руками отмахивающийся от предлагаемого стакана... Так, нехитрый фокус курортного фотографа.

По дороге назад к раскладушке Андрей останавливался перед трюмо и принимал культуристские позы. Нормально!... После них – от напряжения – темнело в глазах, но Андрей оставался доволен своей мускулатурой. Есть ещё порох в пороховнице!..

Как-то его навестила Валя. Едва переступив порог, девушка принялась выкладывать из белой целлофановой сумки яблоки, болгарский сливовый компот, овсяное печенье. Выложив всё это на стол и отступив обратно к порогу, она сказала, сдержанно поглядывая на Андрея:

– Я от месткома. Наши передают тебе большой привет.

– Ты садись, – сказал Андрей, пододвигая ей стул. Хотя он и старался всячески избегать Валию, но всё равно было неприятно, что она подчёркивает: пришла, мол, не по своей воле. Будто ничто их не связывает, и, может быть, ей даже противно его видеть. – Ну, садись, садись! Удели несколько минут своего драгоценного времени больному товарищу. Или опаздываешь? Может, на свидание торопишься?..

Валя села, едва заметно пожав плечами и словно говоря, что всё это лишнее, такие разговоры и прочее. Дождевые капли стекали с её болоневского плаща и падали на пол. Валя смотрела в окно.

– Плащ-то сними.

– Я сейчас пойду.

– А я тебя не отпущу! Имею я право на внимание со стороны общественности или не имею?

– Всё шутишь, – вяло улыбнулась девушка. – А мы думали, ты в самом деле заболел.

Андрей пошёл на кухню, поставил чайник. Ему не хотелось, чтобы Валя уходила – всё же не так скучно. В буфете отыскал варенье, усадил девушку за стол, налил чаю. Он балагурил, сдерживая кашель, смеялся, а сам время от времени внимательно посматривал на неё. Прикидывается или в самом деле ей на него наплевать?..

После чая он решительно придвинулся ближе и прикрыл её руку на столе своей. Валя, которая уже улыбалась его шуткам и порой коротко, хрипловато посмеивалась, притихла. Андрей молча притянул её к себе. Девушка смотрел вниз и отворачивала лицо. Она казалась безучастной.

– Ты что? Почему такая?.. Обижаешься на меня? Ну, перестань... – бормотал Андрей, целуя её в шею. От Вали слабо и волнующе пахло духами. Сердце у Андрея стучало.

Валя слабо шевельнулась.

– Ну зачем это? – с болью прошептала она. – Я же всё понимаю...

Андрей не слушал. Он поднял её на руки и понёс на раскладушку.

Валя оказалась тяжелее, чем можно было думать.

Четвёртого октября Нине Голосуевой исполнялся двадцать один год. На свой день рождения она пригласила Андрея.

Честно сказать, Андрей удивился. Он считал, что Нинка на него обиделась. Как-то она заглянула на их половину, хотела заказать у крёстной модную юбку с разрезом – крёстная хорошо шила и нередко брала заказы у знакомых, – но Андрей встретил Нину так, что любая другая на её месте сразу ушла бы.

Крёстная тогда здорово рассердилась. Нина была её давнишней клиенткой, она шила у крёстной лет с пятнадцати, к тому же – соседка. Андрей и сам помнил: когда бы раньше к тётке ни приехал, по вечерам, будто по расписанию, появлялась Нинка. Она приносила с собой журналы мод, глянцевого красочные, часто зарубежные. Они с крёстной усаживались рядом и, негромко переговариваясь, обсуждали, что Нинке подойдёт. Она была самой модной девушкой на окраине.

День рождения пришёлся на выходной день. На дворе по-прежнему шёл дождь, теперь уже осенний, мелкий. С утра Андрей вызвался навести в доме порядок – вспомнил армию – и почти до обеда мыл полы, вставлял в окна вторые рамы. Потом собрался в баню. Нинка приглашала на шесть часов, так что время ещё было.

Народа в бане оказалось много, ещё бы – суббота. Пришлось стоять в очереди. Когда до запотевшей крашеной двери, из-за которой время от времени выглядывал гардеробщик и объявлял: «Два человека пройдите!.. Один человек!», оставалось совсем немного, Андрей увидел Саню.

Тот только что вошёл. Он стоял с портфелем в руке и внимательно рассматривал очередь. Андрей помахал ему:

– Иди сюда!.. Я занял!

Саня протолкался сквозь очередь и протянул руку:

– Здорово, Валентин.

– Ну, даёшь! Какой я Валентин? Я Андрей!

– Правильно, извини, – сказал Саня без особой, впрочем, уверенности.

Андрей кивнул в сторону битком набитого и сдержанно гудящего буфета:

– Мы с тобой ещё пиво пили, об армии разговаривали – помнишь?... Ну, ты солидный стал, с портфелем! Спины больше не трёшь?

Сане вопрос не понравился. Он недовольно помолчал.

– Я, между прочим, женился. Дочка в шестом классе, мастер спорта по гимнастике. – Сказал это Саня так, будто не приёмная дочь, а сам он мастер спорта.

Андрей спрятал улыбку. А чтобы Саня ничего не заподозрил и окончательно не обиделся, поинтересовался:

– Ты разве не женат?.. Всё-таки в возрасте.

– Было дело. Разбежались. Сейчас по второму заходу. Скучно, понимаешь, одному.

Эту мысль о скуке, которая бывает для мужика причиной многих бед, Саня развивал и в моечном зале, куда они наконец попали. По Саниным словам выходило, что человека всё время необходимо держать в узде, как это делается в армии. А то мужик, если у него нет забот и никто – жена, допустим, – не следит, быстро спивается или с ним ещё что-нибудь может случиться.

– Вы что, сами за себя не отвечаете? Няньки вам нужны? – Андрей с ожесточением налёг на мочалку. Саня задвигался взад и вперёд на скользкой кафельной лежанке. – Взрослые мужики! Всё время командиры над вами должны быть?!

Саня поднял голову, оглянулся:

– Легче, шкуру сдерёшь... Говоришь ты правильно. А я вот чуть в психушку не попал. Пива выпьешь, с мужиками побазаришь, водочки добавишь – хорошо!.. Между прочим, симптомы появились. Всё кажется, будто кто-то рядом разговаривает. Тонкие такие голосочки, писклявые, как в мультфильме. Оглянешься – никого, затаились. Потом опять начинают и уже смеются, ловко, дескать, обманули. Оглянись – опять никого...

Саня сел на лежанке, обеими руками провёл по лицу, сгоняя пот, и серьёзно посмотрел на Андрея.

– Верись, я перед зеркалом становился, хотел их подловить. Чтобы, значит, голову не поворачивать, не вспугнуть. До ручки дошёл!.. Хорошо, человек встре-

тился. Она у нас в цехе комплектовщицей работает. А то бы не знаю, что было. В психушку загремел бы, точно. Сейчас-то ничего, сейчас нормально...

Потом Саня мыл Андрея. Делал он это мастерски, как заправский банщик. И всё говорил, негромко, серьёзно:

– Что от моей жизни, если разобраться? Кому нужна? Самому – и то неинтересно. А так польза, дочку помогу на ноги поставить. Ты знаешь, сколько им сейчас надо?.. Настоящая жизнь в молодости, потом так, доживаешь... Сейчас у меня хоть цель появилась.

После того, как оделись, Андрей потянул Саню к буфету.

– Нет, – уперся Саня. – Не могу. Мы с женой на стенку копим.

– Я угощаю, пошли!

Саня секунду колебался, потом вздохнул и сказал:

– Нет, обещал. Я себя знаю, на кружке пива не остановлюсь... Извини, Валентин.

Расхотелось пить пиво и Андрею.

Не такой он представлял себе встречу с этим мужичком, совсем не такой!..

Ровно в шесть Андрей стоял у двери Голосуевых. Слышно было, как ему шли открывать, мелко и остро постукивая каблучками. Дверь распахнулась, и Андрей увидел Нину. На секунду он даже замер. Нина была в серебристом длинном платье. Руки, плечи и спина голые, волосы красиво уложены... Вот тебе и девчонка с окраины!

– Нравится? – принимая цветы и кокетливо склонив голову к плечу, спросила девушка. Она погрозила пальцем. – То-то же!.. Проходи. – И двинулась было впереди, ритмично покачивая бёдрами. Но тут же спохватилась. По её лицу мелькнула быстрая тень, будто упрёк себе и досада. Нина остановилась, пропускающая вперед Андрея. – Давай, гостю полагается идти первому.

– Этикет...

– Этикет, – серьёзно подтвердила девушка. – Что поделаешь, приходится учиться сейчас.

За окном уже смеркалось, и в комнате, куда прошёл Андрей, в углу уютно горел торшер. Его приглушённый свет разноцветными искрами дробился в фужерах, расставленных на низеньком столике рядом. Дима Суханов – оказывается, он уже был здесь – держа немного на отлёте бутылку с длинным горлышком, наливал в фужеры. Рукава его белой сорочки были закатаны, на груди, закрывая галстук, передник в весёлых цветочках. Дима, похоже, делал коктейли.

– Элегантный, как рояль! – Андрей пожал ему руку.

– Имениннице помогаю. – Дима совсем не смутился оттого, что его застали в таком виде, в переднике. – Ты присаживайся.

Андрей опустил на софу, огляделся. Он часто бывал у Голосуевых раньше, до армии, когда заходил к Игорю. Сейчас Игорь служит, так что Нина, в общем-то, занимает комнату одна – тётя Шура дома бывает редко: дело к пенсии, и она из поездов не вылезает. Если бы не железнодорожная шинель на вешалке в коридорчике, то и не скажешь, что кроме Нинки здесь кто-то ещё живёт.

В комнате теперь всё по-другому. На стенах эстампы, пол покрыт толстым паласом. Мебели немного, и кажется, что комната просторней, чем есть на самом деле. Из магнитофона в углу приглушённо льётся музыка...

– Хорошо устроилась, – не удержался Андрей.  
 – В каком смысле?  
 – Вообще.  
 – Благосостояние советских людей в текущей пятилетке значительно выросло, – проговорил Дима. Сказал он это, не поднимая головы и не отрываясь от своего занятия. Непонятно было, то ли улыбается, то ли говорит серьёзно.

Андрей задержал на нём пристальный взгляд. Ну, с Нинкой всё ясно, а что за человек Дима, из какого такого особого теста этот сдержанный парень?.. Всё было в этом Андреевом взгляде – и уважение, и неприязнь, и острый интерес. Как ни крути, а именно так и получилось, как Дима тогда предсказал в ротной сушилке!..

Они были в комнате вдвоём, никто из гостей пока не пришёл, а Нина находилась на кухне, и Андрей спросил – правда, не то, чем были заняты мысли:

– Ты знаешь, что Нинка замужем?  
 – Была. Кстати, я её мужу помогал устроиться на завод.  
 – Считаешь, она правильно поступила?  
 – Ты о чём? Что развелась?  
 – Что бросила, когда Пете трудно было!  
 Отставляя в сторону пустую бутылку, Дима внимательно посмотрел на Андрея.

– Ссоры у них раньше начались, насколько я знаю. Чаев ещё играл в “Авангарде”.

– Какие ссоры!.. Кто он, а кто она?  
 – Он человек и она человек, – спокойно сказал Дима. – Он лучше бегаёт и лучше бьёт по воротам. Только. Да, Нина в институт поступила, ты в курсе?

– Слышал! – Андрей чувствовал, что начинает заводиться. Приходилось сдерживать себя, прилагать усилия, чтобы говорить спокойно. – Извини, конечно, но у тебя с ней серьёзно?

– Надеюсь.  
 – А не боишься, что она с тобой тоже вот так? К другому переметнётся?.. Я её давно знаю, у неё теперь и на людей мода, как на вещи. Отслужил своё – выбрасывает! Или в комиссионку – может, и подберёт кто похуже!..

Дима усмехнулся. Некоторое время постоял, высоко вздернув брови и, видимо, размышляя над словами Андрея. Бутылка в его руке отбрасывала зелёные блики.

– Не думаю, что всё так просто. А если действительно кого-то полюбит и уйдёт, унижаться не буду.

– Ну какой же ты благородный! Какой умный и воспитанный!.. – От переполнившей его язвительности Андрей даже руками всплеснул. – А если не хочется, чтобы к другому уходила? Он что, лучше тебя? А если даже лучше, тебе легче будет?.. Когда не хочешь-ся, понимаешь? Неужели у тебя не бывает? Почему смиряться надо? Почему мучиться?.. Я вообще говорю, не о Нинке! Разве люди живут, чтобы страдать? Зачем такая жизнь?..

Выговориться ему не дали. В комнате, будто специально собирались в коридоре, чтобы войти всем вместе, один за другим стали появляться гости.

Андрей замолчал и принялся похрустывать пальцами. Говорить при незнакомых не хотелось. Гости – коротко постриженные ребята в ладно сидящих ко-

стюмах и девчонки, многие из которых были в таких же, как Нина, удлинённых платьях, – все они, видимо, хорошо знали друг друга, потому что запросто переговаривались между собой, смеялись. Кто-то прибавил в магнитофоне звук, и две или три пары принялись топтаться на середине паласа.

То и дело слышался мелодичный сигнал, и Нина приводила новых гостей. В джинсах, как отметил Андрей, никого не было, только он один. Стоило крестной втридорога покупать их на толкучке!..

Андрей с кем-то знакомился, пожимал руки, улыбался в ответ на улыбки, но всё это наскоро, без интереса. Он не мог отойти от разговора с Сухановым. Вернее, не мог отвлечься от того, что осталось невысказанным. Молча сидел на софе и смотрел на танцующих.

В конце концов, не так уж это и важно! Андрей главное для себя решил: не приживётся он здесь, другой он породы! Но всё равно любопытно было смотреть вблизи на этих городских парней и девчат. Такие же, вроде, люди, как крестная, как друзья в родном городке, – но и другие! Что у них за жизнь, и почему так уверенно и удобно они чувствуют себя в ней? Чего не хватает ему, Андрею, чтобы быть таким же? Или наоборот – лишнего в нём много, ненужного для жёсткой взрослой жизни, и вытравлять в себе это лишнее надо, избавляться?..

Интерес к незнакомой жизни был с горчинкой, порой завистливый, хотя Андрей не признался бы себе в этом.

В дверях он заметил Вовку и Наташу Губенковых. Вовка, остановившись, с достоинством осматривался вокруг, из-за его плеча выглядывала Наташа. Глаза у неё радостно бегали, лицо раскраснелось. На отвороте Вовкиного пиджака свежей эмалью светился институтский ромбик. Увидев Андрея, Наташа помахала рукой и потянула мужа к софе.

– А где же стол?.. Здравствуй, Андрей. Ведь день рождения... – простодушно сказала Наташа, опускаясь рядом. – Ты что такой задумчивый?

– Нормальный.  
 – Интересно, без стола... Пошли танцевать, я тебя сейчас растормошу. – Она оглянулась на мужа. – Вов, ладно?

Вовка солидно кивнул, и Наташа ухватила Андрея за руку. Танцую, она весело, с любопытством оглядывалась по сторонам, делилась с Андреем своими мыслями о нарядах девушек. Многих из присутствующих она знала и, понизив голос, глазами показывала Андрею то на поджарого моложавого преподавателя музыкального училища, то на скуластенькую дочь заместителя председателя горисполкома, то на полноватую для своего возраста блондинку с золотой цепочкой на белой шее – продавщицу книжного магазина.

– Какие знакомства!..  
 Наташа вполне серьёзно подтвердила:  
 – Ага, хорошие.

Между гостями с подносом в руках пробиралась Нина. Весь поднос был уставлен фужерами. Нина останавливалась перед каждым, с приглашающей улыбкой показывала глазами на фужеры, делала шуточный книксен. Следом за ней с тарелками бутербродов двигался Дима Суханов. Передник он снял и сейчас в чёрной паре и белой рубашке с галстуком выглядел впечатляюще.

Он слегка подыгрывал Нине, изображая немолодого почтенного слугу при госпоже. Девушки смеялись, отводя от себя фужеры, чтобы не расплескать, ребята отпускали шутки.

– Ага, значит, вообще без застолья... – Наташа, остановившись, смотрела запоминающими глазами. – А что, хорошо! Красиво и по-современному. Хочешь – танцуешь, хочешь – вино пьёшь, разговариваешь... Тебе нравится?

Андрей пожал плечами и пробормотал что-то невнятное. Время от времени он поглядывал на Диму Суханова. Он не мог представить Диму, теперешнего, натирающим полы в казарме или, скажем, только что вернувшимся в караулку с поста – нос покраснел, ворот длинного овчинного тулупа поднят, глаза слезятся от мороза...

Даже не верится, что вместе служили!

Собственно говоря, на Нинином дне рождения многое было для Андрея непривычно. Здесь никого не заставляли пить, но и не было обычной скованности малознакомых трезвых людей. Гостей собралось порядочно, добрая половина из них парни и молодые мужчины, но никто не пытался качать права. А ведь вон какие есть ребята здоровые!..

В компаниях, в которых он гулял раньше, всегда находился кто-то, кто считал себя самым сильным. Он-то и начинал задираться. Чаще всего такие “хавиры” заканчивались потасовками. Приглушённые яростные вскрики, порванные рубахи, визжат девчонки, сбившись в кучу... Здесь всё по-другому. Кто танцует, кто стоит в стороне, но не скучает тоже, рассказывает что-то, смеётся. «Веселье, конечно. Но какое-то... образцово-показательное, что ли, – с усмешкой подумал Андрей. – Пресное».

Он отвёл Наташу на место, к мужу, а сам встал рядом. Вовка Губенков времени даром, оказывается, не терял. Он не танцевал и устроился основательно – сам подливал себе в фужер из бутылки, которую выуживал из-за софы, отхлебывал и закусывал бутербродом с сервизом и листком кинзы сверху. Поймав взгляд Андрея, сказал:

– А-ля фуршет называется. Слышал когда-нибудь?

Андрею показалось, что голос Губенкова прозвучал снисходительно. Несколько секунд он молча смотрел на него.

– Я много чего слышал, жирдяй, – негромко, напряжённо проговорил Андрей. – А за сорок пять секунд оденешься? Автомат с закрытыми глазами соберёшь? А три километра в противогазе и с полной выкладкой сможешь?..

Вовка невольно отодвинулся от него, блеснув в свете близкого торшера институтским ромбиком. Наташа испуганно зачастила:

– Ну что вы, ребята, что вы, перестаньте!..

Андрей отвёл от Вовки злой взгляд. Постоял неподвижно, выдохнул и потянулся к чьему-то фужеру на подоконнике. Но пить не стал – сухое, кислотина!.. Он не сразу заметил, что к нему пробирается Нина.

– Не нравится? Понимаю, тебе бы что-нибудь позаковыристей!.. Есть, кстати, если хочешь. – Девушка выжидающе, пристально смотрела на Андрея. Решительно кивнула в сторону кухни: – Пошли!

На кухне Нина достала из холодильника бутылку водки и наполнила рюмку. Секунду помедлила и налила вторую. Оглянулась на дверь и бросила:

– Ну, поехали!

Быстро выпила. Андрей выпил тоже. Нина отодвинула от себя рюмку подальше, будто это вовсе не её, и опустилась на белый табурет. Взяла пачку сигарет и закурила. Глубоко, с удовольствием затянулась и медленно, длинно выдохнула дым.

– Что смотришь? Не знал, что я курю?.. Ну, ты многого обо мне не знаешь. – Она расслабленно прислонилась декольтированной спиной к стене, свесила руки. – Устала! С этими днями рождения...

Но быстро подобралась, оттолкнулась от стены, деловито поправила причёску. И, ровно держа спину и время от времени затягиваясь, заговорила:

– Ты как ребёнок, Чадо. Всё ещё на меня волком смотришь. Думаешь, променяла бывшего футболиста на заместителя главного инженера. Петя моя первая любовь, к твоему сведению. Настоящая! У этих тёлков, – Нина мотнула подбородком в сторону комнаты, где веселились гости, – глаза бы на лоб полезли, если бы узнали, что я для Пети делала!.. Ни в чём не раскаиваюсь. Может, это было лучшее время в моей жизни... Но прошло! Прошло, и всё.

Нина помолчала, глубоко затянулась.

– Я одну вещь поняла. Этому нигде не учат, каждый сам должен дойти. В жизни нет ничего постоянно хорошего или постоянно плохого. Понимаешь – нет! Мне нравилось, что Петя быстро бежит, ловкий, больше всех голов забивает. Король. Победитель. Не я одна – все его любили!.. Но жизнь не футбол. Нужны другие способности, чтобы в тридцать лет чувствовать себя уверенно. Да что в тридцать – в двадцать пять на первом месте уже не мышцы! Ты знаешь, что до меня дошло?.. Надо равняться вон на них, а то можно отстать. Я никогда не была неудачницей и сейчас не буду! Главные в жизни такие, как Дима, надо у них учиться. Учиться, Андрей, тянуться, потому что когда они во всякие музыкальные школы ходили, фигурным катанием занимались, репетиторы их натаскивали – нас с Игорем мать прятала у соседей, к твоей тёте Вере отводила! Ты знаешь, как пил отец. Умер – и чёрт с ним, не жалко!..

Нина требовательным жестом протянула руку к Андреевой рюмке, наполнила до краёв. Налила и себе, на этот раз уже не оглядываясь на дверь. Одним глотком выпила.

– Знаешь, мне всё равно, веришь ты или нет. Просто обидно, когда считают тебя хуже, чем ты есть. Никакой подлости с моей стороны нет. Однажды я почувствовала – всё, больше не могу! Если бы Петю даже не отчислили из команды, всё равно так вышло бы. Я поняла принцип счастья. Не тяни за собой весь багаж, не заставляй себя, не насилуй! Человек – запрограммированная машина. Не надо бороться с тем, что заложено. К хорошему это не приводит!..

– Экий матерый прагматизм. Да ещё в день рождения. – Дима Суханов стоял в дверях кухни. Он со снисходительной усмешкой подмигнул Андрею, расфилософовалась, мол, именинница... В том, как он это сделал, как посмотрел на девушку, чувствовалась сдержанная нежность. – Гости, кстати, кофе жаждут. Будет?

При появлении Димы Нина опять расслабленно прислонилась голой спиной к стене, погасила сигарету и незаметно отодвинула от себя рюмку. На Диму она смотрела блестящими глазами.

– Так что насчёт кофе? – повторил Дима с мягкой, понимающей улыбкой.

– Оно пока не готово, – быстро ответила Нина. И так же, как раньше, когда пропускала вперёд в коридорчике, Андрей заметил на её лице досадливую мимолётную тень и как бы упрёк самой себе. – Он ещё не готов, – поправилась Нина. И добавила: – Сейчас сварю. Принеси, пожалуйста, чашки из серванта.

Дима, кивнув, вышел. Андрей продолжал стоять, опираясь на скользкую поверхность холодильника. Криво улыбаясь, крутил в руках рюмку.

– Что-то я так и не понял насчёт Пети Чаева...

Настроение у девушки, похоже, изменилось. Она сухо бросила:

– Ты не прокурор, а я не подсудимая. Простых вещей не понимаешь – твои проблемы.

– Ты, вижу, много понимаешь! – со злым высокомерием заметил Андрей, направляясь в комнату. – Смотреть противно.

– Помоги с чашками.

– Я не Дима, чтобы на побегушках!..

В дверях он подумал: “Что за сила такая в ней? Почему любят? Такие ребята!..” И с острым удивлением, почти что с испугом оглянулся на Нину. Но ничего зловещего в ней не заметил. Симпатичная девушка в длинном вечернем платье, стоит у газовой плиты, сыплет кофе в кипящую воду...

Пойми!

В комнате во всю веселились. Гремела музыка, в мигающем красноватом свете (кто-то сидел у торшера и беспрестанно включал-выключал лампочку) поддёргивались фигуры, взлетали от резких движений волосы у девушек, бились на стенах тени. На мгновение выхватывались азартно-диковатые лица, изломы рук, влажные приоткрытые зубы, блеск остановившихся глаз...

Андрей направился было к своему месту, к софе, но с каждым шагом всё больше и больше чувствовал, как и его захватывает, подстёгивает ритм. Теперь уже сесть казалось невозможным – надо было двигаться, делать что-то ногами, туловищем, руками. Иначе нельзя, иначе невыносимо, иначе сердце может остановиться!..

Уже плохо осознавая себя, он ступил вперёд, ему дали место в общем кругу, вместе со всеми, каждой мышцей стремясь и желая, Андрей принялся танцевать, уходя, погружаясь в громкий, бездумный, дурманящий мир. Появлялись и исчезали быстрые тени, застывшие улыбки вокруг, мигало белое и чёрное. Музыка, биение света подчинили себе тело, мозг – казалось, что и внутри тебя всё горячо и радостно пульсирует, упоённо живёт и движется.

Время остановилось.

Напротив Андрея танцевала скуластенькая девушка с миловидным лицом и женственной, вполне зрелой фигурой. (“Дочка начальника... Наташа говорила...”) Несоответствие между по-детски нежным лицом и зрелыми формами притягивало, и Андрей, ловя на себе взгляд девушки, медленно двинулся к ней, танцуя. Она словно ждала этого и тоже подалась навстречу, неотрывно глядя в глаза. Под тонким свитерком угадывалось свободное движение груди, законченно, плавно девушка поводила плечами, животом, бёдрами – вместе с музыкой играло и жило её тело.

Они почти сошлись, девушка, показывая лицом, намекающими мягкими движениями, что надо Андрею пройти ещё немного, плавно полуповернулась спиной, и Андрей почувствовал прикосновение к своему боку её тяжёлого мягкого

бедра. Он подумал сначала, что это случайность, неловкость, но, приостановившись, слегка подавшись в сторону (“Хочет сделать переход...”), он увидел, как девушка опять качнула бедром и, не почувствовав его, своего партнера, недоумённо оглянулась.

Чего-то Андрей не знал, за два армейских года в танцах появилось новое, и ему стало стыдно. Скуластенькая, всё так же оглядываясь, продолжала покачивать бедром, словно механизм, двигавший ею, её литым красивым телом, встретился с чем-то непредвиденным и пробуксовывал. Потом она улыбнулась и отошла на своё место. Такие же улыбки появились на лицах остальных танцующих.

Андрей сжал зубы. Они смеются над ним!.. Он схватил девушку за руку и дёрнул на себя. Та, едва удержавшись на ногах, опять оказалась в центре. И здесь, в кругу, на глазах у всех, Андрей обхватил её и стал целовать – грубо, больно, мстительно вдавливая свои губы в её и чувствуя солоноватый железистый привкус крови.

Девушка вырывалась из его рук, гремела музыка, мигал свет, кто-то хлопал Андрея по плечу, толкал, оттягивал, больно прищемив кожу на руке, трещал пиджак, загорелся верхний свет, Андрея уже держало несколько рук, а в стороне утешали скуластенькую, оглядываясь с неприязнью и опаской. “Наглеем?” – спросили у Андрея. Он видел, как на глазах твердели лица обступивших его парней. Это был уже понятный разговор. Андрей подобрался. “Закройтесь, салаги! – сказал он, готовый ко всему. Главное, не пропустить первый удар. – Фраера прилизанные! Как от армии отмазались, козлы?!” Среди присутствующих произошло какое-то движение, возмущённый и растерянный ропот. “А как насчёт каратэ?” – спросил кто-то буднично. “Я вас простым кулаком уделаю! Вот этим!..” – Андрей сжал и выставил свой внушительный кулак. Как всегда перед дракой, в животе остро и сладко заняло.

Неизвестно откуда появился, вынырнул Дима и успокаивающе поднял руку. “Без глупостей, ребята, без глупостей!..” Он взял упирающегося Андрея за локоть и повёл на кухню. Парни неохотно расступились. “Каратисты позорные! Кого на испуг берёте?! – Андрей разъярённо дышал и всё пытался вырвать локоть. – Я два года в казахских степях, а вы? Девочкам мозги пудрили?..”

На кухне Дима усадил его на табурет, сильно, двумя руками надавив на плечи.

– Отдохни. Что ты вдруг? – С минуту он молчал, глядя себе под ноги, потом предложил: – Пойдём подышим? – И кивнул головой за окно.

Андрей сопел и старался на Диму не смотреть.

– Пошли. Надоело всё!..

Они вышли на крыльцо. Пахнуло сыростью, влажными досками крыльца. За кооперативными гаражами гудело шоссе. Давно уже стемнело, на фоне освещённого окна виден был штрихующий лёт мелких капель. Мокро отсвечивал жестяной верх детского грибка на поляне.

– Смотри, дом похож на кроссворд, – обронил Дима, засовывая руки в карманы плаща. Он кивнул на высотный дом. Дом подступил к окраине ближе остальных, на днях его заселили. Чередование освещённых и тёмных окон действительно походило на чёрно-белые клетки кроссворда.

– Особенно для меня, – сказал Андрей.

– Что?  
 – Кроссворд. Непонятно как-то всё идёт... В армии думал, будет по-другому.  
 – Андрей пощупал пиджак под мышкой и с досадой выдохнул: – Порвали, козлы! Как накинудись, а? Как на врага народа... Слушай, у тебя как? У тебя по-другому? – Андрей порывисто повернулся к Диме. – Как у тебя так получается? Тебе не скучно жить? Тоска! Как получается?..  
 Дима не ответил. Он смотрел в сторону детского грибка. Там, похоже, кто-то стоял – разгорался и меркнул огонёк сигареты. Разобрать кто, отсюда было невозможно, под грибком темнота делалась особенно густой, свет из окон туда не доставал.  
 – Пошли.  
 Где по кирпичам, брошенным в грязь, где по расползающимся под ногами травяным кочкам они добрались до грибка. Навстречу, толкнув плечом, шагнул какой-то человек.  
 – Чаев, стой! – окликнул Дима. – Подожди!  
 Петя Чаев (сейчас его узнал и Андрей) продолжал идти прямо по грязи, не разбирая дороги.  
 – Стой!  
 Чаев остановился и, не оборачиваясь, бросил:  
 – Ну?  
 – Подойди, пожалуйста.  
 Чаев несколько секунд помедлил, потом с подчёркнутой неохотой вернулся и, стараясь, чтобы выглядело это презрительно, склонил голову к плечу и засунул руки в карманы кожаного пальто. Складки пальто обозначились слабыми бликами.  
 – Что скажешь, деятель?  
 Дима достал из внутреннего кармана плаща бутылку вина.  
 – День рождения всё-таки...  
 Чаев принял бутылку и сильно ударил ладонью в дно. Он сорвал фольгу, зубами вытащил пробку и принялся пить из горлышка, высоко закидывая голову. Глаза привыкли к темноте, и Андрей видел, как жадно ходит кадык на Петинной шее.  
 Через минуту он оторвался от бутылки и протянул её Андрею, словно не замечая Суханова.  
 – Давай ты.  
 Дима усмехнулся:  
 – Обижаясь... Хотя обижаться должен я. В больнице пришлось лежать мне.  
 – Так это, значит, он тебя с друзьями бил?.. – изумился Андрей. – И вы после этого ещё вместе пьёте?!  
 – Нам многое надо выяснить, – сухо вато сказал Дима. – Непросто всё.  
 Андрей сжал в руках полупустую бутылку.  
 – Танки справа! – вдруг закричал он. – Прицел сто двадцать! Бронебойными! Огонь!.. – Изо всей силы запустил бутылкой в жухлый бурьян у кооперативных гаражей. Там глухо звякнуло. – Огонь! Наше дело правое! Победа будет за нами! Огонь!!  
 На половине Голосуевых по-прежнему гремела музыка.

В аэропорт Андрей приехал ещё утром, часов в девять.  
 Он едва дождался, когда крёстная уйдёт на работу, и быстро соскочил с раскладушки. Торопливо умылся и наскоро позавтракал. Крёстной написал записку и оставил на видном месте. Объясняться самому не хотелось – начнутся распросы, уговоры... Нет уж!  
 Стеклоздание аэропорта было почти пустым. Андрей вошёл в зал ожидания, присел на дерматиновый диван. Но не сиделось. Он поднялся и принялся ходить, стараясь делать это неторопливо. Внутри у него радостно и нетерпеливо подрагивало.  
 Из зала хорошо просматривалось лётное поле с двумя бетонированными полосами. Шёл конец октября, но трава на поле была зелёная. Поодаль стояли Ан-2 местных авиалиний – с двухэтажными крыльями, чем-то смахивающие на этажерки. Ещё дальше однообразно вращался на возвышенности локатор. Небо хмурилось, но уже третьи сутки как дождя не было. Взлётные полосы сухо светлели.  
 Андрей представил себе бескрайний снежный простор, всплески полярного сияния, парней с обветренными мужественными лицами... Целыми сутками эти ребята крутят баранки, потом где-нибудь в тесном домике пьют горячий крепкий чай, согревая кружками ладони. Толстые свитера, унты, скупые мужские разговоры. Шуршит по стеклу задуваемый ветром снег, за окном видны тёмные глыбы машин... Надёжные, крепкие ребята! Бесхитростные, настоящие.  
 К ним!..  
 На работе, как и дома крёстной, он тоже ничего не сказал. По дороге в аэропорт бросил письмо на имя Копача, в котором было заявление на увольнение. По закону полагалось отработать две недели, но Андрей чувствовал: не выдержит. Уехать захотелось до удушья, до смертной тоски.  
 Единственным человеком, которому он намекнул о задуманном, была Анюта. Отношения между ними оставались хорошими, и Андрей не вытерпел, показал заранее купленный билет. Но даже Анюте он не выложил всего до конца. Андрею нравилась тайна, в душе от неё становилось как-то полнее.  
 Он походил по залу, поднялся на второй этаж, где находился ресторан с деревцем в кадке у входа. До начала регистрации оставалось больше часа, и вполне можно было бы выпить пива.  
 Он постоял у входа, потёр листок на деревце и понюхал пальцы. Пахло лимоном. Вздохнув, стал спускаться вниз. Деньги надо было беречь. Кто знает, сколько придётся на них жить – это не армия, никто даром не накормит. Хорошо ещё, Катя прислала сто рублей на пальто, а то и на билет бы не хватило.  
 Когда он и ещё десятка полтора пассажиров, тоже улетавших на Москву, стояли перед загончиком у лётного поля (вот-вот должны были объявить посадку), Андрей почувствовал, что кто-то тронул его за рукав. Он повернул голову.  
 Перед ним была Валя.  
 Андрей на миг растерялся, быстро оглянулся, словно искал, куда бы спрятаться. Но тут же взял себя в руки и посмотрел на девушку прямым взглядом.  
 – Улетаешь? – тихо спросила Валя.  
 – Ты откуда узнала?

– Анюта сказала.

– Ясно, женская солидарность!.. – Андрей в душе обругал себя за доверчивость. Как можно беспечно сказал: – Я тебе соболей пришлю. В Якутии их много. Что ни дерево, то соболю – серьёзно!.. Ладно, бывай здорова, посадку уже объявили.

Он подхватил свой чемодан и улыбнулся девушке. Улыбка вышла немного виноватой. В последнее время он довольно часто заходил к Вале в общежитие, выбирая время, когда соседки по комнате были на работе.

Валя по-прежнему держала его за рукав. Она подняла лицо, и Андрей увидел её дрожащие губы. Девушка, похоже, собиралась заплакать. Андрею стало досадно.

– Да пойми ты!..

– Я беременна, Андрей!..

Андрей быстро, испуганно шагнул в сторону. Расталкивая пассажиров, одним из первых попал в секцию. В очереди на проверку багажа он стоял, подняв плечи и боясь оглянуться. В голове было пусто, лишь растерянно стучало: “Как по-дурацки!.. Ах, чёрт!..”

Когда начали выводить на лётное поле, Андрей не выдержал и оглянулся. Валя стояла всё там же, где он её оставил. И столько в её позе было безнадежности и горя, что Андрей, плохо соображая, что делает, стал пробираться обратно.

– Ну, не надо, – забормотал он, обнимая девушку за худые плечи. – Не надо, что ты. Я устроюсь и тебя вызову. Увидишь, честное слово!..

Он взглянул на поле. Пассажиры уже поднимались по трапу в самолёт.

– Андрей, не уезжай. – Валя, уткнувшись ему куда-то под мышку, глухо всхлипывала. – Андрей, я для тебя!.. Никогда не пожалеешь, Андрей!..

– Да вызову я тебя! Клянусь! – Андрей свято верил в то, что сейчас говорил. – Здоровьем клянусь!

– Я боюсь. – Девушка, не отрываясь, смотрела на него заплаканными истовыми глазами. – Не уезжай, Андрей. Всё для тебя буду!..

– Да я же говорю!..

Андрей беспомощно оглянулся. От самолёта уже отъезжал трап. Синевато-дымя выхлопными трубами, подошёл тягач и принялся выводить лайнер на взлётную полосу.

Андрей, оттолкнув девушку, бросился к секции.

– Опоздали, молодой человек, – выходя навстречу, буднично заметила женщина в аэрофлотской форме. Она повернулась и неторопливо закрыла за собой дверь на ключ.

– Как это?!.

– Так.

Андрей остановился. Некоторое время неподвижно смотрел, как самолёт, уже выведенный на взлётную полосу, взревел турбинами и стал медленно, а потом всё быстрее, стремительней разбегаться. Как наконец оторвался от земли и круто пошёл вверх, всё уменьшаясь и уменьшаясь и оставляя за собой размытый дымный след.

Ещё на земле самолёт стал расплываться у Андрея перед глазами, а когда взлетел – плечи у него задрожали. Андрей с силой пнул двери секции. Потом, сжав зубы, ещё и ещё раз.

Ногой, кулаком, коленом – изо всей силы, будто бил лютого врага, гада ненавистного, мразь подлую!..

И уже как сквозь толстое стекло он слышал и злой крик тётки в аэрофлотской форме, и высокий Валин голос.

Он пришёл в себя, когда девушка оттащила его от секции. Андрей вырвал руку и остановился. Минуту стоял, уставясь в землю, перекатывал желваки и молчал. Наконец выдавил:

– Ладно. – И огляделся вокруг странными глазами, будто видел всё впервые. – Ладно. Посмотрим ещё!..

И непонятно было, то ли он кому-то грозил, то ли просто успокаивал себя и смирялся.

– Ладно!..

1872-1984

ПОСЕЛКОВЫЙ СУМАСШЕДШИЙ АЙТЫШЕВ  
Повесть

«Здесь, – думает он, останавливаясь в тёмном тамбуре. – Пикнуть не успеешь. И не услышит никто».

Место в самом деле удобное. Свет с лестничной площадки сюда не достаёт, его отсекает внутренняя дверь тамбура. Темнота полная. Входящего с улицы видно, а того, кто может здесь поджидать, нет.

Один удар по голове – и кранты. Или из пистолета с глушителем, сейчас это запросто. По телевизору чуть ли не каждый день рассказывают.

Айтышев привычным движением толкает наружную дверь. В глаза бьёт яркий весенний день. В ноздри врываются оттаявшие запахи смолистых стен их двухэтажной «деревяшки», легковушек под окнами, воньца недалёкого контейнера с крупными буквами ТБО. Но всё перекрывает мощный дух кедрачей и ельников, подступающих к посёлку. Пока.

Айтышев вдыхает живой апрельский воздух. Этот месяц, первый по настоящему весенний в их местах, он любит. Впереди распутица, из посёлка можно будет выбраться только на вертолёт, зато весна. Досадно лишь, что из-под снега вылезает накопившаяся за долгую зиму дрянь. Порванные целлофановые пакеты, банки из-под пива, обёртки от сникерсов и чипсов. Бардака Айтышев не переносит. Хоть иди сам убирай. Но снега во дворе ещё полно, утонешь.

Он оглядывается на входную дверь. Надо носить с собой фонарик. В случае чего светить в глаза, ослепить. Ему самому понятно, насколько это смешно, по детски, но на какое-то время становится всё же спокойней.

Их «деревяшка», как отражающий экран – что происходит с той стороны дома, не видно и не слышно. «А вдруг?..» – думает Айтышев. Он и оделся, чтобы пойти посмотреть, как там, за домом. Всё-таки сегодня общепоселковое собрание, приедет начальство из райцентра, должны прекратить. На носу выборы, конфликтовать с людьми власти ни к чему.

Ещё у глухого, без окон, торца «деревяшки» Айтышев понимает, что кедрач продолжают валить. Слышен звук работающей техники, а когда Айтышев оказывается с обратной стороны «деревяшки», становится видно, как за узкой полосой леса вдруг подпрыгнет верхушка кедра и тут же клонится, исчезает за другими деревьями.

У Айтышева каменеют желваки.

Скоты, ничего не боятся!..

Крупным решительным шагом он направляется к гриве. Он здесь, и всё должно перемениться. Откуда такая уверенность – неизвестно, но она переполняет Айтышева, заставляет раздуться ноздри.

– Стой! – кричит он и поднимает кверху руки, скрещивает над головой. – Стой, сказал!..

В лесу по-зимнему полно снега, весны почти не чувствуется. Разве что мороз не давит и запахи сильнее. Чадающий и громыхающий монстр доделывает операцию, дисковые пилы с визгом срезают на стволе сучья. Потом голый и прямой, как карандаш, ствол укладывается на лесовоз. Лишь после этого валочная машина замолкает, из кабины выглядывает оператор в оранжевом комбинезоне, бросает:

– Подожди, я сейчас!

Айтышев тяжело смотрит на приближающегося оператора. Молодой, совести у таких мало.

– Тебе сколько надо? – опережает парень. Голос приглушённый, оператор воровато оглядывается на не до конца загруженный лесовоз.

– В смысле? – не понимает Айтышев, на секунду-другую его запал сбит.

– Сколько хлыстов надо, говорю? Кедр, ель, сосна?..

До Айтышева доходит. Кровь ударяет в голову.

– Заткнуть рот хотите?!. Взятку предлагаете?!. – звереет он. – Не купите! Так и скажи тому, кто послал!..

Оператор пожимает плечами:

– Ваши мужики подходят, договариваемся. А чего, нормально. Думал, ты тоже.

Он поворачивается и уходит. Оранжевый комбинезон ярким пятном выделяется на фоне срезанных, в лохматой хвое сучьев и свежих, похожих на открытые раны, пней. Земля и снег перемешаны, перемолоты гусеницами и колёсами техники.

Айтышева трясёт от обиды и злости. Давно его так не унижали.

2

Первым про кедрач узнал Кузьмич. Он и позвонил дней десять назад:

– Валерка, ты? Слушай, здесь кедрач валят... Какой, какой – ближний! Надо чего-нито делать, а то поздно будет... Ты слышишь меня? Чего молчишь?

Позвонил Кузьмич не вовремя. Олежка, младший сын, только что ушёл в школу, они с женой остались одни, и Айтышев решил использовать момент.

Вчера он вернулся с вахты, но пообщаться с Людмилой сразу не удалось. Нестоворчивой она какой-то стала последнее время, каждый раз находила причину. Понятно, возраст, но ведь и ему столько же, а интерес остался. Тем более, если две недели не видел женщины.

– Валерка, заснул? Кедрач, говорю, убирают! Куда за шишкой ходить будем? Мотор не у каждого, чтоб за увалы мотаться.

То, что Кузьмич панибратски называл его Валеркой – ладно, он старше. Плохо было другое. Жена, воспользовавшись тем, что его отвлекли, закинула руки за спину и стала торопливо застёгивать бюстгальтер. При этом озабоченно поглядывала на часы и вполголоса приговаривала, дескать, совсем забыла, сегодня ей на первый урок поставили замену, надо идти.

– А чего ты мне звонишь? – раздражённо сказал в трубку Айтышев. Не силой же Людмилу удерживать. – Есть глава администрации, ему звони!

– Звонил. Нету его, в район вызвали. А ты всё ж профсоюзный босс, человек авторитетный. Тебя должны послушаться.

Слова Кузьмича были приятны – помнят, что несколько лет подряд вышко-монтажники избирали его профоргом. Но и лукавство в этих словах было. Любят мужики на чужом хребте в рай въехать. Айтышев не раз замечал, выдвигая его куда-нибудь, за спиной перемигивались.

– Ага, босс... Накрылся профсоюз медным тазом. Кто кедрач валит?

– А хрен знат! Какая-то фирма.

Некоторое время Айтышев молчал, прислушиваясь, как Людмила возилась в прихожей с одеждой, как щёлкнул входной замок. Подумал, что предки были умные, несколько раз женились. Молодая жена так бы себя вести не стала. Во всех смыслах.

– Ну так что?

– Сейчас подойду.

– В случае чего я в стайке.

Толковый он всё-таки был мужик, Николай Васильевич. Айтышев его не застал – когда приехал в посёлок, Свиридова уже забрали в Тюмень. Но только и слышно было: Николай Васильевич, Николай Васильевич. В семидесятые директор в геологоразведочной экспедиции бог и царь. Всё на нём – и производство, и посёлок.

Свиридов, говорят, сам это место выбрал. То, что на берегу реки, – понятно, иначе ни вышки на ремонт не доставить, ни технику, всё в их краях по воде. Зимой, правда, зимники по болотам среди чахлах сосёнок прокладывают, но это временно. А летом и в межсезонье – река. Свиридов ещё выбрал место так, чтобы материк полого сходил к воде – посёлок в разливы не затопит и не подмоет. Со строительным лесом тоже предусмотрел, урманы вокруг, к тому же охотиться можно.

Айтышев шёл по прямой, словно профиль у геофизиков, улице и одобрительно поглядывал по сторонам. Досада на жену как-то понемногу сгладилась. Если честно, и он уже не тот. Ещё год-два назад Людмила ни за что не отвертелась бы. Теперь начинаешь думать о том, на что раньше не обращал внимания, считал, так и должно быть.

Всё у них в посёлке по уму. Ровные улицы, два бывших орсовских магазина, продовольственный и промтоварный, баня, детский сад «Солнышко», средняя школа... Понятно, не всё Свиридов сделал, были и другие хорошие директора, но основу заложил он. Потому до сих пор вспоминают.

Этого козла не будут!..

Навстречу ехал лоснящийся полировкой «лексус». Кто за тонированными стёклами – не разобрать, но Айтышев до хруста отвернул голову. Машина нынешнего директора экспедиции. Точнее, того, что от экспедиции осталось. Заказов на разведочное бурение почти нет, половина посёлка без работы, а у этого зарплата триста тысяч. И ничего не сделаешь.

Айтышев не поверил, когда узнал о такой зарплате. Задал вопрос на профсоюзном собрании. Ответа не услышал, зато через пару недель его сократили. А некоторое время спустя разогнали и профсоюз. За это проголосовали сами рабочие. Конечно, тяжело голосовать по-другому, если из президиума смотрит директор и

делает пометки в блокноте. Но Айтышев всё равно этого не понимал. Он тогда уже устроился охранником на месторождение, казалось бы, не его дело. Получается, мужики сами себя кастрировали. Профсоюз в экспедиции был не особо смелый, но раньше они всё-таки могли рассчитывать, что заступится. А сейчас у этого полностью развязаны руки!..

Ещё один плюс Свиридову, выбрал обжитое место. Когда-то здесь стояла небольшая деревушка Никишкина. Наверно, первым поселился какой-то Никишкин, отсюда название деревни – Никишкина, а не Никишкино, как обычно бывает. Теперь от неё ничего не осталось, разве что дом Кузьмича у самого леса. Этот ещё сто лет простоит – из лиственницы.

От Кузьмичёва дома уже было хорошо слышно: за деревьями что-то происходит. Но что именно, неясно. Айтышев открыл калитку, прошёл к приземистой, будто присевшей в снегу, стайке, заглянул внутрь. После слепящего на апрельском солнце снега здесь казалось темно. Пахло коровой и почему-то укропом.

– Кузьмич, ты где?

– Сейчас, – раздался из темноты голос. Вскоре появился и Кузьмич с ведром в руке. Укропом пахло из ведра. – Корова того гляди отелится. Пою, а то пучит, телёнка газы задавят... Ну чего, пошли?

– Точно кедрач валят? – на всякий случай спросил Айтышев.

– Нет, шучу. – Кузьмич, высокий, худой, с морщинистым небритым лицом, посмотрел в сторону леса. – Погоди, я сейчас.

Бывая у Кузьмича, Айтышев всегда с интересом смотрел на крепкий бревенчатый дом, на стайку, на поленницу жарких берёзовых дров, на «Буран» под навесом. Настоящее деревенское хозяйство. Не скажешь, что это в посёлке геологоразведчиков.

Через минуту Кузьмич вышел из дома с ружьём. На удивлённый взгляд Айтышева сказал без улыбки:

– Чтоб уважали.

Оказалось, выяснять отношения они явились не первые. На поляне с бросающимися в глаза свежими пнями кроме лесовалочной машины стоял джип, а перед ним размахивала топором многодетная Валентина Галушко. Молодой упитанный мужчина с серьгой в ухе показывал ей какие-то бумаги в прозрачном файле, хлопал по ним ладонью, но Валентина не унималась:

– Ты, что ли, мне орех дашь?! А брусничник подавили, он здесь хороший! А грибы!.. Чего я в город повезу, на что детей в школу собирать? Обнаглели, сволочи, до нас уже добрались! – Платок на женщине сбился, волосы растрепались, глаза злобно горели. Такая в самом деле зарубит. – Бумаги он показывает! Подотри свои бумаги! Порублю колёса на хрен!.. Всё мало им, никак не нахапаются. Чтоб вы подавились!..

Айтышев помедлил. Было неудобно за Галушко перед посторонним человеком. А с другой стороны, после Валентины проще разговаривать. Действительно, кто разрешил? Десятка три деревьев уже были свалены, а этот кедрач даже свои не трогали. Орех многим в посёлке помогал сводить концы с концами, особенно сейчас, когда экспедиция сидит без заказов. Прав Кузьмич, не у всех лодки, чтобы ездить за увалы, для многих только ближний кедрач доступен.

– Здравствуйте, – сказал он, подходя к джипу. – Вы кто и по какому праву валите лес?

Галушко сбоку закричала, перебивая:

– Какие у них права! Мы здесь живем, наш кедр! Нету у них никаких прав, нехай уматывают!..

– Валентина, успокойся, разберёмся. – Укоризненно взглянув на женщину, Айтышев опять повернулся к молодому мужчине с серьгой в ухе. – Вопрос задан, мы ждём ответа.

– А вы кто?

– Представители общественности. Знать о происходящем наша обязанность. Очень не хотелось бы доводить дело до конфликта. Люди настроены решительно. – И как бы невзначай Айтышев оглянулся на Кузьмича с ружьём.

Он чувствовал, всё у него выходит как надо, веско и достойно. Опыт большое дело. Раньше он в подобных случаях горячился, начинал кричать и ругаться, а надо по-другому, спокойно, с умом.

То, что он теперь знает, как разговаривать, добавляло уверенности. Смешно, но после облома с женой уверенность была особенно нужна.

Молодой мужчина обрадовался:

– Слава богу, вменяемый человек!.. Я исполнительный директор акционерного общества. Мы выиграла тендер на заготовку деловой древесины на этой площади. Вот документы. – И он протянул прозрачный файл, который только что показывал Галушко. – Можете убедиться.

Айтышев заметил, кроме серьги у молодого исполнительного директора полированные ногти, они мягко отсвечивали бесцветным лаком. Видеть это на мужских руках было так же неприятно, как и серьгу в ухе. Но Айтышев не подал вида.

– А почему нас, жителей посёлка, никто не спросил?

– А почему вас должны спрашивать? Лесные фонды принадлежат государству, оно само решает, как ими распорядиться.

– Порублю! – опять заблажила Валентина Галушко и пошла на джип с топором.

Айтышев перехватил её. Держа за руки, повернул лицо к исполнительному директору:

– Советую немедленно прекратить. Пока глава администрации не подтвердит, что вы нам здесь наговорили, валить кедр не позволим. Иначе я ни за что не ручаюсь.

– Вот именно, – вставил Кузьмич, снимая с плеча ружьё. – Сейчас ещё мужики подойдут. А я в историю посёлка этот факт запишу. На века останется!..

Исполнительный директор возмутился:

– Какая ещё история посёлка, бросьте меня пугать! Всё законно, вот документы. А за самоуправство можно ответить.

– Самоуправством занимаетесь вы. Повторяю, пока глава администрации не подтвердит, мы вам ничего делать не дадим.

Кузьмич с чувством плюнул под ноги:

– Ну, уроды! Даже во время войны кедр не трогали, в урман за клёпками для бочек под рыбу ездили. Всё для фронта, всё для победы – а не трогали!.. Ну вот, мужики идут.

От посёлка действительно двигалось несколько человек. Некоторые, как Кузьмич, были с охотничьими ружьями.

– Это мы ещё посмотрим, – сбавил тон исполнительный директор. – Вы ещё пожалеете.

Утопая чуть ли не по пояс в снегу, он направился к лесовалочному агрегату. Тот выжидательно молчал с тех пор, как возле джипа появились Айтышев с Кузьмичом. Исполнительный директор что-то коротко сказал в приоткрытую дверь. Оператор в броском оранжевом комбинезоне выбрался из кабины и пересел в стоящий поблизости лесовоз. Обе машины, лесовоз и джип, двинулись к дороге из посёлка.

– В туфельках он приехал, фраер дешёвый! – мстительно закричала вслед многолетняя Галушко. – Начерпал снега по самые помидоры! Отморозишь!..

Подошедшие мужики засмеялись, стали здороваться за руку. Похоже, они жалели, что обошлось без них. Кузьмич, противным голоском передразнивая приезжего, принялся рассказывать, как было дело. Опять смеялись. Настроение у всех было приподнятое.

– Агрегат оставили, – заметил кто-то. – Вернутся.

– А хрен им на воротник! Неужели свой кедр не отстоим? Да костями ляжем!..

Все согласились, что так оно и будет.

3

Лёня Соколкин был не то чтобы дурак, но с крепкой придурью. Заносило его довольно часто. Сейчас Лёня ходил перед зданием поселковой администрации и строго поглядывал по сторонам. На плечах у него лежало увесистое бревно.

– Я живу в свободной стране. Имею право, – сказал Лёня Кузьмичу, неудобно вывернув шею.

– А то! – легко согласился Кузьмич. – Не видал, Юрий Семёнович приехал?

Лёнино лицо расцвело, он был рад, что с ним заговорили. Лёня притопнул ногой, как делают солдаты в американских фильмах.

– Так точно, сэр! Мы должны быть в форме, свободу надо уметь защищать!..

– Продолжая дураковато улыбаться, Соколкин принялся приседать с бревном на плечах.

Айтышев вспомнил, такое же лицо у Лёни было, когда умерла мать. Его в посёлке жалели, говорили хорошие слова, утешали – и от общего внимания Лёня лыбился, чувствовал себя именинником.

По дороге от кедровой гривы мужики рассосались по домам, так что к администрации Айтышев и Кузьмич подошли вдвоём. Следовало толком всё узнать у Петлёваного. В здании было по-особому тихо, даже телефоны не звонили – похоже, глава ещё не вернулся. Что и подтвердила секретарь Наташа, отставив чашку с чаем.

– А когда будет?

– Точно сказать не могу. Юрий Семёнович, возможно, задержится в городе.

– Ну, вы даёте! Сидите здесь и ничего не знаете?.. Кедр у них под носом рубят, а они сидят! Кончайте чай гонять, спасти кедр надо, пока не поздно!..

– Кузьмич говорил с весёлой напористостью, присвистывая прогалами между оставшимися зубами, небритое лицо было оживлено. Настроение у него всё ещё оставалось боевым.

Грудастая Наташа смотрела непонимающе.

– Где? Какой кедрач?..

Айтышев отвёл взгляд. Всю жизнь, начиная с детдома, он среди русских, а кровь всё равно другая. Нужно было усилие, чтобы не смотреть на Наташину грудь. Айтышев заставил себя думать о том, что в администрации к нему относятся с уважением. Хотя он уже не вышкарь шестого разряда и не профорг, а всего лишь охранник на нефтяном месторождении. Это отвлекало от Наташиной груди и само по себе было приятно.

– Ну что, Валерка, и мы по чайковскому вдарим? – сменил тему Кузьмич. – Наташ, мы подойдём после обеда. В случае чего, к Петлёваному первые.

– Хорошо, Михаил Кузьмич, обязательно.

Кузьмича здесь тоже уважали, а он давно пенсионер. Не каждый историю посёлка пишет, к нему даже из краеведческого музея в городе приезжали. Но за «Валерку» при посторонних Айтышев на Кузьмича всё же покосился.

Об истории посёлка они и заговорили за чаем. Чаёвничали вдвоём, Кузьмич уже несколько лет как похоронил жену. Сначала, конечно, ещё раз обсудили то, что произошло в лесу. Прохиндей, сейчас таких до хрена, не на тех нарвался!.. Обычно Кузьмич избегал говорить об истории, отделялся намёками, но то, что оба были на гриве, сделало его откровенней.

Айтышев собирался услышать о метрах скважин, о лучших вышкарях и бурильщиках, о переходящем знамени министерства, которым экспедицию наградили в восемьдесят шестом. Так было бы понятно. За цифрами и именами труд, нервы, несчастные случаи – показатели давались тяжело, потом, а порой и кровью.

Но история Кузьмича была странная. Какая-то женщина отдала два пуда картошки, когда по реке возили эвакуированных из Ленинграда, – это ещё до посёлка, в деревне Никишкиной. К одному мужику пришли заказывать пимы, а он направил к соседу – у того пимы получались лучше, хотя деньги мужику были нужны. В охотничьей избушке на том берегу жил монах, лечил травмами и молитвами. Говорил, где мои ноги пройдут, там плохого не будет...

– А чего это эвакуированных возили по реке? – Айтышев смотрел недоверчиво.

– Как – чего? У государства на всех не хватало – война, карточная система. На людей надеялись, от себя, дескать, оторвут, пожалеют доходят.

– А монах откуда в здешних краях?

– Может, не монах – так рассказывали, я ещё пацаном был. Может, дезертир, дело во время войны было. С передовой, думаешь, не бегали? Эге, до самой Сибири добирались!..

Не зря Кузьмич темнил. Айтышев был озадачен.

– А ближе к нашему времени ты не писал? О Николае Васильевиче Свиридове, например.

Кузьмич принялся листать общую тетрадь в коричневой коленкоровой обложке.

– Есть. Его ешто Зверидовым называли. Крутой был мужик. Улицы нарезал

– не считался, усадьба не усадьба, огород не огород. А сколько навоза в наш суглинок надо вбухать, чтоб рожал!.. Многие в Никишкиной хозяйством жили, огородами... Ну, лесом, конечно.

Айтышев пошевелил бровями. При почти седых волосах на голове брови у него всё ещё оставались чёрными.

– На всех не угодишь. Стране была нужна нефть. Почему об этом не пишешь?

Кузьмич засмеялся, будто знал что-то, Айтышеву неизвестное. Его небритое лицо в сивой щетине сделалось хитрым.

– Ты в библиотеку пойдёшь, газеты возьми – там о нефти... Хотя, думаю, подшивки за те годы навряд сохранились, сожгли. А это... – Он закрыл тетрадь и с довольным, почти счастливым видом прихлопнул сверху ладонью. – Это останется! Это надолго. Может, навсегда.

Странный дед. Замызганная тетрадь с загнутыми кончиками листов – и навсегда!..

Встретиться в тот день с Петлёванным у них не получилось. Ещё не закончили чаёвничать, как заиграл мобильник. Звонила Людмила.

С полминуты выждав, Айтышев нажал кнопку приёма, хмуро спросил:

– Чего надо? – Пусть знает, муж недоволен.

Голос у Людмилы был заискивающий. Но, как оказалось, по другому поводу.

– Валер, зайди к Рустаму. Он болеет, температура, а в амбулаторию идти не хочет. Альфия беспокоится.

– Какой Рустам?.. Ты про Генку, что ли?

– Валер, перестань. Пусть будет Рустам, он взрослый мужчина, сам решает... Альфия он стесняется сказать. Что-то по мужской части. Зайди, прошу.

Татарин, блин!.. Имя, которое дали родители, ему не нравится, паспорт поменял, жену поменял. Ещё на него, отца, сваливал – типа, выжил Светку, придирался. А кто будет молчать, если невестка кастрюлями суп в унитаз выливала! Вчерашний, дескать. Он цену еды с детства знает, с детдома. Потом тоже ничего с неба само не падало. Это свой труд не уважать, заработанное на ветру, на морозе. Кожа на металле остаётся, если схватишься без рукавицы.

– Ладно, – буркнул Айтышев.

Надо было идти. Всё-таки сын.

Генка жил не в «деревяшке», а в двухэтажном коттедже на одну семью по улице Таёжной. В таких при Свиридове селили итээровцев и передовых бурильщиков. Первый этаж коттеджа теперь занимал магазин, принадлежавший Генкиному тестю. В магазин Айтышев и зашёл.

– Здравствуй, – сказал он Альфии. – Где больной?

Невестка поднялась со стула с той стороны прилавка. Она была месяце на восьмом. Беременность, похоже, давалась ей тяжело, хотя Альфия старалась не показывать вида.

– Проходите, пожалуйста. – Старательно улыбаясь, она открыла боковую дверь. Во взгляде была выжидательная осторожность. Невестка знала, Айтышев не одобрял новой женитьбы сына. Даже на свадьбу не пришёл. – Извините, не могу проводить вас... отец. Покупатели идут.

Неспешно ступая, Айтышев стал подниматься на второй этаж. Магазин с пё-

стрыми от разноцветных упаковок полками, вереницы бутылок, скрипучие ступеньки лестницы, какие-то татарские половики на полу – всё здесь было чужое. Даже воздух особо пахнул.

– Ты где? – сказал он громко, не называя сына по имени.

Дверь в одну из комнат открылась. Генка с синевато отсвечивающей бритой головой стоял, подавшись плечами вперёд и отставив зад. Понятно. Вид у него в самом деле был больной. Вообще-то всё к тому шло. Татарин – так настоящий, стопроцентный. Сын тоже упёртый, гнёт свою линию.

– В город к врачу поедешь?

Генка не сразу, но кивнул. Видимо, действительно прижало. В поселковую амбулаторию не хочет обращаться – о причине сразу станет всем известно.

С Александром Михайловичем, хирургом, Айтышев познакомился, когда сломал лодыжку. Ладно бы на работе, а то в бане на скользком полу. Александр Михайлович снимал ему пластину. Оказалось, увлекается рыбалкой, Айтышев пригласил приезжать. Естественно, на рыбалке выпивали, говорили о жизни. В итоге врач стал друг не друг, но добрый знакомый, к которому можно обратиться в случае чего. Сейчас был такой случай.

Созвонившись с Александром Михайловичем, Айтышев заехал за Генкой. Сын осторожно, чтобы не потревожить ширинкой хозяйство, спустился со второго этажа, медленно забрался в тойоту на заднее сиденье, где попросторней. Когда выехали за посёлком на зимник, Айтышев спросил:

– Зачем это делаешь?

– Что ты имеешь ввиду? – после паузы отозвался сын.

– Другое имя взял, со Светкой развёлся, на Альфии женился. Теперь вот...

– Межсезонье скоро, распутица, – неизвестно к чему сказал Генка. – Поползёт ваш зимник. Пока река не вскрыется, невыезными будете.

Айтышев оглянулся с переднего сиденья.

– Не понял. Чего вдруг о межсезонье? – Про себя отметил: «ваш», «станете»... Будто сам здесь не родился и не живёт. Отделил себя от посёлка, отрезал.

Голос сына был бесцветным:

– За исламом будущее.

– Крысы бегут с корабля?.. От русской матери ещё не отказался?

Генка-Рустам не ответил. Неглупый парень, заочно учится в нефтяном университете в Тюмени. Что они себе напридумывали, эти молодые? Будто какой ты веры самое главное. Главное в жизни – какой ты сам, что из себя представляешь. Или потому Генка так поступает, что неглупый?.. Размышлять о подобном было непривычно и тревожно.

Александр Михайлович всё быстро устроил. Поехали в больницу, там он больше часа продержал Генку в операционной и оставил в стационаре на несколько дней. Требовалось наблюдение, случай запущенный, не было бы сепсиса.

– Кто его так? Стопроцентная самодеятельность. – Глаза врача за стёклами в тонкой оправой смотрели непонимающе, но спокойно.

– У него спроси. Настоящим мусульманином решил заделаться.

– Да уж, мусульмане... Как насчёт этилового ректифицированного? А, ты за рулем... Ладно, подкинь домой, моя машина в ремонте.

По дороге заговорили о рыбалке. Сейчас на озерах хорошо брал окунь, как ни странно, на клюкву. Александр Михайлович не поверил:

– Да ладно!

– Мужики таскают только так. А чего, давай проверим, у меня две недели свободных. Но не затягивай, а то зимник скоро поплывёт. Сейчас ехал, кое-где начал проседать.

Стали строить планы. Уже возле многоэтажки, в которой жил хирург, Айтышев рассказал о кедраче. Александр Михайлович заинтересовался:

– Тендер выиграла?.. Странно, тендеры ещё не проводились. Подожди, сделаю звонок одному человеку, он должен знать точно.

Оказалось, действительно, тендеров в районной администрации пока не было. Айтышев, не сдержавшись, хлопнул обеими ладонями по рулю тойоты:

– Так и знал – прохиндей! Лапшу вешал! Кто разрешит кедр возле посёлка валить? В районной администрации толковые мужики сидят, они понимают!..

Александр Михайлович ничего не говорил, а лишь внимательно смотрел на приятеля.

4

У Айтышева свои тараканы в голове. Лет с четырнадцати он считал, что может влиять на происходящее. И не обязательно ему самому что-то делать, достаточно присутствовать.

Впервые он это понял в детдоме. У него был дружок Лёшка Асабин, который занимался лёгкой атлетикой, хорошо прыгал в высоту, но неуверенный в себе пацан. Может, потому, что слишком жалостливый. Когда детдомовские ходили в лес искать бурундучьи заначки, Лёшка не ходил со всеми. Говорил, бурундуки с горя вешаются, если не обнаружат своих зимних припасов. Находят на кедре подходящую рогульку и засовывают туда голову.

Перед соревнованиями Лёшка мандражировал, ходил бледный, перепуганный. Старшие пацаны над ним издевались, не по делу давали пендаля, а Айтышев однажды пошёл с Лёшкой на соревнования. Когда дружок стал в секторе разбегаться, он, набычившись, смотрел на него, не отрываясь. И почувствовал, как упруго ходят под дешёвым детдомовским трико тугие Лёшкины мышцы, тесноту полукед на ногах, запах пота из подмышек, проскальзывающую чёрную крошку гаревого сектора – будто сам стал Лёшкой.

Он ощутил, как дружок твёрдо ставит на землю толчковую ногу, тормозит перед планкой всей пяткой, как скорость тела меняет направление, готовая нести вверх. Но одной её мало – и короткий судорожный то ли вдох, то ли всхлип, толчок что есть силы, взмах маховой ноги, рука следом, всё уходит в движение вверх, тянет, мощно несёт за собой... Чудесно и странно, вроде как летишь.

Есть! Лёшка уже на песке. Алюминиевая планка сверху между стоек даже не шелохнулась. Айтышев выдыхает, будто разбежался и прыгал сам. Облегчение и слабость во всём теле.

Сначала Валерка решил, что он гипнотизёр, просто не знал об этом раньше. На тоскливых уроках алгебры пытался внушить учительнице, чтобы та запела матерную частушку и пошла вприсядку, но не получалось. «Чего уставился?

На доску смотри, отличник!..» Однако какая-то сила от него всё-таки исходила. Собаки в городке, где находился детдом, его боялись, старшие пацаны тоже не особо задирали. А когда он ходил с Лёшкой на соревнования, тот показывал хорошие результаты. В восьмом классе перед выпуском из детдома даже выполнил второй взрослый разряд.

Иногда Айтышев думал, окажись он в Москве на стадионе, когда играла сборная СССР, наши обязательно выигрывали бы. Какой бы противник ни попался!.. Об этом он никому не говорил – скажут, крыша поехала, – но мысли такие были. До сих пор иногда появлялись.

С уверенностью, что с кедрачом всё нормально, он на следующее утро направился к гриве. Следовало всё-таки проверить. Но, оказалось, там во всю идёт работа. Лесовалочный агрегат, смахивающий на угловатый трансформер из мультяшного сериала (Олежка любит смотреть), судорожно двигался, чадил, оставлял за собой свежие, издали броские пни. Здесь же был и вчерашний лесовоз.

Айтышев засунул пальцы в рот, свистнул и погрозил лесовалочному агрегату кулаком. Его заметили.

– Чего надо, мужик? – сказал человек в камуфляже, судя по всему, из частного охранного предприятия. По глубокому снегу, который в лесу и не думал таять, двигался ещё один чоповец.

– Вы что творите?! Сейчас мужиков позову! Кто разрешил?!

– Не твоё дело. Вали отсюда.

Айтышев задохнулся:

– С кем разговариваешь, урод! Я здесь живу!..

– За урода ответишь.

– Да мы тебя сейчас!..

– Неужели? – Чоповец прищурился, стал похлопывать по ладони чёрным «демократизатором». – Приключение на жопу ищешь? Вали по-хорошему пока я добрый.

Через несколько минут Айтышев уже был в администрации.

– Хорошо, что пришёл! – словно обрадовался Петлёванный, когда он порывисто распахнул дверь в его кабинет. – Присаживайся. Ты что один? Я думал, вы всем посёлком заявитесь.

Айтышев шагнул к столу главы.

– Выходит, знаешь насчёт кедрача? – Тон Петлёваного ему не понравился, но впечатление от встречи с чоповцами было сильнее. – Мы их вчера шуганули, так они сегодня с мордovorотами приехали, сволочи!..

– Погоди-погоди, кто – они?

– Кто ближний кедрач валит!.. Хотел поговорить – слушать не хотят! Есть в конце концов у нас власть в посёлке или нет?!

– Ты не горячись, Валерий Ильясovich. Успокойся. – Петлёванный поднялся с вишневого, богатого на вид кресла, протянул Айтышеву руку. – Присаживайся. Я вот что давно хочу спросить. Почему тебя всё время вперёд выставляют?.. Другие спокойно себе живут, в ус не дуют, а ты поперёд бабки в пекло, все шишки на тебя. Интересное кино получается, не задумывался?..

У Айтышева по жизни было так: человек ему сразу нравился или нет. Лицо, взгляд, как двигается, говорит – в чём дело, непонятно, но отношение определя-

лось сразу. И редко когда он ошибался. Что в детдоме, что в армии, что позже в экспедиции. Рано или поздно первое впечатление подтверждал сам человек. Айтышев где-то читал, так узнают друг друга животные. Даже в темноте. С одними они свои, с другими ничего хорошего быть не может.

Петлёванный ему не нравился. В девяностые был в экспедиции инженером по технике безопасности, а это слуга двух господ. Если по-настоящему следить, чтобы вышкари или бурильщики работали по правилам, получится итальянская забастовка, план никогда не сделать. Начальство (да и работяги тоже) будут недовольны – скажется на зарплате и премиальных. Инженер по технике безопасности оказывался между двух огней, при несчастных случаях в первую очередь спрашивали с него. Надо уметь продержаться в такой должности больше шести лет. И вот уже почти столько же Петлёванный был главой поселковой администрации.

Не дожидаясь от Айтышева ответа, Петлёванный подошёл к стене, где висела большая разноцветная карта посёлка. Судя по всему, собирался что-то на ней показывать. Он уже и отточенный карандаш в руки взял, и лицо к карте повернул, как вдруг быстро оглянулся на Айтышева:

– Ты Ивана Даниловича Батюшкова знал?.. Хороший был человек.

Айтышев молча кивнул. Хитрит Петлёванный, запутывает разговор, но Иван Данилович действительно был хороший мужик. Умер недавно. Пришёл с работы из ремонтных мастерских, опустился на лавочку возле своей «деревяшки» и вроде как задремал. Оказалось, сердце остановилось.

– То, что он сидел, знаешь? А за что, тоже знаешь?.. Так вот, раньше Иван Данилович был старшим мастером в леспромхозе, а о минерализованной полосе вокруг базы не позаботился. Хотя по должности полагалось. А тут жаркое лето, лес загорелся, сильный ветер – базы в пять минут не стало. Были жертвы, о технике не говорю... – Петлёванный пристально, с усмешкой смотрел на Айтышева. – Как думаешь, мне охота на зону? Вот так вот честно скажи, похож я на идиота? Я тебе верю, Валерий Ильясovich, ты мне прямо говори, в глаза!..

У Айтышева дрогнули ноздри. Разговаривает, будто перед ним недоделанный Лёня Соколкин. Или издевается. Раньше он взорвался бы, обложил по матушке и хлопнул дверью, но так ничего не добьёшься.

– Давай ближе к делу, Юрий Семёнович. Убирают ближний кедрач, а ты здесь...

– А разве я не о деле? – искренне удивился Петлёванный и даже слегка откинулся назад. – Посмотри на карту. Это наш посёлок к двадцатому году, перспективный план. Видишь, где границы проходят? Да ты ближе подойди, оттуда плохо видно!.. Границы, обрати внимание, отодвинутся метров на сто. В посёлке появится спортивный комплекс, культурно-досуговый центр, новая улица... Между прочим, планирую объявить конкурс на её название, так будет демократично. – Петлёванный доверительно подался к Айтышеву, понизил голос: – Ещё, конечно, КОСы нужны, канализационно-очистные сооружения то есть. Сам посуди, посёлок растёт, а жидкие бытовые отходы до сих пор сливаем в лесу. Разве это нормально? Экологию губим, о детях и внуках своих не думаем. Это ж потом в наши организмы с водой попадает, сами себя травим... Площадь под КОСы потребуется? Однозначно! Остальная инфраструктура?

Без вопросов! Короче, посёлок должен расширяться. Хочешь не хочешь, лес придётся отодвинуть, а как это сделать, если не вырубать?

– Кедрач ваяют, чтобы защитная полоса от огня была в случае чего? Так, что ли?

Петлёванный хлопнул ладонью об ладонь:

– В самую точку, Валерий Ильясович! Вот именно!.. Я не раз поднимал этот вопрос в районе. Очень рад, что наконец услышали. Зону мне топтать как-то неохота, сам понимаешь.

Сирена, заслушаешься!.. Олежка недавно готовился к истории, вслух читал про путешествие Одиссея. Айтышев усмехнулся:

– Когда он ещё будет, этот двадцатый год. Экспедиция на ладан дышит, люди из посёлка уезжают – какое расширение, какой перспективный план! Ты что мне лапшу вешаешь!..

Про лапшу он напрасно, Айтышев это понял, ещё не договорив. Но Петлёванный, похоже, не обратил внимания. Опустил глаза, сокрушённо покачал головой:

– От кого от кого, а от тебя, Ильясович, не ожидал. Не патриот ты, нет!.. Посёлок есть и будет. Здесь наши дети родились и выросли. Здесь наши лучшие годы прошли. В экспедиции дела поправятся, я в этом абсолютно уверен. Сейчас разрабатывается план поддержки геологоразведочной отрасли, обрати внимание, в масштабах страны! Первые лица государства понимают, без разведанных запасов перспективы у нефтяников и газовиков под вопросом. А это половина бюджетных поступлений. Да что я тебе говорю, сам телевизор смотришь!..

Айтышев поднялся, вполголоса, будто сам себе, сказал:

– Говорить они умеют. И обещать тоже. Что сейчас, что при советской власти...

Петлёванный отреагировал по-своему:

– Правильно, о перспективе нужно всегда думать. А то какая это власть? Население не поймёт.

– Ты мне, Юрий Семёнович, прямо скажи, будут продолжать валить кедрач или не будут?

– Так я же тебе всё обрисовал! – Петлёванный укоризненно склонил голову к плечу и раскинул в стороны руки, поражаясь непонятливости Айтышева. – Рисковать посёлком никак нельзя. Минерализованная полоса прокладывается с учётом перспективы. Или ты против, чтобы посёлок развивался?..

– Мы кедрач не дадим вырубать.

Петлёванный посмотрел себе под ноги, выдержал паузу.

– Кто это – мы? Что за альтернативная власть в посёлке появилась? Вас кто-то выбирал?.. Я тебя, конечно, уважаю, Валерий Ильясович, ты в экспедиции много лет проработал. Но не лишнее ли берёшь на себя? Так и надорваться можно. Решение принято, и оно будет выполняться.

– Кто принял? Чтобы вырубать, полагается тендер провести, а его не было.

– Об этом уж позволь тебе не докладывать. Вверху приняли. – И Петлёванный посмотрел на потолок.

Разговаривать дальше не имело смысла. Айтышев вышел из кабинета, изо всех сил стараясь не хлопнуть дверью.

Людмила и сын уже были дома, сидели у компьютера. Олежка повернул на встречу счастливое лицо:

– Пап, мы пятый уровень прошли! Четыре тысячи двести семьдесят три балла! Иди посмотри!..

Людмила была так увлечена, что даже не взглянула в его сторону. На дисплее какой-то уродец прыгал по конструкциям, похожим на недостроенный многоэтажный дом, взлетал и проваливался. Голубоватый свет компьютера лежал на Людмилином сосредоточенном лице.

Айтышев, не ответив сыну, принялся молча раздеваться. Ладно, пацан. А с какой стати пятидесятилетняя баба фигнёй занимается? Делать нечего, всё перестирано? Обед готов, полы пропылесосены, окна к весне вымыты?..

Нормальную жизнь игрой заменяют! Лишь бы не думать ни о чём, не видеть ничего! Не только Людмила с Олежкой – многие сейчас так, молодёжь особенно. Сплошная суходрочка!..

– Давай обедать.

Жена вздохнула и неохотно поднялась от компьютера. Олежка тотчас занял её место.

– Ты ел? Пошли тоже пообедаешь.

– Сейчас, сейчас... – Сын впился глазами в дисплей, рука сжала мышь.

Странно всё-таки. В молодости Людмила ловила каждое его слово, старалась угодить, хотя была с высшим образованием, а он простой работяга. Как она бросилась его защищать, когда отец пообещал перебить ноги, если он её тронет. Айтышев после армии учился в городе в школе буровых кадров, провожал Людмилу домой в частный сектор, остановились под её окнами. Тут хлопнула форточка вверху, высунулась лысая голова и понесла Айтышева по кочкам. Мужик разве что матом не ругался. Людмила не посмотрела, что отец, ответила так, что голова скрылась. Позже выяснилось, отец у неё фронтовик, контуженный.

Сейчас всё переменялось. Теперь уже он больше от неё зависит, а не наоборот. В собственной семье отодвинут в сторону. И незаметно как-то всё произошло, постепенно. Хотя и теперь он обеспечивает жену и сына, не говоря уж о времени, когда был вышкомонтажником.

– Опять суп? Я этих супов вот так наелся на вахте! Ты нормальный борщ свари, с капустой, со свёклой!..

Жена удивлённо взглянула:

– Сварю я тебе завтра борщ, успокойся.

– И слов таких чтоб я не слышал! Я спокоен!..

Из комнаты с компьютером прибежал Олежка, непонимающе уставился на родителей:

– Вы чего?

Айтышев рявкнул:

– Быстро за стол! Обнагел! Чтоб не видел я больше этих дебильных игр!.. Поешь – дневник покажи!

Он понимал, причина его гнева в другом. Но и домашних время от времени надо строить – не помешает, а то распустились! Сейчас это было особенно ясно.

После обеда Айтышев взял ручку, лист бумаги из поддона принтера, на котором Людмила распечатывала материалы к урокам, и сел за кухонный стол. На-

морщил лоб. Петлёванный делать ничего не хочет, надо обращаться в районную администрацию. Насчёт минерализованной полосы к двадцатому году – туфта. Кому-то понадобилась кедровая древесина, она ценная. Все, кто был вчера на гриве, письмо подпишут. Да и многие другие в посёлке тоже.

Казалось, всё понятно, яснее не бывает, но когда Айтышев принялся писать, выходило не то – неубедительно как-то. Он порвал листок и выбросил в мусорное ведро, взял новый. Но и на этом получилось хреново. Обращаться к Людмиле не хотелось, и он взял ещё листок. В конце концов всё-таки пошёл в комнату с телевизором, хмуро сказал сидевшей на диване жене:

– Пошли поможешь.

Людмила посмотрела сдержанно, но всё же поднялась и пошла следом на кухню. – Садись, письмо в район написать надо... Ближний кедрач валят, слышала, наверно? А зачем новая полоса, если старая есть? – заговорил он, понемногу заводясь опять. – Ты распорядись подрост вырубать регулярно – и все дела! Проблем-то! Когда ещё посёлок будут расширять, за десять лет планы сто раз переиграют!.. Зону он топтать не хочет! До двадцатого года собрался в своём красивом кресле сидеть!.. О кресле не пиши.

Жена остановила:

– Давай по порядку. Какая полоса, какой двадцатый год, какое кресло? И при чём здесь зона?..

Выслушав, неоднократно уточнив детали, Людмила полчаса сосредоточенно писала. Наконец прочла вслух, что получилось. Айтышев прищёлкнул пальцами – что надо! Как не крути, а высшее образование много значит. Жаль, у него возможности не было. Одной школой буровых кадров пришлось ограничиться.

– Молодец!

– Ну тебя, – отмахнулась жена.

Она ещё обижалась за недавнюю вспышку, хотя могла бы привыкнуть к его характеру. К тому же обижаться у него больше оснований...

– Давай текст на компьютере набери. Солидной смотреться будет. – Похвала всё-таки подействовала на Людмилу.

– Точно!..

Минут пятнадцать спустя она протянула листок с красивыми печатными строчками.

– У меня вопрос, Валера. – Людмила подняла к мужу лицо, прямо, требовательно посмотрела в глаза. – Оно тебе надо?

Айтышев не понял:

– То есть?

– Оно тебе надо, всё это? – повторила жена, не отводя серьёзного взгляда и тряхнув листком в руке. – Заикленный правдолюбец, ей-богу! Мало тебе гадостей из-за твоего характера делали? Квартиру не давали, с разрядом тянули, сейчас вообще сократили...

– Ты ещё вспомни, что до революции было.

Людмила шутки не приняла:

– Когда были молодые, я думала, ну, горячий, пройдёт. Потом думала, кризис среднего возраста. Сейчас-то чего? Пенсия на носу, успокойся! Что ты каждой бочке затычка!..

Айтышев, злобно взглянув на жену, выхватил листок. «Затычка»!.. Однако сдержал себя, не стал говорить то, что готово было сорваться с языка.

Овцы! Их стригут, ни в грош не ставят, а они ещё спасибо говорить готовы!..

5

Телёнок стоял, широко растопырив ноги и опустив голову. Вид у него был глупый. Корова телёнка вылизала, волнистые следы от языка всё ещё виднелись на коричневой щётке.

– Тёлочка, – сообщил довольный Кузьмич. – Я по-старому, в избу взял, по ночам ниже десяти опускаться. О, пруденит!..

Из телёнка в самом деле полилась струйка на сено в углу, где он стоял.

– Пошло пишеварение!..

Айтышев был весь в другом, но вспомнилось, как в детдоме пацаны подсматривали, когда в подсобном хозяйстве рожали коровы. Взрослые гнали их в шею, ругались, но пацанам было любопытно видеть, как из коровы лезет телёнок. Всё, связанное с э т и м, детдомовских жгуче интересовало. Ещё в школу не ходили, а уже заставляли девчонок снимать трусы и показывали пальцем: «Пирожок!»...

Айтышев усмехнулся. Барбосы! Но почему до сих пор ему нет покоя?..

– Ну-ка, что ты там намайстрячил? – Кузьмич вытер руки чистой тряпкой и взял обращение к главе районной администрации. Вспомнив, что нужны очки, опустил листок на стол, пошарил на подоконнике с геранью. – Ну-ка, ну-ка... А чего, толково, всё по делу. Мнение населения, с ним начальство должно считаться. Опять же выборы... Где подписать?

С обращением Айтышев обошёл всех, кто был вчера на гриве. Услышав, что Петлёванный в курсе и останавливать вырубку кедрача не собирается, подписывали. «К прокурору надо! Шахер-махер здесь! – заявила Валентина Галушко. – Столько лет ни о какой полосе не думали – и нате вам! Не верю я, другое что-то здесь, чувствую!»

В квартире у Валентины было влажно, как в бане – вся кухня завешена сохнувшим детским бельём. Недавно в семье родилась двойня. «Как с моим Галушкой помиримся, так трах – и новый короед!» – объясняла Валентина в посёлке. С двойней в семье стало шестеро детей. Мужа Валентины Айтышев хорошо знал, раньше работали в одной бригаде. Его, тщедушного и молчаливого, подначивали: не только умудряется уживаться с боевитой крупной Валентиной, но и столько детей настрогал. Хорошо, пока не сократили. Вот уж кому туго придётся, если кедрач вырубят. В конце августа у Галушко обычно начинались горячие дни. Орех, ягоду, грибы добывали всем кагалом, потом отвозили в город продавать.

Озадачил Иван Волобуев. Он тоже был на гриве, но подписывать не стал. Крутя в пальцах шариковую ручку, несколько раз прочёл обращение и дальше коридора пройти не пригласил. Отведя глаза, вернул листок и ручку. «Ты чего? Пусть вырубают, по-твоему?» – «Нет, я, конечно, за...» – «Тогда в чём дело? Почему не хочешь подписывать?» – уязвлённо стал наседать Айтышев. «Я в эти игры не играю». – «Тогда зачем приходил на гриву? Сидел бы себе дома!..». Иван усмехнулся: «За компанию и еврей повесился». Еврей нашёлся...

Волобуев был из тех поселковых мужиков, которые уволились, не дожидаясь

сокращения. Районная администрация давала ссуды, можно было открыть собственное дело, и Волобуев года два назад купил мини-пекарню. Бизнес однако не пошёл, он пробовал заниматься извозом на «газели», потом открыл парикмахерскую, где стригла и делала маникюр жена, сам ходил по посёлку, ремонтировал бытовую технику – всё без особого успеха. Возможно, потому, что в полутора часах езды находился город, где всё было дешевле. Айтышев краем уха слышал, сейчас Иван затевает какой-то новый бизнес.

– А чего здесь не понимать, – сказал Кузьмич, когда Айтышев рассказал о Волобуеве. – Очень даже понятно себя ведёт. Светиться человек не хочет, вдруг в администрации не понравится, что подписал. Денег не дадут... Хитрожопые, скажу тебе, люди, эти наши бизнесмены – и рыбку съест, и на хрен сесть! А может, наоборот, несчастные, кто знат... – Кузьмич почёсывал телёнку лоб, и сам жмурился от удовольствия. – Здесь, Валерка, вот какая штука. Лёня Соколкин приходил. Знаешь, чего предлагат? Давайте, говорит, подожду агрегат – ну, лесовалочный. Бензина просил.

– Серьёзно, что ли?

– Ну. Вроде как народный мститель.

Говорил это Кузьмич как бы с усмешкой, но что-то в его лице было, заставившее задержаться взгляд.

– А ты?

– Что – я?... Помнишь, читал тебе про одну никишкинскую тётку, она картошку отдала эвакуированным. Может, за счёт своей семьи других пожалела. Как ни крути, хорошее дело – вроде как жертва, когда всем одинаково хреново. Не важный сможет, потому и записываю в историю. – Кузьмич остановил на Айтышеве далёкие мечтательные глаза. – А хорошо было бы, а? Пострадал, чтобы другим была польза. По мне, такое должны помнить. У нас ведь как, умер человек – и забыли. Правильный был или так себе, неважно. Это нехорошо. О правильных должны помнить.

Айтышев нашёлся не сразу:

– Так Лёня с приветом. Зачем втягивать?

– Ты чего, Валерка! Кто говорит, что надо втягивать?... А с другой стороны, через двадцать лет никто знать не будет, какой он был. Останется только, жил такой Лёня Соколкин, сел в тюрьму, когда хотели наехать на малоимущих. Это будут помнить, кто с совестью, конечно. Вроде как маяк для других.

Шутит Кузьмич или говорит серьёзно, понять было трудно. Айтышев представил, как Соколкина с канистрой бензина скрутят мордovorоты из ЧОПа, с которыми он столкнулся утром. Ведь наверняка попадётся.

Кузьмич посмотрел на часы. Не ходики с гирей, как можно было бы ожидать в деревенском доме, а современные кварцевые, с надписью не по-русски.

– Ладно, тёлке исть пора. Пойду молозива нацежу... А насчёт Волобуевых подумаю, продавать им молоко или нет, Иван просил... Каждому по делам его.

В посёлке только у Кузьмича была корова. Претендентов же на настоящее молоко – не магазинное, в пакетах – было много. «Правильно!» – согласился про себя Айтышев.

– Ты как спишь? Нормально? – Кузьмич остановился в дверях. – Я полночи кручусь, заснуть не могу. Погода меняется, что ли? Беспокойно мне чего-то.

– Межсезонье скоро, потому. А может, полнолуние наступило. На небо не смотрел?

Кузьмич махнул рукой:

– Э, ты молодой, не понимаешь!.. Межсезонье у нас всю дорогу, что будет завтра, никогда не знаешь. Я не про посёлок – вообще про страну. Так что, не спать из-за этого?

«На философию деда потянуло, – подумал Айтышев. – Вон как повернул. Обобщает!».

Он тоже спал последнее время неважно, но объяснял это тем, что за две недели вахты ломался график. Дома только войдёшь в колею, спать начнёшь ночью, как опять надо на прежнее переходить. Дежурство на вахте четыре часа через четыре, спишь урывками.

Хотя было что-то ещё – смутное, сразу не объяснишь словами. Дело не только в кедраче. Прав Кузьмич – беспокойно как-то стало в последние годы, ненадёжно. Что-то должно случиться, так долго тянуться не может.

Встреча с Геннадием Николаевичем Ваулиным остановить его не могла, но душу царапнула. И сильно. Бывший технолог сидел у подъезда своей типовой двухэтажной «деревяшки» в инвалидном кресле на колёсиках и призывно взмахивал здоровой рукой. Был он бледный, правая половина лица съехала вниз, на голове зимняя шапка с опущенными ушами, хотя во всю светило солнце и на припёке у подъезда было тепло.

Подходить не хотелось. Тягостно было видеть в таком состоянии недавно ещё вполне здорового мужика, не дурака выпить и насчёт женщин. Но Айтышев Ваулина уважал и потому подошёл. Геннадий Николаевич протянул действующую руку, радостно замычал.

– О, сила есть! – сказал Айтышев, не сразу сообразив, что надо тоже здороваться левой рукой. – Дело, смотрю, на поправку, я правильно понимаю?

Геннадий Николаевич хотел что-то ответить, но у него не получалось. Он пробовал это сделать несколько раз, мучительно искажалась здоровая половина лица. Вторая была неподвижной, мёртвой, с красной изнанкой отставшего века и опустившейся половиной рта. Нужно было что-то говорить, и Айтышев сказал:

– Не всё сразу, Николаич. Придёшь в норму, мы с тобой ещё попаримся в моей баньке. И на грудь примем. Если в меру, это даже полезно, любой врач подтвердит.

Бывший технолог прекратил попытки что-то сказать, действующей рукой покачал: не могу. Получилось безнадежно.

– У него сейчас только мат хорошо выходит, – слышалось за спиной. С полной сумкой к подъезду шла жена Ваулина, наверно, из магазина. – Теперь мат у него на все случаи жизни. Доволен, не доволен, хорошо, плохо – пуляет только так... Ну что, погулял? Давай домой, хватит. Простынешь, мало мне с тобой мороки!..

Подобным тоном взрослые обычно разговаривают с надоевшим ребёнком. Айтышев давно подметил, отношение у здоровых к тем, кто долго болеет, пренебрежительно насмешливое. Ими тяготятся и не скрывают этого. Будто ещё недавно уважаемый человек стал недоумком и не достоин, чтобы относиться к нему нормально. Горько было думать, что такое может в любой момент слу-

читься с любым мужиком, пока ещё благополучным и вполне здоровым. С ним, Айтышевым, тоже.

Зачем тогда всё? Чего стоит? Все его, Валерия Айтышева, радости, недовольства, желания и заботы – сама жизнь?.. К чему?..

Отгалкиваясь от настила перед подъездом действующей ногой, Ваулин стал медленно двигаться к двери. На инвалидном кресле у него только так и получалось ехать, спиной вперед.

– Ладно выделываться! – одернула жена. – Самостоятельность он свою показывает!.. Валера, поможете на лестничную площадку поднять? Хорошо ещё, не на втором этаже живём, а то сидел бы всё время в четырёх стенах. Господи, когда это кончится!..

Айтышев завёл кресло в тамбур, ухватившись за дно и спинку, остро чувствуя запах чужого человека, поднял кресло на площадку. Геннадий Николаевич не смотрел на него, в позе было покорное безразличие, из скобочеченного рта текла слюна.

– Твою мать!.. – только и сказал Айтышев, выходя на улицу в яркий апрельский день, освобождённо вдыхая живой весенний воздух. Других слов у него сейчас не было. – Твою мать!..

## 6

Ночью мысли бывают странные, это он ещё на вахтах заметил. Особенно под утро. Айтышев закуривает на застеклённом балконе, прислушивается.

Люди в доме спят, это понятно, но и «деревяшка» их спит, как живая. Старое дерево потрескивает, словно дом ворочается во сне. В комнатах и коридорах застывший густой воздух. Чёрные окна похожи на глаза – закрыты, свет ни в одном не горит, на снег внизу не падает. Вещи в квартирах тоже спят, замерли на своих местах, притихли. А может, они думают – никто не знает, что вещи такое и как всё на самом деле. На стульях сидят, в шкафах одежда, в холодильнике еда, но есть что-то ещё, о чём в обычное время не думаешь. Под утро об этом начинаешь догадываться, если ночь не спал.

Айтышев не удивляется таким мыслям. Начало четвёртого, самое непонятное, мутное время в сутках.

Два прошлых дня мело, не скажешь, что середина апреля. На большой земле стали бы смеяться – вот так весна. Сейчас тихо, небо чистое, звёзды горят. Айтышеву представляется, как морозный воздух устремился мощным потоком с Ямала, накрыл лесотундру, клюквенные болота, урманы, весь их округ. Хлынул дальше на юг, в казахские степи. Всё представляется Айтышеву явственно, в красках, будто на цветной карте в конце «Новостей» по телевизору. Ещё явственнее – он всё это чувствует.

Пространство от Ледовитого океана до гор бывших советских республик сплошная низина, остановить холодный воздух нечему. Согретый в южных пустынях, он ринется, как по трубе, обратно, принесёт тепло. Снег растает в два-три дня. Потом всё повторится снова, опять ледяной воздух с Ямала, метели и мороз. Не зря звёзды мигают, ровно не светят – вверху что-то происходит, жди изменений. Метеозависимый стал, думает Айтышев, пятый десяток добиваю.

Не спится не только ему. Слышно, как открывается наружная дверь «дере-

вяшки», Айтышев открывает створку застеклённого балкона, смотрит вниз. Серёга Базанов, увалень под два метра. На плечах куртка, однако ноги в домашних тапочках. Вспыхивает зажигалка, Серёга закуривает.

– Ты куда? – сонно спрашивает Людмила, когда Айтышев проходит через комнату с белеющей постелью.

– На блядки.

– Ну-ну, – безразлично говорит Людмила, но голос у неё уже не такой сонный.

На крыльце Айтышев здороваётся с Базановым за руку. Нормальный мужик, тоже устроился на месторождение охранником, раньше работал бурильщиком. На крыльце заметно прохладней, чем на застеклённом балконе. Какое-то время молча курят.

– Давно тебя не было видно. Вахта?

– Мать ездил хоронить.

– Долго болела? – спрашивает Айтышев, выдержав паузу.

Огромный Серёга сутулится – от роста и оттого, что куртка то и дело норовит соскочить с плеч. Спокойным голосом отвечает:

– Все боятся рака, а она за неделю от пневмонии. Прохватило где-то.

Полагается ещё что-нибудь сказать, вслух посочувствовать, и Айтышев говорит:

– Сколько ей было?

– Семьдесят один в феврале исполнилось. – Базанов, видимо, повторял то, что уже десятки раз говорил. – Для женщины не много, это мужики редко доживают... Любила меня. Радовалась, когда звонил. Дома бегемотом звала. – И Серёга усмехается.

Своих родителей Айтышев не помнит – так, отдельные картинки. Худая женщина в линялом длинном платье отводит тыльной стороной руки волосы со лба, наклонилась над корытом со стиркой, на табуретке рядом большой кусок чёрного мыла. Наверно, мать, Айтышев не уверен. Ничего, связанного с отцом, в памяти вообще не осталось. Ещё помнится прокуренный общий вагон, люди ругаются из-за мест, Валерка напуган, плачет, какой-то мужчина протягивает ему красного петушка на палочке, говорит по-русски. И ещё: барак с толевой крышей в длинных рейках, яркая зелень двора, ребята подбрасывают вверх мяч, играют в «штандер», его не берут – маленький. Во всём бараке комары и постоянный рыбный запах.

– Помянем? – предлагает Базанов.

– Сейчас?..

– А что, мы на кухне, тихо.

Тот редкий случай, когда Айтышев не знает, что сказать. Пить не хочется, но отказываться неудобно, можешь соседа обидеть. Вроде как полагается.

На тесной кухне своей квартиры Серёга кажется ещё больше, двигается осторожно, боясь ненароком что-нибудь зацепить. «Бегемот», – вспоминает Айтышев. Серёга прикрывает кухонную дверь и достаёт из холодильника бутылку.

– Земля пухом... Да ты садись, Ильясович, не стоя же.

Выпить и сразу уйти нельзя, рюмок должно быть чётное число.

– Так-то я понимал, мать не вечная, головой готов был. А всё равно... Лежит,

молчит, на себя уже не похожа... – Серёга старается говорить тихо, повторяет сказанное на крыльце: – Очень любила меня, радовалась, когда звонил. А уж когда приезжал в отпуск... – Он пристально смотрит на Айтышева, медленно произносит: – По-настоящему нас любят только матери. Жена, дети, остальные – так, ерунда. Матери – да!

От Айтышева это далеко. Любила его мать или нет, он не знает. Звонить было некому, в отпуск приезжать некуда. В детдоме, когда подрос, узнал, отец и мать были вербованные, работали в рыболовецком колхозе на Иртыше. Оба утонули, запутавшись в сетях, во время путины. Родственников, желающих забрать его, не нашлось.

«Один по жизни! – думает Айтышев, когда выпивают ещё. И не знает, чего в нём сейчас больше, жалости к себе или гордости, что не сломался, стал нормальным человеком, хотя никто его не любил и не помогал. У детдомовских судьба по-разному складывалась. Дружок Лёшка Асабин, например, спился, хотя окончил техникум и преподавал в школе физкультуру. Сейчас, рассказывают, бомжует, зимой живёт в теплотрассе. – Один я по жизни!.. Сам!..»

– Слышал, у нас здесь с кедром заваруха. Типа, половину уже вырубил, – перевёл разговор на другое Базанов. Его грубое лицо с толстыми губами становится внимательным.

– Правильно слышал. Главное, за жабры никак их не возьмёшь – скользкие, суки!..

Айтышев пододвигает бутылку и сам себе наливает. Он понимает, что ведёт себя не так, как полагается, но остановиться не может. Базанов коротко смотрит на него. До выпивки Айтышев никогда жадным не был.

– Все вроде соглашаются, мы кругом правы, а ничего не меняется. Продолжают кедр валить, скоты!.. Будто ты в лесу заблудился, глотку дерёшь, надрываешься, а результат... Порядки, блин!

Не дело показывать своё состояние – если он дрогнул, чего от других ждать. Наоборот, надо подчеркивать, типа, всё будет хорошо, внушать людям оптимизм. Но эти мысли проходят краем, не они сейчас главное в Айтышеве. Требуется выговориться. И Айтышев продолжает говорить и пить, пить и говорить. Сколько это продолжается, он не знает. Время исчезает.

Как они оказываются на крыльце снова, он тоже не знает. Происходящее остаётся в голове кусками. Курят, на улице уже во всю светло, раннее розовое солнце лежит на голенастых соснах. Айтышев говорит, для убедительности берёт Серёгу Базанова за куртку и трясёт, тот, здоровенный, неловко ухмыляется. В конце концов уговаривает Айтышева идти домой, сам отводит.

– Господи! Где ты в такую рань успел?.. – говорит Людмила. Она уже поднялась, готовит Олежке завтрак.

– Всё путем, мать!.. Серёга, заходи, у меня тоже есть!..

Но Базанов порог не переступает, смотрит на Людмилу извиняющимися глазами, быстро уходит.

– Валера, ну нельзя же до такой степени, честное слово!.. Ложись спать давай.

Айтышев отводит её рукой, опускается на табуретку и молчит. Кладёт на столешницу сжатые кулаки, катает желваки. Людмила знает, лучше его сейчас не трогать и уходит с кухни. Слава богу, такое с мужем случается нечасто.

В субботу приехал Александр Михайлович, с ним была рыжая девочка лет десяти, дочь Аня. Раздеваясь в прихожей, Аня стреляла по сторонам глазами и совсем не смущалась незнакомых людей. На её сметанно белом лице, как часто бывает у рыжих детей, карие глаза казались особенно броскими, чёрными.

– Уговорила показать деревню, – Александр Михайлович с любящей снисходительностью смотрел на дочь. – Мы на озеро, а Олег тем временем... Олег, ты где? Сможешь поводить Аню по деревне?

– У нас посёлок, а не деревня, – послышался мрачный голос из-за двери в комнату с компьютером.

Аня бойко сказала:

– Он спрятался, потому что стесняется меня. Выходи, я не кусаюсь, честное слово! И не обижайся, пожалуйста, за деревню.

Все засмеялись. Да уж, такая не пропадёт!..

Людмила постаралась, стол получился богатый – выражала таким образом свою признательность за Генку-Рустама. У того после операции всё было нормально, уже вернулся домой. Пить однако перед рыбалкой не стали, это лучше делать после.

Наст был крепкий, искать снегоход, чтобы доставил к озеру, не понадобилось. Пошли пешком. Александр Михайлович сменил очки, надел тёмные – день, как и всё последнее время, был солнечный, наст горел холодным белым огнём.

– После института я работал в Якутии. Там ваш посёлок был бы центром мировой цивилизации. – Врач перехватил поудобней лямку своего рыбацкого ящика. – Кстати, клюкву не забыл? Проверим твою наживку. Я на всякий случай мотыля купил... Так вот, самое плохое время для охотников-якутов это когда наст и солнце. Светофильтры достать тогда было трудно, якуты сами себе очки мастерили. Технология элементарная. Берётся кожаная лента, подгоняется по голове, делаются прорези для глаз – и вперёд! Иначе ослепнуть можно, не до охоты.

– У здешних хантов тоже так было, мне рассказывали. Слушай, может, потому у всех у них глаза узкие, что щуриться всё время приходилось?

– А китайцы? У тех снега почти не бывает.

– Ну, может, от песчаных бурь щурились. У них есть большая пустыня, по телевизору показывали.

– Прочему тогда у арабов нормальные глаза? У них одна Аравийская пустыня чего стоит... – Александр Михайлович вдруг повернулся к Айтышеву. – Как думаешь, наши по посёлку пошли или у компьютера сидят? Я специально Аню взял с собой, чтобы побыла на воздухе, подышала фитонцидами.

– Не говори. Подсела молодёжь на компьютерные игры, они им жизнь заменяют. Ладно бы, молодёжь, моя Людмила тоже. Поверишь, до ругани иногда доходит...

Такие разговоры велись до самого озера. Айтышеву хотелось говорить о последних событиях, но врач сам не спрашивал, а с какой стати грузить человека.

Рассказать было что. Кроме письма в районную администрацию написали ещё в прокуратуру. Из администрации ответа пока не было, а от районного прокурора приезжал неприметный человек с серым, будто присыпанным пеплом лицом. Он походил между пнями расширяющейся с каждым днём вырубке, покивал на слова Айтышева, Кузьмича и ещё нескольких оказавшихся дома мужиков. «Нам что,

пикеты проводить, как шахтёры на Горбатом мосту? Под агрегат лечь?..» – «Это экстремизм. Есть статья», – сдержанно заметил человек из прокуратуры. «А что тогда делать? Они даже при вас продолжают! Незаконное ведь дело, самовольное!» – «Ждите решения» – «Сколько нам ждать?! Скоро от кедрача ничего не останется!» – «Давайте без эмоций».

Походив по гриве, понаблюдав за работой лесовалочного агрегата, человек из прокуратуры уехал. После его визита ничто не изменилось, кедрач продолжали валить.

Айтышев был недоволен собой. Мало того, что на выходе из посёлка не хотел, а всё же скосил глаза – на месте ли банька?.. Ведь запросто могут сжечь. Тот же упитанный директор с серьгой в ухе и полированными ногтями своих настропалит. Чтобы Айтышев не гнал волну и чтобы другим было неповадно. Может, он ещё кому-то на хвост наступил – погреть руки на денежном деле желающие всегда найдутся. Так что исполнители не проблема.

Но дело не только в этом. Раньше Айтышев и пикет организовал бы, и первый под траки лёг. Или поджёг бы ночью валочный агрегат, как Лёня Соколкин собирался. Он помнил волну победительной ярости, которая охватывала в молодости. Теперь осторожный слишком стал.

Ему, салаге, в первом карауле хотели устроить «присягу» – бляхой врезать несколько раз по заднице, чтобы синие звёзды остались. Практически все через это проходили. Кто добровольно не соглашался, наваливались всей караулкой, заламывали руки, унижительно ставили раком. Айтышев тогда бросился к оружейной пирамиде, выхватил АКМ, загнал рожок и сбил вниз предохранитель. «Оборзел, салага! Поставил автомат! Мухой!..» Чувствуя, как ощерились зубы, как ударила в голову кровь, он передёрнул затвор. Осталось нажать на спусковой крючок. Он готов был это сделать – и сделал бы, в караулке это поняли. «Оставьте его, – сказал сержант. – Он бешеный». Айтышева оба армейских года так и называли бешеным, старались не связываться.

Озеро угадывалось по ровной, без намётов поверхности. Кое-где чернели согнутые фигуры рыбаков. Александр Михайлович первым выбрал себе место, принялся разгребать снег, сам Айтышев пошёл дальше. Как всегда перед рыбалкой, приятно познабливало. Он просверлил лунку, насадил на жало мормышки отошедшую в кармане клюкву. Посмотрим!.. На клюкву ему самому ловить ещё не доводилось, только слышал от мужиков, что хорошо берёт окунь.

Не клевало. Айтышев играл удочкой, время от времени переставал, однако резиновый «кивок» оставался неподвижным. Он просверлил лунку на новом месте, но и там окуня не оказалось. Айтышев оглянулся на Александра Михайловича. Тот сосредоточенно склонился над своей лункой, ловится у него или нет, издали было не разобрать. Апрельское солнце понемногу двигалось по чистому небу, ощутимо пригревало спину даже сквозь тёплый комбинезон – память от работы вышкомонтажником.

Когда он перебрался на четвёртое или пятое место, глухо, под одеждой, заиграл телефон. Чертыхаясь, Айтышев долго доставал его.

– Валерий, нас приглашают на уху, – сказал Александр Михайлович. – Как думаешь?

Айтышев оглянулся. Рядом с врачом виднелась ещё одна далёкая фигурка.

Появляться с несколькими рыбёшками было стыдно, но по голосу Александра Михайловича ясно, тот не прочь принять приглашение.

– Ты на что ловишь? – стремительно подался к нему Федосов, когда Айтышев подошёл. Федосов, представитель энергетической компании, которой платили за электричество, был сравнительно новым человеком в посёлке. Но коммуникабельный, со всеми уже знаком и на «ты».

– На клюкву.

– И я на клюкву! Полным-полна коробочка, могу поделиться опытом!.. – так же стремительно, не договаривая слов, бросил Федосов.

К этому человеку нужно было привыкнуть. Быстро Федосов не только говорил, но и двигался, глаза ни на секунду не оставались спокойными, всё время сметливо прыгали. Казалось, там, где обычный человек проживает минуту, Федосов проживал несколько. Чем-то он напоминал хищно беспокойного соболя. Про Федосова говорили, что толковый, много знает, но по пьянке дурной.

– Секрет прост, я на вегетарианцев попал, а вы на плотоядных! Скажите спасибо, не обиделись, в лунку не утащили, клюква оскорбление для плотоядных!.. – Федосов не засмеялся, а лишь бегло, вскользь ухмыльнулся, будто думал в это время о чём-то ещё.

По тому, как весомо и прочно стоял на насте его рыбацкий ящик, было ясно, Федосову действительно повезло больше. В ловле на клюкву, похоже, существовала какая-то тонкость, Айтышеву неизвестная.

– Ну что, ко мне на дачу, господа офицеры? Уху сварим, водочки выпьем – мужская компания, святое дело, в субботу сам бог велел! Михалыч, велел тебе твой бог в шабат или как?..

Оказалось, Федосов не так давно тоже был пациентом Александра Михайловича. Аппендикс, отсюда и знакомство.

– Ну, что, мужики, по коням? Здесь у меня на тройную уху хватит, слово джентльмена!..

Без особого желания Айтышев двинулся за Федосовым и врачом. Минули слепящую поверхность занесённого озера, свернули на дорогу к дачным участкам. Она была основательно перемолота. Вместо наста – весенний крупчатый снег, а сверху по отпечатавшимся, прессованным следам крупных протекторов, похоже, прошли волоком брёвна.

– Строится кто-то? – поинтересовался Айтышев, всматриваясь вглубь участков, где находилась его банька. Отсюда уже было всё хорошо видно. Зимой он банькой почти не пользовался – участки заносило снегом, не пройти и воды не подвезти.

Цела, слава богу!..

Вместе с облегчением Айтышев почувствовал и досаду. Что-то было не так, слишком гладко всё шло. В телевизионных сериалах такому, как он, давно бы устроили подлянку. По телефону бы, например, угрожали, подстергли бы в подъезде, машину сожгли или ту же баньку.

По телефону – ладно, от стационарного они с Людмилой давно отказались, а на мобильник звонить значит засветиться, оставить свой номер. Но почему с остальным тихо, не достают? Хорошо, конечно, что не достают, однако Айтышев чувствовал себя уязвлённым. Его не принимают всерьёз? Считают безобидным треплом?..

На вопрос о строительстве Федосов ухмыльнулся:

– Ванятки Волобуева дела. Он каждый день лес возит, бизнесмен наш неутомный.

– Откуда? – Айтышев задержал на Федосове взгляд. Не потому, что тот по неизвестной причине всё время ерничал. С недавних пор в посёлке можно было видеть свежие, пахнущие корой и скипидаром брёвна. Мужики тоже откуда-то возили.

– А кто его знает, Ванятка конспиратор известный. Говорит, бани на продажу буду строить, в городе на них, говорит, огромный спрос, настоящий бум, можно сказать!..

Дача Федосова напоминала скворечник, однако внутри оказалась довольно просторной. А главное, к ней было подведено электричество. «Ещё бы, – хмыкнул про себя Айтышев. – Своя рука владыка!». В его баньке приходилось пользоваться аккумуляторным фонарём.

Уху решили варить по-хантыйски. Окуней не чистили и не потрошили, лишь выдавили содержимое кишечника. На даче у Федосова оказалось всё необходимое, вплоть до рюмок. Когда выпили по первой, Александр Михайлович сдержанно удивился:

– Если ближе к городу, бомжи давно всё вынесли бы. В том числе вилки и ложки. Почему нет – цветной лом.

– Здесь не балуют, здесь отношения патриархальные, – отозвался Федосов, проворно снимая с окуня кожу вместе с чешуей. Тут же с удовольствием облизал пальцы. – Другой вопрос, надолго ли. Прогресс штука такая, не все ещё на этот счёт въехали. Ждать манны небесной сейчас не приходится. Это коммунисты обещаниями избаловали, светлое будущее и всё такое, вперёд и выше!.. Ладно, как там народная мудрость гласит, между первой и второй промежутки небольшой. Разлили и погнали!..

Раньше среди окончивших институты людей Айтышев чувствовал себя не в своей тарелке. Не то чтобы тушевался, но неуверенность была. Однако со временем понял, основа у всех одна, мужику с мужиком всегда найдётся о чём поговорить. А то, что один умнее, а другой глупее – от образования или должности не так уж и зависит. Особенно это было заметно по женщинам, соберутся, по разговорам не различишь, где директор школы, а где техничка.

И всё же к людям с высшим образованием Айтышев относился с уважением. Потому промолчал, когда Федосов заговорил о нём так, будто его рядом не было.

– Взять хотя бы этот персонаж. Наверняка не знает о Канте, даже имени не слышал, а пожалуйста!.. – Федосов, не глядя на Айтышева, ткнул в его сторону пальцем. – Звёздное небо над головой и нравственный закон внутри нас. Хорошо? Это как сказать! Когда у нас герр Иммануил жил? Во-о-т, восемнадцатый век! А сейчас какой, где поправочка на время, спрашиваю я вас, господа офицеры? Или всё остановилось, до основы дошли, постигли и poznали, дальше яйца не пускают?

Айтышев весело посмотрел на Александра Михайловича. Ну и разговоры! И выпил-то Федосов немного. Но врач, не отозвавшись на взгляд, с невинным видом спросил:

– Что, и звёздного неба уже нет?

– Ладно тебе, Михалыч, ты всё прекрасно понимаешь, не придуривайся!.. Вот он бьётся за кедр, посёлок на уши поставил, а что можно сделать, если страна объявлена зоной свободной охоты? Власть сказала, ребята, дерзайте, кто может – проблем не будет! Какой на хрен нравственный закон, с чем его едят! Самому подставляться? Персонаж ссыт против ветра, а это накладно – брызги летят, вонять будешь!..

Александр Михайловичу, похоже, стало неловко. Словно извиняясь за Федосова, он взглянул на Айтышева и хотел что-то сказать, но Федосов не дал.

– Стой, Михалыч, стой! Знаешь, что американцы говорят? Их философы, имею в виду. Универсальной истины нет, в смысле, одной на все времена. То, что оправдывается на деле, – и есть истина! Здесь и сейчас. Сегодня такая, завтра другая, послезавтра третья, главное, чтобы результат был, остальное – бла-бла! Сотрясение воздуха!..

Прыгая глазами, беспрестанно меняясь в лице, выплёвывая на стол кости, Федосов принялся рассказывать о городке, где раньше жил. У них было градообразующее предприятие, выпускавшее химудобрения. Во время перестройки удалось добиться его закрытия – в городке росла детская смертность и число выкидышей. Возглавлял движение учитель биологии, хороший знакомый Федосова. При Ельцине учителя избрали председателем горисполкома, потом мэром. Когда началась приватизация, предприятие открыли опять, у мэра оказался контрольный пакет акций. Детская смертность и число выкидышей снова подскочили, но речи о закрытии больше не шло.

Айтышев спросил:

– Это ты к чему? – Сидеть и молча слушать, как разглагольствует Федосов, было неприятно.

Тот на него не взглянул. Продолжал с таким напором, будто убеждал не его с Александром Михайловичем, а кого-то ещё:

– Философия времени следующая: урви, возьми, стань богатым! Как – неважно! Россия зона свободной охоты. И не надо на Путина всё сваливать, не надо! Он развал страны остановил, уже за одно это ему памятник из золота надо поставить. При коммунистах кто-нибудь вякнул бы насчёт кедров? Да никогда! Валят – значит, так надо. Не наше дело, государству виднее. Сейчас хотя бы можно возникать, мнение своё...

– А васька слушает да ест, – вставил Александр Михайлович и осторожно улыбнулся. После водки лицо у него всегда краснело, но как-то необычно, пятнами.

– И хрен с васькой, пусть ест! Россия по-другому существовать не может. Коррупция, чиновники, суды – да хрен с ними! На нашей почве другие овощи не произрастают. Убери – рассыплется всё к чертовой матери! Для другого содержания другая форма понадобится. Понимаешь ты это, пролетарий? – Федосов неожиданно повернулся к Айтышеву, упёрся в него злым взглядом. Сейчас он особенно был похож на беспокойно хищного соболя. – Героем себя чувствуешь? Все вокруг в говне, а ты в белом? Включи мозги, если они у тебя есть. Хочешь, чтобы страна развалилась на двадцать или там тридцать огрызков? Что тебе дороже, Россия или Кант сраный?..

Федосов явно нарывался, но Айтышев отвечать не стал. Выпрямившись, за-

стыл с неподвижным лицом. Он насторожился ещё тогда, когда пол под ногами стал мелко дрожать. А когда в дощатые стены дачи принялся туго бить звук мощного двигателя, быстро поднялся и вышел за дверь.

Федосов сказал правду. Могучий К-701 тянул связку строевого леса. В кабине, неотрывно глядя перед собой, сидел Иван Волобуев. Айтышева он не увидел, хотя дверь дачи выходила прямо на улицу.

Насчёт тягача Иван мог с поселковым цехом ЖКХ договориться. А откуда брёвна? Неужели?..

– Какое на хрен гражданское общество! Развалится всё к чёртовой матери! – горячился Федосов, когда Айтышев вернулся в помещение. Александр Михайлович слушал, уклончиво отведя глаза. – Повторяю для тупых, новому содержанию понадобится новая форма! Знаешь китайское проклятие: чтоб ты жил в эпоху перемен? Хватит, ребята, сыты! Приспосабливайся, а не залупайся, слышишь, пролетарий? Что, самый честный? Рухнет страна – всем песец! Ориентируйся, поимей для себя! Думаешь, я от радости это говорю, кайф ловлю? Хрен вам!.. – Федосов на секунду умолк, потом с обидой сказал: – Ладно, он пролетарий, но ты-то, Михалыч!.. Странно, приходится объяснять элементарные вещи аиду. Честно говоря, я о вашем племени был лучшего мнения.

Терпеливая снисходительность на лице врача перешла в смущение. Что такое «айд», Айтышев не знал, но тон Федосова ему давно не нравился. Хамски себя ведет, неуважительно. И матерится не по делу. Небольшой, но начальник, так следи за собой, держи в руках.

– Ты своих детей тоже этому учишь? – спросил он, чувствуя, как внутри начинает полузабыто подрагивать.

Федосов вскинулся:

– А что, пусть неудачниками станут, лузерами?.. Спасибо, батяня, за подготовку к жизни! Новое поколение должно быть другими, а то не выживут. Это вам всё равно, недолго осталось, скоро лапты склеите. Будет тогда вам и нравственный закон, и звёздное небо, и кофий с какао в постель по утрам!..

Очень хотелось ему врезать. Айтышев даже знал, куда ударит. Но ни лежачего, ни сидячего нельзя, это он ещё в детдоме усвоил. Запало.

– Ну-ка, встань.

– Валерий, Валерий! – быстро всё поняв, Александр Михайлович поднялся, раскинул руки. – Да вы что, взрослые люди! Брось, Валера, мы в гостях!..

– В гробу я такого хозяина видел. – Айтышев с трудом оторвал взгляд от челюсти Федосова. Действительно, дурак дураком, когда выпьет. Зря они пошли к нему. – Ладно, Саш, ты как хочешь, а я домой.

Врач догнал его уже в посёлке. Сказал сквозь одышку:

– Вот такая судьба. А на вид вполне благополучный человек.

– Обычный болтун и демагог, – бросил на ходу Айтышев. – Член правящей партии. Сейчас всё начальство там, как раньше в КПСС.

Александр Михайлович мягко возразил:

– Не всё так просто, Валера. Он мне рассказывал о себе. С этим мэром они были друзья, это потом ему пришлось уехать в нашу тмутаракань. По сути, бежал. Попробовал, как в перестройку, поднять волну, чтобы завод закрыть. А поезд ушёл... Дело на него завели, экстремизм, подстрекательство и всё такое.

Сам понимаешь, как это сейчас делается... В общем, разное в его биографии было.

Айтышев помолчал. Потом сказал:

– А я думаю, кается. Испугался, что не так себя вёл.

Александр Михайлович, о чём-то, видимо, подумав, пристально посмотрел на Айтышева. Но говорить ничего не стал.

7

В день собрания он выходит из дома за час до начала. Усидеть в четырёх стенах невозможно, внутри у Айтышева работает бешеный моторчик – с самого утра, когда оператор валочной машины предложил брёвна. Если не двигаться, не идти куда-то, не перекинуться с кем-нибудь словом, моторчик внутри пойдёт вразнос.

– Не забыла? – говорит он и строго смотрит на Людмилу.

– Что я должна не забыть? – не сразу отвечает жена и отводит глаза. Она прекрасно понимает, о чём речь, и только делает вид, что не догадывается.

– Ты это брось! – Лицо у Айтышева темнеет. Он знает, откуда это недоумение, и ему в очередной раз становится досадно. Как всё-таки жена переменялась в последнее время! До неё никак не дойдёт, что дело серьёзное. – В случае чего оденешь, в чём в лес хожу. Никаких костюмов. На ноги – унты. Поняла?

– Весной – унты?..

– Не твоё дело.

Жена смотрит на него и разве что не качает головой.

– Опять собрался людям глаза открывать? Ещё не надоело?.. Что ты меня позоришь? – Не будь она учительницей, начала бы кричать. Но в Людмилином голосе только усталость.

Айтышев не считает нужным отвечать. Баба, хоть и с высшим образованием. Для них главное, чтобы в гнезде было хорошо, остальное – по барабану. И супружеский долг не выполняет.

На дворе опять солнце, голубой апрельский воздух, вытаявшая бетонка улицы. Но Айтышев почти не замечает этого – всё мимо. Мимо и первая невестка Светка, которая гуляет с Аришкой по уже подсохшим кое-где плитам. На внучке пуховый комбинезон, их с Людмилой подарок ко дню рождения. Айтышев наклоняется к внучке, заговаривает, фигуристая Светка смотрит косо – считает, что развёл их с Генкой он. Дура, из-за одной Аришки не стал бы! Он всю жизнь хотел дочку, а родились ребята.

Но и об Аришке он думает сейчас мельком, невнимательно. А когда видит машущего от своего подъезда здоровой рукой бывшего технолога Ваулина, отворачивает лицо. Не нужна ему сейчас эта встреча, размагнитит, собьёт настрой. Жизнь в любой момент может превратить тебя в слюнявого идиота, это так, хотя неправильно и горько. Но пока здоров – живи, не прогибайся, держись! А что будет потом – то будет, здесь уж от тебя не зависит.

О чём-то подобном он уже догадывался. Иван Волобуев со своим баннным бизнесом, свежие хлысты по посёлку, ещё этот оператор в оранжевом комбинезоне сегодня утром... Поэтому не особенно удивляется, увидев возле Кузьмичёвых ворот десяток брёвен с медового цвета свежими спилами.

– Хороши? Первый сорт, прогонисты! – довольно говорит Кузьмич, появляясь из-за высокой глухой калитки. Смущения ни в голосе, ни в лице его не заметно.

Выступить на собрании Кузьмич теперь не станет – купили! – хотя Айтышев на него рассчитывал. И оттого, что Кузьмич неловкости не чувствует, Айтышев играет желваками.

– Нам что, от кедрача вообще ничего?.. – Кузьмич вроде бы оправдывается, но не очень. – Мне в стайке нижни венцы менять надо, а тут бесплатно предлагают. Отказываться, что ли?

Айтышев не отвечает. Сколько раз его в жизни подставляли, а всё тяжело, будто впервые.

Возле крыльца дома культуры несколько чёрных иномарок – районное начальство уже прибыло. Здесь же милицейские «газели». Как водится, сначала пошли по посёлку. Цех ЖКХ, врачебная амбулатория, школа, детский сад «Солнышко»... Пообщаться с бюджетниками перед скорыми муниципальными выборами начальству не помешает. Не обойдут и экспедицию, но только офис – там уже чужая епархия, районному начальству не подвластная... Айтышеву всё это давно знакомо.

Он поднимается по крыльцу дома культуры, сдает в гардероб куртку, хотя раздеваться здесь не принято – ДК холодный, строился давно, чуть ли ещё не при Свиридове, с печным отоплением. Но Айтышеву важно, чтобы была видна его медаль за освоение недр Западной Сибири. Он здороваётся со знакомыми, отвечает на шутки, но опять всё вскользь, невнимательно, моторчик внутри продолжает бешено крутиться.

– Здравствуйте, – подходит к нему девушка с микрофоном. – Я корреспондент районного телевидения. Вы не смогли бы рассказать для нашей аудитории о нынешнем дне посёлка? Людям важно мнение заслуженного человека.

Вслед за девушкой проталкивается парень с камерой на плече, бросает на корреспондента взгляд – готов работать.

Айтышев хмыкает. На такое внимание к своей медали он не рассчитывал, она для своих. Лестно, конечно, но вряд ли станут эти ребята кусать кормящую руку. Хотя все может быть, не один же он такой.

– Предлагаю после собрания, – дипломатично говорит Айтышев. – Отвечу на любые ваши вопросы. Только уж не забудьте, ладно?

На лице девушки лёгкое разочарование.

– Хорошо. – И она ищет глазами, к кому из поселковых можно ещё подойти.

Рядом с Айтышевым появляется и как ни в чём не бывало протягивает руку Федосов. Айтышев удивляется, такому плюю в глаза – ему божья роса!.. Людей в вестибюле прибывает, обычно на собрание идут не очень охотно, но сейчас всех интересует будущее экспедиции. Может, районное начальство сообщит что-нибудь обнадеживающее.

Петлёванный постарался, дал ценное указание. Вдоль стен выездная торговля, как бывает только в дни выборов. За лотком с выпечкой, соками и шоколадками Айтышев видит Генку. Торгует, не стесняется, хотя это не мужское дело. И совсем ни к чему расшитая серебром бархатная национальная шапочка на голове.

– А где Альфия?

– На сохранение положили, вчера отвёз... Что будешь, ата? Рекомендую тёмный шоколад, московская фабрика, отменное качество.

– Ата... – Айтышев хмыкает. – Сейчас видел Аришку, красивая девка растёт.

– У нас парень будет.

– Батыр.

– Да, батыр, – серьёзно соглашается Генка.

Выездная торговля не единственная новость. Айтышев подходит к зеркалу, чтобы посмотреть, не скособочилась ли медаль, и видит в нём Валентину Галушко. Оборачивается. Валентина вышла из кабинета заведующей домом культуры, на руках у неё двойняшки. Лицо покраснелось, глаза далёкие, рассеянные – Валентина вся ещё там, в кабинете.

Оказывается, туда целая очередь. Приём по личным вопросам?.. Раньше его проводили отдельно, специально приезжали работники администрации. Решили на этот раз провести перед собранием. Чтобы меньше крика и претензий на собрании?.. Грамотно. Но для Айтышева плохо.

– Ой, не знаю! Ничего не знаю!.. – громко, на весь вестибюль делится Галушко. – Обещать-то обещают, сочувствуют, а как на деле будет? Восемь человек в трёхкомнатной, на головах друг у друга! Разве нет пустых квартир в посёлке? Да полно, сколько народу уехало!.. Ипотеку я не потяну, пусть помогают, будущих налогоплательщиков воспитываю!..

Валентина почти кричит, но больше по привычке. Похоже, в кабинете она добилась своего. Не сбавляя голоса, с детьми под мышками (так нести удобней) она уходит из дома культуры.

Ещё один человек минус, отмечает Айтышев.

Зато есть люди, которых лучше бы здесь не было. Нарядно одетые сотрудницы ДК начинают приглашать всех в зал, и тут из задвигавшейся толпы появляется Лёня Соколкин. Он хватает Айтышева за руку, принимается с жаром трясти.

– Молодец! Молодец!..

Лицо у Лёни сияет, глаза безумные, руку он трясёт так, что того гляди оторвёт. Айтышев выдёргивает её, косится по сторонам, заметил ли кто. Хорош единомышленник!.. В зале он говорит пытающемуся сесть рядом Лёне:

– Здесь занято. Здесь тоже. Иди на задние ряды.

Первому, естественно, дают слово главе районной администрации. Тот начинает рассказывать, сколько за последние четыре года построено и отремонтировано в районе жилья, в каких населённых пунктах введены водоочистные комплексы и КОСы, сколько проложено километров подъездных дорог и каких успехов добились спортсмены. Конечно, о патриотическом воспитании молодёжи тоже.

Глава районной администрации моложав, раньше возглавлял газоперерабатывающий завод. Это его первый срок в должности, но, похоже, не последний. Говорит глава и об их посёлке. Один из самых живописных населённых пунктов района – вековая тайга, река, озёра, отличная экология. Нет проблем с жильём, а это в районе редкость, в хорошем состоянии школа и детский сад. Но дом культуры до сих пор без централизованного отопления, это плохо. В ближайшее время вопрос будет решен, средства выделены, есть фирма, которая готова их освоить. Выделаны средства и на проектирование участковой боль-

ницы, врачебная амбулатория для такого посёлка вчерашний день. Тоже есть фирма, которая освоит выделенные средства. Администрация знает о ситуации, в которой находится экспедиция, и готова помочь тем, кто хочет открыть собственное дело. Малый бизнес – резерв, который необходимо задействовать, это рабочие места и поступления в бюджет.

– Если есть вопросы, я готов ответить, – заключает выступление глава и внимательным взглядом обводит зал. – Пожалуйста.

Какое-то время тихо. Это потом люди разойдутся, а пока начинать первым никто не решается. «Давай!» – командует себе Айтышев и поднимается.

– Вы так хорошо рассказали о посёлке, будто мы не живём здесь, а прилетели с Марса. Большое вам спасибо!..

Айтышев чувствует, как замер зал, не зная, как реагировать, шутка это или издёвка. Видит подавшегося к главе района и что-то тихо говорящего ему Петлёваного. Петлёваный тоже в президиуме – сидит, как полагается на таком собрании, по правую руку от главы.

Айтышев ощущает в себе такие уверенность и силу, что пальцы, сжавшие спинку кресла впереди, продавливают дерматин, проваливаются сквозь него и поролон до металлической основы. «Спокойно! – радостно сдерживает он себя.

– Спокойно!..»

– Давайте по существу, – говорит глава.

– Хорошо, по существу. Меня интересует, почему районная администрация не считается с мнением людей? Две недели назад мы написали коллективное письмо, реакция – ноль! Мы обращались в прокуратуру, реакция – ноль! Почему так, хочу знать?.. Вы красиво говорите про экологию, а у нас рубят кедр, больше половины уже вырубил. Как людям жить? Как жить малоимущим? Вы знаете положение с заказами в экспедиции, скоро мы все малоимущими станем. Почему не можете остановить жуликов? У вас власть!..

Айтышев поворачивается к залу. Он обойдётся без купленных и хитрожопых, но интересно знать, как остальные относятся к его словам. У большинства лица внимательные, сочувствующие, но есть и насмешливые. Некоторые смотрят безразлично – этим всё равно, справедливость им до фени. Кузьмича не видно, может, вообще не пришёл на собрание. Иван Волобуев сидит с постным выражением, смотрит прямо перед собой. Федосов прикипел глазами, подался вперёд, его хищноватое быстрое лицо заострилось ещё больше. Всплывают слова Александра Михайловича, когда они возвращались с дачи. О бывшем перестройщике, дорвавшемся до власти. «Точно! – озаряет Айтышева – Точно!..»

– Или вы не хотите ничего делать и специально не останавливаете? У самих рыло в пушку, акционеры этого самого ЗАО, которое валит кедр?.. А что, дело выгодное, кедровая древесина дорогая!.. Или откат отработываете, что разрешили? Чего молчите? Люди должны знать, кому спасибо сказать, в ножки кланяться!..

Теперь уже оглядываются на него. Весь первый ряд в зале занимает милиция, в основном это немолодые, с животами майоры и подполковники. Всё, что происходит вокруг, Айтышеву врезается в память сейчас отчётливо и остро. В президиуме директор экспедиции тоже. Приблизив к главе района лицо в очках, что-то говорит, как недавно Петлёваный. И этот характеризует. Как – понятно.

– Вы говорите общие слова. Вы кого конкретно обвиняете?

– Вас! Вы руководитель, вы должны отвечать за то, что происходит в районе. Развели коррупцию, сволочи продажные!..

Зал и раньше тихий, замирает. Такие слова начальству... В этой тишине слова главы района звучат особенно веско:

– Ваши обвинения в мой адрес безосновательны. Я подам на вас в суд за клевету и оскорбление.

Ответить Айтышев не успевает.

– На меня подайте в суд! На меня!.. – громко заявляет в дверях Валентина Галушко. И проходит в зал, останавливается перед сценой. Она отнесла детей домой и вернулась. Для Айтышева это приятная неожиданность. – Из комиссии уже приезжали, типа, мало у меня на одного ребёнка приходится. Заберём, говорят, в приют. Я при всех предупреждаю, ещё раз приедут – убью! Где это видано, у матери детей забирать! Сажайте!.. Раньше ореха наколотим, грибов наберём, ягоду, а сейчас чего? Куда идти, где брать? Валерка Айтышев правильно говорит – как нам жить? Это ещё муж работает, а сократят?..

Айтышев подхватывает:

– Почему нельзя ничего добиться? Почему? Вон сидит с вами рядом, глазки опустил. Имущество экспедиции втихаря распродаёт, назначил себе зарплату, столько целая бригада не получает. Почему? Где справедливость?

– Правильно! – опять вступает Валентина. – Поносите советскую власть, а сами? Зажрались! По карманам всё рассовываете, вы ещё хуже!

– Что им наше мнение? С них как с гуся вода. – И Айтышев опять поворачивается к залу, повторяет недавно слышанное. Оно ему кажется сейчас таким горьким и точным: – А васька слушает да ест!

– Верно, слушает и ест. Никак не нажрётся, – замечает кто-то на задних рядах.

– Порву!.. – вдруг раздаётся в зале. Это кричит Лёня Соколкин. – Медведев сказал, Путин сказал!.. Бороться!.. Коррупция!.. Калёным железом! Покажите мне!.. Медведев, Путин!.. Порву!..

С первого ряда на Лёню поначалу оглядываются с ухмылкой. Вот дурачок, всерьёз принимает кремлёвские речи... Но ухмылки скоро исчезают. Вид у Лёни дикий. Те, кто сидит рядом с ним, отшатываются в стороны. Лёня продолжает несвязно выкрикивать, его пытаются успокоить. Наконец два милиционера помоложе направляются к Соколкину, выводят из зала.

– Вызовите медика, – распоряжается глава районной администрации, поднявшись и зачем-то одёргивая пиджак. Он неодобрительно смотрит на Валентину и Айтышева. – Критиковать все имеют право. Но надо иметь в виду, в зале могут находиться нездоровые люди... Какие ещё будут вопросы? Задавайте, я потом отвечу на все по очереди.

Айтышев не согласен. Приём известный, хочет заболтать, спустить на тормозах.

– А зачем откладывать? Отвечайте сейчас, мы хотим знать, почему администрация не реагирует на коллективное письмо! – Полузабытое победительное чувство несёт Айтышева, он знает, от его напора и воли многое теперь зависит. Практически, всё.

– Вот именно! – подхватывает Валентина. Но женщина есть женщина, сбивается на своё: – Пособие на детей слёзы, материнский капитал трогать нельзя, а

как растить детей? Вы в магазинах давно были? Зайдите, поинтересуйтесь! Или у жены спросите. Сейчас что на взрослого купить, что на ребёнка – цена одна! Демографию они поднимают, рождаемость увеличивают!..

Одни в зале поддерживают её, другие хотят знать, что будет с экспедицией. Айтышеву и Валентине это тоже интересно, и они на время замолкают.

Ничего нового. Глава поднимал вопрос перед губернатором, но нефтедобывающие компании давно уже коммерческие структуры, заставлять их делать заказы на разведочное бурение значит идти против принципов рыночной экономики. В Совете Федерации есть депутат от региона, он лоббирует государственное финансирование геологии. Наметились кое-какие сдвиги в этом вопросе.

Зал молчит. Хорошего мало.

– Надо рвать когти, – раздумчиво говорит кто-то. То ли шутит, то ли всерьёз. Наверно, молодой. А куда уедешь, если семейный, здесь квартира и другой профессии нет?..

Глава администрации старается не упускать инициативы. Обещает сделать всё, что от него зависит. Снова предлагает желающим заняться малым бизнесом, открыть собственное дело. Поворачивает голову к директору экспедиции, может, тот хочет что-то сказать. Но директор опускает очкастое лицо, смотрит в стол и молчит. Его должность от выборов не зависит.

Поступают вопросы о тарифах ЖКХ, вопросы помельче. Генкин тесть, бывший заведующий орсовским магазином, а теперь его владелец, предлагает построить в посёлке мечеть. Он круглолиц, курнос, со светлыми волосами – не скажешь, что татарин. Наверно, казанский. Как обычно, жалуются на качество воды. Когда начнётся строительство КОСов? Жидкие бытовые отходы сливают за посёлком, загадили лес. Правда ли, что после выборов вырастут цены на автобусные билеты до города?..

Всё, как всегда. Кое-где люди уже поднимаются и, стараясь не обращать на себя внимания, потихоньку выходят из зала.

Когда глава администрации начинает отвечать на поступившие вопросы, Айтышев следит за каждым словом. Его непримиримость и сила должны передаться другим. Как только в словах главы появляется пауза, он тотчас вклинивается. В голосе такой накал, что собравшиеся было уходить останавливаются в дверях.

– Прежде всего, я хочу поблагодарить вас... – неожиданно заявляет глава района и смотрит в листок перед собой. – Валерий Ильясович. Поблагодарить за то, что вы неравнодушный, болеющий человек. Что близко к сердцу принимаете всё происходящее в посёлке. – Лицо главы администрации озабоченно-серьёзное. – Я взял на заметку ваши вопросы. То, что с кедрачом происходит, безобразие, если соответствует действительности на самом деле. Я сейчас не готов ответить по существу, мне понадобится день-два, чтобы разобраться и наказать виновных, если такие окажутся.

Айтышев не знает, как отнестись к этим словам. Хитрит? Хочет сбить градус?.. На всякий случай заявляет:

– Я сказал правду. Можем пойти прямо сейчас на гриву, сами убедитесь. Предупреждаю, если валить кедрач не перестанут, я подам в суд. Конкретно на вас! Вы покрываете коррупцию. Пилите бюджет и за откаты подкармливаете нужные фирмы!..

Последние слова говорятся почти наугад, хотя некоторые детали доклада главы администрации дают основания так думать. Но и теперь глава остаётся невозмутимым. Лишь первый ряд опять оборачивается к Айтышеву. Лица у милиционеров недобрые.

В вестибюле после собрания Айтышев чувствует, что он здесь особый, чужой. Люди, негромко переговариваясь, выходят из зала, их много, большинство досидели до конца. Но вокруг Айтышева пустота. Никто от него не шарахается, но и не заговаривает, не шутит. Все стараются не встречаться с ним глазами. В том числе мелькнувшая рядом телевизионный корреспондент. Не подошла всё-таки.

Айтышев усмехается. К такому отношению ему не привыкать.

– Я о тебе в историю запишу. Достоин! – говорит Кузьмич.

Взгляд его не юлит, как у других, лицо в сивой щетине выглядит довольным. Кузьмич всё-таки был в зале, сидел, наверно, где-нибудь на задних рядах.

Айтышев смотрит на него высокомерно.

– Когда убьют, тогда запишешь. Тебе надо, чтоб человек пострадал. Так это скоро.

Домой он возвращается в одиночестве, попутчиков ему не находится. Неторопливо шагает, с удовольствием дышит апрельским воздухом, особенно вкусным после спёртого воздуха зала.

Перед подъездом своей «деревяшки» он вспоминает, что не взял фонарик. Но на улице ещё не стемнело, вряд ли кто в тамбуре его поджидает, светить в глаза не придётся. Просто на будущее надо иметь в виду, всё может быть.

8

Кедрач вырубил и успели вывезти до распутицы.

Глава районной администрации на Айтышева в суд не подал.

Заявление на главу от Айтышева суд не принял.

Айтышева никто не тронул.

2013 – 2014

ПО МАТЕРИНСКОЙ ЛИНИИ  
Повесть

1

В обед выяснилось, что исчез Димка Побочный.

– Виктор Иванович, у нас, кажется, чепе, – сказала аспирантка Ирина. – Побочного нет. Утром по деревне он с группой тоже не ходил. Куда только мог деться?.. – Ирина в недоумении пожала худыми, как у топ-модели, плечами.

– То есть? – спросил Анохин. Борщ у девчонок получился отменный, густой, с молодой зеленью, Анохин такой любил. И оттого его голос прозвучал благодушно. – Может, дрыхнет где-нибудь? Куролесил всю ночь с местными, теперь отсыпается, барбос.

Как ни контролируй ребят, некоторые после отбоя выбирались через окно и гоняли со здешними парнями на мотоциклах. Побочный первый, среди местных он сразу стал своим.

– Да нет, мы смотрели. Нигде нет.

– А что же раньше не сказали? – вскользь пожурил Анохин, поднимаясь из-за стола и всё ещё оставаясь спокойным. – Пойдёмте вместе посмотрим.

С Ириной, а потом и с пообедавшими студентами он обошёл школу, подергал ручки закрытых классов и подсобных помещений, спустился в подвал. Становясь всё более озабоченным, Анохин осмотрел пришкольную территорию, укромные места в бурьянах за спортивной площадкой.

Побочного нигде не было. Анохин собрал студентов.

– Кто видел Диму последний? Скрывать ничего не советую.

– Правда, ребята, выкладывайте начистоту. От ваших слов многое зависит, – поддержала Ирина и преданными глазами посмотрела на Анохина. В экспедиции она была его заместителем.

Но ничего внятного студенты сказать не смогли. Спать Побочный лёг вместе со всеми, а утром его спальник мешок оказался пустым. Анохину сразу не сообщили потому, что думали, вот-вот заявится. За Димкой и раньше такое водилось – мог прийти под утро, а то и к завтраку.

О том, чтобы продолжить запись фольклора, теперь не могло быть и речи. Но по домам Анохин всё-таки пошёл, надеясь что-нибудь узнать у местных ребят. Оказалось, тем тоже ничего о Побочном неизвестно. Большинство вместе с родителями уехали на сенокос, а те, что оказались дома, возились во дворах с мотоциклами или высывали из окон заспанные физиономии и отвечали одно и то же: не знаем.

Оставалось обратиться к властям.

Выслушав Анохина, глава сельской администрации позвонил участковому.

– Бог троицу любит, – сказал не по годам дородный участковый, вскоре по-

являясь в кабинете главы. Отдуваясь, он снял фуражку, вытер околыш изнутри пухлой ладонью. – Ну, жарыща! Пекло прямо. У вас, типа, каждое лето так?.. Баргадаевы и Голошубовы тоже своих парней ищут.

Будто не слыша последних слов, глава администрации налил из пластиковой бутылки на столе стакан минералки, прищурился:

– Это тебе не в городе прохладиться. Нынешнее лето с прошлогодним не сравнить, то жарче было.

– Скажете тоже – прохладиться...

– А то нет. – Глава крупными глотками выпил воду, налил ещё. Вид у него был помятый, под глазами набрякли мешки.

– Дежурствами начальство заколебало, личного состава не хватает.

– А я всё думаю, чего это он на село подался!..

Торопиться здесь не было принято. Анохин едва сдерживался. Руководитель практики, он отвечал за каждого студента. Сидевшая рядом Ирина коснулась его руки. Анохин с досадой отстранился. Глуповата всё-таки барышня!.. Демонстрация отношений сейчас была особенно неуместна.

– У Баргадаевых и Голошубовых тоже проблемы, – повторил участковый и расстегнул на папке из кожзаменителя молнию. – Ушли вечером, до сих пор нет. Я вот чего думаю. Соберём население и прочешем ближние колки. Мало ли... – Он вопросительно смотрел на главу администрации.

Тот неопределённо шевельнул бровями, словно говорил: твоя забота, ты и решаешь. Участковый протянул Анохину листок:

– Вот бланк, пишите заявление.

2

– Клёво! – крикнул сверху кто-то из ребят. Сильный ветер сносил его слова. – Жмурик собственной персоной! Улёт!..

Студенты, молодые здоровые лоси, первыми выбрались из оврага и сейчас с рюкзаками и спальниками стояли у его края, дожидаясь остальных. Смотрели они куда-то в сторону.

– Виктор Иванович, встретить покойника это к неприятностям? – спросил кто-то из студентов.

Анохину в пору было самому помогать, но он подал руку Ирине и тянул её вверх по крутой тропинке. Кисть у аспирантки была белая, крупная, с проступающими под ухоженной кожей лучевыми костями. Ирина, опустив глаза, смущённо, женственно улыбалась.

– Что за пораженческие настроения! – преувеличенно удивился Анохин, стараясь говорить так, чтобы не было заметно одышки. – Всё будет тип-топ. Наберём материала – машину заказывать придётся!..

Духовой оркестр они слышали ещё в овраге. Сочетание было противоестественное, дикое. Июльская буйная зелень, жадно тянущиеся к солнцу кустарник и травы, бойкая скороговорка ручья – и печальные, теснящие сердце звуки. Путь в Михеевку через овраг им подсказали в автобусе, так было короче. Угораздило, подумал Анохин. Вот как бабы Зоино село встречает!..

По улице с одноэтажными панельными и тёмными брусовыми домами мед-

ленно двигался грузовик. Его борта были опущены, посередине кузова стоял обтянутый красной материей гроб. За грузовиком шли подростки с горящими на солнце трубами и играли, старательно надувая щёки. Странно, но ни в кузове, ни за грузовиком родни и провожающих видно не было. Венков, как это принято, тоже никто не нёс.

– Одинокий какой-нибудь человек, – вполголоса предположила Ирина, как и всё последнее время, стараясь держаться рядом с Анохиным. В голосе аспирантки слышались исследовательские нотки. – Не по традиции обряд, неправильный... Ребята, прекратите, наконец, имейте уважение хотя бы к смерти! – несердито, по-другому у неё не получалось, сказала она студентам.

Те, посмеиваясь, смотрели на Димку Побочного. Димка, закатив глаза и втянув щеки, прижимал к груди крест-накрест сложенные руки со сжатыми кулаками. Напоминало это трафаретку на трансформаторной будке. «Всё ещё так далеко от них!..» – с неясным чувством подумал Анохин.

То, что произошло следом, заставило его лишь усмешливо повести головой. Покойник, профиль которого виднелся в гробу, вдруг сел, опёрся руками на обтянутые кумачом края и крикнул музыкантам:

– Без туфты! Всё по правде, как на самом деле! А то хрен вам, а не деньги!..

Студенты хохотали, Димка Побочный свалился на траву и дрыгал ногами в стретчевых джинсах.

– Похоже, у здешнего народа с выдумкой всё в порядке. Фольклор должен быть богатый, – смутилась Ирина. И опять это получилось у неё мило, женственно.

Второй раз грузовик с гробом они увидели уже возле сельской администрации. Её здание было приметно издали – над крышей трепетал на крепком ветру триколор. Судя по всему, Михеевка в советские времена была центральной усадьбой совхоза, село немаленькое, но народа на улицах почти не было видно. На редких встречных Анохин, посмеиваясь над собой, смотрел, тем не менее, пристально. Вдруг родня?..

Во внешности главы сельской администрации он тоже пытался отыскать нечто знакомое. Нагруженные рюкзаками и спальными мешками студенты остались на просторном крыльце, а Виктор Иванович сидел в кабинете с анодированным двуглавым орлом на стене и рассказывал о целях фольклорной практики. Глава, его где-то возраста мужчина – узколицый, полуседой, с быстрыми глазами, – понимающе кивал, озабоченно хмурил брови. Об экспедиции ему уже сообщили из района. Он оглянулся на окно, за которым медленно проплывал грузовик с гробом.

– Обряды нужны, говорите, песни? Тогда Серёга Дыбов вам в самый раз. Помещик наш.

– Помещик?.. – Анохин тоже посмотрел на окно.

– Ну, фермер. Сейчас ещё ладно, никто не причитает. А то наймёт старух, те сядут вокруг, плачут, какой, дескать, был хороший. А Серёга лежит в гробу, довольный!.. И так кругами по селу, пока не надоест. Прямо как сейчас.

– Любопытно... И часто это у него?

Глава помолчал, слушая траурную музыку.

– А ничего играют, верно? Наша клубная самодеятельность, между прочим, я нашёл им специалиста... Ну, не так, чтобы очень. Но раза три-четыре в году

однозначно. Это когда Серёга запивает. – Глава администрации вдруг подался вперёд и, оглянувшись на соседнюю комнату, где находилась секретарь, приглушил голос: – Анекдоты тоже собираете? Частушки с картинками там, мужские всякие поговорки? А то у меня есть... – И подмигнул. – Ладно, устраивайтесь, я Лидии Степановне сейчас позвоню.

Директора школы пришлось подождать. Когда эта Лидия Степановна появилась, стало ясно, задержалась она не случайно. Вид у женщины был недовольной. Во время фольклорных практик Анохину приходилось сталкиваться с разными директорами школ и заведующими клубами – обычно туда определяли студентов на постой. Одни старались во всём помогать, вспоминали собственные студенческие годы, заискивали перед горожанами. Другие относились сдержанно, сухо, если не сказать, враждебно. Почему – неизвестно.

Лидия Степановна, похоже, принадлежала к последним. Это была рыхлая женщина с белёсым стелящимся пухом на щеках.

– Здравствуйте, – чётко выговаривая каждую букву, ответила она на приветствие Анохина. – Предупреждаю, в помещении школы не курить, спиртные напитки не распивать!.. Вы старший? Ваша фамилия?

Анохин представился. Директор школы достала блокнот и записала. Повисла неловкая тишина.

– Сейчас будут брать отпечатки пальцев... – вполголоса сказал Димка Побочный.

– Не умничай! – одернула Лидия Степановна, поворачиваясь всем телом к нему. – Я не обязана вас принимать!

Её следовало бы осадить, но Анохину не хотелось начинать с этого отношения. И то сказать, какому администратору понравится, когда на голову сваливается такая орава. Незванный гость, как известно... Не отказала – и на том спасибо.

– Пошли, – махнул он студентам, направляясь вслед за директором к высокому крыльцу двухэтажной кирпичной школы.

– Какая неприятная тётка, – тихо сказала Ирина. Она догнала Анохина, подхватив с травы рюкзак своей большой белой кистью. – Какой вы всё-таки выдержанный человек, Виктор Иванович. Я бы так не смогла!..

Анохин опустил голову, скрывая усмешку.

3

Одна из несправедливостей жизни в том, что старших начинаешь понимать поздно. Когда они, зрелые люди, могут рассказать, что чувствуют и думают, ты ещё не готов. Ты пацан со своими интересами, потом парень, интересы тоже соответствующие. А когда созреешь для понимания, бабы Зои уже нет, умерла. Ты помнишь её сухопарую фигуру, нос уточкой, то, как быстрым движением она вытирала большим и указательным пальцами уголки рта, а чем жила, что за свой век передумала – не знаешь. И никогда уже не узнаешь, хотя она родной тебе человек. Трагическое несовпадение поколений. Несовпадение зрелости, акме, как говорили древние...

День заканчивался. Здесь, на юге огромной области, белых ночей не было. Солнце зашло, ветер утих, сумерки затягивали село, делая всё вокруг невнят-

ным, только угадываемым. Треволнения неблизкой дороги, закупка необходимого, а ещё раньше – унизительные поиски спонсоров (институтских денег на фольклорную практику, как водится, не хватало) – всё это было позади. Анохин вздохнул свободней, пружина внутри ослабла. Он старался не думать о том, что вся работа, собственно, впереди. Неспешно шёл по улице, смотрел на освещённые окна, на чёрные, по-особому плотные в густеющих сумерках палисадники.

Липы, наверно, баба Зоя помнила. Старые. Они да ещё, пожалуй, церковь из тех времен – по виду, недавно восстановили. А всё остальное знать не могла. Дома наверняка другие, водонапорной башни не существовало по определению, нынешних клуба и школы не было тоже. Были толчки телеги на комьях застывшей грязи, запахи лошадей и дёгтя от ступиц, стыд, злорадные лица вокруг, обида. Люди доверчивы, им показали на таких, как бабы Зоина семья, мол, кровопийцы, кулачье, виноваты во всех бедах – они поверили. Из мстительной зависти плевали вслед и швыряли комьями мёрзлой земли. Хотя чему было завидовать, знали бы о будущем высылаемых – плакали бы. Всё-таки люди.

«Не знаю даже, где дом бабы Зои стоял. Не расспросил...».

Анохин возвращался к школе, проводив Анатолия Григорьевича – так звали главу сельской администрации. Тот заходил посмотреть, как устроились. В общем, лучше, чем можно было ожидать. Директор школы открыла два класса, один для ребят, другой для девочек. Анохину дала ключ от учительской, где имелись телефон и диван. Такого подарка Анохин не ожидал, он готов был расположиться со студентами. Хорошо и то, что Лидия Степановна разрешила пользоваться школьной столовой – будет, где готовить. Директор оказалась не такой уж и суровой. Резкие смены настроения. Менопауза?..

Глава администрации, похоже, надеялся выпить. Разговор часто прерывался, оба замолкали, но Анатолий Григорьевич всё не уходил. Выпить для налаживания контакта следовало бы, но Анохин в экспедициях устанавливал сухой закон, в том числе для себя. От кофе же глава решительно отказался: не надо, не надо, и так женщины на работе запоили!.. О прошлом Михеевки он знал мало, был не здешний, в середине восьмидесятых приехал после сельхозинститута по направлению. Когда Анохин попытался выяснить, много ли в селе старожилов, скучно заметил, что надо обратиться к секретарю, все списки у неё. А если требуются довоенные документы, это в районный архив.

Насчёт архивов Анохин не обольщался. Широко открытые в перестроечные годы, многие фонды опять стали недоступны. В том числе те, что были связаны с репрессированными. Да и не нужны ему были сейчас архивы.

– А зачем вам наши старожилы? – спросил глава. – Обычай помнят, фольклор разный – потому?

– Это тоже. – Анохин провёл ладонью по полированному столу учительской. За время каникул тот припал пылью, сделался тусклым. – Моя бабушка из здешних мест. Вдруг родственники найдутся.

– А как бабушкина фамилия?

– Гостюхина.

Анатолий Григорьевич подумал.

– Нет, не знаю.

Чтобы оживить вялый разговор, Анохин напомнил, улыбаясь:

– Так что насчёт частушек с картинками?.. Обещали.

– Ну, это надо под настроение... – Отведя глаза, глава поднялся с дивана. В его движениях, в отведённом взгляде чувствовалась сдержанная досада. И Анохину ещё раз подумалось, что Анатолий Григорьевич рассчитывал выпить. – Потом как-нибудь. Баян опять же...

Но несколько частушек по дороге всё-таки вспомнил. Правда, они были без «картинок», и Анатолий Григорьевич их не спел, а продекламировал. «По деревне мы идём, / В том конце воротимся. / На сарае девки спят, / Ночевать попросимся». Один из многочисленных вариантов распространённого сюжета. «Хорошо тому живется, / У кого одна нога./ Тому пенсия дается./ И не надо сапога». Эта частушка встречалась реже, её глава слышал ещё в детстве, от отца. Тот был инвалидом войны, пел, можно сказать, про себя.

– О войне отец не рассказывал, – заметил Анатолий Григорьевич таким голосом, словно извинялся за эту глупость, частушки, и за то, что вспомнил их. – Я был пацан, мне интересно. Подвиги там, героизм, а отец – молчок. Отстань, говорит. Когда и по шее даст, если очень приставал.

– Что вспоминать... Узаконенное убийство. Бойня.

Глава администрации на это промолчал, развивать тему войны в таком ключе не собирался. Он сорвал ветку черёмухи в палисаднике, мимо которого проходили, и спросил, отмахиваясь от комаров:

– Вы что, специально в Михеевку приехали? В смысле, о родственниках узнать?

Анохин ответил не сразу.

– В какой-то мере.

Не зная того, Анатолий Григорьевич затронул потаённое, главное, большое. Можно было бы фольклорную практику провести где-нибудь и ближе к их северному городу, не портить отношений в деканате. Но в последние годы Анохин всё настоятельнее чувствовал необходимость побывать на родине бабы Зои, увидеть, точнее – почувствовать места, где та выросла, откуда пошёл их род. Словно это могло дать ответ на нечто важное. Анохин не совсем понимал, что за этим стоит, но потребность такая была, и острая. Расставить акценты?..

Сумерки, тишина, неторопливое движение по выложенной светлыми бетонными плитами улице располагали к доверительности.

– Странно, я своей жизнью обязан коллективизации, – сказал Анохин. – Не было бы её, и меня не было бы.

– Как это?

– Я не всё вам сказал. Семью бабушки раскулачили, сослали на Север. Мать уже там родилась. Разве встретились бы родители, если не коллективизация, не сослали Гостюхиных?..

– М-да, – неопределённо отозвался в сумерках глава.

Не понимает, подумал Анохин. Он и сам по-настоящему, остро осознал это не так давно. Коллективизация ещё не всё. Нужно было, чтобы первый муж бабы Зои погиб в начале войны, и она сошлась с занесённым в деревню комиссованным солдатом, от которого и родилась мать. Не случись войны и коллективизации, всё было бы сейчас другим. И Михеевка, и его нефтяной город, и страна. Другие, не родившиеся, люди жили бы, и не существовало бы большинства тех,

кто живёт теперь. Война, раскулачивание перемешали, переварили всё в беспощадных котлах, корёжили судьбы, с кровью рвали прежние связи. Но и завязывали новые, которых никогда не было бы, пойдя история иначе.

Думать об этом странно, желать, пусть задним числом, кощунственно, но ныне живущие должны быть благодарны, что всё произошло именно так. И мясорубка войны, и бесчеловечное раскулачивание, а если заглянуть глубже – и ордынское нашествие, и княжеские междоусобицы, и Пётр Первый, ломавший страну через колено, и многое другое, чем наполнена история. Всё это нужно было для того, чтобы родился именно ты и живущие теперь люди. Дикость, бред, а тем не менее.

– Какая всё-таки странная жизнь, – сказал Анохин. – И жестокая.

Анатолий Григорьевич внимательно посмотрел на него и не ответил.

– Пришли, – заметил он у дома с ярко освещёнными окнами, похоже, стеклопакетами. Как и полагалось дому у человека при власти, выглядел тот солидно. – В случае чего, обращайтесь. – И глава администрации скрылся за калиткой.

Анохин ещё прошёлся по селу. Людей, как и днём, на улицах почти не было. Горьковато пахло огородами и остывающей к ночи листвой из палисадников. Наверно, так же было и в бытность бабы Зои. Ещё помывивание коров из стоек, звучные удары молочных струй в подойники, запахи болтанки для коров, оседающей дорожной пыли...

От школы слышался треск мотоциклов, и видны были рубиновые огоньки стоп-сигналов. Кирпичные стены мазал свет фар. Обычная история, местные пришли знакомиться. Чем в итоге обернётся ситуация, дружбой или дракой, предугадать было трудно.

– Что скажете, парни? – спросил Анохин, подходя и стараясь, чтобы его голос прозвучал в меру строго, но и доброжелательно.

Ближний к нему подросток повернул ручку газа, мотоцикл взревел.

– А ты кто такой?

– Вообще-то к старшим обращаются на «вы».

– Это он от застенчивости, – со смешком вмешался Димка Побочный, который, оказывается, находился среди мотоциклистов. – Они нормальные ребята, Виктор Иванович. Аборигены. Приглашают наших девчонок на дискотеку.

Ни на слова о застенчивости, ни на «аборигена» подросток не обиделся. К нему и к Димке Побочному, опустив с обеих сторон мотоциклов на землю ноги, стали съезжаться остальные здешние парни. Коммуникабельный человек, подумал о студенте Анохин. Практика у него должна пойти хорошо. Но и глаз да глаз за таким нужен.

– Ладно, Димон, выступать!

– Конкретно говорю.

– Не гони пургу, хрюндель!..

– На дискотеку? Это, конечно, можно, – сказал Анохин, стараясь не упускать инициативы, это было важно. – Но не сегодня, мы с дороги... Дима, что это у тебя?

Мотоциклисты радостно заржали. Почти у каждого в руках была банка с пивом. Как они при этом умудрялись управлять мотоциклами, оставалось загадкой.

– Всего лишь пиво, Виктор Иванович. – Голос Побочного звучал невинно.

Он продемонстрировал бутылку, которую держал за спиной. – Безалкогольный напиток, минздрав ничего не имеет против. Честное слово!..

Анохин направился к крыльцу школы. Выйти из разговора тоже следовало вовремя.

– Ладно, потом поговорим... Напоминаю, в одиннадцать отбой.

Молодёжная субкультура, своя табель о рангах. Со временем большинство придёт к общепринятому, станут нормальными скучными взрослыми. А пока сленг, сходная манера поведения, престижная в их среде одежда (они говорят, прикид) – стремление быть в стае своим, потому что непохожим приходится туго. И осуждать нельзя, сам был молодым, хотя от некоторых вещей коробит. Зэковские лексемы на каждом шагу, сидение на корточках, мат от девчонок, назойливые «как бы», «короче», «на самом деле». И это повальное увлечение пивом, банка или бутылка в руках как система опознавания свой-чужой. Много, конечно, от комплексов, от неуверенности, от подспудного страха перед взрослой жизнью – понять, в общем, можно.

Анохин усмехнулся. «Что-то я стал всех в последнее время понимать... Возраст, клыки поизносились?»

– Ой, как хорошо, что вы пришли! – обрадовалась аспирантка Ирина, выглядывая из отведённого девчонкам класса. – Жареную картошку будете? – И оглянувшись, окликнула кого-то в классе: – Ты куда дела спальник, Даша? Найди, солнышко, Виктора Ивановича будем кормить!

Ей ответили что-то невнятное. Похоже, там были заняты разговором через открытое окно с мотоциклистами.

– Дашуля, лапонька, скоренько!.. – Это уже было сказано с игривой капризностью.

Анохин в очередной раз отметил, Ирина кокетничает не только с ребятами, но и с девчонками. Тоже, наверно, форма защиты – неопределённый статус, не студентка и не преподаватель, чужая тем и этим. А может, просто избыток женского начала, особый талант. Или бисексуалка, что сейчас не редкость. Но важно другое: всего-то на несколько лет старше, а уже не как остальные, внимание и забота о руководителе практики. Пусть небескорыстные, но тем не менее.

– Это где же вы картошку раздобыли? Старой ни у кого не должно остаться, для новой рано.

– У нас рано, а здесь... Дашуля, осторожно, умоляю, перевернёшь!.. – Ирина опрометью бросилась обратно в класс.

Через минуту она стояла в учительской с пластиковой миской в руках.

– Почти пюре, Виктор Иванович, с молодой картошкой всегда так!.. Зато тёплая, в спальнике пришлось держать. – Аспирантка засмеялась, опустила миску на стол и огляделась. – Как хорошо у вас, Виктор Иванович!.. Даже нормальный стол есть. Можно, я буду здесь обрабатывать материал?

– Не вопрос.

– Защита на носу, а у меня ещё конь не валялся, – сочла необходимым пояснить она извиняющимся голосом.

– Не прибедайтесь, Ира, кое-что у вас есть.

– Только благодаря вам. Вы мне так помогли, Виктор Иванович!..

– Прямая обязанность научного руководителя.

– Если бы не вы... Я вам не знаю как признательна!..

Эти взгляды, постоянное стремление находиться рядом, как бы случайные прикосновения... Аспирантка взрослая женщина, он ещё не старый мужчина – почему бы и нет? Но сейчас, в Михеевке, это было совершенно ни к чему, мешало. Всё в Анохине теперь было настроено на другое. Тем не менее он сказал:

– Скромность прекрасное качество, Ира. Но жизнь слишком коротка, чтобы долго быть скромным, По крайней мере, так считали древние полинезийцы.

Девушка с готовностью засмеялась:

– Древние полинезийцы, прекрасно!.. Такой хороший вечер, Виктор Иванович. Может, посмотрим село?

– Обязательно. Но завтра.

– Ловлю на слове!..

Поужинав, Анохин выключил в учительской свет, достал мобильник и набрал домашний номер. Представил, как жена, отложив баночку с кремом, потянулась от туалетного столика, взяла трубку. Она уже в ночной рубашке, готовится спать – жаворонок, всегда ложилась рано. Приглушённый свет бра, будничное лицо немолодой интеллигентной женщины.

– Да, Витя. Что-то случилось?

Лёгкое удивление, сегодня он уже звонил.

– Всё нормально. Как вы?

Анохину не хотелось, чтобы жена подумала, что он рад – вырвался из дома. Отношения у них были хорошие, ровные, но в фольклорные экспедиции Анохин уезжал с удовольствием. Не только потому, что полагалось по службе. Время, когда они жили в балке на окраине, топили буржуйку, носили воду из колонки и не могли друг без друга, давно прошло. Но показывать это было бы неправильно, Людмила подобного не заслужила.

Однако не это сейчас было главным.

– Настя где? Дома? – Анохин задержал дыхание.

– У девчонок, они в клуб собрались, – легко ответила жена. – Знаю, как ты к этому относишься, но мы не можем лишать её развлечений. Она молодая, согласись.

Эта необязательность тона, за которым понимание своей вины и в то же время желание усюветить его за излишние страхи.

– Людя, я тебе тысячу раз говорил, нечего ей в этом клубе делать!.. – Хотелось сказать резкость, но Анохин сдержался. Смешно ругаться по телефону.

Жена заторопилась, быстро перевела разговор на другое:

– Да, совсем забыла. На конкурс подал документы некий доктор филнаук по фамилии Нечипаев. Схватки под ковром предстоят нешуточные. Говорят, он хороший знакомый проректора.

Анохин промолчал. Да бог с ним, этим конкурсом!.. В жизни существовала масса вещей, на которые не стоило обращать внимания, но к дочери это никак не относится. Анохин за неё боялся – до паники, до судорог. Семнадцать лет, домашняя, милая, глупая – всё может случиться. У ночного клуба была дурная слава, там кололись в туалетах и нюхали, там же трахались. Это несмотря на регулярные рейды полиции.

– Витя, ты слышишь меня?

– Нечипаев так Нечипаев, – сухо сказал Анохин. – Одним претендентом больше, одним меньше.

– Тебе это неинтересно? – удивилась Людмила. В голосе сквозило осуждение. За почти двадцать лет совместной жизни она стала не столько женой, сколько коллегой и другом. – Ты давно заслужил кафедру, Витя! А что касается докторской, так это дело времени. Вспомни Веретенникова. Если уж он...

То, что жена ставит его на одну доску с пронырливой бездарью Веретенниковым, было досадно и неприятно.

– Ладно, Людя, потом. Я сегодня набегался, спокойной ночи.

Анохин распахнул окно. Мотоциклистов во дворе школы уже не было. На крыльце курили, слышались голоса и молодой смех. Анохин смутно удивился: на небе были звёзды. Из-за белых ночей в их северном городе звёзд сейчас не видно. Чтобы успокоиться, несколько раз глубоко вздохнул и закрыл окно. Комары. Не включая света, прошёл к дивану.

Хватит либеральничать, надо всё жёстко поставить на свои места. Пусть жена и дочь считают его самодуром, потом поймут. Молодость опасное время. Ломка стереотипов, тяга к новому, в итоге движение цивилизации, если уж по большому счёту, – всё так. Но как легко в молодом стремлении к неизведанному стать тем же наркоманом. Частный случай, но от этого не легче, если подобное произойдёт с твоим ребёнком. Перевод стрелок в тупик, деградация и гибель. Молодость не в состоянии понять скрытых угроз, пусть и звучит это расхоже.

Когда-то он прочёл научно-фантастический рассказ, запомнившийся своей необычностью. Позже понял, это метафора. В отсеке командира космического корабля из другой галактики стояло нечто вроде контейнера с растением. Это был сын командира. На их планете с пятью лунами существовал обычай достигшую определённого возраста молодёжь подвешивать к деревьям. Из полных жизни юношей и девушек они превращались в субтильные вялые существа. Но это был единственный способ сохранить им разум. Те, с кем не удавалось проделать подобное, в полнолуния сомнамбулически двигались к ручьям, погружали в воду руки и прорастали в дно. Командиру космического корабля вовремя не перевёл сына в состояние, позволяющее оставаться мыслящим существом. И тот превратился в растение.

Прямолинейно, наивно. Но как, чёрт побери, верно!..

4

Поход по ближним к Михеевке берёзовым колкам ничего не дал. Участковый, сменив обычную форму на камуфляж, подбадривал двигавшихся между деревьями людей. Но, похоже, сам не очень-то верил в свою затею. Это чувствовалось по его многословию и суете, никак не идущим полному телу.

Родственники пропавших сельских ребят перестали искать первыми. Негромко переговорив между собой, вернулись в Михеевку. Вскоре по дороге мимо колков пронеслась тёмная «Нива». Баргадаевы и Голошубовы, похоже, решили действовать самостоятельно. По одному принялись возвращаться в село и остальные участники поисков. У каждого находилась причина. Прочёсывающая колки цепь редела, становилась короче. Часа через полтора поиски продолжали одни студенты.

– Мы, русские, всегда так! В армии служил, несколько чурок всю роту держали. А мы каждый за себя!.. – Гена Бобров, невысокий кареглазый крепыш, презрительно смотрел вслед уходящим. – Почему так, Виктор Иванович?! В фольклоре сам погибай, а товарища выручай, один за всех и все за одного! А на деле...

Анохин среагировал не сразу. Колок занимал скат холма, отсюда, с возвышенности, хорошо были видны и улицы Михеевки, и заслоняющее крыши зелёное кипение июльских деревьев, и окрестные поля. О том, что на них не так давно что-то выращивали, можно было лишь догадываться. Сейчас почти всё пространство вокруг села заполонила сурепка, её ярко жёлтое пространство подбиралось к крайним домам, окружало село едва ли не со всех сторон. Лишь кое-где угадывались ряды картофеля, издали кажущиеся игрушечно красивыми, и полосы дымчато зелёной пшеницы.

Анохин сдержал вздох. Для него, выросшего в деревне, видеть подобное было непривычно, диковато. Но и то правда, ничего постоянного не существует. Время смывает не только совхозные поля. Наверно, когда-то здесь стояла тайга, Михеевки в помине не было. Звери рыскали в чащобе, коршуны, словно распятые, висели в небе, время будто застыло. Казалось, навсегда. Но, громоздя с Уральских гор морену, надвинулся ледник, смял тайгу, выморозил и омертвил всё вокруг. Люди в звериных одеждах кочевали по тундре, охотились на мамонтов – и тоже казалось, что это навеки, так будет всегда...

– Виктор Иванович, что вы молчите? Почему так получается? Почему русский народ организовать не может? Сам, а не варягов ждать, чтобы пришли и нас построили. Фольклор, выходит, одно, жизнь – другое!..

Анохин оторвал взгляд от полей. Его и самого занимала противоречивость, а порой и откровенное несоответствие паремий реальности. Но сейчас рассуждать об этом не хотелось.

– Спроси что-нибудь полегче, – сказал он, устало опускаясь на пенёк.

Даже здесь, под деревьями, было жарко. Хотелось пить. На редкой траве застыли жидкие, в солнечных пятнаках тени от берёз. Вести сейчас серьёзные разговоры никакого желания не было, но, чтобы не ударить в грязь лицом перед студентами, Анохин добавил:

– А может, пословицы это ещё и нравственный ориентир в народном сознании? То, что должно быть, к чему следует стремиться? Не думал?

Бобров загорячился:

– Да ладно, Виктор Иванович! Вы на лекциях сами говорили, фольклор это народный опыт, выработанный веками. Цитату из Потебни приводили, типа, пословицами становится то, с чем народ абсолютно согласен, что прошло через слой его понимания. Даль о том же говорил. Горький вообще считал, не литература, а фольклор точнее всего отражает жизнь. Не о нравственных ориентирах речь, Виктор Иванович, бросьте!..

Ох уж эти отличники. Даже полузабытого Горького знает. Особенно въедливо допытываются те, кто кое с каким житейским опытом – работали до института или в армии служили. Но отвечать Анохин не стал – к ним, глухо похлопывая берёзовым прутом по просторным камуфляжным штанинам, приближался участковый.

– Всё под контролем, всё нормально! – бодро заявил он. – Здесь не обнару-

жили, значит, больше шансов в другом месте найти. Отрицательный результат – тоже результат. Верно, девчата?

Студентки отводили глаза, вяло пожимали плечами. Они тоже устали на жару.

– Кстати, что он из себя представляет, этот ваш Побочный? Как его охарактеризуете? С кем дружил, чем интересовался?

– Нормальный парень... Прикольный, – неохотно сказала круглолицая хантыйка Света Кунина.

Участковый пытливо прищурился – он, похоже, подражал какому-то персонажу из милицейского телесериала.

– Неформальный лидер, я правильно понимаю?

Света промолчала, вместо неё ответила Даша Калининкова:

– Можно и так сказать. – Она смотрела на участкового на удивление ясными чистыми глазами. – Димка неординарный человек, об этом не только на факультете – все в универе знают.

– М-да, жизнь у таких бывает яркая, но ухабистая – глубокомысленно изрёк полицейский. – И частенько, короткая.

Девчонки молчали, а Бобров упёрся в участкового взглядом.

– Вы так говорите, будто мы труп ищем!

Участковый выпрямился, его лицо стало отчуждённым:

– Вот этого не надо! Я ничего такого не говорил. Я считаю, человек не мог пропасть бесследно, зацепки должны быть. Не так, что ли?

– Почему надо искать здесь, а не в деревне? Вы людей опрашивали? – не уступал Бобров, его карие глаза смотрели зло.

Участковый не сдержался:

– Ты что, учить меня вздумал? Проверяешь?

Анохина тоже раздражал не очень умный полицейский, но дать разгореться страстям было нельзя. Участковый и Бобров почти одного возраста, а конфликты между такими возникают на ровном месте. Тем более, если девчонки рядом.

– Хватит, успокойтесь! Не время выяснять отношения. Я вот что думаю. А если с собакой попробовать искать?

На мгновение лицо участкового стало неловким.

– Кинолог в райотделе работает за деньги.

– То есть?

– Оплачиваете услуги – приезжает с поисковой собакой.

Анохин задержал на участковом взгляд. Впрочем, сейчас всё что угодно может быть. Рынок.

– Хорошо, я оплачу. Вызывайте.

– Погодите, у меня ещё одна версия, – полицейский оживился. – Как там французы говорят, шерше ля фам? Вот и мы отработаем этот вариант, будем искать женщину. Есть кое-кто на примете...

Участковый повёл плечами, взявшись за мягкий козырёк, поправил пятнистую камуфляжную то ли фуражку, то ли кепку. Похоже, полевая форма придавала ему уверенности, заставляла чувствовать себя ловким и удачливым.

– Значит, так. Студенты возвращаются в село, а вы пошлите со мной. Если хотите, конечно.

– Хочу, – сказал Анохин.

Первый день практики сложился на редкость удачно. Ирина оказалась права, фольклор в Михеевке был богатый. В живых ещё оставались бабушки, которые помнили свадебные песни и похоронные причитания, различные приметы, поговорки и загадки. А уж частушки, приличные и с «картинками», были коньком михеевских жителей.

Особенно повезло группе, с которой ходила Ирина. Вернувшись в школу, студентки показывали друг другу записи и прыскали. Просматривая их дневники, Анохин отмечал другое. Конечно, любовь, ревность, насмешки над недотёпой ухажером или глупой девицей, солёное словцо, ёрничанье – то, что всегда было в жизни и всегда будет.

Анохин находил своё. «Надоели нам бараки, / Надоели коечки, / Ещё пуще надоели / Лесозаготовочки». «Ой, колхоз, колхоз, колхоз, / Тяжёлая работушка. / Хлеба нету, есть охота, / Дай аванса, тётушка!». Но тут же: «Наша песня всюду льётся, / С ней и труд идёт смелей. / Нынче весело живётся, / Завтра будет веселей». «Наша Таня молодчина, / Трудовым горит огнём, / Успевай носить бидоны, / Вмиг наполнит молоком!»

Одни частушки действительно народ придумал, другие сочинены самодельными стихотворцами по заказу начальства. Но ведь сохранились, запали людям в память и те, и эти. Не так уж, получается, всё безысходно было при колхозах, ради которых, собственно, и затеяли раскулачивание, если даже казённый оптимизм не отторгнут, как инородное тело. Может, потому, что невозможно только о тяжёлом? Сознание народа противится, губительно это для нравственного здоровья, необходимо и о бодром, хорошем.

Или всё глубже? Двойственно оно, народное сознание, необходимы ему и кнут, и пряник? Делама Ивана Грозного ужасается интеллигенция, а в народной памяти царь остался чем-то вроде божьей кары – значит, и сам почти как бог. Или Сталин, этот «эффективный менеджер» на чужих костях...

Заиграл телефон. На дисплее «Настя». Наконец-то!..

Хотелось тотчас нажать клавишу приёма, стремительно прижать трубку к уху. Но Анохин сдержал себя, проделал всё не спеша.

Могла бы позвонить и раньше. Дочь должна понимать, он беспокоится, Людмила наверняка передала.

– Слушаю тебя, – сказал Анохин сухо.

– Мапуля, не сердись! Это я.

– Слышу.

– Ну, извини, пожалуйста! Я только что проснулась.

– Что так рано?

– Не издевайся, мапуля!..

При первых же словах дочери Анохин почувствовал, как в груди повернулся ласковый зверёныш. Он ждал этого звонка и только для того, чтобы заглушить тревогу и отвлечься, засел за дневники. Теперь, стараясь быть иронично сдержанным, уже не думал о дурной славе ночного клуба и о своём запрете ходить туда. Главное, с дочерью всё хорошо, он слышит её голос.

Настя торопилась:

– Вчера так клёво было!.. Мы с девчонками до четырёх часов тусовались, в клубе классно, это всё ерунда, что говорят. Потом на набережную пошли, там круги нарезали...

– Комаров кормили, – вставил Анохин. Даже молодёжный сленг сейчас не раздражал

– Не ехидничай, пожалуйста!..

– Разве я ехидничаю? Констатирую факт.

Он был безумным отцом. Пожалуй, единственное, что делала жена, это кормила новорождённую грудью. Менял подгузники, мыл, поднимался к дочери ночью, бессонно ходил с ней по тёмному балку, пристроив на сгибе локтя, объяснял картинки в детских книжках, а позже и читал их, учил кататься на велосипеде и многое другое – всё делал он, Анохин. Маленькая Настя путалась, называла его мапой. Она и сейчас, когда надо было подлизаться, так обращалась.

В своей любви к дочери Анохин переставал понимать обычные вещи. Потребовалось вмешательство жены, чтобы он лет в десять прекратил мыть Настю. «Витя, ты с ума сошёл! Она вот-вот девушкой станет, а ты за ней в ванную!..» – «Ну и что? – не понимал Анохин. – Она мой ребёнок». – «А ты не замечал, что она стесняется тебя? Ты мужчина». – «Я отец, а не мужчина». Но мыть дочь после этого разговора он всё-таки перестал.

Людмила была права, с возрастом дочь менялась, и не только внешне. Она понемногу отдалялась от него, становилась ближе к матери. И подружки занимали всё большее место в её жизни. Если бы Анохину сказали, что он ревнует, он бы усмехнулся. Умом понимал, это неизбежно, вспоминал себя в подростковом возрасте, когда друзья становились важнее родителей, но душой смириться с этим было невозможно. Классе в восьмом дочь опять потянулась к нему, стала почти прежней Настей, однако где-то параллельно маячили мальчики, школьные дискотеки, шушуканье с матерью, а сейчас ещё и этот клуб...

Он затягивал разговор, но Настя поняла, что прощена и быстро закончила. На телефоне, дескать, кончаются деньги. Некоторое время Анохин сидел молча. Дочь позвонила, это хорошо, однако он не мог избавиться от ощущения: Настя что-то недоговаривает. У неё опять какая-то тайна. Пора было бы уже к этому привыкнуть, но не получалось.

В учительскую постучались. Ирина.

– Виктор Иванович, посмотрите, какая прелесть! «Сел воевода на колоду да бултых в воду. Уж он мок-мок, уж он кис-кис. Вымок, выкис, вылез, высох, сел на колоду – бултых в воду! Уж он мок-мок, уж он кис-кис...» Изумительно!

Переключиться сразу на окружающее было невозможно, потребовалось время, прежде чем Анохин хмыкнул:

– Смотри-ка, сохранилась. Эта докучная сказка есть в сборнике Афанасьева.

– Правда? А я думала...

– Не расстраивайтесь, найдёте и оригинальное. Кстати, – сказал Анохин, оживляясь, – вот вам и тема для статьи. Сравнительный анализ фольклорных жанров, переживших время и присущих определённому периоду в истории народа. Читал дневники, пришла такая мысль. Название сырое, но рациональное зерно есть. Вам нужны публикации, Ира.

– Ну-у, это слишком серьёзно. Это на докторскую тянет, – вытянула губы тру-

бочкой аспирантка. Получилось это у неё мило, подкупающе, почти по-детски.  
– А я, как вы знаете, Виктор Иванович, всего лишь скромный соискатель звания кандидата.

– Так уж и на докторскую. К тому же у вас есть научный руководитель, готовый подсказать и помочь.

– Ой, Виктор Иванович, вы такой!..

Всё-таки она переигрывала. Вся как на ладони. Звёзд с неба не хватает, но в школьные словесники не пошла – в институте преподавать престижней. Нужно лишь сочинить диссертацию и защититься. Ради этого готова на многое, судя по всему, не очень-то принуждая себя. Другое поколение. Представление о незыблемых, казалось бы, вещах у них тоже другое.

– Виктор Иванович, вы обещали прогулку по селу. Не забыли?

– Это когда же я обещал? – Анохин сделал удивлённое лицо.

– А вчера, когда мы сюда приехали! – подхватила игру аспирантка. – Нехорошо обманывать доверчивую девушку. Негуманно.

– Неужели?..

Ирину следовало держать на расстоянии, своей откровенной готовностью она сбивала настрой, отвлекала от главного. Но Анохину самому тоже хотелось пройтись по селу. Засиделся за дневниками, да и вечер хорош.

– Ну что ж, пацан сказал – пацан сделал.

Аспирантка засмеялась:

– Значит, пойдём? Давайте прямо сейчас!

– Почему бы и нет? Дневные труды завершены, настало время отдохновения. Самое то, как говорят в Одессе.

Потому ли, что он уже пообвыкся в Михеевке, или оттого, что рядом был посторонний человек, но окружающее Анохин воспринимал теперь не так остро и полно, как накануне. О бабе Зое и о том, как семью раскулачивали, сейчас не думалось. Уже привычными казались и одноэтажные блочные дома вперемежку с брусовыми, и уложенные бетонными светлыми плитами улицы, и палисадники с черёмухой и сиренью. За деревьями садилось большое малиновое солнце, жарко полыхали выходящие на запад окна.

– Коровы! – сказала Ирина. – Я их боюсь!..

Навстречу неторопливо двигались бурёнки, останавливались, тупо смотрели на них. Судя по всему, пастух пригнал коров в село, а разбрелись по дворам они уже самостоятельно.

– Что их бояться, безобидные существа.

– Ага, это вам не страшно, вы мужчина!..

Анохин вскользь взглянул на аспирантку. Считает, именно так должна вести себя городская жительница, видевшая коров только по телевизору. Это должно располагать к ней, добавлять милой женственности, пусть и глуповатой.

Улыбаясь про себя, Анохин стал рассказывать о Ягодном, о коровах, которых никто не пас, они бродили в лесу сами по себе. Случалось, их задирали медведь, бабы Зоина Милка однажды тоже не вернулась домой. Дед с мужиками выследил косолапого. Малолетнего Анохина в тайгу не взяли, но освежёванного зверя он всё-таки увидел. Без шкуры медведь походил на голого человека, и эта беззащитность запомнилось.

– Так вы с дедушкой и бабушкой жили? А как же родители?

– У меня был отчим.

– Конечно, дедушка с бабушкой ближе... Родители развелись?

Анохин промолчал. Рассказывать, что мать родила его до замужества, не хотелось. Теперь такое не редкость, но в детской памяти засело осуждающее лицо бабы Зои. «Доночевалась! – попрекала она дочь. – Байструка принесла!..» – «Не шкварчи, – урезонивал её дед Саша. – Это у вас, кулаков, не полагается, а у других нормально. Чей бы бычок не прыгал – телёнок наш!» И взлохмачивал левой рукой маленькому Вите голову.

Деда комиссовали в сорок третьем, родные места находились в оккупации, и он поехал в сибирскую деревню с хорошим названием. Туда приглашало письмо, оказавшееся в посылке на фронт с кисетом и варежками. По приезде выяснилось, в Ягодном его никто не ждал, но угол нашёлся, а председатель колхоза был рад каждому мужику, пусть даже тот без руки. Общительный демобилизованный сдружился с таким же инвалидом из соседней старосельческой деревни, а там не считалось зазорным, если девушка рожала без мужа – дело молодое. У местных парней и девчат принято было вместе ночевать, порой – с последствиями. Нравы соседних деревень постепенно смешивались, молодёжь была в этом первой.

– В наших старосельческих деревнях существовал любопытный обряд. Запоминайте, Ира, может пригодиться. Прежде чем заслать сватов, в дом девушки на выданье приходила самая уважаемая женщина из родни жениха. И обязательно садилась под главную матицу. Это был знак. Разговоры могли вестись самые обычные, малозначащие, о главном – ни слова, но садятся под главную матицу неспроста, все это знали. Договаривались увидеться через три дня. За это время собирался совет из ближних родственников. Прикидывали, кто может быть жених. Вычисляли, как правило, безошибочно. Обсуждались в подробностях не только семья сватов, но и их хозяйство – это обязательно...

– Совет в Филях, – усмехнулась аспирантка.

– Почти. Подсчитывалось, сколько семья держит скотины, где покос, какой огород – родня входила во все мелочи. Вплоть до того, далеко ли до колодца. А то чего нашей, скажем, Нюре жили рвать, за три дома ходить за водой. Пусть сначала свой колодец выкопают, а уж потом свататься приходят.

– Переборчивые какие. Будто принцессу замуж отдавали.

– Родно понять можно. Хотели, чтобы молодой жилось не слишком тяжело – своя всё же...

Анохин помнил, как приходили сватать мать, ему уже было пять лет. Вот уж когда баба Зоя отыгралась. Всё ей в женихе и его семье не нравилось. Теперь Анохин понимал: бабушка защищала мать, не вздумайте, мол, попрекать Витькой. Она никак не могла смириться с местными обычаями.

– Так вот, мой отчим был из Ленинграда. Его к нам ребёнком во время блокады эвакуировали. Усыновила бездетная семья. Отчим потом уговорил маму уехать в Ленинград. Мне там не понравилось – вокруг камень, деревьев нет, разве что в Летнем саду. А я всё-таки на природе вырос. Упросил отвезти меня назад в Ягодный.

– Променяли Петербург на деревню...

– Каждому своё. Да и как – променял? Учиться всё равно в городе пришлось. Институт имею в виду.

Он подыгрывал Ирине, посмеиваясь про себя над курьёзностью ситуации. По извечным лекалам соблазнения теперь она должна была рассказать о себе. Доверительно, с деталями, о которых не пишут в автобиографиях. Цель всё та же – расположить, заручиться поддержкой и покровительством на будущее. А чтобы было прочней, войти в гендерный контакт. У женщины, в конце концов, не так уж много средств для достижения цели.

Рассказывать о себе аспирантка стала в кафе. Оказывается, в Михеевке оно существовало, находилось при въезде в село, у трассы. Судя по всему, хозяин держал его не в ущерб себе, рядом были припаркованы несколько легковушек. Видимо, постоянных клиентов.

– Виктор Иванович, заглянем?

Конечно, сухой закон, но нужно было соответствовать ситуации. Анохин кинул. Он взял бочкового пива, несколько пакетиков сушёных кальмаров и прошёл к занявшей столик Ирине.

– Живое, – сказал Анохин, опуская на пластик большие литровые стаканы тонкого стекла. – Сейчас всё больше баночное, с консервантами.

– Не говорите, травят людей, – отозвалась аспирантка, но вскользь, невнимательно.

Она рассматривала кавказцев за одним из столиков. Тех было несколько, время от времени к ним присоединялся кто-нибудь новый. В зависимости от статуса сидящие за столиком кому-то пожимали ладонь одной рукой, кому-то обеими. Высшая форма уважения состояла в том, что из-за стойки выходил немолодой тучный хозяин с выбритыми тонкими усиками и тоже здоровался обеими руками, слегка кланяясь и заглядывая в глаза.

Именно так произошло, когда в кафе появился Анатолий Григорьевич. Кавказцы задвигались, стали наперебой предлагать место. Глава администрации, солидно покивав, подсел.

– Уже в Сибирь поналезли, – неприязненно заметила Ирина. – Как тараканы!..

– Природа не терпит пустоты.

– Лучше свои бы обманывали. По крайней мере, деньги к боевикам не уходили бы... Виктор Иванович, почему нашу власть так легко купить? С потрохами продаётся, только дай денег!..

Общее поветрие, в очередной раз подумалось Анохину, молодёжь не любит кавказцев. Скинхеды, футбольные фанаты, националисты... Ещё недавно ничего подобного в помине не было. Не говоря уж о временах его молодости, когда процветал сплошной интернационализм. Сами кавказцы причиной? Или кому-то это выгодно, надо?..

Ничего особенного о себе аспирантка не рассказала. Городская школьница, потом студентка – всё, как у других. Была, правда, большая любовь (Ирина так и сказала, «большая любовь»), но её парень предпочёл дочь топ-менеджера нефтяной компании. Ирина его не осуждает, партия выгодная, в свадебное путешествие молодых отправили на теплоходе вокруг Европы. Шикарный круиз с известными артистами. Ну и, конечно, квартира в Москве, хорошая должность в фирме тестя... Но обидно! Она им докажет. Она тоже чего-нибудь да стоит, пусть и не дочь долларового миллионера!..

– Как живётся вам, несчастный, с товаром рыночным, после... какого-то там мрамора!.. Да, Каррары! – Ирина неожиданно быстро захмелела. – Прекрасная поэтесса, правда? Женскую душу как никто, на самом деле, чувствует!.. В смысле, чувствовала.

– Не знал, что вы любите поэзию.

– Обожаю! Душа будто на крыльях, парит как бы в небе!.. Виктор Иванович, повторим?

– Повторим. Но сначала погуляем. – Ирину надо было срочно выводить на свежий воздух.

– Обещаете?

– Пацан сказал...

– Пацан сделал! – подхватила аспирантка и громко засмеялась.

Проходя мимо столика кавказцев, она неожиданно остановилась, с пафосом продекламировала:

– Россия, мать, храни себя, храни! Не то смотри, на города твои и сёла со всех сторон нахлынули они, иных времён татары и монголы!..

Кавказцы молча, с подчёркнутым недоумением переглянулись. Анатолий Григорьевич посмотрел на Анохина. Тот взял аспирантку за локоть. Действительно, нехорошо.

– Пойдёмте, Ира, пойдёмте.

В дверях они столкнулись с Побочным, тот был с местными ребятами. Ирина цепко ухватила его за футболку.

– Дима, не ходи ты в этот гадюшник! Посмотри, кто здесь. Тебе не противно?!.

– О-о-о, – понимающе протянул Димка. Быстрыми глазами перепрыгнул на Анохина, потом опять посмотрел на аспирантку. – Клянусь, это в последний раз, Ирунчик. Чтоб я сдох! – И подмигнул Анохину.

– Дима, без глупостей. – Анохин кивнул на кавказцев. Чувствовал он себя дурачки. Как теперь требовать от других, если сам сухой закон нарушаешь?..

Побочный приложил руку к груди.

– Виктор Иванович, всё будет тип-топ. Гарантирую!

На улице было темно. Или так казалось после ярко освещённого помещения. За спиной над входом в кафе тихо гудели гнутые неоновые буквы «У Аслана». Заглавная «У» время от времени мигала.

– А не искупаться ли нам, господин профессор?.. – забубённым голосом предложила Ирина.

Самое лучшее было отвести сейчас аспирантку в школу и уложить спать, но она ни в какую не соглашалась. «Не хочу! Не хочу я домой!.. У нас романтический вечер!». Понимая, что поступает глупо, Анохин тем не менее двинулся за Ириной куда-то за село. Там, как она утверждала, есть пруд – сегодня днём видела. Не бросать же пьяную. Дёрнул чёрт зайти в кафе!..

Действительно, пруд был. Его поверхность ртутно светилась, отражая не до конца ещё тёмное небо на западе. Спускаясь в низину, Анохин лицом чувствовал попеременно наплывающие токи тёплого и прохладного воздуха. Пресно пахло водой. Ирина на ходу принялась раздеваться, всё больше, откровеннее белея в темноте телом.

– Я не готов. Без плавок.

– Оставьте предрассудки, профессор! Будем, как Адам и Ева, никто не видит!.. Впрочем, плохо. Я чертовски хороша, можно сказать, неотразима. Никакого целлюлита, обратите ваше высокое внимание!..

Вода оказалась тёплой, приняла в себя, нежно обняла тело. «Как парное молоко», – подумал Анохин, чувствуя под ногами податливое илистое дно. И усмехнулся литературному штампу.

– Ира, не заплывайте далеко. Опасно в нашем состоянии.

Он специально сказал «в нашем», а не «в вашем», боясь задеть девушку. Но, похоже, зря – Ирина не воспринимала нюансов.

– Профэссор, кому вы это говорите! Я кандидат в мастера спорта по плаванию. Призёр окружных соревнований, блин!..

– И всё же, Ира. Пожалуйста.

– А я вообще никуда не поплыву, – отозвалась девушка. И Анохину показалось, что её голос прозвучал трезво.

Ломая едва светящуюся поверхность воды, аспирантка приблизилась к нему. Анохин неожиданно почувствовал на своём теле её руки, девушка слегка оттолкнулась от дна и обхватила бёдрами его талию.

Практически невесомая в воде, она подалась к нему, обхватила бёдрами плотнее и принялась медленно двигаться вверх-вниз, скользя затвердевшими сосками по груди Анохина.

Сопротивляться было бесполезно. Да и глупо. Всё-таки ещё мужчина.

## 6

То ли небольшой ящик, то ли грубой работы шкатулка, он пытается открыть её, почему-то это очень нужно. Цепляет пальцами крышку, ломает ногти, но то ли ящик, то ли шкатулка не поддаётся. В щель между крышкой и стенкой он вставляет нож, пробует повернуть рукоятку, чувствует, как напрягается кисть, – и опять безуспешно, крышка не отходит. Он крутит шкатулку, пытается подобраться с другой стороны, налегает всем телом, но результат всё тот же.

«Почему? – удивляется во сне Анохин. – Шкатулка с секретом? С каким?..». Он откладывает нож, опять захватывает крышку пальцами. Никак. Вновь вставляет лезвие в щель, так и этак двигает. Наконец крышка отходит. Но прежде чем он успеваешь заглянуть внутрь, из шкатулки слышится угрожающее ворчание, высовывается поросшая шерстью рука и захлопывает крышку. Морозный ветер по телу, шевелятся волосы на голове. Открыв глаза, Анохин некоторое время ещё находится во сне. Ужас уходит медленно.

Он садится на диване. Темно, тихо. Учительская. Подушечки пальцев всё ещё чувствуют грубую поверхность шкатулки. Этот сон снится Анохину лет пятнадцать, с тех пор, как он стал заниматься фольклором. Нечасто, но снится.

Скрипнув пружинами, Анохин встаёт. Всё равно не заснуть. Нужно время, чтобы отойти от приснившегося. Оно рядом, новая волна морозного сквозняка тут как тут, стоит только подумать. И почему этот сон связан с его занятиями фольклором? Какая может быть связь между одним и другим?.. Странно.

Собственно говоря, в фольклористику он попал случайно. На большую землю уехал доцент, который читал в институте курс, и Анохину предложили его

часы. Он тогда был молодым преподавателем, готовил кандидатскую по Глебу Успенскому и, если бы не безденежье, вряд ли бы согласился.

Если уж соглашаться, то на перспективное дело. А перспектив в классической фольклористике Анохин не видел. В ней всё было вдоль и поперёк изучено, заниматься же современностью, всеми этими бардовскими песнями или детскими считалками и дразнилками, несерьёзно. Особенно после Глеба Успенского. Но у них родилась Настя, жена не работала, и деньги были очень нужны.

Удивил научный руководитель, с ним он решил посоветоваться. «Как вы относитесь к художникам, импрессионистам в частности? – Заметив недоумение, профессор пояснил, улыбаясь глазами: – Вот вам притча. Один молодой художник спросил у мэтра, какой путь ему избрать, традиционный или же искать себя в чём-то новом. Мэтр ответил, всё зависит от того, какое будущее тот для себя хочет. Если такое, как у Ренуара, который до старости писал пышущих здоровьем купальщиц, это одно. А если Ван Гога, отрезавшего себе ухо, это другое».

Слышать подобное было странно. Во-первых, научный руководитель, казалось ему, ничем кроме отечественной литературы не интересовался – и вдруг импрессионисты. Во-вторых, профессор посвятил свою жизнь писателю, который из-за окружающего скотства сошёл с ума – следовательно, должен был разделять его бескомпромиссные взгляды. Однако в мире много путаницы и противоречий, Анохин к тому времени это уже понимал. Фольклорные сборники, за которые он засел, а потом и экспедиции в окрестные деревни со старосельским населением вполне подтверждали это.

В сборниках чётких границ между плохим и хорошим не существовало. Чем глубже он в них вникал, тем больше в этом убеждался. В одном случае народ утверждал, что терпение и труд всё перетрут, а в другом, что от трудов праведных не бывает палат каменных. Практически на любой нравственный посыл находился диаметрально противоположный. С удивительной лёгкостью неизвестные творцы переходили от уважения скромной честной жизни к любованию загульным размахом. То, что раньше смущало Анохина в ставших народными стихотворениях Некрасова об ухаре-купце, с согласия матерей покупавшем на ночь девушек, или о коробейнике, за те же услуги рассчитывавшемся лентами и румянами, – потому, видимо, и стали народными, что народ не видел в этом ничего предосудительного. Как не видел предосудительного и в том, что пьяный Стенька Разин топил в Волге ни в чём не повинную персидскую княжну. Наоборот – видел удаль и верность товариществу. Одним словом, ренуаровской безмятежности изучение фольклора не обещало. Почему научный руководитель лукавил, оставалось неясным.

Анохин прошёлся по учительской. Хотелось чаю. Приготовить его не проблема – в экспедиции он всегда брал с собой кипятивник, – но после чая точно не заснёшь. А подниматься пока рано, ещё даже не светает. Впрочем, он и так уже не заснёт. Сон с непонятной шкатулкой тускнел, уходил в глубины сознания, но всё настойчивей становились мысли, занимавшие его в последнее время, не дававшие жить спокойно.

Народ в фольклоре любовался разгульной удалью и диким молодечеством, не слишком чтит труд и честную жизнь – всё так. Но в то же время была строгость старосельской жизни, которую Анохин ещё застал в приобских дерев-

нях. Простыней после первой брачной ночи не вывешивали, но к труду приучали с детства. Воровства, пьянства и супружеских измен почти не водилось, а родственники цепко держались друг друга. В таких деревнях можно было рассчитывать на помощь, пусть ты даже посторонний человек. Что понятно – на Севере иначе нельзя, в одиночку погибнешь.

Крепкие правила существовали и в бывших спецпосёлках. Уж кто, казалось бы, мог разувериться во всём, в том числе в необходимости честно жить, работать, кормить старых, заботиться о малых, как не их обитатели. А они не показывали своей обиды на власть, разорившую их дворы, самих загнавшую к чёрту на кулички. Ставили на новом месте избы, заводили скот, работали в колхозе. Баба Зоя стала передовиком, её бригада выращивала лучшие в районе урожаи капусты и свёклы. Детской памятью Анохин навсегда запомнил горделивое бабы Зоино лицо, когда по местной радиотрансляции её назвали первой среди пенсионерок, которые помогли колхозу убрать до снега капусту, несмотря на возраст. Раскулачиванием власть надеялась убить двух зайцев: лишить деревню самостоятельно думающих мужиков и за счёт их смётки и трудолюбия вдохнуть жизнь в негодья, в севера, куда по доброй воле никто ехать не хотел. И это у неё получилось.

После реабилитации стало можно возвращаться. Но сосланные обжились на новом месте, а для молодёжи спецпосёлки стали родиной, так что уезжали отдельные семьи. Некоторые возвращались обратно. Анохин помнил, как баба Зоя зимними вечерами ходила к таким людям, приходила расстроенная. «Какие новости на хвосте принесла, сорока?» – насмешливо шурясь, дед Саша левой рукой ловко выуживал из пачки беломорину. «Всё равно не поймёшь», – отмахивалась бабушка. «А ты скажи, вдруг пойму».

Одно время в семье всерьёз обсуждали, переезжать на родину бабы Зои или нет. Дед был категорически против: «Чего я там буду делать? Здесь рыбы поймал, слопцы на глухарей поставил – жить можно. В сторожа, что ли, в твоей деревне запишусь?» У бабы Зои были свои сомнения. Она боялась угодить в тюрьму. «Ох, как тянет, кто бы знал!.. – говорила она и замолкала, покачивая головой и мечтательно глядя куда-то в сторону. – Но в первую же ночь спалю. Я их всех помню, кто пинками из избы выгонял. До могилы им не забуду! Кол осиновый вобью, кто сдох!»

Занятия фольклором сделали болезненным вопрос, который Анохин задавал себе и раньше, когда штудировал классическую литературу. Тем более, что художественная литература во многом вымысел, а источник фольклора народ напрямую. Кто он, русский человек? Что из себя представляет? Смиранный всепрощенец или от безграничной удалости рвущий на себе рубаху персонаж? Богоносец или помнит все обиды и ждёт случая, чтобы отомстить? Готов подчиниться всем и всему, понуро смиряться, как щедринская коняга, или вся соль в старовеерах? Они не приняли реформ Никона, десятками тысяч уходили на окраины, в дикие леса и пустоши, были гонимы, гибли, сжигали себя в скитах, но не отступились от того, чему были верны со времён Владимира.

А смерды-лапотники, упорно бегавшие от бар после отмены Юрьева дня? Оседали по Северной Двине и Каме, на границах Дикого Поля, рискуя в один из татарских набегов оказаться без избы и лошадёнки, в полоне, а то и убитыми. Тяга жить по-своему, не ломать шапку, не подчиняться чужой воле была сильнее. Или

взять казаков, в чистом виде свободного русского человека, который не признавал над собой никого, кроме Бога, а на царёву службу пошёл много позже, выговорив послабления, о которых военные сословия Европы могли разве что мечтать.

Но и диалектика. Какой-нибудь свиноподобный троекуров, считавший, что крестьянину нельзя давать обрастать, а следует стричь, как овцу, тотчас отдававший мало-мальски толкового мужика в солдаты, сам до Екатерины обязан был служить. И дворянское сословие вместе со своими крепостными, с городскими обывателями, с купцами и фабричными, с офенями, воронежскими прасолами, волжскими бурлаками, архангельскими поморами и остальным русским людом создали жизнеспособное государство, отдельную цивилизацию, с которой всему миру приходилось считаться. И всё бы хорошо, вот только цена создания и жизнестойкости была дороговата. Что при царе-батюшке, что при Сталине, что сейчас.

Не получается отчего-то главенствующему классу, как мечтали почвенники и Глеб Успенский тоже, относиться к народу, словно отцу к детям – строго, но с любовью. Всё сбивается этот верховенствующий класс на ордынское беспрекословное подчинение, когда народ должен молча, а ещё лучше – с восторгом сносить всё. Когда об отцовской любви и заботе власти говорить не приходится. Из вводимых европейских институтов лукаво выхолащивается суть, одна оболочка остаётся. «Бьют и плакать не дают», – любила повторять баба Зоя. Пусть и говорила это о своём времени...

Анохин не заметил, как рассвело. Ходил по учительской, пил чай, в голову настойчиво лезло много раз передуманное. О сне со шкатулкой уже не вспоминалось. В утреннем трезвом свете сон казался чем-то вроде детской страшилки. Смущало одно: почему он стал сниться, когда Анохин занялся фольклором?

7

Старуха была не по возрасту шустрой. Это Анохин отметил ещё у колодца. Ухватившись за металлическую ручку узловатыми артритными пальцами, она бойко вращала колодезный ворот. В такт движениям ходили худые плечи, над сухими икрами бился широкий подол.

– Давайте помогу, – сказал Анохин, отделившись от студентов.

– А чего ж, помогите! – с готовностью отозвалась старуха. – Спасибо скажу. Это вы позавчера приехали? Вроде как сказки записывать?

– Не только сказки. Загадки, например, пословицы, поговорки, всякие обряды. Много чего.

– То-то, смотрю, незнакомые!.. – Старуха повернулась к студентам, махнула рукой. – А пойдите сюда, ребята, загадку хочу сказать! Вот слушайте: у нашей Параша сорок рубашек, вышла на улицу, ветер подул – вся жопа голая. Кто такая?

Анохин, весело поглядывая на группу, перехватил у старухи вытертую до глянца ручку ворота. Похоже, об экспедиции уже знало всё село. Вчера утром, направляясь в администрацию за списком старожилов, он слышал, как одна женщина, навалившись грудью на забор, говорила соседке: «Светка, ты не матюкайся и своему скажи. Городские приехали».

– Чего молчите? Не знаете?

Студентки, глядя друг на друга, посмеивались, откровенное словечко забавляло их. Отгадки никто не знал.

– Курица, – пришёл на помощь Анохин. – А почему вы из колонки воду не берёте? Легче.

– Невкусная! – недовольно отозвалась старуха. Она не ожидала, что загадку отгадают так быстро. Но желание поговорить было сильнее. – Стирать можно, а для борща такая не годится. Для первого самая лучшая из колодца... В Казахстане вообще вода плохая, так то Казахстан. А здесь выбирай хорошую, здесь можно.

– Вы жили в Казахстане?

– Ну да. Как на целину в молодости уехала, так сорок лет прожила. Может, не вернулась бы, кабы Советский Союз остался. На русских теперь косятся, домой, дескать, ехайте. Из Монголии тамошних казахов завербовали, они дикие, жилу у лошади надрежут, крови в чашку нацедят и с молоком пьют. А то просто так из жилы сосут. – Старуха говорила торопливо, как-то невнимательно, ей явно хотелось реванша: – А ну такую загадку! Режут меня, вяжут меня, бьют меня, колесуют меня. Пройду огонь и воду, а конец мой – нож и зубы. Ну-ка?..

Анохин подхватил и поставил на край сруба ведро с тёмным металлическим обручем поверху, перелил воду в алюминиевую флягу. От сырого, отдающего мхом запаха колодца, от тяжёлого обруча (Анохин знал, это чтобы ведро сразу тонуло) пахло детством, бабой Зоей, Ягодным. Да и сама подвижная, как синица, старуха напоминала Анохину бабушку.

– Может, чем-нибудь помочь? Дров, к примеру, наколоть, огород прополоть... – предложил он, останавливая тележку с полной флягой у калитки. Отгадку он знал, но говорить не спешил. Пусть ребята поломают голову, да и бабушка потешится. – А то мы можем, вон какие орлы!..

Сказано это было громко. Мастер-класс. Пусть учатся, как расположить к себе носителя фольклора и вызвать доверие.

Старуха стремительно оглянулась на студентов, сказала с сожалением:

– Кабы раньше! Картошка-то давно окученная... Ну, так чего, какая отгадка будет?.. А-а, не знаете! И начальник ваш не знает... Хлеб! То-то же!.. Пшеницу косят, в снопы вяжут, молотят, потом зерно на мельницу, из муки буханку пекут... Вы знать не можете, так раньше было, давно. – Старуха повернула лицо к Анохину. – А они сорную траву от свёклы отличат? Заместо бурьяна не повыдергают?.. Грядки прополоть надо, у меня на всё рук не хватает. То с правнучкой посиди, то сготовь, то постирай на всю ораву... Мы семьёй переехали, а семья у меня – ого-го!..

Дело нашлось не только для девчонок. Предприимчивая Анна Семёновна – так звали старуху – вспомнила, что с прошлого года зять не может расколоть суковатые чурки. За них взялись ребята. В благодарность Анна Семёновна решила напоить чаем со свежим вишнёвым вареньем. Пока она заваривала чай, а студенты работали, Анохин как бы между прочим принялся расспрашивать о молодости, о прежних временах, о том, кого хозяйка помнит или о ком от других слышала.

Оказалось, помнит не так уж много. Коллективизацию Анна Семёновна не застала, родилась позже, что и как там было, неизвестно. И о Гостюхиных не

знает, даже фамилии такой не слыхала. А вот в войну поработать пришлось, это правда, хотя совсем девчонкой была. В колхозе на трудодни давали с гульки хрен, а ещё государственные займы. Деньги найди где хочешь, но на облигации подпишись! Если б не огороды, с голоду подохли...

Анна Семёновна всё время сбивалась на Казахстан, как там жарко летом и какие бураны зимой и как всё хорошо растёт, если воду дать. Говорить об этом ей было интересней.

Она и потом, когда уселись пить чай и Анохин включил диктофон, принялась рассказывать явно не здешнюю сказку.

– Ну вот, жил один богатый человек. Жил себе, жил, а тут пришла пора женить сына, – приосанившись и не смущаясь ни диктофоном, ни тем, что ребята достали полевые дневники и принялись записывать, начала старуха. – Ну, надо гостей приглашать, угощать, понятное дело – свадьба. Так что этот богатый человек придумал? Кто хорошо одет, в один шатёр ведёт. Шатёр всяко разукрашен, еда самая лучшая, много мяса. А кто победнее, плохо одет, тех в другой шатёр, где обьедки да кости от барана. И не сам ведёт, уважение показывает, а слуги. Для шантрапы и так ладно...

Дальше следовало, что один дальний родственник обиделся. Он пришёл в старом халате, его и отвели в плохой шатёр. На второй день родственник надел красивый халат, на сапоги – новые галоши... Анна Семёновна вдруг замолкла, прислушиваясь.

– Опять стреляет, зараза! Помещик хренов. А если в кого попадёт?! Пьяный-то!

Анохин и студенты повернули лица к открытому окну. Какое-то время было тихо, потом раздался выстрел, и довольно близко. Его услышали все.

– К моему огороду идёт, – подхватила хозяйка. – Вытопчет всё! И никого мужиков дома нет. Дал бог соседа!..

За Анной Семёновной вышел из дома и Анохин. По ту сторону забора напрямиком через высокую картофельную ботву двигался мужик. В одной руке он держал двустволку, другой за задние ноги то ли зайца, то ли кролика. Зверёк безжизненно болтался.

– Серёжка, черт, опять пальбу устроил! Вот я участковому скажу, взгреет тебя!..

– Ты зайцев моих не видала? – сипло спросил мужик. Лицо у него было опухшее, глаза похмельно заплыли. – Рагу хочу, баба Нюра, всё за рагу отдам. Имею право, скажешь, нет? Из собственных зайцев.

– Имеешь, имеешь, чтоб они подошли, твои зайцы!.. Ну ты смотри, слыханное ли дело? – Анна Семеновна живо повернулась к Анохину. – Выпустил из клетки кролей и охотится на них! Охотник! Скучно ему, чёрту!.. Ты хоть жену не позорил бы, всё-таки директор школы.

Мужик, мутно глядя на соседку, ответил не сразу:

– А чего, только горбатиться всю жизнь? На вас, дармоедов, упираться? Имею полное право отдохнуть. Скажешь, нет?..

– Ага, много ты на нас горбатился! Аж с лица спал. Всё на свой карман, всё мало тебе!.. Не зря помещиком прозвали. По-старому, так кулак.

– Горбатился! – упрямо повторил мужик. – Как где пахать – Серёга! Зерно

убирать – опять Серёга!.. Потому что дурак. Где твои? Вахтовиками заделались, мать вашу, по северам разъехались!..

Анна Семёновна не слушала его:

– Вот напишу, пусть участковый штраф с тебя слупит. Ничего нельзя посадить, зайцы твои жрут, чтоб они подавились!..

– Баб Нюр, не залупайся. Ты соседка, а не залупайся!.. Кто мне чего сделает? У меня начальник милиции друг, прокурор друг. На заимку ко мне отдыхать ездят, у меня там, знаешь... – Мужик перевёл медленный взгляд на Анохина. – Это ты, что ли, старший над студентами?.. Чего ко мне не зашёл? Знаешь, кто я? Я Сергей Викторович Дыбов, меня весь район знает. Область!.. В Москву на выставку приглашали. Виноград в Сибири вырастил! Сам допёр, никто не учил!..

Ещё до того, как старухин сосед назвал себя, Анохину он показался знакомым. Конечно, недавний мнимый покойник!

– Всё картошка да картошка, а когда же молоко? – хрипло заблажил Дыбов. – Превратился хрен в гармошку и не лезет глубоко!.. – Он пел, упорно не сводя глаз с Анохина. – Ты заходи, я много чего знаю. У меня мать кровь заговаривала, боль снимала, травы всякие знала – я всё на ус мотал! Всё!..

Сминая ботву, Дыбов пошёл по картошке искать своих «зайцев» дальше. Его заносило. Видимо, не до конца проспался.

– Так Лидия Степановна его жена? – Анохин вспомнил неприветливую директора школы. Ничего удивительного, с таким затейником мужем радоваться не приходится.

– Трезвый – хозяин, лучше в селе нету. А запьёт, дурак дураком... Это он правду сказал – и вспашет, и на комбайне, когда уборка. Совхоз на ладан дышит, стоящие мужики кто куда разбежались. А как в запой сорвался – всё!..

– А почему помещик? Уже не первый раз слышу.

– Помещик и есть. У него не заимка, а целое поместье, чего только там нет! Директор совхоза на поклон ходит, технику просит, когда уборка или посевная.

Во время сценки с Дыбовым студенты тоже вышли из дома.

– Так чем заканчивается ваша сказка, Анна Семёновна? – поинтересовалась ясноглазая Даша Калининкова. – Это бытовая новеллистическая сказка, да, Виктор Иванович?

Старуха не дала Анохину ответить.

– Все настроение, чёрт, перебил... На чём там я?

– Один родственник обиделся, на следующий день надел новый халат, сапоги с галошами...

– Ага. – Анна Семёновна опять приосанилась. И рассказала, что на этот раз родственника встретил сам хозяин, с почётом проводил в шатёр, где всего было вдоволь. А гость стал чудить – взял полу халата и принялся тыкать ею в еду.

– Ты чего это, бешбармак человек должен есть, а не халат! Совсем с ума сошёл!.. – Изображая хозяина, Анна Семёновна округлила глаза, подняла руки и стала трясти ими над головой. – А умный родственник говорит, вчера я пришёл в рваном халате, меня никто не встретил и по-человечески не угостил. А как надел новый халат, новые сапоги с галошами, так меня сам хозяин встретил, полные чашки всякой еды поставил. Что же получается? Хозяин не меня уважает, а мой халат. Тогда пусть и халат наестся. И сапоги с галошами надо угостить!.. –

Старуха замолчала, лукавыми глазами обежала всех. – Вот и сказка вся, больше сказывать нельзя.

– Казахская? – уточнил Анохин.

– Ага, там слыхала. Мы с соседями дружили. У казахов родню уважают, седьмая вода на киселе, а...

– Крепкие родоплеменные связи, – хмуро заметил Гена Бобров. – У них, как кавказцы в армии, друг за друга держатся.

Старуха мимолётно взглянула на него.

– Казахи до седьмого колена знают, как деда, прадеда и дальше всех звали. Сколько сыновей и дочек было, где кочевали, сколько скотины имели...

– Письменности у них не было, поэтому, – опять вставил Бобров и посмотрел на Дашу Калининкову. Похоже, ему было важно, чтобы последнее слово осталось за ним и чтобы девушка это видела.

Анна Семёновна засмеялась, прикрывая ладонью рот:

– А у нас раньше разве кто грамотный был?.. Спроси меня, как прадеда звали или прабабку. Деда и бабу ещё скажу, дальше – хоть убей! И откуда появились в селе, и чем занимались, тоже не знаю... И обо мне забудут. Обо всех забудут, пусть только время пройдёт. О вас, ребятки, тоже!..

Студенты переглядывались, усмехались. «Это ещё так далеко от них, – как и тогда у оврага, когда встретился «покойник», подумал Анохин. – Рано понимать. Это впереди».

8

Из затянутого марлей окна раздавались злые женские голоса. Дом был старый, осевший набок, с гнилым крыльцом. В окна заглядывала крапива. Женщины в выражениях не стеснялись, крики за марлей перемешались матом.

– Весело живут, – с непонятым удовлетворением заметил участковый. – Интересно, с кем на этот раз разборки? Сейчас мы это выясним.

Но зайти в дом не получилось. На крыльцо вывалили скандалящие. Оттого, что женщины злобно толкали друг друга и громко кричали, понять, сколько их – было трудно. Анохину в первую минуту показалось, что много.

– Прекратите! – зычно потребовал участковый. – Я к кому обращаюсь! Немедленно!..

Анохин взглянул на него. Умеет. Не такой уж тюфяк, как поначалу кажется.

Первой среагировала бабёнка неопределённого возраста. Она быстро спустилась с крыльца и заторопилась навстречу, приглаживая обеими руками растрепавшиеся волосы.

– Ничего не понимаю, Виталий Васильевич! Какие-то дикие претензии! Кому нужен её тинейджер? Люди культурно отдыхают, смотрят телевизор – так нет, надо обязательно всё испортить!.. Ну, скажите, не свинство? Нам свинства на работе хватает, извините за каламбур.

«Однако!» – подумал Анохин. Грамотная речь не вязалась с потасканным видом женщины.

– Отдыхают они!.. Все знают, как вы здесь отдыхаете! Наехало блядво, что, не так? Не так, скажешь?.. – крикливо вмешалась другая женщина. Она тоже

спустилась с крыльца и с болезненной истовостью смотрела на участкового, словно ждала от него защиты. – Ладно, мужики, так и ребят молодых приважируют! Те и рады, дураки – за бутылку-то все удовольствия!..

– Виталий Васильевич, обратите внимание, бездоказательно оскорбляет. Я на вас, женщина, в суд подам.

– Какие ещё доказательства! Генка Сурковых с отцом по пьяни подрались, всё село знает. Таньку не поделили, профуру эту!.. – Женщина повернулась, крикнула в марлю окна: – Я до тебя доберусь! Ты у меня попляшешь, курва!..

Молчавшая до сих пор третья участница свары – она оставалась на крыльце – негромко сказала:

– Фильтруй базар. Я тебе за Таньку... – Но посмотрела на полицейского и не закончила фразу.

Выглядела эта третья участница необычно: мужские брюки, мужская рубашка, сигарета в углу плотно сжатых узких губ. В лице и движениях тоже было мало женского.

– А ты, кобёл, молчи! Не на зоне, и на тебя!..

– Хватит! Прекратили!.. – рявкнул участковый. Когда женщины примолкли, сказал той, что ждала от власти защиты: – Напишите заявление на моё имя. Развращать малолетних никому не позволено. У вас претензии к гражданке Назаровой, я правильно понимаю? Разберёмся. Сейчас идите домой, не мешайте работать.

– Они моего парня... – попыталась было сказать что-то ещё жалобщица.

– В письменном виде. Идите. А вы давайте в помещение!.. Есть разговор.

Участковый опять подражал какому-то киношному сыскарю, решительному, веско разговаривающему, уверенному в себе. Это продолжилось и внутри дома.

– Женщины, называется, – с брезгливой насмешкой сказал он, широким движением сдвигая на столе грязную посуду. На освободившееся место положил уже знакомую Анохину папку из кожзаменителя, потянул за молнию. – Ну что, Назарова, будем составлять протокол? Слышала, какие к тебе претензии? Новую ходку хочешь?

Обращался он к блондинке на диване. То, что это блондинка, можно было лишь предполагать, волосы девушки были заплетены в многочисленные плотные дреды. Она с отсутствующим видом обрабатывала пилкой ногти и поглядывала в телевизор. Впечатление было такое, что ни слова участкового, ни недавний скандал никакого отношения к ней не имеют. Девушка была молода, миловидна и кого-то Анохину напоминала.

Угол, где стоял диван, разительно отличался от общего бедлама в доме. Пуфик, что-то вроде бархатной накидки на диване, туалетный столик рядом, на стене – большой глянецовый плакат какой-то музыкальной группы.

– Назарова, я с тобой разговариваю!

– Она болеет, – хмуро вмешалась мужеподобная. Весь её вид говорил, что блондинку она в обиду не даст.

Участковый хмыкнул:

– Передозировка, что ли?.. То-то, смотрю, цыгане в село зачастили.

– Ну что вы, Виталий Васильевич, мы к этому никакого отношения не име-

ем. – Бывшая интеллигентка осторожно, стараясь не задеть милицейскую папку, убирала со стола грязную посуду. – Мы понимаем, что чревато, мы не враги себе. А вот водочка – да, это бывает, грешны.

– Распустил вас хозяин! Где он, кстати?

Женщины переглянулись, выражение лиц сложно было понять.

– Где помещику быть? Вышел из запоя господин Дыбов, трудится, не прикладая рук.

Участковый, не удержавшись в роли крутого сыскаря, хлопнул по столу мясистой ладонью, повернулся к Анохину:

– Во, дают! Дыбов их трудоустроил, продуктами обеспечивает, платит, а они – «не прикладая рук»... Допрыгаетесь, дамочки, турнёт он вас, других привезёт! Куда пойдёте, кому нужны после зоны? Сейчас нормальным людям устроиться тяжело, а уж вам-то!..

– Женщина создана не для работы, а для любви, – раздалось с дивана.

Участковый преувеличенно обрадовался:

– Гляди-ка, полегчало! У кого это там голосок прорезался?.. Ты и ты – во двор, там подождите! А мы пока со жрицей любви потолкуем.

Бывшая интеллигентка вышла сразу, а мужеподобная уходить не торопилась. У порога остановилась, отдельно произнесла:

– Начальник, у нас права тоже есть. Мы люди.

Участковый ничего на это не ответил. Подождав, когда дверь закроется, буднично сказал блондинке:

– Где студент? И не тяни давай, мне некогда.

– Какой ещё студент? – Та перестала обрабатывать ногти, с вызовом посмотрела на полицейского.

– Дима. Дима Побочный, – сказал Анохин.

Блондинка прыснула:

– Побочный, прикольно!.. Я бы с такой фамилией повесилась. Никакого Побочного не знаю и знать не хочу.

– Это ты зря. Всё на тебя указывает. Не поверю, чтобы этот, в смысле, эта – участковый кивнул за окно, – спокойно на твои дела смотрела. У них тоже ревность есть. Короче, могла студенту что-нибудь устроить. Сама знаешь, зону топтала. Ну, давай, не тяни.

– Я тебе сказала, ничего не знаю! Не знаю!..

– Может, ты и Генку Суркова с отцом не знаешь? И сына Тютяевой, которая сейчас приходила?.. Ты вот что, Татьяна, дело серьёзное. Я тебя не пугаю. Пропали студент и ещё два парня. Последними их видели возле вашей хавиры. Поможешь следствию – зачтётся. А начнёшь пургу гнать!..

Блондинка швырнула в телевизор пилку для ногтей, истерично закричала:

– Это ты не гони! Не на ту напал! Вчера никто не приходил, девки подтвердят! У меня алиби! Не вешай на меня своих глухарей!..

«Ну и работёнка у человека», – Анохин сочувственно взглянул на участкового. Женских истерик он не переносил. Полицейский переждал крики.

– Это у тебя какая ходка была? Знаешь отношение судий к рецидивисткам? Дадут на полную катушку, будешь тянуть от звонка до звонка... А ну покажи вены. Давай-давай!

– Отстань от меня! Ничего не знаю! Пошёл!.. – Блондинка рыдала, но как-то слишком уж бурно.

В дверях показалась мужеподобная.

– Начальник, мы так не договаривались.

– Ладно. – Участковый достал из папки несколько листов бумаги и бросил на стол. – Напишите, чем занимались последние сутки. Каждая. И без лабуды! Что бывает за ложные показания, знаете... Я ещё зайду. Советую подумать. Крепко подумать!

На дворе собирался дождь. Небо затянуло, с запада двигалась тяжёлая синяя туча. Погромыхивало. Всё вокруг стало тусклым. «Не зря весь день парило», – вскользь отметил Анохин.

– Что, в самом деле вчера видели ребят у их дома?

– Психологический приём. Может, они в самом деле здесь были, попытка не пытка. С этими шалашовками по-другому нельзя.

И участковый рассказал, что раньше Михеевка была нормальным селом. Проблемы начались, когда Дыбов привёз на свиноферму освободившихся зэчек, местные работать за пять тысяч не хотят. Люди недовольны, общагу уже поджигали, и вообще, рассадник. Но Дыбова поддерживает начальство, с товарным сельским хозяйством в районе не очень.

– Танька вам никого не напоминает? – неожиданно спросил участковый. – Мэрилин Монро, один к одному! Ну, «В джазе только девушки», смотрели? Старый фильм. Сделай Таньке нормальную причёску – копия!

«В самом деле, – подумал Анохин. – Дал же бог такую внешность потаскухе». Вспомнилось приписываемое Крылову: женщина, как и сыр, как и груша, должна быть немного подпорченной. Эта была подпорчена слишком. Ещё «муж» с зоны. Он что, сутенёр вдобавок?..

– Получается, тупик.

– Почему тупик, – не согласился участковый. – Я их всё равно раскручу. Зацепки есть, заметили, как Танька вены прячет? И кобёл ради неё душу продаст. Так что всё под контролем, всё нормально!

«Твоими бы устами...» Громыкнуло совсем близко, по деревьям прошёл ветер, листва вскипела. Весомо, тяжело упали первые капли.

«Теперь и собаку вызывать бесполезно, дождь все следы смоев. Да и ночь скоро. Что делать?..»

9

На следующий после ночного купания день Ирина вела себя как ни в чём не бывало. «Доброе утро, Виктор Иванович», – поздоровалась во время завтрака. Спокойное лицо, ясный взгляд, ни тени смущения или намёка на вчерашнее. «Доброе утро, Ира».

Ещё один показатель разницы поколений, другого времени, подумалось Анохину. Сам он чувствовал себя неловко. Со стороны произошедшее действительно могло выглядеть пошло. Подпоив, воспользовался зависимым положением аспирантки. Точнее, спровоцировал.

На этот раз он с группой по Михеевке не пошёл. Нужно было позаботиться

о продуктах для столовой. Назначив старшим группы Боброва, Анохин ещё с одним студентом, меланхоличным Денисом Малеевым, одним из немногих на филфаке парнем, направился в сельский магазин.

По логике, дешевле было бы закупиться в городе, но по жаре мясное не повезёшь. К тому же за проезд в автобусе тоже надо платить. В итоге выходило так на так. Небольшие деньги, которые удалось получить в институте и от спонсоров, приходилось расходовать очень экономно.

У служебного входа в магазин стояла грузовая «Газель», из её нутра выгружали ящики с помидорами. Ничего удивительного в этом не было, если бы не женщина с блокнотом и ручкой, следившая за выгрузкой. Это была директор школы Лидия Степановна.

– Богатый урожай, однако, – полушутливо сказал Анохин, поздоровавшись.

– Сами вырастили?

Лидия Степановна шутки не приняла.

– Нет. Муж.

– Он у вас, я слышал, фермер?

– Да.

– Насколько могу судить, преуспевает.

Лидия Степановна не ответила.

– Нуман, два последних ящика не трогай, – сказала она в тёмное нутро «Газели» и закрыла блокнот. Не глядя на Анохина, села в кабину и включила зажигание.

Смуглолицый грузчик проворно соскочил на землю, захлопнул распахнутые дверцы и тоже забрался в кабину.

Странная женщина, подумал Анохин. Сердита на весь мир.

– Помещица, нах! Половина чуркестана на них пашет. – Сбоку появился молодой мужичок. Несмотря на лето, был он в резиновых сапогах и в куртке с капюшоном.

– На кого – на них? – Анохин неприветливо посмотрел на подошедшего. Утро, а этот уже принял на грудь, похоже.

– Ну, на неё и Серёгу Дыбова. Эксплуататоры, нах! Имение у него за Гаврюшкиным лесом, а говорит, типа, заимка... Раскулачивать пора!

Мужичок старался держаться на некотором расстоянии. От него действительно пахивало. За готовностью рассказать новым людям о местных порядках чувствовалось что-то ещё. Денег похмелиться будет просить, решил Анохин.

Но подошедший денег просить не стал. Посетовав на то, что совхоз дал, в общем, дуба, а пахать на Серёгу Дубова он не собирается, мужичок вдруг предложил:

– Слушай, купи рыбу! Свежая, всю ночь комаров на озере кормил, нах. – Он подхватил стоявший у стены магазина целлофановый пакет, торопливо достал ещё гнущегося снулого карася, приподнял жаберную крышку. – Нюхай!.. Или пусть твой студент понюхает, если брезгуешь. Гад буду, свежак!

– А что не через магазин?

– Дак не берут! Сертификат качества им дай. А какой, нах, сертификат, когда вот она, прямо с озера!.. У помещика сертификат не требуют, там всё схвачено. Сам видел, помидоры сейчас... Во, гадская жизнь!

Прямодушный этот мужичок располагал к себе. Но покупать продукты с рук, рисковать здоровьем студентов Анохин не хотел. Мешало что-то ещё. Что – Анохин толком понять не мог. То, что таких незамысловатых мужичков можно направить на что угодно? Неспособность их жить своим умом? То, что они, простые русские люди, послушный предмет манипулирования в руках харизматиков и власти?..

– Извини, не могу.

– Свежее не бывает, отвечаю! – Рыбак смотрел истово, словно собирался перекреститься.

– Не могу.

Детская растерянность появилась на лице мужичка. Но ненадолго.

– Ну и хрен с тобой! – бросил он и отошёл.

Сценка, увиденная вскоре в магазине, озадачила Анохина. Хотя, в общем-то, ничего нового. Очередь была небольшая, однако двигалась медленно. Запахи в магазине витали самые разные – от свежего хлеба до селёдки и халвы. Шёл общий разговор, в котором принимала участие в том числе продавщица в завязанной по-пиратски, узлом на затылке, косынке.

– Бандана, – пробормотал всё время молчавший Денис Малеев. – Круто. Не скажешь, что село. – И принялся внимательно изучать впечатляющий выбор пива на полках.

Женщины обсуждали растущие цены, но делали это как-то спокойно, буднично. Похоже, в последние дни цены в магазине поднялись опять. Ещё не на всех товарах были ценники, и продавщица то и дело заглядывала в какие-то листки, сверялась, вода по ним пальцем.

– А вот при Сталине каждое первое марта цены снижали, – заметили в очереди.

– Ты-то откуда знаешь? Молодая.

– Дак мать рассказывала. Это как закон было, первое марта – и пожалуйста, всё дешевле!

– Ты ещё вспомни, что до революции было. Тогда вообще всё копейки стоило.

– А ты их сначала заработай, всё пупком. Деньги-то другие были, дорогие – не то, что сейчас.

Не отрываясь от дела, продавщица заметила:

– Точно, другие. Прадед наш партизанил против Колчака, жене пенсию назначили. Одно название. Она говорит дочери, бабке моей то есть. Зинка, пойдёшь на базар, возьми пуд пеклёванной муки, две головки сахара, ведро olei, селёдок – с три короба закажет... – Продавщица поглядывала на дисплей электронных весов, но считала почему-то не на калькуляторе, а щёлкала костяшками лежащих рядом счетов. – Прабабка взять в толк не могла, деньги-то другие уже, советские. А что на несколько рублей купишь?.. Сказать ей боялись, серьёзная была старуха. Ещё обматюкает – как, мол, так, не делайте из меня дуру!..

В очереди Анохин оказался за молодой женщиной с девочкой. Девочка томилась, то и дело выбегала на улицу и возвращалась обратно. Повернувшись к Анохину и студенту, снизу вверх рассматривала их.

– Mam, сникерс купишь? – дергала она за руку женщину. – И жвачку. Ma-a-m, купи-и-и...

Та невнимательно отзывалась:

– Подожди ты. Ещё не наша очередь.

– Ma-a-m...

– Я тебе русским языком сказала, подожди!

Наконец их очередь подошла. Женщина заказала:

– Бутылку водки и бутылку вина.

– Mam, сникерс...

– Отстань ты!.. Рис сколько стоит?

Продавщица заглянула в свои листки и назвала цену.

– А перловка?

Перловка стоила дешевле.

– Тогда так, бутылку водки, бутылку вина и полкило перловки.

– Ma-a-m...

– Отстань, зараза! Вот я тебе дома!..

Получив заказанное, женщина уложила покупки в сумку и рассчиталась. Лицо у неё было довольное, будто она решила сложную задачу. Дёрнув хнычущую девчонку за руку, женщина вышла из магазина.

– О, господи... – сказала продавщица.

Очередь молчала.

Когда, нагруженные продуктами, возвращались в школу, Денис Малеев удивил:

– Виктор Иванович, как вы думаете, почему продавщица считает на счётах?

Ведь калькулятор есть.

Анохин пожал плечами.

– Представления не имею.

– А я знаю. Чтобы наглядно было.

– То есть?

– На калькуляторе набрать всё что угодно можно. А на счётах не обманешь, покупатель видит. Деревенская тактичность как бы.

Анохин посмотрел на студента. Вот тебе и витающий в облаках меланхолик!.. Похоже, что в самом деле так.

За хозяйственными заботами прошёл день. После ужина устроили баню, Димка Побочный договорился с кем-то из михеевских ребят. Летом здешняя общественная баня, оказывается, не работала, а помыться было пора, девчонки просили. Они первыми и пошли в баню.

– Это ничего, Виктор Иванович, что мы сначала? – Даша Калининкова, держа в руке пакет с банными причиндалами, уже готова была двинуться за остальными студентками. – По деревенским обычаям, первыми моются мужчины...

Сказано это было извиняющимся тоном, что не помешало Гене Боброву тотчас вмешаться:

– Ага, так вы нам и дали, эмансипированные создания!

– Я не тебе говорю, а Виктору Ивановичу.

– Он деликатный, промолчит. А я скажу от всего мужского коллектива, честно и нелицеприятно: позор!..

Калининкова и Бобров часто пикировались, хотя было известно, что они пара. «Как всё-таки на мою Настю похожа!» – подумал Анохин. Когда он видел эту

ясноглазую студентку, сердце вздрагивало от нежности, будто перед ним была дочь. От девушки словно шёл свежий ветер. Знать, что она встречается с Бобровым, было почему-то неприятно, хотя тот славный честный парень. Анохин так же ревновал бы Настю, если бы узнал, что у неё кто-то есть.

Возможно, уже и есть, просто ему неизвестно. И целует его дочь какой-нибудь молодой самец, запускает всюду руки, может, и дальше у них зашло, сейчас это запросто. Ещё этот ночной клуб, в который втихомолку отпускает жена... От подобных мыслей каменели желваки, пробивало ненавистью к возможному бойфренду, представлявшемуся Анохину похотливым прыщавым типом. Хотя смешно и глупо – ведь для чего-то же раздались у Насти бёдра, а грудь появилась ещё в шестом классе. Ей самой необходимы эти чужие парни, такова природа, не вечно же дочери быть домашним ребёнком. Но как убедить в этом себя, своё сердце, как? Что за комиссия, Создатель!..

Анохин мылся последним. Воды оставалось мало, тёмная баня с низким толком почти выстыла, но всё равно было хорошо. Веник из только что наломанных берёзовых веток славно пахнул, делал немолодое уже тело упругим, слегка будто мыльным. Анохин словно опять оказался в Ягодном, того и гляди разбухшую дверь дёрнет единственной рукой дед Саша, спросит в щель: «Ну чего, не угорел тут?.. Ополаскивайся да пошли, бабка чай пить зовёт». Лет с четырнадцати Анохин мылся один – стеснялся.

Пил чай он и после этой бани. Ирина позаботилась, принесла в учительскую закутанный в спальник заварочный чайник, весело объявила:

– Крупнолистовой, Виктор Иванович, настоящий! Не люблю я эти пакетики – эрзац и гадость!..

Вела она себя в учительской свободно, уже не первый день обрабатывала здесь материал, который мог понадобиться для кандидатской. И опять, как и утром, никакой неловкости на лице, словно ничего между ними не было. «Я-то чего комплексуешь? – с досадой подумал Анохин. – Другие времена, другие песни!..» Однако вести себя естественно не получалось. В конце концов, у аспирантки вырвалось:

– Что-то не так, Виктор Иванович?

– Почему? Всё нормально.

– Зажатый вы какой-то. – Словно успокаивая, Ирина опустила свою породистую белую кисть на его руку. – Я сегодня останусь?..

Чувствуя всю нелепость, даже постыдность своего поведения, Анохин осторожно высвободил руку.

– Спасибо за чай, Ира... Уже поздно, вам пора спать. Спокойной ночи.

Ворота у Голошубовых были классические сибирские: высокие, глухие, с двухскатным козырьком сверху. Что за такими происходит, можно было только предполагать. В обе стороны от ворот шёл забор, тоже высокий и глухой. Вверху, похоже, была колючая проволока, толком понять было невозможно – уже стемнело.

«Ещё кобель на цепи, а может, два», – подумал Анохин и принялся сильно

стучать, надеясь, что услышат. Уверенности не было, и Анохин стучал до тех пор, пока за воротами мужской голос не сказал:

– Слепой, что ли? Звонок есть!

Клацнул врезной замок, калитка в широких воротах открылась. Человек направил Анохину в лицо свет фонарика.

– Ну?

– Я руководитель фольклорной практики, тоже ищу своего студента. – Анохин заслонился от света рукой. – Есть какие-нибудь новости?

– А-а... – Мужчина узнал Анохина и отвёл фонарик. Видимо, он был в числе тех, кто ходил сегодня вместе со всеми по колкам, а потом отправился искать своего парня самостоятельно. Что хозяин усадьбы из себя представляет, Анохин понять не мог. Глаза были ослеплены, но по голосу – средних лет мужчина, скорее всего, отец. – Ни хрена не узнали. Придётся чёрных нанимать.

– Чёрных?..

– На нашего мента надежды мало. Пустозвон. А те мужики деловые, должны помочь. За деньги, понятно.

Вновь принялся накрапывать дождь, но приглашать в дом Голошубов явно не собирался. Анохину, в общем-то, было уже всё равно, он вымок ещё тогда, когда обрушился ливень. Участковый с первыми тяжёлыми каплями торопливо ушёл, прикрыв голову папкой, Анохин же встал под дерево, надеясь переждать. Переждал, но промок до нитки – спасти от такого дождя листва не могла.

– У других, которые тоже ищут, у них как?

– Баргадаевы? Глухо. Мы договорились вместе чёрных нанимать.

– Вы держите меня в курсе, хорошо?

– Ладно, – помедлив, сказал Голошубов. По голосу было ясно, что держать Анохина в курсе для него дело десятое.

Когда Анохин уже подходил к школе, заиграл мобильник. Высветившийся номер ни о чём не говорил.

– Виктор Иванович?

– Да.

– Это Лидия Степановна. Мне нужно срочно с вами поговорить.

– Слушаю.

– Не по телефону. Жду вас в учительской.

Первой, кто встретился Анохину в школе, была Ирина. Она озабоченно сообщила, что пришла директор, попросила номер его телефона, сейчас находится в учительской.

– Что-нибудь о Димке удалось узнать?.. Ой, да вы совсем мокрый, Виктор Иванович! Вам переодеться надо!..

Анохин не ответил. Из-за дождя все студенты находились в школе, но ни музыки, без которой они жить не могли, ни голосов из классов слышно не было. «А ведь будет кому-то хорошей женой, – нехстати подумалось про Ирину. – Внимательная, заботливая...»

Директриса сидела на диване, на котором Анохин спал и уже привык считать своим.

– Я знаю, где ваш студент, – сказала Лидия Степановна, не поднимаясь с ме-

ста и отложив в сторону какую-то брошюру. – Если обещаете отозвать заявление участковому, сегодня же можете своего студента забрать.

Анохин пододвинул к себе стул и сел. Несколько секунд молчал, ощущая, как к ногам липнут холодные мокрые штанины. Наконец спросил:

– С ним всё в порядке?

– Могло быть хуже.

Облегчение и радость, окатившие Анохина, стали слабее, но не исчезли. Главное, нашёлся, жив, засранец!..

– Что вы имеете в виду – могло быть хуже?

– Увидите. Поехали.

Рядом со школой стояла «Газель», на которую Анохин в спешке не обратил внимания. Лидия Степановна села за руль, Анохин на сиденье рядом. В салоне за спиной был кто-то ещё, но в темноте не рассмотреть. «С телохранителем, что ли, ездит?..» Вряд ли это мог быть грузчик, с которым Лидия Степановна привозила на днях в магазин помидоры.

Выехали за село, какое-то время двигались по автостраде, затем свернули на просёлок.

– Куда всё-таки едем?

– На заимку.

– Мой студент там?

– Да.

– Почему?

Лидия Степановна не ответила. Слабый свет доски приборов освещал её замкнутое лицо, падал так, что особенно явственно был виден белёсый пух на щеках. «Побрилась бы, что ли, – раздражённо подумал Анохин. – Кабаниха!». Властных женщин он недолюбливал.

Минут через пять езды по просёлку из темноты появился шлагбаум. Сидевший сзади человек выскочил из салона, повозившись с замком, сбросил цепь, соединявшую шлагбаум с основательным металлическим столбом, и отвёл полосатую трубу в сторону. Прodelал он это быстро, ловко – чувствовалась выучка.

Вскоре, скользнув светом фар по приземистым строениям, остановились.

– Как он? – спросила Лидия Степановна у подошедшего мужчины. Из-за своей комплекции выбиралась из «Газели» она медленно.

– Немного пьёт, немного ругается, опять пьёт, – с акцентом сказал подошедший.

– Ключи забрал?

– Слушай, не хотел давать, да? Я говорю, хозяйка сказал, зачем не слушаешь, зачем руки, понимаешь...

– Забрал или нет?

– Забрал.

– Не выпускай его. Не понимает, это серьёзно. Если бы ещё свои, а то... Пошли, откроешь.

Двигались в темноте, Анохин несколько раз споткнулся. Впереди прыгал свет мощного фонаря. Наконец остановились у рубленого здания на отшибе. Встретивший «Газель» человек щёлкнул замком, открывая дверь. В лицо пахло затхлым духом холодной бани. Щёлкнул ещё один замок.

– Спите, абреки? Э. вставай, выходи – свобода, понимаешь!..

Зажёгся свет под потолком, с полков сауны, шурясь, стали подниматься ребята. Было их трое, вид у всех не из лучших. На лицах ссадины, у Димы Побочного под обоими глазами синяки. Охранник повернулся к Анохину:

– Слушай, только самооборона, да? Они воровать пришли, поросёнка такой смерть, э, страшно!.. Мы никого первый не трогаем, мы с местным населением...

– Потом расскажешь, – оборвала Лидия Степановна. – Парни, давайте за мной.

Когда возвращались к «Газели» мимо неказистого строения, напоминавшего сторожку, услышали громкий злобный голос:

– От винта, ишаки! Отвали, говорю!.. Я пашу, чтоб всякие пидоры меня грабили?! Порву всех!..

Из сторожки кто-то рвался наружу, дверь дёргалась, стучала – похоже, кричавший пытался открыть её, ему не давали. Голос был знаком. Серёга Дыбов.

– Кому сказал!.. Сговорились, суки! Я по-человечески не живу, пашу как проклятый, любому начальству жопу лижу, а эти!.. Задавлю козлов!

Лидия Степановна принялась торопить:

– Быстрее, быстрее! Он сейчас дурной, всё что угодно может сделать.

Анохин трусом не был, однако и он ускорил шаг. Яростное, звериное слышалось в криках Дыбова. Такой в самом деле мог натворить бед. Вот тебе и мнимый покойник, вот тебе и придурочный охотник на кроликов!..

Всю обратную дорогу молчали. Первыми высадили Баргадаева и Голошубова. У школы Лидия Степановна сказала Анохину:

– С утра подойдёте к участковому и заберёте заявление. Как договаривались.

– Посмотрим.

Лидия Степановна с нажимом повторила:

– Мы договаривались!..

На этот раз не ответил Анохин. Ох уж эти кабанихи!..

К тому же надо было сначала расспросить Побочного.

Никогда не знаешь, где встретишь бывших студентов. В школах выпускников их пединститута, с недавних пор носящего гордое название гуманитарного университета, было не так уж много. Узнающие взгляды Анохин ловил в самых неожиданных местах: из-за толстого стекла отделения банка, в нефтедобывающих ЗАО, в которые приходилось обращаться за спонсорской помощью, в какой-нибудь из городских библиотек или в краеведческом музее.

Однажды на грудь ему бросилась кондуктор в автобусе: «Виктор Иванович, не узнаете? Я у вас училась!.. Конечно, почти десять лет прошло, забыли. А я ваши лекции помню, была в вас влюблена. Надо же, ссыкуха, сразу после школы, в преподавателя влюбилась!..» И открытый смеющийся взгляд, уверенность молодой женщины, у которой всё хорошо.

Не все, конечно, вели себя так. Случалось, бывшие студенты при встрече старались не замечать. Может, потому, что не у всех учеба была связана с приятными воспоминаниями, а теперь появилась возможность продемонстрировать независимость. Или, быть может, институт и всё с ним связанное стало для этих

людей прошлым, ненужным, тогда как жить следовало только настоящим и будущим. Анохин к такой реакции давно привык и относился к ней так же, как и к ностальгической радости. Хотя, конечно, второе было приятней. Помнят, благодарны. Его труд имеет не только денежный эквивалент, ежемесячно переводимый на карточку. Вернее – не столько.

О Вассине Анохин сначала услышал. Дежурившие на кухне студентки сообщили, что приходил какой-то человек, говорит, выпускник их университета. Обещал зайти вечером. И в самом деле, ближе к ужину на пороге учительской стоял крупный, с наметившимися залысынами мужчина лет тридцати и неуверенно улыбался.

– Виктор Иванович, разрешите?..

Вассина Анохин не помнил, разве что в уголке сознания брезжила необычная фамилия – с двумя «с», от «Васса». Да и сложно было узнать в этом матеряющем мужике недавнего выпускника. Анохин отодвинул от себя полевые дневники.

– Заходите, конечно.

Мужчина ступил в учительскую.

– Днём я вас не застал...

– Так это были вы?.. Мне говорили. Присаживайтесь.

Мужчина взял стул, опустил на полированную столешницу сцепленные в замок руки. Волнуясь, тут же убрал их.

– Услышал про фольклорную экспедицию, думаю, хорошо бы пообщаться. Время учёбы в институте для меня... Ну, отечество нам Царское село... В смысле, по Пушкину....

Смешавшись, Вассин замолчал. Эта не идущая взрослому человеку робость располагала, вызывала к Вассину симпатию.

– Да вы не волнуйтесь, – сказал Анохин то, что говорил в подобных случаях на экзаменах. – Не волк же я, не съем.

Вассин улыбнулся. Улыбка тоже понравилась Анохину. Открытая, почти детская. Вассин рассказал, что живёт в соседней деревне, учитель местной девятилетки. Сначала работал в городе, преподавал язык и литературу, но пришлось переехать – в деревне им с женой дали жильё, есть приусадебный участок. А в городе нужно было снимать квартиру, что с учительской зарплатой и ребёнком делать непросто.

Плохо же в деревне то, что практически не с кем общаться. Конечно, интернет, электронная почта, форумы – всё это доступно даже здесь, но живого общения заменить не может. Коллеги, в основном, пожилые, пенсионного и предпенсионного возраста люди, их мало что интересует. Потому он так обрадовался, когда узнал, что в Михеевку приехала фольклорная экспедиция из института.

Вассин действительно истосковался по серьёзным разговорам, это стало ясно во время первой же встречи. Они просидели в учительской до темноты. И лишь когда раз в третий заглянувшая в учительскую Ирина напомнила про ужин, Вассин поднялся.

– Заболтал я вас, Виктор Иванович. Может, зайдёте в гости?.. Здесь недалеко, по трассе полчаса.

Вассины обитали в вагончике или, как говорят на севере, в балке. Жильё, похоже, было временным, рядом стоял домишка с оголёнными стропилами и

окнами без рам. Из него и появился Вассин с молотком в руках, когда Анохин на следующий день отыскал в ближней деревушке его усадьбу.

– Нашли, Виктор Иванович? Я же говорил, деревня небольшая, любой покажет. – Вассин повернул голову к вагончику: – Михаил, слышишь меня? Ко мне аллюром!

Из вагончика никто не появился.

– Решил вот заняться ремонтом. Пока дожждёшься от администрации, лучше самому, так быстрее. Да и качественнее.

Анохин окинул взглядом участок. Теплица с просматривающимися за армированной плёнкой помидорами. Морковные, свекольные и капустные грядки. Картофельная ботва на задах... Всё ухоженное, не скажешь, что здесь живут вчерашние горожане.

Перехватив взгляд, Вассин не без самодовольства заметил:

– Обживаемся понемногу. К следующему лету, думаю, накопим на машину, без неё здесь нельзя. На подержанную, конечно. А пока дом отремонтирую, подпол приведу в порядок... К сентябрю, думаю, заселимся.

– Ремонт непростое дело. Опыт нужен. – Анохин отметил, насколько увереннее Вассин чувствует себя здесь, чем тогда, когда приходил в школу.

– Не боги горшки обжигают, Виктор Иванович! Главное, желание, а этого не занимать. – Вассин опять повернул лицо к вагончику. На этот раз позвал громче, строже: – Мишка, обормот, отлучу от компьютера! Слышишь меня?..

Наконец из вагончика показался мальчишка лет восьми, недовольно протянул:

– Чего?..

– Быстро за мамой! Скажи, Виктор Иванович пришёл. – И уже Анохину: – Обратная сторона прогресса. Вместо речки, леса, друзей – компьютер! Для того мы в деревню перебрались, чтобы он от монитора не отлипал?..

Вассин вдруг оценивающе, с некоторым сомнением взглянул на Анохина.

– Виктор Иванович, не поможете шифер наверх забросить?.. Извините, что я с такой просьбой, надо дом накрыть, пока дождей нет. Жена теперь мне не помощница, а то бы не просил.

Жена Вассина и в самом деле была не помощница. Это выяснилось минут через десять, когда она появилась, закрыв на время деревенскую библиотеку, в которой работала. Женщине предстояло скоро рожать. Двигалась она осторожно, губы и нос, как у беременных бывает, припухли. Однако стол в вагончике Светлана накрыла быстро, вскоре Мишка пришёл звать обедать.

– Недавно читаю в интернете о Швеции: период великодержавия. Представляете, Виктор Иванович – великодержавия!.. Я и не знал, что у них такой период в истории был. А ведь в самом деле при Карле Двенадцатом вся восточная Европа перед Швецией трепетала. Да и центральная тоже. – Вассин размешивал в борще майонез, ему не терпелось продолжить разговоры, начатые в школе. – Или Австрия. Века не прошло, как стала маленькой и нейтральной, а до того империя, турок в Европу не пустила, с Наполеоном воевала... Света соврать не даст, она истфак окончила.

– Ты предложил бы Виктору Ивановичу... – Жена намекающе улыбалась припухшими губами.

Вассин хлопнул себя по лбу.

– В самом деле, Виктор Иванович! Я сам не очень, но на всякий случай держу. – Не поднимаясь с места, он потянулся к шкафчику, открыл створку. В тесном пространстве вагончика всё было под рукой. Вассин достал бутылку. – Или Турция. Сейчас только специалисты знают, что Порта тоже была империей, весь Ближний Восток подчинила, Египет... Будете?

Анохин также предвкушал разговор, который будет интересен не только Вассину. А тот, продолжая рассуждать, наполнил поданные женой рюмки.

Смысл рассуждений сводился к следующему. Кто может с уверенностью утверждать, что Россия тоже не прошла свой пик, своё великодержавие? Сначала небольшое княжество, прираставшее окрестными землями, потом подчинение Рязани, Твери и Великого Новгорода, выход на Волгу. А там уже и империя Петра и Екатерины II, при которой ни одна пушка в Европе не могла выстрелить без согласия России. И Советский Союз, та же империя, одна из главных сил в мире, особенно после Второй мировой. Наивысшая точка. Дальше – стремительно угасающая пассионарность, резкий спад, сумерки. Рим перед завоеванием варварами.

Конечно, мир теперь другой, вырезать население никто не станет, но насчёт национальной гордости говорить не приходится. Град обреченный. Нет идеи, крепящей нацию, нет стержня. Раньше стремились к коммунизму – какая-никакая, а идея. Не может быть идеей желание обогащаться. Слишком оно приземлённое, куцее, животное. Религия – на любителей, на бабушек и дедушек. Понимая это, власть нагнетает патриотизм. Вспомнили об обоих Отечественных, изгнание поляков Мининым и Пожарским. Осталось вспомнить про Олегов щит на вратах Царьграда и походы Святослава. Нынешнего-то ничего нет. Гордиться предлагается прежним, чужим, к чему отношения нынешняя Россия не имеет...

Во время монолога Вассин навалился локтями на стол. Лицо у него покраснело, беспокойные пальцы сжимались и разжимались, будто искали себе занятие.

Анохин с интересом посматривал на недавнего выпускника. Думает человек, размышляет, а это дано не каждому. Отраднo видеть, как из не отягощённых знаниями ребят что-то в итоге получается. Рассуждения Вассина были по-молодому запальчивы и просты, но это пройдёт. Главное, чтобы осталось желание думать, чтобы не заплыло жиром возрастного безразличия и самодовольства. Иначе прибавится ещё одна овца в послушном бездумном стаде.

– Я бы не стал посыпать голову пеплом. Рано нас хоронить, – сказал Анохин и пригубил рюмку. – Вывернемся, не первый раз. Как там у Толстого – образуетея. Слишком мы большие, чтобы так запросто кануть в Лету. Да и почему всё сводить к военной силе? У России великая культура.

– А также в области балета мы впереди планеты всей!.. – подхватил Вассин.

– Женя, – вполголоса упрекнула жена.

Анохин улыбнулся.

– Всё нормально, Света. Каждый имеет право на собственную точку зрения.

Если что-то и могло его задеть, то никак не ёрничанье захмелевшего Вассина. Это не раз приходило в голову и ему самому, но подобные мысли, высказанные другим, были отчего-то неприятны.

О том, что ему хотелось узнать, Анохин заговорил, когда после обеда заня-

лись шифером. Он догадывался, каким скорее всего будет ответ – не для того люди перебираются в деревню, чтобы менять свою жизнь ещё кардинальней, – но всё же заметил как бы между прочим:

– Сейчас многие молодые уезжают. Учат язык, приживаются. Существуют государства, которые в подобном заинтересованы. Теперь это не преследуется, предателями эмигрантов никто не считает, как в Советском Союзе...

Вассин принял очередной волнистый шиферный лист, снял рабочие рукавицы и присел вверху у лаза на чердак. Были видны его голые щиколотки над поношенными кедами.

– Я думал об этом, Виктор Иванович. Кое-кто из знакомых уехал. Канада принимает, Австралия, Новая Зеландия – они экспансии юго-восточной Азии боятся. Ай кью у нас со Светой нормальные, проблем со здоровьем нет, семья перспективная. В общем – шансы есть.

– И?..

– Кому за границей нужны русские гуманитарии!.. – хмыкнул Вассин. – Опять же мы здесь родились, выросли в этой культуре, будем всё время чувствовать себя за границей чужаками.

– Это уж как водится, первое поколение жертвенное. Уезжают ради детей.

– Это, конечно, так, но...

Вассин замолчал, принялся ковырять мозоль на ладони. Анохин подумал, что заговорил о слишком интимном, которое не обсуждается даже с преподавателем, пусть и уважаемым. Евгений неожиданно засмеялся, посмотрел в глаза.

– За державу обидно, Виктор Иванович!.. – Шутит он или говорит всерьёз, было не разобрать. – Россия ещё встанет на ноги. Я не верю, что всё необратимо.

– А как же Швеция, Австрия, Турция?.. Сам только что говорил.

– То они. У нас другое.

– Россия третий Рим и четвёртому не быти?..

– А хоть бы и так. – Вассин смотрел серьёзно. – Гибнут тогда, когда смиряются. Наш народ не такой. Мы ещё заставим с собой считаться.

«Твоими бы устами... – подумалось Анохину. – Но вот что удивительно. Почему для русского человека нет ничего важнее, чем величие государства? Потому, что устроить свою жизнь, как в Европе, не получается? Что это единственная отдушина для гордости и достоинства?.. Отчего мы ставим знак равенства между собой и государством? Тешимся его силой, влиянием? Они по определению преходящи, как всё вокруг».

Но говорить об этом сейчас не следовало. Всему своё время. Вассин сам должен задаться таким вопросом. Или не задаться – возможен и такой вариант.

На следующий день Анохин привёл с собой Побочного, Боброва и Дениса Малеева. Ребята согласились помочь – как-никак Вассин бывший студент их университета.

Интересно было смотреть, как парни сноровисто передвигались по верхотуре, будто всю жизнь только тем и занимались, что крыли крыши. На глазах серые прямоугольники шифера закрывали соединяющие стропила доски. Анохин усмехнулся: ребята молодые, яйца свежие, так говорят в приобских деревнях, – всё на лету схватывают... Сам он отмерял на земле полосы идущего под шифер рубероида, подавал гвозди и другую необходимую мелочь.

– Хорошо в краю родном, пахнет хлебом... энд молоком! – выдал Димка, сидя на коньке крыши.

Бобров отозвался:

– Размер хромает, пиит!

– Под словом «молоко» подразумевается нечто иное, – по обыкновению меланхолично заметил Денис Малеев, загоня в шифер гвоздь со специальной шляпкой.

Димка не унимался:

– Вышел в поле... – Он на секунду запнулся, переиначивая частушку. – Нет, так: влез на крышу, лёг поспать – далеко кругом видать!

– Эквилибрист, чтобы на крыше спать? И как это – спать и смотреть?

– Я на солнышке лежу, я на солнышко гляжу...

– Какой он эквилибрист – приколист!..

Вассин с усмешкой посматривал на студентов. Пацаны, резвятся... На Мишку, подошедшего слишком близко в дому, Вассин сверху прикрикнул:

– Михайло, у тебя что, с памятью плохо?.. Быстро к маме! Шифер может сорваться, соображай. – Похоже, в глазах студентов Вассину хотелось выглядеть серьёзным мужчиной, непререкаемым семейным авторитетом.

Мишка нехотя отошёл от дома. Весь день он норовил быть поближе к весёлым дядям, так не похожим на других взрослых. Он даже про компьютер забыл.

В Михеевку возвращались в сумерках. Пошли напрямик через светящиеся берёзовые колки и тёмные балки. В низинах густел остывающий вечерний воздух, крепко пахло травами. На небе проклёвывались влажные звёзды, было тихо, едва слышно гудела трасса.

Анохину вспомнился случай из детства. Почти такой же вечер, он в Ленинграде, уже темно, но мама домой не зовёт. На скамейке у подъезда рядом с ним какой-то человек, они разговаривают. Лица человека Витя не видит, но голос спокойный, немолодой, добрый. Однако это не отчим и не дед Саша. Витя делится с человеком, лица которого не рассмотреть, своей мечтой. Ему надо найти кисточку, а лучше две, которые можно прицепить к ошейнику соседской собачки. Будет очень красиво. Человек рядом соглашается, да, красиво. Отчим и дед Саша посмеялись бы, а здесь полное понимание – и Витю заполняет благодарность к кому-то надёжному, большому и доброму рядом. Этот человек – а может, и не человек вовсе – дороже ему сейчас всех людей на свете. Роднее мамы, бабы Зои, деда...

Что это было, Анохин не знает. Того человека он больше не встречал. Или встречал, но не узнал. Волшебство сумерек? Прикосновение к вселенской душе? К безмерному пониманию и сочувствию? К Богу?..

– Виктор Иванович, а ведь мало что меняется, вы согласны? Так здесь было и сто лет назад, и двести. И потом так будет. – Голос Малеева прозвучал одиноко, тревожно. Похоже, студенту было не по себе.

Свою затерянность в тёмном просторе почувствовали и остальные. Побочный перестал всех подгонять, хотя его ждали какие-то дела в Михеевке. Шли молча, трава под ногами стала податливой, кроссовки были мокрые от росы. Гена Бобров, желая стряхнуть наваждение, громко, безапелляционно заявил:

– Сомневаюсь! Скоро и такие медвежьи углы подомнёт глобализация. Она, как танк – всё под себя подминает!

– Ага, подомнёт, – не согласился Малеев. – Только не здесь, вон сколько всего. В России есть места, где нога человека вообще не ступала.

– Ну и что? Я имею в виду единую всемирную цивилизацию. Прикинь, в Киевской Руси были древляне, дреговичи, уличи и тэ дэ. А в итоге культура полян стала главенствующей, все остальные подмяла под себя.

– Ладно тебе! – заговорил Побочный. – В амазонской сельве индейцы до сих пор ходят голые и охотятся с луками. Какая на фиг глобализация! Тысяча лет должна пройти, больше разговоров!..

Ребята принялись спорить, забыв о тёмном просторе вокруг и своей неприкаянности в нём. Анохину опять подумалось о смывающем всё времени. В последние годы к нему всё чаще приходили мысли об этом – без особой на то причины, казалось бы.

Вот и теперь. Когда-то через эти берёзовые колки и балки проходили дикие монгольские воины, пахнувшие конским потом, кострами и кровью. Ещё раньше, когда не было колков и балок, а на многие сотни и тысячи километров простирался другой ландшафт, прошли скифы и сарматы в звериных одеждах. Где они? На чём их след? Что оставили? Могильные курганы с истлевшим прахом, с остатками ломких волос на голых черепах?.. В глухих урманах обитали мелкие народцы, оттеснённые сильными соседями. Ездили на оленях, рыбачили и охотились, поклонялись лесным и речным божкам, воевали с такими же, как сами, гонимыми людьми, были счастливы и несчастны...

Черета племен и народов уходит во времена, о которых страшно думать и по сравнению с которыми твоя жизнь так ничтожна и вовсе необязательна.

12

Побочный чувствовал себя именинником. По крайней мере, так себя вёл. Когда, сопровождаемый Анохиным, он поднялся по ступенькам в школу, ещё в вестибюле поднял вверх руку, торжественно объявил:

– Оваций не надо! Друзья встречаются вновь, господа пристяжные заседатели!..

Его не смущали ни порванная одежда, ни синяки под глазами. Ребята и девчонки высыпали из классов, обступили Димку. Никто не спал.

– Ты где был?! Волнуйся тут из-за тебя!..

– Отоварили чела! Круто смотришься с фингалами, Димон! Типа, панда.

– Явление Христа народу.

– Дима, нельзя же так, в самом деле! Весь день тебя искали!..

Побочный опять поднял вверх руку, как римский оратор на форуме.

– Спокойно, господа пристяжные заседатели! За интервью с душераздирающими подробностями беру исключительно кэшем. Кто первый?

Анохин прекратил балаган:

– Пошли в учительскую.

– Какие родные со школы слова!..

– Кончай стёб.

В учительской он сел за стол, глазами показал на стул напротив.

– Рассказывай.

– О чём, Виктор Иванович?..

– Не придуривайся. Как попал на заимку? Что за поросёнок? Выкладывай.

– Так вы уже знаете.

– Хочу услышать от тебя. Ты всех подставил. Вы что, воровать к Дыбову полезли?

– Ну, не то, чтобы воровать... Однако из последовавшего рассказа явствовало, что Побочный с деревенскими ребятами пошли именно воровать и были пойманы. Шашлыков обалдуям из молодой свинины захотелось. Поросёнка, чтобы не визжал, засунули в мешок с золой, там он задохнулся. Старый воровской приём, в интернете вычитали.

– Ты понимаешь, что вас могли изуродовать? Слышал, как Дыбов бесновался?.. Имеет право, он работал, а вы его пришли грабить. Маленький, не понимаешь?

– Так уж и работал. На него работали! Мы пришли прибавочную стоимость экспроприировать, она честной не бывает. Ваш Дыбов эксплуататор. – Побочный смотрел серьёзно, будто и не ёрничал только что.

– Понахвтался. Жизнь себе хочешь испортить? Если твой подвиг дойдёт до ректора, не уверен, что смогу отстоять. – Анохин не ожидал такого ответа от легкомысленного, в общем-то, студента.

– И не надо! На университете свет клином не сошёлся.

Анохин задержал на Побочном взгляд. Говорит так, потому что молод, терять нечего и всё ещё достижимо?.. Что-то вроде зависти шевельнулось в душе.

– Ладно, завтра поговорим. Иди, приведи себя в порядок.

Не прошло и десяти минут, как в учительской появилась Ирина. Лицо у неё было озабоченное.

– Что будем делать, Виктор Иванович?

– Да уж что-нибудь будем... Вариантов вырисовывалось два. Первый: сделать вид, что ничего особого не произошло, довести практику до конца и уехать, благо, осталось несколько дней. Вариант унижительный, но самый разумный. Вариант второй: засвидетельствовать у медиков побои и написать ещё одно заявление в полицию. Не зря Дыбова не хочет разбирательства, ребят можно было задержать, обойдясь без рукоприкладства.

По Ирениным глазам было заметно, что зашла она не только для того, чтобы задать свой вопрос. Имелась какая-то информация.

– К Димке пришли.

– Кто?

– Кажется, ребята, которые с ним были. Ну, эти, Баргадаев с Голошубовым.

– Зачем?

Аспирантка пожалала худыми плечами.

– Где они?

– Во двор вышли... Виктор Иванович, как бы ещё чего не случилось!

– Да уж всё случилось, куда больше.

Вместе с аспиранткой он вышел на высокое крыльцо школы. Освещённый пятачок внизу лоснился лужами, никого вокруг видно не было. Анохин позвал в темноту:

– Дима!

Ответа не последовало. Анохин громко произнес:

– Я закрываю дверь.

– Совесть у тебя есть или нет?! – неожиданно взорвалась Ирина. – Что ты себе позволяешь, в конце концов!..

Анохин с интересом взглянул на неё. Не такая уж и расчётливая, в самом деле, переживает.

– Иду, иду, – послышалось из темноты.

Вскоре Побочный в самом деле появился. Подходя к крыльцу, оглянулся, махнул рукой двум неясным фигурам, направляющимся к школьным воротам. Сказал разбитным голосом:

– Поздравьте важную персону. Мне поступило предложение, от которого трудно отказаться.

– Что имеешь в виду?

– Дело сугубо конфиденциальное.

Димка ухмылялся. Два синяка под глазами действительно делали его похожим на панду. «Ещё выпендривается, засранец!» – недобро подумал Анохин.

На следующее утро в местном фельдшерско-акушерском пункте ему объяснили, что выдавать справки о телесных повреждениях не имеют права. Для этого нужно ехать в районную больницу. В словах заведующей ФАПом в тесном на бёдрах белом халате чувствовалась неискренность.

– Действительно, Виктор Иванович, стоит ли?.. Я претензий не имею, тоже не ангел.

Ещё в школе Побочный надел тёмные очки, синяков под глазами теперь видно не было. Он всячески демонстрировал своё нежелание куда-либо идти, тем более – ехать.

– Слава богу, понял!.. – бросил Анохин.

Объяснять, что дело не только в нём, не было желания. Почти всю ночь Анохин пролежал на своем диване с открытыми глазами, не выспался, и теперь всё вокруг казалось зыбким, ирреальным. К тому же не выходили из головы отрывки снов, в которые он изредка проваливался. Они беспокоили, казались предчувствием беды. Хотя с чего – Побочный всё-таки нашёлся, это было главным.

На автобусной остановке у здания сельской администрации толпились михеевцы. Из вместительных сумок на колесиках выглядывала сбрызнутая водой огородная зелень, отмытый до розового свечения ранний картофель, какие-то судки то ли со сметаной, то ли с творогом. Люди направлялись в райцентр торговать. Все были по-утреннему деловиты, немногословны.

– Так это ты к помещику лазил? Досталось тебе?.. Судить помещика надо, в край обнаглел, чертяка!..

Анна Семёновна, та, что рассказала казахскую сказку, когда в первый день практики Анохин водил группу по селу. Старуха, похоже, тоже собралась в райцентр. Рядом с ней стояла девушка-подросток с прикрытым марлей ведром вишни – видимо, внучка. Чувствовалось, она стесняется ведра, марли, бесцеремонности Анны Семёновны, городских людей Анохина и Димку, которые всё это видят.

– Ну-ка сними очки, дай посмотреть... Это ты тогда у меня коряги колот? Зятя не смогли, а тебе поддались – сила есть, выходит! Чего ж не оборонился?..

Снять с себя очки Побочный не дал, резко отвёл голову. Это старуху не смутило.

– Точно говорю, судить помещика надо! Чего, управы на него нет, что ли? Сам дурак, ещё чёрных в охрану набрал. Это они тебя?

Люди на остановке повернули головы, прислушивались. Однако чувствовалось, вчерашнее событие новостью ни для кого уже не было. Понимая, насколько это мелко и несолидно, Анохин тем не менее сказал:

– Что же вы сами Дыбова к порядку не призовёте, Анна Семёновна? Стреляет, его кролики вам покоя не дают, урожай на огороде уничтожают, а вы терпите.

– Я-то? А чего я? Не одна на селе живу, другие тоже есть, кому помещик гадит. Не сосчитать, пальцев не хватит!.. – быстро отозвалась, будто только и ждала этих слов, старуха.

Анохин не слушал её:

– А знаете, почему молчите и терпите? Хотите, чтобы кто-то за вас сделал. Илью Муромца с Добрыней Никитичем ждёте. На чужом горбу в рай хотите вьехать.

Может, он и сдержался бы – нашёл кого попрекать! – но беспокойная ночь, томящее ожидание чего-то недоброго сказывались. От более резких слов удерживала девушка-подросток. Та от стыда за происходящее пошла пятнами, была готова провалиться сквозь землю.

– Я не молчу, я всё говорю, он знает!.. Сам слышал, когда приходил ко мне с ребятами. Разве я молчала? Ага, дождётся! Не так, что ли?

– Знает... – ворчливо повторил Анохин, слыша свой голос будто со стороны и удивляясь себе. – Вы в суд подайте, а то одни разговоры. У нашего народа всегда так, весь пар в свисток.

– Дак сосед! Какой-никакой, а сосед! – Старуха, пристально глядя на Анохина, подалась вперёд, язвительно покачала головой. – Попрекать все горады! А ты на моё место встань, сразу по-другому заговоришь. Не так, что ли?.. Много учителей на нашу голову!

Подошёл автобус, все ринулись штурмовать его. В том числе и Анна Семёновна, сразу позабыв об Анохине.

В райцентральной поликлинике Димка сделал ещё одну попытку:

– Зря вы всё это, Виктор Иванович. Можно и так уладить, честное слово.

– Ты договаривай, договаривай. Что вчера Баргадаев с Голошубовым тебе сказали? Тайна мадридского двора?

Побочный отвёл взгляд.

– Да так... Я тоже не ангел.

– Это я слышал. Шантажировали?

– Им зачем шантажировать, сами в таком положении.

– Тогда что? В качестве парламентариев от Дыбовых?

Димка хмыкнул и не ответил.

В Михеевку вернулись после обеда. И сразу Анохин направился к дому участкового. Оставляя так дело он не собирался, хотя это было и неблагоприятно.

По общей неухоженности ещё издали можно было понять, что жилплощадь у полицейского служебная. Калитка держалась на одной петле, окна, пегие от ше-

лушащейся краски, давно требовали покраски. Вход под навес, который заменял гараж, был затянут большим куском промасленного дарнита.

«Этот тоже в Михеевке не задержится, – подумалось об участковом. – Иначе бы привёл в порядок.

– Будь готова ко всему! Надо уметь за себя постоять. Жизнь тётка суровая!.. – услышал Анохин одышливый голос из-за забора.

Забор был высокий, но, как дом и всё вокруг, нуждался в починке. Тёмный от времени, в продольных сквозных трещинах, ломкий от старости. За забором что-то происходило.

– Блок! Плотнее!.. Теперь меня. Сильней, говорю! Ещё раз!.. Это не удар, это фигня. Смотри!

Анохин остановился. Сквозь трещины было видно какое-то мельтешение, непонятное движение. – Никто тебе в жизни не поможет, поняла? На себя одну рассчитывай!.. Сюда бей, самое уязвимое место. Ещё!.. Ты одна в мире, поняла? Жизнь штука сволочная, это я тебе говорю!..

Одышливый голос принадлежал участковому. На этот раз полицейский не подражал крутым сыскарям из сериалов. Всё произносилось серьёзно, почти с надрывом. «Поворот, однако! Неуверенный человек. Боится», – подумал Анохин. Самим собой полицейский был сейчас, остальное – мимикрия. Так надувается, взъерошив перья, воробей, стараясь испугать врага.

– Здравствуйте, – сказал он, открывая скособоченную калитку. Крайняя штакетина бороздила землю. – Извините, что дома беспокою.

В углу двора, расставив локти и слегка присев на согнутых ногах, стояли друг напротив друга участковый и девочка лет семи. Оба были босиком и в кимоно.

– Слушаю. – Оглянувшись, участковый выпрямился и расслаблено опустил руки. – Вы заявление принесли, я правильно понимаю?.. Аля, давай ведро.

И уже сняв куртку из плотного материала и фыркая под водой, он с паузами заговорил:

– Только в обед могу выкроить время... Это со стороны кажется, в полиции не работа, а синекура... В любое время суток... Думаете, у меня одна Михеевка – все деревни вокруг!.. На спину, доча, на спину! Ага, так...

Ополоснувшись, участковый взял у девочки полотенце и принялся растирать дородное тело. Он на глазах превращался в сыскаря из телесериала, и лишь опустившиеся мокрые брови делали лицо несчастным, как у Пьеро.

– Довожу до вашего сведения, на Дмитрия Побочного поступило заявление от гражданина Дыбова. Он обвиняется в незаконном проникновении на территорию крестьянско-фермерского хозяйства с целью воровства. А так же в нанесении материального ущерба в виде садистского убийства элитного животного. Я обязан с вашего студента снять показания.

Чего-то подобного Анохин ожидал – ответ Лидии Степановны на его отказ забрать заявление. Деревенские ребята затем, видимо, вчера и приходили, чтобы предупредить. Их-то родители наверняка свои заявления забрали, не захотели связываться с Дыбовыми.

– Я знаю, вы ездили в район снимать побои. Я обязан принять от вас заявление тоже, но советую не торопиться. Анатолий Григорьевич просил вас зайти. Думаю, вопрос можно решить, не возбуждая уголовного дела. Так будет лучше для всех.

На участкового было любо-дорого смотреть. Государственные уверенность и солидность. Будто и не он несколько минут назад заклинал дочь никому и ничему не верить, быть к жизни в круговой обороне.

«Акакий Акакиевич! Метаморфозы маленького человека, – подумалось Анохину. – Стоит только прибиться к власти».

13

Отчего на душе с самого утра тревожно, стало ясно по дороге в администрацию. История с Побочным лишь одна из причин. Тревога – невразумительная, томящая – была вызвана снами. Приснившееся ночью заставляло сжиматься в груди. Весь день Анохину стоило труда не показывать своего состояния. Удавалось не всегда, оттого, наверно, и сорвался на безобидную Анну Семёновну на остановке.

За недолгие минуты дрёмы ему представлялось разное, но одинаково тревожное. То огромный заброшенный цех с пустынными пролётами – из тех, что показывают в американских триллерах. От оголённой арматуры балок и разбитых ячеистых окон исходила угроза. То Анохину являлась баба Зоя, что-то неясное бормотала, раскачивалась на табуретке посреди их деревенского дома. Багровый закат за окном, неприбранные волосы, баба Зоя морщит свой нос уточкой, торопливо проводит по углам рта тёмными от работы пальцами. И отчуждение, полное безразличие к нему, маленькому Вите, испуганно смотрящему на неё. Но тревожней всего был старый сон со шкатулкой. Анохин упорно пытается открыть её, цепляет крышку пальцами, ломает ногти. Вставляет в щель между крышкой и стенкой нож, поворачивает рукоятку, явственно чувствуя, как напрягается кисть. Но ничего не получается, шкатулка не поддаётся. А когда крышка наконец открывается и Анохин пытается заглянуть внутрь, из шкатулки раздаётся злобное ворчание, высовывается поросшая волосами рука и захлопывает крышку. Морозный ветер по телу, ужас леденит душу, стягивает кожу на голове. Вынырнув из сна, Анохин, как и в прежние разы, чувствовал пальцами шершавую поверхность шкатулки.

Он не очень верил в сигналы подсознания. Считал, в этом много надуманного, спекуляций – людям нравится мистика, тайны, нравится чего-то бояться. Но сердце ударило, когда по дороге в администрацию заиграл мобильник и на дисплее высветилось имя жены. Неизвестно отчего сразу поняв: о н о! – Анохин сказал севшим голосом:

– Да, Люда?

Жена молчала.

– Говори! Почему молчишь?! – закричал Анохин, не в силах сдержать себя.  
– Настя? С Настей?..

– Витя, ты нужен дома.

– Что с Настей? Говори!

– Она в больнице, – после паузы сказала жена. – Она хочет видеть тебя.

– Что случилось?!

Жена опять замолчала.

– Ну?!

– Передозировка.

– Выезжаю, – бросил Анохин и отключил мобильник.

«Я же говорил, я говорил!..» Но что он говорил, от чего домашних предостерегал, он и сам сейчас не мог бы сказать.

Анохин позвонил Ирине и Боброву, они после обеда опять пошли с группами по Михеевке, приказал возвращаться. Срочно уезжаем. История с Побочным казалась теперь ничтожной, не стоящей внимания. Хотя с ней следовало определиться в первую очередь.

– Судиться будешь? – спросил глава сельской администрации, откладывая «Российскую газету». Он находился в своём кабинете, сидел под анодированным двуглавым орлом на стене. Смотрел Анатолий Григорьевич прищурившись. – Скажи, оно тебе надо?.. Парня твоего побили, согласен, но он сам пошел куда не следует. Участковый говорит, заявление поступило от помещика. В смысле, Дыбова.

Это «ты», снисходительный тон... В другое время Анохин резко ответил бы, поставил Анатолия Григорьевича на место. Но сейчас следовало держать себя в руках. Не до амбиций.

– Ладно, предположим, суд. Чем закончится, это еще вилами на воде, – неспешно, с ленцой говорил глава. Он свинтил крышку с полупустой пластиковой бутылки, налил в стакан минералки и выпил жадными глотками. – Ты грамотный человек, в университете работаешь, должен понимать установки, которые на сегодняшний день существуют. Мы чего строим? Капитализм. А это частная собственность, приоритет закона – её защита. Ну, поставили твоему парню пару фингалов, так суд на это не посмотрит. Людей вон убивают, и то дают условные сроки. Телевизор смотришь, должен знать. Опять же от вас не наездишься – судить-то здесь будут, согласен? А то и вообще твоего студента стразу под стражу возьмут. А что, запросто, Дыбова в районе уважают, в авторитете человек...

Анохин в конце концов не выдержал, подался вперед:

– Хорош тюльку гнать, понял?! – Он сам от себя таких слов не ожидал, выскокило откуда-то из пассивного запаса. – Слушай сюда внимательно! Вот командировка, отмечай сегодняшним числом – и ты меня не знаешь, я тебя не знаю. А это возьми, делайте со своими Дыбовыми, что хотите! – Анохин бросил на стол справку из городской поликлиники и постучал по столешнице костяшками пальцев. – Я своё заявление отзываю, но смотри, в случае чего ответишь! Лично ты, усёк? Развёл здесь, понимаешь!..

Анатолий Григорьевич несколько секунд молчал, смотрел удивлённо. Он тоже не ожидал от Анохина такого.

– Не понял.

– Поймёшь! Думаешь, выше тебя и помещика никого нет?.. Разрешение у гастарбайтеров на работу есть? Зэчки публичный дом в селе устроили, Дыбов толком не платит, на кусок хлеба женщины проституцией зарабатывают. А ты покрываешь!.. – Анохин ткнул пальцем в бутылку с минералкой. – Сушняк давит? Хачики тебя прикормили, за сто граммов своих с потрохами сдаёшь!..

Было не до самоиронии, но в голове всё же мелькнуло: «Не тем я в жизни занимаюсь, не тем!.. Шантаж моё призвание» На минуту, но это отвлекло от мыслей о дочери.

– Стоп! – Он потянулся к столу и выхватил справку. – У меня будет. На всякий случай!..

Блеф тоже бывает нужен. Если благородней – смелость города берёт. С волками жить...

О причине скоропалительного отъезда Анохин сказал только Ирине. И то лишь:

– Семейные обстоятельства.

Аспирантка допытываться не стала, только сочувственно взглянула и принялась подгонять студентов. Если быстро собраться, можно было успеть на последний автобус. Как получится дальше – неизвестно. Лето, с билетами на поезд сложно. А те, что были куплены дома заранее, придётся сдать.

Встречаться с Лидией Степановной не хотелось, отнести ключи от школы Анохин попросил Ирину. Директор, похоже, тоже не горела желанием встречаться, принимать школу не пришла.

– Может, вам лучше на самолёте?.. – предложила Ирина уже в здании вокзала, когда стало ясно, что билетов на ближайшие поезда нет и не предвидится. – Я бы ребят сама как-то довезла.

Анохин тоже об этом подумывал, но оставлять студентов было нельзя. Димка Побочный, не снимая тёмных очков, уже знакомился с какими-то быстроглазыми персонажами. Опять ищет приключение на свою задницу, раздражённо подумалось Анохину.

Но всё это вскользь. «Настя, родная моя, милая, ну что же ты так?! Зачем?! – Это было главное, оно шло глубинным тёмным током, ни на секунду не оставляло, что бы Анохин теперь ни делал, о чём бы торопливо ни думал. – Я без тебя жить не смогу, не оставляй меня! Пусть лучше со мной что-нибудь! Умоляю, на коленях перед тобой стою!..»

– Могу чем-то помочь, Виктор Иванович?

Анохин не сразу понял, что это Вассин. Лицо у того было озабоченно нахмуренное.

– Вы почему здесь, Женя?..

– Стреляли, – попробовал отшутиться Вассин цитатой из старого фильма. – Хотел повидаться с вами, а мне говорят, уехали. Какие-то проблемы.

– Билетов не можем купить, вот главная проблема. – Анохину Вассину тоже не хотелось ни о чём рассказывать.

Бывший студент подумал.

– Есть вариант. На «газели» поедете?.. У меня знакомый извозом занимается. Думаю, вы все в его «газели» поместитесь.

Вассин стал звонить, всё сложилось удачно, знакомый оказался не занят и машина на ходу. Через полчаса уже ехали. «Жаль, толком не попрощались. Славный парень», – подумал Анохин. Но о Вассине и обо всём, связанном с этим человеком, думалось тоже вскользь, невнимательно.

Это была самая длинная ночь в его жизни. Рассеянные конусы света впереди, встречные машины, которых после десяти часов становилось на трассе всё меньше, томительное гудение мотора. Студенты в салоне сначала разговаривали и смеялись, потом притихли, к полуночи задремали. «Счастливые, – прошло краем сознания. И опять: – Настенька, девочка моя, солнышко! Возьми мою жизнь,

мне ничего без тебя не нужно, только живи! Прошу тебя, на коленях стою, ноги твои милые целую, каждый пальчик. Не оставляй нас с мамой, пожалей! Всё наладится, ты молодая, многие ошибаются в таком возрасте, это поправимо. Я не смогу без тебя, я умру, если ты умрёшь! Твой папа тебя просит, пожалей, не оставляй!..»

Не казалось странным, что по-настоящему темно так и не стало. А после часа ночи впереди справа небо уже разгоралось.

Белые ночи. Ехали на север.

14

В Туапсе им не понравилось, решили перебраться в соседний Агой, где когда-то отдыхали дикарями. Но и здесь многое изменилось, море стало не таким чистым, на мелководье уже нельзя было увидеть рыбёшек с забавным названием «барабульки».

Занятая прежде огородами лощина, в которой, говорили, во время войны базировалась эскадрилья И-16, были застроена дорогими коттеджами. Сосны по краям лощины тоже оказались за высокими заборами из дорогого красного кирпича. Место, где когда-то стояли их палатки дикарей, теперь нельзя было даже угадать.

«Неужели не мешали лётчикам?.. – расслабленно думал Анохин о соснах. Он часто лежал на горячих плоских камнях, которых на пляже было множество, выгревал свой северный бронхит. – А, да, столько лет после войны... Выросли».

Иногда он открывал глаза и смотрел в сторону навеса, в рейчатой тени которого ела персики и читала книгу жена. Неподальку молодёжь играла в волейбол, слышны были крики и удары по мячу. Анохин находил глазами Настю, смотрел на неё. Слава богу, обошлось. Думать о том, что будет дальше, не хотелось, наркотики штука прилипчивая. Людмиле нужно будет оставить работу и увезти Настю в Башкирию, там жили её родители. Места не такие привлекательные для торговцев дурью, как их богатый северный город.

Вечерами они выходили гулять, Настю от себя не отпускали. Та этим тяготилась. «Мама, меня на дискотеку приглашали, там ничего такого...» Отвечала жена: «У тебя ещё поворачивается язык?» Как-то душной южной ночью Людмила прошептала: «Может, замуж её выдать? Видел, какая она уже... Отвлечёт». Они лежали после тихого, украдкой секса – спали в одной комнате с дочерью, – за стеной храпела семья хозяина армянина. Анохин промолчал. Слова жены были не такими уж и дикими.

После случая с Настей многое выглядело иначе. Ненужным, далёким стало казаться его недавнее острое желание побывать на родине бабы Зои, мысли о русском человеке. «Блажь, интеллигентские заморочки. Это пока жареный петух не клюнет». Лёжа на пляже, гуляя вечерами по Агою, распивая во дворе с хозяином тутовую самогонку (армянин всё жаловался, что отобрали под коттеджи его участок в лощине), Анохин ловил себя на том, что ему было предупреждение. И не раз. То ли ящик, то ли ларец из сна, который он пытается открыть, ломает ногти, но так в него и не может заглянуть. И не случайно с утробным ворчанием из ящика появляется рука и захлопывает крышку обратно.

Кто он такой, чтобы судить о русском народе и русской цивилизации? Великие умы она ставила в тупик. Разве не об этом слова Тютчева? А Чаадаев? А «Путешествие из Петербурга в Москву», которого стали стесняться?.. Почти вся классическая литература об этом. Нельзя ему быть таким самонадеянным. Хорошо ещё, с Настей закончилось более или менее благополучно. По крайней мере, пока. Предупреждения надо слышать.

Домой ехали на поезде, Людмила боялась летать. За окном богатый юг, переходящие одно в другое людные селения, бесконечные поля и лесополосы. На следующее утро многое уже было другим, южный праздник сошёл на нет. Двухэтажные особняки встречались лишь вблизи крупных городов. «Хорошо-то как в России! Слава богу, кончилась жара!..» – Людмила с Настей стояли у припущенного окна, дышали полной грудью.

Попутчики часто менялись. В одном с ними купе ехал в областной центр пенсионер с жалобой на суд, не принимающий заявление на управляющую компанию. «Голимое жульё! – Дедок энергично рубил ладонью воздух. – Обирают только так, а им поддержка, понимаешь!..» За Саратовом в вагон ввалились громкоголосые подростки, участники смотра военной песни. Стало суматошно и шумно, руководитель извинялась, заглядывая в купе и прикладывая руку к груди. В предместье большого города на Урале обогнали олимпийскую эстафету. По асфальту рядом с железнодорожными путями трусили несколько человек с олимпийским факелом. Добротные спортивные костюмы, цвета российского флага, солидный эскорт из лоснящихся полировкой иномарок. «Ох уж эти потёмкинские деревни!..» – хмыкнула Людмила, взглянув на мужа. «Не поняла», – отозвалась Настя. «И не надо тебе».

На одной из остановок не разрешили выходить из вагона, проводница просила отойти от окон. Анохин не отошёл, смотрел на озабоченных людей у противоположной стороны платформы. Там что-то собирали с путей, складывали в темные пластиковые мешки. «Жуть, сам голову под колёса сунул!.. Под платформой сидел, электричку ждал», – пробормотала поднимавшаяся в вагон проводница. «Совсем с ума народ съехал, – тоже вполголоса отозвалась напарница. – Никогда не было, чтобы голову».

Анохин вернулся в купе, на вопрос жены, что случилось, пожал плечами. Несчастный случай. Однако всю оставшуюся до дома дорогу, а потом и позже думал о неизвестном самоубийце, о богатом юге и серых деревеньках, о том, что увидел на родине бабы Зои и о многом другом. Мысли были навязчивые, не отделиться.

И уже не так был уверен, что сон с ларцом был ему предупреждением. Может, простое совпадение. Мало ли что может присниться. Не всяко лыко в строку.

2010–2014

## ПРИЧАСТНЫЙ

Роман

Ладонь до сих пор помнит прогибающуюся поверхность толстой жести, начальное сопротивление низкой – приходилось наклонять голову – чёрной калитки в массивном заборе, которая затем неожиданно легко отлетала, с грохотом ударяя в забор с обратной стороны.

Глаза, обоняние, кожа помнят постоянные тень и сырость ограниченного с трёх сторон пространства, возникшего сразу за чёрной металлической калиткой. Здесь всегда было тихо. Справа – высокая кирпичная стена, отделяющая вход в ЦДЛ с Воровского, слева две малоприметные двери. Дальняя – в бухгалтерию Правления, ближняя – к нам. Но сначала нужно пройти мимо окон вросшего в асфальт флигеля, широкие подоконники которых (через стекло хорошо видно) завалены рукописями.

Если не заходить ни к нам, ни в бухгалтерию, а идти прямо, будет поворот во двор с яблонями, клумбами и памятником Толстому, подаренным украинскими писателями в год 300-летия присоединения Украины. Сбоку – Дом Ростовых. Уже тогда весь то ли в лесах, то ли подпорках. Ремонт всё не начинался, облупленные стены с обветшавшей лепниной сквозили между брусьев и досок. Какая роскошная метафора! – думаю я сейчас, из своего нынешнего времени. Это готовое развалиться здание и его то ли канареечный, то ли откровенно жёлтый цвет!.. А тогда я смотрел на Дом Ростовых, как на место, где вершатся судьбы. Работали там особые люди, и перед входом порой мелькали здравствующие классики.

Не знаю, что теперь в Доме Ростовых. Да и неинтересно мне уже это. В последний раз, когда был в Москве, я заглянул в нашу дверь. Сейчас там рыбное кафе, конечно, дорогое – центр города. Всё в бывшей Литературной консультации перестроено, выломаны внутренние перегородки, всё иначе. Не сохранилось и следа дружб, уязвлённых самолюбий, зависти, благородства, низости – страстей, которые бушевали здесь не так давно. Они выветрились, как выветрилась без остатка жизнь людей, обитавших в этом флигеле до нас. Как выветрится всё, чем живут его нынешние посетители и хозяева.

Часть первая.  
Земля обетованная

1

– Не проходите мимо! – перехватывает меня Стёпа Хмелик у лифта. – Привет. Камо грядеши?

Стёпа приятно возбуждён, ему безразлично, куда я иду, просто требуют вы-

хода эмоции. Я вспоминаю очередь у кассы, мимо которой только что проходил, и понимаю причину Стёпиного душевного подъёма. Дёрнул меня чёрт приехать в редакцию в день выплаты гонораров! Без того паскудно, ещё это...

– Ну его, лифт, пока дождётся!.. Пошли пешком, – говорит между тем Стёпа и первым направляется к лестничному маршу мимо тёмных панелей, которыми здесь обшиты едва ли не все стены.

Ему сейчас нужно говорить, двигаться, кому-то покровительствовать, он переполнен добродушием удачливого человека и похож на Остапа Бендера перед тем, как тот попал под извозчика. На душе у меня отвратно, хочется Хмелика послать, но я молча иду за ним. Интересно, напечатал Стёпа что-то или получил деньги за рецензии?.. Зависть и досада переполняют меня, но я стараюсь держаться.

После отказа я всегда чувствую себя униженным, будто меня облили помоями. Внешне всё происходит вполне корректно. Сотрудник, а чаще сотрудница отдела прозы, возвращая рассказы, говорит: «К сожалению, нам это не подходит» и смотрит холодным взглядом. Иногда ничего не говорят, а молча протягивают рукопись, на которой лежит рецензия с исходящим номером и датой. Все рецензии почему-то на плохой бумаге. «Уважаемый Юрий Антонович! Внимательно ознакомился с Вашими рассказами. Чувствуется, Вы не лишены литературных способностей, достаточно хорошо владеете словом, умеете строить сюжет... Вместе с тем смущает малозначимость затронутых в Ваших рассказах тем и нечёткость гражданской позиции... Не украшают рассказы замысловатость некоторых словосочетаний, а также досадные длинноты... Всё это вместе не позволяет рекомендовать Ваши произведения для публикации. С уважением...» Или что-нибудь в этом роде. Когда я оказываюсь на улице, мне кажется, все смотрят на меня с презрительной ухмылкой. Разве что не насмеются в открытую. Даже собаки в скверах, которых вывели гулять, ведут себя как-то не так, обидно.

– Такси! – кричит Стёпа, когда мы спускаемся вниз и выходим на крыльцо. – Такси!..

Прав Алексей Толстой, восприятие окружающего зависит от состояния героя. Полчаса назад здание издательского комплекса (кроме редакции журнала здесь находится крупное издательство, а в полуподвальном этаже грохочут полиграфические станки), сам вид этого здания обещал нечто славное, волнующе приятное. Сейчас отчуждённость сквозит и в вывеске издательского комплекса, и в низком крыльце, и в застеклённой шахте лифта, нависающей над ним. Исчез обнадеживающий мажор в грохоте станков, того гляди заболит голова.

– Такси!.. Шеф, стой!.. – Стёпа выскакивает на не по-московски узкую, мощённую брусчаткой улицу с трамвайной колеёй, чуть ли не бросается под колёса «Волги» с шашечками. Стёпа гусарствует. Волна победительного довольства несёт его, и он с наслаждением отдаётся ей. Мне Стёпа бросает через плечо: – Поехали в ЦДЛ, угощаю! – И вполне уверен, что я не откажусь.

Я не отказываюсь. Наблюдая с недобрым интересом за Хмеликом, я тем не менее знаю, что оставаться сейчас одному нельзя. Это вторая отрицательная рецензия за день. Поездил по редакциям, называется...

– Старик, существует закон парности подлянок, – говорит Стёпа в такси, когда я скупо рассказываю о своей ситуации. В опущенное стекло бьёт пахнущий

нагретым асфальтом и бензиновыми выхлопами ветер. Но это лучше, чем застойный воздух редакции, прочь отсюда, прочь!.. – Если я в одном месте получил, например, отлуп, я в этот день никуда больше не иду, ложусь на дно, а то будет ещё. Обязательно!..

Слова звучат сочувственно, по-товарищески – и у нас, мол, тоже не всегда тип-топ, – но Хмелик старается не смотреть на меня. Боится, что я замечу снисходительность в его глазах.

– Кроме «Молодой гвардии» где ещё был?

Я называю.

– Ну и диапазон у тебя!.. Старик, они ненавидят друг друга. Молодогвардейцы это одно, «Новый мир» другое, «Москва» третье. Ты определись, на кого ориентируешься.

– Я на себя ориентируюсь.

Сам понимаю, звучит по-ребячьи глупо, непрофессионально, но промолчать не могу. Меня достали все эти журнальные тенденции и направления, разницу между которыми надо рассматривать в микроскоп. Хмелик не считает нужным комментировать мои слова. Пожав плечами, поворачивается к окну и принимается насвистывать.

Со Стёпой мы знакомы со времен Литинститута, когда на третьем курсе я перевёлся на очное отделение. Оно у нас небольшое, вместе с переводчиками двести человек, так что в институте знаешь практически всех, особенно если живёшь в общежитии на Добролюбова. Хмелик прозаик, но больше походил на поэта – основную часть времени после лекций проводил не в своей комнате за столом, а в спортивном зале на первом этаже. Резался в настольный теннис. Что он пишет, я до сих пор не знаю, не знаю и того, как он зацепился в Москве, но пересекаемся мы для огромного города довольно часто. В том числе в «Детской литературе», где мне дают рецензировать самотек. Стёпа как-то говорил, его сборник стоит в плане «Современника», но пока, похоже, не вышел – он бы похвастался.

Центральный дом литераторов окружён легендами и мифами, это высший свет. Я в нём несколько раз бывал, хотя без писательского билета попасть туда трудно. В студенческую пору проводил нас литинститутский физкультурник и фотолетописец Иван Кириллович – отогреться и как поощрение за дежурство в народной дружине. Перед входом с улицы Герцена мы снимали красные повязки с крупными белыми буквами ДНД, Иван Кириллович солидно кивал вахтеру: «Это со мной». Его знали, он был вхож и без писательского билета.

За три года после института я в Центральном доме литераторов ни разу не был. И мне сейчас интересно, как пройдёт Хмелик, – он, как и я, не член Союза. Но Стёпа почему-то приказывает таксисту свернуть с Герцена на Воровского.

– Шеф, прямо во двор заезжай, к Правлению, – говорит он перед самым Садовым кольцом. – Да, направо, в ворота... – И показывает мне пальцем на громаду тёмно-серого дома сбоку: – Знаешь? Здесь Михалков живёт.

Московские достопримечательности Стёпа изучил явно лучше меня. И дела, похоже, у него идут лучше.

– Вы к кому, молодые люди?

Преклонного возраста дама-вахтёр сидит за столом, в руках у неё книга – в

полном соответствии с местом службы. Наклонив голову, дама смотрит на нас поверх очков. После раскалённого летнего города с его вонью и многолюдьем здесь хорошо – тихо, от мраморной облицовки стен веет прохладой, никого вокруг.

Стёпа роняет:

– Нам назначено.

С неторопливым достоинством поднимаемся по лестнице. Миновав обнажённую античную деву в нише, Хмелик вполголоса говорит:

– К кому... К товарищу Левентулу в задний проход! – Оглядывается на меня и смеётся.

Куда Стёпа мгновение спустя девается, я понимаю не сразу. За дверью возле одного из кабинетов провал. По крайней мере, так поначалу кажется. Стёпа смотрит на меня снизу и предупреждает:

– Осторожно, старик, крутые ступеньки.

Толкаясь плечами, мы затем двигаемся по узкому проходу, и Стёпа поясняет, Левентул – бывший хозушник Правления. В его бытность и проложен этот проход, соединяющий под землёй Дом Ростовых и ЦДЛ. Чтобы секретарям не выходить на улицу. Человек обессмертил своё имя.

– Если знаешь о заднем проходе Левентула, не надо просить, чтоб пропустили в ЦДЛ. Информация, старик, в наше время всё!..

Мы поднимаемся опять наверх, проходим через сумрачный вестибюль с фотовитриной писательских мероприятий, идём вдоль гостиной с диванами кустодиевски пышных форм и упираемся в буфет в Пёстром зале. Занимаем очередь. Время послеобеденное, да и лето, народа не много, но все курят, и дым ещё больше приглушает свет, которого и так в Пёстром зале мало.

Униженность и досада понемногу отпускают меня, делаются не такими острыми, и я пытаюсь прочесть надписи на стенах – ими этот зал знаменит. Некоторые из надписей я знаю, они давно фольклор, из Расула Гамзатова, например: «Пить можно всем. Но только / Знать с кем, когда, за что и сколько». Или: «Вода. Я пил её однажды. / Она не утоляет жажды».

– Это что! – говорит, заметив мой вялый интерес, Хмелик. Время от времени он вежливо здоровается с сидящими в Пёстром зале и теми, кто проходит мимо нас в ресторан. – Я недавно в туалете прочёл убойную вещь – в общественном, не цэдээловском! – И декламирует: – Писать на стенках туалета, / Увы, друзья, не мудрено. / Среди говна вы все поэты, / Среди поэтов – все говно. А?!

Очередь двигается медленно, до витрины ещё порядочно, и тут к нам подходят двое ребят где-то нашего, под тридцать, возраста. Я их не знаю, однако главное отмечаю сразу – целеустремлённая собранность. Никакого, как у Стёпы, довольства собой, никакой расслабухи. Зовут их Валера и Слава, оказывается, они тоже окончили Литинститут, но заочно. Из разговора понимаю, что оба судятся с издательством. Я получил отрицательную рецензию, утёрся и ушёл, а они требуют экспертизы рецензии, доказательств её объективности, ссылаются на положения Авторского права.

– Столпились у кормушек, локти расставили – не подходи! А сами графоманы, – говорит Слава и непримиримо смотрит вокруг льдистыми, как у викинга, глазами.

Валера вторит ему:

– В общем, надо бодаться. Иначе не пробьёмся. – Он, наоборот, темноглаз и черноволос, вместо разговорного «што» чётко произносит «что». – Надо объединяться, гоношить что-то вроде организации за справедливость в литературе. А то нас по одному передавят, гарантирую!

Ребята мне нравятся. Оказывается, они дошли до госкомиздата, подали в суд на главного редактора «Нашего современника» за то, что тот распорядился не пускать их в редакцию – с журналами они тоже бодаются. Есть успехи. Рассказ Валеры напечатан в молодёжном двенадцатом номере «Октября», Славины стихи вошли в коллективный сборник «Московского рабочего». Намечаются ещё кое-какие публикации.

– Пошли в нижний буфет, там быстрее, – не выдерживает импульсивный, как поэту полагается, Слава. Он упирается своими прозрачными скандинавскими глазами в надменную буфетчицу, возвышающуюся над витриной. – Повелительница яйцеголовых... Быдло зажравшееся!

Я беру у Валеры номер телефона. Стёпа, который всё кивал, соглашаясь с ребятами, говорит, когда те уходят:

– На мне джинсы, на тебе джинсы... Обратил внимание, во что они одеты?

Я не запомнил. Общее впечатление – небогато. Да и мы, собственно говоря, тоже. Разве что в джинсах, мне папа на день рождения прислал.

– Моя Анька такими штанами пол моет... Качают права, а это безнадёга. От них уже везде шарахаются. Молодым писателям полагается быть тихими и безропотными. – Стёпа сгибает ноги в коленях, искательно вытягивает вперёд шею – показывает, какими мы должны быть.

Мысль знакомая, я вспоминаю Кима Николаевича, его красную рубашку и бритую наголо голову. Каждый умирает в одиночку, любил повторять руководитель нашего творческого семинара. И ещё: литература – кровавое дело, можете не писать – не пишите.

Легко сказать...

– Невезуха, в прошлый раз было чешское, – мимолётно досадует Стёпа, когда покупаем несколько бутылок «Жигулёвского» и садимся за столик. – Ты с Зайцем знаком? Он всю дорогу на тебя смотрит.

Анатолия Зайца я знаю. Он родом из района, в котором родились мы с папой. От папы я и узнал об этом поэте, живущем в Москве. А познакомил нас Иван Кириллович, когда однажды провёл в ЦДЛ отогреться после дежурства в дружине. «Да, малая родина... – сказал малоприметный человек с брюшком. – А твой отец из какого села?» Я назвал. Анатолий Заяц пронизательно посмотрел на меня. «Ну, это село ты можешь знать из моего творчества...» Мэтр, к которому набиваются в земляки. Я сразу отошёл.

– Его дело, пусть смотрит, – бросаю небрежно. И впервые за всё время ловлю на себе уважительный взгляд Хмелика.

Июнь, но ЦДЛ понемногу наполняется, всё больше народа проходит через Пёстрый зал в Дубовый, там ресторан, и обратно. Растёт очередь к витрине с надменной буфетчицей. Мы со Стёпой тянем пиво, болтаем о том о сём, прежде всего, понятно, о литературе, о том, что в журналах понравилось, что нет. Стёпа вдруг вскакивает и машет рукой.

– Веня! Веня!..

Парень с ранней лысиной и в очках что-то бросает двум девушкам, с которыми шёл, и поворачивает к нам. Так это же Чачия!.. Я допиваю стакан и улыбаюсь Вене. Я с утра не ел, мне хорошо от пива и оттого, что вижу человека, с которым учился в Литинституте. Славный парень! Говорят, после института работал у себя в Тбилиси, потом его взяли в Москву, в Правление. Секретарь комиссии по грузинской литературе, очень даже неплохо. Выпускнику Литинститута устроиться на работу по профессии трудно, по себе знаю.

– Не побрезгуйте, барин, – ёрничает Хмелик и обмахивает сиденье стула воображаемым полотенцем. – Пива прикажете? Али чего покрепче притаранить, сообразно фамилии?..

Я смеюсь, Веня улыбается и пожимает нам руки. Он умный, всё понимает.

– Не могу, ребята. Меня ждут.

Говорит Веня чисто, без малейшего намека на акцент. Я в очередной раз смутно удивляюсь – грузин же.

– Да брось ты!.. Расскажи лучше, как живёшь. Когда Марковым станешь?

Пиво, похоже, ударило в голову не только мне. Марков – первый секретарь Правления, небожитель. Веня добродушно улыбается и ничего не говорит.

– Старик, на тебя одна надежда! А то обижают нас, сырых, кислород везде перекрывают! Твардовский помре, но дело его живёт – топи литинститутовцев, пока слепые!.. – разоряется то ли в шутку, то ли всерьёз Стёпа.

Заметно, что это тяготит Чачия. Он касается рукой груди, кивает на ожидающихся девушек – извините, ребята, должен идти. И уходит. Стёпа провожает его взглядом, обычным голосом говорит:

– Хорошо держится. – И поясняет: – Турнули Веню из Правления. С треском.

– За что? – удивляюсь я. Такой доброжелательный славный парень!.. И фамилия забавная.

– Тёмная история. Говорят, Константину Симонову не понравился, тот председатель комиссии по грузинской литературе. – Стёпа показывает рукой со стаканом мне за спину. – Сейчас вон у того в Литконсультации, у Сенчукова. За чайным столом сидит. Тоже, говорят, проблемы...

Я оглядываюсь и вижу длинный стол с самоваром и цветастой куклой в широких юбках сверху. Самовар декоративный, полукругом свисают баранки, на столе подносы с пирожными, пахлавой, чем-то ещё. Спиной ко мне одиноко сидит пожилой мужчина с костистым затылком. Редкие волосы не могут прикрыть эту костистость. Бросается в глаза то, как мужчина держится – слишком прямо, будто в корсете. На его сером, подросткового какого-то вида пиджаке не хватает только эполет и аксельбанта. Честь имею! – говорит всё в этом траченном жизнью человеке. Я хмыкаю.

– Это ты напрасно, – по-своему понимает меня Стёпа. – В Литконсультации за рецензии хорошо платят. Меня рекомендовали, но Сенчуков... – Хмелик лицом, рукой со стаканом показывает: не получилось. – Ископаемое. Сталинист.

Я ещё раз оглядываюсь на пожилого мужчину с прямой спиной и костистым затылком. Не думал, что сталинисты в обычной жизни сохранились. Как-то после лекций в институте мне показали прогуливающегося по Тверскому бульвару Молотова в пальто с барашковым воротником и в таком же «пирожке». Но то История.

Я смотрю на Сенчукова, и ничто мне не подсказывает, что с этим пока ещё не

знакомым человеком будет связано многое в моей жизни, что сама судьба устроила смотрины – вдруг я что-то почувствую и уйду, убегу, смоюсь, унесу ноги, буду обходить десятой дорогой. Как ни о чём не предупредила меня и встреча с хитроумным, как Одиссеей, но всё же уязвимым Веней Чачия. Он на пару с Сенчуковым и заставят расстаться с затянувшимися мечтаниями и взглянуть на жизнь беспощадно трезво. И безнадежно.

Но нет во мне этой звериной интуиции, нет. К сожалению или счастью – не знаю.

## 2

– Участковый тебя спрашивал, – сказала Маша, выйдя из кухни. – Наверно, опять насчёт... О, да ты хороший!

Я, действительно, в тот вечер был хорош. На голодный желудок пить даже пиво не рекомендуется. Однако и в таком состоянии смог заметить перемены в хозяйке. За свои выходные Маша отоспалась и выглядела отлично. Исчезли припухлости под глазами, зарумянились скулы. Вверху – начёс осветлённых волос, молодящих её.

– Прелестница! Царица!.. – Я попытался опуститься на одно колено, но завалился на бок.

Маша, придерживая полы длинного халата, отступила и засмеялась. Ей было приятно слышать такие слова, Генка, муж, особо не баловал, тот всё больше матерком. Прежде чем подняться, я сумел сфокусировать глаза и рассмотрел золотистые шлепанцы на Машиных ногах, благо, снизу они заметней. Шлепанцы выглядывали из-под шёлкового халата, их носки по-восточному были загнуты.

– Шахзада!.. – Как ни странно, слово далось мне сразу. – У нас сегодня событие?.. Мадам, я преклоняюсь перед вашей красотой!

Маша покраснела от удовольствия.

– Балаболка!

Из своей комнаты появился Иван Калистратович.

– Я вот тоже хочу спросить, чего вырядилась? – спросил тесть. Оглянувшись в открытую дверь, Иван Калистратович прикрикнул: – А ты не отвлекайся, пиши! Ишь обрадовался... – Это Димке, внуку, с которым он обычно делал уроки. Димка и жил в основном в его комнате.

– Что я вам, как нюшка должна всё время ходить? Я ещё молодая женщина!

– И привлекательная, – вставил я.

– Во-во. – Иван Калистратович хмуро смотрел на Машу. – Ох, Мария, допрыгаешься. Локти кусать будешь.

Маша подалась к свёкру.

– Я что, не могу своему мужику приятное сделать, встретить после работы?! – Она упёрла руки в бока. – Он не заслужил хорошего отношения? Чтобы в доме был порядок, чтобы жена была красивая?.. Всё вынюхивает, всё высматривает, старый хрен! Глаза бы мои тебя не видели!..

Мне хватило ума уйти в свою комнату. Родные, разберутся. А в общем, я плохо понимал их отношения. Иван Калистратович постоянно в чём-то подозревал

невестку, ворчал. Такое впечатление, что муж не Генка, а он. Взбляднула девушка, а свёкор знает, но Генке не говорит, лишь постоянно Машу пилит?..

Проснулся я оттого, что в глаза ударил свет. Хозяйка стояла в дверях, держала руку на выключателе. Лицо у неё было злое.

– Ну вот скажи, не сволочь, а?! Я курицу приготовила, бутылку купила, а его нет!..

Щурясь от света, я посмотрел на часы. Почти двенадцать. А казалось, только лёг. Думал, немного вздремну, потом попробую работать. Даже раздеваться не стал.

– До чего же скотина! Сегодня десять лет свадьбы, думала, сюрприз устрою, стол накрою, а его где-то черти носят!.. – Маша повернула лицо к коридору, продолжала громко, чтобы слышал свёкор, отводить душу: – Ну что за паразит такой?! Раз-то можно прийти вовремя? С таким мужем грех любовника не завести. Это я дура честная, другая бы!.. – Хозяйка оглянулась на меня. – Юра, вставай. Вставай, говорю! Пошли отметим.

Мне никуда идти не хотелось. Хмель почти прошёл, болела голова. Лучше всего раздеться и лечь спать по-человечески, работать сегодня всё равно не смогу. Но Маша подошла и принялась почти с ожесточением дёргать за руку.

– Пошли-пошли!..

Надо было идти. Нелегка ты, доля квартиранта.

– Тогда Ивана Калистратовича зови.

Маша махнула рукой.

– Ну его на хрен!

Стол, действительно, был неплохой. Особенно, когда перед этим день почти ничего не ешь. У меня слюнки потекли. Маша с решительным видом сорвала бескозырку со «Старки», налила полные лафитники. Молча выпили. Я навалился на отварную картошку, жареную курицу, селедку под шубой, колбасу, салат из огурцов и помидоров – на всё разом, что было на столе. Спихватившись (не для меня готовлено), поумерил пыл.

Под второй лафитник я произнёс замысловатый тост, смысл которого сводился к тому, что женщина в семейной жизни играет выдающуюся, можно сказать, вселенскую роль. Так что в корне не правы те, кто недооценивает её любовь и самоотверженность. Хотя, конечно, бывают обстоятельства, когда мужчину могут задержать непредвиденные дела. Например, мастер попросил остаться в ночную смену – кто-нибудь из грузчиков не вышел, а дело стоять не может, машины с молочными бутылками подходят через каждые пять минут.

– Знаю я эти ночные смены, – сказала Маша уже более сдержанным тоном. – Или назюзюкался с мужиками и в раздевалке дрыхнет, или к девкам в общагу поперся.

Свёкра она всё-таки позвала. Иван Калистратович явился хмурый, он тоже не спал. Скромно принял лафитник из Машиных рук, выпил. Вёл свёкор себя так, будто в том, что Генка где-то шляется, виноват он.

– Да, Юр, участковый приходил, я тебе говорила. Злой. Насчёт работы, наверно. Прямо ничего не сказал, но чувствуется.

Я перестал жевать. Этого ещё не хватало! Хотя ожидать, в общем-то, следовало. Срок действия справки, которую я брал на молочном комбинате, давно вы-

шел. В последнее время я стал не то что бы бояться милиции, а относиться к ней с опаской. Прежде всего к нашему участковому. Он настойчив, груб, то, что я окончил Литературный институт и пишу, для него значения не имеет. «Какой ты на хрен писатель! Где твой членский билет? Знаешь, сколько таких писателей по Москве?..» – допытывался в прошлый раз участковый. Мои слова, мол, для того, чтобы вступить в Союз писателей, требуется время, а занимаюсь я литературой профессионально, мой рассказ напечатан в известном журнале «Юность», – все эти доводы на капитана впечатления не произвели. «В общем, так. Через неделю справки с работы не будет – не обижайся! На сто первый километр законопачу». Как многие милиционеры, участковый из деревни. Коренные москвичи «законопачу» в разговоре не употребляют.

– Юр, да брось ты всё на фиг! Что, на писанине твоей свет клином сошёлся? Давай обратно к нам на комбинат.

Я неопределённо кивнул. Конечно, при таком раскладе проблем у меня было бы намного меньше. И с участковым, и с Аллой, моей полуженой. Вот только времени писать не останется. Маша между тем не отступала, злость на Генку требовала выхода:

– Мужики у нас пьянь на пьяни, плюнь – в алкаша попадёшь, а зарабатывают будь здоров!.. И участковый отстанет. К Вальке из семнадцатой квартиры ходит, деятель!

– За комнату опять же заплотишь, – поглядывая на невестку, поддержал Иван Калистратович. – За сколько месяцев не плочено? И свету нажёт.

Маша заискиваний свёкра не приняла:

– Ждали и ещё подождём, люди мы или нет. Обидно смотреть, мозги сушишь, ночами сидишь, а толку с гулькин нос!

Последние Машиные слова мне были особенно неприятны, и я, чтобы сгладить впечатление, пошутил:

– Вообще-то правильно – с гулькин хрен.

– Тем более!..

На Останкинском молочном комбинате я стал подрабатывать перед папиным юбилеем. И после армии, когда жил у Аллы, был ещё один заход. Тогда через девчонок из тарного цеха я и познакомился с Машей, квартирантом которой состою. Что меня поразило с самого начала, так это заработки московского пролетариата. Среди комбинатовских мужиков ходил стишок: если хочешь жить как туз, иди работать в Моспогруз. Грузчику на комбинате платили больше, чем в Черновцах зарабатывал классный фрезеровщик. Контора Моспогруза находилась в Марьиной роще, а рассылали нас по разным предприятиям. Я попросился на Останкинский комбинат – рядом с общежитием, удобно.

И опять события моей жизни рифмовались, никуда не денешься, иронизируй по этому поводу или нет. Ещё на первых курсах, когда приезжал на сессии и жил, как все заочники, на третьем этаже общаги на Добролюбова, я по ночам слышал ритмичное позвякивание. После двенадцати затихали машины, около часа прекращали щёлкать штанги сворачивающих на Руставели троллейбусов, а позвякивание всё продолжалось. Сначала я думал, что это в соседней комнате общается неутомимая пара – похожие звуки издаёт панцирная койка, – но энтузиазм пары был слишком уж невероятен. Кавалер затыкал за пояс самого Геракла с его

сорока девственницами. Лишь позже я понял причину двусмысленных звуков. Во дворе Останкинского молочного комбината – он через перекрёсток – разгружали машины с молочными бутылками. Даже ночью фургоны подъезжали один за другим. И вот через несколько лет мне пришлось подрабатывать на этом комбинате, самому иметь дело с пустыми бутылками.

Причудлив и непредсказуем узор судьбы. Но знаки она всё же подаёт, с возрастом убеждаюсь в этом всё больше. Нужно только уметь читать их, различать в разноцветном витраже жизни, где и случайных стёклышек с избытком.

– Юр, серьёзно говорю, возвращайся! Не надоело? Вон как на еду набросился, я ведь вижу. Мне, конечно... – Маша вдруг замолчала. – Идёт, скотина!

Стало слышно, как возится ключ в замке. Хозяйка подхватила и вылетела в коридор. Но вместо крика последовала тишина, а потом застенчивое:

– Ой, Ген... Ну зачем ты? Дорогой, наверно.

– Пол-Москвы объездил, весь заглазничник потратил, – ворчал Генка. – Довольна?... Я помню, какой сегодня день, не думай.

Через несколько секунд на пороге кухни нарисовалась счастливая Маша с букетом роз в руках. За ней виднелся горбоносый и чубатый Генка, похожий на шолоховского Гришку Мелихова. Он принялся в подробностях рассказывать, как мотался по городу в поисках цветов, как побывал почти на всех вокзалах, как таксисты драли двойной тариф – ночь... Чувствовалось, Генка долго ждал, чтобы рассказать о своих героических мытарствах.

Я поднялся и, пошатываясь, пошёл в комнату. Мог бы не шататься, на меня никто не обратил внимания.

Ночью, поднявшись в туалет – выпитое в ЦДЛ пиво давало себя знать, – слышал, как Маша у себя в комнате вполголоса выговаривала Генке.

Была чем-то недовольна, несмотря на розы.

## 3

Есть такой фильм с Банионисом и Роланом Быковым, называется «Мёртвый сезон». Вернее, был. Там раскручивались шпионские страсти, действие происходило в курортном городке на побережье, кажется, Англии то ли поздней осенью, то ли бесснежной зимой. Пустынные набережные, малолюдье, ударяют в длинный мол тяжёлые волны – в общем, почему фильм так назвали, понятно. Хотя это ещё и метафора.

Так вот, мёртвый сезон в Москве – лето. Нести что-либо в редакции бессмысленно, рукопись примут, но она пролежит до октября, когда из отпусков начнут возвращаться основные сотрудники. Отдыхают и графоманы – ручеек самотёка в «Детской литературе» на время пересыхает, а с ним у меня кончаются деньги. Гонорары за рецензии – основные поступления в мой бюджет.

В тот раз особенно скверно вышло потому, что я понадеялся на литературный заработок. Обычно этого не делаю. Не только потому, что такой заработок ненадёжен. Долгое время я считал, литература и деньги, перефразируя классика, вещи несовместные. В том смысле, что нельзя писать ради денег. Мне это казалось жлобством. Вспоминая то время, я люблю себя молодого. Идеалом меня назвать было трудно, но к литературе я относился так, как относился влюблённый вассал

к жене своего сюзерена – с восхищением и благоговением. Звучит напыщенно, но по-другому сказать не могу.

Я понадеялся на аванс из «Советского писателя», а в издательство назначили нового директора, человека из ЦК, и заведующая редакцией осторожничала, подписывать со мной договор не спешила. Разговаривать с этой пожилой женщиной было сложно: не знаешь, в какой глаз смотреть, они у неё косили. Предлог для оттягивания – необходимо доработать несколько рассказов. Рассчитывая на совписовские деньги, я упустил момент, не переговорил со знакомыми мужиками, и бригада шабашников уехала в Карелию строить коровники без меня. В прошлом году за летние месяцы я заработал в Карелии около тысячи и полгода спокойно писал.

Идти в «Детскую литературу» бессмысленно, но я всё же иду. Авось. Из душевной прохлады метро выхожу на станции «Площадь Дзержинского». Здесь как на сковородке. Плавающий асфальт, бензиновая гарь, стада неприятно бликующих машин огибают памятник железному Феликсу. За памятником известное здание. Анекдот тридцатых: «Не подскажите, где Госстрах?» – «Где Госстрах не знаю, а госужас перед вами». Слава богу, времена настали диетические, как сказала однажды Ахматова. Хотя за перепечатку, например, «Ракового корпуса» и сейчас таскают. Двух моих однокурсников из-за этого отчислили из института.

Размышляя таким образом, я сворачиваю направо в Малый Черкасский переулок. Высокая тяжёлая дверь, тёмный после солнца вестибюль, особый запах. Будь я собакой Павлова, у меня на все эти раздражители сработал бы рефлекс слюновыделения. Здесь кормят. Вернее, подкармливают. Со мной неожиданно здороваются спускающаяся со второго этажа заведующая дошкольной редакцией. На преисполненном достоинства лице замечаю нечто человеческое. Дама даже улыбается мне. С чего бы?... Я как-то заносил ей детские рассказы, получил отлуп, сочувствующая младший редактор шёпотом передала слова заведующей: он не наш.

Интересно, как они это определяют? Для «Молодой гвардии» и «Октября» я не их, для «Нового мира» и «Знамени» тоже. Мне разве что прямым текстом об этом не говорят, когда возвращают рукописи. Для кого в конце концов я свой? Название для рассказа о молодом писателе: «Непримкнувший». Или нет, «Не-нужный» – точнее. Извините, Юрий Антонович, все места заняты, литература не резиновая. Увы и ах.

С Краснощёковым я всегда вижу с удовольствием. Не только потому, что даёт заработать. Просто славный человек. Принадлежность к русофилам, западникам или певцам коммунистического завтра его не интересует. Валентину Леонтьевичу за сорок, он румян, улыбчив, разговаривает негромко. Похоже, ему понравилось мое прямодушное солдатское нахальство, когда после дембеля я заявился в редакцию и предложил свои услуги в качестве рецензента. Никто меня не рекомендовал, своим ходом. Предлагал свои услуги я и в других редакциях, но рукопись на пробу дал один Валентин Леонтьевич. «Вы не кровожадный человек, это хорошо, – сказал он, прочитав рецензию. – Вам бы работать в Литературной консультации. Там не стараются под любым предлогом отбояриться от автора, а подсказывают, что можно сделать с рукописью. Знаю, служил там».

– Здравствуйте, Валентин Леонтьевич! – говорю я, открывая дверь в редакцию.

– А, Юра, привет. – Красноперов отрывается от каких-то листков, поднимается из-за стола и протягивает руку. – Присаживайтесь.

Второй сотрудницы не видно, её стол пуст, похоже, женщина в отпуске – лето, оно и в редакции по работе с непрофессиональными авторами лето. Я всё ещё под влиянием встречи с заведующей дошкольной редакцией.

– Сейчас встретил, – я называю фамилию дамы. – Странно, первой поздоровалась, улыбается...

– Её на пенсию отправляют, – коротко сообщает Валентин Леонтьевич.

Я хмыкаю. Как сам не догадался! Человечность во многих начальствующих появляется, когда их спускают с вершин. Мне хочется поострить на эту тему, но по лицу Валентина Леонтьевича замечаю, что не стоит.

– Как у вас дела? – на всякий случай опережает он.

Вопрос если и из вежливости, то отчасти. Красноперов из разряда людей, которым легко рассказываешь о своих проблемах. Он знает, что я ушёл от жены, что снимаю комнату, что блестящими мои литературные дела не назовёшь. Я рассказываю об участковом, который достаёт из-за того, что не работаю.

– А вы разве не член профкома литераторов?.. Есть такой промежуточный пункт для тех, кто ещё не в Союзе.

Я пожимаю плечами.

– Слышал, но всерьёз не интересовался. Надобности не было.

– Разузнайте подробнее, может пригодиться. – Валентин Леонтьевич мягко улыбается. У него лицо в меру полного человека, улыбка от этого кажется ещё приятней. – Я сам о профкоме подумывал, когда ушёл из Литконсультации. Однако не рискнул сесть на вольные хлеба. Они вольные, но скудные.

– Да уж!.. – с чувством поддерживаю я.

Красноперов, конечно, понимает, чем вызван мой визит. Однако приличия требуют ещё некоторое время поговорить. Например, об отпуске. Валентин Леонтьевич уходит в отпуск через неделю, собирается с сыном в Крым. Мальчику надо, у него был серьёзный стресс, врачи советуют какой-нибудь санаторий невротического профиля. У меня отпуска нет и быть не может по определению, мое нынешнее положение подобного не предполагает. Собственно говоря, вся моя жизнь после дембеля сплошной отпуск, если это можно так назвать. За исключением недель, когда пытался вернуться на Останкинский молочный комбинат.

Разговор течёт без напряжения, я посмеиваюсь, Красноперов улыбается. Мне приятно общаться с ним, похоже, ему тоже. Наконец Валентин Леонтьевич делает паузу, смотрит на стол, потом на меня и разводит руками.

– Юра, ничего нет – лето, сами понимаете. Разве что вот это. – Он кивает на рукописные листки перед собой. – Человек небесталанный, но некоторых вещей, необходимых в литературе, не понимает. Возьмёте?

Рукопись тонкая, однако, если заплатят аккордно, это рублей тридцать. В моём положении целое состояние. Я благодарю, расписываюсь в карточке и кладу папку в свой дипломат.

– Валентин Леонтьевич, – закидываю на всякий случай удочку, – у вас никого в Литературной консультации не осталось?.. Задолжал кругом, надо как-то рассчитываться.

Красноперов откидывается на спинку стула, несколько секунд смотрит в затенённое, выходящее во внутренний двор окно.

– Понимаете, Юра, там все рукописи идут через Сенчукова... Я с ним перед уходом не очень ладил.

Понимаю. Ещё раз благодарю и прощаюсь.

Что за зверь этот Сенчуков, если даже обходительный мягкий Красноперов не смог с ним сработаться?.. Веня Чачия, выходит, не первый, кто с Сенчуковым конфликтует. В самом деле, странно.

На лавочке у подъезда нашего дома меня дожидается Алла. Как ей не жарко, думаю я. На плечи полужены стекают густые чёрные волосы, она их никогда не стрижёт, разве что подравнивает. Впрочем, одну уступку лету Алла всё же сделала – она без бюстгалтера. Я замечаю свободное движение груди под блузкой, когда Алла поворачивается ко мне. Непроизвольно сглатываю.

– Привет. Уже думала, не дождусь.

– Ты бы сначала позвонила. Волка, сама понимаешь, ноги кормят.

Алла протягивает конверт.

– Была рядом, решила занести.

Полужена лукавит. Где это «рядом», какие такие дела могли её привести со Смоленской площади в наш район? Я беру конверт, обратный адрес и фамилия незнакомы.

– Из «Юности» переслали?

Алла кивает. Мне до сих пор идут письма после публикации рассказа. Пишут в основном девушки.

– Пошли, чаем угощу.

– В такую жару?.. – Мимолётная гримаса искажает Аллино лицо. – Юра, пожалуйста, выслушай меня. И не перебивай. Я тебе нашла работу. Знаешь детский сад за гастрономом? Им сторож нужен, ночь через две.

Я смотрю на Аллу, мне по-настоящему жалко её. Так понятно желание иметь семью, завести ребёнка, чтобы всё, как у людей – нормальная женщина. Я виноват, не нужно было посылать то письмо в синем солдатском конверте без марки. Но тоска, казарма с её прелестями, мысли о гражданке, когда всё кажется лучше, чем было на самом деле. А тут ещё смерть мамы, обрушившаяся неприкаянность. Я решил, что не смогу без девушки, которую встретил однажды в «Метелице» и у которой потом бывал дома. Алла жила с бабушкой, седенькой поповной, гордящейся фамильным серебром. Моя новая знакомая преподавала в школе, словесница, так что у нас находились темы для разговоров. Любовь к литературе не мешала другому. Мы уединялись в Аллиной комнате, я садился на стул, Алла, расстегнув нижние пуговицы халата, на меня. Иначе было нельзя, бабушка в любой момент могла войти. Всё происходило со смешком, как бы шутя, легко – как я понимаю теперь, слишком легко. Госы, а потом защита диплома оттеснили Аллу, я перестал звонить. Она не звонила тоже, наверно, из гордости.

– Что молчишь?

Я начинаю объяснять, почему не могу работать сторожем. На Аллином лице лёгкая досада: начинается. Однако голос у неё спокойный, ровный:

– Но ведь две ночи ты будешь спать нормально, – по-учительски терпеливо

объясняет она. – И кто тебе сказал, что сторожа на работе не спят? Уверена, спят. Я что-то не слышала, чтобы детский сад где-нибудь обокрали.

– Это не значит, что такого не бывает, – упрямо возражаю я, хотя дело совсем не в этом.

– А если даже нельзя спать, на дежурстве ты мог бы обдумывать свои произведения, делать наброски. Дома высыпался бы и спокойно писал. Разве не так?

Алла согласна на шестьдесят рублей ночного сторожа, это прогресс. Раз уж не получилось быстрого писательского успеха и не нашлось места даже в самой заваленной редакции, то хотя бы так. Размолвки у нас начались вскоре после того, как я вернулся из армии. «Чему вас на филфаке учили? – кричал я. – Всё и сразу?! А Достоевский, который свадебные подарки жены в ломбард закладывал? А Некрасов, который в молодости куски в трактирах подбирал?!» С другой стороны, Алла права – мужчина должен приносить в дом деньги. В нашей семье было именно так, мама из-за сердца вообще не работала. Мелькает покаянная мысль: раньше надо было думать, Юра, раньше! До того, как подполковник Муругов дал увольнительную в Москву на трое суток в связи с заключением брака с гражданкой Чистяковой. Я-то ладно, сам такую жизнь выбрал, но зачем других в авантюру втягивать? Тем более детей, а они появятся. Дети-то чем виноваты?

– Нет, Ал, не могу. Ты же помнишь, я пробовал работать на молочном комбинате. Что вышло? За два месяца ни строчки.

Ожидание на лавочке, слова о детском саде, по сути – просьба, чтобы я вернулся, дались Алле нелегко. Она срывается:

– Ты просто не хочешь работать!.. Ты убеждённый бездельник, твоё писательство просто ширма!..

– Вот именно, – соглашаюсь я. – Давай не будем заводить сказку про белого бычка. Тебе лучше развестись со мной. Я не для семьи.

Алле хочется сказать что-то ещё, губы у неё дергаются, но она берёт себя в руки. Резко поворачивается и уходит. Подпрыгивают на спине роскошные чёрные волосы, двигаются под юбкой крепкие бёдра.

Дурак, говорю я себе, дурак!..

## 4

Участковый со своей справкой висит надо мной как Домоклов меч, и в тот же день я решаю позвонить Стёпе Хмелику, чтобы подробнее разузнать о профкоме литераторов. Но вспоминаю, что телефона Хмелика у меня нет, он почему-то его не даёт. Зато есть телефон черноглазого Валеры из ЦДЛ, говорящего «что», и я звоню ему.

– Всё так, старик – говорит Валера. – Я сам в профкоме, здесь идёт стаж и милиция не трогает. Если хочешь вступить, нужны две рекомендации членов профкома и одна члена Союза. Как у тебя с публикациями?

– Кое-что есть.

– Тогда дерзай. Записывай адрес.

Я мог надеяться на рекомендацию Хмелика, Валера, быть может, тоже не откажет, хотя, похоже, ничего моего не читал. Насчёт рекомендации члена Союза я долго не думаю – Ким. Всё-таки руководитель творческого семинара, писатель с

именем. К Киму Николаевичу я и решил обратиться в первую очередь – может, ещё не уехал на лето из Москвы.

О светских женщинах я имел представление по классической литературе. Как держат себя нынешние львицы, мог разве что предполагать. Теперь у меня появилась возможность узнать, как это выглядит в реальности.

– Я вас слушаю, – сказала трубка грудным женским голосом.

Я поздоровался, попросил позвать Кима Николаевича.

– А как мне о вас сказать?

Смутившись – представляться следует без напоминаний, – я назвал себя. Но в голосе женщины не было и намёка на укоризну, только прежняя спокойная доброжелательность:

– Хорошо.

Новая жена была дочерью совминовского чина. Ради неё Ким развёлся с первой женой, с которой перебрался в Москву с Дальнего Востока. Ребята из семинара пожимали плечами – зачем это Киму, ему и так везде зелёный свет, в журналах и издательствах повести с руками отрывают. «Циники! – осудила ребят неукротимый романтик из бурятских степей Света Гырылова. – Он что, не мог влюбиться?!»

– Ну? – в голосе Кима Николаевича особой приветливости не чувствовалось. Возможно, я оторвал его от работы. Хорошо хоть взял трубку.

Как можно лапидарней я изложил свою просьбу.

– Напиши сам. Я подпишу. – И всё, гудки.

С возрастом я всё больше понимаю Кима Николаевича и задним числом сочувствую ему. Он был сродни господину Богу. У него все чего-нибудь просили. Переговорить в редакции насчёт рукописи, защитить в учебной части за пропуски лекций, написать предисловие к сборнику, дать, наконец, рекомендацию в Союз... Киму также приходилось вызволять из милиции некоторых семинаристов, благо, высокие милицейские чины к нему благоволили из-за известного романа о сотрудниках МУРа. Не знаю, хватило ли бы у меня человеколюбия на его месте подобным заниматься изо дня в день.

Тогда в словах Кима Николаевича меня смутило то, что рекомендацию на себя предстояло писать самому. Мало того, что неловко, так ещё тонкое дело, опасно как перехвалить себя, так и недохвалить. Перехвалишь – будешь выглядеть самовлюблённым дураком. Недохвалишь – в профкоме литераторов засомневаются, достоин ли. В конце концов я решил съездить к Толе Довгошее – его, пока единственного из нашего семинара, приняли в Союз. Опыта у Толи побольше, в том числе житейского, он старше нас.

Сейчас бы это назвали бомжеванием, а тогда считалось большой удачей. У Толи была крыша над головой и московская прописка. Всё благодаря Киму. Толя был его давним, еще по Хабаровску, знакомым, когда руководитель нашего семинара служил в краевой газете, а Довгошея искал полезные ископаемые в отрогах Яблонового хребта. Мне повезло, Толя оказался дома. Он занимал комнату в огороженном глухим строительным забором здании, предназначенном на снос. Я отыскал в заборе отодвигающуюся доску (здесь я уже бывал), зацепив пальцами за край, открыл дверь с оторванной ручкой и ступил в тёмный подъезд. Лампочки, естественно, не было. Довгошея ходил с фонариком, мне же, чтобы не упасть,

лестницу на второй этаж пришлось искать на ощупь. Второй этаж расселённого дома оказался светлее, в торце коридора зияло окно с выломанной рамой.

– Толя, открой.

Было тихо. Пахло старым деревом, осыпающейся штукатуркой, замасленными обоями – запустением. Я повторил свой призыв. За дверью послышалось движение.

– Юр, ты, что ли?

– Нет, призрак замка Морисвиль, – ответил я, подвывая.

Толя Довгошея открыл дверь.

– Заходи... Через порог не здороваются.

Кроме странной фамилии у Толи была не менее странная привычка пожимать руку, оттягивая её вниз и слегка выворачивая. Он походил на популярного в те годы польского киноактера Збигнева Цыбульского – широкий вздёрнутый нос, очки, светлый ёжик.

– А вот теперь здорово!

Следовало бы взять с собой хотя бы бутылку «Солнцедара», но у меня даже на него не было денег. Поэтому прямо у порога я сказал:

– Толь, я на минуту. – И поведал о своей проблеме.

– В коридоре что за разговор. – Толя потянул меня на кухню. Он снял очки и принялся крепко тереть глаза. – Сейчас чаю попьём, поговорим... Я одичал совсем, всё время за машинкой...

Вид у него в самом деле был усталый – Толя гнал повесть. К зависти ребят из семинара, его не только печатали, а печатали в «Новом мире», самом уважаемом из толстых журналов.

– А чего странного? Обычное дело, – сказал Довгошея за чаем. – Предисловие к моему сборнику я тоже сам писал, Ким лишь местами поправил. Читать наше у него времени нет, ему своё гнать надо.

– Неловко как-то – на себя...

– Есть, конечно, но... Литинститут ты окончил? Окончил. Рассказы печатаются? Печатаются. Даже в «Юности» вон напечатали. Ну и несколько слов насчёт того, что молодой и перспективный, так у них полагается. В общем, не тушуйся.

Толя разоткровенничался, видимо, и в самом деле истосковался по людям. Сказал, что от Союза ему обещают комнату в нормальном жилом доме, здесь одному жутковато. Он и так старается по ночам не включать свет, чтобы не привлекать алкашей – бывает, забредают на этаж, шарятся, что-то ищут. Вот закончит повесть, переедет – и к себе, в Тверскую губернию, в город невест Вышний Волочок. Есть девушка на примете. А то жениться всё не получалось – то скитался геологом по диким местам, то эта неустроенность в доме на снос. Пора обзаводиться семьёй, начинать нормальную человеческую жизнь.

– Толь, тебе сколько лет?

– Тридцать четыре. А что?

Я не ответил. С запозданием всё как-то у нас, пишущих, получается. Или прав всё-таки Пушкин: ты, царь, живи один?.. Женился, в итоге его застрелили.

Довгошея меня ободрил. Рекомендацию на себя я сочинил. На следующее утро, перечитав, отпечатал на гэдээровской «Эрике», папином подарке. Опять позвонил Киму. Прежний женский голос, минуту поотсутствовал, сказал, что Ким Николаевич готов принять меня завтра.

Она мне сразу показалась знакомой. Новая жена Кима выглядела старше его, по крайней мере, волосы у неё были седые, слегка подсиненные. Плавный поворот головы, спокойное достоинство, которое вряд ли что способно смутить, бедра сердечком, как бывает у женщин за сорок, когда появляются лишние килограммы. Стать. Порода.

– Ким, твой бывший студент, – сказала она вглубь квартиры и вскользь взглянула на мои довольно непрезентабельные кроссовки.

Я торопливо снял их. Действительно, они плохо сочетались с зеркалами и ковром прихожей.

– Ну что вы, ей-богу, не стоило... Знаете, он настолько уходит в работу, что ничего не слышит, – с улыбкой заметила женщина, снисходя к слабостям близкого человека. – Ки-и-м!..

Тапочек она мне не предлагала, пройти в кабинет к Киму тоже, и я стоял посреди прихожей. Галантный век, гранд-дама с портретов художников школы Левицкого – и я в носках. Слава богу, хоть без дырки на большом пальце или пятке. Дурацкое довольно-таки положение.

Нечто подобное чувствовал я и тогда, когда увидел эту женщину впервые. Она меня явно не помнила, а я её запомнил прекрасно. Приезжая на сессии, заочники обычно стараются побывать в московских редакциях, показать рукописи. Считается, одно дело отправить свои нетленки по почте – и совсем другое передать самому, из рук в руки. Нам казалось, так больше шансов, что напечатают. Не найдя никого в отделе прозы ближайшего от Литинститута журнала, я осмелился постучаться к заведующей отделом – оттуда были слышны голоса. «Да», – выдержав паузу, сказали мне. Я вошёл. За старинным круглым столом с гнутыми ножками сидело несколько женщин и пили кофе. Видно было, им хорошо и уютно, они вполне самодостаточны. Я не бог весть какой психолог, но понимал, что некстати, а это может сказаться на будущем рукописи, однако решился. «Вот... рассказы. Я студент Литинститута... С Украины». Все молчали. Холёная женщина с подсиненными волосами повела плечами, сделала удивлённые глаза: «Не стоило беспокоиться. Наш редакционный портфель полон».

Не знаю, что врзалось в сознание больше, эта дама, напоминавшая Екатерину Великую в пору своего женского расцвета, или её слова. Ни до, ни после принять в редакциях рукопись у меня не отказывались. Двойное унижение.

– Привет, старик. – Из недр квартиры быстрым шагом вышел Ким. Он был в светлом летнем костюме, в согнутой руке на отлёте держал трубку. Импозантный мужчина средних лет, бритая голова придавала Киму особый шарм. На меня пахло медовым запахом дорогого табака. Руководитель нашего семинара был вполне под стать своей новой жене, которая, кивнув, ушла. Похоже, Ким куда-то собрался. – Принёс? Давай, а то спешу.

– Ким Николаевич, поздравляю с выдвижением на Государственную премию, – подхалимским голосом сказал я. – Всё как-то случая раньше не было...

Ким, пробегая глазами сочинённую мной цидулку, выпустил дым в усы и хмыкнул.

– На твоей памяти это который раз? Третий?..

– Но когда-то ведь дадут.

– Дай бог нашему теляти волка съести.

С одной стороны, Киму были приятны мои слова, с другой – этот вопрос о количестве выдвинутых. Но он всё же подобрел, было заметно. Глянул по сторонам, решая, на что пристроить рекомендацию. Я подставил свой дипломат.

– Приглашают на бой быков... – заговорил с паузами Ким, опуская листок и подписывая. – В ЦК присматривают кандидатуру на главного редактора одного хорошего журнала... Задержался в Москве, завтра с утра в Дублты... Всё?

– Спасибо.

Мысль выскочила внезапно, как чёрт из табакерки. Хотя, если подумать, не так уж и внезапно – всё-таки перед этим был визит к Толе Довгошее. Я, конечно, не знакомый с хабаровских времён, но чего не бывает.

– Ким Николаевич, мне этот профком литераторов, как зайцу стоп-сигнал. Меня участковый достаёт, – сказал я. – Нельзя ли как-то...

– С работой помочь? – Ким реагировал мгновенно. – Старик, ты же знаешь, как с работой. Везде забито.

О службе, имеющей отношение к литературе, я не мечтал. Стать сотрудником журнала или издательства казалось несбыточным делом. Я промямлил:

– Сделать бы звонок начальству участкового... Чтобы не из-за профкома отстали, а вообще.

Этот взгляд стоило запомнить. Он врезался в память навсегда. В самом деле, надо иметь совесть, не опускать известного советского писателя ниже плинтуса. Но согласился Ким легко:

– Хорошо, какое отделение? Говори, я запомню.

Он не позвонил.

Теперь, думая о том, что изменилось бы, если бы Ким позвонил милиционеру начальству, я понимаю, что жизнь могла пойти иначе. Меня оставили бы в покое, я посидел бы над рассказами, быть может, написал новые, задумки были. В «Совпесе» вышла бы наконец книжка, которую я так хотел и ждал. Моя, настоящая, с именем и фамилией на обложке! Аккуратный томик, пахнущий новой бумагой, клеём от переплёта, отдающий керосином типографской краски, которая слаще духов!.. Эта книжка, быть может, примирила бы меня с изнанкой литературной жизни, к которой я прикоснулся. По крайней мере, на время.

Хотя... Не знаю, не знаю.

5

У меня есть рассказ о девчатах, работающих в тарном цехе. Я познакомился с ними, когда устроился на Останкинский молочный комбинат. Подрабатывать особой надобности не было, я получал стипендию плюс деньги, которые ежемесячно присылали из дома, – жить было можно. Но папе в том году исполнилось пятьдесят, мне хотелось сделать хороший подарок.

Я уже знал, что куплю: редкие в ту пору наручные часы с будильником в золотом корпусе, в Москве они продавались. Стоили такие часы достаточно дорого, откладывать понемногу из своих доходов было бы слишком долго, и я отправился в контору Моспогруза в Марьиной роще. Кое-кто из литинститутских ребят подрабатывал на Останкинском молочном комбинате, они и подсказали.

Судя по всему, комбинат был не самым привлекательным местом для мо-

спогрузовских работяг. Сюда брали даже на неполную неделю и, самое по тем временам удивительное, на неполный рабочий день. Ничего лучше для студента не придумаешь. Москвичи работать физически не любят, это общеизвестно, а потребность в рабочих руках была такая, что за готовность заниматься непрестижным трудом давали московскую прописку. С лимитчицами из Рязанской области мне и выпало работать.

Нормальные девчонки, большинство из них позволяли себя тискать и даже более того, но запомнились они не этим. Я смотрел на них сочувственно и свысока. Хотя, по большому счёту, моё положение было не многим лучше. Та же необходимость продавать время своей жизни, чтобы купить еду и продлить идущее по кругу существование. Но у меня был институт, были литературные ползновения, а у них? Мне и в голову не приходило, что можно ловить кайф оттого, что живёшь не в рязанской деревне, а в Москве, что в глазах земляков выглядишь особым человеком, что со временем можешь стать стопроцентной москвичкой с постоянной пропиской.

Обо всём этом я тогда не думал. Я смотрел на девчонок в шлёпанцах на высокой деревянной подошве (чтобы не убило током – плиточный пол в подвале постоянно был мокрым), на их тёмные халаты, я видел, как эти девчонки наравне с мужиками выхватывали с транспортёра тяжёлые ящики с бутылками, торопливо штабелевали их или, наоборот, быстро разбирали штабеля, швыряли ящики на оживший транспортёр, который с остановками двигался вверх, в молочный цех, где бутылки наполнялись. Жизнь девчонок казалась мне безысходной и тусклой. Отработать смену, прийти в общежитие, сварить суп, съесть, лечь спать, проснуться по будильнику, опять на работу...

В подвале жили несколько кошек, благо, молока было вдоволь. К тому же работницы подкармливали варёной колбасой, когда начинался единственный за смену двадцатиминутный перерыв. Кошки здесь родились, росли, с воплями трахались за штабелями, рожали котят, умирали и не знали, что кроме подвала есть что-то ещё. Свет для них существовал только один – электрический. Выглядели кошки неприятно, гноящиеся глаза, тощие тела, шерсть то ли свалывшаяся, то ли полувывлезшая. Они не видели снега, не знали зимы, осени, дождя – в тарном цехе были постоянные влажные субтропики.

О кошках и девчонках-лимитчицах я и написал рассказ. Провёл параллель. Возьмись за эту тему сейчас, я, быть может, написал бы ещё жёстче и безысходней. Жизнь кошек тарного цеха я сравнивал с человеческим существованием. Разве что кошки у меня были счастливее – они не знали, что есть что-то ещё, кроме подвала. Но я лакировщик действительности, люблю гармонию и чтобы всё было хорошо. За это мне доставалось на семинарах. Рассказ о лимитчицах был первой моей попыткой жёсткой прозы.

«Юра, вы что нам принесли? – с укоризненным удивлением сказали мне в «Юности». Меня ещё не печатали, но встречали доброжелательно. – Про рабочий класс нам, конечно, надо, но не так же!.. Вот у вас есть героиня, которая поёт. Сведите её с ребятами из вокально-инструментального ансамбля, который должен быть на предприятии – чувствуется, оно большое. Пусть девушка реализует себя в творчестве. Уж на что строг ваш тёзка Казаков, а посмотрите, как он поворачивает ситуацию в «Артисте миманса»... Юра, будьте добрее к своим героям, нельзя так сурово!»

Меня подталкивали к тому, с чем я сам был не против согласиться. Альтернатива жизни, которой жили девчонки, выход из тупой беспросветности должны быть. Жаль только, что героиня, которая у меня пела, на самом деле подхватила сифилис и её с комбината уволили. Что с девушкой стало потом, я не знаю. В деревню возвращаться было нельзя, подруги наверняка растрезвонили, а в Москве со своей проблемой она вряд ли могла устроиться. В Сибирь, на «стройки народного хозяйства»?.. Романтическая схема оказалась нежизненной, переписывать рассказ я не стал. Почему-то было стыдно это делать. Хотя у рассказа в таком случае появилась бы перспектива.

И вот мне опять предстояла встреча с девчатами из тарного цеха. Пока я собирал рекомендации в профком литераторов, его начальство благополучно ушло в отпуск, так что дело откладывалось до осени. Ким не позвонил, и у меня состоялся очень неприятный разговор с участковым, на этот раз он продержал меня сутки в отделении. Надо было что-то делать. Из-за нервотрёпки не писалось, а это было хуже всего. Какого чёрта, решил я наконец, пойду на комбинат! Всё равно время идёт зря, а так хоть заработаю денег, получу справку, а там посмотрим. Конечно, удовольствие ниже среднего – работать летом в подвальном помещении со стопроцентной влажностью, занимаясь высокоинтеллектуальной деятельностью по обеспечению разливного цеха тарой. Однако выбора не было.

Тут-то меня и разыскал Стёпа Хмелик.

В прошлый раз в ЦДЛ он исчез неизвестно куда. Мы хорошо тогда посидели в Пёстром зале, Стёпа взял ещё несколько бутылок пива, а потом вдруг растворился в пространстве. В его поисках я послонялся по Дому, побывал в нижнем буфете, в ресторане, забрёл даже в библиотеку, но Стёпу так и не нашёл. Сидя задремал в гостиной на одном из пышных кустодиевских диванов, пока не попросили. У меня хватило здравого смысла не возникать, а мирно уйти.

– Ты как учился? – спросил Стёпа. Однажды утром он позвонил и попросил подъехать к Новослободской, ближайшей станции метро.

Я удивился:

– Зачем тебе?.. Нормально. Во вкладыше к диплому в основном пятёрки.

– Понимаешь, есть одно дело... Деньги нужны?

– Предлагаешь ломануть банк?

– Я серьёзно.

– Нужны – не то слово!..

Рецензию я написал и успел отнести Валентину Леонтьевичу до того, как тот ушёл в отпуск. Но день выплаты гонораров в «Детской литературе» ещё не наступил, и я жил буквально на последние копейки.

– Здесь такая ситуация. Есть один хороший человек, который хочет, чтобы его сын учился на сценарном факультете во ВГИКе. Я ему написал полтора листа, он прошёл творческий конкурс. Во ВГИКе полагается сдавать ещё что-то вроде сочинения, а потом уже обычные экзамены. Парень дуб дубом, сочинения не напишет и экзамены не сдаст, но у папы есть деньги...

Одним словом, требовался человек, который и сочинение напишет, и экзамены сдаст. Сам Стёпа не может довести дело до конца, потому что срежется на экзаменах – всё уже перезабыл. Как я насчёт того, чтобы взяться за это?

– Подожди, на экзаменационном листке абитуриента есть фотография. Парень что, на меня похож?

– Это не вопрос. Фотография будет твоя.

– А попадусь?

– Не попадётся. Чем ты рискуешь? Рискует недоросль.

– А почему папаша не хочет действовать напрямую, дать, например, взятку председателю приёмной комиссии? Богатенькие так делают.

– Это ты у него спроси. Наверно, есть причины.

Я с любопытством смотрел на Стёпу. В общем-то, ничего необычного. Кроме любви к настольному теннису, Хмелик был известен в общепитии тем, что у него ночью можно было купить водку. Не одолжить, чтобы на следующий день взять в магазине и отдать, а именно купить. Правда, Хмелик брал не дороже таксистов.

– Сколько?

– Четыреста.

Стёпа твёрдо смотрел мне в глаза. Пожалуй, даже слишком твёрдо. Наверняка отщипнул себе что-то от суммы. Но и четыреста рублей были хорошие деньги.

– Когда?

– Сто пятьдесят сразу, остальные после экзаменов. Берёшься?

– Давай деньги.

Это было спасением. Можно было уехать в Черновцы, полистать школьные учебники и жить там до начала экзаменов. И от участкового на время отвязаться, и о хлебе насущном думать не надо. Поехать к отцу можно было бы и раньше, но одно дело, когда приезжаешь без копейки, и совсем другое, когда в кармане шуршит. Забегая наперёд, замечу, что уже тогда я начинал ощущать несоответствие своих двадцати восьми с образом жизни, которой вёл. Особенно это стало очевидно в Черновцах, когда встречался со знакомыми. Однако всему своё время.

– Так что насчёт денег? – повторил я. Пауза затягивалась.

– Салман тебя хочет сам увидеть, – сказал Стёпа.

– Какой ещё Салман?

– Папаша недоросля. Возьми с собой паспорт и вкладыш к диплому.

– А отпечатки пальцев не надо?

– Не обижайся. Он хочет знать, с кем имеет дело.

– Этот Салман тебе не верит?

Стёпа развёл руками.

– Кавказ, что ты хочешь... Я тебе позвоню, скажу, куда прийти.

– Деньги тоже потом?

Стёпа, не меня выражения лица, пожал плечами. Дескать, ничего не попишешь, такая вот ситуация.

Я думал, фуражки-аэродромы остались только на карикатурах в «Крокодиле». Ан нет. На дородном смуглом человеке была именно такая. Издали человек смахивал на крепыш-боровик, разве что шляпка на борошке была плосковата. Отбросив полы пиджака и засунув руки в карман брюк, он ждал нас у входа на ВДНХ. Глаза у человека были беспокойные.

– Шашлыками угостит? – поинтересовался я, определив, что именно к борошке держит путь Стёпа.

– Будь серьёзней... – не отрывая от него взгляда, сказал вполголоса Хмелик. Он широко улыбался. – Здравствуйте, уважаемый Салман Асланович!

Боровик на глазах переменялся. Лицо стало солидным, с оттенком некоторой даже пресыщенности. Он вытащил из кармана руку и не торопясь подал.

– Здравствуйте, товарищи.

Я ухмыльнулся, «товарищи» – будто не в аферу втягивает. Взглянул на Стёпу, но тот моего веселья разделять не собирался.

– Салман Асланович, я про этого молодого писателя говорил. Он прекрасно учился в Литературном институте, окончил с красным дипломом. О Юриных произведениях с уважением пишет московская критика, его с радостью встречают в любой редакции. Такие молодые писатели, как он, будущее советской литературы!..

Стёпа превозносил меня до небес. Столько лестных, хотя и не соответствующих действительности слов, я о себе ещё не слышал. Монолог он закончил словами:

– Уверен, это лучший вариант. Вагиф поступит, у меня на этот счёт никаких сомнений!

Боровик, благосклонно поглядывая, выслушал. Сказал, помолчав:

– Товарищи, хочу заявить, вы участвуете в важнейший мероприятий. Не думайте, это не какой-нибудь сделка-шмелка, а смелый гражданский поступок. Вы вносите вклад в развитие агропромышленный комплекс республика. К большому сожалению, на местах ещё остались люди, которые препятствуют выполнению провозглашённой партией и правительством продовольственный программа. Наша задача разоблачить их со всей решительностью...

Товарищ Саахов из «Кавказской пленницы» да и только! Дальше следовала филиппика в адрес руководства колхоза имени Самеда Вургуна, которое путает свой карман с государственным. Главный агроном, имя которого Салман брезгует произносить, сдаёт торгашам сельскохозяйственную продукцию, якобы выращенную на его приусадебном участке. Он получает за это большие деньги, а на самом деле сельхозпродукция на семьдесят процентов из колхозного сада и с колхозных плантаций. Есть и другие факты вопиющих злоупотреблений.

Говорил Салман как по писаному, хотя и с акцентом. Видимо, регулярно штудировал передовицы газет.

– Уважаемый Салман Асланович, – встрял я, впадая в тон работодателя, которым ещё раньше, похоже, заразился Стёпа. – Ваша гражданская позиция вызывает огромное уважение. Однако я не могу понять, какое отношение это имеет к делу, которым вы меня приглашаете заняться.

Салман изумился моей недогадливости. Взглянув на Стёпу, он даже руки вскинул вверх, едва не сбив с головы фуражку-аэродром.

– Э, дорогой Юра, самое непосредственное! Вы думаете, мой мальчик не способен поступить в вуз самостоятельно? Способен! Но это требует время, он закончил национальный школу, с русским языком проблемы. Средствами кино мой Вагиф сможет разоблачить шайку негодяев, окопавшихся в руководстве колхоза. Поэтому я хочу, чтобы он учился на сценарный факультет, писал, понимаешь, смелый сценарий.

– Тогда, может, ему лучше поступить на факультет журналистики? – сказал

я, игнорируя неодобрительные Стёпины взгляды. – Журналистика самый действенный способ борьбы с злоупотреблениями.

– Он шутит, Салман Асланович, – сказал Стёпа.

Салман согласно закивал и снисходительно посмотрел на меня.

– Я понимаю юмор уважаемого Юры. Но Владимир Ильич Ленин очень правильно сказал, самое важное из искусств – кино. Такой человек, – Салман значительно поднял вверх палец, – не мог ошибаться!..

Угощать шашлыками товарищ Саахов нас не стал. Пожав руки, этот смахивающий на боровик дородный азербайджанец направился к метро. Пришлось угощаться самим, благо, на ВДНХ тогда можно было неплохо и недорого поесть.

– Ну ты даёшь, стал Салмана отговаривать! – Хмелик, удивляясь моей глупости, покачал головой. – Здесь наоборот надо было ещё сказать, как это тяжело, сдавать экзамены. Насчёт риска впарить. Может, Салман накинул бы.

– Накинул... Видел, он такси брать не стал, в метро пошёл?

– Это ни о чём не говорит. Не думай, Салман не дундук. Он хитрее нас с тобой вместе взятых.

Мы сидели на открытой веранде, пили вазисубани и ждали, когда принесут шашлыки. Угощал на этот раз я, алаверды. Смотровины прошли удачно, сразу за аркой ВДНХ Стёпа отсчитал мне полторы сотни.

– Как он на тебя вышел?

– Есть каналы. – В подробности Хмелик вдаваться не стал. – Почему, думаешь, ВГИК? Потому, что в их районе ещё ни у кого сын во ВГИКе не учился. Ради престижа они ничего не пожалеют. Остальное, что он нёс, туфта. Может, главный агроном он сам и есть.

– Брось!

– А что? Восточные люди.

– Удивительно, азербайджанец, а как по писаному шпарит.

– Думает, все русские говорят, как газета «Правда».

День был солнечный, в меру тёплый. За сутки перед этим северный ветер вымел город, и всё теперь было видно далеко и ясно. Лёгкое вазисубани вошло в кровь, волшебным преломило помпезные, в духе пятидесятых, павильоны, серебристый макет ракеты, розы за шпалерами и сидящего напротив Стёпу Хмелика. Во всём проступал неведомый ещё пять минут назад смысл. Неясный, но важный и радостный.

Я был почти счастлив. И оттого, что чувствовал, состояние это преходящее, временное, наслаждался им и смаковал. Ощущение было такое, будто написал хороший рассказ и знал, что он действительно хорош. Привет от старика Хема.

Я – незаконнорождённый. Как сказали бы герои Шолохова, нахалёнок. Узнал я об этом сравнительно недавно, когда увидел родительское свидетельство о регистрации брака. Папа и мама официально поженились, когда мне исполнился год. Мои родители были офицерами Советской Армии, маму, лейтенанта медицинской службы, отец вскоре после войны отправил рожать на свою родину и только позже, приехав в отпуск, зарегистрировал брак.

«Как ты со своим сердцем не побоялась ехать в послевоенное село рожать?» — допытывался я у мамы, когда стал взрослым. «Тогда об этом не думали. Смерть была обычным делом. Вот только тебя жалко было не увидеть. Ты хорошенький был!..» И мама смотрела на меня такими глазами, будто сожалела, что я не навсегда остался ребёнком. Сохранились качественные, с коричневатым оттенком фотографии, на одной из которых я, готовый заплакать, в коротких штанишках и курточке из букле, в чулках и маленьких ботинках стою на асфальтированной дорожке. Фотографии сделаны в Германии, куда отец, забрав нас с мамой, вернулся дослуживать последние месяцы перед демобилизацией. Мне годика полтора-два, я повернул лицо в сторону мамы, она рядом, но на снимке не видна, фотограф меня окликает, я мимолетно смотрю на него, а сам лицом, всем подавшимся в сторону мамы телом там, рядом с ней. Эту фотографию мама просила положить с собой, когда умрёт. Из-за большого сердца рожать она больше не могла. В своей жизни мама по-настоящему любила только двух человек, меня и отца.

Я плачу, когда вспоминаю её рассказ, как она кормила меня в разбомблённом здании вокзала куриным супом, раздобытым где-то папой, как я трясся от жадности — сутки мама не могла меня покормить и перепеленать, мы оба измучились. Мне жалко себя, маму, отца, с трудом обменявшего продуктовые карточки на куриный суп, — жалко наши неприкайные хрупкие жизни. Когда семья переехала в Черновцы и занимала комнату в общежитии, у меня началось воспаление среднего уха, врачи собирались долбить черепную кость, но мама не дала. Тогда только-только появился пенициллин, это был невероятный дефицит, герметичные пузырьки с белым порошком на доньшке распределялись в облздраве. Мама надела форму с лейтенантскими погонами и наградами, пошла в обком. Потом ей стало плохо, маму увезла «скорая», но пенициллина для меня она добилась. А сколько было ещё всего. Как ничтожна и беспомощна была моя жизнь, как зависела она от мамы!

Боготворю тебя, родная моя. Если есть рай, ты должна быть там.

Время отца наступило позже. Бездумная куколка превращалась во всё больше осознающее себя существо, с любопытством осматривалась по сторонам, что-то усваивала. Хорошо-плохо, можно-нельзя — это ещё мама. А похвала за прочитанное с выражением стихотворение, точное наблюдение, остроумное замечание — это уже отец. В молодости он тоже сочинял. Повесть о том, как хорошо живётся колхозникам, даже отправил в Киев. («Жить в нашем селе стали хуже, чем до коллективизации, но кто бы стал печатать, если бы я написал правду?» — Папа усмехался, он был снисходителен к человеческим слабостям, своим тоже.) Повесть всё равно не напечатали. Фамилию своего рецензента папа запомнил — Гуркайло. Товарищ Гуркайло советовал больше читать классиков, учиться у них языку и умению создавать «художни образы» — один к одному, всё то же, что три десятилетия спустя стали советовать литконсультанты мне, разве что по-русски.

И опять я вижу в этом подмигивание судьбы, рифмование событий, но на этот раз уже двух жизней, отца и моей. Считается, родители хотят, чтобы дети добились того, чего не смогли добиться они сами. Не знаю, насколько серьёзно отец стремился стать писателем — началась война, и пришлось думать о других вещах, — но мои попытки сочинительства он поощрял. Не против был и того,

чтобы я стал художником, но хорошим, как, например, Репин. Это папа всегда считал необходимым уточнить.

— Знаешь, в чём тебе повезло? — спрашивает он, встретив меня в Черновцах с поезда и заводя в привокзальный ресторан.

Дома нас никто не ждёт, мамы нет уже больше двух лет. К тому же отец, не смотря на скромную зарплату директора заводского клуба, склонен к широким жестам.

— Любопытно узнать.

Отец бегло улыбается, отметив мою иронию, которая снижает патетику его слов.

— Тебе есть с кем поговорить — со мной. Когда я был в твоём возрасте, дедушка уже погиб. А так иногда нужно ж было рассказать близкому человеку, что думаешь!..

Я понимаю, что он имеет в виду. С возрастом мы с папой всё больше становимся не отцом и сыном, а друзьями. Я с ним говорю о том, чем не поделился бы с другими, потому что всё острее чувствую его родственную близость и понимание. Странно подумать, раньше дороже родителей для меня были друзья. Всеми своё время, видимо.

— Дедушка ничего не писал?

— Разве ж до того было!.. — Папа хмыкает, задерживает движение ножа над котлетой по-киевски и фирменно усмехается, приподняв левую бровь. У него немного скуластое лицо, нос с горбинкой, папа полноват, что не мешает ему до сих пор нравиться женщинам. Сложись жизнь по-другому, он мог бы выступать на эстраде, не случайно сейчас культработник. Антон Руснак, вполне звучит. — Дедушка всю жизнь тяжело работал. Но помечтать любил, это да, всякие истории послушать. Зимой в хате бросали на пол солому, приходили соседи, укладывались и начинали рассказывать банделюги, дедушка тоже. Я так под них и засыпал.

— Получается, сочинял. Только устно.

— И сочинял, и слушать любил. Тяга у него к этому была, это да.

— Выходит, у меня наследственное?

Папа пожимает плечами с таким видом, будто извиняется.

— Выходит.

Не потому ли, что фамильная наклонность, ни к чему его и деда не обязывавшая, толкнула меня в мир профессионалов, где всё сурово?.. Папа вряд ли это понимает. Подобные вещи узнаёшь, когда сам оказываешься в этом котле. Моей причастностью к литературному миру он гордится и думает, что мне там хорошо. Не буду его разочаровывать, не по-мужски. Я представляю бабушкину хату с глинобитным полом, щедро присыпанным соломой, керосиновая лампа на столе едва теплится, вдыхаю дым злых самокруток — мужики осторожно курят. «Банделюги» на русский можно перевести как побасенки.

Возникшая картинка тянет за собой другие, я обоняю запахи, слышу шуршание соломы под телами, разговоры, местные словечки. Например, «пляцки», которыми на отцовской безлесой родине топили зимой печки. Навоз поливали водой, закатывали штанины или подтыкали юбки и принимались месить. Всё это я видел, когда приезжал к бабушке летом. Запах навоза до сих пор не вызывает во мне безразличия, он ассоциируется с полезным делом. Колобки податливой,

перемешанной с соломой массы плющили в лепешки и оставляли сушиться на земле. А ещё лучше, пришлёпывали к каменному забору, по-местному, муру – так плячки сохли быстрее.

– Дедушка в Румынии погиб?

– Да, – говорит отец. – Яско-Кишинёвская операция.

– В сорок четвёртом?

– В августе. Я узнал об этом позже.

– Тебе на фронт написали?

– Да.

Я испорченный литературой человек, я уже не могу воспринимать жизнь непосредственно. Мне кажется, в этом сидении за ресторанным столиком, в сдержанном мужском разговоре, в высоких окнах, выходящих на затенённый опустевший перрон, есть что-то хемингуэевское. Пусть даже в графинчике на столе не виски, а водка. Кажется, Ницше сказал, искусство дано человеку для того, чтобы он смог преодолевать ужас жизни.

Дедушку призвали вскоре после того, как Красная Армия освободила село. В сорок первом он не стал эвакуироваться – куда крестьянину с семьёй от хаты? Папе, старшему сыну, сказал, чтобы тот уходил с отступавшими частями, папа был комсомольцем. Единственный из вернувшихся после войны мужиков дедушкиного призыва рассказывал, их бросили в мясорубку под Яссами сразу же, даже не переодели в красноармейскую форму. Зачем, всё равно полягут. О военной подготовке речи не было. Будьте вы прокляты, знаменитые полководцы, побеждающие числом! Будь проклята власть, для которой человек ничто! Скотские вожжи, скотское государство!.. Отношение к побывавшим в оккупации было недоброе. С детства помню, как папа заполнял анкету, в которой был вопрос, находился ли он или его родственники на оккупированной территории. Всё с большей уверенностью думаю, что дедушку и мужиков его призыва бросили в мясорубку под Яссами умышленно. Отсиделись в оккупации? Вот вам!..

Из привокзального ресторана мы выходим тоже по-хемингуэевски, не слишком твёрдо ступая. Немногословный мужской диалог и ощущение чертовски близкого человека рядом. Нарушает стилистику разве что папино движение – он обхватывает меня за плечи, прижимает к себе, коротко тискает и тут же отпускает. Какое-то время мы идём молча. Я до слёз люблю своего старика.

Можно сесть на автобус, но мы идём на Рошу пешком. Вверх по Гагарина до Центральной площади с её ратушей времён Австро-Венгерской империи и зданием биржи с цветной мозаикой вверху. Сейчас там горсовет и суд соответственно. Я кручу головой по сторонам, всё на месте, такое впечатление, будто никуда не уезжал. Речь на улицах тоже прежняя – русская, реже еврейская или молдавская и совсем редко украинская. У Черновцов соответственно несколько названий, ещё Черновицы и Чернауц, кому что ближе.

– Пап, ты рассказывал, как после войны одного мужика забрали кагэбисты, – говорю я. – У него на огороде лежала неразорвавшаяся бомба, он никому о ней не говорил. Почему?

У меня есть кое-какие мысли относительно рассказанной когда-то отцом истории, уже брезжит, вырисовывается идея рассказа. Однако мне хочется узнать об этой истории больше.

– Может, собирался разобрать бомбу. В хозяйстве ж всё пригодится... – Отец несколько озадачен моим вопросом. В лёгком недоумении вздёргивает левую бровь, но отвечает добросовестно. – Толком из бомбы можно корчевать деревья, например. Корпус тоже можно ж для чего-то приспособить...

Такой прагматичный ответ меня не устраивает, слишком всё очевидно, рассказа из этого не сделать. В смысле, настоящего, серьёзного. И я говорю:

– А представь человека, который каждый день ходит мимо готовой взорваться бомбы. Ходит мимо смерти. Вчера, сегодня, завтра. Он ходит и каждый раз думает: нет, ещё не сейчас, не теперь... Понимаешь? Бомба может взорваться сама по себе или человек может сделать так, чтобы она взорвалась. Две воли, человека и случая, каждая самостоятельна и каждая реальна. К тому же у человека есть возможность выбора, а она ещё как щекочет нервы! Можно пройти мимо, а можно... От тебя жизнь зависит. Понимаешь? Понимаешь, что я имею в виду?..

Отец не понимает, вижу.

– Когда я прохожу по мосту, моя жизнь тоже от меня зависит, – говорит он. – Могу прыгнуть и утопиться, а могу не прыгать.

В тоне отца юмористические нотки, и я начинаю заводиться:

– Есть мысли, которые не передашь словами. Как, например, не опишешь запах цветов. Это даже не мысли, а состояния, образы. Я хочу так написать, чтобы эти мысли-состояния-образы сами собой возникли у читателя. Понимаешь, в чём фокус? Не называть прямо!.. А может, у всего этого вообще названия не существует, только почувствовать можно. Как у Хемингуэя. Добиться такого тяжело, но в том и радость, если добился.

– М-да, – после паузы глубокомысленно выдает папа. – Учился ты в Литературном институте, вижу, не зря...

Оба смеёмся. Я приятно возбуждён – уверен, смогу написать так, как говорил. Я талантливый. Ноги несут нас сами, вот уже кинотеатр «Жовтень», бывшая синагога. Сквозь деревья сквера просвечивает конструктивизм Дома офицеров, построенного якобы англичанами во время недолгого румынского владения Северной Буковиной. Хмель ещё не выветрился, я до осязаемости отчётливо, хоть рукой трогай, представляю барокко театра драмы и площадь перед ним а-ля центр Парижа – театр сразу за Домом офицеров.

Я остро чувствую, как люблю свой город, второй на западе Украины после Львова. А по красоте, может, и первый – что с того, что Черновцы меньше. Одна резиденция буковинского митрополита – сейчас университет – чего стоит! Краснокирпичная, с цветными изразцами. Говорят, император Австро-Венгрии Франц-Иосиф обожал наш уютный город. Якобы, Черновцы стали следующим после Вены городом, где начали ходить трамваи. Мы уже на тенистой Университетской, в перспективе которой как раз и видна бывшая резиденция буковинского митрополита, она же университет, где я какое-то время учился до Литинститута.

– Лепота! – вырывается у меня, прежде чем нам ступить на гравий Роши.

Папа ничего не говорит. С родственной иронией смотрит на меня. Он прекрасно понимает моё состояние.

С первых же дней черновицкая жизнь приобретает чёткие контуры. Я поднимаюсь, когда отец уходит на работу, делаю то, что никогда не делал в Москве – зарядку. Для этого выхожу во двор, дышу пахнувшим огородом и июльской листвой воздухом, смотрю на яблони, круглые кроны которых смахивают на клубки пряжи, проткнутые спицами-лучами. Отца всегда тянуло к земле, и когда умерла мама, он обменял нашу двухкомнатную квартиру, которую наконец получил от завода, на дом на окраине. Мне здесь так хорошо, что появляется мысль: какого хрена я забыл в Москве?!

Я не даю ей разрастись, рьяно принимаюсь за армейский комплекс из шестнадцати движений (кроме отметок в военном билете, это единственное, что осталось от службы), обливаюсь водой из ведра и возвращаюсь в дом готовить завтрак. Обычно это яичница и салат из огурцов и помидоров, их сезон в Черновцах в разгаре. Я уплетаю за обе щеки, но прежняя мысль тут как тут: какого хрена?.. Я знаю, это пустышка, повторение пройденного. То же, что и тогда, когда я ушёл от Аллы, вернулся в Черновцы и, сидя с удочкой у Прута, размышлял, как жить дальше.

В Черновцах не надо думать о крыше над головой и куске хлеба, но проблема всё та же, нужно работать. Конечно, отец не будет против, если с полгода, а то и больше я буду только писать. Но взрослый мужик, неудобно сидеть на шее. Можно податься в журналисты, однако пишу я по-русски, а здесь обе газеты, партийная и молодёжная, на украинском. Опять же, если устраюсь на работу, времени и сил на рассказы оставаться не будет – всё, как в Москве. Какой смысл менять шило на мыло? Тем более, что выходящие на русском издания там. Как ни кинь, получалось, делать мне здесь нечего. Черновцы уютная нора, в которую я время от времени юркаю, чтобы отдышаться от жизни.

Я и теперь не даю пустышке разгуляться, не позволяю себе заняться строительством воздушных замков и ностальгировать. Я достаю учебники и приступаю к обновлению школьных знаний. Сейчас бы пойти на Прут, позагорать и покупаться в его быстрой и не слишком чистой, но всё же прохладной воде. Вагиф, где ты, дорогой, чем сейчас занимаешься, засранец?..

Что может открыть для себя в школьных учебниках нового человек с высшим образованием, а поди же ты. Вот исторические решения последних съездов КПСС, утвердивших не только окончательную победу социализма в стране, но и её необратимость. Думая об этом сейчас, из нынешнего своего времени, я усмехаюсь – необратимость... Какая самонадеянность!.. Впрочем, почему нет. В демократической, так сказать, России то же единовластие и правящая партия, всё больше смахивающая на КПСС и всегда готовая взять перед Кремлём под козырёк. Правда, социальных гарантий значительно поубавилось, а добродушие советского строя периода стагнации и вовсе выветрилось.

Когда отец приходит на обед, у меня всё уже на столе – листаю учебники я недолго. Разливаю по тарелкам окрошку, самое то в июльский день. Папа поддевает ложкой сметану и сосредоточенно размешивает. Он снял тенниску, сидит за столом в майке, и я отмечаю, что она свежая. Не знаю, как бывает в моё отсутствие, но при мне ни одна женщина в доме не появляется. Мы говорим обо всём понем-

ногу, я сообщаю, что собираюсь на кладбище, надо ещё раз полить цветы – вон какая жара. Мне нравится памятник, который папа установил вместо временного. Небогатый, по доходам, но не это главное.

Под вечер я выхожу прогуляться. По гравию Роши направляюсь в сторону центра. Сейчас я здесь свой, а когда был городским, провожать девчонок на Рошу не рисковал. Местные ребята чужих не любят. Граница – немного не доходя Университетской, где начинается собственно город. Сейчас мой путь на улицу Ольги Кобылянской, единственную улицу, по которой не ходит транспорт. Считайте это местечковым патриотизмом, но Москва со своим Арбатом отдыхает – он стал пешеходным намного позже, чем Кобылянская.

Я утجوу черновицкий бродвей в поисках знакомых. Сюда по вечерам выходит гулять полгорода, потомки негоциантов и предпринимателей прежних времен, сильно разбавленные послевоенной волной русских. Здесь можно встретить легендарные личности вроде финалиста забега на восемьсот метров олимпиады в Риме Абрама Кривошеева. Или сестер Козырь, дев с греческим профилем и курчавящимися лёгкими волосами, старшая – многоборка, младшая – чемпионка Украины по прыжкам в высоту. А то и мастера спорта по всем мыслимым видам борьбы в супертяжёлом весе Дусика, фамилию которого мало кто знал. Просто – Дусик, похожий на удачливого литератора нынешних времен Дмитрия Быкова, толстого и волоокого. По Кобылянской в ту пору прогуливалось много других занимательных людей, которых я не мог знать по причине своей молодости, ограниченности интересов и знакомств. Например, герои нашумевшего на весь Союз расстрельного дела о валютчиках – предпринимательская закваска не давала черновицким обитателям жить спокойно. Но никого из знакомых я на этот раз не вижу. Лето, народ разъехался.

– Юрка!

Нет, не весь. На тротуаре возле кондитерской стоит с приветственно поднятой рукой Адик Мыколив. Рядом с ним девушка не первой молодости, у неё короткая, под мальчика, стрижка.

– Посмотри, это наш классик! – гнусным голосом сообщает ей Адик, полное имя которому Адольф, и презрительно тычет в меня пальцем. – Вуйко приехали до ридной хаты. Запомни этот миг, Света, в свой дневник запиши!.. – Мыколив делает шаг навстречу и обнимает меня. – Здравствуй, надежда буковинской литературы! Здравствуй, говнюля!..

Обижаться на Адика бесполезно. Этаким Ноздрёв черновицкого разлива. До того, как я перешёл в Литинституте на очное, мы с ним были в одной компании. Купив вина, обычно собирались в Адиковой подсобке в школе, где он преподавал рисование. Не знаю, как на уроках, но по вечерам Адик всегда был подшофе. Впрочем, принять на грудь дополнительно никогда не отказывался. «Нет, ты смотри, смотри, у неё всё на лице написано! – наседали на него из нас и тыкал пальцем в портрет. Кроме стихов он ещё писал маслом. – Старик, это ж полная безнадега! Всё на лице, абзац и песец одновременно! Приехала из села, постоянного мужика нет, только что сделала аборт, хозяйка гонит с квартиры... Чувствуй, проникайся, ты ж литератор, поэт-писатель, владелец дум!» – «Властитель», – поправляли его. – «Не цепляйтесь к словам, засранцы!..»

Пожалуй, единственный из нашей компании Мыколив относится ко мне без

пиетета. Для остальных ребят я почти небожитель – как же, окончил Литинститут, живу в Москве, печатаюсь в «Юности». Приятно, хотя и неловко. Быть знаменитым неприлично.

– Одобряешь? Как она тебе? – громко спрашивает Адик и кивает на девушку со стрижкой под мальчика, которая, по замыслу, должна молодить её, не слишком молодую. – Не смотри, что страшенькая, ей можно, она завуч, начальник.

Мне неловко за Адика, но девушка, похоже, свыклась с его непосредственностью, снисходительно улыбается.

– Это ты напрасно, старик, – считаю нужным сказать я.

Мыколив не слушает:

– Жаль, иду знакомиться с её родителями. А то бы мы с тобой загудели в честь здыбанки, ей-бо, загудели бы! Впрочем... – Адик несколько секунд смотрит на меня соображающим взглядом. – Ладно, не бойся, – наконец бросает он девушке, почувствовав, как та напряглась. Хмурится и тяжело вздыхает. – Жениться собираюсь, такие вот дела. Должен же кто-то женщину пожалеть, правильно говорю? А то как трахать, так все пожалуйста, а чтоб жениться... Верно?

– Вернее не бывает, старик.

Адик в своём репертуаре. Жалость к женщинам у него не исчерпывается написанием сочувственных портретов и стихов. Порой она принимает любопытные формы. В нашей компании были две сестры, преподаватели культпросветучилища, которые не столько сами писали, сколько были любительницами поэзии. Иногда приглашали к себе. Свечи, приглушённая музыка, немного ликёра. Девушки были с фантазией. Конечно, мы читали свои опусы, но какой-то вечер посвящался, например, Баратынскому или Тютчеву. Сёстры развешивали на стенах портреты классиков, усаживали всех за стол и вызывали духов, пели романсы. Обе были незамужние, и того, кто оказывался в тот вечер лучшим, оставляли у себя. Сподобился этой чести однажды и Адик. Когда позже он стал предьявлять на сестёр права, те искренне удивились: мы были не с тобой, Адик. Мы были с Михаилом Юрьевичем!..

Причина, чтобы куда-нибудь не закатиться, у Мыколива уважительная. Я какое-то время иду рядом с ним и его невестой вдоль Кобылянской. На подходе к Центральной площади со зданиями бывших ратуши и биржи неохотно расстаюсь, смотрю Адикю вслед. Я тоскую по нашей сочинительской тусовке, даже по таким персонажам, как Адик. Мы не толкались локтями, не ели друг друга поедом, не выискивали с лупой недостатки. Радовались, когда у кого-то получалось, хотя и ревновали, конечно. Да, дилетанты по жизни, но отношения важнее. До меня доходят слухи, что теперь всё не так. Кто-то женился, вышел замуж, кто-то просто отошёл от компании, впрягся во взрослую серьёзную жизнь, из которой наши литературные забавы кажутся блажью. Но, Господи, Боже мой, какое хорошее было время, какое искреннее и чистое!..

Полчаса ещё утую бродвей, но никого из наших так больше и не встречаю. Серёжу Луцкого тоже, с ним я учился в Литинституте. Он, как и я, осел в Москве. Мне говорили, сейчас он в Черновцах, приехал к родителям в отпуск. Неплохо было бы пообщаться, после института я Серёжу ещё не видел. Знаю лишь, что работает в госкомиздате РСФСР. Интересно, как живётся служилому люду?

Почти сумерки, однако самый большой в городе книжный магазин ещё от-

крыт. Зайти мне туда и хочется, и неловко. С Ниной, которая здесь работает, у меня был роман, когда я ушёл от Аллы и на какое-то время вернулся в Черновцы. Девушка мне нравилась, но, отнесись я к этому серьёзно, опять началась бы сказка про белого бычка. Или про попа и его собаку, кому что нравится. В общем, тоже не сложилось. Мысль, будто взрыв: если талант или, скажем скромнее, способности это дар Божий, то и моё нежелание связывать себя семьёй тоже от Бога. Оно не эгоизм, а ответственность за дар. Как бы со стороны это ни выглядело. Ведь и в самом деле!.. То, что подспудно вызревало, оформилось в чёткую формулу.

Дело к закрытию, посетителей почти никого, Нины нигде не видно.

– Девушка, а где Нина? Она у вас работала, – спрашиваю я у продавщицы отдела художественной литературы.

– Нина Александровна у себя, – отвечает та, подняв на меня глаза. Я её оторвал от чтения. – У вас к нашей заведующей дело?

Опаньки, заведующая! Полтора года назад Нина была обычным продавцом-консультантом.

– Что-то вроде того.

– Дверь видите? Нина Александровна там.

Интересно было бы сейчас взглянуть на себя со стороны, думаю я, нажимая на ручку двери. Вид у меня, скорее всего, нашкодившего пса. Уезжая в Москву, я обещал Нине писать.

– Позвольте?

Нина занимается бумагами. Подняв голову, видит меня и открыто, радостно улыбается.

– О, привет!.. – Она приятно круглолица, светловолоса, красит ресницы. А то они, по Нинину же выражению, у неё поросычьи, белёдые. – Так ты в Черновцах? Почему не заходил? Ай-яй-яй, нехорошо забывать старых друзей, нехорошо... Садись.

Похоже, в качестве заведующей Нина недавно – слишком просто себя держит. Или это только со мной?

– Тебя можно поздравить? – говорю я.

– В смысле?

– Ну как же, растёшь, заведующая...

Нина машет рукой:

– А, это!.. Столько писанины. Если бы знала, не согласилась. В горькое новое поветрие – двигать молодёжь. Я под эту кампанию попала. Говорят, высшее образование есть, зарекомендовала себя хорошо... Ладно, что об этом. Ты-то как? Когда книжка выйдёт? Обещал подарить.

– Как только, так сразу, – отшучиваюсь я и думаю, что о нас с Ниной тоже можно написать рассказ.

О том, как она провожает меня на черновицком вокзале и ещё не знает, что нашим отношениям конец. А я знаю. Поэтому смотрю на неё запоминающими глазами. Мне жаль с ней расставаться, а главное, с этой девушкой уходит пласт жизни – её жизни, ставший и моим. То, что в детстве она ни с того ни с сего могла вдруг упасть (Нинина мать пережила ленинградскую блокаду, наверно, поэтому); что её старший брат кэп-три Тихоокеанского военно-морского флота; что

первый Нинин мужчина, спасатель на лодочной станции, был буен во хмелю, и она с ним стала кончать едва ли не сразу... Прощаясь с Ниной, я прощаюсь с событиями и людьми её жизни. Чувство потери ещё и от этого, горькое отчуждение от жизни другого человека здесь главное. Рассказ, думаю, получится, надо взяться. Дико размышлять об этом сейчас, сидя перед Ниной и разговаривая с ней. Однако не думаю, что в этом я циничней других сочинителей.

Мне хочется знать, как она сейчас живёт – может пригодиться. Хочу ли начать всё сначала? Неплохо бы, женщина она в моём вкусе, малыш до сих пор реагирует, стоит вспомнить некоторые сценки. Но облом. Из лёгкого, перепрыгивающего с одного на другие разговора выясняется, что Нина замужем, недавно из декрета. Кто муж, я не допытываюсь. Нина вскользь замечает, что лучшее для него занятие это рыбалка на Пруту, ездит даже на Днестр, больше ему ничего не надо.

– От наследника сбегает, – шучу я. – Достал, наверно.

Нина расплывается в улыбке:

– Ещё как! Но теперь лучше, хоть ночью спит хорошо. Ты не представляешь, как я с ним вымоталась!..

И бывшая моя любовница принимается рассказывать о сыне. Никакого намёка на наши отношения. Ни тени упрёка, пусть даже сдержанного.

– Стихи продолжаешь писать?

– Зачем? – Нина смеется. – Мне и так хорошо.

Выхожу я из книжного магазина озадаченный. Получается, не оставил никакого следа в Нининой жизни, хотя казалось, что у нас серьёзно.

Мне досадно. И пусто.

## 8

Однажды утром я поднимаюсь вместе с папой, и мы едем на Легмаш.

На заводе я проработал полновесных пять лет – писатель должен знать жизнь. Именно такой аргумент я выдвинул перед родителями, когда после школы не прошёл творческий конкурс в Литинститут. Моего желания писать это не поколебало, но не валять же дурака целый год. Мама настаивала на том, чтобы я поступал на филфак университета, раз уж так получилось, я упирался, заявлял, что кроме Литинститута мне ничего не надо, а папа молчал. Пока наконец не сказал, вздёрнув бровь и хмыкнув: «А что, он прав. И стаж заработает, сейчас же ж два года надо, легче будет поступить». Папа сам и помог мне устроиться учеником фрезеровщика на Легмаш.

О, это отдельная песня, первые месяцы работы! Ученичество не в счёт, там ты на подхвате, зачищаешь в основном напильником заусенцы на деталях. А вот когда поставят на станок работать самостоятельно, и работа не идёт, и дисковые фрезы летят одна за другой, и в инструменталке уже косятся и обещают высчитывать за фрезы с зарплаты, хотя ты ещё ничего толком не заработал, – это да!

Узнал цену копейке – звучит дубово, но всё так и было. За неё одну порой приходилось обработать несколько деталей, операция могла стоить десятки доли этой самой копейки. С усмешкой вспоминаю, как однажды не сел на трамвай, а потопал домой пешком – пожалел монетку, поняв, как она достаётся. Мне хочется посмотреть в глаза тем, кто утверждает, что в советские времена платили за одно

присутствие на работе. В развращённой подачками Москве, может, так и было. Но Черновцы не Москва. И остальная страна не Москва тоже.

Многое на Легмаше переменялось, я здесь не был уже несколько лет. Хоть впадай в бодряческий тон доперестроечной прессы, думаю я сейчас, вспоминая тот свой визит. Солнечно просвечивалась насквозь новая проходная из стекла и дюрала, достроен механический цех, в который свели наш цех запчастей, спецфрезерный участок и участок сборки. Отдельное здание для особо точных прецизионных станков, между цехами – свежие асфальтовые дорожки...

– Привет, Юрик, – здороваются строгальщик Фима Шор, рационализатор и изобретатель, автор стружкосборника своего имени.

Приятно, меня ещё помнят. Суппорт ходит туда-обратно, резец без усилия, мягко гонит раскалённую стружку, синие спиральки одна за другой улетают в стружкосборник. О ходе резца так и тянет сказать: как по маслу.

– Видел «Юность». Слушай, зачем тебе это надо?.. Работал бы на заводе, был бы себе нормальный фрезеровщик, это я понимаю!..

То, что я поступил в Литинститут, для многих в цехе запчастей стало неожиданностью. О том, что сочиняю, я никому не рассказывал – стеснялся. И где находится черновицкое отделение Союза писателей, тоже не знал. Этаким кот, гуляющий сам по себе. Наверно, зря – ребята с Кавказа почти каждый приходили в институт с рекомендациями местных отделений Союза, это помогало поступить. Зря ещё потому, что вовремя не узнал оборотной стороны писательской жизни. Может, иначе бы всё у меня сложилось. Хотя вряд ли.

– У тебя ж рацухи были, голова работает! – Фима кривит губы и вздёргивает плечи. – Какая-то «Юность», какие-то рассказы... Зачем надо?

Мне лестно, что журнал с моим рассказом читали, но что я могу ответить Фиме? Как и он, пожимаю плечами и говорю:

– Кому нравится поп, кому попадья, а кому попова дочка.

Фима хохочет, живой еврейский ум отзывчив на шутку. Евреев (по-местному, маланцев) на Легмаше много, впрочем, как и на других предприятиях – такова специфика Черновцов. Токари, фрезеровщики, слесари, далее по списку, встречались даже грузчики. Обычное дело, никого это не удивляло. Были, конечно, евреи врачи, портные, продавцы и парикмахеры, но работать на заводе тоже считалось в порядке вещей. Скажем, токарь Рома Розенблюм. Это ас. У него свободный график, его вызывают, когда надо выточить что-то уникальное, другим токарям не под силу. Неподдалёку щерит белые зубы на покрытом ржавчиной лице – она летит с обгачиваемых стоек кругловязальных машин, – Гриша Столярский, прилагательный тридцатилетний холостяк, любитель молоденьких девушек. Дальше спецфрезерный участок, аристократы, владельцы лоснящихся красным лаком чешских «Яв» и «Чозет». Они зарабатывают безумные деньги, по триста рублей и больше. Следующий участок сборки, там сейчас тишина, потому что начало месяца. В конце июля слесари-сборщики будут дневать и ночевать на участке, жёны станут приносить им в кастрюльках фасолевый борщ и куриц, потому что надо сделать план, пресловутая штурмовщина...

Возрастная ностальгия, думаю я теперь. Что пройдёт, то будет мило. Не знаю. Как и нашу литературную тусу, я люблю время, когда работал на заводе. Всё было просто, никаких подводных течений, борьбы самолюбий уязвлённых лю-

дей, мелких интриг, зависти – всего того, чему стану свидетелем какой-нибудь месяц спустя. Или всё дело в молодости, не видел я тогда грязи жизни, просто не обращал на неё внимания?..

У Черновцов в этот мой приезд новая особенность. Она сразу бросается в глаза. На троллейбусных остановках, на углах домов, на жести водосточных труб светлые бумажки объявлений с бахромой, на которой многократно повторены адреса или телефоны. Продаются диваны, платяные шкафы, детские коляски, стенки, дублёнки, сервизы, свитера, зимние сапоги и многое другое. На мой вопрос, что за волна накрыла город, отец отвечает:

- Евреев стали выпускать.
- В смысле?
- В Израиль. Продают вещи.
- Так и раньше вроде выпускали.
- Понемногу. Сейчас практически всех.

Дело, в общем-то, знакомое. В прошлый раз, когда ушёл от Аллы и жил в Черновцах, я всё-таки попытался устроиться в областную молодёжную газету. Узнав, что пишу на русском, ответственный секретарь хмыкнул, но шанс дал. В качестве пробного материала я должен был написать о комсомольской организации трикотажной фабрики, она была на хорошем счету.

Дебелая молодлица, секретарь комсомольской организации, водила меня по шумным – невозможно было разговаривать – цехам, знакомила с лучшими производственницами, показывала документацию. Среди прочего мелькнуло заявление о выходе из комсомола. Придержав руку молодлицы, я прочёл старательные строки: в связи с выездом в капиталистическую страну Израиль прошу исключить меня из рядов ВЛКСМ. Дебелая секретарь неловко пожалала плечами: бувае й такэ...

К слову сказать, я добросовестно пытался тогда изменить свою жизнь, всё-таки Нина мне нравилась. За материал принимался несколько раз, пока наконец не оставил эту затею. Не только потому, что, городской житель, украинский знал на бытовом уровне. Мне было скучно. Глубже не копнёшь, не развернёшь, не раскрутишь, что на самом деле заставило одну идти в комсомольские вожди, а другую ехать «в капиталистическую страну Израиль». Вряд ли только пятый пункт. Возносить же первую и клеймить вторую... Зачем отнимать хлеб у братьев-журналигов? Им и так не повезло – по статистике, мало живут. Андрей Битов как-то заметил, это журналистов Бог наказывает за поверхностное отношение к жизни. Неплохо сказано.

И вот перед самым отъездом в Москву я вижу объявление, приклеенное к водосточной трубе. На нём перечень продаваемых вещей и номер нашего прежнего дома, квартира девятнадцать. Сашка Крайзман, мой одноклассник. Картинка из прошлого: Сашкина мать, некрасивая тихая еврейка, могла прийти к нам, остановиться возле порога и часами смотреть на нашу жизнь. Не опускалась на предложенный стул, отказывалась от чая, ей достаточно было стоять вот так и смотреть. С Сашкой они жили вдвоём, мужа у неё то ли не было, то ли он рано умер. Видеть стоящую у дверей фигурку, наблюдающую за чужой жизнью, поначалу было неприятно, но потом мы смирились – не выгонять же.

Дверь открывает Сашка. Как обычно, у него напряжённое лицо, словно он

постоянно ждёт подвоха. Он в мать некрасив, низкоросл, во дворе и в школе я ему покровительствовал. Увидев меня, Сашка несколько расслабляется, однако войти не приглашает. Рядом возникает под стать ему Оля, жена.

– Мы думали, покупатель...

– А я что, на покупателя не похож? – бодрячески заявляю я и, отодвинув Сашку, захожу в квартиру.

Здесь всё, как бывает при переезде: голые окна, пустые стены, посреди комнаты картонные ящики. Это плохо, когда человек не воспринимает тебя, как равного, моя функция – защитник, и Сашка до конца не может преодолеть скованность, вызванную прежней зависимостью.

Худенькая Оля уходит на кухню, видимо, готовить чай. Мы стоим посреди предотъездного бардака, и Сашка считает нужным объяснить, почему уезжает. Начальник троллейбусного депо, где мой бывший одноклассник работает, сказал, что тот станет старшим мастером только через его труп. Сашка между тем окончил общетех университета, толковый специалист, к тому же прежний старший мастер ушёл на пенсию. Пока была жива мама, Сашка уехать не мог, она болела, теперь её нет, и его здесь больше ничто не держит. Он это прямо не говорит – еврейская осторожность, – но понять можно.

Я смотрю на одноклассника и думаю: вот и Сашка озабочен карьерой. Моё поколение основательно, по-взрослому устраивается в жизни, перестаёт считать копейки, я не очень-то вписываюсь в ситуацию. Точнее говоря, вообще не вписываюсь. Ещё думаю, что в двух вещах мы с Сашкой совпадаем. У меня тоже умерла мама, и я тоже уезжаю из Черновцов, правда, не так далеко. И причина уехать у меня тоже есть. Разве что я не оправдываюсь. Ещё один мой одноклассник, Юра Литвак, которого вся школа звала Гиви, тоже счёл необходимым объяснить причину своего отъезда. Я наткнулся на него в магазине. Щеголеватый Гиви был одет в старье, слонялся без дела в ожидании разрешения из ОВИР и рад был поболтать. Я не хочу быть простым винтиком в этой машине, сказал Гиви, я стою больше. Ему не хватало соображения понять, что так, наверно, думают все уезжающие, и конкурс среди бывших винтиков в Израиле не меньший, чем в Союзе. Разве что пятого пункта не существует. И мы, бумагомаратели, лицедеи, художники и прочие обольстители человеческих душ, едущие со всей страны в Москву, те же евреи. Нашли себе землю обетованную...

– Ты меня презираешь? – неожиданно спрашивает Сашка. Голос у него тихий, Крайзман на меня не смотрит.

– С чего взял?

– Да как-то...

Что ответить? Сказать, что все мы, евреи и неевреи, не барские крестьяне? Что человек имеет право выбора? А власти лучше бы любовь к берёзам трансформировать в любовь к населению (парафраз из Довлатова) – тогда и нагнетания патриотизма не понадобилось бы?.. Всё так избито.

– Пришли вызов, – шучу я. – Или в гости пригласи, когда устроишься.

Так и не дождавшись чая, ухожу. Сашкина жена удалилась на кухню, но чеховское ружьё на сей раз не выстрелило.

В Москве происходит моё грехопадение. Пока первое. Второе тоже не за горами. Сейчас появится из летающих туда-обратно дверей грязно яичного цвета Стёпа Хмелик, и закрутятся шестерни, затягивающие меня в сомнительное предприятие. Впрочем, они давно уже крутятся.

Я стою у подземного перехода вблизи станции метро Новослободская, за спиной гудят стада машин, от которых я за последнее время отвык, макушку печёт солнце, но я не покидаю пост. Здесь удобно наблюдать за выходящими из метро. Я жду Стёпу и думаю о случившемся ночью.

Часть долга я заплатил Маше из денег Салмана, так что вернулся в свою комнату на законных основаниях. В квартире оказалось на удивление тихо. Иван Калистратович и Димка уехали на лето в деревню, Генка спал перед ночной сменой, одна Маша возилась на кухне. Я выложил на стол черновицкие гостинцы: яблоки белый налив, первые абрикосы, благополучно довезённые ранние груши. Гвоздём программы была оплетённая бутылка вишняка, отец большой умелец его делать. Он и дом на Роше присмотрел с таким расчётом, чтобы на участке росли вишни. Как выяснилось, на этот раз отец для крепости добавил в наливку спирт. Может, потому всё и произошло.

Пока я мылся с дороги – в вагоне изошёл потом, – Маша накрыла на стол и разбудила Генку. Генка принялся было ругаться, не дают поспать, а ему пахать ночь, однако увидел бутылку и о сне больше не заикался. Хорошо посидели. Маша рассказывала о том, что Иван Калистратович с Димкой рыбачат на Лутосне, собирают дождевики, они уже пошли. На выходные она тоже поедет в деревню, очень любит ломать грибы. Хозяйка рассказала и о том, что меня беспокоило – об участковом. Тот не появлялся, наверно, в отпуске. Чокаясь с хозяевами, я соображал: отсрочка временная, всё равно ради справки придётся несколько недель поработать на молочном комбинате. А там вернуться из отпуска деятели из профкома литераторов, стану членом этой богоугодной организации, и пошли все далеко и надолго. Но сначала ВГИК, экзамены. Сидели часов до десяти, опорожнили почти всю бутылку. Потом Генка ушёл на комбинат, Маша стала убирать со стола, а я отправился в свою комнату.

Среди ночи проснулся. Я лежал на спине, и простынь, которой был укрыт, мой малыш натянул шатром. У меня давно никого не было, а тут ещё спокойная сытая жизнь в Черновцах. Сухостой, как говорили в армии. Я смотрю на летающие туда-сюда двери метро, чувствую, как солнце печёт голову и пытаюсь понять, почему всё-таки решился. Дело не только в желании. Ночью многие вещи воспринимаются иначе, отодвигаются дневные барьеры и табу. Что казалось невозможным, становится простым и естественным.

В общем, я встал и пошёл в Машину комнату. Ничего не говоря – слова были ни к чему, – присел на край широкого дивана. Скрипнули пружины. Чувствуя, как пересохло в горле, погладил через одеяло Машино бедро. Хозяйка не шевелилась. Сердце бухало, как сваебойный агрегат. Я запустил руку под одеяло, принялся гладить бёдра, живот, добрался до груди и нежно сжал её. Маша молчала. Я осторожно откинул одеяло, поднял ночную рубашку и прикоснулся к волшебному темнеющему лобку. Оставалось развести женщине ноги, что я и сделал. Потом осторожно вошёл в неё. Маша спала.

Надолго меня, понятно, не хватило. Точнее, хватило совсем ненадолго. Я вцепился зубами в подушку, чтобы не застонать. Не выходя из Маши, практически сразу повторишь ещё раз, теперь уже основательно. Она молчала. Я лёг рядом, благодарно прикоснулся губами к щеке, однако Маша и на этот раз никак не прореагировала. Глаза были закрыты, дышала хозяйка ровно. Ну не может же быть, чтобы спала! Простые люди, свой этикет? Допустила, но не участвовала?.. Некрофилия какая-то.

Благо, Маше надо было в первую смену, а то не знаю, как смотрел бы ей в глаза утром. Я дождался, когда из ночной вернётся и уляжется спать по обыкновению поддатый Генка – он разговаривал сам с собой и бродил по квартире, задевая углы, – и лишь потом встал. До встречи со Стёпой (договорились вчера по телефону) оставалась уйма времени, однако я взял учебник немецкого и пошёл к троллейбусу. Район Новослободской не самое уютное место, но лучше уж там. Как по-немецки «ждать»? А «неловко»? Я заглядываю в словарь в конце учебника. На память упорно лезет «schwainerai». В самом деле.

Стёпа выходит из метро целеустремлённой походкой, издали замечает меня и скидывает руку. Я дожидаюсь, когда он подойдёт.

– Привет, старик. Не передумал?

– Джигит держит слово.

– Тогда бери. – Хмелик щёлкает замком портфеля и достаёт свёрнутую вдвое бумажку.

Разворачиваю. Листок абитуриента, Магомедов Вагиф Салманович. И моя фотография.

– Восточные люди выглядят старше, так что всё нормально, – успокаивает Стёпа. Действительно, двадцать восемь лет не восемнадцать.

– А какой процент среди них блондинов?

– Не бери в голову. Если спросят, скажешь, мать русская.

– Акцент всё равно нужен. Для убедительности. Кстати, за акцент Салман платить будет?.. Им ведь тоже овладеть надо, чтобы точно азербайджанский, а не армянский или там грузинский. Правильно мыслю?..

Я болтаю совершенно не нужные вещи, мне не хочется, чтобы Стёпа уходил. Домой я решил вернуться как можно позже, чтобы Маша уже спала, и надо как-то убить время.

– Может, по пиву? – предлагаю я.

Но Хмелик уже переминается с ноги на ногу и смотрит по сторонам.

– Не могу, дела.

– Какие дела летом!..

– Серьёзно, не могу.

Стёпа как-то обмолвился, что ездит на дачу, помогает поливать и пропалывать грядки. К кому – не сказал, не удивлюсь, если к своему редактору из «Современника». Гибкий человек. Хмелик уходит, а я какое-то время ещё стою у метро, рассматриваю листок абитуриента. Странно видеть чужие ФИО и свою физиономию. Я дважды был абитуриентом, сейчас третий. Мандража нет, один спокойный интерес. Потому, что стал старше или потому, что не о моей судьбе речь?

Я опускаюсь в метро, еду до ВДНХ, нахожу ВГИК. 3-й Сельскохозяйственный переулок, во как! В вестибюле волосатые мальчики и коротко стриженные

девочки ищут себя в списках групп, записывают даты экзаменов и консультаций. Атмосфера тихой паники. Вообще-то, руководство института гуманный народ. Экзамены начинаются послезавтра, у тех, кто не поступит, будет возможность попытаться счастье в обычных вузах – там экзамены позже, с первого августа. Я запоминаю расписание, попутно отмечаю, что через час консультация для поступающих на сценарный и киноведческий факультеты. Что ж, послушаем.

А пока выхожу на крыльцо, закуриваю, с любопытством посматриваю на претендентов на звание студентов одного из самых престижных вузов Союза. Говорят, конкурс, особенно на актерский факультет, здесь не меньше, чем в наш Литинститут или МГИМО. Разница в возрасте между мной и другими ребятами на крыльце невелика, но это уже другое поколение. Вельветовые туфли, джинсы в обтяжку, отстранённые лица – я в этом мире единственный и неповторимый, такая богема. Точнее, игра в неё. Я понимающе хмыкаю, не так давно сам был таким. Особенно первое время, когда поступил в институт. Ещё бы, избранный!.. Как там у Пушкина: что слава, яркая заплатка на ветхом рубище певца. Славу никто не гарантирует, а вот рубище светит практически каждому. Вместо съёмок на «Мосфильме» и всенародной любви – заведование театральными кружками при ЖЭКах или в домах пионеров. Ребята ещё об этом не знают.

– Сигареты не найдётся? Свои все выкурила, волнуюсь.

Передо мной средних лет женщина, как говорится, со следами былой красоты. Чуть в стороне с осуждением и неловкостью на лице застыла полная девушка, видимо, дочь.

– Пожалуйста.

– Легче уж самой поступать, честное слово!.. – говорит женщина и щёлкает зажигалкой, прикуривая. – Вы не знаете, кто в этом году набирает курс на киноведческом?

Я пожимаю плечами.

– Досадно будет, если о Бондарчуке этот человек думает иначе. Тогда Марина не пройдёт. У них ведь как, надо думать, как руководитель, другие мнения не нужны.

И женщина рассказывает, что конкурсная работа дочери посвящена «Судьбе человека» – девочка с детства бредит кино, хотела стать актрисой, но фактура не та и вот приходится поступать на киноведческий. Уже второй раз. Всё это время дочь по имени Марина стоит в стороне и к нам не подходит. По большим серым глазам заметно, что коммуникабельность матери она не одобряет. Этакая домашняя девочка, комплексующая из-за своих форм, чем-то она мне симпатична. Мы с матерью начинаем перетирать киношные новости, я мало что знаю, больше слушаю и глубокомысленно киваю. Потом настаёт время идти на консультацию.

– Юра, присмотрите за ней, пожалуйста, – доверительно подаётся ко мне Валентина Евгеньевна, мы уже познакомились. – Она зажатая девочка, всего стесняется. Ладно?

К моему удивлению, в аудитории собирается не так уж много народа. Я занимаю место рядом с Мариной и пытаюсь завести разговор. Чтобы расположить к себе, всё время улыбаюсь. Когда устраивают экзамен по творчеству для сценаристов – понятно, но зачем это делать для киноведов? Ведь им сценарии не писать. Марина краснеет, едва заметно пожимает полными плечами и не смотрит

на меня. Заколodило сероглазку. У меня нет ни сестры, ни брата, но от такой бы я не отказался. Есть что-то в ней славное, уютное.

Пока дожидаемся, я прислушиваюсь к разговорам и понимаю, что многие, как и Марина, поступают не первый раз. Важно попасть на руководителя курса, которому понравишься. Наконец в аудиторию бойко входит невыразительная особа лет за тридцать, садится к преподавательскому столу, закидывает ногу на ногу и выдаёт монолог о том, что надо быть готовым ко всему. Настоящая проверка способностей это творческий экзамен, а то, что присылали на конкурс, может быть и не своим, случаев сколько угодно. «Всё как в прошлом году!..», – слышу шёпот сзади. Окончательно запуганная Марина в полубморочном состоянии. После консультации мы выходим вместе, пампушку-сероглазку приходится вести чуть ли не под руку.

– Ну как? – бросается к нам Валентина Евгеньевна.

– Мам, я не поступлю... – шепчет девушка.

– Пустое, – солидно говорю я. – Проверка нервов. Главное, спокойствие. Чего бояться? Какое-то несчастное сочинение не напишем?..

Валентина Евгеньевна видит моё стремление ободрить Марину и благодарно пожимает локоть.

– Слышишь, что Юра говорит? Не боги горшки обжигают... Юра, большая к вам просьба. На экзамене садитесь, пожалуйста, рядом, хорошо? Пишет она грамотно, но вот с фантазией... И какой дурак придумал киноведам сдавать сочинение?!

Я провожаю женщин до метро, а сам двигаюсь к остановке трамвая и еду до конечной, к Останкинскому дворцу. Пруд у стеклянного куба телецентра трепещет на солнце, башня за ним похожа на гигантскую иглу со ступенчатым наростом посередине, народа на пляже не так много – будний день. Места хорошо знакомые, здесь я часто бывал, когда учился. Особенно мне нравилась дубовая роща рядом с телебашней, там загорал и готовился к экзаменам. Однако идти туда сейчас не хочется, далеко.

Я покупаю бутылку пива и шесть пирожков, благополучно уминаю. Затем раздеваюсь и, прикрыв лицо учебником немецкого, ложусь на песок. Что ж, жизнь не так уж и дурна. Необязательные мысли лениво бродят в голове. Интересно, если телебашня упадёт, достанет до пляжа или нет? До общежития на Добролюбова не достаёт, я шагами замерял, больше, чем шестьсот метров. Мопассан не любил Эйфелеву башню, называл её членом и сидел в кафе так, чтобы не видеть. Странно, почему для человека, столько написавшего о трахании, член что-то нехорошее?.. С этими мыслями засыпаю.

К нашей четырёхэтажке подхожу, когда уже темно. Чтобы убить время, после пляжа я ещё послонялся между куртин и античных статуй Останкинского дворца, отсидел сеанс в кинотеатре «Орёл» и лишь затем не спеша направился домой. Вот будет номер, если Маша обо всём рассказала Генке. Тогда без драки не обойдётся. Само собой, придётся искать новое жильё. Я сажусь на лавочку у подъезда, закуриваю. Ситуация.

Но Маша, оказывается, ещё не спит.

– Где ты шляешься? – недовольно спрашивает она, появляясь из своей комнаты.

Я стараюсь смотреть мимо.

– А что?

– Как – что?.. Есть будешь?

Меня немного отпускает. Кажется, не всё так уж и плохо. Никогда раньше мне ужин здесь не предлагали.

– Не откажусь.

– Пошли.

Она уходит на кухню, я, сняв кроссовки, за ней.

– А Генка где?

– Где ему быть? В ночную ушёл.

Тоже хороший знак. Если разборки будут, то не сегодня. Стол на кухне на этот раз не такой, какой был на юбилей свадьбы, но тоже впечатляет. Здесь уж сам бог велел выпить. Я шарю рукой под столом, но бутылки с вишняком нет. Маша смеётся:

– Не ищи, Генка всё вылакал!.. У нас тоже есть. – Она выуживает из-за кухонного шкафчика бутылку водки и наливает в лафитники. – От Генки прятала... Ну, поехали.

Всё повернулось так неожиданно, что я в некотором замешательстве. И не нахожу ничего умнее как спросить:

– За что?

– За то самое, – говорит Маша и смотрит мне в глаза. – Ты мне вчера понравился.

Всё-таки не спала, притворялась!..

– Так, может, повторим? – наглею я.

– Ешь давай, повторяльщик! – смеётся хозяйка. – Посмотрим на твоё поведение.

Вел я себя, видимо, хорошо, потому что повторять той ночью был допущен неоднократно.

– Ты меня замучил, – сказала в конце концов Маша, отодвигаясь на мокрой от пота простыне. – Теперь досыта, надолго хватит.

– А Генка что, тебя не...

– Рождённый пить, е..ть не может, – говорит Маша. – Ладно, иди к себе, мне утром на работу.

10

Творческий экзамен оказался занятной штукой. Он заставил меня с облегчением вздохнуть, но одновременно и разочаровал. Почему его так боятся? Любую историю можно подогнать под выведенную на доске фразу. Главное, чтобы такую историю ты смог сочинить во время экзамена или же она была у тебя придумана заранее.

– Заготовка есть? – шепнул я Марине, которая сидела на другом конце стола.

В ответе я не сомневался, человек сдает во ВГИК не первый раз, должна была подготовиться. Но волоокая толстушка, обречённо взглянув на меня, покачала головой. Позже я узнал, киноведа в прошлом году творческой работы не писали, только рецензировали фильм. Надо полагать, новые веяния, многопрофильность.

– Придумай, время есть, – попытался ободрить я сероглазку.

Надо было что-то делать, жаль девчонку, да и Валентине Евгеньевне обещал. Но сначала слово Вагифу Салман-оглы. «Он свысока посмотрел на неё и сказал: «Тебе здесь делать нечего». Именно эта фраза была выведена на серой, плохо вытертой доске в аудитории, в которой нас усадили сочинять. Налицо ситуация, предполагающая конфликт. Что ж, неплохо, хотя лихо закрученный сюжет не самая сильная моя сторона.

На ближайшие четыре часа предстояло стать азербайджанским парнем с соответствующими представлениями о жизни. Но не только. Я ещё должен был понять, что хочет прочесть в сочинении выдавшая виды особа лет за тридцать, у которой явно не всё ладно на личном фронте – хронический недоебит, как сказал бы Адик Мыколив. Это она нас консультировала позавчера. Уж слишком решительно дама ходит между рядами и слишком зорко смотрит по сторонам. Цербер. Правда, неизвестно, она ли будет проверять работы – может, у них здесь разделение труда, одни проводят консультации и экзамены, другие читают работы и ставят оценки. Жаль, не посмотрел у Хмелика рассказы, которые представлены на творческий конкурс – сочинение, по идее, должно быть в том же стиле. Остаётся надеяться, за подобными нюансами во ВГИКе не следят.

Итак, колхоз на плодородной равнине, цветут персики и гранаты, журчат арыки. Выпускники сельской школы решили организовать комсомольско-молодёжную бригаду садоводов. Конечно, любовь, как же без неё. Дочь жуликоватого агронома (спасибо, Салман!) Гюльнара влюблена в бывшего одноклассника Халила, который возглавил бригаду, – а что, нормальные азербайджанские имена. Халил также любит Гюльнару. Но коварный агроном подбивает юношу часть выращенного комсомольско-молодёжной бригадой урожая продать перекупщикам с бакинского рынка (ещё раз, Салман, спасибо!). Он шантажирует Халила: если тот не согласится, Гюльнара будет отдана замуж за сына главного бухгалтера колхоза, толстого и глупого Хасана. Парень упорствует, агроном распускает слух, что уже получил за Гюльнару калым. Халил страдает. «Тебе здесь делать нечего!» – говорит он любимой девушке и свысока, оскорблённо смотрит на нее, когда та появляется в бригаде, чтобы сказать, что никогда не выйдет замуж за противного Хасана. Но Гюльнара настойчива, она заставляет себя выслушать. Счастливый Халил с помощью друзей якобы похищает любимую и прячет у родственников в горах. Агроном не может отомстить, его делишками заинтересовался ОБХСС, незадачливого комбинатора с позором увозят на «воронке»...

Не столько по-азербайджански, сколько по-индийски. Но почему бы нет? Вполне возможно, молодой Магомедов с детства обожает индийское кино. Опять же в наличии местный колорит (арыки, персики-гранаты, родственники в горах), пережитки прошлого (калым), современные реалии (комсомольско-молодёжная бригада). И главные герои ведут себя достойно и романтично, способны тронуть сердце старой девы, наверняка втайне мечтающей о любви, большой и чистой.

Ай да Вагиф Салман-оглы, ай да сукин сын!..

С волками жить, по-волчьи выть. Или так: в чужой монастырь со своим уставом не суйся.

Я принимаюсь вдохновенно строчить, текст идёт легко, с неожиданными находками, однако, когда поднимаю голову, ловлю с другого конца стола тоскли-

вый взгляд Марины. Надо девушку выручать. Похоже, ничего у неё не вытанцовывается.

– Просись выйти, – шепчу я. – В туалет тебе нужно!..

Марина краснеет. Застенчивая какая, а ведь москвичка.

– Отпускают, просись! – настаиваю я. – Далеко не уходи!..

В самом деле, время от времени кто-нибудь из длинноволосых ребят и коротко стриженных девчонок в вельветовых туфлях и джинсах в обтяжку отпрашивается и выходит из аудитории – наша цербер, похоже, не лишена милосердия. И то сказать, четыре часа не каждый мочевого пузыря выдержит.

Марина по-школьному поднимает руку и, получив разрешение, выходит. Через минуту отпрашиваюсь и я. Цербер находит на столе мой листок абитуриента, откладывает, как и листки других вышедших, в сторону и со значением говорит:

– Смотрите мне, Магомедов!..

– Обижаешь, сестра. – Я прикладываю руку к груди. – Всё честно, мамой кланусь!

Разговаривать так с экзаменатором рискованно, но за счёт экзотики проходит. Если её хорошенько разработать, вдруг думаю я, она может оказаться не женщиной – вулканом. Это отзвуки ночи с Машей. Я подметил, после таких случаев любая женщина кажется доступной и способной открыться с неведомой стороны. Надо лишь приложить усилия.

В коридоре меня поджидает неприятный сюрприз. Поговорить с Мариной невозможно. Взад-вперёд похаживают две пожилые женщины, бдят за выходящими из аудитории абитуриентами. Но если бы даже их не было, Марины нигде не видно. Дисциплинированно направилась в туалет?.. Я спрашиваю у бдящих, где находится мужской туалет, единственное моё желание сейчас, чтобы он был рядом с женским. К счастью, так оно и оказывается.

– Марина, – зову я, заглянув за дверь с дамским силуэтом.

Главное, чтобы не заметили, что я сунулся в чужой туалет.

Девушка стоит прямо у входа, рядом с раковиной умывальника. Вид у неё перепуганный. Я тесню Марину в ближайшую кабинку, шёлкаю задвижкой.

– Расслабилась, – приказываю шёпотом, – а то ничего не поймёшь. История у тебя будет такая...

И я торопливо выдаю сюжет о парне, который окончил Суриковское училище и женился на хорошей девчонке. У них любовь, они счастливы. Молодой семье нужны деньги, парень много работает, но пробиться без имени трудно, его картины не покупают. Парню халтурить не хочется, но он любит жену и соглашается заняться реставрацией росписи в церкви. По сути предаёт свой талант и оказывается в итоге наказанным. Срывается с лесов, со сломанным позвоночником попадает в Склифосовского. Когда к нему приходит жена, он говорит те самые сакраментальные слова, что написаны на доске, и смотрит на жену соответствующим взглядом. Но в концовке надо дать понять, что у молодых супругов всё наладится, их любовь преодолет испытание. Или просто оставить концовку открытой, пусть каждый додумывает, как повернётся ситуация дальше.

– Ничего сложного нет, понимаешь? Представь, ты пишешь обычное школьное сочинение. Только вводи побольше прямой речи – должно походить на сценарий, ВГИК всё-таки.

Марина молчит. Девчонку надо вывести из ступора, и я говорю громче, напористой, забыв, что в туалет в любой момент может кто-нибудь войти:

– Ты о заморочке с наказанием за измену таланту не думай, это я так, свои мысли. Думай, что рассказываешь обычную историю, которую можно услышать, например, в очереди. Своими словами – всего-то! Ты девушка начитанная, сумеешь, соберись только. Лично я на киноведческий ни за что бы...

– Любовь преодолет испытание, – вдруг говорит Марина и поднимает на меня серые очи.

На этот раз в них непреклонность и готовность действовать. Похоже, моя история проняла девчулку. Слава богу! Я открываю дверь.

– Умница. Иди.

Да простит мне Николай Васильевич, что я перелицевал его «Портрет». Добавив, понятно, кое-какие мотивы из собственной жизни. Увлекательное дело компиляция – всё как по маслу идет. Это своё даётся со скрипом и сомнениями. Потом и кровью, как сказал ещё один классик, правда, в другое время и по другому поводу.

Я благодушествую в женском туалете и ещё не знаю, что наступят девяностые, когда ради куска хлеба буду горько издеваться над собой, выдавая в месяц на-гора по книжке дамского чтива. Вот когда вдоволь накопируюсь! А стиль!.. До сих пор ловлю кайф от некоторых своих пассажей: *«Волшебная музыка стихла, но Рут уже ничего не слышала. Заглушая её слабые протесты, Кевин прижал свои губы к её полуоткрытым губам. Его горячие сильные руки скользили по её телу, нежно и требовательно лаская его. И сразу же вихрь чувственного наслаждения подхватил Рут и понёс в мир пленительных грёз. Кевин целовал её долго, неудержимо, страстно. У Рут закружилась голова, и она прильнула к Кевину в бессознательном порыве пробудившейся женственности, полностью, без остатка отдаваясь трепетному, пылкому восторгу первой любви...»*

Какими прекрасными покажутся мне в ту пору прежние литературные рядки! Какого, спрашивается, хрена добивалась пишущая братия? Из властителей дум – в распивочно и навынос?! Меня, прогоревшего на торговле китайской тушёнкой, выхватит из постперестроечного дерьма раскрутившийся Стёпа Хмелик, за смешную плату сделает литрабом по производству книжек в мягкой обложке – якобы переводов с английского. Псевдоним у меня будет Джулия Литл, то есть Юля Маленькая. Почти что Маленькая Вера, героиня нашумевшего незадолго до того фильма, китчевая девушка с окраины. Думаю, ей мои опусы понравившись бы. Может быть, помогли бы жить. Что уже немало. Ведь традиционная русская литература – мазохистское копанье в болячках. Смотрите классику.

И всё же я скриплю зубами, когда в своих книжонках той поры наталкиваюсь на такие перлы: *«Она увидела его глаза – два нестерпимо прекрасных сияющих омота, притягивающих к себе. Забыв обо всём, она подалась к нему и тотчас попала в сладкий плен его объятий, в капкан сильных рук и горячих губ. И поняла, что с радостью останется в этом плену на всю ночь. Или даже на вечность...»*

Всё-таки хорошо, что мы не знаем своего будущего. У кого-то из писателей есть рассказ, в котором герой кончает с собой на пике счастья. Не так уж и глупо, если вдуматься.

Я возвращаюсь в аудиторию, завершаю сюжет о Халиле, Гюльнаре и негодяе

агрономе. Марина сосредоточенно пишет на другом конце стола. Дело, похоже, идёт на лад.

– Как она? – цепко берёт меня за локоть Валентина Евгеньевна, когда я, сдав работу, выхожу на крыльцо института.

– Думаю, хорошо. Справится.

– Вашими бы устами... – Маринина мать нервно затягивается сигаретой и требует подробности.

Коротко рассказываю. Я опустошён, как ни странно. Даже подобное сочинительство забирает все силы. Или это только у меня? Давно заметил, когда пишу, женщины становятся мне безразличны, совершенно не тянет. Сублимация, перегонка половой энергии, да и вообще всей энергии?.. Минут через сорок появляется Марина. Закрыв глаза и прикусив нижнюю губу, она трясёт головой:

– Кошмар!..

Пампушка счастлива, испытание позади. Доволен и я, помог человеку. Теперь главное, чтобы оценка была приличная. Цербер сказала, о результатах сообщает перед тем, как будем смотреть фильм, на который предстоит писать рецензию. Оригинально, конечно, – ты пришёл на второй экзамен, а тебе говорят: извините, у вас два балла.

– Будем надеяться, с вами обоими это не произойдёт, – говорит Валентина Евгеньевна. Она весело смотрит на меня, Марина только что рассказала про инструктаж в женском туалете. – Юра, вы к метро? Тогда пойдёмте... Всё-таки скажите, зачем вам второе литературное образование? Вы же Литинститут окончили.

Я скрываю, что сдаю экзамены за другого. Эти благополучные, судя по всему, люди вряд ли поймут меня. Со стороны ситуация в самом деле выглядит не очень красиво. Отвечаю в том духе, что за кино будущее, особенно за телевизионной драматургией, которая становится всё востребованней. Так что знать тонкости профессии сценариста даже выпускнику Литинститута не помешает.

(Я еще не знаю, насколько прав. Не за горами время, когда власть окончательно сделает ставку на телевидение, и в нынешние благословенные годы настоящая литература станет выходить тиражом в несколько тысяч экземпляров. Это на всю-то страну!.. Казалось бы, что мне сейчас до того, я книг не издаю, в толстых журналах не печатаюсь, но за всем этим пласт культуры, который всё больше уходит из жизни. Уже едва виден на горизонте, наивный, а для большинства смешной и ненужный, как ветхозаветные манишки и чепчики.)

– Удивительно, как у вас приняли документы. Я слышала, даже после филфака не берут на сценарный, – развивает тему Валентина Евгеньевна. Надо разрядиться, снять напряжение, в котором находилась тоже, и она говорит о том, на что ей по большому счёту наплевать.

Проблема между тем существует. Маринина мама совершенно права. Когда я поступил в Литинститут и попробовал было перепрыгнуть через курс – всё-таки учился до этого в университете, – мне в учебной части посоветовали помалкивать. Студентов филфака в Литинституте не жаловали, могли дать от ворот поворот – амбиции. И во ВГИКе, думаю, не без того.

– За меня слово замолвили, – туманно отвечаю я. – Сочли возможным.

И замечаю оценивающий взгляд. Вон вы какой, Юра, интересно.

– Может, зайдёте к нам на чай?

– Извините, устал, – искренне говорю я.

В метро мы расстаёмся, мне на Новослободскую, потом на троллейбус, а Марине и её маме куда-то в район Ждановской. Далековато ехать ради чая, да и действительно устал.

Хорошо бы выпить водки, но одному не хочется. Посплю дома, сон тоже неплохо.

Все последующие экзамены мы с Мариной не теряем друг друга из вида, благо, наши сочинения заработали по четвёрке. Меня это несколько задевает – почему не пять? – ну да ладно. Сероглазка пытается мне помочь, когда пишу рецензию на фильм. Но не понадобилось – в Литинституте я прошёл суровую школу творческого семинара Кима Николаевича плюс семинары по текущей литературе. Да и опыт рецензирования имеется. Так что с анализом художественных произведений у меня всё в порядке. Вычлнить авторскую идею и оценить степень и способы её реализации особого труда не составляет. Что в прозе, что в кино законы по сути те же.

Тем более, что фильм нам достался незамысловатый, на широкий экран, по Марининым словам, ещё не выходил. Для экзамена это логично, – нет и отзывов в прессе, надо разобраться самому. Бывшие десятиклассники едут на фронт, всё очень интеллигентно и красиво, попутно участвуют в эвакуации какого-то музея, торжественно, как на похоронах, вынося ящики с картинами... Этакая символика. В литературе подобное называется претензией и вычурностью, автор же считает, что получилось эстетично и глубоко. Увы, человеку свойственно ошибаться. Обычные ножницы между замыслом и воплощением. Об этом я и написал в рецензии, разумеется, подкрепив свои выводы примерами. Марине фильм тоже не понравился. У девушки определённо есть вкус, не зря её конкурсная работа о фильме Бондарчука.

Для устных экзаменов у меня существует тактика, позволяющая произвести впечатление, а в итоге получить приличный балл. Во-первых, я начинаю отвечать на вопросы не по порядку, а с того, который лучше знаю. Во-вторых, в ответе должна быть изюминка. На экзамене по истории СССР один из доставшихся мне вопросов – общественно-политическая обстановка в мире перед первой мировой войной. С него и начинаю.

– Когда Германия пришла к столу империалистических яств, все места за столом уже были заняты, – цитирую я Ленина в одной из первых же своих фраз. И ловлю на себе заинтересованный взгляд экзаменатора.

Это мужчина лет под пятьдесят в круглых очках, его глаза за толстыми линзами кажутся маленькими. Брови у мужчины слегка приподнимаются, голова внимательно клонится на бок. Представляю, каким бальзамом цитата пролилась на его сердце – наверняка во ВГИКе, как и у нас в Литинституте, история на вторых ролях. Я развиваю образную мысль вождя, благосклонность во взгляде экзаменатора нарастает. Главное, не забывать про акцент, всё-таки я азербайджанец.

– Достаточно, – наконец говорит экзаменатор. – Следующий вопрос, пожалуйста.

В рассказе о решениях последнего съезда КПСС мне тоже есть чем блеснуть, не зря в Черновцах штудировал учебник. Я много и убедительно говорю о необратимости социалистических преобразований в СССР – почему-то именно это

засело в памяти. Конечно, случайность. Я ещё не знаю и знать не могу, что на Ставрополье живет Михаил Сергеевич Горбачёв, который крепко сомневается в подобном тезисе, хотя ему не полагается, как-никак секретарь крайкома. Под сурдинку, на благоприятной для меня волне проходит и третий вопрос, о структуре власти в Господине Великом Новгороде, я его знаю неважно.

– Хорошо... – произносит экзаменатор и заглядывает в листок абитуриента, – товарищ Магомедов. Я вам ставлю «отлично». – Он указательным пальцем подбивает очки на переносице, его близорукие глаза за толстыми стёклами щурятся. – Вы, насколько понимаю, из Азербайджана?

– Канэчно, – говорю я, подпуская акцента.

– Любопытно. Обычно азербайджанцы смуглы и черноволосы... – Экзаменатор лукаво улыбается.

Вспору запаниковать – могут пойти коту под хвост все мои старания, – но кураж несёт меня. Я смущённо опускаю глаза, делаю неопределённый жест рукой.

– Зачём так говорите, профэсор? Стэнька Разин в Персию плавал, да, княжну добывал, да? В наших мэстах с ватагой останавился. В моем ауле половина блондинов, клянусь!..

– Идите!.. – смеётся экзаменатор и машет рукой. – Потомок Разина!..

Когда позже я стану размышлять, почему Марину приняли во ВГИК, а меня – вернее, Вагифа – нет, мне вспомнится этот человек. По законам нынешних сочинителей именно его следовало бы заподозрить – а как же, историю СССР преподавал, наверняка стукнул, коммуняка! Но не хочется мне так думать. Пошло. А если отвлечься от литературы и говорить о жизни, этот человек в сильных очках мне симпатичен. Неплохо всё-таки мы разыграли сценку – он всё понимал, и я понимал, что он понимает. Этакое весёлое братство понимающих людей. Хотя, конечно, это ещё ни о чём не говорит.

То, что я не прошёл по конкурсу, уязвило мое самолюбие. Но хуже было другое. Отец Вагифа отказался платить. Меня Салман разговором не удостоил, но через Хмелика передал, раз нет результата – нет и денег.

– Я виноват, что у них свои заморочки? У меня больше баллов, чем у тех, кого приняли. По какому принципу отбор, хрен их знает! – наседаю на Стёпу, когда тот позвонил и передал слова Салмана. – Я свою работу сделал, за других не отвечаю. Пусть платит!..

Стёпа вздохнул, сказал сочувственно:

– Я ему тоже так говорю. Помнишь, как в Литинституте – кого-то принимали, кого-то нет... Даже с хорошими баллами. Решающее слово было за руководителем семинара.

– Так ты объясни это чуреку! Во ВГИКе наверняка такие же порядки.

Хмелик какое-то время молчит, собираясь, видимо, сказать что-то неприятное для меня. Хотя что может быть неприятней того, что уже есть?

– Он хочет, чтобы ты вернул деньги.

– Какие ещё деньги я должен вернуть?!

– Задаток.

– Я убью тебя, Стёпа! – взрываюсь я. – Ты меня подставил! Сам не захотел в это дерьмо лезть, дурака нашёл. Встречу – не обижайся!..

– Остынешь, поговорим. – Хмелик положил трубку.

Вот почему он не говорит, где живёт и телефон свой не даёт! Законспирировался, скотина!.. Сейчас я был готов убить Стёпу.

Дома никого, Маша и Генка укатили на выходные в деревню, где проводят лето Иван Калистратович с Димкой. Собирают в подмосковных лесах грибы-ягоды. Я принялся шагать по квартире. Вляпался по полной программе! Мало того, что Салман платить не хочет, так ещё сто пятьдесят рублей назад требует!.. Я ему заплачу! Я им обоим устрою!..

Телефон. С досадой хватаю трубку.

– Что надо?

– Юра, вы чем-то расстроены? – не сразу отзывается Валентина Евгеньевна.

– Было бы странно, если бы я радовался, – не слишком вежливо отвечаю я.

– Я вас понимаю... Но, может быть, всё-таки приедете к нам? Мы решили в узком кругу отметить Маринино поступление. В этом есть и ваша заслуга...

Я помолчал.

– Неожиданно как-то... Когда?

– Прямо сейчас. Или у вас планы на сегодня?

– Вроде нет.

– Тогда в чём дело? И Марине приятно будет вас видеть.

Оставаться в квартире одному не хотелось. Только травить себя мыслями. Прежние проблемы опять поднимались во весь рост. Главная из них – безденежье, чёрт бы его побрал! Если от участкового ещё можно прятаться, то от этого... Как ни крути, идти на молочный комбинат придётся. В принципе можно устроиться куда угодно, но там меня знают, и от дома близко.

– Как к вам добратсья?

– Записывайте.

Через десять минут я был на остановке троллейбуса номер три.

В рецензиях подобные вещи квалифицируются как заданность, натяжку. К примеру, автору требуется свести героев в нужном месте в нужное время, и он пускается во все тяжкие. Срывает солидного отца семейства откуда-нибудь из Якутска, чтобы на пляже под Алуштой познакомить с девицей, с которой затем уложит в постель. Вскоре выясняется, что это его дочь, которую герой бросил маленькой, когда учился на курсах киномехаников в Калуге и сожительствовал с её матерью. Шок. Непотребный инцест как следствие эгоизма и безответственности. Низ-з-я.

Но какую бы благую цель ни преследовал автор, события в произведении должны стыковаться естественно и достоверно. Я с осторожностью отношусь к слову «вдруг» – есть в нём некая преднамеренность, почти что подтасовка. На семинарах Кима мне не сразу удалось усвоить, что правда литературы и правда жизни не одно и то же. К пятому курсу считалось дурным тоном, если кто-нибудь из семинаристов начинал доказывать, что в основе его не вызвавшего доверия творения реальные события. Парадокс, странно, но придуманное бывает правдивей, чем то, что случается на самом деле.

Однако вопрос. Если литература, как нас учили, слепок жизни, то почему жизнь ниже литературы, недостоверней её? Случайность – такой же атрибут

литературы, как и жизни. Кто-то из персонажей «Клима Самгина» задаётся вопросом: быть может, случай – псевдоним дьявола?.. В этом что-то есть. Плохо или хорошо, но всё идёт своим чередом, и вдруг, неожиданно событие, нарушающее причинно-следственную связь. По крайней мере, не связанное с ней напрямую. Язвительная ухмылка сатаны. Думали, будет по-вашему, всё расчитали? А вот вам!..

Тогда в ЦДЛ мне и в голову не могло прийти, что ещё раз столкнусь с Сенчуковым, этим мастодонт-сталинистом. Конечно, теоретически такая возможность существовала, но на практике приближалась к нулю. И где столкнусь – у него дома!.. Открывший дверь мужчина сначала не показался мне знакомым, что и понятно, раньше я его видел только со спины, да и то единственный раз. И вот – лицо с запавшими щеками, сухопарая подтянутая фигура, слова:

– Юрий? Заходите, мы вас ждём.

Я не знаю, куда девать торт (с пустыми руками в гости не являются), и хозяин приходит мне на помощь, принимает картонную коробку, крест-накрест перевязанную бечёвкой.

– Прощу. Разуваться не обязательно.

Что-то смутно знакомое чудится мне в этом подсушенном теле прямо держащегося пожилого джентльмена, но я отвлечён другим, улыбаюсь спешащей навстречу Валентине Евгеньевне.

– Какой вы молодец, Юра, что приехали!.. Познакомьтесь, это Олег Всеволодович, мой муж. – Она забирает у мужчины торт. – А это Юра, он помог Марине на экзамене, я тебе говорила.

Мужчина доброжелательно кивает и, приглашающе поводя вдоль коридора рукой, на секунду поворачивается спиной. Я вижу костистый затылок и редкие волосы, сквозь которые просвечивает кожа. Так это же Сенчуков, заведующий Литературной консультацией, его мне в ЦДЛ показал скотина Стёпа Хмелик!.. Ошибиться я не могу, зрительная память у меня хорошая.

– Предоставим женщинам заниматься своими делами, а я вам пока книги покажу. – Меня проводят в комнату с книжными стеллажами под потолок и усаживают в кресло. – Кстати, я тоже в своё время окончил Литературный институт. Так что мы с вами, можно сказать, коллеги.

О чём говорить с человеком, раза в два с лишним старше меня, я не знаю. И произношу первое, что приходит на ум:

– У вас отличная библиотека.

Конечно, есть в моих словах желание сказать хозяину приятное, но душой я всё же не кривлю. Библиотека в самом деле богатая. Если учесть, что на дворе стояли времена книжного бума, когда из-за книг в очередях устраивали потасовки, библиотека у Сенчукова была на удивление. Разноцветные корешки собранных сочинений, дефицитная прогрессовская серия «Мастера современной прозы», «Поэтическая Россия», много книг издательства «Советский писатель», в том числе синие тома «Библиотеки поэта»...

Я сглотнул. О таком богатстве можно только мечтать. У меня самого библиотеки не было. Так, десятка два книг, которые переезжали со мной из Черновцов в общежитие, перед армией – из общежития в Черновцы, из Черновцов в Аллину квартиру, из Аллиной квартиры в моё нынешнее жилище.

– Да, кое-что у меня имеется.

Хозяин, видимо, польщён, но понять это по лицу невозможно. Всё та же сдержанная улыбка следящего за каждым жестом и словом человека.

– Ну и как живётся нынешним выпускникам Литинститута? – переводит он разговор на другое.

– По-разному, – коротко отвечаю я. С какой стати жаловаться незнакомому человеку? Вежливость заставляет добавить: – Видимо, так же, как выпускникам вашего времени. Кто-то печатается и издаётся, кто-то кормится в основном рецензиями.

– Да, судьбе литератора не позавидуешь, – говорит Сенчуков и тонко улыбается.

Разговор надо поддерживать, но хозяин не делает в этом смысле никаких попыток, и я продолжаю:

– Когда мы учились, нам приводили статистику. В среднем член Союза писателей зарабатывает в месяц чуть больше шестидесяти рублей.

Сенчуков кивает:

– Зарплата уборщицы.

Неожиданно мне приходит в голову, что талант это вовсе не дар божий, как принято считать, а, скорее, проклятье. Видимо, колёсики подсознания постоянно крутятся, работают и выдают результат, когда подсознанию вздумается. Но я боюсь шокировать малознамого человека резкостью суждений, поэтому сворачиваю на более нейтральное:

– И тем не менее бешеные конкурсы в творческие вузы. Где-то я слышал, талант это лотерейный билет, по которому ещё надо выиграть.

Сенчуков вновь благосклонно кивает:

– Справедливое замечание. Есть в природе человека нечто такое, что заставляет его тянуться к творчеству. Звучит пафосно, но это так.

Нашу беседу, всё более становящуюся отвлечённой, прерывает заглянувшая в кабинет (думаю, именно так называют эту комнату со стеллажами и креслами) Валентина Евгеньевна:

– Ну что, мужчины, за стол?

– Не откажемся, – отвечает за нас обоих Олег Всеволодович. – Пойдёмте, Юра, раз приглашают.

И опять едва заметная усмешка человека, в душе иронизирующего над происходящим. Похоже, мастодонт-сталинист совсем не глуп.

Лицо Марины в комнате с накрытым столом едва не заставляет меня хлопнуть себя по лбу ладонью. Бог ты мой, как не догадался сразу!.. Сероглазка на меня запала. Марина пунцовая, не знает, куда девать руки.

– Здравствуйте, – опережает она меня. Девушка никак не может перейти на «ты», хотя разница в возрасте между нами не так уж велика.

– Здравствуй, Марина, – как можно свободней говорю я. – Поздравляю тебя. Извини, что без букета, скоропалительно как-то вышло...

– Это я виновата, – вмешивается мать. – Подумала, чего тянуть? Выходной, все дома – почему не отметить?.. Юра, вот сюда, пожалуйста, здесь вам будет удобно.

Мы рассаживаемся. На какое-то время повисает неловкость, обычно сопутствующая этой процедуре.

– Так, мужчины, кто что будет?.. Лично я коньяк, – Валентина Евгеньевна вдруг начинает смеяться, поглядывая на мужа. – Ой, Юра, у нас с коньяком история была!.. Олег совсем не пьёт, ему нельзя, а я грешным делом себе иногда позволяю. Так он стал мне подсовывать литературу о том, как женщины спиваются. Ненавязчиво так!..

Валентина Евгеньевна смеётся, улыбается и Сенчуков, будто говорит: каюсь, было дело. Обстановка за столом становится свободней, а после тоста за Мариин успех и вполне непринуждённой. Закусываем, разговариваем, и понемногу выясняется, что женаты Валентина Евгеньевна и Олег Всеволодович не так давно, раньше хозяйка с дочерью жили в Петрозаводске, а познакомился Сенчуков с будущей женой на море, этаким курортный роман, завершившийся браком.

Как бы между прочим Валентина Евгеньевна интересуется, почему до сих пор не женат я. Мне не хочется, чтобы меня воспринимали здесь как потенциального жениха, да и нехорошо врать, и я рассказываю о своих обстоятельствах. Не всё, конечно. Время от времени сочувственно посматриваю на Сенчукова. Быть трезвым в компании выпивших – испытание, Олег Всеволодович чокается минералкой. Порой мне кажется, я ловлю на себе его оценивающий взгляд. Бойтись, напьюсь? Что-то другое?

Перед сладким Валентина Евгеньевна поднимает всех танцевать. Женщина она раскованная, с чертовщинкой, не случайно сумела увлечь немолодого Сенчукова. Она на шпильках, её шаг в фокстроте лёгок, кокетлив. Олег Всеволодович едва поспевает за ней. Я завидую их поколению, они знают толк в танцах. Мы с Мариной топчемся на месте, как сейчас принято. Марина то и дело бросает взгляды на мать, наконец не выдерживает, меняет кассету – и понеслось!..

Валентина Евгеньевна присоединяется к нам. Мы образуем кружок, Сенчуков, отмахиваясь обеими руками, возвращается за стол. А мы втроём отрываемся по полной программе. Комплекция не мешает Марине быть пластичной. Смотри, какая я, что я умею, пели её бедра, грудь, приметный животик. И это ещё не всё, я на многое способна, ты даже не подозреваешь, какая я, что могу!.. Вот тебе и скромница. В тихом омуте... Валентина Евгеньевна тоже хорошо танцевала быстрые танцы, но у неё выходило уже по-другому, всё-таки возраст.

– Ух, Юра, спасибо! Давно так не танцевала!.. – Хозяйка упала на стул рядом с мужем.

Сенчуков, шурясь, кивнул мне:

– Каковы? Вот что делает с женщинами присутствие молодого мужчины... Говорят, на птицефабриках специально держат несколько петухов – чтобы тонус у куриц был на высоте.

– Ну тебя! – машет на него рукой запыхавшаяся Валентина Евгеньевна. – Сравнил!..

Сенчуков усмехается:

– Природа, никуда не денешься.

После кофе всей семьёй меня провожают на автобус. Сиреневые тёплые сумерки, лопочет вверх тополиная листва, шуршат по асфальту машины. Покой и умиротворённость воскресного летнего вечера.

– Ты к нам ещё придёшь? – наклонив голову, тихо спрашивает Марина.

Мы идём впереди Валентины Евгеньевны и Сенчукова. Девушка наконец-то

решилась перейти на «ты», её смелость, должно быть, от шампанского, которое пила за столом.

– Обязательно, сестричка.

– Не называй меня так, пожалуйста.

– Не буду, сестричка, – поддразниваю я.

– Какой ты...

– Противный, согласен.

Мне хочется прижать Маринину голову к груди, погладить по волосам, как маленькую, поцеловать в макушку, но, во-первых, сзади родители, во-вторых, нельзя. Даст бог, всё у неё пройдёт. Ни к чему обнадёживать. Так будет лучше, хотя, на первый взгляд, бессердечно.

– Можно, я тебе буду звонить?

– Пожалуйста. Но я совсем не уверен, что будешь.

– Почему?

– Впереди развесёлая студенческая жизнь, красавцы мальчики с актёрского факультета. Где уж с ними тягаться старому больному человеку...

– Не прибедайся, старый и больной.

Я начинаю кашлять.

– Проклятые рудники...

Марина смеётся. Приятная всё-таки девчонка, хотя и полновата.

– Я позвоню. Завтра же.

– Ну-ну, сестричка, посмотрим.

– Опять?..

12

Я оказался прав. На следующее утро мне позвонила не Марина, а Сенчуков.

– Как изволили почивать, сеньор?

Его голос я узнал не сразу.

– Здравствуйте, Олег Всеволодович. Надеюсь, вопрос вызван не моим вчерашним злоупотреблением спиртным? – в тон ответил я.

– Чего не было, того не было. – Судя по голосу, Сенчуков усмехался с привычной своей сдержанностью. – У меня вот к вам какое предложение, Юрий... как вас по отчеству?

– Антонович. – Я был озадачен. По имени-отчеству ко мне обращались разве что в рецензиях.

– Насколько я понял, у вас есть литературный опыт, в том числе рецензирования. Так?

– Да.

Сенчуков помолчал.

– Не хотите поработать для Литературной консультации? Нам сейчас очень нужны свежие силы. – Голос Сенчукова был серьёзен.

– Почему бы нет? – не раздумывая, сказал я.

Не насторожило меня это «очень», нет, не насторожило!.. «Очень нужны» – это при переизбытке-то в Москве готового на любую литературную работу пишущего пролетариата.

– В таком случае вы не могли бы в ближайшее время к нам подъехать? Литературная консультация находится на Воровского, 52. Там же, где Правление Союза писателей СССР. Правый флигель, чёрная железная калитка, увидите, это напротив Театра киноактёра. Ближайшее метро «Баррикадная».

– Рядом с ЦДЛ?

– Совершенно верно.

– Я прямо сейчас могу подъехать.

– Прекрасно. Жду. – И короткие гудки.

Мой поход в отдел кадров Моспогруза и на этот раз откладывался. Участковый пока не давал о себе знать, а деньги можно быстрее заработать на рецензиях. Вчерашний торг нанёс моему хилому бюджету зубодробительный хук. Существовал я на остатки Салманова аванса. Когда уезжал из Черновцов, отец предлагал деньги, но я гордо отказался – как же, сам зарабатываю.

Говорят, большую часть жизни человек проживает в определённом биологическом возрасте. Кто-то едва не с детства спокоен и рассудителен, как сорокалетний, другой задумчив и невесел, будто ветхий старик, третий никогда так и не становится взрослым. Я отношусь к третьим. Мое ощущение мира законсервировалось где-то в подростковом возрасте. Я рос, давил юношеские угри, брил густеющую щетину, пробовал сочинять рассказы, осваивал фрезерный станок, узнавал что-то о жизни, но на моём ощущении себя это практически не сказывалось. Я оставался подростком лет четырнадцати с его самолюбием, замкнутостью и робостью перед взрослыми.

Не знаю, бросалось ли это в глаза, но я себя таким чувствовал. Дитина за метр восемьдесят, порой развязный и нагловатый, а тем не менее. Я до сих пор такой. Но есть в подростковом состоянии и плюсы, важные для литератора, – острота восприятия. У меня, например, собачий нюх. По запаху я могу знать, что у женщины менструация, а прошедший рядом парень недавно мастурбировал, сперма на плавках ещё не высохла. Мне не известно, в каком биологическом возрасте жил Бунин, но, рассказывают, он различал десятки оттенков чёрного цвета и видел звёзды, которые без телескопа рассмотреть невозможно.

И вот я толкаю железную, крашеную в лоснящийся чёрный цвет калитку, она вделана в массивный жёлтый забор (калитка затем с грохотом ударяется в забор с обратной стороны), ладонь остаточно ощущает прогибающуюся поверхность трехмиллиметровой жести, её лёгкую шершавость. Эту металлическую калитку красили давно, но я отчетливо различаю запахи краски и железа, потом в ноздри ударяет застоявшаяся влажность ограниченного с трёх сторон пространства за чёрной калиткой, запахи не затёртого подошвами асфальта, мелко крошащейся кирпичной стены справа и едва уловимый дух гниения, неизвестно откуда здесь взявшийся.

Визуальное и обонятельное впечатления накладываются, стена ушедшего в землю флигеля с отсыревшей и отставшей по низу штукатуркой – она тоже источает свой запах, что-то известковое, – окна с наваленными на подоконники рукописями (оконные проемы позволяют заметить: стены флигеля по-крепостному внушительны). Я вижу малинового цвета вывеску с потускневшими золотыми буквами «Литературная консультация», козырёк навеса, вдыхаю дух проолифенного дерева, тяну на себя приглушённо светящуюся в затенённом летнем воздухе

никелированную ручку – дверь обшита продольными рейками – и ступаю вниз, на линолеумный пол коридора, ушедшего вместе с флигелем в землю. Душная прохлада полуподвала и запах лежалой бумаги.

Всё это понятно, но откуда гнилостный запах во дворике?..

– Здравствуйте. Могу я видеть Олега Всеволодовича?

Широколицая девушка в очках поднимает на меня глаза. Она за столом что-то пишет. Девушка в комнате одна, но есть дверь дальше, за которой, должно быть, находятся остальные сотрудники Литературной консультации.

– Да, конечно, – вежливо отзывается девушка. – Направо по коридору.

Как обычно в новом месте, всё и здесь воспринимается остро. Я делаю несколько шагов, прохожу в дверь, передо мной застеклённые витрины с книгами и раскрытыми журналами. В тёмном коридоре поворачиваю направо, чуть не налетаю на добротный старинный шкаф, доверху набитый папками. И наконец высокие белые створки ещё одной двери.

– Разрешите? – Я приоткрываю створку.

Сенчуков поднимается из-за просторного стола и двигается мне навстречу. За его спиной широкое, чуть ли не во всю стену окно во двор Правления, тёмная зелень кустарника и яблонь вверху.

– Прошу, Юрий Антонович. Нашли нас? Присаживайтесь.

Олег Всеволодович сдержанно доброжелателен, не более того. То, что мы вчера сидели за одним столом, недавнее «сеньор» для него сейчас ничего не значат. Мухи отдельно, котлеты отдельно – о его любимой пословице я узнаю позже. Несколько вежливых фраз, затем слова:

– Я вам кое-что подобрал. Здесь есть и откровенная графомания, и вещи, требующие серьёзного разбора. – По толстому стеклу, покрывающему обширный стол, Олег Всеволодович пододвигает ко мне несколько рукописей. Тут же неожиданно смотрит на часы, его голос меняется, становится почти своим: – Как вы насчёт обеда? В ЦДЛ неплохо кормят, комплексы... Как я не люблю это выражение – комплексные обеды! Тот, кто его придумал, начисто лишён чувства слова... Так что?

Я приятно удивлён количеством рукописей, лежащих на толстом зеленоватом стекле передо мной (каждая – деньги!), и отказаться от предложения Сенчукова просто не имею права. Тем более, что действительно хочется есть. Единственное, что меня смущает, это цена комплексного обеда. Остаётся надеяться, что она невелика.

– С удовольствием.

Стремительно выходя из Литконсультации (я едва поспеваю следом), Сенчуков бросает широколицей девушке в очках:

– Мы обедать.

– Да, конечно, – всё с той же скромной вежливостью отзывается девушка.

По её поведению не похоже, что в Литературной консультации конфликт. Всё рассосалось?.. Единственное, что удивляет, это наглухо закрытые двери в две другие комнаты. По идее, не один же Сенчуков на месте. Или у них так принято работать – чтобы никто не мешал?..

За столиком в Дубовом зале Олег Всеволодович рассказывает историю Литконсультации. Её организовали в тридцатые годы по инициативе Горького. Начинающие поэты и прозаики со всего Союза могли присылать сюда свои произведения

и получать профессиональный разбор. А это для периферийных авторов особенно ценно, замечает Сенчуков, ведь им приходится вариться в собственном соку, как правило. Кто с помощью Литературной консультации был способен творчески расти, тот рос. Кто нет – ничего не поделаешь, одного желания в литературе мало, нужны способности. Времена сейчас другие, но и теперь одарённых людей Литконсультация старается поддержать, вывести, что называется, в люди.

– Вы видели наш стенд с книгами и журналами?

Я вспоминаю витрины за стеклом, когда искал кабинет заведующего.

– Конечно.

– Это авторы, которых Литературная консультация довела до публикации, – сообщает Сенчуков. В его голосе сдержанная гордость.

Мы ждём, когда принесут комплексный обед, и Олег Всеволодович рассказывает, как во времена Хрущёва Литературную консультацию сделали одной из редакций издательства «Советский писатель». Полная чушь и нелепость. Но руководству Союза писателей нужно было отчитаться о сокращении непроектных единиц, вот Литконсультацию и перевели в издательство. И волки сыты, и овцы целы – «Советский писатель» как-никак что-то производит, выпускает книги. Хотя нынешний директор издательства и пришёл из ЦК, человек он недалёкий, работать с ним тяжело. И Олег Всеволодович ещё раз морщится, будто от изжоги.

Я оглядываюсь по сторонам, о Дубовом зале я много слышал, но сам в нём ещё не был. Цветные витражи, высокий, как в театре, потолок, резные столбы, тёмные панели – надо полагать, дубовые, отсюда и название. Пока мы ждём обед, к нам подсаживается затрапезного вида человек в парусящихся на коленях брюках. Сенчуков тем не менее с ним уважителен. Представляет меня, называя рецензентом Литературной консультации. Я понимаю, это только аванс, мне даётся шанс таковым стать, но всё равно приятно. Тем более, что подсевший оказывается поэтом, переводчиком с английского и много всего, как вскоре выясняется, знает. В отличие от нас он заказывает хаш и бутылку пива. Блюдо мне не знакомо, и я с интересом жду, что ему принесут. Оказывается, хаш это отвар из костей, бульон. Переводчик его ест по понедельникам, такой у него обычай.

– Один восточный правитель заметил, что его слуги всегда бодры и трудолюбивы, – с паузами рассказывает сиплым голосом переводчик, перемежая хаш и пиво. – С чего бы, казалось, – работают тяжело, спят мало, а энергии с избытком. Оказывается, всё дело в хаше. Его ещё называют хаши, добавляя букву «и»...

Четвёртое место за нашим столиком тоже пустует недолго. Сенчуков окликает остановившегося в проходе и оглядывающего зал грузного мужчину с портфелем. Как оказывается, это критик, фамилия мне знакома – его часто печатает «Литературная газета», – но вижу я этого человека тоже в первый раз. Ему Сенчуков меня тоже представляет, называя солидного мужчину по-свойски Бенедиктом, – они вместе учились в Литинституте. Разговор лёгкий, перепрыгивает с одного на другое, вскользь касается пикантного, полузапретного – как Сталин уговаривал Серго Орджоникидзе войти в политбюро, а тот отказывался, говорил, что ему достаточно тяжёлой промышленности: «Возьми Лазаря, Коба. Он очень хочет». Однокурсник Сенчукова, похоже, ещё более начитан, чем переводчик с английского.

– Загляни как-нибудь в Консультацию, – говорит в конце обеда бывшему однокурснику Олег Всеволодович. – Для тебя есть рукопись.

В его голосе едва ли не просительные нотки. Ничто человеческое Сенчукову не чуждо – он явно относится к грузному, весомому во всех смыслах Бенедикту с пиететом.

Два чувства борются во мне. Мне приятно и лестно находиться в обществе таких людей – это вам не девчонки с молочного комбината и не мои хозяева Генка с Машей. А с другой стороны, я боюсь что-нибудь не то сказать или сделать, показать здесь свою случайность.

Но, чёрт возьми, как хочется быть равным среди этих людей, как хочется! Я свой, примите меня, я ваш, я тоже причастен к литературе!..

Отпуская меня, Сенчуков со значением говорит:

– Надеюсь, Юрий Антонович, наше общение продолжится. Быть может, на более стабильной основе. Вы ведь нигде в штате не работаете?.. Свежие силы Литературной консультации нужны. Очень!

И опять я не обращаю на это «очень» внимания.

Крепок задним умом, это про меня.

## Часть вторая ЛК

### 1

Осень на улице Руставели ощущается острее, чем в центре Москвы. Наверно, потому, что в окрестностях много деревьев, они нагляднее всего и говорят о времени года.

Наш район, по моим прикидкам, застроен где-то в начале пятидесятых, дома здесь ещё не панельные, а кирпичные, и дворы просторные, густо засаженные тополями и клёнами. Весной я балдею от запаха молодых листьев, окно, когда обитал в общежитии, не закрывал даже на ночь, хотя было прохладно. Лето накатывало на улицу и дворы зелёным валом, заполняло пространство, скрывало перспективу, а если смотреть с пятого или шестого этажа, где жили мы, парни, то и землю. На виду оставались одни асфальтовые дорожки. Когда я выходил на улицу, возникало ощущение счастливой тесноты вокруг.

Нынешнее моё жильё находится на третьем этаже четырёхэтажного дома, до окна дотягиваются ветки клёна. В начале лета листья на них были ярко-зелёные, тонкие, как папиросная бумага, и нежные, потом понемногу заматерели, стали разлапистыми, тёмными. А сейчас начинают желтеть, краснеть, по-особому пахнуть. Это ещё не винный дух, которым наполнены в безветренные октябрьские дни парки и скверы, но уже намёк на него, предтеча.

Давая глазам отдых, я время от времени смотрю на ветки, ещё недавно густо-зелёные, с лоснящейся, будто лакированной, листвой. Впору задуматься о быстротечности всего сущего, но что-то не тянет. Впервые за последнее время я спокоен, почти счастлив. Во-первых, люблю осень, во-вторых, я уже не прячущийся от участкового человек неопределённых занятий. Редактор Литературной консультации Союза писателей СССР. Звучит солидно.

– К тебе можно?

Это Маша.

– Чего спрашиваешь? Заходи.

К столу, за которым я правил рецензии внештатников ЛК, хозяйка подошла как-то бочком, с интересом заглянула через моё плечо.

– А написали-то, написали!..

– Как полагается, в трёх экземплярах, – солидно пояснил я. – Первый экземпляр автору рукописи, второй в архив Литературной консультации, третий в бухгалтерию на оплату.

– К тебе теперь на хромой козе не подъедешь... Забурел, начальник.

– Ну уж и начальник.

Я поднялся со стула, с хрустом потянулся – засиделся, чёрт! – и попытался Машу прижать.

– Ты чего!.. – шёпотом возмутилась она, отталкивая меня. – Дед дома!.. Завтра.

Наши отношения с Машей продолжались, но на нейтральной почве. Дома хозяйка ничего мне больше не позволяла, тем более, что перед началом учебного года из деревни вернулись Иван Калистратович с Димкой. «Зачем проблемы, сам подумай!», – отрезала она, когда я намекнул, что неплохо бы, так сказать, пообщаться. «Значит, всё?...» – «Зачем – всё? В бане будем, я знаю, так делают». Я засмеялся: «В бане? В мужском отделении или женском?» – «Хреново жизнь знаешь, товарищ писатель!..» И Маша рассказала, что в бане на Дмитровском шоссе есть ванны для семейных пар. Нужны только паспорта со штампами о браке. Но можно и без паспортов – даёшь пространице три рубля, и все дела. Одна Машина знакомая так со своим любовником встречается. Мы тоже несколько раз уже побывали в ваннах, завтра должен состояться очередной поход. Маша разработала целую стратегию. Я будто бы уезжал на работу, а она шла по магазинам. Домой мы из конспиративных соображений тоже возвращались в разное время.

Но, как вскоре выяснилось, завтрашним банным процедурам не суждено было состояться.

– Твоя звонила, – сказала Маша.

В её голосе ни намёка на ревность. Между нами негласный договор, я воспринимал существование Генки как не подлежащую сомнению данность, так же корректно по отношению к Алле вела себя Маша. Союз сексуальной взаимопомощи. Если, конечно, упрощать ситуацию.

– Когда звонила? – удивился я. За исключением присутственных дней в Литконсультации, я практически всё время дома, звонок должен был слышать.

– Ты за продуктами выходил. Голос такой... – Маша не могла подобрать слово. – Ну, вроде как что случилось.

Алла жена мне формально, но это ничего не меняло. Позвонить надо. Попутно проведя рукой по хозяйкиному бедру, я направился в прихожую, где находился телефон, и набрал номер. Трубку никто не взял. Странно. Алла могла быть ещё в школе, но бабушка из дома почти не выходила. Я вернулся в комнату, продолжил править рецензии – предстояло сдавать их на отправку и в бухгалтерию на оплату, – но в сознании сидела заноза. Просто так Алла звонить не станет. Женщина гордая.

Я увлекся и не слышал, как ушла на работу во вторую смену Маша, из памяти выскочило и то, что надо позвонить. Не услышал звонка и сам – на всю квартиру распевал песни вернувшийся из школы Димка. «Цыть!» – прикрикнул за дверью Иван Калистратович, потом постучался ко мне.

– Юра, вас. – После того, как меня приняли в Литературную консультацию, Генкин отец стал обращаться ко мне на «вы». О наших с Машей отношениях он, слава богу, не подозревал.

Голос был Аллин. Неизвестно почему я сразу начал оправдываться:

– Я тебе недавно звонил. У вас никто трубку не брал.

Впрочем, известно. Я всё ещё чувствовал себя виноватым перед Аллой – как бы там ни было, усложнил женщине жизнь.

– Завтра сорок дней, как умерла бабушка. Приходи на поминки. Она к тебе хорошо относилась.

Я нашёлся не сразу:

– Что же раньше... Я бы с похоронами...

– Я звонила, – ровным голосом сказала полужена. – Тебя не было в Москве.

Вот тебе раз. Человек не только смертен, но смертен внезапно – не помню, кто сказал, кажется, Воланд у Булгакова. Обходительная поповна с лёгкими седыми волосами. Каждую неделю чистила семейное серебро тряпочкой с мелом. Как-то усадила меня протирать через сито творог – в Аллиной семье я узнал, что такое настоящая пасха со всеми её рецептами, резными дощечками и завязками. В Черновцах пасхой считается кулич – по крайней мере, так было в нашей семье...

– Завтра в шесть часов, – сказала Алла. – Если сможешь, приезжай.

– Конечно буду!..

Следующий день начался с поездки в Литературную консультацию. Дождя не предвиделось, и я выбрал маршрут, чтобы можно было пройти пешком. Мышцы требовали, редакторская работа сидячая. На ставшем родным с институтских времён третьем троллейбусе доехал до Пушкинской площади, дальше на зелёный свет через улицу Горького – подземный переход тогда только строился. Устье Большой Бронной с кафе «Лира» с одной стороны («Мак-Дональдса» ещё в помине не было), с другой стороны – старейшая московская аптека (снесена, как и весь квартал с пельменной, кафе «Эльбрус» и библиотекой имени Некрасова). Дворами через улицы Щусева и Качалова на Герцена, затем на Воровского. И вот она, чёрная железная калитка, правый флигель Дома Ростовых.

Пешком-то пешком, но удовольствие от прогулки оказалось ниже среднего. Пропитанный выхлопными газами тусклый воздух, тесно стоящие дома, чахлые липы с ржавой листвой – это осень в центре. У нас на Руставели презентабельней. Но дело не только в этом. Мое подсознание лукавило, выбирая маршрут подлиннее. Мне не хотелось появляться в Консультации. Чёткий социальный статус дело, конечно, хорошее, но и сопутствующих моментов в моём новом положении хватало.

У меня слабость, люблю во всём гармонию. «Вон как Юра фразы закругляет, прямо каждую вылизывает! И переходы от эпизода к эпизоду на загляденье, – говаривал на семинарах, непонятно поглядывая на меня, Ким Николаевич. – Сюжеты у него кончатся так: всем сестрам по серьгам. Добрый человек, никого обидеть не хочет!..» – «Это плохо?», – по молодости набычивался я. Тогда я считал, что самому

Киму не хватает вкуса. Такое впечатление, что его герои не говорят, а кричат друг на друга – столько восклицательных знаков. Шум и ярость. Да и сама стилистика – натужное веселье на ровном месте.

До сих пор люблю, чтобы в моих рассказах всё было ладно. И в жизни вокруг тоже. Может, сказывается биологический возраст, в котором я, похоже, застрял навсегда. С любовью этого возраста к сказкам с хорошим концом. Подростки её стесняются, но такая любовь сохраняется надолго. Поэтому я поразился, когда в первый же свой день в Литконсультации услышал за стенкой:

– Руснак не работает и работать не будет!.. И надо ещё проверить, закончил ли он Литературный институт на самом деле. Он из Черновцов, мог диплом купить!..

В голосе говорящего чувствовалось такое ожесточение, словно я был его заклятым врагом. Борис Михайлович, недавний редактор ЛК, ныне пенсионер, который всё ещё захаживал на бывшую работу. Когда я какое-то время был внештатником, он со мной вполне доброжелательно здоровался. Веня Чачия рассказывал, Бориса Михайловича посадили в конце сороковых, когда боролись с космополитами, вёрстку его повести в толстом журнале, естественно, рассыпали. Я Борису Михайловичу сочувствовал. И вот пожалуйста!.. Видимо, младший редактор Аня – так звали широколицую девушку в очках – не сказала, что я уже работаю, сижу в соседней комнате за утлой перегородкой, через которую всё слышно.

Поведение Бориса Михайловича казалось тем более странным, что приняли меня в ЛК, в общем-то, неплохо. Быстроглазая молодящаяся дама Ольга Григорьевна сразу предложила называть себя Олей, меланхоличный Гена Попков, знакомясь, вполне доброжелательно пожал руку. О Вене речи нет – как-никак однокашник, пусть особенно близки не были, разные курсы. То, что я знаком с Краснопёровым, тоже сыграло роль. Валентин Леонтьевич ушёл в «Детскую литературу» не так давно, его в Литконсультации помнили. «Старик, тебя никто не торопит, – сказал Веня, понимая, умно улыбаясь. – Осмотрись, всё сам поймёшь. Гену тоже принял на работу Сенчуков, но он сейчас на стороне коллектива. Сам посуди, может вменяемый человек восстановить против себя всю Консультацию?..» Моё недавнее предположение относительно того, что конфликт в ЛК рассосался, было легкомысленным.

– Аня, привет! – здороваюсь я, с бодрым нетерпением входя в помещение. Мысль пришла неожиданно, буквально в дверях, она мне кажется счастливой, потому и перемена в настроении. – Веня где?

Совушка, так я называю про себя младшего редактора, смотрит на меня своим кротким взглядом, ответно здоровается.

– Он скоро будет.

То, что Чачия пунктуальностью не отличается, мне уже известно. В присутственный день редакторам полагается приезжать на работу к двенадцати, но Веня может появиться после обеда. А потом куда-то надолго исчезнуть. И это не вызывает ни у кого недовольства – в Консультации он общий любимец. Тем более, что проявлять недовольство некому, Сенчуков отсутствует, сегодня он работает дома.

Я не успеваю пройти в отведённую мне комнатку, как из другой, тоже предназначенной для редакторов, порывисто появляется Ольга Григорьевна.

– Юра, вы знаете, что у нас профсоюзное собрание? – Её темные глаза живо перепрыгивают с меня на Аню и обратно. Похоже, настроение у Ольги Григорьевны приподнятое. Она в Литконсультации профорг.

– Теперь знаю. Когда, сегодня?

– В четверг в четыре часа. Будет присутствовать председатель профкома издательства, – говорит Ольга Григорьевна и опять обменивается с Аней взглядами.

Я уже догадываюсь, что это будет за собрание, тем не менее с надеждой спрашиваю:

– Отчётно-перевыборное? – Осенью обычно бывают такие.

– Нет, о положении в Литературной консультации. – В голосе Ольги Григорьевны едва скрытое торжество пополам с отчуждённостью. В явных соратниках я не состою, и она этого не одобряет.

– Яволь, майне геррен! – пытаюсь шутить я. Отрыжка экзамена по немецкому во ВГИКе.

Но никто не улыбается.

Веня появляется в Литконсультации, упорно заталкивая в карман тесных джинсов ключи от «Жигулей», – он единственный автовладелец в ЛК. Веня возбуждён. Я как раз передаю Совушке-Ане вычитанные рецензии и рукописи на отправку.

– Старик, у меня к тебе дело на сто тысяч.

Веня кивает, но не слышит меня.

– Стереотипами живут, козлы! – громко обращается он ко всем сразу. – Мент видит, человек в очках, думает, перед ним вялый интеллигент, можно заработать. Вы, говорит, превысили скорость. Как же, сейчас, только шнурки поглажу!.. Ты своим радаром лохов пугай. Что ты там накрутил, я не знаю, я шёл на нормальной скорости, штрафа или на лапу давать не собираюсь!..

– Отстал гаишник? – интересуется Ольга Григорьевна. Она появилась из своей комнаты как только услышала Венин голос. По всему чувствуется, ждала его и сейчас не скрывает своего нетерпения.

Чачия со снисходительной усмешкой пожимает плечами. Он опять такой, каким я его привык видеть – нетороплив, вальяжен, за стёклами очков умные глаза.

– Куда этот козёл денется... Важно грамотно себя вести. Другие – как? Кто-то торопится, кто-то не хочет связываться. Я говорю: вызывай начальство, будем разбираться. Гаишник, конечно, пас... Нашёл вялого интеллигента!

Мне важно перехватить Веню, пока его не увела к себе Ольга Григорьевна – у них это обычное дело, могут подолгу разговаривать за закрытыми дверями или с озабоченным видом уйти куда-то вместе из Литконсультации. И я повторяю:

– Дело на сто тысяч, господа! У меня на следующей неделе день рождения. Хочу отметить в Консультации. Как вы?

И обвожу глазами всех, в первую очередь смотрю на Веню. Уже знаю, от Вени здесь многое зависит, хотя он такой же редактор, как остальные.

– Сенчукова приглашаешь?

– А почему нет?.. Рюмка чая, как известно, сближает.

Все отводят глаза, будто я ляпнул глупость. Но раздаётся стук в дверь, слышится неуверенный голос:

– Можно?..

Это разряжает ситуацию. На пороге средних лет женщина с целлофановым пакетом. Судя по всему, принесла рукопись. Таких в ЛК каждый день бывает по несколько человек, хотя основной поток рукописей приходит всё-таки по почте.

– Я пишу стихи... – смущённо сообщает похожая на домохозяйку женщина. – В Союзе писателей сказали, можно к вам...

Обычное дело, я к этому уже привык. Начинающие самых разных возрастов обращаются в Правление, отчаявшись найти понимание в редакциях. Выше некуда, а из Правления их переправляют к нам, благо, рядом. Тем же занимается – правда, реже – издательство «Советский писатель», которому ЛК подчиняется, именуясь при этом Литературной консультацией Союза писателей СССР. Бюрократическая дипломатия, от причинах которой поведал мне недавно Сенчуков.

– Присаживайтесь, – кротко произносит Совушка-Аня и принимается заполнять авторскую карточку. – Назовите, пожалуйста, ваши фамилию, имя и отчество...

Так ничего и не ответив мне, Веня с Ольгой Григорьевной уходят. Дверь в комнату они прикрывают за собой плотно.

## 2

У лифта я сталкиваюсь с Наташей, бывшей свидетельницей на нашей свадьбе. Здоровается эта молодая дама с налитыми плечами сдержанно. Причиной может быть как событие, которое привело нас в этот дом, так и то, что я ушёл от Аллы. А вот Наташин муж, имени которого я не помню, ведёт себя свойски. Он крепко жмёт руку, интересуется:

– Ну как она, т-т-воя ничего? В смысле, ж-ж-изнь.

Пока мы доехали до нужного этажа, я успел узнать, что отпуск они с женой провели в Крыму, было здорово, Алла отдыхала с ними. Наташин муж заикается, но любит тем не менее поговорить, долго слушать его тягостно. Когда нам откруывают, я стараюсь оторваться от него, сразу подхожу к Алле.

– Прими мои соболезнования.

Звучит дубово, но ничего другого придумать не могу. Алла кивает и подаётся навстречу Наташе и её мужу, женщины обнимаются, всхлипывают. Среди полужакоемых Аллиных родственников я отыскиваю глазами её отца и мать.

– Здравствуйте... Хороший бабушка была человек, – говорю я, подходя к ним. И зачем-то развожу руками.

– Хороший, – соглашается тесть.

В отличие от женщин мужчины не склонны априори винить ушедшего из семьи мужа. Это чувствуется в том числе по тону тестя. Он похож на мягкую игрушку, этакий уютный толстяк с совершенно не идущими ему вислыми гущецкими усами. Мы обмениваемся ничего не значащими фразами. Разговаривая, я пытаюсь понять, как это тесть столько лет умудрился прожить с Аллиной матерью. Одного взгляда достаточно, чтобы понять, не женщина – кремень. Почти такие же, как у дочери, густые волосы, смуглая пористая кожа, выражение лица, словно у комсомолки двадцатых – неподкупность. Не хватает только красной ко-

сынки и короткой стрижки. Кстати, работает Валентина Григорьевна в министерстве путей сообщения. Дисциплина и порядок.

В Аллином лице тоже иногда проступало нечто подобное, но не так резко, смягчалось молодостью или другими генами. Зато жена становилась трогательно беспомощной, когда я входил в неё, куда только девался характер. Или это давала себя знать женская сущность – уступить мужчине, ублажить, чтобы добиться главного, реализовать материнское начало?.. Неосознанно, инстинкт. Возможно, то же происходит с тещей, но уже по привычке, что и заставляет Аллиного отца мириться с твердокаменностью.

– Вот так живёшь-живёшь... – говорит между тем бывший тесть и вздыхает. Похоже, искренне, хотя умершая была матерью жены.

– Да, – соглашаюсь я.

– А в общем-то, дай бог нам до таких лет дотянуть. Семьдесят девять, не так уж плохо.

– Мужчины живут меньше.

– Не скажи, раз на раз не приходится. – Судя по всему, Аллин отец собирается превзойти среднестатистическую продолжительность жизни для мужчин в СССР. – На Кавказе вон сколько долгожителей. Недавно читал, один в девяносто лет женился, ещё и дети пошли.

– Тоже верно.

Негромко, в соответствии с событием разговаривая с тестем, я понемногу осматриваюсь. В этой квартире с высокими потолками я прожил почти год. Работалось неважно. Не только потому, что комплексовал по поводу того, что не приношу в семью денег. Недавно прочитал у Бунина, в одних квартирах ему писалось хорошо, в других нет. Так, наверно, и у меня, хотя до Ивана Алексеевича мне как до Грасса на четвереньках. Чего, казалось бы, лучше, центр Москвы, просторные комнаты, окна на юг – папе понравилась, когда он приезжал на нашу свадьбу. Однако в большой комнате, которую нам с Аллой выделила бабушка, настроиться на работу было трудно. Слишком солнечная. То, что должно было дойти до бумаги, не доходило, яркий свет сводил на нет мою сочинительскую потенцию. Чуть, казалось бы, глупость, но в писательстве много непонятного. Ещё этот постоянный гул машин за окном, на который ни бабушка, ни Алла не обращали внимания.

Сейчас посередине бывшей нашей комнаты раздвинут стол, на нём приличествующая случаю еда и несколько бутылок вина. В центре тарелка с блинами – сороковины, полагается. В торце стола тарелочка с полной рюмкой, прикрытой кусочком хлеба. Судя по всему, мы с Наташей и её мужем появились последними, больше ждать некого. Тёща шепчется с Аллой и печальным голосом произносит:

– Прошу, товарищи, за стол.

Это появилось во мне давно, ещё до того, как умерла мама. Человек кончается, переходит в другое состояние, и ненужным оказывается всё, что он знал и умел в жизни. Как пишется, например, буква «щ», что есть такой низкорослый, как дети, народ бушмены, что кончик нитки нужно послонить и выпрямить, иначе не попасть в ушко иголки, что дрова в печи поправляют кочергой, что существуют Мальдивские острова, что сосед с нижнего этажа при встрече подмигивает, что

лучше всех зубная паста «Поморин», что входная дверь хорошо открывается, если прижать к косяку, что печень белого медведя ядовита, эскимосы прячут её даже от собак, что самый вкусный хлеб в киоске на рынке, что Вторая мировая война началась в сентябре тридцать девятого и окончилась в сентябре сорок пятого, что если в ухо залезла букашка, нужно налить подсолнечного масла, букашка всплывет, что под льдами Антарктиды горные хребты, что чужую собаку лучше не гладить...

Это и многое другое, важное и никчемное, которое человек узнал и чему научился, становится ненужным. Нет, не о бессмысленности любой жизни и целых цивилизаций я хочу написать рассказ. Избито. Я хочу передать изумление, когда понимаешь: всё знание себя и мира – такая ненужная в итоге вещь. Это даже не страшно, а как-то вчуже удивляет. Не знаю, внятно ли выражаюсь. Но если в рассказе сумею дать толчок мысли, нет – чувству, буду считать задачу выполненной. До озарения читатель должен дойти сам, если способен. Но пока я не знаю, с какого бока взяться за эту тему.

Между тем за столом слушают, что говорит о покойной Аллин отец, номинальный глава семьи, вздыхают и согласно кивают головами. Выпиваем, не чокаясь. Действительно, славная была старушка, деликатная. Ни разу не зашла в комнату, когда до свадьбы мы с Аллой трахались на стуле, хотя Алла боялась, что зайдёт. Из негромких разговоров выясняется, бабушка была младшей в семье, мать умерла рано, вырастили её сёстры. В анкетах приходилось скрывать, что она дочь священника. Когда мужу после войны предложили длительную командировку с семьёй в Венгрию, бабушка отказалась – не хотела расставаться с сёстрами, такие были отношения. Сёстры ушли, теперь бабушка...

Час спустя мужчины выходят на лестничную площадку курить. Печаль умеренная, как бывает, когда умирает старый человек. Родственники и знакомые иногда улыбаются, можно услышать даже лёгкий смешок. Но всё в пределах приличия.

Ко мне подступает муж свидетельницы Наташи, заикаясь, принимается рассказывать, как по пляжу в Крыму ходили студенты из Африки в юбочках то ли из листьев, то ли из морской травы, белозубо улыбались, потрясали копьями и приговаривали толстыми губами: «Чунга-чанга!.. Опа-на!.. Хорош-ё!..» За фотографию брали три рубля. Наташин муж сфотографировался: висит, обхватив копье руками и ногами, а негры его несут, как добычу. Прикольно вышло, жаль, снимок не захватил. А Наташа и Алла фотографироваться не захотели.

– Негры, ну их!.. – говорит Наташа, найдя нас на лестничной площадке, и брезгливо передёргивает налитыми плечами.

Она тоже закуривает. То ли сказались несколько рюмок «Кагора», то ли по другой какой причине, но бывшая свидетельница уже не так неприязненно смотрит на меня. Что-то заинтересованное чудится мне на этот раз в её взгляде. Разговаривая, Наташа растягивает слова, играет подкрашенными глазами, хотя случай явно не тот. Она словно знает обо мне нечто, где я крепко лопухнулся, намёк в лице и голосе. С чего бы?..

Гости долго засиживаться не стали, будний день, завтра на работу. Я в сомнениях – откланяться вместе со всеми или на какое-то время ещё остаться, всё-таки муж внуки, неприлично уйти рано. Решаю немного задержаться. Женщины убирают со стола, моют посуду, а мы с тестем и Наташиным мужем устраиваемся

за журнальным столиком в бабушкиной комнате, допиваем вино. Тесть больше молчит, приложившись к рюмке, каждый раз аккуратно промокает платком свои гуцульские усы, а Наташин муж рассказывает маловероятные вещи. Например, что их НИИ разработал способ записи информации, когда на одном квадратном сантиметре помещается вся Ленинская библиотека.

– Кончай, – не верю я.

Персональные компьютеры, мобильные телефоны со встроенными видеокамерами, напичканная электроникой бытовая техника, – всё это ещё впереди. Сейчас я искренне считаю, что такого быть не может по определению. Ленинская библиотека – на квадратном сантиметре!.. Выпил человек, вот и гонит, хочет показать свою значительность.

– К-клянусь!.. – прикладывает руку к груди говорливый заика. – Только н-никому, т-с-с!.. – И прижимает палец к губам.

Я подначиваю:

– Болтун находка для шпиона.

– П-п-очему? – на мгновение смущается Наташин муж, смотрит на нас с пьяной пристальностью. Наверняка давал подписку о неразглашении. – Вы же советские люди, я п-п-равильно понимаю? Вам-то д-до-верить можно?.. Существуют такие р-р-азработки, дочкой клянусь!

Тесть неопределённо кивает, верит или нет, понять трудно. Похоже, ему безразлично. В свои пятьдесят он живёт другой жизнью, ему важно иное. Как моему отцу, когда, приехав на свадьбу, он ни с того, ни с сего стал вдруг говорить о нашем роде. Мы вышли вечером пройтись, папа смотрел на простор Смоленской площади, на поток машин с приглушёнными фарами, угловатую пирамиду Министрства иностранных дел. «Твой дед женился в шестнадцать лет, – неожиданно сказал он. – Надо было, сирота».

Об этом я слышал и раньше, но всё как-то отрывочно, вскользь. Отец принялся рассказывать, что у деда и бабушки, когда они поженились, ничего за душой не было. С большим трудом построили глинобитную (из лампачей, сказал он) хату, покрыли соломой, завели поросёнка, козу – корову купить было не на что. Рассказывал папа подробно, к чему-то меня подводил. Дед тяжело работал, выбился в середняки, тогда ещё не было колхозов, так же тяжело заставлял работать бабушку. Зато в начале тридцатых, в голодный год, за яму перезимовавшей картошки сумел обменять свою хату на другую, побогаче, под черепичной крышей, с крашеными ставнями. К тому же рядом был «шипот» – родник, выведенный через трубу из горы. Раньше хорошую воду, «сладкую», приходилось носить на коромыслах издалека, в своём колодце была солоноватая.

Сирота дед заложил основу, сказал папа. А ему самому разве легко пришлось? В военной мясорубке сумел не только уцелеть, но и стал, сельский парень, офицером Советской Армии. Это что-нибудь да значит. У меня есть возможность двинуть род дальше, ещё полнее реализовать заложенное природой или Богом. «Ты смотри – Москва вокруг! Многие всю жизнь сюда рвутся, чёрту душу готовы продать, а не получается!.. – Папа повёл рукой вокруг, другой обхватил меня за плечи, мимолётно и крепко прижал к себе. – Конечно, тебе повезло со временем, это да. Войны нет, голода нет. Но что в Литинститут поступил и закончил, твоя заслуга полностью! Сумел, добился – молодца!».

Мне были приятны папины слова, хотя я понимал, ответственность за унаследованные способности – ещё и несвобода. Я чувствовал это уже тогда, когда прогуливался с папой в окрестностях Смоленской площади. И всё-таки потенциальный маршалский жезл в солдатском ранце щекотал моё самолюбие. До сих пор щекочет.

К метро направляемся все вместе, Алла нас провожает.

– Ты что, с ума сошёл? – приглушённым голосом выговаривает Наташа, отведя меня в сторону. Мы уже пришли, стоим перед входом в метро. – Как ей сейчас одной оставаться, сам подумай! В тебе что, ничего человеческого нет?..

Я оглядываюсь на Аллу и её родителей, они прощаются, тесть и тёща уезжают к себе. Все держатся хорошо, сороковой день, острота потери сгладилась.

– Ты что, не знаешь её характер? Это снаружи она такая, а внутри переживает, бабушка ей роднее матери была, – наседает Наташа. – Оставайся, поддержи, надо!

Я в нерешительности. Остаться у Аллы не собирался, но чувство вины перед ней опять тут как тут.

– Так она вроде нормально...

Наташа не хочет слушать.

– Родителей хотя бы пожалей, им будет спокойней, что не одну оставили. Будь человеком, всё-таки муж!..

Вступать сейчас в дискуссию относительно того, какой я муж, неуместно. Тем более, что к Наташе направляется её хорошо поддатая половина.

– О чем это, и-и-нтересно, вы за моей спиной д-договариваетесь?..

Наташа улыбается, кивает мне с таким видом, будто я согласился, подхватывает благоверного под руку, и последние гости исчезают в метро. Перед самыми дверями Наташа оглядывается, и я опять замечаю прежнее выражение на её лице, будто она обо мне знает что-то нехорошее.

Алла прощально поднимает вслед паре руку и никак не реагирует на то, что я стою рядом.

– Ну что, пошли? – говорю я. По крайней мере до дома проводить надо, уже темно.

Всю дорогу мы молчим.

– Кофе хочешь? – сдержанно предлагает Алла у подъезда.

Я усмехаюсь. Экий матёрый штампиче, женщина приглашает мужчину на чашечку кофе. Встретив такую фразу в произведении, уже знаешь, одним кофе дело не обойдётся. Но то литература.

– Можно.

В твёрдой уверенности, что максимум через час я буду в метро, захожу вслед за Аллой в лифт. И опять страсть к округло завершённым ситуациям играет со мной дурную шутку. В мягко несущей нас вверх кабине Алла отводит волосы от лица, оно у неё усталое – и вина перед женой пополам с нежностью и желанием успокоить и пожалеть охватывают меня. Я беру в ладони её лицо, Алла поднимает на меня печальные глаза, подаётся вперёд и утыкается лбом в грудь.

И эти простые движения определяют мою дальнейшую жизнь.

Веня обаятельный человек. Я его запомнил ещё в Литинституте – улыбка, внимательный взгляд, очки. Он отличался от остальных ребят, переводчиков с грузинского. Те в основном пили, выясняли между собой отношения и дрались с другими парнями из-за девчонок. Особенно поэты. Веня тоже писал стихи, но был спокойным, доброжелательным и, похоже, умнее других грузин. Но это так, заметки постороннего, я учился на курс младше.

Литинститутское впечатление сейчас подтверждалось. Славный малый. С чувством юмора, в том числе по отношению к себе – мог пройтись по поводу своей ранней лысины. Веня разбирался в литературе, у него хороший вкус, говорил дельные вещи. Единственный среди редакторов Литконсультации он был членом Союза писателей. Приняли, когда работал в Правлении СП Грузии, но тем не менее. Мы с Веней люди одного поколения, и это тоже сближало. Я мог с уважением относиться к Сенчукову, но тот всё-таки человек другого времени, чужого.

Свои взгляды Веня не скрывал. Почему, например, небольшое повышение цен на бензин во Франции приводит к отставке правительства, а в Советском Союзе цены повышают молчком и без последствий для власти? Почему у нас подавляется любое инакомыслие и все средства информации принадлежат государству? Мы стараемся не отстать от Штатов в космосе и по вооружению, но всё это за счёт уровня жизни, который ниже, чем в большинстве стран соцлагеря... Ах, Веня, говорю я из нынешнего своего времени, ты задавал вопросы, которые и сейчас задать хочется, хотя советская власть приказала долго жить. Мы вкусили от древа познания добра и зла, но большую часть вкусивших Змей кинул. Ничто у нас по сути не изменилось, а в Штатах, Израиле или, как ты, в Германии сумели оказаться немногие. В числе неискоренимых российских бед есть такая: переняв европейскую форму, власть напрочь вытравляет её содержание.

Выяснилось, почему Веня говорит без акцента – родился и окончил школу в Днепропетровске. Грузин украинского разлива. Но в университет поступил в Тбилиси. А когда Литинститут стал набирать группу переводчиков, попал в неё и ушёл из университета. История, сходная с моей. Разве что я поступил в Литинститут напрямую, а не как переводчик. Отношение к ним в институте было слегка высокомерным.

– Хочешь три дня к отпуску? – спросил как-то Веня.

– А то!

– Тогда пиши заявление в дружину.

– Прямо сейчас? – удивился я. Предложение было неожиданным.

– А что тянуть. Сегодня и дежурить пойдём.

Время от времени мы устраивали перерывы, сходились из своих каморок в просторную приёмную, где находилось рабочее место младшего редактора Ани, и трепались на разные темы. Особенно, когда в ЛК появлялись рецензенты нашего возраста, вроде Славы с льдистыми скандинавскими глазами и жгучего брюнета Валеры, говорящего «что», моими знакомцами по ЦДЛ. Как правило, они ходили вместе. Появлялись и другие, чаще всего в присутственный Венин

день, у него было множество знакомых. Порой странноватых, как один закавказский человек, стесняющийся своей фамилии Онанидзе, или Вася Сергеев, не по возрасту полный хозушник из Правления с то ли заискивающими, то ли страдальческими глазами. Заходили вообще неожиданные персонажи вроде Витальки, время от времени дарившего кому-нибудь из редакторов кусок вырезки, – он работал на мясокомбинате. Грешащему стихами Витальке требовалось общение с интеллигентными людьми.

– Не упускай шанс, старик, – не слишком добро подначил Слава, которого я прозвал про себя Викингом. Он никогда не улыбался, в любой ситуации смотрел неуступчиво, твёрдо. – Сам командир предлагает, цени!

Брюнет Валера молча усмехнулся, он был гибче, тактичнее Викинга, а объединяла их общая борьба с издательствами и журналами. Находившийся здесь же Вася Сергеев с готовностью засмеялся:

– Конечно, конечно!..

Веня снисходительно улыбнулся. Он понимал ожесточившегося в борьбе за место под литературным солнцем Славу. Что-то знал о Васе Сергееве. И это снисходительное понимание тоже располагало к нему. Неприятной была разве что привычка облизывать губы. Когда Веня кого-нибудь внимательно слушал, кончик его языка быстро появлялся между губами и тотчас исчезал. Выходило как-то по-змеиному. В «Советском писателе» Веня был ответственным за дежурства в добровольной народной дружине – общественная нагрузка тех лет – и сумел выговорить в районном штабе право дежурить внутри станций метро Арбатская. Не каждому подобное удавалось. В итоге совписовцы не мёрзли зимой на улицах, как мы, когда учились в институте.

Дежурить после работы отправляется вся ЛК, за исключением Сенчукова. Три оплачиваемые дня к отпуску ни для кого не лишние. Осенняя улица Воровского (до революции и с недавних пор Поварская), доходные дома девятнадцатого века, недокормленные липки в забранных решётками квадратах земли. Где-то здесь перед отъездом в Одессу, а потом в эмиграцию снимал квартиру Бунин. Мы двигаемся весёлой гурьбой, в настроении нечто от пионерских походов. Веня рассказывает, как одного редактора «Совписа» (издательство располагается тоже на этой улице) предостерегала его деревенская бабушка: не хорошо, живёшь на улице Воровской, работаешь на Воровской... Смотри, не связывайся!

Впереди идут наши дамы, даже со стороны видно, это близкие люди. Ольга Григорьевна опекает младшего редактора. У Ани родители, у Ольги Григорьевны ребёнок, но отношения мать-дочь, похоже, обеим необходимы. Я порой застаю их беседующими, исповедь с одной стороны и взыскующее внимание с другой, по лицам видно. Когда я спросил у Вени, что бы это значило, он прокомментировал ситуацию так: беседы о нравственности. Рядом ЦДЛ, писатели, молодой девчонке легко запудрить мозги. И ладно бы только это. После общения с инженерами человеческих душ, по мнению Ольги Григорьевны, сверстники Ане станут неинтересны. Надо сначала выйти замуж, а уж потом заводить умных и умелых любовников.

Говоря это, Веня неопределённо улыбался, то ли соглашаясь, то ли иронизируя. Забегая вперёд, скажу: как всякая опека, повзрослевшей Ане она со

временем надоест. Совушка начнёт встречаться с немолодым киношником, захаживавшим в ЦДЛ. Ольга Григорьевна сочтёт подобное чёрной неблагодарностью – кроме передачи собственного житейского опыта, она защищала Аню от Сенчукова, а та это не оценила. Буча в ЛК пойдёт по второму кругу, на этот раз между бывшими соратниками. И опять – удивительное дело – причиной станет смиренная Совушка!.. На этот раз тоже найдутся люди, которые возьмут её под защиту. «Что она за фигура? – спросят однажды меня. – Каждый раз сыр-бор в Литконсультации из-за неё». Но всё это потом, когда я уже уйду из ЛК, а заведующим будет не Олег Всеволодович, а другой человек.

– Ну не фонтан она как работник, не фонтан!.. – доверительно приблизив лицо, вполголоса говорит Веня, показывая глазами на идущую впереди Аню. – Согласен! Может рукопись потерять, рецензии на оплату сдаёт с опозданием, в бухгалтерии на неё жалуются – всё это есть. Но нельзя увольнять молодую девку! Коллектив, естественно, выступил в защиту. Он тогда стал придирается к другим тоже. Кто-то испугался, ушёл на пенсию или в другую контору, а куда Ольге? У неё мать-пенсионерка и сыну десять лет. И почему кто-то должен уходить?.. Я сначала пытался е м у объяснить ситуацию. Не понимает! Говорит, стоит нажать на кнопки, и все вы с треском вылетите из Консультации. Я е м у прямо в глаза сказал: провода от ваших кнопок я давно перерезал. Перерезал, понимаете!..

Веня обещал не давить на меня, дать осмотреться, но когда наши присутственные дни совпадали, большую часть времени занимали его монологи. Веня заходил в мою комнатку, присаживался на край стола и начинал говорить. Называл Олега Всеволодовича исключительно «он», сообщал, что этот чистоплун-сталинист любит сальные анекдоты и не ест в ЦДЛ, а жрёт. И вообще бериевская падаль. Скажи, куда нормальный человек идёт после десятилетки? Поступает в институт. А этот после школы устроился в НКВД, курировал группу сексотов, сам об этом рассказывал. Дескать, хотел как пишущий человек узнать жизнь во всех проявлениях. Врёт – садист по призванию!.. Такая непримиримость в обычно снисходительном умном Вене была неприятна.

Особой надобности в дружинниках на станциях метро нет, на той и другой дежурили милиционеры. Мы отмечаемся в специальном журнале, надеваем повязки и спускаемся на платформу той «Арбатской», охровое круглое здание которой находится справа от кинотеатра «Художественный», как раз напротив советского пентагона. Здесь меньше народа и не так шумно. Можно говорить и слышать друг друга.

Порядок нашего движения по платформе тот же, что на улице. Ольга Григорьевна и Аня впереди, Веня, Гена Попков и я метрах в десяти за ними. У женщин свои разговоры, у нас свои, благо, вмешательства дружинников не требуется. Пережидая грохот подходящих к платформе поездов, Веня рассказывает об оперной певице, с которой у него в ту осень был роман. Оказывается, певиц нельзя трахать дня за три до спектакля – пропадает опора для голоса. Что это такое «опора для голоса», до сих пор не знаю, да и не пригодилось мне это знание в жизни, но всё равно любопытно.

Гена Попков, который обычно молчит и, склонив голову к плечу, думает какую-то свою думу, скупно улыбается. В Консультации он появился немногим

раньше меня, а до этого окончил областной пединститут имени Крупской. Однако преподавать в школу не пошёл, разносил телеграммы и писал роман. Венины истории ему тоже интересны.

Разговоры молодых мужчин целомудрием не отличаются. О женах мы не говорим, а вот события, происходящие на диване в кабинете Сенчукова во время его отсутствия, Веня живописует в подробностях. Упругость пружин многократно опробована с посетительницами ЦДЛ, студентками соседней Гнесинки, с машинистками Правления. Будем завидовать, как сказано в анекдоте. Венина мужская удушливость мне тоже импонирует.

Одно событие на платформе всё-таки заставляет вмешаться. Молодой мужчина тянет за руку пацана лет десяти, пацан плачет и понуро упирается. Мы останавливаем мужчину, зовем милиционера, тот проверяет документы. Оказывается, мальчишка не хочет возвращаться к матери, родители в разводе, пацану настала очередь жить у неё.

– С сыном Валентина Леонтьевича неприятная вещь случилась. – Веня провозжает взглядом присмирившего пацана, входящего с отцом в вагон. – Какой-то мужик его изнасиловал. Затащил, скотина, в лифт и прямо там трахнул.

– Мальчишку? – поражаюсь я.

– Представь себе. Пацану травма на всю жизнь. Валентин Леонтьевич тяжело это перенёс. А здесь ещё Сенчуков со своими придирками, он и ушёл в «Детскую литературу»... – И Веня опять принимается с чувством говорить о мастодонтах, не понимающих, что их время давно прошло.

Я перевариваю услышанное. По тем временам это было редкостью, чтобы изнасиловали ребёнка, да ещё мальчика.

– Его поймали?

– Кого?

– Кто изнасиловал.

– А, нет... – Веня уже смотрит вверх на малолюдную лестницу. Она ведёт из вестибюля «Арбатской» к платформе, по которой мы, три бравых народных дружинника, три богатыря, неторопливо прохаживаемся. – Ага, наш Вася уже живёт по осенне-зимнему распорядку. Задержался товарищ, прямо-таки горит на работе...

Одетый в синий плащ Вася Сергеев торопится к поезду. Движения его упитанного тела неуклюже суетливы. Вася спотыкается перед дверями вагона, но всё-таки успевает заскочить внутрь прежде, чем те сходятся.

– Как только начинаются дожди, Вася свои «Жигули» ставит на прикол. Бережливый, однако, человек! Не хочет, чтобы днище ржавело. – Двусмысленность слышна в Венином голосе, когда он произносит: – «Жигули» у Васи, между прочим, тоже голубого цвета!..

Обед, а в половине пятого чай для Сенчукова святое дело. Когда мы совпадаем, он без пятнадцати час заглядывает в мою комнатушку, интересуется:

– Как насчёт обеда, сеньор?

Я слышу его шаги ещё когда он только выходит из своего кабинета, шаги быстрые, летящие, если применимо подобное определение по отношению к мужчине под шестьдесят. Впрочем, почему нет, Олег Всеволодович сухопар и лёгок. Сухопар до такой степени, что избегает носить рубашки с коротким рукавом – ему кажется, руки у него слишком худые, сам как-то обмолвился.

– Таки да! – в тон отвечаю я и отодвигаю рукопись или рецензию, которыми занимался. – Со всем нашим удовольствием!..

Сенчуков удовлетворённо хмыкает. Его аскетическое лицо с проступающим черепом становится почти добрым. Сенчуков ценит юмор, хотя общение с ним лёгким не назовёшь. Переходы от полусушливой галантности к раздражительности стремительные. «Пшёл вон, щенок!» – с тихой яростью сказал он какому-то пацану, когда мы прогуливались после обеда по малолюдному Воротниковскому переулку. Пацан возвращался из школы, пинал перед собой кусок асфальта и задел им Сенчукова. Я уже знал о военной контузии заведующего ЛК, но такая резкость была всё равно неприятна.

Его вопрос и мой ответ в точности повторяются в день профсоюзного собрания.

– Тогда вперёд! – говорит Олег Всеволодович и первым направляется к выходу. – Кстати, Юрий Антонович, я вам рассказывал о мебели Литературной консультации?

– О мебели? – переспрашиваю я, двигаясь следом и ловя на себе взгляд Совушки-Ани. Совместные обеды и чаепития в ЦДЛ понемногу становятся нашей с Сенчуковым традицией. Порой это меня тяготит, неприятно чувствовать себя чем-то вроде ординарца. К тому же ироничные взгляды Совушки. Но почему я должен отказываться обедать с человеком, который принял меня на работу?

– Мебель? Что-то не припоминаю, – говорю я и морщу лоб, хотя дословно могу передать рассказ о гарнитуре карельской берёзы. Он, по предположению Сенчукова, достался ЛК от наркомата национальностей, который в двадцатых годах якобы находился в Доме Ростовых.

Олег Всеволодович задерживается на крыльце ЦДЛ, с готовностью поворачивает ко мне лицо.

– Я иногда думаю, стол в моём кабинете – ну, вы знаете – мог принадлежать Сталину. Он в начале двадцатых был наркомом национальностей. – Сенчуков говорит это таким тоном, словно посмеивается над собой. На всякий случай. В сказанное, похоже, верит.

Я отвечаю вполне серьёзно:

– Любопытно.

О Сталине Сенчуков заговаривает редко, понимает, я человек поколения, выросшего на разоблачении культа личности. Но то, что иногда всё-таки заговаривает, знак доверия. У нас есть и другие темы кроме Сталина. Краснопёров, когда я недавно заглянул к нему в «Детскую литературу», тонко улыбнулся. «Сейчас, Юра, вы находитесь на положении любимого ученика. Я тоже проходил эту стадию... Сенчуков в Литературной консультации одинок. Обсуждайте с ним телевизионные передачи, он их регулярно смотрит». Ни хорошего, ни плохого о бывшем начальнике Валентин Леонтьевич не говорит. Жаль, я не смог посо-

ветоваться с ним, когда устраивался на работу, Краснопёров был в отпуске. Выбирать, конечно, не приходилось, но всё же.

Образ Олега Всеволодовича понемногу становится объёмным. О чае Сенчуков говорит, что тот должен быть сладким и горячим, как поцелуй девушки. Эта фраза из молодости, они с другом любили её повторять, романтики времён когановской «Бригантины». Теперь друг служит прокурором в Калмыкии, они не теряют связи. Олег Всеволодович недавно перечитал все его сохранённые письма, сделал выписки, показывающие, как менялись взгляды друга, и отправил ему. Тот ответил: «Что я тогда в жизни понимал! Щенок был!..» Говоря это, Сенчуков непонятно усмехался, сдержанно декламировал: так прощаемся мы с серебристою, самую заветною мечтой... В молодости он писал стихи, а в Литинститут поступил после войны, но уже как критик, приехав из Красноярска, где в краевой газете заведовал отделом литературы и искусства.

Из таких мелочей, вскользь брошенных фраз и выстраиваются постепенно мои представления. Не только об Олеге Всеволодовиче – обо всех остальных. Порой я чувствую себя соглядатаем, заброшенным в ЛК, ещё точнее – в жизнь. Кем, любопытно, и для чего?..

В ЦДЛ я уже освоился. Примелькались писатели, которые приходят сюда как на работу. Они часами сидят за бутылкой пива в Пёстром зале или прогуливаются по бордовой дорожке гостиной с роскошными диванами. Их имена мне ни о чём не говорят, но Сенчукову эти люди знакомы. Олег Всеволодович старается держаться от них на дистанции. Сегодня не получается.

– Дай рубль, – перехватывает нас один из них, по виду мелкий служащий предпенсионного возраста. Поношенный костюм, клетчатая рубашка, глаза, будто человек о чём-то постоянно и пристально думает.

– Пойди к чёрту! – с шутилой досадой бросает Олег Всеволодович и не даёт.

Выходит неизбежно. Ничто не меняется в лице клерка, он продолжает свой путь по бордовой дорожке.

– Был талантливый поэт, ярко начинал, – сообщает Сенчуков. – Сейчас тихий сумасшедший. Впрочем, кто здесь не сумасшедший?.. – И рассказывает историю о том, как кто-то из председателей Правления жаловался Сталину на писателей. Пьют, развратничают, работают, когда вздумается. Нет чтобы как рабочие на заводе – в семь часов к станку, обеденный перерыв, потом опять за работу... Других писателей я вам дать не могу, будто бы ответил Сталин. А вот дать им другого председателя могу.

– Анекдот?

– Возможно. Но не исключаю, что было на самом деле. Я пришёл в Правление во времена Фадеева, это уже потом стал работать в Литературной консультации. Много на моих глазах происходило...

Сенчуков ностальгирует по прежним временам. Когда мы оказываемся за одним столиком с кем-нибудь из старых сотрудников Правления, его обычно отчуждённое лицо становится дружеским, едва ли не заискивающим. Свой переход в Литературную консультацию Олег Всеволодович называет вынужденным – сказались фронтовая контузия, быть помощником секретаря Правления он больше не мог.

Мы уже в Дубовом зале. На комплексный обед в ресторан понемногу стека-

ются работники ЦДЛ и Правления. Дубовый зал не слишком уютен, напоминает проходной двор – через всё помещение из одних дверей в другие то и дело ходят люди.

– Кажется, ваш учитель, – замечает Сенчуков и дёргает подбородком в сторону крутой лестницы, ведущей на антресоли. – Я вам не говорил, как познакомился с Кимом? Весьма оригинально!

Ким Николаевич в самом деле поднимается по лестнице. Он в модной замшевой куртке и с трубкой в зубах, бритая голова голубовато отсвечивает. На антресолях, я уже знаю, несколько кабинетов московской писательской организации, наверно, у Кима там дела. Нас он не замечает, хотя мне очень хочется, чтобы заметил. Я уже не надоедливый проситель, каким он меня знал. Я при деле, и вполне достойном.

– Мы дружны с Марком Соболев, поэт, вы о нём наверняка слышали. Как-то вечером звоню Марку, но слышу в трубке другой голос. И этот, скажем так, не совсем трезвый человек вдруг понёс меня по кочкам! Ни с того, ни с сего!.. Потом Марк извинялся – молодой, дескать, писатель, я его открыл на семинаре в Хабаровске, не обижайся. Перебрал на радостях, в Москве книжка вышла. Это где-то лет пятнадцать назад было...

Мы дожидаемся официантки, и Олег Всеволодович рассказывает ещё одну историю, связанную с Кимом. Руководитель семинара предстаёт с неизвестной для меня стороны. В Малом зале ЦДЛ шло обсуждение чьего-то романа, Ким начал своё выступление резко. Но стоило Соболю что-то вполголоса сказать, как мой бывший наставник сменил тон. Потом у него спросили почему, Ким ответил притчей о псе, которого все на улице боялись, но когда из подворотни выскочила старая шавка, пёс поджал хвост. «Она меня лаять учила».

Я хмыкаю:

– Соболю не обиделся за такое сравнение?

– Наоборот, польстило! Ваш учитель величина. И помнит добро, которое Марк ему сделал. К сожалению, не все добро помнят... – Олег Всеволодович выдерживает паузу, дёргает щекой. – А сколько талантливых людей не могут в литературе пробиться. Вы уже, наверно, это заметили по авторам Литконсультации...

Сенчуков кладёшь всевозможных историй, он их с удовольствием рассказывает, когда мы обедаем или чаёвничаем. Но сегодня Олег Всеволодович словоохотливей обычного. Нервничает перед собранием? И эта фраза о неблагодарных людях.

Житейский опыт на ту пору был у меня небогатый, но всё же был. И он подсказывал, постороннему человеку разобраться, кто прав, кто виноват в застарелом конфликте – дохлое дело. За напластованиями забывается первопричина. Тем более, что всё в ЛК было непросто. Из оговорок я знал, что раньше здесь дружили чуть ли не домами, вместе отмечали дни рождения, ездили друг к другу в гости. Потом произошло нечто, всё перечеркнувшее.

Версии причины разные, у Вени и его соратников одна, у Сенчукова другая. В первый рабочий день Олег Всеволодович зазвал меня в кабинет, сказал, что в «Советском писателе» есть люди, которым он неугоден. Они хотят поставить своего человека, чтобы распоряжаться гонорарным фондом Литературной консультации. Про него распускают всякие глупости, в том числе, что он антисе-

мит. Какой он к чёрту антисемит, если его первая жена была еврейка?! Я не пытался в ситуацию особенно вникать. Я пришёл сюда работать, а не участвовать в сваргах.

Сейчас, годы спустя, понимаю, насколько был глуп. Истинная подоплёка происходящего была от меня скрыта. Это теперь я догадываюсь, что дело не в самолюбиях и даже не в месте под солнцем, а в столкновении двух времен, двух эпох. Моя хохляцкая душа жаждала гармонии, я и подумать не мог, насколько здесь всё серьёзно, по-взрослому. Уходящая натура в лице Сенчукова и то, что приближалось, накатывало, накрывало – Веня Чачия.

– Посмотрите направо, – вполголоса роняет Олег Всеволодович.

Я смотрю на соседний столик и вижу несколько пожилых мужчин. Они уже едят первое, им принесли.

– Седой еврей в очках, – подсказывает Сенчуков. – Это наш парикмахер. Но речь не о нём, а о предшественнике. Тот был знаменит тем, что каждую историю начинал словами: «Брею я утром генерального секретаря Союза писателей СССР товарища Фадеева...» Болтун был чудовищный! Однажды к нему зашёл Юрий Карлович Олеша. «Как вас постричь?» – «Молча!»

Олег Всеволодович рассказывает ещё одну историю про легендарного парикмахера. Валентина Катаева принял Папа Римский. В пятидесятые это была редкость – поездки советских писателей за границу и тем более аудиенция у Папы. Естественно, событие вызвало большой интерес. Стал расспрашивать об аудиенции и цэдээловский парикмахер, когда Катаев зашёл постричься. Валентин Петрович со вкусом принялся повествовать о подробностях приёма, довёл рассказ до целования туфли Папы и неожиданно замолчал. «Таки говорите дальше, что вы молчите!..» – взмолился парикмахер. «И тут я пережил один из самых тяжёлых моментов в своей жизни, – траурным голосом продолжил Катаев. Он был шутник. – Мне полагалось встать на колени и наклонить голову. Я это сделал, протокол есть протокол. Но прежде чем поцеловал туфлю, услышал на чистом русском языке: «Какой мудака так вас постриг?!»

И Сенчуков смеётся. Как мне кажется, слишком громко.

Причины нервничать у него были. Профсоюзное собрание подтвердило это. Такого единодушия я давно не встречал. Осудить Сенчукова пришёл даже пенсионер Борис Михайлович.

Выяснилось, что по вине заведующего в Литературной консультации не выдерживаются сроки рецензирования. Среди штатных сотрудников есть любимчики, которым заведующий даёт больше рукописей, чем другим рецензентам. Письма заведующего авторам грубы и оскорбительны. Нездоровая обстановка в Литконсультации сложилась прежде всего из-за его неумения работать с людьми...

Перебирая на коленях то и дело норовящие соскользнуть на пол рецензии, пятнами покрасневшая Ольга Григорьевна цитировала показательные места, приводила выписанные на отдельный листок цифры. Борис Михайлович припомнил Сенчукову слова, что работал он слабо. Конечно, одни рецензии удались Борису Михайловичу больше, другие меньше, но сказать, что он плохо работал, откровенная ложь. Веня тоже выступил, но сдержанно. Позже я пытался понять причину, в разговорах со мной он в оценках не стеснялся. Хотел показать посто-

роннему человеку, что к происходящему относится снисходительно и иронично? Ведь словам оголтелых не очень верят. Конечно, Сенчуков руководитель плохой, но по большому счёту это буря в стакане воды, несерьёзно. Приблизительно к этому сводилось выступление Вени.

Посторонний человек – председатель издательского профкома Нахтигаль. О нём я был наслышан. Оказалось, даже знаю в лицо. Когда заносил в издательство рукопись своих рассказов, а потом появлялся узнать о результате, встречал в коридорах этого занятого, всегда куда-то спешащего высокого смуглолицего человека. Похоже, единодушие редакторов Литконсультации Нахтигалю не очень нравилось.

– Неужели всё так плохо?.. У вас есть что сказать? – обратился он к Гене Попкову.

Олег Всеволодович с надеждой повернул к нему лицо. Но Гена произнес:

– Я согласен со всем, что здесь говорили.

Сенчуков сделался ещё надменной, заложил руку за борт своего подросткового пиджака и ещё больше выпрямился в кресле за столом карельской берёзы – собрание проходило в его кабинете.

– А вы? – обратился ко мне Нахтигаль.

И опять последовал стремительный поворот головы Сенчукова. И ты, Брут?.. Ничего хорошего он, похоже, уже не ожидал.

Мне жаль этого пожилого человека, я вижу его попытки держаться достойно, хотя все против него. Возможно, я ещё не вник в работу Консультации как следует, но мне кажется, Ольга Григорьевна стусила краски. Дело налажено, на каждого автора здесь заводится карточка, есть архив с копиями рецензий – можно поднять и определить, лучше человек стал писать или не в коня корм. Старые рецензенты утверждают, такие порядки завёл Сенчуков, до него был бардак. А просчёты – у кого их нет. Просить руководство издательства о смене заведующего ЛК, пожалуй, слишком круто.

И я говорю, что мне непонятны такие отношения. Это не первое моё место работы, но не помню, чтобы где-то так непримиримо друг к другу относились. Почему не обсудить всё спокойно, прийти к решению, которое всех устроит? Разве обязательно конфликтовать? Разве нельзя всё решить по-человечески?..

Потом Веня скажет, что я был дипломатичен – ни нашим, ни вашим. Но я говорил искренне. И Сенчуков, и Веня с Ольгой Григорьевной нормальные люди, почему не найти общий язык? В конце концов забыть, что было раньше, начать с чистого листа. Зачем друг другу нервы мотать?..

Не дипломатичен я был, Веня. Наивен.

– И всё-таки, – не отступается Нахтигаль, – что вы думаете о положении в Литературной консультации?

Я повторяю сказанное.

– Это всё?

– Всё, – отвечаю я.

И воздерживаюсь, когда на голосование ставится предложение Ольги Григорьевны о смещении Сенчукова. Ничьей крови я не жажду.

В половине пятого, как обычно, чай. Надев щегольский белый плащ, ушёл смуглолицый, будто только что с моря, Нахтигаль, ушли пить кофе и Веня с

Ольгой Григорьевной и Геней. Меня они с собой не зовут, да я и вряд ли пошёл бы. Кто победит, мне ясно – в издательстве дали конфликту разрастись, а это показатель. Сенчукова, скорее всего, дожмут. Но перестать общаться с человеком потому, что побеждают другие, мне кажется недостойным. И я заглядываю в кабинет заведующего.

– Традиция остаётся в силе? Я о чае.

Сенчуков бледен, происходившее далось ему нелегко. Как бы не случилось приступа, думаю я, однажды я уже был тому свидетель.

– Да, – говорит Олег Всеволодович и старается взять себя в руки, севшим голосом цитирует Константина Симонова: – Ничто нас с тобой не может вышибить из седла...

– Такая уж поговорка у майора была, – подхватываю я.

Мне хочется расспросить об истории с Веней и Константином Симоновым, почему Веня не устроил того в качестве секретаря комиссии по грузинской литературе, но я понимаю – не время. Редакторы ушли в ЦДЛ, но Совушка-Аня на месте, и мы уходим тоже.

На улице моросит, особенно остро бьют в ноздри запахи мокрого асфальта, краски, которой покрашена железная калитка, желтеющих лип, бензиновых выхлопов. И гнилостный дух, исходящий неизвестно откуда. Про себя ухмыляюсь: если это метафора происходящего в Консультации, то слишком лобовая. Где-то существует реальный источник вони. Где?.. Быстро проскакиваем в ЦДЛ.

– Как у Марины дела? – завожу разговор о нейтральном, когда усаживаемся за чайный стол. После того, как мы отметили Марино поступление, она несколько раз звонила мне. Последнее время перестала. Быть может, созревшая влюбиться, нашла новый объект.

Олег Всеволодович принимает от дородной, под стать кукле в пышных юбках на декоративном самоваре хозяйки чайного стола полную чашку чая и коротко отвечает:

– Довольна.

– Мальчики с актерского факультета произвели впечатление?

– Наверно. – Сенчуков берёт из вазы кусок медовой пахлавы с орехами, но не доносит до рта, стремительно поворачивает ко мне раздражённое лицо, говорит то, о чём все его мысли: – Дело не во мне, дело в гонорарном фонде! На него Пахоменко хочет наложить лапу, поставить в Консультацию своего человека! А эти, – Сенчуков презрительно машет рукой в пространство, – всего лишь выполняют заказ!..

Я молчу. Пахоменко директор издательства, что он за человек, я не знаю. Но я знаю Валентина Леонтьевича, он не стал бы такими вещами заниматься. Осторожно замечаю:

– Может, стоит всё-таки помириться?

– Там один Чачия что-то из себя представляет, остальные гроша ломаного не стоят. Слышали этого убогого Попкова? Полное ничтожество!..

Мне хочется спросить, зачем он таких людей принимал на работу, но нельзя, соль на рану. Спрашиваю другое:

– Может, с Чачия и начать наводить мосты?

– Нет! – Олег Всеволодович бросает дикий взгляд – как мне могла прийти в

голову подобная мысль?! На лице ожесточение. – Яззу выжигают калёным железом!..

И опять я чувствую то же, что и в Воротниковском переулке, когда мальчишка нечаянно задел Сенчукова куском асфальта.

## 5

Оказывается, Литконсультация тоже ездит в колхоз. Вернее, издательство, а ЛК как её подразделение. Дело для меня не новое, приходилось, когда работал на Легмаше. И в институте наш курс как-то отправили на две недели в Волоколамский район. Мы жили в бараке, сбивали на поле резиновыми сапогами и сбрасывали в кучи торчащую из земли на добрые две трети кормовую свёклу нежного кремового цвета, а по вечерам жгли костёр, пили дешёвый «Солнцедар» и читали стихи. Воспоминания остались хорошие. Ещё, быть может, потому, что с погодой повезло – осень стояла сухая, дождей практически не было.

Сейчас с погодой тоже складывалось удачно. Середина октября, а день начинался светлый, жемчужный, сквозь туман пробивалось солнце. Ещё не было восьми, а я уже стоял у литых ворот «Советского писателя». Его здание, по виду доходный дом прошлого века, находилось недалеко от Литературной консультации. Понемногу собирались «колхозники». В мужской одежде превалировал стиль послевоенного восстановления народного хозяйства, женщины демонстрировали моды из журнала «Работница». Могли себе позволить, в колхоз здесь посылали всего на один день.

Из сотрудников Литконсультации я оказался первым. Никто из подходивших мне не был знаком, я чувствовал себя чужим и обрадовался, когда увидел Лёву Скакунова. Лёва тоже семинарист Кима Николаевича, но заочник – москвичей обычно на стационар не принимали. Похоже, и он был рад меня видеть, по крайней мере его одутловатое малоподвижное лицо несколько оживилось. Выяснилось, Лёва с весны работает в редакции прозы народов СССР, ему удалось перевестись из Радиокомитета, где он прежде служил.

– Старик, небо и земля! – не очень внятно проговорил Лёва толстыми губами. – Здесь тоже, конечно, свой ритм, его надо понять. Но теперь я утром просыпаюсь – а пошло оно всё!.. И заваливаюсь на другой бок до двенадцати.

Лёва был в видавшем виде плаще и пролетарской кепке, а мне пришлось надеть то же, в чём хожу в Литконсультацию, – рабочая одежда осталась на Смоленской. Можно было бы, конечно, съездить и забрать, но не хотелось. Ни к чему было всё, что произошло у нас с Аллой после поминок, только мучаю женщину, оставляю надежду. Ушёл я от неё часов в пять, к открытию метро, было ещё темно.

Когда подали ЛАЗы, мы с Лёвой забрались в первый. Заведующей редакцией русской прозы среди «колхозников» видно не было, наверно, эту пожилую косящую даму от колхоза освободили, но Ирину Фёдоровну, моего редактора, я заметил сразу. Издали поздоровался с ней. Она не очень уверенно кивнула. Миниатюрная симпатичная женщина, разве что голова крупновата для такого тела. Кажется, Ирина Фёдоровна не узнала меня. Я в редакцию давно не заходил, хотя нужно было бы доработать и занести рассказы, но когда ими заниматься? Рецен-

зирование, Черновцы, экзамены во ВГИК... Сейчас тоже времени особо не было, необходимо освоиться на новой работе.

По голубоватой утренней Москве автобусы выкатили на окружную дорогу. На скорости прошли мимо новостроек, многоэтажных жилых комплексов с ещё пустыми, без деревьев, дворами. Может, где-то здесь Алла будет жить. Она сказала, их дом расселяют, якобы капитальный ремонт, квартиры предлагают на выбор, но все на окраине. «Не хочешь переезжать?» – «А кто в тмутаракань хочет». – «Так всё равно Москва» – «Это для тебя». Несмотря на то, что мы были в постели, Алла вела себя отчужденно. Словно была недовольна собой за слабость в лифте, когда уткнулась мне лицом в грудь.

Из жемчужного день становился солнечным, но не очень ярким, октябрьским. Лёва сказал, нас везут под Серпухов, это часа три дороги, если не больше. Неожиданно для благополучного человека он заговорил о том, что литинститутовцам нужно держаться вместе. Я должен перейти в издательство – Консультация отстойник для неудачников. Тем более, что там, говорят, конфликт. Может, меня кто-то порекомендует Пахоменко? Сам Лёва как здесь оказался – да по рекомендации!

– Хорошо бы... – неопределённо протянул я.

Во-первых, я всё ещё был рад, что удалось устроиться на работу. Во-вторых, сомнительно, что директор издательства на это пойдёт. Веня, по обыкновению дружески улыбаясь, сообщил, что меня приняли в ЛК, когда Пахоменко был в отпуске. Если бы не это, то вряд ли, Сенчуков улучил момент, протолкнул через нейтрального главного редактора. В итоге, я директора ни разу не видел, он меня тоже, но я для него уже персона нон грата.

– Есть ещё способ, но это на любителя. Пахоменко сам пишет прозу, правда, слабенькую. Можно напечатать хорошую рецензию на его последнюю книгу. Знаю человека, который так попал в издательство.

Я промолчал. Действительно, на любителя.

Становилось жарко, женщины – их в автобусе большинство – снимали ветровки и куртки, развязывали яркие шейные платки, оставались в облегающих батниках и тонких свитерах. Ольга Григорьевна сидела впереди, что-то живо рассказывала соседке. Я успел заметить, она всех в «Совписе» знала, улыбалась налево и направо. Своя. Вени и Гены Попкова видно не было, наверно, в другом ЛАЗе.

– Видишь мужика с усами? На армянина похож. Это новый заведующий редакцией русской прозы... Я тебе говорю, удобный момент, Пахоменко набирает новую команду! Сейчас главное успеть.

– Подожди, а где прежняя заведующая? – Я был озадачен.

– Вроде как перевели в редакторы, она пенсионерка. Ладно, пока суть да дело, Лёва баиньки. Остаёшься за старшего. Меня не кантовать, при пожаре выносить первым.

Хохма была армейская.

– А я и не знал, что ты служил.

– А то! Долг Родине, святое дело.

Лёва закрыл глаза и вскоре засопел. Мне не дремалось, хотя встал рано. Я не знал, как относиться к Лёвиному сообщению о переменах в редакции. Прежняя

заведующая договора со мной не подписала, но по крайней мере и не отказала. Как-то будет сейчас? Новая метла... Господи, как хочется, чтобы вышла книга! Душу бы дьяволу продал. Это не какая-то публикация в журнале – книга!.. Солнце светило слева, ехали мы на юг. Автобус глотал километры, как гоголевкий Пацюк галушки. Жаль, не мной сказано.

Иногда я бываю слишком простодушным, практически дураком. Кто сказал, что все должны меня любить и относиться доброжелательно? Инфантилизм какой-то, до сих пор не могу избавиться. В тот день я в очередной раз получил щелчок по носу.

Это уже случилось на поле, куда нас, переваливаясь с боку на бок по грунтовке, доставили в конце концов автобусы. Здесь из края в край тянулись ряды сизых капустных кочанов. Их-то и предстояло убирать. Совписовцы вывалили из автобусов, шурились, осматривались по сторонам. Краснолицые местные тётки в телогрейках раздали длинные тяжёлые ножи, смахивающие на мачете. После обычной в таких случаях неразберихи каждому выделили по два ряда вилок. Воздух пах сочным капустным листом, влажной землёй, парфюмерией от женщин. Лопушистые верхние листья были полны росы. Если осторожно отогнуть такой лист, роса скатывалась вниз, переливалась в углублениях юркими каплями с серебряными донышками. Через минуту наши рукавицы были мокрыми, а минут через десять стали мокрыми и спины.

Всё-таки замечательно! Солнце, перистые разводы в высоком небе, пахнувший осенью воздух, гибкие паутинки с невидимыми паучками-путешественниками... Я всегда с удовольствием работаю физически. Лево́й рукой вилок к земле, удар мачете под корень, всей ладонью подхватить холодную весомую сферу и туда её, в кучу! Мышцы втягивались в ритм, с готовностью отзывались на сигналы мозга, радостно наполнились кровью. Великолепно!.. Под слоем городского жира проснулись мышцы наконец. Тоже чья-то строка. Вскоре я и ещё несколько совписовцев были далеко впереди остальных. В очередной раз выпрямившись, чтобы отдохнула поясница, я заметил, что и другие остановились, перешли на соседние ряды и двинулись навстречу отставшим женщинам. То же проделал и я – почему бы не помочь.

Конечно, я не ждал бурной благодарности, но то, как повела себя Ирина Фёдоровна, смутило. Оказывается, я шёл навстречу по её капустным рядам. Первое, что обратило на себя внимание, это внезапное молчание. Рядом с моим редактором двигались ещё какие-то женщины (я успел заметить, все в издательстве держались небольшими обособленными компаниями). Только что женщины переговаривались, однако стоило мне приблизиться, замолкли. Нехорошо как-то, словно опасались, что подслушаю. Этого знака мне было недостаточно. Со щенячьей непосредственностью я сказал:

– От нашего стола вашему столу!..

Имел в виду свою помощь. В ответ было такое молчаливое дистанцирование. На меня даже не посмотрели. Чёрт возьми, неужели Ирина Фёдоровна думает, что я заискиваю перед ней?! Я вернулся на свои ряды. На душе было поганно. Впредь дураку наука. В скобках замечу: если бы наука шла мне на пользу!..

Бесконечные капустные ряды всё-таки имели конец. Часа через два мы вышли к деревьям, за которыми, оказывается, была река. Потный, с прилип-

шими ко лбу волосами Лёва Скакунов, оставивший где-то свои плащ и кепку, сказал:

– Ока. В этих местах войска Дмитрия Ивановича Донского переправлялись, когда шли на Куликово поле. – И махнул мокрой рукавицей назад, в сторону недалёких холмов. – А там ставка была, великий князь Московский оттуда руководил переправой.

В семинаре у Лёвы была репутация славянофила. Он считал, что Петр Первый нарушил естественное развитие России, лучше бы этого государя в истории не было. Если упоминал кого-нибудь из известных людей прошлого, то непременно по имени-отчеству. Лёва интересовался русской историей, даже роман написал о временах Василия Тёмного. Усидчивый человек, мне бы не хватило терпения. Правда, напечатать роман Лёва не мог. По крайней мере, так было. Я спросил, что с романом сейчас.

– А всё то же. Пока. Пахоменко обещал помочь, когда принимал на работу. К своим в издательстве отношение особое, сам понимаешь. Они задумали целую серию молодой прозы. – Лёва кивнул на деревья: – Пошли побрызгаем, пока женщин нет.

Оказалось, мы вышли к реке не первыми. За деревьями на пологом травянистом берегу стояли Веня и Гена Попков, смотрели на противоположную сторону и жевали бутерброды. Веня оглянулся.

– Слабо переплыть в Тульскую область? – Непонятно было, шутит он или говорит всерьёз. Как-никак октябрь.

После профсоюзного собрания мы ещё не виделись, и я не знал, как Веня себя поведёт – я не поддержал его команду. Но Веня, похоже, об этом не думал.

– Ну что, ударники коммунистического труда, поплыли?

Я отозвался:

– Что горячему грузину хорошо, то хохлу смерть.

– Какой на хрен грузин... – бормотнул рядом Лёва.

Я удивлённо взглянул на него. Однако на берегу стали появляться другие совписовцы, среди них женщины, спрашивать я ничего не стал. Веня между тем принялся неторопливо раздеваться и складывать одежду на траву. Очки он передал вечно задумчивому Гене Попкову.

– Сумасшедший! – подала голос Ольга Григорьевна, тоже оказавшаяся на берегу. В её тоне было восхищение. – Веня, вода ледяная!..

Не отвечая, Чачия вошёл в реку, преувеличенно зябко поднял плечи, с улыбкой оглянулся на берег и бросился в воду. Плыл он красиво, кролем, доплыл до середины Оки, потом повернул обратно и вскоре вышел на берег. Его тело парило, салатного цвета плавки подчёркивали загар.

– Сильна, однако, Литературная консультация! – непонятым тоном произнёс усатый человек, похожий на кавказца.

Это на него Лёва показывал в автобусе. Собравшиеся вокруг нового заведующего редакцией русской прозы мужчины усмехнулись, они тоже ходили компанией. Восхищения в голосе Ольги Григорьевны поубавилось. Эта живая женщина с быстрыми глазами тонко чувствовала ситуацию.

Как оказалось, ничто человеческое совписовцам было не чуждо. Когда мы прогнали ещё по два ряда в обратную сторону, на кромке поля нас ждал расстеленный

брезент, а на нём хлеб, колбаса, помидоры, консервы и водка. Ответственным за поездку в колхоз был Нахтигаль, он, председатель профкома, обо всём и позаботился.

Мне опять бросилось в глаза, что рассаживались на брезенте группами. Это тебе, Юра, не Легмаш и не Останкинский молочный комбинат. Пролетарии умственного труда заметно отличались от пролетариев физического. Впрочем, не все совписовцы были редакторами. Оказавшаяся возле меня на брезенте девица втолковывала другой, чтобы та ничего и никогда не просила у какой-то Светки, потому что Светка найдёт сто причин, чтобы не дать даже бумажки на подтирку. Девицы, похоже, были то ли машинистками, то ли корректорами. В общем, свои отношения.

Дорога обратно показалась короткой, выпитое на поле скрадывало время. И разобщённости в автобусе почти не чувствовалось. Новый заведующий редакцией русской прозы пел песни кубанских казаков, ему подпевали. Звали заведующего непривычно – Сакко. Миниатюрная Ирина Фёдоровна танцевала в проходе узбекский танец, играла глазами, кокетливо поводила крупной для своего тела головой – до замужества она жила в Узбекистане. Лёва, всхрапывая, всю дорогу спал, водки он выпил изрядно.

## 6

Эту главку можно назвать так: рецензенты и рецензируемые. Объединяло тех и других не только то, что ЛК была местом, где они пересекались. Это очевидно, на поверхности. Литература испортила жизнь как тем, так и этим. Звучит парадоксально, но и рецензенты, и рецензируемые одинаково были её жертвами. По крайней мере, большинство.

Я уже говорил, дело в ЛК было поставлено грамотно. Утверждаю как человек, побывавший в шкуре одних и других. Очередной диалектический выверт: самодеятельным литераторам СССР повезло, что Олега Всеволодовича на войне контузило, хотя сам он удачей контузию вряд ли считал. Но если бы не она, Сенчуков продолжал бы работать в Правлении, а ЛК оставалась бы заурядной кормушкой для бойких московских литераторов.

Сенчуков твёрдой рукой проводил селекцию, отбирая из жаждущих подрабатывать тех, кого считал достойным. «Чистым воздухом дыши / Без особенных претензий. / Если глуп, то не пиши, / А тем более рецензий», – цитировал он, холодно проводив очередного соискателя. В раздражении хлопал сухой ладонью по неудачной рецензии. – Взгляд и нечто! Общие слова!.. Ты проанализируй произведение, покажи автору, что удалось, а что нет! И конкретно, с примерами, чтобы человек понял. А то сплошная вода и пустословие!..» Говорилось это в моём присутствии. Отчасти потому, что я оставался любимым учеником и доверенным лицом, отчасти в воспитательных целях.

Призывался я в кабинет заведующего и тогда, когда Олегу Всеволодовичу какая-нибудь из рецензий особенно нравилась. «Бенедикт, нет слов, вы посмотрите!.. – восклицал он, протягивая рецензию критика, с которым познакомил меня во время первого памятного обеда в ЦДЛ. – Это, я понимаю, анализ, это глубина! Великолепный рецензент, такие на вес золота!..» Так же он относился к переводчику с английского, любителю хаша с пивом, ещё к нескольким рецензентам. Это была гвардия ЛК. Были и другие, не столь блестящие, но крепкие

профессионалы. Сенчуков не считал главным, состоит рецензент членом Союза писателей или нет, на чём были помешаны издательства и редакции толстых журналов. Большинство присылаемых в Литконсультацию рукописей требовали от рецензента не столько таланта, сколько литературной подготовки и доброжелательности. «Педагогический дар даётся не каждому, – любил повторять Олег Всеволодович, – а в ЛК нужен прежде всего он».

Среди тех, кто звёзд с неба не хватал, но обладал умением растолковать очевидные вещи, встречались разные люди. Пропившийся до того, что донашивал дембельскую форму бывший матрос Черноморского флота, так и не пробившийся в литературу стихотворец. Многодетный отец семейства, который выпустил книжку с предисловием Чуковского в пятнадцать лет, первую и последнюю. Выданный классиком аванс отвратил его от любой другой работы, кроме литературной – в данном случае, рецензентской, заставлявшей семью нищенствовать. В ЛК можно было встретить неустроенных выпускников Литинститута вроде Славы-Викинга и черноглазого Валеры, его соратника. Попадались и другие люди, сделавшие ставку на литературу, но ничего не сумевшие в ней добиться.

Это драма: понимать, как надо – и не уметь сделать. Или даже трагедия.

Требовательность Сенчукова, естественно, не всем нравилась. Времена на дворе стояли другие, не жёсткие сороковые-пятидесятые и даже не шестидесятые с их послаблениями. Уже и к серьёзным вещам отношение было снисходительно ироничное, и не только среди пишущего люда – в стране вообще. А тут рукописи каких-то самодеятельных авторов, в большинстве своем графоманов, с какой стати напрягаться? Чего этот Сенчуков добивается?.. Мастодонт, сталинист заскорузлый! Такие только и остались в забытых богом конторах вроде Литературной консультации. В нормальных руководят другие люди, современные.

С безнадёжными авторами Сенчуков тоже не церемонился. «Я не могу тратить государственные деньги на бесперспективных людей!». И прекращал отношения. А если автор оказывался настырным, возвращал рукопись не читая с ледяным ответом в одну-две фразы. Это была его черта – решительность, порой, беспощадность. Черта времени, к которому он принадлежал. Когда дала себя знать контузия, у первой жены вырвалось: «Теперь мне нянчиться с тобой всю жизнь?..» Они сошлись, когда Сенчуков учился в Литинституте, у них уже был ребёнок. Олег Всеволодович этих слов жене не простил, развёлся. К себе тоже относился без снисхождения. «Ни одна женщина до Валентины Евгеньевны не переступила порог моей квартиры!», – сказал он как-то, с достоинством выпрямляясь и по обыкновению закладывая руку за борт подросткового пиджака.

Не ждал Сенчуков снисхождения к себе и от других. Приступ мог настичь его на улице, он отключался от мира, но продолжал идти, в том числе на красный свет, и чудо, что его не сбили машины. Случалось, Олега Всеволодовича прихватывало за обеденным столом. С остановившимися глазами он принимался присасывать воздух уголком рта, на какое-то время терял сознание. Потом, обессиленный, минут десять сидел неподвижно. Зрелище было не из приятных, мне стоило усилий, чтобы не подняться и не уйти. «Проклятые Синявинские болота, – сказал как-то Олег Всеволодович, не жалуясь, а констатируя факт. – Это под Ленинградом, там меня угораздило».

Кроме любимых рецензентов у него имелись любимые авторы, некоторые из

них становились приятелями. Мне запомнился прибалт из перековавшихся «лесных братьев». Сенчуков помог ему доработать рукопись, потом издать книгу. Попасть в число любимых авторов было непросто. Мнение одного рецензента Олег Всеволодович перепроверял мнением другого, читал рукопись сам, в завершение давал прочесть Бенедикту. Веня за глаза называл Бенедикта убийцей (слово «киллер» в обиходе ещё не появилось), тот отличался чрезвычайной требовательностью. Не уверен, что корректно было рассматривать рукопись неизвестного автора с точки зрения привнесения в литературу нового – этак можно забодать едва ли не любого профессионального писателя. Но если уж Бенедикт давал добро, Сенчуков начинал действовать. Составлялось сопроводительное письмо за подписью кого-нибудь из секретарей Правления, и рукопись направлялась в журнал или издательство. Гарантии, что напечатают, не было – у издательств и журналов свои амбиции, – но стенд с публикациями в коридоре перед кабинетом заведующего понемногу всё же пополнялся. Это был зримый итог работы ЛК.

Однажды я застал Сенчукова явно раздосадованным. Для человека, постоянно держащего себя в руках, это было странно. Новое выяснение отношений?.. Когда я проходил через приёмную, Веня, Ольга Григорьевна и Совушка-Аня что-то оживлённо обсуждали. Моё предположение, должно быть, отразилось на лице. Олег Всеволодович усмехнулся:

– Не совсем то, что вы подумали. Хотя корни, скорее всего, оттуда... – И вдруг заговорил быстро, с досадой: – Представляете, наорал на меня! Меня никто не заставляет помогать ему, не печатают – твои проблемы!.. Дескать, специально задерживаю роман, даю разным людям читать, чуть ли не в плагиате обвиняет. Вот ещё новости! Помните автора из Воронежа, о Гоголе написал?..

Этого человека я хорошо запомнил, он как-то заходил в Литературную консультацию. Автор по фамилии Черноус был очередным фаворитом Олега Всеволодовича. Казалось бы, мне уже следовало усвоить: внешность человека и его возможности – вещи разные. Ким Николаевич, например, со своей бритой головой и складками на затылке больше походил на одесского биндюжника, чем на писателя. Однако я поразился, когда в кабинете Сенчукова увидел низкорослого человечка с невыразительным лицом слесаря третьего разряда. Не верилось, что это он написал роман, который Олег Всеволодович дал прочесть и мне. «Знакомьтесь! – заведующий ЛК сиял, будто представлял мне любимого сына. – Думаю, у Валерия Сергеевича очень неплохое литературное будущее. Он – талант».

Услышать от Сенчукова подобное что-нибудь да значило. Обычно слов «талант», «талантливый» он не употреблял, а в рецензиях «рассказ», «повесть», «поэма» требовал заменить на нейтральное «рукопись». Объяснял так: мы не можем давать авторам необоснованные авансы, констатация же жанра по сути признание того, что перед нами художественное произведение. Реноме Литературной консультации, так сказать. Об особом отношении Сенчукова к автору романа о Гоголе свидетельствовало и то, что Черноус в тот раз был приглашён пить чай в ЦДЛ. Этого редко кто из посторонних удостоивался.

За столом пошёл разговор о Васильевке, об отношениях с Пушкиным и Аксаковыми, о неудачном адъюнкт-профессорстве в Санкт-Петербургском университете, о Марии Ивановне, которая намного пережила сына и которую часто принимали за его старшую сестру. Чтобы соответствовать, я напрягался, вспоминал

литинститутский спецкурс по Гоголю, а Сенчуков недавно прочёл книгу Золотусского в молодогвардейской серии «ЖЗЛ».

Воронежец больше молчал, присматривался к нам, а если уж говорил, то непривычные вещи. Например, что статья мировым классиком Гоголю помешал «Тарас Бульба» – нельзя было трогать евреев, Янкеля ему не простили. Сенчуков весело взглянул на него: «Вообще-то все люди евреи, только не все ещё в этом признались». Черноус шутки не принял, заговорил о том, что евреи в обществе нужны, но в ограниченном количестве. Они как дрожжи в тесте, заставляют бродить, но когда дрожжей много, тесто киснет. «Ну, это вы... Образно, конечно, но...» Воронеж не уступал. Евреи занимают определённую нишу, связанную, как правило, с деньгами, и не пускают туда гоев. А деньги это власть, влияние. Сплочённость евреев – угроза. Вспомнить хотя бы историю Европы, неслучайно евреев в своё время изгнали из Испании, ещё раньше из Англии. И черта оседлости не дурь престарелой Екатерины Второй, а желание сохранить Россию, не дать повторить судьбу Хазарского каганата.

Полный джентльменский набор. Мы с Сенчуковым переглядывались. Что до меня, выросшего в Черновцах, то люди делятся на две категории: хорошие и не очень. Это не зависит от национальности. Антисемитами, по моим наблюдениям, чаще всего становятся неудачники. Можно подумать, среди наших мало подлых или хитрожопых. Просто в чужом народе негатив виднее.

– А я ломал голову, почему такой способный человек не может напечататься!.. – Олег Всеволодович досадливо хлопнул себя по лбу. – Ведь в Воронеже издательство есть и свой журнал выходит. С таким характером – конечно!..

– Он что, забрал роман?

– Представьте себе. Я уже подготовил сопроводительное письмо, собирался нести в Правление на подпись. – Сенчуков мотнул головой в сторону приёмной: – Любопытно, что они наплели? Так резко перемениться... – И Олег Всеволодович неожиданно засмеялся: – Антисемит, и вдруг... Вы знаете, какая у Чачии настоящая фамилия? Он Чачия по матери.

Сенчуков был уверен, что без Вени и его команды в истории с Черноусом не обошлось. Паранойя на почве конфликта?..

Вскоре произошло ещё одно событие, показавшее, насколько положение Олега Всеволодовича безнадежно.

Как-то в моей редакторской комнатке появился Слава-Викинг. Не дожидаясь приглашения, сел напротив и закурил. Курить в ЛК не было принято, но Викинг, не обращая внимания на мой неодобрительный взгляд, отрывисто спросил:

– Сенчуков где?

– У него непростительный день, разве тебе Аня не сказала?

Викинг не ответил, достал из кармана чёрную коробку диктофона и нажал на клавишу. Среди шорохов стали слышны слабые голоса, я с интересом прислушался – портативные диктофоны в ту пору были ещё в диковинку. Два человека говорили о каких-то пятидесяти рублях, один голос напористо допытывался, второй что-то вяловато отвечал, оправдывался.

– По телефону записывал, хреновое качество. – Викинг смотрел на меня прямым твёрдым взглядом. – Гена ваш попросил у меня займы. Я дал. Теперь не от-

дает, говорит, рассчитался рукописями. Использование служебного положения в корыстных целях, подсудное дело.

Я был озадачен. У борца с журналами и издательствами свои методы, но если правда то, что Викинг говорил о Гене Попцове, это ещё гаже.

– Что скажешь?

Я пожал плечами. Викинг, пренебрежительно глядя на меня, поднялся.

– Ты, как целка. В оранжерею вырос? Испачкаться боишься?.. Ладно, с Сенчуковым буду разговаривать.

Случай для Литературной консультации беспрецедентный. Олег Всеволодович возмутился, потребовал у Гены Попкова объяснительную. На того было жалко смотреть. Жизнь в ЛК в отсутствие Сенчукова закипела с новой силой. Вени, Ольга Григорьевна и Гена ещё чаще стали ходить в издательство, обзванивали каких-то людей, договаривались о встрече. В итоге Попков написал объяснительную, в которой всё отрицал. Заявление Викинга назвал сговором с заведующим Литературной консультации, цель – сведение счётов за критику. А магнитофонную запись можно и сфальсифицировать, не случайно суды не рассматривают их в качестве улики.

– Надо отдать им должное, своих не сдают, – спокойно констатировал Олег Всеволодович.

В последнее время он всё чаще впадал в философский тон. Мы как раз вышли из ЛК, было начало седьмого, конец рабочего дня. Олег Всеволодович поднял воротник пальто. Уже стемнело, холодный ветер гнал вдоль Воровского последние листья с облетевших лип. Через дорогу тускло светился вход в Театр киноактёра. Было по-осеннему бесприютно, когда особенно хочется на свет, к людям.

– Не сдают, иначе просто не выжили бы.

Я посмотрел на Сенчукова. Кто – не сдаёт? Если евреи, то странно подобное слышать от Сенчукова, это во-первых. А во-вторых, какой Гена Попков еврей? С таким же успехом евреем можно назвать меня.

– Всё блокировали, всё перекрыли. В издательстве не дают даже объявить выговор. Попкова следовало бы уволить к чёртовой матери по статье, с волчьим билетом!.. – Мы остановились у перехода через Садовое кольцо. Олег Всеволодович повернул ко мне аскетическое, с проступающим черепом лицо. – Знаете, мне удалось добиться приема в Комиссии партийного контроля ЦК. Представил им всю картину, камня на камне не оставил от обвинений в свой адрес. В конце концов надо призвать этого Пахоменко к порядку, зарвался!.. Я был в ударе. У меня всё получалось, ситуацию нельзя было представить убедительней.

Загорелся зелёный свет, мы двинулись – следовало успеть, иначе можно застрять на разделительной полосе посередине Садового кольца. Мне однажды довелось, удовольствие ниже среднего, машины проносятся впритирку, чувствуешь себя, как тореро на арене. На другой стороне Садового кольца Олег Всеволодович заговорил задыхающимся голосом:

– И что, думаете, мне сказали? Времена, когда перед Комиссией партийного контроля стояли навтыяжку и член ЦК, и рядовой коммунист, прошли. Вот так, не больше не меньше!.. – Сенчуков помолчал. – А люди, в общем-то, внимательные, доброжелательные. Конкретно к ним у меня претензий нет.

Какое-то время мы идём через полуосвещённый низкорослый сквер с голыми

деревьями, впереди громада сталинской высотки с гастрономом, занимающим весь первый этаж. Мне нужно на Краснопресненскую, чтобы добраться по кольцу до Новослободской, а там на поверхность и на троллейбус. Сенчукову чуть ближе, на Баррикадную. На прощание он говорит, снимая перчатку и пожимая мне руку:

– А вообще-то, чем крепче нервы, тем ближе цель... Надо было жить и выполнять свои обязанности. – И быстро переходит спуск, направляясь к приземистой Баррикадной.

Фраза из «Разгрома» Фадеева. Несколько секунд я смотрю Олегу Всеволодовичу вслед. Зимнее пальто с барашковым воротником, серая кроличья шапка, осанка затянутого в корсет офицера эпохи Николая Первого.

## 7

Кто бы мог подумать, что Маша без водки будет стесняться. Не выпив, даже раздеваться не начинала. Перед каждым нашим походом в ванное отделение на Дмитровском шоссе я покупал чекушку («Больше не надо», – наказывала Маша) и что-нибудь закусить. В баню она ещё заходила нормально, была спокойной, со стороны не скажешь, что мы не муж и жена. Но когда в кабинке за нами щёлкал замок, Маша замолкала, её движения становились деревянными, скованными. Я посмеивался: «Из тебя полюбовница, как из моего члена молоток». Маша улыбалась понятной шутке, но расслабиться не могла, пока не выпивала.

Я разворачивал свёрток с нарезанной в магазине колбасой, Маша закусьвала, с облегчением произносила: «Фу, ты!.. Так кондрашка когда-нибудь хватит, вот весело будет». Я осторожно прикасался к ней, не уверенный, что пора: «Всё нормально, не бойсь». – «А ты чего не пьёшь? – Маша требовательно смотрела на меня. – Я буду пьяная, а ты трезвый? Так не пойдёт». – «От ста граммов, что ли, пьяная?». Вообще-то я предпочитаю общаться с женщиной трезвым, так острее. Но приходилось выпивать тоже.

Изысков хозяйка не признавала. «Давай по-нормальному, по-простому, – останавливала она, когда я принимался её мыть, скользя мыльными руками по разным местам и задерживаясь там. – Блин, как неудобно, толком не ляжешь!.. Одно хорошо, сразу подмыться можно». Я до сих пор не знаю, чего между нами было больше, секса или простого желания почувствовать тело другого человека, погладить, поцеловать. По крайней мере, с моей стороны. Тот первый раз, когда от сытой жизни в Черновцах у меня сводило челюсти, не в счёт. Женщины говорят, я нежный.

О семейной жизни у Маши тоже было собственное представление. Как-то я спросил, почему она не разведётся с Генкой, раз он с ней не спит – ей-то надо. «Ты чего! – удивилась хозяйка. – Мы из одной деревни, позора будет, родни полно! А так у нас семья, Димка растёт... – Она замолчала, какое-то время смотрела на меня озадаченными глазами. – Думаешь, у других всё гладко? Ага, держи карман шире! Не одно, так другое, в гости съездишь, понаслушаешься. И ничего, всю жизнь живут, не разводятся». Я замолчал. Действительно, не моё дело, с какой стати лезу. Моралист. На себя посмотри.

– Что-то ты сегодня... – сказала Маша, протянув под водой руку и нащупав

моего малыша. Водка и на этот раз сняла напряжение, сделала хозяйку раскованной. – Чего это он сегодня такой скромный?..

Мы сидели в большой ванне лицом друг к другу, отдыхали после первого раза. Я и в самом деле был не в ударе. Вяло поглаживал Машины ноги, они у неё полные, с крепкими икрами. Из воды поднималась Машина грудь с крупными, похожими на ягоды, сосками шоколадного цвета. Зрелое женское тело. И совсем не имеет значения, что я вроде как писатель, а она оператор на линии по разливу молока. Секс – самая демократичная в мире штука. Вплоть до скотоложества.

– Не гони лошадей, время ещё есть, – сказал я.

Мы имели право занимать кабинку полтора часа.

– Знаю, что есть. Зря терять не хочется.

– Ну так прояви инициативу.

– А что, думаешь, побоюсь?

– Ничего не думаю, – зачем-то стал подначивать я, хотя настроение было не то.

– Всё от тебя зависит. Слабо?

Маша помолчала, решаясь.

– Встань.

– Элементарно, Ватсон.

– Девки на работе рассказывали... Я рыжая, что ли, не могу попробовать?.. Ближе ко мне встань. Ага, вот так.

Как вскоре выяснилось, провоцировал даму я напрасно. Мой малыш игнорировал все Машины усилия. Она отстранила лицо, удивлённо взглянула снизу:

– А девки говорят, мёртвому поднять можно... Или ты не в настроении? Слушалось что?

– Да как сказать...

Маша угадала, случилось. Вчера позвонила Наташа, свидетельница. «Ты что собираешься делать?» – прокурорским тоном спросила она. «В смысле?» – Я пытался сообразить, откуда у Наташи мой телефон, я не давал, с какой стати. «Он ещё спрашивает! Ты знаешь, что Алла беременна?» Я на секунду растерялся. Хотя, собственно говоря, какое мне до этого дело? Мы фактически в разводе, Алла свободная женщина. «Откуда я могу знать? Я её после поминок не видел». – «Ты ещё скажи, не ночевал у неё. Какие вы всё-таки сволочи, мужики! Нагадил и в кусты». Я разозлился: «Заткнись! Какого хрена лезешь не в своё дело!». – «Как это не в своё? – бурно возмутилась свидетельница. – Да мы с Аллой с первого класса дружим, она мне роднее сестры!..» В трубке было слышно, как Наташа зло дышит. «Тебе что, Алла сама сказала?» – «Нет, я придумала!.. В общем, так. Если ты порядочный человек, ты обязан взяться за ум. У ребёнка должен быть отец».

Я едва дождался вечера, чтобы позвонить Алле. Всё оказалось так, как говорила Наташа. Я спросил, что жена собирается делать. «Буду рожать. Для себя рожу», – коротко ответила она. «Я не смогу помочь. Я теперь работаю, но надо на что-то жить, платить за комнату...» Я чувствовал себя негодяем. Предложить сделать аборт не поворачивался язык. «А я на тебя не рассчитываю, – довольно высокомерно сказала жена. – Уж как-нибудь сама справлюсь... Кстати, насчёт платы за комнату. Я тебя из квартиры не гнала».

Что меня заставило в тот вечер поехать на Смоленскую, не знаю. Захоте-

лось посмотреть на Аллу, будто это могло что-то изменить. Выглядела она по-прежнему, никакого намёка на беременность, что и понятно – рано. Молча поставила на конфорку чайник, наполнила вазочку песочным печеньем, положила рядом с чашками бабушкины серебряные ложечки. Через час я ушёл, так и не решившись спросить, почему Алла считает, что забеременела от меня.

А Маша спросила, когда я всё ей рассказал.

– Почему думаешь, что это ты виноват?

Я пожал плечами.

– Ну даёшь! Надо было выяснить.

– Боялся обидеть.

Хозяйка помолчала.

– И то верно, так она тебе скажет. Вы не разведены? Ну вот, любой суд тебя отцом признает, от кого бы ребёнок ни был.

Зря всё-таки я считал, что Маша относится к Алле хорошо. В голосе, каким хозяйка произнесла эти слова, доброты было маловато.

– Думаешь? – Я рассеянно гонял рукой пену по ванне и размышлял о сложностях женского характера. Я-то Машу к Генке не ревновал.

– Сто процентов! В любой юридической консультации тебе скажут. В общем, влип.

– Это ещё как сказать.

– И говорить нечего! – Маша резко поднялась, вода тяжело плеснулась через край ванны. – Знаю я таких, как ты... Одеваемся, что ли?

– Куда торопиться, время ещё есть.

– Ты мне всё настроение испортил.

– Тебе-то чего переживать? Проблемы у меня.

Маша принялась молча вытираться простыней, которую я брал у прострашницы.

– Лаврушку захватила? – спросил я. Перед тем, как вернуться домой, мы жевали лавровый лист, чтобы отбить запах водки. Конспирироваться так конспирироваться.

Маша не ответила. Мне было неприятно её молчание. Я позвал:

– Ма-а-шь...

Хозяйка быстро одевалась. Наконец в сердцах сказала, не глядя в мою сторону:

– Только полюбишь человека, привяжешься – и на тебе!..

– Да не дёргайся ты. Всё будет нормально.

– Нормально... – Маша, закинув руку за спину, принялась застёгивать бюстгальтер. Обычно она просила это сделать меня. – Когда думаешь к ней переехать?

Я опешил.

– С чего взяла? Никуда я не перееду. Аллина беременность к нам с тобой отношения не имеет.

– Ладно лапшу вешать. Знаю я таких. Совестливые очень, – бросила Маша.

– Где нормальный мужик плюнул бы и забыл, вы... Откуда знаешь, что залетела от тебя? И почему надо оставлять? Пусть аборт делает. Не она первая, не она последняя.

На этот раз Маша ушла, не дожидаясь, когда я оденусь. И дома несколько дней не разговаривала со мной.

Интересно, почему все провидицы – женщины? Начиная с Древней Греции. А может, и раньше.

## 8

С возрастом я всё чаще думаю о Киме Николаевиче. И с каждым годом понимание его судьбы становится доброжелательней и печальней. Отношение ученика к учителю всегда непростое, многим замутнено. Мы не забываем даже проскользнувшей снисходительности, хотя основания для неё были, ещё какие. К тому же долгое время я считал Кима конъюнктурщиком. Запомнились его слова на одном из семинаров: «Старики, вы не читаете «Правду»?.. Утро советского писателя должно начинаться с передовицы. Как можно садиться за машинку, не зная погоды на завтра? Погибнете!». Ким попыхивал трубкой, смягчал слова усмешкой, но, похоже, говорил всерьёз. Партийная организация и партийная литература. Желание непременно быть на коне.

Мне казалось, он трусоват в своих повестях, максимум, на что осмеливался, это сетовать, что и за сто первым километром живут люди, зачем туда отправлять из городов тунеядцев и проституток. Было в шестидесятых-семидесятых такое поветрие, отправляли. Не нравилось мне и то, что он считал предназначением русского человека. В одной из своих дальневосточных повестей подробно описывал ход горбуши на нерест, вкладывая в описание особый смысл. Идёт вверх по реке сплошной поток охваченных инстинктом рыб для достижения неведомой цели. Браконьеры перегораживают реку сетями, медведи десятками забираются в воду и выхватывают трепещущие от боли рыбины – они всё равно идут, ничто их не способно остановить. Потому что есть нечто важнее и выше инстинкта самосохранения. Предназначение. Миссия. Этаким символом безропотного и кроткого народа-богоносца, власти на радость.

Сейчас понимаю, не всё я тогда мог осмыслить в Кимовых произведениях. Они глубже, серьёзней, амбиций у меня было много, а расшифровывать скрытый в тексте смысл ещё толком не научился. Это по юной дурости я заявил папе, что обязательно напишу о том, что происходит вокруг, и напечатаю. Я тогда только начинал осознавать дистанцию между лозунгами и делами власти, это осознание несоответствия было пронзительным. Мы сидели в сквере у Черновицкого обкома, папа дожидался времени приёма – семье никак не давали квартиры, мы по-прежнему теснились в комнате общежития. «Кто тебе разрешит», – папа с усталой снисходительностью взглянул на меня. «А я спрашивать не буду! Напишу и напечатаю, пусть знают!» Мне тогда было лет шестнадцать, ещё учился в школе.

В Литинституте, когда стал носить свои опусы по редакциям, понял: написать можно, напечатать – нет. С обычными-то вещами пробиться тяжело, а уж чтобы с диссидентскими... Ким умел. Не диссидентствовал, конечно, но власть покусывал, этакая фронда в разумных пределах. Отчасти искренняя, отчасти для положения в писательском мире, думается мне теперь. Времена безоглядной преданности строю были позади, она стала дурным тоном. Как бы там ни было,

но когда я на собственной шкуре почувствовал, насколько тяжело напечататься, стал относиться к Киму с *большим* уважением. Он не просто печатался, он своими вещами умел ещё что-то сказать. В литературе это немало.

У него был собственный взгляд на предназначение таланта. Талант – средство. Ким не говорил об этом прямо, но понять было можно. Однажды рассказал историю, услышанную от болгарского переводчика его повестей. У одного паренька обнаружился дар метко стрелять. Со ста метров попадал в коробок спичек. Случись это где-нибудь в Сибири, назначение дара было бы понятно, охота. А тут степная Болгария, многие поколения землепашцев, не видевшие ружья, к пареньку оно попало случайно. Что с даром делать – неясно. Пока были патроны, паренёк срезал пулями верхушки деревьев, доставал высокого коршуна в небе, укорачивал и без того короткие хвосты сусликам. В общем, резвился. Однажды с гор спустились партизаны, события происходили во время войны. Их командир объяснил пареньку, для чего тому дан дар, и забрал в отряд. Паренёк стал лучшим стрелком, уничтожил много врагов. О нём узнал Димитров и взял в личную охрану. Со временем паренёк стал офицером, а затем и генералом болгарской армии. Сделал на даре карьеру.

Той осенью Кима опять прокатили с Госпремией. Не получилось и с редакторством в толстом журнале – в ЦК предпочли другого человека. Казалось бы, двадцать девятый год, а я всё ещё был глуп. Не то чтобы злорадствовал, но нечто подобное присутствовало. Как раз Толя Довгошея попросил помочь с переездом, я обещал, заодно собирался узнать подробности о Киме – интерес челяди к обстоятельствам жизни барина. В холодный ноябрьский день приехал к расселённому дому. Сухой асфальт улиц был выморожено светел, стыл на ветру глухой забор, в воздухе пахло снегом. Довгошея выглядел озабоченным.

– Ты на когда машину заказал?

– Сейчас подойдёт, – сказал Толя, прикрывая за мной дверь. Говорил он приглушённо. – Проходи, Лёва уже здесь.

– Скакунов?

– Да. Я его тоже попросил.

На кухне, не снимая куртки, сидел Лёва и листал журнал с недавно напечатанной Толиной повестью. После поездки в колхоз мы с ним ещё не виделись. Лёва отпуская бороду, неаккуратная стелящаяся щетина покрывала одутловатые щёки. Мы поздоровались.

– Писателю-почвеннику полагается ходить в бороде и усах. Оно солидной, – подколот я.

Лёва хмыкнул, но ничего не ответил. Я посмотрел на Толю. Тот, не двигаясь, стоял в дверях. Что-то было не так.

– Ребята, что случилось?

– Ким спит в комнате.

Я не придумал ничего умнее, чем спросить:

– Тоже приехал помочь?

Толя помолчал.

– Как бы не пришлось переезд откладывать. Не гнать же... Ладно, вы сидите, я пойду машину встречу, а то не найдут.

Уйти Толя не успел. В дверях кухни появился Ким Николаевич. Вид у него

был дикий. Лицо оплывшее, цвета сырого теста, узкие чалдонские глаза превратились в щёлочки, нижняя челюсть быстро двигалась, будто Ким всё время мелко, по-заячьи жевал. Он неузнающе уставился на нас с Лёвой:

– Это кто?

– Твои семинаристы, Лёва Скакунов и Юра Руснак. – Толя взял Кима за талию, попробовал увести. – Поспи ещё.

– Какого хрена они здесь делают?

– Надо. Пошли, Ким.

– Никуда не пойду! Не трогай меня!..

– Белка, – сказал под нос Лёва. – Классическая.

Мне было неудобно видеть Кима Николаевича таким – всё-таки учитель. Довгошея идти встречать машину теперь не мог, это ясно, дай бог справиться с Кимом. Я сказал, что пойду сам. Толя кивнул. О дружбе Кима со змием я кое-что слышал, кафедра творчества, не объясняя причины, случалось, отменяла семинары, но в таком состоянии я видел шефа впервые.

– У Кима проблем выше крыши, – сказал Лёва, минут через пятнадцать появляясь у лаза в заборе, возле которого я дожидался машину.

Стоять было холодно, я начинал мерзнуть.

– Ты тоже сбежал?

– Тебя подменить пришёл.

– Да ладно... – Возвращаться к невменяемому Киму не хотелось. – Ты премию имеешь в виду?

– Если бы только. Толя говорит, Ким от жены ушёл.

Я представил гранд даму с подсинёнными волосами, словно сошедшую с картин Левицкого, её сексапильный голос, поворот головы, преисполненный достоинства.

– С чего вдруг?

– А чёрт его знает, Толя темнит... Ким уже несколько дней пьёт, жить ему негде. Первая жена обратно не принимает.

Ситуация – не позавидуешь. От холода я начинал лязгать зубами.

– Что с машиной будем делать? Отбой?

– Толя говорит, надо хоть что-то перевезти. Коммунальная квартира, комнату могут занять... Ладно, иди, я встречу.

Ким сидел на кухне и пил водку. Запрокидывая стакан, покосился заплывшим глазом на меня. Водка текла по подбородку, усы у Кима были неопрятно мокрые.

– Не пришла ещё? – спросил Толя о машине. А Киму сказал, двигая по столешнице блюдечко с неровно нарезанным сыром: – Ты закусывай, закусывай!

Ким закусывать не хотел. Поставив стакан, принялся обеими руками тереть опухшее лицо, голову, давно не бритую, с явственно проступающей между порослью на висках обширной лысиной. Спокойно, горько сказал:

– Какой тонкий у человека череп. Как близко смерть... А я ни хрена не успел... – Опершись на стол разъезжающими локтями, опустил голову. Ким выглядел присмирившим, почти трезвым. Нижняя челюсть перестала по-заячьи дёргаться. – Я ведь талантливый, это сучья власть в проститутку... Я могу так написать... Лучше Шолохова, мне дано. А что пишу?..

– Ким, закусывай. Два дня ничего не ешь.

– Тупые чабаны, хитрожопый директор леспромхоза, менты какие-то, секретарь парткома, честь и совесть нашей эпохи, мать его!.. – перечислял шеф, не поднимая головы. – Кому, на кой? Я же могу, правда, могу... Деньги – херня. Пыль, мусор!..

– Ты в историю литературы вошёл, – сказал Довгошея. – Не у каждого получается.

– Петитом, Толя, петитом!.. Как мышь вдоль плинтуса всю жизнь... С фигой в кармане... День на два разбиваю, как несушка на птицефабрике. Чтоб по два яйца...

Об этом я слышал. Ким Николаевич садился за машинку в шесть утра, до двенадцати работал, потом несколько часов спал, затем опять допоздна за машинкой. В общем, на износ. Вдруг он поднял голову, посмотрел в мою сторону. Что-то ему во мне не понравилось.

– А ты чего здесь стоишь? Чего хочешь? Ким Николаевич, Ким Николаевич, – передразнил он гаденьким подхалимским голоском. – Один смылся, другой нарисовался... Чего вы всё ходите, чего вам надо? Книжонку свою убогую тиснуть? В журнале засветиться?... Говно пишете, копейки всю жизнь сшибать будете, бабы ваши несчастные. Пшёл отсюда!..

Толя сказал:

– Ким, кончай.

– Хули кончать! – Ким поднялся из-за стола и двинулся ко мне. – Пусть у Луцкого учатся! Тот хоть знает, чего хочет!..

Я не успел ничего сделать, Толя подскочил сзади, обхватил Кима и, прижав его руки к туловищу, потащил в комнату. Толя крепкий, несмотря на свою неуклюжесть. Носить по тайге рюкзаки с образцами не каждый сможет. Ким рычал, пробовал высвободиться:

– Графоманы! На цырлах всю жизнь будете прыгать, жопы лизать... Толька, пусти! Пусти, морда!.. Луцкий – да, Луцкий в госкомиздат устроился, знает, чего надо. Сам за нитки будет дёргать. Хозяин, а не в рот заглядывать. Главным редактором поставят, цель у человека, а вы? Пусти, говорю, мудаки!..

Я озадаченно смотрел на происходящее. Луцкий-то здесь при чём? Серёжу я недавно встречал. Загнанный какой-то, жалкий. Живёт за городом, каждый день в госкомиздат, туда-обратно четыре часа, двое маленьких детей. Несколько минут всего и поговорили, он торопился на электричку. Мне такого счастья не надо. Да и какая карьера? Слишком прост земляк, при всём моём уважении к нему. Куда взяли, там и служит. Как я.

В общем, сцена вышла тягостная. Сейчас я понимаю, Киму нужно было дать распрямиться пружине, которую изо дня в день сжимал в себе, мы с Лёвой дело десятое. Играл по правилам, подмахивал власти, развёлся с первой женой и женился на дочери старца из Совмина, делал всё как надо. Но чего-то ему всё же не хватило, чтобы совсем уж не давать душе пискнуть. Не смог закрыть глаза, когда узнал, что гранд дама принимает в его отсутствие любовника, ушёл. Хотя знал, печататься станет тяжелее и с Госпремией вряд ли что выйдет. Срывался в запои, опять-таки зная, что из-за этого не возьмут в секретари Правления, а очень хотелось. Нормальная человеческая жизнь, среди которой вырос, мешала? Мама-учительница? Не сумел вытравить в себе всё, кроме желания власти? Чего-то ещё

не было дано?.. В середине восьмидесятых я встречу в сберкассе его сына, молодого хлыща в кожаном костюме, Кима уже не будет в живых. «Как, это всё? Ради этого отец горбатился?!» – пьяно возмутится сын, пересчитав деньги. – Здесь на посидеть в ресторане не хватит!..»

Машина пришла, а Довгошея всё никак не мог утихомирить Кима. Оставляя его одного было нельзя, неизвестно что в таком состоянии натворит. Толя дал адрес и ключи от врезанного на днях замка, мы погрузили письменный стол, две табуретки и отвезли в комнату неподалёку от Политехнического музея.

– Вот тебе и Довгошея, в самом центре!.. – сказал Лёва Скакунов. Я давно подметил, москвичи завидуют провинциалам, неплохо устроившимся в столице. – Что теперь будем делать, ключи-то вернуть надо.

Ему, как и мне, возвращаться к Толе не хотелось. В какой-то забегаловке мы распили под винегрет бутылку креплёного, поговорили о том о сём. Лёва сказал, что пришла рецензия на его роман, положительная. Ещё одна, и поставят в план редподготовки. Сакко, заведующий редакцией прозы, нормальный мужик, русскую историю понимает правильно, хотя и казак.

– А у тебя как?

Я рассказал.

– Ты не затягивай, перелопать сборник и приноси. Можем попасть в струю, я тебе говорил, Сакко затеял серию книг молодых. И правильно, старпёры и так везде всё заняли, не пробиться из-за них!.. – Захмелевший Лёва помотал головой. – Я только сейчас понял, что такое издать книгу. Столько подводных течений!.. В издательстве каждый за себя. Подгадить – это пожалуйста, помочь – хрен дождёшься... Слушай, а что это Чачия у нас мелькает всё время? Чуть не каждый день вижу. И эта, с вислым задом такая...

– Ольга Григорьевна?

– Наверно. Ходят, всем улыбаются... В приёмной у Пахоменко прописались.

Мне говорить об этом не хотелось. Вражда в Литконсультации была неприемлимой. Сенчуков окончательно не сдавался, все ещё надеялся на старые связи в Правлении, Веня с соратниками – на поддержку директора «Совписа».

Мы допили вино и всё-таки отвезли Толе Довгошее ключи. Толя хотел было угостить – как-никак помогли, – но мы отказались и разъехались по домам. Вдруг Ким опять проснётся.

Первый звончок пришёлся на январь. Хотя, быть может, первым звонком было поведение Ирины Фёдоровны на капустном поле под Серпуховом, просто я тогда этого ещё не понял.

В «Детской литературе» я встретил Стёпу Хмелика. Последний раз я его видел летом, вернее, слышал – Стёпа мне несколько раз передавал по телефону требование Салмана вернуть задаток. Борец за неприкосновенность социалистической собственности в сельском хозяйстве Аз.ССР сам почему-то не звонил. Стёпу я посылал с точным указанием адреса, в конце концов он скучным голосом сообщил, что у меня будет неприятности, и исчез.

И вот эта встреча в сумрачном вестибюле издательства в Малом Черкасском переулке. Хмелик обрадовался мне как родному, едва ли не бросился на шею.

– Старик, привет! Ты мне сегодня снился. Ну, думаю, увижу, у меня примета такая... Ты к Валентину Леонтьевичу? Я тебя подожду.

И ни слова о деньгах.

Стёпина метаморфоза загадкой для меня не была. Благополучных людей любят, словно благополучие, как грибок, может передаться, достаточно общаться чаще. Конечно, я не редактор в журнале или издательстве, но у меня есть связанная с литературой работа и твёрдая зарплата. Что немало, подтвердит любой выпускник Литинститута. У Варвары была служба и большая белая грудь.

К тому же надо знать Хмелика. Он наверняка надеялся через меня ещё раз попробовать попасть в число рецензентов ЛК. Всё ему мало. Мне чтение чужих рукописей было уже поперёк горла. Я нёс Краснопёрову последнюю партию, собирался вежливо отказаться от рецензирования. Всех денег не заработаешь, тем более, что пора было вплотную заняться собственными рассказами.

– Здравствуйте, – сказал я, открывая дверь в редакцию по работе с непрофессиональными авторами.

Единственная подчинённая Валентина Леонтьевича, луноликая татарочка, улыбнулась, а сам Краснопёров взглянул на меня как-то мельком. «Наверно, неприятности», – подумалось мне. Обычно он встречал радушно. Но и когда я выложил из дипломата рукописи и принялся вкратце излагать своё мнение о каждой, Валентин Леонтьевич продолжал сидеть с отстранённым видом. Сухо обронил:

– Я рецензии читаю.

Я озадаченно смотрел на него. Краснопёров старался не встречаться со мной глазами.

– Что-то случилось, Валентин Леонтьевич?

– Всё нормально.

Я принялся говорить, что вынужден отказаться от рецензирования, не успеваю, в Консультации тоже приходится много читать. Но всё равно я Валентину Леонтьевичу благодарен, он в тяжёлые для меня времена поддержал, надеюсь, наши хорошие отношения сохранятся, буду периодически заглядывать в редакцию...

– Это не обязательно.

Я будто о камень споткнулся. Вот тебе раз! От деликатного Краснопёрова я подобного не ожидал. Да ещё в присутствии сотрудницы редакции. Почувствовав неловкость ситуации, татарочка поднялась и вышла. Я сказал:

– Объяснитесь. Я не заслужил такого отношения.

Получилось немного театрально, но в ту минуту я меньше всего думал об этом. Так с собой обращаться не позволю даже такому человеку как Валентин Леонтьевич.

– Не вижу смысла что-либо объяснять. – Краснопёров впервые посмотрел мне в глаза, но как-то вскользь, с гадливостью, что ли. – Вы взрослый человек. Сами решаете, как вам жить.

События в ЛК, битва титанов? Мне ставится в вину, что я до сих пор не расплевался с Сенчуковым?.. Но совсем недавно Валентин Леонтьевич усмешливо советовал, о чём можно с ним разговаривать, и не осуждал, что общаюсь. С чего вдруг перемена?

– Насильно мил не будешь, – сказал я, стараясь держаться с достоинством. – Но не хочу, чтобы наши отношения завершились на такой ноте... Я не понимаю, почему должен становиться на чью-то сторону? Что за рекрутирование?

Краснопёров не ответил, досада и неловкость обозначились на его лице. Я говорил явно что-то не то. Но удила уже были закушены, нюансы ускользали от меня.

– Ну ещё бы, Гена Попков – вот, по-вашему, образец совестливости!..

– Я этого не говорил.

Меня несло:

– Чего проще сориентироваться, когда расклад ясен! А потом получать дивиденды. Веня с Ольгой Григорьевной взяли Попкова под защиту, наверняка знает. Для них неважно, прав он или нет – он свой, борец с Сенчуковым!..

– Повторяю вам, дело не в этом.

Валентин Леонтьевич поднялся, показывая, что разговор окончен. Это был ещё один удар по самолюбию – со мной не хотели разговаривать. Скрип моих зубов, наверно, был слышен в коридоре. Не оставалось ничего другого, как подняться тоже и уйти.

О Гене Попкове я, наверно, зря. Голова набок, унылый нос, эта вечная задумчивость – недоделанный какой-то. Прав Сенчуков, убогий, что с такого взять. Какой нормальный человек стал бы связываться с Викингом? Я уж не говорю о том, что это вымогательство, и тем сволочнее, что у зависимого человека. Но меня достало, что Гену ставят в пример, тот же Веня. Нашли образец высокой нравственности.

Почему так переменялся Краснопёров? Наговорили, а он поверил? Что можно наговорить? Не доносил, не подличал – пришёл в Литконсультацию работать и работаю... Сам-то Валентин Леонтьевич в этой грязи пачкаться не захотел, уволился. Ему было куда уйти, а мне?..

Стёпа Хмелик сидел рядом с вахтером и просматривал объёмистую рукопись. Видимо, тоже заходил к Краснопёрову. Заметив меня ещё на лестнице, принялся торопливо запикивать папку в портфель.

– Подожди, старик!.. Есть хорошая новость для тебя.

Я приостановился, хотя разговаривать сейчас со Стёпой хотелось меньше всего.

– Салман к тебе претензий больше не имеет, я его убедил. В самом деле, ты же свою работу сделал! Люди летом отдыхают, а ты парился над учебниками, забивал голову всякой мурой – надо же это учитывать. Разве твоя вина, что недоросля не приняли? От тебя это не зависело, твоё дело было экзамены сдать, ты сдал, оценки хорошие – какие претензии?!

Стёпа говорил так горячо, словно именно я сомневался, что всё обстоит подобным образом. Повторял, сукин сын, мои доводы, которые не хотел раньше слышать. Я с интересом смотрел на него. Весь этот прогиб ради того, чтобы получить доступ ещё к одной кормушке?.. Любопытно, сам Салман настаивал на возвращении аванса? Или Стёпа и здесь хотел меня кинуть, как, скорее всего, кинул на сумме аванса?.. Но не докажешь. Ни телефона, ни адреса Салмана я не знал.

На дворе уже наливались январские ранние сумерки, мы осторожно ступали по обледенелому тротуару Малого Черкасского переулка, свернули в слякоть у входа в метро, зашли внутрь, опустили по пяточку в отполированные миллионами паль-

цев щели турникетов. На эскалаторе Стёпа встал на ступеньку ниже, заглядывал в глаза. Я ждал, что будет дальше. Неловко себя чувствую, когда люди унижаются, но любопытно было, как Стёпа вырулит на разговор о рецензировании. Может пригодиться для какого-нибудь рассказа, характер налицо.

– Старик, будь аккуратней, – сказал Хмелик. – О тебе ходит такое... Кто-то тебя очень не любит.

– Что ходит?

Стёпа опустил голову.

– В общем... – Он помялся, но говорить не стал. – Гадость, не хочу повторять. Я тебя знаю, ты на такое не способен, но другие... Москва вроде большая, но варимся в одном котле, отмыться будет тяжело... В общем, надо жить без врагов.

– Я что, плагиатом занимаюсь, на цэрэу работаю, малолетних совращаю?..

Хмелик стремительно взглянул на меня, но тут же отвел глаза, уклончиво улыбнулся.

– Отнесись серьёзно. Писательский мир такой, в лицо не скажут, а кислород перекроют, будут сторониться, словно ты в говно наступил... Знаешь, когда я понял, что человек ничто? – Стёпа смотрел на меня остановившимся, без улыбки, взглядом. – Помогал одному знакомому на даче, рядом военный аэродром. Как истребитель мелькнул, я даже не заметил. Понял только, когда рёв услышал, а его уже нет. Потом тишина и такой звук, будто листики фольги с неба падают... Понимаешь, человек – комар, муравей, муха. Хуже! Не только перед техникой – вообще, по жизни. Нельзя залупаться. Надо тише воды, ниже травы, без врагов. А то с дерьмом сожрут!

Таким искренним я Стёпу ещё не видел.

– Кстати, не можешь меня порекомендовать Сенчукову? Опыт есть, моими рецензиями везде довольны...

И Стёпа (это уже в вагоне) заговорил о том, что жене предстоит операция. У неё что-то по женской части, нужны деньги. Аванс из «Современника» проеден, а книга никак не выйдет, перенесли в план следующего года.

Не удивлюсь, если насчёт операции окажется враньём. А относительно слухов обо мне, похоже, правда. Кто распускает, догадываюсь, но что, что?.. Даже Краснопёров клюнул.

Связь между поступками открывается порой в самый неподходящий момент. Я вдруг понял, что мне надо к Алле. Надо, и всё! Ничего не пообещав Хмелику, перешёл на другую линию и поднялся на поверхность на «Смоленской».

Обидели, бедного, душевный раздраз и неуют. В таком же состоянии я написал Алле из армии, потом женился. Я не люблю все эти фрейдистские штучки, но, похоже, надеялся, что Алла заменит маму – подсознательно, конечно. Было в этой девушке нечто, заставлявшее так думать. Сейчас тоже нужен был кто-то вроде мамы рядом, громоотвод, зонтик от житейских неурядиц. Чтобы выслушала, пожалела и успокоила. Секс только часть нашей зависимости от женщин. Это мы слабый пол, а не они.

В угловом гастрономе на Арбате я купил красных марокканских апельсинов, беременной женщине нужны витамины. Уже перед подъездом сообразил, что следовало бы сначала позвонить – вдруг Аллы нет дома. Да и вообще, свободная женщина. Но Алла была дома, и одна.

– Вот, – сказал я, протягивая пакет с апельсинами. – Витамины.

Полужена кивнула, приняла пакет.

– Раздевайся, проходи.

Она была в свободном халате, не поймёшь, видно уже или нет. Меня обдало знакомыми запахами пеноплена, которым была оклеена прихожая, высохшего бустилата под ним, едва уловимым запахом гуталина от полочки с обувью, туалетной воды от одежды – всем тем, что квалифицировалось моей обонятельной памятью как Аллина квартира. Мне здесь не писалось, но было много хороших моментов. Алла по-настоящему моя первая женщина, всё, что до неё, – суетливо и редко.

– Мне? – спросил я, заметив письмо на холодильнике. Надо было с чего-то начинать разговор. – Всё ещё отголоски публикации в «Юности»?

– Нет, это мне. На море познакомились... Ты голодный? Котлеты разогреть?

– Не откажусь.

– Я тоже с тобой, всё время есть хочется. Иди мой руки.

Здесь было заведено придя домой, сразу мыть руки. «А как же! – говаривала Аллина бабушка. – В магазинах, в транспорте кто за поручни только не берётся. Мыть, обязательно мыть!» Выйдя из ванной, я сел за стол, смотрел, как Алла доставала из холодильника фаянсовый судок в блеклых голубых цветочках, выкладывала на тяжёлую чугунную сковородку котлеты. В сковородку побольше наложила вермишели, обе прикрыла крышками, убавила газ... Мне нравилось, как в этом доме была организована жизнь. Солидная старинная посуда, добротная мебель, хорошая одежда. Устоявшийся быт нескольких поколений московских священников.

– Как у тебя дела?

– Да как – обычно. Школа, дом... По выходным Наталья приезжает, идём в кино, на выставку, ещё куда-нибудь. В общем, нормально. А у тебя?

– Всё хорошо.

Говорить о загадке, которую мне задали в «Детской литературе», не хотелось. То, что вижу Аллу, слышу её голос, и в самом деле успокаивало, отвлекало от неприятного. Я встал из-за стола, подошёл к переворачивающей котлеты полужене сзади, обнял.

– Э, нет, – сказала Алла. – Нельзя.

– Я просто так.

– И просто так нельзя. – Алла повела плечом, освобождаясь. – С какой стати? Меня это задело.

– После поминок ты так не говорила.

– Тогда ты воспользовался моим состоянием.

– Сама спровоцировала.

Алла засмеялась:

– Беденький! Ты так сопротивлялся, изнасиловали прямо!..

Я вернулся за стол. В общем-то, всё правильно. Оскорблённая женщина. Хорошо ещё, пускает в квартиру, котлетами вон кормить собирается.

Мы ещё не закончили ужинать, когда появилась тёща. Она заглянула на кухню, увидев меня, удивилась, стараясь не подавать вида.

– Здравствуйте, Юра... Что-то холодает, наверно, в этом году настоящие кре-

щенские морозы будут... Алла, я детского мыла купила и марли на подгузники. Куда положить?

– Мам, ну неужели не знаешь? – недовольно сказала полужена. С бабушкой она таким тоном не разговаривала. – В шкаф на полку, конечно!

– Марлю надо будет прокипятить, с мылом и содой. Она медицинская, но всё равно... Ладно, я сама займусь.

– Мам, давай об этом потом, а?

– Хорошо-хорошо. – Тёща увидела на холодильнике письмо, быстро взглянула на меня и, стараясь сделать это как бы между прочим, сунула его в карман вязаной кофты. – Ладно, не буду мешать, поеду домой, отцу ещё ужин готовить надо... Кстати, Юра, почему бы вам не прописаться у Аллы? Вы сейчас где прописаны?

Я усмехнулся. Какая проза! Дом расселяют, Алла даже с ребёнком может претендовать только на однокомнатную квартиру, а если прописанных будет трое, на двухкомнатную. Когда мы с Аллой поженились, меня не спешили здесь прописывать, а я сам об этом не заговаривал. Жилплощадь для москвичей дороже Родины.

– У хозяев, – сказал я. – Временно.

– А почему не у нас? Я понимаю, у вас с Аллой сейчас не лучшая пора в отношениях, но всё ещё может наладиться... Надо прописываться. И не откладывать это в долгий ящик.

– Я подумаю.

Тёща искренне удивилась:

– А что здесь думать? Ребёнок...

– Мама! – оборвала Алла. – Успокойся в конце концов!..

Когда я возвращался к себе на Руставели, я уже ломал голову над двумя загадками. Первая: какую гадость обо мне сказали Краснопёрову? Досада всё не проходила. И вторая загадка: что за письмо лежало на холодильнике, почему тёща прячет его?.. Жаль, не догадался взглянуть на обратный адрес.

10

– Дядь Юр, я мужик?

– А то!

– Правду говоришь? – Димка, подняв вверх веснушчатое лицо, требовательно смотрел на меня. Передний зуб у него был со щербинкой.

– Какие сомнения, мой юный друг?! – Я перестал вращать диск, отвёл от уха трубку. – Девчонки в классе сегодня вас поздравляли, я правильно понимаю?

– Ага, открытки подарили.

– Вот видишь! В такой день поздравляют только мужиков. Так что никаких сомнений быть не может – мужик!..

Мой аргумент, похоже, убедил Димку. Но не надолго.

– Они хитрые. Если бы сегодня не поздравляли, пацаны их на 8 Марта не поздравят!

– Сына, не мешай дяде Юре звонить. – Из кухни выглянула подкрашенная и принаряженная Маша. – Иди сюда, отец зовёт.

Димка ушёл, а я опять принялся набирать межгород. Уже несколько раз пы-

тался дозвониться до папы, но «8» всё время была занята. Праздник, линии перегружены. Неделю назад я отправил поздравительную открытку, но сейчас захотелось услышать папин голос.

Я был подшофе – недавно вернулся от Сенчуковых, мы с Валентиной Евгеньевной вдвоём уговорили бутылку коньяка. Марина отсутствовала, её пригласили отмечать День Советской Армии во вгиковское общежитие. Олег Всеволодович по обыкновению пил минералку, сдержанно улыбался аскетическим лицом и, как мне показалось, улучал момент, чтобы сообщить нечто важное. Но его опередила жена. «Всё-таки есть хорошие люди на свете, Юра, есть! – Лицо у Валентины Евгеньевны от выпитого набрякло, потяжелело. – Олег вам не говорил? Его берут в «Политиздат» старшим редактором. Потеряет в зарплате, но, слава богу, уйдёт из этого гадюшника!..»

Я быстро взглянул на Сенчукова. Тот, недовольно покосившись в сторону жены, кивнул. Олег Всеволодович мне рассказывал, время от времени его приглашали внештатно редактировать рукописи в «Политиздат», но то, что он решил перейти в это издательство, было неожиданностью. Хотя чего-то похожего следовало ожидать. «Мне неловко перед вами, Юрий Антонович. Пригласил в Консультацию, а сам ухажу. Но работать в таких условиях больше невозможно. Противно». И Олег Всеволодович коротко рассказал, как на днях его опять вызывал Пахоменко, в хамском тоне требовал заявление о переходе с должности заведующего Литконсультацией в рядовые сотрудники. Терпеть подобное Олег Всеволодович больше не намерен. Спрашивать о позиции Правления я не стал. И так всё ясно. Сенчукова в Правлении окончательно сдали.

«8» всё не набиралась, я вернулся на кухню. Генка был порядком пьян, начал он с мужиками ещё на работе. Сейчас сидел за столом, неуверенным движением закидывал наверх густой мелиховский чуб и требовал, чтобы сын с ним выпил. Нос с горбинкой, тёмные глаза, рельефный подбородок – вид у хозяина был суровый, водка не делала Генку покладистой. Шучу с огнём, подумалось мне. Если он узнает о нас с Машей... Димка, потупясь, отодвигал от себя стопку и косился на мать. Иван Калистратович и Маша настороженно наблюдали за сценкой, усмехались.

– Тогда пива!.. Пиво будешь? Ты мужик или кто? Наш праздник!.. – Проливая на стол «Жигулёвское», Генка наполнил стакан. – Пей давай!..

Димка замотал головой, прижался боком к Маше. По лицу было видно, попробовать ему хочется, но он стесняется, и мать не разрешит.

– Ну, чего ты! Веселие на Руси есть выпивка, умные люди сказали. Умные!.. – Генка поднял вверх палец. – Мамочкин сынок, да? Не слушай баб. Если б их сила, они нас в бараний рог!..

Иван Калистратович сказал, взглянув на сноху:

– Это ты зря. Бабы разные бывают. О своей покойнице плохого сказать ничего не могу.

– Хе, так то мать! Я за неё сам глотку кому хошь перегрызу!.. Я о других, далеко ходить не надо.

– А другие чем тебе насолили? – Иван Калистратович опять посмотрел на сноху. Он тоже был в подпитии, но Машиного характера опасался. – Зачем ты против шерсти?

Однако Маша только засмеялась и налила всем в стопки:

– Ладно, выпили! Праздник всё-таки. Юра вон тоже служил. Где, Юр, в каких войсках?

Я поймал озадаченный взгляд Ивана Калистратовича. Такой покладистости от снохи он не ожидал.

– Смотрели фильм «Ключи от неба»?.. Это про меня, в ПВО служил. Москву от американских ракет охранял.

– Сапог сухопутный! – высокомерно процедил Генка. – Разве это служба?.. Краснознамённый Северный флот, четыре автономки, через полюс проходил! Пять метров паковых льдов над головой, нормально, да?!

Маша добродушно бросила:

– Ладно-ладно, знаем о твоих подвигах.

– Расскажи, интересно, – сказал я.

Но Генка, обидевшись, замолчал. Маша миролюбиво вздохнула ему голову.

– Ну, не буду, не буду. Чего ты как маленький?

Иван Калистратович пристально смотрел на сноху и всё не пил, что-то соображая. Не хватало ещё, чтобы догадался о причине Машиной покладистости. Неприятностей в последнее время у меня и так с избытком, эйфория в связи с устройством на работу была в прошлом. Сенчуков уходит в «Политиздат», теперь в ЛК возьмутся за меня – кто не с нами, тот против нас. Собственно, уже взялись.

Я выпил и опять направился к телефону. «8» по-прежнему была занята, но возвращаться на кухню я не стал, принялся методично вращать диск. Очень хотелось услышать папин голос. Вскоре возле меня оказались Димка и Иван Калистратович – с пьяным Генкой им было неинтересно. Наконец и сам Генка появился в прихожей, принялся куда-то собираться. Маша мужа не останавливала, хотя тот с трудом держался на ногах.

– Пусть отведёт душу! Пусть сегодня по его будет!.. – Хозяйка тоже стала одеваться. Пристраивая на голове мохеровый берет, смеялась и подмигивала нам густо подведёнными глазами.

– Далеко? – спросил свёкр, только что зазывавший меня смотреть праздничный «Голубой огонёк».

– К Гридневым во второй подъезд. Мы не долго.

Иван Калистратович смотрел на закрывшуюся за ними дверь.

– Что-то в лесу сдохло, первый праздник без скандала... Так как насчёт «Голубого огонька»? Пошли, хороший должен быть, как-никак 23 Февраля!..

Я перестал мучить телефон, направился в комнату Ивана Калистратовича и Димки. Праздник, а настроение у меня было неважное. И до папы никак не дозвониться. В комнате у Ивана Калистратовича пришлось не столько «огонёк» смотреть, сколько слушать рассказы о войне. В сорок третьем году его призвали, попал в пехоту, за неделю боёв от их батальона осталось несколько человек. Ивану Калистратовичу повезло, ранило, он оказался в госпитале. Когда подлечили, стал помогать санитарам, от любой работы не отказывался – всё лучше, чем на передке. Была мечта, чтобы оставили при госпитале, но его отправили на формирование.

– И тут, понимаешь, я земляка встретил, из одного района, писарем в штабе

служил. Считай, второй раз крупно повезло. Если б не он, мои кости давно б сгнили, – Генкин отец был рад, что есть кому рассказать. И рассказывал сейчас со вкусом, хмыкая и щуря глаза. – Земляк говорит, хочешь в гаубичный дивизион? А кто не хочет, гаубицы не передок, километров пятнадцать-двадцать сзади. Земляк говорит, найди часы, трофейные то есть. Не мне, говорит, я тебя в список за так внесу, а начальству, до них трофеи не доходят. У меня часы как раз были, у пленного немца отобрал. Это потом часов стало как грязи, я их на обоих руках до локтя носил, а в сорок третьем – эге!..

Я уже не столько слышу, сколько вижу рассказ Ивана Калистратовича. Немец не особенно-то и на немца похож, обычный мужик, и форма на нём почему-то красноармейская, ноги в ботинках с обмотками. Немец не расстраивается, что у него забрали часы, голосом Шульженко принимается петь «Синий платочек». Я сквозь сон удивляюсь метаморфозе, но не долго, вижу Ивана Калистратовича возле диковинного сооружения, похожего на угловатый арматурный каркас, о котором почему-то знаю, что это гаубица. У Ивана Калистратовича обе руки в часах, это уже среди дачного вида домиков с палисадниками, о которых я знаю, что они Германия, где всего полно, рядовому и сержантскому составу разрешается отправить домой две посылки, офицерам – больше...

– Да вы дрыхнете! Дим, Юр!.. Ну, малой ладно, пусть спит, я ему постелю. А мы с тобой ещё по десять капель примем. Пошли на кухню, там осталось. Юр, давай!..

Я открыл глаза. Сажу на диване, передо мной Иван Калистратович. Вполне домашний, без часов до локтей на обеих руках. По телевизору с гиканьем и свистом поёт и пляшет Ансамбль Советской Армии.

– Пошли.

Надрался я в тот вечер основательно.

Вскоре из «Советского писателя» пришла бандероль. И это был второй звонок. Да что звонок – сирена! Нехорошее предчувствие кольнуло сразу, как только я увидел извещение – ничего и ни от кого я не ждал. Терпения принести бандероль домой не хватило, прямо на почте я разорвал коричневую жёсткую крафт-бумагу и почувствовал, как судорожно сжалась внизу мошонка.

Папка с моими рассказами. «Уважаемый Юрий Антонович! В связи с тем, что Ваша рукопись требует весьма серьёзной доработки, вынуждены вернуть Вам её». Подписи Ирины Фёдоровны и заведующего редакцией русской советской прозы.

Вообще-то, ничего страшного, сборник мне так или иначе предстояло пересоставить. Настораживало то, что послали по почте. Всё-таки работаем в одной организации, могли бы позвонить, я зашёл бы и забрал. Опять же «весьма серьёзная доработка». Звучало сурово, отдавало приговором. Узнав, когда у Ирины Фёдоровны ближайший присутственный день, я захватил папку и поехал в издательство.

Редактора застал беседующей с примелькавшимся по телевизору актёром. Тот слушал Ирину Фёдоровну и с иронией поглядывал по сторонам – чувство-

валось, был озабочен тем, как выглядит в роли автора, выслушивающего замечания редактора. Новое поветрие, раньше в литературу шли врачи (Вересаев, Чехов, Булгаков), теперь актёры.

– Я подожду, Ирина Фёдоровна?

Редактор, мельком взглянув, кивнула. Мне показалось, с досадой. Ненавидя себя за зависимый тон, за подобострастное лицо, за сухость Ирины Фёдоровны, я вышел в предбанник между редакцией прозы и кабинетом заведующего. Здесь столкнулся с Лёвой Скакуновым. Тот появился из кабинета заведующего, его одутловатое лицо выглядело, как у только что хорошо пообедавшего человека, – рассеянно удовлетворённым. Отросшая окладистая борода делала Лёвино лицо импозантно монументальным, этакий Фридрих Энгельс.

– Как дела?

– Нормально.

Не задерживаясь, Лёва прошёл через предбанник. Ему ни до кого сейчас не было дела. Здоровый эгоизм успешного человека. Всё с Лёвиным романом, видно, складывалось удачно, не то что у меня. Как говаривал Ким Николаевич, каждый умирает в одиночку.

Ждать пришлось довольно долго. Наконец актёр ушёл.

– Можно?

– Ничего нового я вам сказать не могу... – Ирина Фёдоровна порылась в ящиках стола, нашла нужный скоросшиватель, раскрыла его, с запозданием закончила: – ... Юрий Антонович. Мое мнение вам известно, работа над сборником предстоит серьёзная. Это отмечали также оба рецензента, которые читали вашу рукопись. – И редактор взглянула на меня так, словно удивлялась, что я ещё здесь.

– Я не со всеми замечаниями согласен. И пора бы сборник поставить в план и заключить со мной договор, как собиралась ваша прежняя начальница, – нахально сказал я. – А рукопись я доработаю, нет проблем.

Ирина Фёдоровна категорически замотала своей большой головой.

– О договоре сейчас не может быть и речи!..

Чувствуя, что слова звучат недостойно, заискивающе, я тем не менее добавил:

– И зачем надо было посылать рукопись по почте? Позвонили бы, я зашёл и забрал бы...

– Какое это имеет значение? – отчуждённо удивилась редактор. – Странные претензии.

Я понял, надо уходить, а то всё испорчу окончательно. Так хоть остаётся надежда, что сборник зарубили не напрочь.

Господи, как мне тогда хотелось книгу! Свою, которую можно всем показывать. Я держал бы её возле сердца, я бы её облизывал, спал с ней. Я бы душу дьяволу продал!..

И опять развилка. Можно было вернуться домой, свежим глазом перечесть рассказы, спокойно обдумать, что-то переделать – я набирался опыта, работа рецензента позволяла увидеть и собственные просчёты. Я дописывал два новых рассказа, ими можно было заменить те, которые Ирина Фёдоровна и рецензенты сочли неудачными. Но нетерпение, нетерпение!.. Невозможно

бы расстаться с мыслью, что книга должна скоро выйти, я не хотел ждать. К Сакко! В конце концов, он заведующий редакцией, от него многое, если не всё, зависит. К тому же в издательстве затеяли серию книг молодых авторов, как говорил Лёва. Я молодой.

Заведующий редакцией принял сразу. Поднялся навстречу, пожал руку, на лице с густыми и широкими армянскими усами своёское выражение. Будто я не неведомый миру сочинитель, а равный ему. Сакко быстро пробежал редзаклучение и обе рецензии.

– Да, помню, Ира приносила на подпись... Так чего хочешь?

То, что заведующий редакцией заговорил на «ты», мне тоже понравилось. Помнит, что вместе ездили в колхоз, под мягким осенним солнцем пили водку на расстеленном у края поля брезенте, несколько раз перебросились словами. Я улыбнулся:

– Чего хочу – книгу!

– Ты знаешь таких, которые не хотят?.. – Сакко стал серьёзным, ещё раз взглянул в редзаклучение. – Ничего страшного, доработка, обычное дело... Может, другого редактора назначить? А то бывает, у редактора и автора разные группы крови.

– А можно?

– Почему нельзя. Давай сделаем так: оставляй папку, а я подумаю. Лады?

Говорят, настоящий врач тот, от одного разговора с которым больному становится лучше. Чем пишущие не больные – такая же многослойная зависимость от себя и, особенно, от других, от жизни вообще. В приподнятом настроении я направился в ЦДЛ, было обеденное время, хотелось есть.

В самом деле, почему обязательно Ирина Фёдоровна, эта дама с несоразмерной головой? Маловато в ней доброты и понимания. А Сакко умница.

Я заглянул в Консультацию, надо было снять пальто. Можно раздеться в рукава, а это меня смущало. Не мелочи жаль – неприятно подобострастие пожилых людей. В Консультации, похоже, уже отобедали, в приёмной шёл трёп, способствующий пищеварению. Веня полусидел на столе, здесь же находились Совушка-Аня и Гена Попков.

– Нужно элементарно знать психологию, – говорил Веня, оглянувшись на вошедшего меня. Лицо у него было затаённо азартное. – Отказаться проще всего, подумаешь, тридцать рублей, я их за день натаксую. Важно развернуть ситуацию...

Веня рассказывал, как ему из журнала, издающегося на одну из азиатских соцстран, завернули материал о текущей советской литературе, и что он сделал, чтобы материал всё-таки напечатали, не изменив ни слова. В разговоре с редакционной машинисткой как бы вскользь заметил, что отношение к нему в журнале изменилось, надо делать выводы. Ненавязчиво так. Машинистке он регулярно дарит шоколадки, пожилая тётка, внимание ей приятно. Веня знает, она стучит на всех главному редактору. Главному же редактору он никогда не отказывает подвезти на своих «Жигулях». На следующий день Вене звонит перепуганная заведующая отделом. Вениамин Александрович, вы неправильно меня поняли, материал нас устраивает, терять вас как автора мы ни в коем случае не хотим...

Веня как бы посмеивался над собой, над тем, что пришлось делать. Но и самодовольства на его лице хватало.

Веню к тому времени я уже знал хорошо. Что-то из литинститутских впечатлений подтверждалось, что-то нет, проявлялись новые чёрточки. Человек однозначно неординарный. Как поэт Чачия посредственность, но у него был другой талант, умение расположить к себе. Это сейчас я считаю, что это одно из важнейших качеств в жизни, а тогда думал, что Вене не повезло. Конечно, приятно, когда тебе ещё издали улыбаются, радостно трясут руку, женщины смотрят заинтересованным взглядом, но стихи-то, стихи!.. Как с такими стихами Веню приняли в члены Союза писателей, мне было непонятно. Пусть даже Грузия, свои дела. Испорченный бескомпромиссной русской литературой, я многого не понимал. Сенчуков должен был бы ненавидеть Веню, а он в разговорах язвил по поводу Ольги Григорьевны, туповатого Гены Попкова и Совушки-Ани, весьма себе на уме девушки. Хорошо при этом понимая, что душа смуты Чачия. Уважение к достойному противнику?.. Интересна и такая деталь, у Вени было множество приятелей, но ни одного друга. Он всех держал на расстоянии. И при этом все его любили. Ну, может, не любили, а относились с симпатией, как я.

– Да, кстати, у Сенчукова с «Политиздатом» ничего не получится. – Веня повернулся ко мне. – Передай это ему.

Тон был пренебрежительный. Откуда Веня узнал о переходе?.. Олег Всеволодович не мог делиться с ним своими планами.

– Я не почта, чтобы передавать. – Венин голос мне не понравился, пренебрежение относилось и ко мне. – И вообще не понимаю тебя. Если человек уходит, зачем мешать? Вы ведь хотели, чтобы он уволился из Литконсультации, так?

Веня переглянулся с Попковым и Совушкой. Мстительная насмешливость скользнула по их лицам.

– Легко решил отделаться, – сказал Чачия.

Особенность гнилой интеллигенции – быть на стороне тех, кого преследуют. Если бы я появился в ЛК, когда преследовал Сенчуков, я бы принял сторону Вени. Но я появился позже. И то, что Сенчуков, принимая меня на работу, имел в виду свои цели, было сейчас не важно.

На комплексные обеды я опоздал. Можно было сесть за столик и попросить ресторанное меню, но ждать, пока обслужат, долго, да и обед обойдётся дорого. Я направился в Пестрый зал, взял бутерброды и актуальный весной салат из свежей капусты с зелёным луком. Здесь-то и подошёл ко мне застенчиво страдающий Вася Сергеев.

Случилось это не сразу. С тарелкой бутербродов и чашкой кофе Вася сначала проследовал мимо, постоял, осматриваясь, словно не зная, куда сесть. По тому, как он всё это проделал, было ясно, место Вася выбрал, но не решается. Будто нечаянно взглянув на мой столик, он обрадовано колыхнулся своим полным телом в мою сторону.

– Не помешаю?..

Долго устраивался, менял местами тарелку и чашку с кофе, ерзал на стуле – всё это с опущенными глазами. Я молча ел. Сказанное как-то Веней о хозяйнике, похоже, было правдой. Я заметил, вокруг Васи существовало

некое поле, в котором старались не задерживаться. С ним разговаривали, но коротко, мимоходом, будто куда-то торопились. Несмело поднимая и опускающая глаза, Вася вдруг заговорил об отчуждённости и трагическом одиночестве людей. Об агрессивном непонимании большинством всего, что выходит за пределы рутинных вещей. Это ужасно. И очень приятно бывает встретить человека, который близок тебе по мировосприятию, хотя не афиширует это.

Опаньки! Я с интересом взглянул на Васю. Он говорил тихо, глаза были мученическими. Вася понимает, у меня свои предпочтения, что ж, дело вкуса, почему бы не мальчики, но чем старше партнёр, тем опытней, тем больше радости может доставить. У детей нет той глубины чувств, они как не выстоявшееся, не созревшее вино... .

Голубые в ту пору были в редкость. По крайней мере, о них редко говорили. Я не знал, как себя вести. Ладно ещё, лесбиянки. Но когда мужик мужика... .

– Откуда такая информация?

Вася осёкся, посмотрел испуганно.

– Разве не так?..

Я взял блюдечко с салатом и пересел за другой столик. Противно, но не бить же за нетрадиционную ориентацию.

Хотя за слова, что якобы я любитель малолетних, следовало бы.

12

Сначала по Арбату до ресторана «Прага» и одноимённого кафе, потом направо вниз, перейти улицу у памятника жизнерадостно лукавому (времен «Вечеров...») Гоголю – и далее по бульвару до станции метро «Кропоткинская». Не скажу, что воздух здесь даже в ту пору, когда машин в Москве было на порядок меньше, отличался горной чистотой и свежестью, но всё же это не Смоленская площадь с её чадящими стадами. Алла старалась держаться прямо, однако живот, который теперь виден был даже под плащом, тянул вперёд, походка у жены стала утиной, вправо-влево, плечи откинута. На мою руку Алла опиралась довольно тяжело.

У «Кропоткинской» мы опять переходили улицу, делать это с беременной надо было осмотрительно и только на «зебре» – машины неслись как сумасшедшие. Иногда мы заходили в Пушкинский музей, бродили по просторным залам, но здесь Алле не хватало воздуха, а однажды стало плохо у витрины с длинноволосой коричневой мумией с провалившимися глазницами и ощеренными зубами – и в музей мы заходить перестали.

Зато подолгу бродили у бассейна «Москва». Вода внизу парила, странно было видеть в апреле плавающих под открытым небом людей, и я рассказывал, как в Литинституте наш физкультурник и фотолетописец Иван Кириллович раздавал бесплатные абонементы на утренние часы. В «Москве» я впервые узнал, что такое сауна. На горячий рейчатый полок не сядешь, пот стекает по телу ручьями, капает с опущенных рук, волосы на голове потрескивают, а у кого были кольца или перстни, те заранее их снимали, чтобы не обжечь пальцы. И как хорошо было потом поднырнуть под резиновый щит и оказаться в

прохладной чистой воде среди белых кафельных берегов, какое удовольствие и освобождение!..

Алла рассказывала свои истории. Окрестности ей были хорошо знакомы, в детстве с Наташей они облазили все переулки поблизости. Здесь Алла училась в школе, ходила в танцевальный кружок при доме пионеров, играла во дворе в классики наполненной песком баночкой из-под гуталина. В их школе учились дети известных родителей, но они особо не выпендривались, хотя случалось по-разному. Как-то приехал в школу член Политбюро Полянский и при всех отчитал сына: это я Полянский, а не ты, что себе позволяешь!.. Покойная бабушка помнила времена, когда на месте бассейна стоял храм Христа Спасителя, там в очередь с другими священниками правил службы Аллин прадед. Потом храм взорвали, хотели построить на этом месте что-то советское, монументальное, но котлован под фундамент всё время заливали подземные воды, словно вышние силы были против, и от строительства пришлось отказаться. Комментировать это явление бабушка даже среди родных избегала, хотя особой набожностью не отличалась, выросла всё-таки в другое время.

В выходные дни мы выбирались в Сокольники или парк Горького. Часами гуляли по песчаным дорожкам в разводах весеннего дождя, на лавочках перекусывали приготовленными дома хозяйственной Аллой бутербродами, запивали чаем из термоса. Светило молодое солнце, на припёке было жарко, жена растёгивала плащ, живот становился особенно заметным. Мы старались не удаляться от туалетов, ребёнок давил, Алле часто нужно было по-маленькому. Иногда к нам присоединялась Наташа со своим говорливым заикой мужем и четырёхлетней дочерью. Я с удивлением заметил, что Алла тяготеет подружкой, хотя старается это скрывать. Сдержанная досада то и дело проступала на её подурневшем, с набрякшими губами и носом лице. Странности беременной женщины?..

Пожалуй, так семейно родственными мы с женой ещё не были. После того, как Алла ушла в декретный отпуск, я стал жить на Смоленской, хотя вещи ещё не перевёз. С Аллой не спал. Мне казалось извращением трахать беременную женщину. К тому же неизвестно, как это может сказаться на ребёнке.

В моей жизни наступило удивительное время. Быть может, одно из самых полных и гармоничных. Я чувствовал себя вожаком, опекающим свою самку и будущего детёныша. Эта животная ответственность была приятной.

Я поступил так, как должен был поступить, и знать это тоже было приятно.

Папа, когда я ему сообщил, что Алле скоро рожать, отозвался в том духе, что наконец-то будет нормальная семья, меня вообще родили практически в войну. Я не стал папе говорить, что именно семья поставила крест на его писательских устремлениях. Об этом в те недели не думалось, да и глупо было – не против же я собственного рождения.

В «Кысе» Толстая иронизирует над клише «ничто не предвещало». Мне тоже казалось, жизнь теперь прочно и неколебимо сбалансирована: у меня есть работа, нормальные отношения с Аллой, скоро будет ребёнок. Конфликт в Литконсультации наконец-то иссяк, и это тоже было хорошо. Жаль, конечно, Олега Всеволодовича, чашу унижения ему пришлось испить до дна. Чачия оказался прав, его действительно не взяли в «Политиздат», пришлось остаться в ЛК в

качестве рядового редактора. Сенчуков ушёл на больничный, с его контузией он мог сидеть на нём месяцами. Исполнять обязанности заведующей ЛК назначили Ольгу Григорьевну, она меня пока не трогала.

В общем, ничто не предвещало. Я решил, что в остальном тоже всё должно быть благополучно. Чёрт дёрнул пойти в издательство справиться о рукописи. Конечно, рано или поздно я узнал бы обо всём, но, продолжая тему писательских клише, счастливое неведение продлилось бы дольше. Сакко на этот раз встретил меня с озабоченной деловитостью:

– Ты у Юры Баранова был?

– Кто это?

– Старик, своего редактора надо знать, – без улыбки сказал Сакко. Нависающие над губами густые усы делали его дикцию не очень внятной. – Подойди к нему, может, рецензия уже пришла.

Я удивился:

– Что, по-новой отдали рецензировать?..

Мне казалось, рукопись достаточно прочесть новому редактору, назначенному вместо Ирины Фёдоровны. Зачем ещё раз рецензировать, и так уже две рецензии есть. Но Сакко думал иначе:

– Кашу маслом не испортишь.

И принялся что-то искать на столе. Я понял, разговор окончен.

Что ж, Баранов так Баранов. Я плохо знал сотрудников «Советского писателя», видел их только на общих собраниях. Тем более, что в издательстве появлялись всё новые люди, директор Пахоменко кардинально обновлял редакции. Перемена в поведении Сакко меня не насторожила. Мало ли, может, задёрнули человека. Заведование самой большой редакцией дело непростое.

Описывая одного из современников, Гиппиус заметила, что тот был бледен гнойной бледностью. Так же бледен был мой новый редактор. Клянусь, говорю не из неприязни, хотя сложно относиться с симпатией к человеку, сообщившему дурное.

– Читайте. – Баранов протянул несколько страниц рецензии.

Это был высокий молодой мужчина моего где-то возраста, может, чуть старше. Кроме изжелта зеленоватой бледности запомнились длинные, доходящие до желваков редкие бакенбарды. Похоже, бичом Баранова в юности были угри, их следы угадывались на щеках. Сесть мне новый редактор не предложил, и я принялся читать рецензию стоя.

Средний уровень литературы в последнее десятилетие заметно вырос, писал рецензент, тому немало способствовало появление таких ярких и разных по своим творческим устремлениям прозаиков, как Юрий Казаков, Виталий Сёмин, Василий Шукшин, Юрий Трифонов, Василий Белов и ряд других писателей, которых принято именовать шестидесятниками. Поэтому, рассматривая рукопись начинающего автора, следует в первую очередь обращать внимание на то, насколько самообытно его дарование, что нового молодой писатель привносит в литературу. Только собственный, не заимствованный взгляд на мир способен обогатить литературу, а не повторять её зады. Книга должна стать явлением не только в биографии молодого писателя, но и в литературе. Именно тогда её издание бывает целесообразно и оправдано.

К сожалению, рассказы Юрия Руснака свидетельствуют об отсутствии у автора яркого самобытного дарования. Автор напоминает луну, отражающую чужой свет. Речь, разумеется, не о плагиате, а об отсутствии по-настоящему собственных, выношенных изобразительных средств, что, скорее всего, предопределено ограниченностью творческих возможностей Ю. Руснака... Далее рецензент допускал, что я из разряда медленно созревающих литераторов, со временем смогу проявить себя ярче и значительней. Однако в настоящий период времени издание сборника рассказов он считает преждевременным. «Ю. Руснаку предстоит многое переосмыслить в своей литературной работе, а это потребует сил и времени. Раньше чем через два-три года обращаться в издательство ему бессмысленно».

И подпись Бенедикта, любимца и однокашника Сенчукова.

Какое-то время я стоял и молчал. В голове было пусто. Потом спросил:

– И что теперь?

Баранов развёл руками, мне почему-то врезалась в память пластичность его движения.

– Ничем помочь не могу... Заберёте рукопись сразу или будете ждать редзаклучения?

– Вы балетом случайно не занимались?

Баранов, передавая папку с рассказами, удивлённо взглянул на меня. Остальные редакторы из-за своих столов тоже посмотрели в мою сторону.

– Я вас не понимаю, – сказал Баранов.

– И не понимай, хрен с тобой!

Выйдя из «Совписа», я швырнул папку в мусорный контейнер. Пошло оно всё!.. Тяжелее, чем отказы в редакциях, мне далось лишь одно событие в жизни – смерть мамы. Какого чёрта я бьюсь головой в стенку?! Столько унижений и зависимости! На кой хрен это надо?! Бенедикт скотина, но, может, всё-таки прав, не моё это дело, литература? И Ким по-пьянке тогда сказал...

Подраться бы! Я с надеждой оглянулся вокруг, но кроме милиционера у посольства Норвегии никого поблизости не увидел.

По природе я тормоз, некоторые вещи доходят до меня с запозданием. Как теперь понимаю, Бенедикт был ни при чём, в издательстве только использовали его максимализм. Не он, так другой, забодать можно кого угодно, даже классика, говорю без преувеличения. Изощёренное иезуитство рецензентов позволяло это сделать. Судьба твоей книги, дорогой тормоз, решилась намного раньше! Сенчуков принял тебя в Литконсультацию против воли директора «Совписа», соответственно, ты стал человеком Сенчукова со всеми вытекающими последствиями. И ты ещё на что-то надеялся!..

Возможно, это событие ещё можно было как-то перетерпеть, ничего кардинально в жизни не меняя, если бы не сюрприз на Смоленской. Злой, загнанный, я открыл дверь, прошёл в маленькую комнату и, бросившись на диван, уткнулся носом в спинку. Никого сейчас видеть не мог, Аллу в том числе. Нужно было как-то пережить несколько дней.

– Что-то случилось? – Алла появилась из большой комнаты, в руках у неё было вязание, к которому жена пристрастилась в последнее время.

Я зыркнул на неё и опять уткнулся лицом в диван. Алла, постояв немного, ушла. И тут раздался звонок. Ладно бы, обычный, а то человек за дверью

вдавил кнопку до упора и так держал её, не отпуская. Меня подбросило. Что за скотство!.. Я выскочил в прихожую, рванул дверь на себя так, что едва не вырвал ручку.

– Чего надо?!

Передо мной стоял парень с дорожной сумкой в правой руке, левой он всё ещё давил на кнопку. Парень не ожидал такого приёма, улыбка исчезла с его лица.

– Алла здесь живёт, я не ошибся? – Он снял наконец руку со звонка, сунул её в карман плаща и, достав конверт, взглянул на него. – Вроде здесь... Вы кто?

– А ты кто? Чего ломишься?..

Я не знал, что происходит за моей спиной, но по лицу звонившего понял: он увидел Аллу. Парень опять улыбнулся, но на этот раз смущённо, должно быть, рассмотрел, что Алла беременна. Он коротко глянул на меня, потом опять на Аллу, что-то соображая. Этот парень походил на одного костромича, с которым я служил. Круглое лицо, острый нос, белёсые волосы и румянец во всю щёку.

– Вон оно что, – сказал он и направился к лифту.

– Стоять! – Я схватил его за плечо, дёрнул на себя. Парень мне не понравился. – Откуда знаешь мою жену?

Парень ухмыльнулся, оттолкнул руку и заспешил к лестнице. Я бросился за ним, вцепился в плащ, но парень вырвался. Он оглянулся на испуганно застывшую в дверях квартиры Аллу, крикнул:

– Ага, лоха нашли! Приезжай... – И уже снизу, гулко мне: – Хорошая у тебя жена! Проверено!..

Я ринулся следом, но гипотетический костромич оказался проворней. Хлопнула дверь подъезда.

Сволочь!

Алла долго ни о чем не хотела рассказывать. За окнами сгорел закат, стемнело, а она всё отмалчивалась. Я не сторонник насилия над женщинами, но если бы Алла не была беременной, отлупил бы. Хотя виноват, в общем-то, сам. Уходя – уходи.

В конце концов выяснилось, да, с этим парнем Алла трахалась, когда отдыхала с Наташей и её мужем на море. Нет, писем она не писала, это мать. Испугалась, что Алла залетела, а делать аборт нельзя, отрицательный резус, детей может больше не быть. Предлагала Виктору московскую прописку. Не знает, может, просто была задержка. Нет, она не собиралась меня впутывать, сам остался после поминок на ночь. Чей ребёнок, не знает, может, мой, может, Виктора.

– Ну и сука твоя Наташка!.. – как всегда запоздало сообразил я, вспомнив лицо свидетельницы на поминках и то, что она вынудила заночевать у Аллы. Не хотел жить по-хорошему, так вот, роконосец, получай, покроешь грех жены. – Чтоб я эту суку в нашем доме больше не видел!..

Зачем это сказал, сам не понимаю. Какой к чёрту «наш дом»!..

В этот же вечер я вернулся на Руставели. А на следующий день поехал в Литконсультацию и написал заявление на увольнение по собственному желанию.

Часть третья.  
Другая жизнь

## 1

Когда наша семья обитала в общежитии Легмаша, самое любимое для меня время было воскресенье до обеда. Потом предстояло готовить уроки на понедельник, а вот утро было целиком в моём распоряжении. Я просыпался с ощущением свободы и необязательности. Впереди были часы, когда можно заниматься чем хочешь. Ощущение казалось гулким и просторным, как майский солнечный день. Неважно, была ли действительно весна или же стояла скоротечная слякотная черновицкая зима, когда минус пятнадцать на улице воспринималось, как всенародное бедствие.

Какое-то время я ещё валялся в постели, мечтал о чём-то неопределённо приятном. В коридоре изредка раздавались шаги, ещё реже голоса, люди уже проснулись, однако неспешная воскресная жизнь пока ограничивалась комнатами. Не то что в обычное утро, когда коридор гудел – взрослые волнами (рабочие к семи, итээровцы на час позже) шли на работу, а дети в школу. И в этом отсутствии звуков за дверью тоже ощущались свобода и необязательность выходного дня. Вскоре мечтать надоело, я принимался развлекаться тем, что представлял, будто лежу не головой к окну, а наоборот, ногами. Значит, справа должна быть стена, слева полметра пространства и тёмный тыл шифоньера. Задача стояла настолько убедить себя в этом, чтобы, открыв глаза, какое-то время не понимать, где находишься.

Шифоньером моя постель была отгорожена от остальной комнаты. За ним находились круглый стол под длинной с кистями скатертью и кровать родителей с никелированными спинками. Стол в зависимости от ситуации служил нам то как обеденный, то как место, где я делал уроки, то на него водружалась швейная машинка, и мама что-нибудь строчила. Кровать с никелированными спинками особая тема. Случалось, я просыпался ночью от ритмичного поскрипывания, уже зная, что это такое. Мне было неприятно, что мои родители занимаются *этим*, особенно стыдно было за маму. Утром я старался заметить неловкость на их лицах, но родители вели себя как всегда, словно ничего не произошло. Я недоумевал. Среди общежитских пацанов и в школе отношение к таким вещам было как к чему-то желанному, но непристойному, а для женщин и девушек и вовсе позорному. Неслучайно девчонки оскорблённо бросали «Дурак!», если самые отвязанные из нас заговаривали об *этом* при них.

Ощущение свободы и необязательности воскресного утра усиливалось тем, что родителей, как правило, дома не оказывалось. У них был обычай ходить в этот день на Крытый рынок напротив областной филармонии. У сельских тёток с бесагами (перемётные торбы через плечо) покупалась зелень, овощи, свежие яйца, творог и густая сметана, в тесных магазинчиках по периметру Крытого рынка торговали говядиной, свиной и бараниной. Рядом находился полуподвальчик, куда евреи приносили резать куриц со связанными жёлтыми чешуйчатыми лапами. Считалось, чем раньше на рынок придёшь, тем дешевле купишь, и выбор богаче. Так что папа с мамой поднимались как в обычный день и старались двигаться по комнате тихо, чтобы не разбудить меня.

Какое-то время я ещё валялся в постели, потом выходил в коридор, с независимым видом направлялся в туалет с кабинками, запирающимися изнутри на шпингалеты. Хуже всего в такой момент было столкнуться с кем-нибудь из девчонок, туалет был общий. Затем шёл в умывальник со сплошным длинным зеркалом над эмалированными раковинами. В этот день я не чистил зубы и по-настоящему не умывался, а лишь проводил мокрыми ладонями по глазам. В нашу комнату я возвращался вальжной ковбойской походкой Юла Бриннера – в кинотеатре «Жовтень», бывшей синагоге, только что прошёл мировой фильм «Великолепная семерка». В коридоре с дверями по обеим сторонам витали сложные запахи, идущие из общей кухни в торце. Хозяйки неторопливо принимались за воскресный обед, пахло кипящим бульоном, жарящейся рыбой, сладким перцем гогошарами, чесноком. И это тоже было запахом необязательности и свободы.

К чему я всё это? Ощущение воскресного утра в общежитии Легмаша осталось в моём сознании, как идеал, мечта. Так, наверно, Адам и Ева вспоминали время, проведённое в Раю. Лет с двенадцати я стал сочинять, регулярно получал из редакций отлупы, переживал, мучился, пытался понять, что делаю не так, – мне казалось, у меня выходило не хуже, чем у настоящих писателей, а может, и лучше. Прозрачность мира нарушилась, счастливого бездумного времени больше не стало. Сочинительский зуд совпал с половым созреванием, а это усугубляло дело. Я, если не кропал, пристроившись с листком бумаги за нашим круглым столом со скатертью до пола, то старался подметить «характерные детали в окружающей жизни» или запомнить меткое слово, прислушиваясь к разговорам знакомых и незнакомых людей. А то подыскивал сравнения предметам, выражениям лиц, движениям, жестам – так, как учили рецензенты и книга «Писатели о литературном творчестве», которую на день рождения подарил папа. Из-за своей графомании я перестал жить, как живут остальные люди. Ни тогда, ни позже я так и не научился играть на гитаре, в шахматы, в преферанс, – мне жаль было тратить на это время. Если бы родители разрешили, бросил бы школу, а только бы читал и сочинял.

У хорошего ленинградского писателя Глеба Горышина есть рассказ о том, как молодой писатель едет в электричке. Ещё на платформе он приметил девушку, та тоже обратила на него внимание, между ними возможно чувство, но в этой же электричке едет то ли заведующий отделом прозы толстого журнала, то ли просто редактор. Девушка в вагоне посматривает на молодого писателя, но у того в журнале лежит повесть, и он по первому кивку подсаживается к редактору. Надеется, что тот поможет пробить повесть. Начинается пустой дорожный разговор, девушка выходит на своей остановке, молодой писатель никогда её больше не увидит, редактор с публикацией не помог.

Это к тому, с чем я оказался к тридцати годам. Ни семьи, ни настоящей работы, ни собственной книги, которая оправдывала бы отсутствие того и другого. Один напечатанный в «Юности» рассказ. Негусто. Я тянул пустышку, как сказал бы герой популярного телесериала о сыщиках.

На этот раз зализывать раны в Черновцы я не поехал – что скажу папе? Он-то считает, всё у меня благополучно. Решение уйти из Литконсультации и от Аллы было эмоциональным, но правильным. Сомнительное отцовство и отказ в «Совпесе» стали лишь детонатором. Я больше не хотел иметь ничего общего с миром, где

столько несправедливости и грязи. Говорю не только о ЛК, а о литературном мире вообще. Да и к чему эта каторга, все безрезультатные потуги, если можно вернуться в дографоманские времена, где свобода и необязательность. Буду жить обычной жизнью, как Генка, например. Счастливый человек. Отработал смену, расслабился с мужиками, ни перед кем не унижается, а зарплата не только хорошая, но и гарантированная. Я не иронизирую, я серьёзно.

С Генкой и заговорил о работе в бригаде грузчиков. Надо было на что-то жить. Генка не удивился.

– Подходи завтра в семь на проходную. С бугром познакомлю. Пузырь купи.

– Утром или вечером?

– Ты чего? – Хозяин взглянул на меня, как на неразумное дитя. – Кто такие дела с утра делает?.. После работы.

Одобрила мое решение и Маша.

– Может, так будет лучше. И вообще... – При этом она задержала на мне взгляд.

Полностью о ситуации с Аллиной беременностью я ей рассказывать не стал, но хозяйка, похоже, о чём-то догадывалась. Несколько дней после моего возвращения со Смоленской она была сдержана, почти со мной не разговаривала, но я улучил момент, когда никого в квартире не было, обнял, поцеловал в губы, хотя Маша отводила в сторону недовольное лицо. «Чёрт! – наконец сказала она и стукнула меня кулаком по спине. – Переживай из-за него! Совести у тебя нет. Даже девки на работе заметили».

Да уж, мы отвечаем за тех, кого приручаем.

Генкин бригадир оказался мужиком с претензией. Жевал мундштук беломорины, щурил глаза, знакомясь, руки не подал. Меня стал называть молодым человеком.

– Чего к нам? Ты вроде как институт закончил.

– Долго рассказывать.

Я рассматривал бригадира с интересом. Колоритный тип. Это с интеллигентом надо пуд соли съесть, чтобы понять, что из себя представляет, а простые люди, как правило, все на виду.

– Ну-ну, – сказал бригадир и затянулся беломориной. Неясно было, то ли одобряет мой сдержанный ответ, то ли недоволен. Может, то и другое вместе. На пальцах его правой руки синели буквы «Вова», на кисти поднималось солнце с расходящимися лучами. – Я, молодой человек, в свою бригаду не каждого беру, это надо понимать. Говорил тебе Генка, нет – не знаю.

Бригадиру явно хотелось выглядеть начальником.

– Понимаю, – сказал я.

– У нас пахать надо. И не выступать в случае чего.

– Усёк.

Стоявший рядом Генка встрял:

– Хорош тебе!.. Он работал на комбинате, знает.

– Где работал?

– В тарном цеху.

– Тарный цех! Тарный цех одно дело, у нас... Ладно, пошли.

Я повёл бригадира и Генку в буфет при столовой возле общежития Литин-

ститута. Когда учился, мы порой ходили сюда с ребятами по утрам похмеляться «Жигулёвским». Водку распивать в буфете не разрешалось, но все распивали, хотя и с оглядкой. За порядком здесь следил пожилой гермафродит Миша с морщинистым, лишённым растительности лицом.

– О, коленвал! – одобрил мой выбор Генка, опуская на высокий стол три бутылки пива. Буквы в слове «водка» на бело-зелёной этикетке располагались одна выше, другая ниже, отсюда народное название. – С пивом нормальное бухло, сшибает с ног не хуже атомной бомбы!..

Бригадир промолчал. Не терял он достоинства и позже, когда мы пили пиво, добавляя в гранёные стаканы водку. Правда, молодым человеком называть перестал. Мне завтра следовало идти в контору Моспогруза в Марьиной роще, бригадир позвонит, скажет, что берёт к себе. Была одна закавыка, в конторе могли заупрямиться – высшее образование. Не для того государство тратило деньги на мою учёбу, чтобы я занимался неквалифицированным трудом. Но бригадир Вова знающе усмехнулся, посоветовал не показывать диплом – это само собой, – надо ещё сказать, что потерял трудовую книжку. А то в ней запись, что учился в институте.

– Голова! – Нарушая субординацию, стукнул я стаканом о Вовин стакан.

– Бугор, сам понимаешь, – поддержал Генка. – В нашу бригаду, типа, конкурс – хорошо живём. А всё он!..

– Кончай базар. – Вова заиграл желваками. Однако, чувствовалось, был польщён.

Без пятнадцати восемь гермафродит Миша стал требовать освободить помещение. Его никто не слушался, пока не появились два милиционера. Все потянулись из буфета. Прощаясь у крыльца, бригадир с серьёзным лицом взял под козырёк. Генка засмеялся:

– Ты чего, к пустой голове!.. Это американцы без головного убора честь отдают!

Не ответив, Вова повернулся и, твёрдо ступая, ушёл в летние сумерки.

– Нормальный мужик, – сказал Генка, – но небольшой прибабах имеется. Понты любит. Вроде как в авторитете, зону топтал.

Я крепко потёр ладонями лицо. Пиво с водкой оглушило, все звуки доносились, будто сквозь воду. Генка оглянулся на дверь, за которой раздавался крикливый голос гермафродита Миши.

– Пошли, а то в ментовку загребут. Им план выполнять надо.

Я глупо засмеялся:

– Вот это нам ни к чему! Совершенно!.. – Я был пьян, однако понимал, что нужно привыкать к новому социальному статусу. Запросто могут забрать в вытрезвитель. Здесь не ЦДЛ, теперь я работяга, гегемон. Мысль об этом веселила. – Чувствуешь, тополиным пухом пахнет?.. Нет, ты принюхайся внимательно, принюхайся!

Полоски тополиного пуха размыто светились вдоль бордюра. Странно, но только сейчас я обратил на них внимание. Деревья вокруг уходили кронами в небо, терялись в темноте. Рядом носились мальчишки и поджигали тополиный пух. Стремительные огоньки бежали вдоль бордюра, напоминая горящий бикфордов шнур. Всё вокруг казалось нереальным, в мире произошёл непонятный сдвиг, заставлявший всему удивляться.

– Пахнет, пахнет, – согласился Генка. – Пошли, а то точно загребут. Это у ментов запросто.

Работа грузчика – не вилки в охотку рубить на капустном поле под Серпуховом. И даже не работа фрезеровщика, когда всю смену на ногах, крутишь рукоятки станка и обязательно надо следить, чтобы не сбился размер и чтобы эмульсия шла строго в зону резания.

Первые недели полторы я очень уставал. На комбинате дотянуть смену помогал допинг (так мужики в бригаде называли бутылку на троих), а после работы я приходил домой и сразу падал на кровать. Мышцы болели так, словно меня со знанием дела избили. Какое-то время спал глухим тяжёлым сном и лишь потом мог себя чувствовать более или менее сносно. Маша как-то намекнула, что пора бы сходить на Дмитровское шоссе, но я сделал вид, что не понял. В те первые дни работы у меня даже мысли ни о чём таком не возникало.

Народ в бригаде подобрался самобытный. Дальше выпивки интересы большинства, правда, не распространялись, но их независимости можно было позавидовать, на Легмаше рабочие осторожней. Для комбинатовских грузчиков авторитетов не существовало.

– Какой на хер Брежнев мне товарищ!.. – громко заявил как-то Толик Такташев, когда мы стучали в раздевалке в домино. Несколько минут назад была разгружена фура с молочными бутылками, другая ещё не подошла, футболка на мне была хоть отжимай. Динамик на шкафчике для одежды торжественно вещал о четвёртой Золотой звезде Героя, которой награждён Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев.

Такташеву, хотя все звали его Толиком, было под пятьдесят, он жилист, худ, на месте щёк провалы, но вынослив как чёрт. Жена от него из-за пьянок ушла, но Толика это не трогало. «С моей зарплатой меня любая баба возьмёт!..» – заявил он после стакана водки в мой первый день в бригаде, чем сразу и запомнился.

– В гробу я Лёньку видел в белых тапочках! Таких товарищей, как он, в Китае полтора миллиарда!..

В самом деле, чего ему было бояться? Не посадят, не сталинские времена. Из грузчиков тоже не попрут – кто работать будет?

– Спиногрызы, бля, – вставил слово татарин Витька Семёнов, белотелый, с рельефной мускулатурой. Он обычно работал по пояс голый и называл себя крестником Ивана Грозного. – Во гадство, бутылки всю смену идут!.. Бугор, сахар сегодня будет?

Бригадир Вова, гоня беломорину из одного угла рта в другой, не отрывал глаз от костяшек в руке. С усмешкой спросил, не поднимая головы:

– Что, клиента нашёл?

Он работал наравне со всеми, но ходил в аккуратном синем комбинезоне, из нагрудного кармана которого торчала авторучка.

– А чего? – сделал вид, что не понимает, татарин. – Допинг на свои покупать, да?

Вова не ответил. Если грузчики и загоняли мешок сахара кому-нибудь за забор комбината, так только с его согласия. У него были какие-то свои отношения с кладовщиками, которые принимали грузы и закрывали нам наряды. Я не ви-

дел, чтобы бригадир кого-нибудь пальцем тронул, но его побаивались. Харизма. А может, и в самом деле сидел. Не дожидаясь ответа на свой риторический вопрос, Витька Семёнов изо всей силы саданул костяшками по столу. Но молча.

Отдыхать долго не получалось. Пустые бутылки в ящиках из прочной гнущей проволоки, мешки с сухим молоком, сахаром, изюмом, рулоны плотной бумаги с припрессованной целлофановой плёнкой для молочных пакетов, фольга для сладких сырков и многое другое поступало на комбинат непрерывно. Всё это надо было разгружать. Порой мешок с изюмом как бы случайно разрывался, его содержимое куда-то мгновенно исчезало, грузчики над пустым мешком дурашливо разводили руками: «Брутто – тута, нетто – нету!..» Меня тянуло заглянуть в тарный цех, но из-за постоянной загруженности не выходило. Хотелось увидеть девчонок, с которыми раньше работал, перекинуться словом, похохмить. Встретить некоторых из них мне всё-таки удалось, но уже после смены.

В киоске у проходной в это время обычно продавалась некондиция: сырки, сливки, молоко в помятых упаковках – то, что не брали магазины. Собиралась очередь, некондицию продавали дешево. Там я и увидел Галю Шуртакову и её сестру Валю.

– Ты опять у нас? – окликнула Галя.

– Вроде того, – ответил я, подходя. – Привет. Ну, даёте, настоящие москвички, с ходу не узнаешь!..

Девчата одеты были в самом деле хорошо, по моде, не скажешь, что из деревни. Макияж опять же, делавший их лица по-кукольному красивыми.

– А то! – довольно засмеялась Галя.

Она черноглазая, бойкая, Валя – та молчаливая, с медленным взглядом, совсем не похожая на сестру. Во время моего первого захода на молочный комбинат мы с ней несколько раз целовались в сквере, но в общежитие ко мне Валя так и не пошла.

– Как живем-можем, девицы-красавицы? Рассказали бы, вон сколько не виделись, – принялся балагурить я. – Новостей, небось, целый мешок, выкладывайте!

– Кто девушки, а кто замужние женщины, – сказала Галя и стрельнула глазами.

– Ну, долго гадать не надо кто. Поздравляю с законным браком!

Галя ответила неожиданно:

– Особо поздравлять не с чем.

– Как так? Первый раз вижу женщину, которая не довольна, что вышла замуж!..

Выяснилось, замуж-то Галя вышла, но свекровь не желает, чтобы она жила в её квартире. Хотела в невестки москвичку, а не лимитчицу. Снимать квартиру у Гали с мужем тоже не получается, дорого. Так и живут, он у себя, она в общежитии.

– Ну и понты у твоей свекрови! Муж у тебя что, профессорский сынок?

– Какой там, электриком работает! А свекровь мастер у нас на комбинате.

– Тогда не врубаюсь.

– Ты это ей скажи.

– И скажу! Где она, давай сюда!..

Я балагурил с Галей, а сам всё время чувствовал, что Валя рядом. Столько времени прошло, но до сих пор было перед ней неловко. У меня всегда так с

женщинами, с которыми хотя бы просто целовался. Словно наобещал и не выполнил, обманул.

– Кадрёж? – поинтересовался Генка. Он задержался в раздевалке, от него уже несло свежаком. – Девчата, айда с нами! Примем на грудь, пообщаемся!..

Сёстры, смеясь, не соглашались, дескать, дела.

– Это вы зря. Я от чистого сердца... Ладно, как хотите, мы тогда сами. – И Генка добавил, ухватив за локоть и отводя меня от девчонок: – А чего дома делать, верно? Машка опять начнёт бочку катить. Не понимает, мужику надо расслабиться. Эти, блин, мешки-ящики до сих пор в глазах мельтешат!

С Генкой мы после работы часто наведывались или в столовую возле общежития Литинститута, или покупали выпивку в ближнем гастрономе и располагались на детской площадке во дворе. Хозяин употреблял всё, кроме стеклоочистителя. Порой к нам присоединялись Толик Такташев или кто-нибудь ещё из бригады. Выпив, Генка становился разговорчивым, принимался рассказывать, как служил на атомной подводной лодке, как ходил подо льдами в автономку к Северному полюсу. Я интересовался, правда ли, что подводники быстро лысеют. «Это смотря кто, – солидно отвечал Генка. – Офицеры и сундуки, ну, мичмана по-нашему, те да, к новой звёздочке уже с лысиной. Радиация. А срочники – как повезёт, какая бэчэ. Я, смотри, хоть бы хрен! – Генка тряс своим густым чёрным чубом. – Вся шерсть на месте!..» – «А как с этим делом? Стоит?» – «Нормально! – после небольшой паузы отвечал Генка и твёрдо смотрел в глаза. – У меня – нормально!»

Я иной раз задумывался, какая всё же это невероятная удача, жизнь каждого из нас. Миллионы сперматозоидов ринулись к яйцеклетке, а повезло именно тебе, раньше всех успел ввинтиться. И не вычистили, и беременность у матери прошла хорошо, и роды. Опять же не даун, не умер в детстве от скарлатины или дифтерита, вырос в нормального взрослого человека. Единственно не знаешь, для чего всё это. Гоголь считал, жизнь для того, чтобы выполнить высокое Божье предназначение. Торнтон Уайлдер в «Теофиле Норте» уже соглашался на меньшее, на передаточное звено – отстучать далее по цепочке информацию, полученную из соседней камеры. И не стремиться понять, что она значит. Заложены ли в стук смысл? Есть ли в наборе генов, переходящем из поколения в поколение, то, что оправдывает нашу жизнь?.. Я где-то читал, Эйнштейн после того, как открыл свою теорию относительности, жил впустую – искал Универсальную Закономерность Космоса. Вот так. Когда учёные поднялись на Вершину, там уже сидели клирики.

В юности над смыслом происходящего не задумываешься. Молодой хмель всё расцветивает, делает жизнь интересной саму по себе. С возрастом повседневность притушёвывает интерес, забирает радость. И ты пьёшь, чтобы вновь ощутить её и удивиться. Хотя бы так. Не для того же родился, чтобы таскать мешки и ящики. Генкина пьянка и есть прорыв из будней во что-то иное. Точнее, попытка прорыва. Смысла жизни не открывает, но делает её не такой безрадостно пустой. Хотя бы на время. И ладно, что потом лопух на могиле вырастет.

Так я размышлял, распивая с хозяином, Толиком Такташевым или крещёным татаринком Семёновым бутылку на детской площадке или в буфете при столовой. И эти мужики становились мне близки и понятны, как братья. Я догадывался,

Машу тоже не устраивала повседневная жизнь, она была ей тесна. Не блядь же Маша по призванию, нормальная женщина, и ей нужен был выход из обыденности. Может, потому и возникли наши отношения. Хотя, наверно, ещё потому, что лукавил Генка, служба на атомной подлодке вряд ли прошла даром.

Под влиянием винных паров мне становилось жалко всех, себя тоже. Братья и сёстры во Бахусе.

3

– Юр, пойдёшь на концерт? – предложила однажды хозяйка.

Она только что в своей комнате выясняла отношения с Генкой. Судя по всему, выговаривала, тот опять явился домой поддатый. Я пить с хозяином на этот раз после работы не стал – каждый день надоедало, – лежал в своей комнате и читал.

– Что за концерт?

– В цехе распространяли, я взяла два билета, а этот не хочет. – Маша мотнула головой в сторону комнаты. – Харю залить всегда пожалуйста, а культурно провести время – нет его!..

Машин праведный гнев показался мне несколько наигранным.

– Скажи всё-таки, что за концерт?

– Эстрадный!.. В субботу, как раз выходной, у вас с Генкой тоже. И ехать далеко не надо, в Останкино... Выручай хоть ты, а то билет пропадёт!

– Ну, если выручить... – Я вопросительно посмотрел на Машу. Всё-таки Генка муж, ему полагается с ней ходить по концертам, по-другому подозрительно.

Хозяйка молча махнула рукой – ну его!.. Видеть такое пренебрежение к Генке мне почему-то было неприятно.

Я согласился.

Но попали мы в тот раз не на концерт, а в милицию.

Начиналось всё, можно сказать, празднично. В субботу с утра Маша пошла в парикмахерскую, сделала причёску, а перед выходом подкрасилась и надушилась. Я тоже старался соответствовать – навёл на брюках стрелки, надел лучшую рубашку. Последний раз на эстрадном концерте я был несколько лет назад в Черновцах. Ежи Полонский, Радмила Караклаич, Карел Готт, из наших Муслим Магомаев, Вадим Мулерман, молодая Пугачёва – люди, не побывать на концертах которых считалось в нашей компании самодельных сочинителей неприличным. Градус моего интереса к эстраде с тех пор основательно упал, однако всё равно было любопытно. Многого ожидать, конечно, не следовало, останкинский парк не лучшая московская площадка, но всё же.

За час до начала мы с Машей шли дубовой рощей в сторону останкинского парка. Стояла середина августа, в воздухе будто висела мелкая золотистая пыль. Лето, устав от себя, катилось к финишу. Впереди высилась телебашня, слева горел на солнце стеклянный параллелепипед телецентра, громаду которого скрадывало расстояние. Пахло дубовыми листьями, срезанной травой, бензином от недавно работавшей косилки. Мне нравились здешние асфальтированные дорожки, стоящие купами и поодиночке старые деревья. Маша взяла меня под руку.

– Женщине надо куда-нибудь выходить, а Генка не понимает. Вроде муж у меня

есть – и нету его... – Хозяйка засмеялась. – Юр, а я знала, Генка на концерт не пойдёт. Ему бы козла с мужиками с утра до вечера забивать!..

Я искоса взглянул на неё.

– Хитрая, однако.

– С вами станешь. – Маша прижалась к моей руке грудью. – Юр, я соскучилась.

В последнее время нам редко удавалось трахнуть. Иван Калистратович и Димка, как в прошлом году, закатились на всё лето в деревню, я пришёл в норму, уже не так уставал, но мешало то, что работали мы с Генкой в одну смену. И что-то ещё, досадное, неприятное, пока чётко не оформившееся у меня в голове.

– Прикоснулась к тебе – и уже мокрая... Правда.

Я тоже хотел Машу. Подкрашенная, с причёской, она выглядела привлекательно.

– Что предлагаете, мадам? Прямо здесь?

– Скажешь тоже!..

Маша толкнула меня в бок, но сама оглянулась вокруг, будто прикидывала, где можно устроиться. Пришлось заговорить о том, что могло отвлечь от дурных мыслей. Мне это давно не давало покоя. Полагалось бы съездить к Алле, посмотреть на ребёнка, ему должно быть уже месяца два-три. Может, всё-таки похож на меня. Всё это время на Смоленскую я не звонил, и мне не звонили. В своём поступке я не раскаивался, но получалось тоже как-то нехорошо, не по-человечески.

– погоди, – сказала вдруг Маша и остановилась. Она меня не слушала. – Видишь кусты?

Неподалёку от гигантского конусоподобного основания телебашни виднелась куртина декоративного кустарника, довольно высокого и густого.

– Вон те?

– Пошли.

– Ты серьёзно?..

Маша не ответила. Не выпуская моей руки, потянула с дорожки на стриженую траву и двинулась напрямик к куртине. Я посмотрел по сторонам. Нельзя сказать, что дубовая роща была полна народа, но гуляющие всё же имелись. И на газонах лежали любители загара, подставляя уходящему солнцу голые тела.

– Сумасшедшая, – вполголоса сказал я. – Ты хоть не беги так, а то догадываются...

Мне всё-таки удалось сдержать Машу, к куртине мы приблизились почти прогулочным шагом. Я тоже завёлся, но нам всё же хватило выдержки обойти куртину с другой стороны, чтобы не так очевидны были наши намерения. Сознание, досаждавшее в последнее время, что поступаю нехорошо, в эти минуты куда-то улетучилось.

Не помню, как мы оказались в кустах. Последовавшее затем острое счастье лицом в Машину причёску и редкую, пахнущую землёй траву, было стремительным. Маша, вскрикнув, успела кончить тоже.

– Подожди, – слабым голосом сказала она. Её руки бессильно соскользнули с моей спины. – Побудь там...

Некоторое время мы лежали неподвижно. И меньше всего ожидали, что сзади зашуршат ветки.

– И чего их сюда всех тянет, а, Егоров?.. – В мужском голосе было насмешливое удивление. – Будто здесь мёдом намазано.

Я быстро повернул голову. Влипли!..

– Нашли место. Вставайте... Ну что, особое приглашение требуется?

Говорил пожилой милиционер с брюшком, этакий благополучный отец семейства. Смотрел он на нас с будничной деловитостью. За ним виднелась голова в фуражке и голубая форменная рубашка ещё одного милиционера, помоложе.

Я медленно поднялся, стараясь заслонить собой Машу. Она села на редкой траве, потянула вниз подол платья и сердито сказала, приходя в себя:

– Чего уставились? Женщины не видели?

– Ну, такого добра... – хмыкнул пожилой милиционер. На его погонах виднелись старшинские продольные полосы. – Вставай, пошли.

– Это куда я должна идти? – сварливо сказала Маша.

Милиционер был настроен добродушно:

– С трёх раз угадай. Куда таких, как ты, водят?.. Не знаешь, скажу – в отделение.

Надо было что-то срочно предпринимать. Отделение это выяснение личности, протокол, телега на работу. Я-то ладно, но Маша, замужняя женщина...

– Командир, может, договоримся? – сказал я, когда наш квартет выбрался из кустов. – Червонец с меня, и разбежались... Сам понимаешь, бывает, чёрт попутал.

Старшина усмешливо переглянулся с напарником.

– В отделении договоришься, правильно, Егоров?.. И не вздумай убежать, бабу всё равно поймаем.

В отделении милиции пахло, как в армейской караулке – плохо проветренным помещением и затоптанными полами. В комнате дежурного, куда нас привели, на длинной лавке сидел парень в рубашке с оторванным рукавом. Под глазом у него наливался кровоподтёк.

– Опять ты здесь, – сказал старшина и дал парню крепкий подзатыльник.

Голова у того дернулась.

– Я первый раз...

– И чтоб в последний. – Молчавший до сих пор Егоров тоже ударил парня. – Профилактика.

За барьером что-то писал старший лейтенант. Он вскинул на старшину глаза и, вскользь взглянув на меня и Машу, мотнул подбородком:

– Чего они?

– Кувыркались возле башни. Совсем обнаглели... А на вид вроде порядочные.

Дежурный принялся стучать колпачком авторучки по столу. Он вытянул губы трубочкой и раздумчиво скосил глаза в сторону.

– Пятнадцать суток за нарушение общественного порядка в особо циничной форме. Это как минимум, – сказал он. – Предъявите документы, граждане.

Может, милиционер пугал, а может, нам с Машей и в самом деле светили пятнадцать суток. Я торопливо соображал. Сказать, что выпускник Литинститута, вдруг поможет?.. С грузчиком церемониться не станут.

– Какие документы? Мы с женой на концерт шли, кто документы с собой на концерт берёт?

– Шли, но не дошли, – скучно констатировал старший лейтенант. – Содержимое карманов на стол. Из дамской сумочки тоже... Старшина, давай понятых.

Маша с презрительным видом вытряхнула из сумочки косметичку, губную помаду, платочек, ключи от квартиры. Тюбик помады покатился по столу и упал на пол. Всё время, пока нас вели в отделение, Маша молчала – видимо, осознавала ситуацию. Но плакать и уговаривать милиционеров, похоже, не собиралась.

– Зэмляк, вы ж розумиетэ, усякэ у жытти бувае. Мы з жинкою щэ моладі, кров заграла, нэ втрымалысь...

Я мог и ошибиться, дежурный не украинец, а откуда-нибудь с юга России. Там тоже «гакают» и после «ц» вместо разговорного «ы» произносят «и». Но попытаться стоило, авось. И обязательно на «вы», это к русскому старшине можно на «ты», не оскорбится.

Старший лейтенант быстро повернул ко мне голову, взглянул со сдержанным удивлением. Почти одновременно на его лице появилось нечто высокомерно начальственное, почти презрительное. Хохол, точно!.. Мои земляки похожи на среднеазиатов – ты для них или подчинённый, или начальник, заискивай или демонстрируй надменность. Это когда между собой.

– Вы что, маленькие дети? Не понимаете, что делаете? – До «мовы» земляк не опустил. – Как так можно! Взрослые ж люди!..

И он принялся отчитывать нас, глядя в основном на меня. Это был хороший знак. Я слушал, опустив голову. Пусть исполнит ритуал. Затем покаянно приложил руку к груди.

– Вынэн, товариш старший лейтэнант, выбачтэ. Згодэн, нэ трэба було цього робыты, алэ ж... Що казаты, вынни! Тут така справа... – Я подался к старлею через барьер, приглушил голос. Надо было ковать железо, пока не вернулись старшина и Егоров с понятыми. – В мэнэ сьогодні дэнь народжэння. Выпейте, будь ласка, за мое здоровья чарку доброго коньяку. Писля службы, зрозумило... Цэ выпадково трапылось, чэснэ слово!

И я положил на стол деньги.

– Это ж подумать только, взрослые люди! – продолжал горячиться дежурный. Он словно не замечал денег. – Безобразия!.. Какой пример вы гражданам показываете? А детям? Они тоже в роще гуляют!.. Немедленно убирайтесь отсюда! Чтоб я вас больше не видел! Чтобы духа вашего здесь не было!..

Я сгребал Машины причиндалы в сумочку и смиренно бормотал:

– Дякую, дякую...

Добрых полчаса мы сидели затем на лавочке возле Останкинского дворца. Приходили в себя. Маша то смеялась, то едва не пускала слезу. Уже смеркалось.

– Кошмар, что бы я Генке сказала?! Мужняя жена, вот весело было бы!.. Ты землю-то на брюках ототри. – Она показала на мои испачканные в кустах колени, затем поднесла руки к голове. – Как причёска, нормально? Тьфу ты, чёрт, залезла!.. – Хозяйка стала выпутывать из волос травинку, засмеялась: – Ну ты и хохол! Выкрутился!..

– Бывает, – скромно потупился я. – Нечасто, но бывает.

Следовало бы зайти куда-нибудь в кафе, снять стресс, но все деньги я оставил в отделении.

– Так что, идём на концерт или как?

– А зря я, что ли. билеты покупала?!.

Машиному присутствию духа можно было позавидовать. Есть, есть женщины в русских селеньях!.. Чем-то они с Аллой схожи. Почему меня к таким тянет? Самому твёрдости и уверенности в себе не хватает?..

К началу концерта мы не успели, но особо жалеть не стоило. Концерт был так себе, сборная солянка. В Черновцах подобные ВИА не котируются. Запомнилось разве что степень волосатости лабухов: патлатая гитара-соло, залысины ритм-гитары и полностью лысый бас-гитарист. Волосатость соответствовала вкладу в мелодию.

Свой нордический характер хозяйка продемонстрировала ещё раз после концерта.

– Ты как? – спросил я и кивнул в тёмную глубь парка. Я уже знал, что это у нас в последний раз.

– Запросто! – сказала Маша.

На этот раз всё произошло стоя и без вмешательства милиции.

Наш ответ Чемберлену!..

4

– Твоя Алла что, слониха? – неожиданно спрашивает среди разговора папа.

– В смысле? – не понимаю я. В трубке слышно шуршание и потрескивание тысяч километров между нами.

– Это слонихи полтора года ходят беременные, а женщине давно пора родить. Я всё жду, когда поздравите с внуком или внучкой, а от вас ни слуху, ни духу.

Я представляю папин усмешливый прищур, за которым он старается скрыть недовольство. Моё поведение в самом деле трудно назвать безупречным. Уже ради того, чтобы не было таких вопросов, следовало съездить на Смоленскую и всё узнать.

– Разве я тебе не говорил? – прикидываюсь я шлангом. Чтобы выиграть время, переключиваю трубку из руки в руку, прижимаю к другому уху и наугад ляпаю: – Девочка, три шестьсот. Длина пятьдесят один сантиметр.

– С именем определились?

– Пока думаем.

– Что-нибудь на примете есть?

– Есть. Но Аллины родители...

– Понимаю. – И я опять вижу папину усмешку, на этот раз юмористическую. – Жизнь примака имеет свою специфику...

Хорошо ещё, что обычно звоню я – из Черновцов в Москву дозвониться трудно. Иначе держать папу в неведении было бы невозможно, он считает, что говорю со Смоленской. Не хочу, чтобы знал, что с Аллой я не живу и уволился из Литконсультации. Пусть думает, что у меня всё хорошо.

– Появилась возможность подскочить в Москву на пару дней. Сам увижу вашу наследницу. А то, смотри, её от меня прячут...

Я напрягаюсь.

– Ты когда приедешь?

– Скорее всего, в понедельник. Я дам телеграмму.

В понедельник, думаю я после разговора. Сегодня среда, четыре дня осталось. Я набираю Аллин номер, долго никто не берёт трубку. Папин приезд ставит всё с ног на голову. Я уже не могу себе позволить роскошь быть оскорблённым мужем. Сейчас я собака с поджатым хвостом, должен просить Аллу делать при папе вид, что у нас всё нормально. Вопрос, захочет ли Алла, ведь это мои проблемы.

Никак не могу выйти из-под папиной власти. Она как дополнение к любви. Папин авторитет заставляет к чему-то стремиться, достигать, но и давит, подспудно тяготит. Или пошло оно всё к чёрту? Ну, не получилось из меня ни писателя, ни нормального мужа, надо поставить папу перед фактом. Конечно, удар по его надеждам и самолюбию, но сыном-то я в любом случае остаюсь.

– Вас слушают, – приглушённый тёщин голос в трубке. Эта министерская выучка, «вас слушают».

– Здравствуйте, Валентина Григорьевна. Я хотел бы поговорить с Аллой.

– Они с Катенькой спят.

И выжидательная пауза. Ни радости, что я звоню, ни особой неприязни. Этакая отстранённость, ваши отношения меня мало касаются, у меня есть Катенька.

Ага, девочка, отмечаю про себя, угадал!.. Инженер человеческих душ, я знаю, чем расположить тещу.

– Валентина Григорьевна, я собираюсь завтра привезти детскую коляску. И вообще хотел бы помочь деньгами. У меня сейчас хорошая работа, есть такая возможность... – И ещё несколько туманных фраз о том, что люди меняются и, оглядываясь назад, видят, что поступали порой опрометчиво, сгоряча. Я почти каюсь.

– Хорошо, Юра, я скажу Алле, когда проснётся. Знаете, она так устаёт, – в голосе тёщи доверительность, словами о деньгах я, похоже, растопил сердце коренной москвички. – Катенька перепутала день с ночью, такая беспокойная. Я специально взяла отпуск, чтобы помогать. Но это ничего, все родители через подобное проходят. Алла нам тоже нелегко досталась...

Положив трубку, я какое-то время стою в коридоре. На душе отвратно. Не знаю, смогу ли сейчас заснуть, а надо. Сегодня в ночную.

Мое провинциальное прошлое заставляет после смены направиться в центральный «Детский мир» на площади Дзержинского. Приезжие считают, там проще купить, что нужно, чаще «выкидывают». Глаза у меня после бессонной ночи слезятся, соображаю я туго. Работы в ночную смену обычно меньше, но бригада сейчас неполная, несколько человек в отпуске. Так что заняты мы под завязку, вздремнуть в раздевалке не удалось.

Мне везёт, на первом этаже продают гэдээровские коляски. Считается, они самые лучшие. Я занимаю очередь, чтобы попасть в отдел. Толкотня, от плащей и курток удушливое испарение – всю ночь на улице шёл дождь, идёт и сейчас. Октябрь. Вдоль очереди неторопливо двигается какой-то молодой мужчина. Этаким сангвиник с внимательным взглядом. Я в конце концов соображаю, что это Стёпа Хмелик собственной персоной. Киваю, поймав его взгляд. Степино первое движение затеряться среди покупателей, однако он берёт себя в руки.

– Привет. Ты что здесь? За коляской стоишь?

Я согласно качаю головой.

– Говорят, ты ушёл из Литконсультации? Где сейчас?

Я отвечаю, не вдаваясь в подробности. Когда Стёпа понимает, что моя нынешняя работа к хлебным рецензентским местам отношения не имеет, он заметно теряет ко мне интерес.

– А ты у Краснощёва был? – в свою очередь спрашиваю я. Малый Черкасский переулком рядом. «Детская литература», Валентин Леонтьевич, издательский самотёк... Мне кажется, всё это было сто лет назад, в прошлой жизни. Литературная банальность, но мне действительно так сейчас кажется.

Вместо ответа Стёпа переспрашивает:

– Так ты за коляской? – Интерес к моей персоне возрождается в нём, как птица Феникс. Хмелик приближает лицо, вполголоса спрашивает: – Хочешь коляску по-быстрому? Их мало осталось, тебе не хватит, далеко стоишь. Десять рэ сверху.

Выясняется, Стёпа в доле с грузчиками отдела, ищет желающих купить без очереди. Я стараюсь, чтобы он не заметил моей ухмылки. Лучше уж Останкинский комбинат, чем это!.. Даю деньги и вскоре на улице у служебного входа получаю от мужика в синем халате упакованную гэдээровскую коляску.

– Всё на месте? – сурово спрашиваю я. – Комплект? Ты смотри, я не лох приезжий! В случае чего...

– Не ссы, – отвечает брат по классу. – Всё путем, фирма веников не вяжет!

С таксистом я тоже не церемонюсь. Предупреждаю, чтобы не катал, сразу вёз на Смоленскую. Когда у Аллиного дома он просит добавить, я интересуюсь:

– Что, овёс подорожал? Или подковы стёрлись?.. Вали, пока шины не проколол. Обнаглели!..

Таксист матерится, но в брошенном на меня взгляде уважение. Как там у Остапа Ибрагимовича, здоровый цинизм людям нравится. Хватит прогибаться! Самая гуманная в мире литература и так хрен знает, что со мной сделала. А те, кто должен её читать, – не читают. У них потребности такой не существует.

В квартире я понимаю, почему тёща долго не брала трубку – телефон накрыт подушкой. Мне сразу бросились открывать, едва я позвонил в дверь, молча прижали палец к губам: Катенька спит!.. Стараясь не шуметь, заносу в прихожую коляску. В квартире непривычно пахнет, трудно сказать, чем конкретно. Здесь и сохнувшие над газом пелёнки, и женское молоко, и замоченные в ванне подгузники. Такой запах везде, где грудные дети. Валентина Григорьевна оставляет нас с Аллой вдвоём, сама уходит в маленькую комнату – там, надо полагать, ребёнок. Алла в затрапезном халате, волосы собраны на затылке в неаккуратный пучок, часть свисает вдоль щёк, лицо усталое. Запурханная, как говорят в Черновцах.

– Где можно собрать? – Я киваю на упакованную коляску. – Здесь тесно.

Алла молчит. Впрочем, ничего другого ожидать не следовало. Не бросится же она ко мне с распостёртыми объятьями.

– Слава богу, не проснулась, – счастливым шёпотом выдыхает тёща, появляясь из маленькой комнаты.

Я повторяю вопрос. Валентина Григорьевна вопросительно оглядывается на Аллу.

– Думаю, можно в большой комнате. Только газеты на палас надо постелить.

– В голосе тещи я опять слышу дипломатичную отстранённость: разбирайтесь сами, это ваше дело.

Через полчаса коляска собрана. Работаю я в одиночестве, Алла в большой комнате не появляется.

– Принимай, хозяйка, работу, – говорю я, позвав её. – Дочь покажешь?

И впервые за всё время слышу Аллин голос:

– С чего вдруг? Раньше ты без этого прекрасно обходился.

В голосе оскорблённое достоинство, ни капли вины, и я чувствую счастливый укол: Катенька мой ребёнок? Не трусоватого псевдокостромича, а всё-таки мой?..

В маленькой комнате полумрак, шторы задернуты. Алла подводит меня к деревянной кровати, которой раньше здесь не было. Крошечный человечек в чепчике и распашонке с зашитыми рукавами. Человечку что-то снится, он двигает губами, морщит маленький круглый лоб, недовольно гримасничает – кажется, вот-вот заплачет. Вошедшая с нами теща долго смотреть не даёт, тянет обратно к дверям – пойдёмте, а то проснётся!.. Катя похожа на Аллиного отца, это я успеваю разглядеть. Не на костромича, но и не на меня.

– А почему у неё рукава зашиты?

Счастливая бабушка шёпотом отвечает:

– Чтобы не поцарапала себя. Ноготочки-то у солнышка нашего быстро растут!..

Прихожу я и на следующий день. На этот раз меня уже усаживают пить чай. Валентина Григорьевна всё старается оставить нас вдвоём, сделав несколько глотков, уходит в ванную стирать подгузники. Алла пьёт чай с молоком, кормящей матери полезно. Сегодня она выглядит аккуратней, даже слегка подвела глаза. Но всё равно молчит.

– Может, обновим коляску? – предлагаю я.

Телеграммы от папы пока нет, иначе бы сказали. И то, что её нет, делает моё положение не таким унижительным – просто блудный муж осознал свою неправоту и пришёл мириться.

– В самом деле, почему бы вам не погулять? Погода прекрасная. – Теща появляется на кухне с марлевыми подгузниками на плече, принимается развешивать над конфорками. Её равнодушие к нашим отношениям не слишком искреннее, Валентина Григорьевна прислушивается к каждому слову. – Ты сейчас Катеньку покорми, уже время, и идите. Дети на свежем воздухе хорошо спят, поверьте моему опыту.

Мне хочется посмотреть, как Алла будет кормить дочь, но она уходит в маленькую комнату и прикрывает за собой дверь. Не достоин. А может, стесняется – уже чужой. Прощают меня раз от раза тяжелее.

– Ты в конце концов определяйся, живёшь со мной или нет, – говорит Алла на Арбате. – Мне это надоело. Выбирай.

День солнечный, прохладный. Москва в антициклоне, фланирующий по Арбату народ кажется беспечным и довольным жизнью. Все наслаждаются выпавшим среди пасмурной осени подарком. Мы двигаемся мимо переулка, в начале которого через несколько лет появится стена Виктора Цоя. Пока её нет, как нет на Арбате и весело нагловатых кооператоров, торгующих с лот-

ков матрёшками Горбачёва и Ельцина, орденами, медалями, другой советской атрибутикой, офицерскими и генеральскими парадно-выходными мундирами, армейскими шапками. Мысль о том, что такое возможно в принципе, показалась бы тогда дикостью, бредом. Да она и не приходит. Не могла прийти. Иностранцев нет, речь вокруг исключительно русская. Всё ещё впереди.

– Я выбрал.

Действительно, хватит дурака валять. Что ж, с литературой не получилось, а всё остальное не так уж и важно. Надо налаживать обычную обывательскую жизнь, какой живут миллионы людей. Я что, большего не стою, как быть грузчиком? Скитаться по квартирам?.. Даже хорошо, что папа приезжает, скажу. Он расстроится, но я не для того живу, чтобы ему угождать. В конце концов, поражения тоже надо принимать достойно.

Да и с Машей. У грузин есть притча: охотник научился понимать язык зверей – и не смог больше на них охотиться. То, что смутно тяготило меня в последнее время, оформилось наконец в чёткое решение: хватит, нельзя. На комбинате я ближе узнал Генку, сошёлся с ним, а пользоваться несчастьем хорошего, в общем-то, мужика, не по-человечески. Однако отношения с Машей можно прекратить, лишь переехав с Руставели. Так что одно к одному.

В коляске, которую я толкаю перед собой, перехваченное розовой лентой аккуратное полешко – завёрнутая в одеяло дочь. На воздухе Катя в самом деле сразу заснула. Я поднимаю верх коляски, чтобы солнце не светило ей в лицо.

– Правда, выбрал? – Алла смотрит на меня хмуро, недоверчиво.

– Правда, – говорю я, искренне веря в свои слова.

## 5

Папа приезжает не один. Вместе с ним крашеная блондинка средних лет.

– Марта Сильвестровна, наша бухгалтер, – представляет папа, выходя вместе с блондинкой из вагона. – Предлагаю сделать так. Сначала заедем к тебе, кое-что оставим, а потом уж в гостиницу.

– Зачем в гостиницу? – удивляюсь я. – Живите у меня, места хватит!

Папа галантен со всеми женщинами, но не до такой степени, чтобы носить чужой багаж. Сейчас он это делает. Пока мы идём к стоянке такси, я исподтишка поглядываю на блондинку. Похоже, она жительница черновицкой окраины вроде нашей Роши. Причём коренная, отсюда имя и отчество.

Я далёк от мысли ревновать, мамы нет уже несколько лет, а папа ещё не старый мужчина. Возможно, это смотрины. Папа хочет показать мне свою будущую жену, а ей меня, сына-писателя, живущего в Москве. Что ж, будем соответствовать. Говорить о своём решении прекратить графоманить сейчас не время.

– Может, всё-таки остановитесь у меня? – настаиваю я. – В Москве устроиться в гостиницу тяжело. А у меня место найдётся и для тебя, и для твоей симпатичной коллеги.

Марта Сильвестровна за «симпатичную» бросает на меня смущённо благодарный взгляд, а понимающий всё мой старик делает вид, что соображает.

– Моей симпатичной коллеге будет спокойней в гостинице, – с улыбкой

говорит он секунду спустя. – Место забронировано. Но она не откажется побывать у тебя в гостях, если пригласишь.

– Конечно, приглашаю!..

Я вздыхаю с облегчением. Папа умница, знает, как москвичи относятся к родственникам из провинции, тем более, к их знакомым. «У меня» – понты. Я сам на Смоленской на птичьих правах.

– Однако! – замечает папа, когда мы спускаемся с перрона и видим очередь на такси.

Она, действительно, порядочная – как всегда после прибытия поезда. Я пробираюсь к распорядителю с повязкой на рукаве и полосатым милицейским жезлом, заявляю:

– У меня иностранцы. Нужна машина.

Распорядитель смотрит с подозрением:

– Ты кто?

– Сотрудник Правления Союза писателей. – И я веско добавляю: – Прибыла делегация румынских писателей, необходимо доставить в гостиницу.

Срабатывают прежние знания. В левом флигеле Дома Ростовых (Литконсультация в правом) находится Иностранная комиссия Правления. Она занимается приёмом и размещением писателей из других стран. С некоторыми из ребят Иностранной комиссии я был знаком, так что их работу представляю.

Распорядитель недоверчиво оглядывается на папу и Марту Сильвестровну. Папа что-то непринуждённо рассказывает, слов не слышно. Действительно, могли прибыть из Румынии, поезд Бухарест-Москва, в Черновцах к составу только добавляют несколько вагонов. И по виду сойдут за румын.

– А что такая маленькая твоя делегация?

– Борцы с режимом Чаушеску. Нелегально приехали. Вы что, телевизор не смотрите, газет не читаете?..

Когда через час на Смоленской я рассказываю, как добывал такси, все смеются. Будь мы одни, папа обязательно назвал бы меня мазуриком (с поощрительными интонациями), но за столом с нами не только Алла и Валентина Григорьевна, но и Марта Сильвестровна. И мой старик ничего не говорит.

Протокол соблюлён, папа подержал на руках малышку, Марта Сильвестровна нашла, что она очень симпатичная. Оказывается, у неё тоже есть внучка. Легмашевский бухгалтер истинная дочь черновицкой окраины: немногословна, с цепким взглядом – всё замечает и всему даёт про себя оценку. Однако продвинутая, красить волосы у окраинных жительниц не очень принято. В честь папиного приезда стол накрыт не на кухне, а в большой комнате. На диване богато раскинулось пуховое одеяло, папин подарок к Катиному рождению. Нежный розовый шёлк отливает в свете люстры. Вещь дефицитная, у папы связи.

– Завтра надо будет в «Юность» заскочить, – как бы между прочим сообщаю я, когда выпита вторая рюмка, и ловлю на себе недоумевающий взгляд Аллы. Однако я не тушуюсь. Озабоченность и лёгкая досада присутствуют в моём голосе, будто работа с редакторами обычное, даже поднадоевшее для меня дело.

Мой старик поворачивает внимательное лицо, вздёргивает левую бровь:

– А что такое?

– Решили печатать мой новый рассказ. Надо снять кое-какие вопросы по тексту.

Папа как бы невзначай смотрит на Марту Сильвестровну, кивает:

– Что ж, это неплохо.

– Редакторы не могут, чтобы не придраться к какой-нибудь мелочи, – продолжаю высказывать недовольство я. – То рассказ не помещается, надо сократить, подрезать «концы». То, наоборот, остаётся место, надо дописать пару абзацев... В общем, морока.

Папа поднимает вверх палец:

– Но приятная.

– В общем, да, – соглашаюсь я.

Остаться на Смоленской папа не хочет. Джентльмен в нём не может допустить, чтобы Марта Сильвестровна жила в гостинице, а он здесь. Хотя тёща неожиданно предлагает Марте Сильвестровне остаться тоже.

– Искренне признателен, но нам в министерство из гостиницы ближе. – Папа в прихожей слегка кланяется, немного актёрствует. Собственно, во всякой галантности есть доля актёрства. И мне: – Думаю, нас провожать не надо, сами доберёмся.

Но черновицкий этикет требует, чтобы я проводил, раз уж папа не захотел у нас остановиться. К тому же хочется побыть с ним подольше. Спускаемся вниз, я довольно быстро ловлю такси, и мы едем в «Зарю». Ещё одно подтверждение того, что папа истый джентельмен, – какое «близко», все министерства в центре, а эта гостиница в районе ВДНХ!.. Легмаш в Москве не котируется, вон куда командированных загоняют. У «Зари» я делаю эффектный жест, достаю бумажник, чтобы расплатиться с таксистом.

– Помочь? – интересуется с заднего сиденья папа.

– О чём ты? Вы мои гости, – с достоинством отвечаю я и чувствую, что папе нравится мой ответ. Сын, как писателю полагается, самостоятельный, обеспеченный человек. И Марта Сильвестровна это видит.

Толком пообщаться нам так и не удаётся. Всё время вокруг люди. И лишь в конце папиной командировки выпадает минут двадцать, когда вещи занесены в вагон, Марта Сильвестровна остаётся в купе, а мы с папой выходим на перрон.

Пахнет сернистым газом от раскопечаренных в вагонах титанов, время от времени раздаётся гулкая невнятица объявлений о прибытии и отправлении поездов, лоснится от мелкого дождя перрон. Я пока не знаю, что запах сернистого газа и вокзальные объявления вскоре станут для меня привычными. Как станут надоевшие привычными супы из концентратов, ощущение под пальцами гладкой бумаги открыток и конвертов, ответственность за посылки, сидение на отходящем в ягодицы вагонном унитазе – жизнь на колёсах в буквальном смысле слова.

– Что ж, повидались, это уже хорошо... Насколько могу судить, у тебя всё нормально, – с полувопросительной интонацией произносит папа и внимательно смотрит на меня.

– В общем, да.

Даже сейчас, наедине, у меня не поворачивается язык сказать, как на самом деле обстоят дела.

- В «Юности» был?
- Конечно.
- Хороший журнал, его многие читают. Печататься в нём честь.
- На том стоим, – говорю я.

Мы прогуливаемся по перрону, не отходя далеко от вагона. Говорить особенно не о чем. Мне достаточно видеть папино лицо, взлетающую время от времени бровь, почувствовать знакомый с детства запах «Шипра». Я принимаю врать о Марии Лазаревне из отдела прозы, которая в своё время редактировала мой рассказ. Говорю, что и теперь всё прошло замечательно, Мария Лазаревна поправила всего две фразы. Считает, что как писатель я расту. Последнее говорю с усмешкой, чтобы папа не подумал, что придаю словам редактора особое значение.

– Знаешь, я рад, что всё у тебя складывается благополучно, – произносит папа. – Ты сделал то, чего не смогли я и твой дед. Наш род заявил о себе настоящему. И это твоя заслуга.

Тёплая волна обдаёт меня. Мне тридцать, а я доволен папиной похвалой, как пацан. Пусть даже она не заслужена. Похоже, это навсегда, в соответствии с моим биологическим возрастом. И желание не огорчать папу тоже отсюда.

Мне не хочется, чтобы он заметил моё состояние, и я киваю на вагон, где в одном из купе Марта Сильвестровна:

– Это серьёзно?

Но мой старик совсем непрост.

– Будем посмотреть, – вдруг с кавказским акцентом говорит он и хмыкает.

Я не уверен, что ему так уж интересно моё мнение о Марте Сильвестровне. А может, папа просто выдерживает дистанцию – всё-таки старший, отец, отчитываться передо мной не обязан. Теперь хмыкаю я:

– Ну-ну.

Родственные чувства не исключают у нас ироничности. Когда поезд трогается, я иду рядом, прощально подняв руку. Папа, пока его вижу, тоже не отходит от окна. Останавливаюсь лишь у края платформы. Мелкий дождь рябит лужи на асфальте.

Опять я один.

## 6

Долг платежом красен. Помочь перевезти вещи в Орехово-Борисово я попросил Толю Довгошею.

Позади остались суэта с пропиской на Смоленской (требовалось срочно), смотрины предлагаемых квартир, другие дела, связанные с переездом. Алла с Катей на время перебралась к родителям. Я и Толя Довгошея среди упакованных ящиков и разобранной мебели поджидали тестя – тому на работе обещали грузовую машину.

Толю я давно не видел. Он, как и собирался, наконец женился, заметно раздобрел.

– Куда денешься, – сказал этот неторопливый, похожий на Збигнева Цыбульского человек и похлопал себя по животу. – Сидишь за машинкой месяца-

ми, момон и растёт!.. Галя говорит, неизвестно, кто из нас раньше родит, она или я.

Дела у Довгошеи шли на зависть. Кроме того, что его продолжал печатать «Новый мир», недавно вышел сборник Толиных повестей, о котором поощрительно отозвалась «Литературная газета». Я спросил о Киме. Оказалось, руководитель нашего семинара к жене так и не вернулся, жил в Переделкино, из месяца в месяц добывая путёвки в дом творчества. По Толиным словам, Ким Николаевич был крепко раздосадован: известный писатель, состоятельный человек, но квартиры купить не может. Прописан у жены, а там куда больше шести метров на нос, таких в жилищные кооперативы не принимают. Не помогли даже милицейские связи. По крайней мере, пока.

– Ты его новый роман читал? Почитай, это новый Ким. Время чувствует как никто.

– Неужто в диссиденты подался? – усмехнулся я.

– Зачем? Писать можно обо всём. Главное, уметь это делать.

Толя умел. Последняя его повесть была о молодом инженере, пытавшемся внедрить своё изобретение. Оно давало большой экономический эффект, но интересы слишком многих людей и ведомств затрагивало. Герою на разных уровнях аргументировано доказывали несостоятельность идеи. В итоге впечатлительный молодой человек то ли утонул во время купания, то ли покончил с собой. Завершалась повесть заметкой в ведомственной газете. Сообщалось о японцах, укравших изобретение скромного советского инженера... Рассказывалось об этом без надрыва, спокойно, даже буднично. Толя Довгошея, этот медлительный скучноватый человек, под видом рутинной производственной повести покушался на святое – плановый характер советской экономики. И такое печатали. Ещё был жив Брежнев, но в воздухе уже нечто носилось.

– Не бойшься?

– Чего?

– Ну, мало ли...

Недавно на операционном столе умер Юрий Трифонов. Ходили слухи, не без помощи врачей. Приём в практике родного государства не новый, сходным образом убрали в свое время Фрунзе. Это из того, что известно. Власть чувствует опасность в самостоятельно думающих людях. Особенно, если они становятся популярными.

– Волков бояться... – Толя засопел. – Ты-то как живёшь?

Я уже несколько месяцев работал начальником почтового вагона. Устроиться помогла теща, потребовалось её влияние министерского работника – в начальники почтовых вагонов, как и в грузчики, людей с высшим образованием не брали.

– Писать получается?

– Как тебе сказать... Катька сутками орёт. Я специально такую работу нашёл, чтобы писать между поездками, а из-за неё... Подрастёт, станет спокойнее, тогда.

Довгошее мне тоже не хотелось говорить, что решил завязать с литературой. Со стороны моё решение можно было толковать и так: осознал свою несостоятельность. Особенно не хотелось, чтобы так думал преуспевающий Толя.

Собственно говоря, я и в начальники почтового вагона пошёл, чтобы говорить: возможность писать есть, но обстоятельства пока не позволяют. Благородный человек, работаю на семью, приношу в дом деньги, наступив на горло собственной песне.

– Ничего, скоро узнаешь, как это, когда маленький ребёнок! – стараясь, чтобы в голосе звучало мстительное предвкусение, сказал я. – Твоей Гале когда рожать?

– В июне.

– Ну вот, скоро. Так что готовься, на собственной шкуре прочувствуешь!..

Довгошея хмыкнул:

– Это вряд ли.

– То есть?

– Хочу дом строить, пока гонорар не разошёлся. Деньги, они ведь как тараканы расползаются.

– Где думаешь? В Подмосковье?

– В нашем посёлке. У нас места хорошие, опять же родина...

С Толиной Галей я познакомился, когда на днях заходил в их коммуналку возле Политехнического. Довгошея выполнил задуманное, привёз жену из родных мест. Ещё одно Толино отличие от обычного выпускника Литинститута, решившего осесть в Москве. Большинство для этого женились на москвичках. Довгошея пропиской и жильём никому, кроме себя и своих способностей, обязан не был. Ещё, правда, Киму. Толина жена особого впечатления на меня не произвела, она напоминала девчонок-лимитчиц, с которыми я работал на комбинате.

– Ты вроде на шашки ездил, в строительстве разбираешься, – полувопросительно произнёс Толя и посмотрел на меня.

– Есть такой факт в биографии. А что?

Ответить Довгошея не успел.

– Звонят. Потом.

В дверь в самом деле звонили. Вернувшись на Смоленскую, я по максимуму убавил звонок, чтобы он не будил Катю.

– Тесть. Наконец-то!..

Однако за дверью оказался не тесть, а тот, кого я меньше всего ожидал увидеть – Иван Калистратович. Лицо у него было смущённое.

– Маша попросила отвезти... – Генкин отец протянул битком набитую сумку. – Ехай, говорит, а то сам не приходит, не забирает. Ну, вещи твои...

Я посторонился.

– Проходи. – После того, как я уволился из Литконсультации и пошёл на комбинат, Иван Калистратович снова стал говорить мне «ты» и не возражал, если я к нему так же обращался.

– Чего проходить, я отдать да обратно... Димка со школы скоро придёт, кормить надо, уроки делать...

Но всё-таки вошёл, оценивающе окинул полупустую и оттого особенно просторную сейчас прихожую, высокие потолки. Сказал то ли с завистью, то ли осуждающе:

– Старая планировка, дореволюционная... Переезжаете, что ли?

– Вроде того. Калистратыч, ты извини, даже чаем угостить не могу, всё упаковано.

– Какой чай... – Проходить в комнату, где находился Толя, Иван Калистратович не стал. – Чай не водка, много не выпьешь... Эх, Юрка, что ты надеялся! – вдруг напряжённым шёпотом заговорил он, подавшись ко мне. – Бесится Машка, житья не даёт. Как только ты уехал – началось! Понять можно, баба молодая, ей надо, но нас-то чего тиранить? Мы-то чем виноватые?..

Я опешил. Вот те раз! Неужели Иван Калистратович вычислил нас с Машей?..

– Только сейчас собрала твоё барахло. Всё надеялась, вернёшься. – Он помолчал. – Юр, может, когда зайдёшь? Генка её лупит, а что толку? Ещё посадят, дурака. Ему и так... Я понимаю, часто заходить не сможешь, семья и всё такое. – Иван Калистратович с опаской посмотрел на дверь в ближнюю комнату. – Ты хоть иногда, как получится... Или какой холостой мужик есть на примете, чтобы в квартиранты согласился. Берём мы недорого, ты знаешь. А можно вообще...

Калистратыч в сердцах махнул рукой и вышел, хлопнув дверью.

Какое-то время я стоял в прихожей. Из комнаты выглянул Толя:

– Всё нормально?

Я промолчал.

Вскоре с двумя молодыми сослуживцами приехал Аллин отец. Мы принялись выносить на подсохший апрельский асфальт вещи, грузили в крытый грузовик, потом ехали через пол-Москвы в неудобное, голое, с чахлыми саженцами и отвалами глинистой земли Орехово-Борисово. Воздух врывается под тент, холодит лица, сбоку машины тянулись новые панельные многоэтажки. Площадки перед подъездами были в ошметках отставшей от колёс спрессованной глины со следами протекторов. Дома активно заселялись. У меня из головы не выходил Иван Калистратович.

Думал о нём я и тогда, когда поднимали вещи в двухкомнатную квартиру на пятом этаже, а потом делали ещё одну ходку – всё сразу в машину не поместилось. Было жалко старика. Мало того, что знал о наших с Машей отношениях и молчал, так ещё пришлось унижаться, просить, чтобы невесткин любовник вернулся. Чем здесь поможешь? С Машей – всё. Из-за Генки и потому, что с Аллой налаживалось. Уверенности, что Катя моя дочь, не было, но надо прибавиться к какому-то берегу. Пора.

Раскрасневшиеся, с мокрыми спинами, мы сидели потом под голой лампочкой в новой квартире и пили водку. За окном уже было темно. Вокруг нас хлопотала тётка, выкладывая из судков привезённую из дому еду. В последнее время из её лица исчезла твердокаменность комсомолки двадцатых – должно быть, сказывалось рождение внучки и то, что в семье дочери наконец-то всё благополучно. Выглядел довольным и Аллин отец. Но, скорее, потому, что разделались с переездом.

– Говорят, один переезд равен двум землетрясениям. – Тесть был уже изрядно навеселе, но свои вислые гуцульские усы не забывал аккуратно промокать носовым платком. Он обвёл взглядом комнату с голыми стенами. – Нет, это не бабушкина квартира, нет!..

Валентина Григорьевна живо возразила:

– Не так уж и плохо, всё новое. И детский сад рядом, удобно.

Тесть с чувством заговорил о том, что коренных москвичей выселяют на окраины, а их квартиры в центре отдают торгашам и всякой сволочи. Оба сослуживца поддержали его, хотя на коренных москвичей не походили. У всех было на памяти недавнее громкое дело директора Елисеевского магазина, приговорённого к расстрелу. Обнаглели торгаши, мафия какая-то, всё под ними!.. Мы ещё раз выпили за новую квартиру, за благополучный переезд, потом тёща предложила тост, чтобы в новой квартире поселилось счастье. И посмотрела на меня. Никто был не против, я тоже. Выпили за счастье.

– Я вот чего хотел... – заговорил Толя Довгошея, когда полчаса спустя на девал в тесной прихожей туфли.

Все, кроме меня, разъезжались по домам, мне завтра предстояло заняться сборкой мебели, врезать в двери замок, делать другие необходимые дела. Говорил Толя с натугой, «момон» мешал наклоняться:

– У тебя когда отпуск?

– Рано об этом, полгода не работаю... Зачем тебе?

– Хочу, чтобы помог с домом. Ну, я тебе говорил... – Толя распрямылся, лицо у него было багровое. – Опыт у тебя есть, заплачу я нормально... Дружба дружбой, а табачок... Как ты?

Предложение было неожиданным. Я удивился:

– А что местных не нанимаешь?

– Пробовал. Без аванса не идут, а дашь – запивают, ищи потом... И не откажешь, принято так, вроде как традиция. С фундаментом вот так вот намучился!.. – Толя черкнул себя ладонью по горлу. Движение вышло неуверенным, как бывает у выпившего человека, но моё замешательство Довгошея тем не менее заметил. – Ладно, ты думай. Фундамент готов, стены надо выгонять, стропила там, крыша... Одному никак! Вдвоём – да, а одному... Знаешь, как в наших местах говорят? Вместе и отца бить...

– Когда собираешься? – прервал я Толину хмельную словоохотливость.

– Да хоть завтра! Земля уже отошла, можно. Мне, главное, надёжного человека найти. Обещаешь?.. Ну, думай. Надумаешь, дай знать, ладно?..

## 7

Всё-таки я легкомысленный человек. Опять моя жизнь выписывала загогулину. На кой, если подумать, сдалось мне это строительство? Есть работа, пусть на колёсах и беспокойная, но платят неплохо, есть семья – так держись за них! Какого хрена надо?..

Это по логике. Но если бы всё в жизни шло по ней. Отношения с Аллой налаживались, но не так, как надо. Я начинал подозревать, что не очень-то Алле и нужен. Разве что для статуса – замужняя женщина. Куда важнее для неё теперь была Катя. Нет, я не ревновал, как бывает с молодыми отцами, но когда видел, с каким лицом Алла занимается дочерью, спрашивал себя, почему счастливого выражения нет, когда она со мной. Сдержанность, пресное исполнение обязанностей. Сравнивал жену и Машу. Лучше уж Машина пролетарская непосредственность, по крайней мере, открытый человек.

Если жена меня и любила, то в прошлом. Я сам во многом виноват, что так вышло, хотя и то правда, что вечной любви не бывает. По гамбургскому счёту, моё отношение к Алле тоже трудно было назвать любовью. Всё-таки любовь и необходимость после смерти мамы в близком человеке рядом – вещи разные. Тем более, если человек родным так и не стал. Даже в первые недели знакомства мы с Аллой были ближе. Ну, ещё её беременность, до появления псевдокостромича. Что в сухом остатке? Живу с женщиной, которой безразличен и к которой безразличен сам. Инерция. Главная моя функция – приносить домой деньги. Был бы ещё уверен, что Катя моя дочь...

Говорить всё это Алле я не стал. Ни к чему. Сказал, что появилась возможность заработать во время отпуска. Жена удивилась, мы как раз навешивали на кухне шкафчики:

– А дадут отпуск? Ты недавно устроился.

– Дадут. В крайнем случае, за свой счёт... Обещают хорошие деньги.

Алла подумала.

– Неплохо бы. Надо мебель менять, как-никак новая квартира. Этим шкафчикам сто лет в обед.

О том, что за подработка, где, у кого – ни слова.

Отпуск мне не дали. В отделе почтовых перевозок прочли заявление и с раздражённым изумлением вскинули глаза:

– Ты чего, с дуба упал?.. Первомай на носу, День Победы! Зашиваемся с поздравлениями, а он – отпуск!..

Я порой забавляюсь тем, что одеваю окружающих в одежды девятнадцатого века. Проявляю типажи. Мой начальник был густоволос, низкий лоб в толстых морщинах, крепкая челюсть. Надень на него картуз, передник с бляхой, дай в руки метлу – типичный дворник! Хваткий и себе на уме. Юрий Ильдарович меня недолюбливал, потому что приняли на работу в обход его, по тёщину звонку. Не добавляло любви и то, что я поймал в своём вагоне двух сотрудниц, которые вскрывали посылки, – одна оказалась его родственницей.

– А за свой счёт? Всего-то пару недель, сруб поставить. Обещаю, год в отпуск проситься не буду.

– Я тебе русским языком сказал, нет! Никакого отпуска! – И, видя, что я не тронулся с места, начальник закричал: – Выйди из кабинета! Пошёл вон, сказал!..

Тут уж я не выдержал. На горячую татарскую кровь была горячая хохляцкая.

– Что?! – Я потянулся через стол и взял начальника за лацканы. – Как разговариваешь, козёл!..

Юрий Ильдарович оказался не робкого десятка, взвизгнул и тоже вцепился в меня. Грохнулось кресло, дробно запрыгал ножками по линолеуму стол, мы схватились. Но физиономии друг другу толком разукрасить не успели, нас разняли вбежавшие в кабинет сотрудники отдела.

Было ясно, больше мне здесь не работать. Оставалось только забрать трудовую книжку, что я и сделал. И был, в общем-то, рад. Всё решилось само собой. Ничто больше не мешало уехать к Толе под Вышний Волочок.

В своё время Чернышевский иронизировал над проницательным читате-

лем. А зря. Только такой читатель способен проникнуть в замысел сочинителя, по крайней мере, стремится сделать это. Для него, собственно, и пишется всё – не для любителей же экшена. Там главное, чтобы сюжет был закручен, а для чего, с какой целью, неважно. Но в одном я всё же с Чернышевским солидарен. Как порой хочется поиграть с проницательным читателем в прятки, подурочить его, оставить с носом! Что я в меру своих скромных сил иной раз и пытаюсь делать. Ведь ко всему прочему, литература это ещё игра, как к подобному факту ни относиться.

Проницательный читатель думает: ага, накрутил всего, и с женой-то у него не ладится, и в отцовстве своём не уверен, и с начальником подрался – а всё ради чего? Чтобы под благовидным предлогом отправиться в народ, припасть, так сказать, к истокам в час душевной смуты. Что за писатель, если не выкажет своего отношения к народу, не будет черпать в нём силы? Маша, Генка, Иван Калистратович, Толик Такташев, другие мужики из бригады грузчиков – какой они народ? Они городские, от корней оторвались. А вот в глубинке, где исконное, ничем не замутнённое, где корни...

Ничего такого не обещаю. Ни в западни, ни в почвенники подаваться не намерен, я сам по себе. Опишу только то, что видел и чему был свидетель. Хочешь читать про народ-богоносец, который чист душой и выше материального ставит духовное, читай Лескова, Распутина и Белова. Хочешь наоборот – возьми бунинскую «Деревню», «Нравы Растеряевой улицы» Успенского или «В овраге» Антона Павловича. Теперь, не первый год живя в забытой богом деревне и директорствуя в малокомплектной школе, я думаю, что народа как такового не существует. Есть люди, хорошие и плохие, население, как выражаются нынче государственные мужи. Хотя общие родовые черты у тех и других всё-таки присутствуют.

И вот – Ленинградский вокзал, озабоченно суетливый люд при посадке, запахи купленных в Москве колбасы и апельсинов, потёртые рюкзаки и сумки общего вагона, дорожные пейзажи за невымытым окном и, наконец, станция с высоким переходом над путями.

У окошка автобусной кассы какой-то парень с брезгливой досадой берёт за плечи и отшвыривает в сторону мужика. «Я за очередью слежу», – бормочет мужик и растерянно смотрит по сторонам. Парень не отвечает, нагибается к окошку, покупает билет. На его лице всё та же досада, будто крашенная будка кассы, низкий штакетник, липы с набрякшими почками и люди вокруг ему смертельно надоели. Очередь молчит, от парня тянет острым холодком опасности.

Я с интересом смотрел на всё. Выросший в Черновцах, глубинной России я не знал. В автобусе прислушивался к разговорам, пытался вникнуть в новую для себя жизнь. Разговоры накладывались на дребезжание старой машины, тёмную хвою по обе стороны автобуса, на редкие проплешины полей и деревеньки вдоль трассы, по-апрельски серые, с нераспустившимися палисадниками. Этакий дорожный экспрессионизм. Как-то неожиданно автобус оказался в просторном посёлке с единственным двухэтажным зданием школы и домом культуры с нарисованными колонами.

На автостанции меня встречал Толя Довгошея. На нём гроыхающий меш-

коватый плащ и резиновые сапоги с отвернутыми голенищами – сразу не узнаешь. Знакомым был разве что берет, его Толя носил и в Москве.

– Переобуйся, – деловито сказал он, ставя передо мной такие же резиновые сапоги. Пожал ладонь, по своему обыкновению оттягивая вниз и слегка выворачивая руку. – У нас ещё грязи до чёрта.

Грязи на улицах, действительно, оказалось порядком. Спустя минут пятнадцать мы вытирали сапоги у бревенчатого дома с зелёными наличниками. Это была окраина посёлка. На крыльцо выглянула пожилая женщина, махнула рукой:

– Да оставьте! Я помою потом!..

Мне понравилась её лицо. Похоже, это была Толина мать. Мы разулись, прошли в носках через какое-то тёмное помещение без потолка и с деревянными ступеньками налево вниз («мост», как узнаю позже). Из ещё более тёмного пространства за ступеньками пахло коровой: навозом, сеном и молоком. Толя открыл обитую мешковиной дверь, и мы оказались в вытянутой комнате с вешалкой у входа и со столом в дальнем торце. Герань на подоконнике, низко свисающая с потолка лампочка. Из «приделка» (тоже вскоре узнаю название вытянутой комнаты) вход в собственно дом с белёной русской печью. То, что там печь и что она белёная, я почувствовал сразу: в приделке пахло нагретой побелкой, печь ещё протапливали. Всё это вместе и было пятистенком, о котором я неоднократно читал в литературе.

– Раздевайся, Юр. Сейчас перекусим. – Толя помедлил. – Здесь вот какое дело... Неудобно тебя сразу напрягать, но надо ехать за брусом. Я ещё зимой договорился, а на пилораме всё тянули. Сейчас не заберу, могут перехватить – строительный сезон начался, всем надо...

– Всегда готов. Хозяин барин.

– Ну и хорошо. Перекусим и поехали... Мам, давай.

Встретившая нас женщина уже резала на столе хлеб, она подняла лицо и сказала, поглядывая на меня:

– Да вы садитесь, давно готово. Борщ со свиной, ты, Толь, из Москвы привёз, наваристый... Пить будете?

– Моргунов не любит, когда в кабине водкой пахнет. Он не заходил?

Тётя Зоя (это я тоже узнаю вскоре) всё так же охотно отозвалась:

– Где уж. Моргунов такой человек, ему нравится, чтобы просили, да не раз!..

Толя сел за стол, кивнул мне на табуретку рядом. Вышло это у него озабоченно. Вскоре я знал, что Моргунов – дальний родственник, работает на лесовозе, обещал поехать с нами за брусом.

– О, явился не запыхался! – вдруг сказала Толина мать, оглянувшись на дверь. – Проходи уж, раз пришёл. Есть, наверно, хочешь?

Оглянулся и я. У порога стоял быстроглазый пацан в потасканной синей куртке.

– Хочу, ага!

Тётя Зоя и Толя засмеялись такой непосредственности. Мальчишка, судя по всему, был им чужой.

– Сколько, думаешь, ему лет? – спросил Толя.

– Ну, четыре-пять...

– Семь, – сказал Толя и приподнял подошедшего к столу пацана. – Поддержи.

Я взял того под мышки и поразился лёгкости. Тела под курткой почти не ощущалось. На мой удивлённый взгляд тётя Зоя сказала:

– А ведь не война, не голодуха... – И замолчала. Здесь было что-то своё, деликатное, знать которое постороннему не полагалось. По крайней мере, сразу.

Поездку за брусом я запомнил надолго. Толя несколько раз выходил из дома, возвращался, перекидывался с матерью короткими фразами, опять уходил, пока наконец не вернулся и не объявил:

– Сейчас подъедет!..

Моргунов, хмурый носатый мужик, всё время курил, в кабине было не продохнуть. Мы с Толей помалкивали – зависимые люди. Мне показалось странным, что такой заядлый курильщик не переносит запаха водки. Ехали долго, свернули с бетонки на просёлочную дорогу, миновали несколько деревушек. В сумерках остановились возле приземистого длинного строения, светящегося свежими досками. Оно оказалось пилорамой.

– Думаешь, отпустят? Теперь только сторож на месте, – сквозь зубы, не выпуская мундштука беломорины, усомнился Моргунов.

– Я звонил, договорился, – ответил Довгошея.

Брус нам и в самом деле выдали безо всяких. Проблемы начались позже, когда мы загрузили лесовоз и возвращались обратно. За несколько километров до бетонки тяжёлая машина засела в колею. Моргунов давил на газ, пытался найти колёсам опору и выбраться на твёрдое. Ничего не получалось. Наконец он с силой бросил руки на баранку и выругался.

– Капитально сели!.. Разгружаться надо!..

Легко сказать. Мы с Толей ещё от погрузки не отошли, мокрые как мыши. Однако делать было нечего, гружёному лесовозу, похоже, и в самом деле не выбраться. Мы вылезли из кабины, взобрались наверх, принялись сбрасывать брус на обочину. Высохли, взмокли снова. Время от времени Моргунов принимался газовать, пробовал раскатать машину взад-вперёд, матерился, но выехать из колдобины никак не получалось.

– Надо трактор искать!..

Пришлось возвращаться в ближнюю деревушку. Моргунов остался возле лесовоза, а мы, увязая в грязи, побрели по дороге. Можно сказать, отдыхали – идти было всё же легче, чем возиться с брусом. В окнах деревушки ещё горел свет, но нам никто не открывал, разговаривали через дверь. Оказалось, тракториста здесь нет, он живёт в соседней деревне. Идти по грязи ещё несколько километров не хотелось, и Толя спросил, кто может подвезти, он заплатит. Нас направили к какому-то Лёхе, у которого «Иж».

Лёха, белокрысы парень допризывного возраста, дверь открыл сразу. Стоя в полосе света, бросил: «Без проблем!» и, не обращая внимания на недовольство матери, принялся выводить из сарая мотоцикл. Поехать с ним мог только один из нас.

Я вернулся на дорогу. Темнота пахла хвоей, прошлогодним бурьяном, мокрой землёй. В ней происходило что-то едва слышное, больше угадываемое –

может, росла трава или раздвигались чешуйки почек. Если бы не свет в окнах, можно было подумать, что я очутился где-нибудь в десятом веке, во временах Владимира Красна Солнышка. Тишина и глухой простор во все стороны.

Трактор стал слышен издали, а вскоре запрыгал над дорогой и отсвет фар. Ко мне подъехал Лёха, заднее сиденье мотоцикла было пустое.

– А Толя где?

– Дорогу показывает. Садись давай, подброшу! – Голос парня звучал радостно. Похоже, Лёхе было по душе и то, что ночь, и что дорога тяжёлая, и что надо кого-то выручать.

Водитель он оказался адский. Пока довёз до лесовоза, несколько раз я чуть не слетел с мотоцикла. Домой Лёха возвращаться не стал, а стрельнул у сидевшего на подножке машины Моргунова беломорину и спросил:

– Ты в армии служил?

– Служил. – Моргунов не удивился ни вопросу, ни тому, что к нему обращается на «ты» молодой парнишка, практически пацан. Здесь, видно, так было принято.

– Я тоже скоро пойду. В десантуру хочу. – При затяжках папироса высвечивала Лёхино лицо с прыщами на щеках.

– А это какой покупатель приедет, – как равному ответил Моргунов. – Я, к примеру, в авиацию хотел, а попал в стройбат... Ну что, обратно грузим? Чего время терять. – И первым взялся за конец бруса.

Видеть подобное было непривычно – грузить и разгружать не шофёрское дело. Но у Моргунова хоть стимул был, мужик хочет побыстрее домой. А вот почему стал помогать совсем уж посторонний человек Лёха, было не очень понятно.

Когда на ДТ подъехал Довгошея, мы почти справились. Но, оказалось, поторопились. Лесовоз засел прочно, трактору не поддавался. Наверно, ещё потому, что тракторист был заметно пьян и делал что-то не так. Пришлось опять сбрасывать брус на обочину, делать машину легче. В конце концов её всё же удалось вытащить на твёрдое.

– Мастерство не пропьёшь! – кричал Лёха, таская вместе с нами брус, смеясь и мотая головой на трактор. Казалось, он радуется всему, что происходит, и если бы случилось что-нибудь ещё, он был бы счастлив вполне. – Скажи, Мятый, ага? Назюзюкался после трудового дня! Или ещё раньше начал?.. Мастерство, оно... – Что «оно», Лёха придумать не мог и от невысказанности чувств швырял брус на землю, не заботясь, что другой конец может сыграть.

Из кабины выбрался тракторист. Он поскользнулся, на фоне светящихся фар было видно, как побежала на полусогнутых ногах боком тёмная фигура и едва не упала. Странно, что в таком состоянии человек ещё способен был управлять трактором.

– Нормальный ход, всё хорошо... – бормоча это, тракторист нетвёрдым шагом приблизился к сваленному бусу. – Зашибись, коммунистический субботник! Помочь завсегда... Святое дело...

Лёха принялся его подначивать:

– Мятый верующим заделался! Почём опиум для народа?.. Чего молчишь? Оглох, что ли?

Тракторист не отвечал. Ухватившись за конец, волок брус к лесовозу, чем-то смахивая на муравья. Его отчаянно бросало из стороны в сторону.

Уже светало, когда по Толиной просьбе ДТ провожал нас до бетонки – вдруг опять засадем. Леха по собственному почину ехал впереди. Деньги, которые Довгошея ему дал, он не глядя сунул в карман, они его интересовали мало. Тракторист оказался большим материалистом. С пьяной медлительностью принялся рассматривать в свете фар купюры.

– И куда дурила пошёл... – пробормотал Моргунов, когда мы уже выехали на бетонку. Он поглядывал в зеркальце заднего вида. Похоже, за нами двинулся и ДТ. Я успел заметить, благодарности к трактористу Моргунов не испытывал. Наоборот, словно своей помощью тот унизил его.

– А что? – устало поинтересовался Толя. После всех этих погрузок-разгрузок, катаний за спиной рокера Лёхи, поисков и уговоров тракториста он благодухествовал, дело было практически сделано.

– Мало ему, добавить надо... Здесь на трассе самогон в одном месте продают. Заснёт, врежется в кого-нибудь. Или в него... Ничего, скоро откроют вытрезвитель!

– Вытрезвитель? У нас?..

– Не видел разве? Прямо возле милиции построили. Поприжмут тогда хвост всякой пьяни, столько аварий через них...

Всю обратную дорогу Моргунов рассуждал о вреде алкоголя в жизни человека вообще, а среди водителей в особенности. Наверно, пострадал из-за чьей-то пьянки.

## 8

Нетороплив и обстоятелен Довгошея был не только в своих повестях. Ставить сруб мы начали с того, что отчистили и отмыли вываленный в грязи брус. «А то некрасиво будет», – шурился Толя с таким видом, словно иронизировал над собой. Но дерево драил так, будто предстояло отправлять его на выставку.

В строительстве дома Толина основательность проявилась более чем наглядно. Брус можно было скреплять между собой большими гвоздями, так быстрее, но Толя кинул провода от матеиноного дома и принялся сверлить отверстия под нагели. О серьёзности его подхода свидетельствовал и котлован внутри фундамента. Там предстояло быть не только погребу, но и помещению для автономной котельной, которая в те годы встречалась в частных домах крайне редко. О том, что Толя предусмотрел в доме ванную и туалет, не стоит говорить, это само собой.

Я так и не понял, зачем понадобился ему. Разве что, действительно, в отличие от местных кадров не запью. Мой строительный опыт был невелик, к тому же дом, да ещё такой – не колхозный коровник. Довгошея знал больше меня, как-никак вырос в местах, где у каждого хозяйство и надо многое уметь. Плюс добровольные консультанты.

Главный из них, Денежка, появился, когда мы только начали укладывать первые венцы. Это был высокий сутулый мужик с палочкой. Он молча ходил вокруг стройки, потыкал палочкой в свежие отверстия для нагелей и, дождаввшись, когда Толя выключит дрель, сказал:

– Углы промерзать будут.

Толя внимательно взглянул на него.

– Я пакли в стыки не жалею.

– А без разницы! Когда углы в полдерева, надо шпонки ставить.

Этот Денежка был любопытный человек. Я уже начинал разбираться в местной табели о рангах, Денежка находился где-то в самом низу, почти пария. Он был на группе, не работал, жил в избушке, напоминавшей упавшую на колени лошадь – окошки смотрели в землю. Денежка был в возрасте, но жена у него молодая, он её регулярно бил. «Дак чего, гуляет, – объяснила тётя Зоя. – Если уж ты сошла с мужиком, так живи. Не знала, что инвалид и старый?.. Усвистит куда-то, неделями дома не бывает. На пацана жалко смотреть, неухоженный, голодный – что из такого вырастет?.. Да вы его видели, заходил к нам».

На Толиной усадьбе Денежка появлялся каждый день.

– Инспектор идёт. – Довгошея с усмешкой подбивал пальцем очки на широкой переносице. Лицо у него уже загорело, стало кирпичного цвета – дни стояли солнечные.

– Давно не было, – усмехался и я.

Денежка следил за строительством так ревностно, будто строили дом для него. Мне вспоминался сюжет по телевизору: в обезьяньей стае у одной самки не было детёныша, и она постоянно утаскивала детёнышей у других. Может, и Денежка в своих советах реализовывал то, что не мог реализовать на деле, для себя. Потому что больной, потому что нужна, потому что жизнь не сложилась и жена потаскуха.

– А чего фасок на бресе нет? Дождю стекать некуда, стены гнить будут, не соображаешь? – допытывался он у Толи. Видел, что к его словам прислушиваются, и потому не особенно церемонился.

Толя почти оправдывался:

– Ещё буду кирпичом обкладывать. Теплее, и никакой дождь не страшен.

Денежка сдавался не сразу. Он кашлял, плевал на землю, сварливо говорил:

– Кирпичом... Пока дойдёт до кирпича!.. Сруб выстояться надо, а дождь будет в стены бить. Промокнет пакля, врубаешься?

Он выбирал место, садился и, положив рядом палочку, принимался рассуждать о преимуществах дома из кругляка. Возни, правда, больше, но в таком доме стены не промокают, вода задерживается в желобах. Откуда Денежка всё это знал, было неизвестно. Толя перепроверял его советы, оказывалось, на самом деле так. Мы устраивали перерыв, слушали, переглядывались, но когда Денежка менял тему, возвращались к работе.

А темы у Денежки были самые разные. Он мог вдруг спросить:

– Вот скажите мне слово, чтобы было четыре буквы «а». Вы ж институты покончили, должны знать!.. – Видя наше затруднение, доставал из кармана во много раз сложенную газету и тыкал пальцем в текст: – Вот, «спАртАкиАдА»!.. Четыре!.. Или чтоб сразу шесть согласных букв подряд. Ну?..

Толя поднимался, брал в руки топор.

– Что это тебя на слова потянуло? Ребусами увлёкся?.. В русском языке не бывает шесть согласных подряд.

– А вот бывает!.. Не из газеты – из жизни!  
 – Мкртчян, – шутил Довгошея, принимаясь обтёсывать нагели, длинные деревянные штыри, которыми соединялся брус в стене. – Армянская фамилия. Денежка отмахивался, но на всякий случай считал, загибая пальцы.  
 – Всё равно не шесть. Ну, шевелите мозгами, давай!.. – И наконец торжественно провозглашал: – Взбзднул!  
 – Хм, что за слово такое?  
 – Нормальное слово, народное! Это когда очко играет.  
 – Да ты лингвист.  
 Денежка оскорбился, слово было ему незнакомо:  
 – А ты мудак! Думаешь, я пальцем деланный, ничего не понимаю?..  
 И ушёл, сердито втыкая в землю палочку. Впрочем, через день как ни в чём не бывало появился на стройке опять.

Приходили и другие, в том числе Моргунов. Тот сам не так давно перебрался в новый дом, всё у него в памяти ещё было свежо. Нешадно дымя «Беломором», Моргунов сообщал, у кого заказывал двери и окна, где покупал шифер. Некоторых поселковых мужиков Толя зазывал на стройку сам, надо полагать, особенно сведущих. Дело у нас двигалось, и довольно споро, если учесть, что работали мы вдвоём.

До того, как поставить вокруг подросших стен мостки, прерывались мы только дважды. Когда сажали картошку и когда Толю пригласили выступить в школе.

Помочь сажать картошку приехала из Вышнего Волочка младшая Толина сестра – его смягчённая, женская копия. Наташа работала на фабрике, в прошлом году окончила одиннадцать классов. Девушка меня стеснялась, смотрела украдкой, её взгляд, случайно наткнувшись на мой, испуганно вспархивал. Наташин голос я слышал всего два или три раза за весь день. У Толи была ещё одна сестра, средняя, которая тоже жила в Вышнем Волочке. Та была замужем, не приехала.

– За Наташкой тоже ухлестывал один, – прерывающимся голосом рассказывала тётя Зоя. Картошку мы сажали с ней на пару. – А что оказалось? Бросил жену с двумя детьми... Наташка: «Я его люблю». Я ей: «А тебя с ребёнком бросит?..» Кому нужна будет? Девочек в Волочке как грязи, со всех сторон едут... Дурная, не понимает, любовь пройдёт, а жить как-то придётся... Какие её годы, чтобы за первого встречного?..

Рассудительная основательность была семейной чертой Довгошей. Картофелины тётя Зоя не бросала в лунки, а наклонялась и укладывала ростками вверх. Проснувшись ночью, я слышал, как Наташа вернулась с танцев. С посадкой управились мы за день и нельзя сказать, чтобы особенно устали. В темноте тупо постукивала о столешницу кружка, девушка, звучно прихлёбывая, пила в приделке молоко. Его тётя Зоя оставила, прикрыв сверху куском хлеба. Я представлял Наташины серые глаза, лёгкие волосы, нежный пушок на щеках. Утром девушки уже не было, ушла на первый автобус.

Чужая жизнь промелькнула рядом, обдав свежестью и тайной.

Всё-таки Толя не говорун, его лучше читать. Это в очередной раз стало ясно в школе в последнюю субботу мая. На встречу с писателем-земляком в полном

составе пришли даже учителя. Старательно улыбаясь, женщина в двубортном пиджаке (надо полагать, директор) сказала, что Толя тоже окончил их школу, но большому кораблю большое плавание, сейчас он живет в Москве, пишет книжки. Анатолий Михайлович гордость посёлка и даже всей Калининской области. Его отец тоже был уважаемым человеком, заведовал мастерскими МТС, много помогал школе. Жаль, рано умер. Сейчас Анатолий Михайлович расскажет о своих произведениях и поделится творческими планами. Попросим, ребята.

Толя под аплодисменты поднялся, с долгими паузами принялся говорить. Выходило сбивчиво, косноязычно, мне было неловко за Толю. Облупившийся от солнца нос и грубые руки плохо вязались с костюмом и галстуком. Да и как рассказать о сверхзадаче, о системе образов, о переключке смыслов, которые прошивают текст, то выныривая, то уходя под спуд? Такое учителям-словесникам не всегда понятно, а уж школьникам... У ребят яйца больше головы, живут не умом, а рефлексам.

И вот тут нота бене, пронизательный читатель. Пора сказать об истинной причине моей поездки. С Аллой не складывалось, отцовство было сомнительным, из начальников почтового вагона пришлось уйти – всё так. Но это на поверхности, очевидный слой. Истина глубже.

Сказать, что Довгошее я завидовал, значит упрощать и опошлять ситуацию. Я не понимал, откуда в человеке, который может рыгнуть за столом, часами нудно говорить, когда давно всё ясно, слыхом не слыхивал о Торнтоне Уайлдере и Набокове, – откуда то, что делает его повести желанными для журналов и издательств. Так когда-то я не понимал одного пацана в пионерском лагере, чемпиона по шашкам. Он выигрывал у всех, в том числе у меня. Я садился рядом, следил за его игрой, спрашивал: «Почему ты так пошёл?» Тот пожимал плечами: не знаю, захотелось. И выигрывал.

Я чувствовал болезненную тягу к Довгошее. У меня не получилось, я бросил сочинительство, послал всё к чёртовой матери, а у него всё хорошо. Я Довгошее разве что на просвет не рассматривал, как в своё время Алёша Пешков страницы книги. Может, дело в местности, где Довгошея вырос, в окружении, Толиной родне, в земляках, в воде, которую он пил, в самом названии посёлка?.. Недоумок. Я хотел понять природу дара, а тайна сия велика есть – аксиома, давно набившая оскомину. Из слышанного в ЦДЛ: талант, как прыщ – где захотел, там и выскочил. Или более возвышенно: пока не требует поэта к священной жертве Аполлон...

Посидеть за чаем не удалось. Дверь учительской, куда нас после встречи пригласили, резко распахнулась. Растрёпанная женщина, обежав всех заполошным взглядом, бросилась к Толе:

– Ой, Толя, помоги!.. Да что же это делается-то!.. Разве можно так!..

Довгошея поднялся навстречу, кто-то из учителей налил стакан воды, подал женщине, принялся успокаивать. Та невидящими глазами смотрела на стакан и не брала.

– Что случилось?

Женщина потянула Толю из учительской, не хотела говорить при всех.

– Я к вам домой... Зоя говорит, в школе... – потеряно бормотала она.

Оказалось, это жена Моргунова. Тот был на дне рождения, выпил, его потянуло посмотреть на открывшийся на днях вытрезвитель. Стал у милиционеров расспрашивать что да как. Те Моргунова в вытрезвитель и определили – а что,

поддатый. Ситуация анекдотическая: поборник трезвости стал первым клиентом вытрезвителя.

– Толь, попроси за него! Ты писатель, москвич, тебя послушают!.. – Женщина хватала Довгошею за руки и смотрела собачьими глазами. – Ты нам родственник, Толь!..

Решился Довгошея не сразу. Робеет всё-таки русский человек перед властью, робеет, пусть даже писатель! Впрочем, хохол не лучше.

– Так это надо к начальнику отделения. А сегодня суббота...

– Домой пойдём, я отведу, я знаю, где живёт!.. Толь, остригут, стыдобища!..

– Неудобно как-то домой...

– Толь, покалечить могут! Знаю я его, возникать начнёт, а ментам того и надо!..

Начальник ПОМа обитал в кирпичном особняке, судя по всему, казённом. Ни огорода, ни грядок рядом. Мы остановились у калитки с синим ящиком для почты.

– Взятка... – Неуверенно улыбаясь, Довгошея покрутил в руках сборник своих повестей, который захватил в школу. – Лида, ты со мной не ходи, так лучше будет. – Толя потоптался перед калиткой. – Ладно, пошёл.

За всё время в центре посёлка я побывал всего пару раз, стройка не отпускала. И сейчас с интересом осматривался. Деревянные тротуары, крашенный штакетник по обеим сторонам улицы, дом культуры с нарисованными на фасаде колоннами... Всё мне здесь казалось значимым. Так же, как фамильный пятистенник, тёмное пространство моста, запах коровы, тётя Зоя, мило застенчивая Наташа – всё это тоже Толя... Жена Моргунова, застыв, смотрела на дверь квартиры главного поселкового милиционера.

Когда Толя вышел, она подалась к калитке, вцепилась руками в штакетинны.

– Что?..

Толя сказал:

– При мне позвонил. Выпустят.

Женщина молча устремила к зданию отделения милиции, оно было здесь же, на центральной улице. Довгошея смотрел ей вслед.

– Ну, Лиде сейчас не до нас. Пошли.

В Толином голосе было снисходительное самодовольство. Что ж, имел право. Человек, с мнением которого считались. Писатель.

Кима Николаевича давно нет в живых, он умер ещё до горбачёвско-ельцинских пертурбаций, но некоторые его фразы до сих пор сидят в памяти. Например, такая. Писатель не только повелитель судеб и пространства – он повелитель времени. Может сжимать его в невероятной плотности субстанцию, уместить в нескольких фразах десятки лет. А может миг растянуть на страницы, подробнее описав мысли, ощущения, действия. Даже не их, а первоначальный толчок электронов в нервной системе, предвосхищение будущих событий и чувств.

Воспользуюсь. Тем более, что в моём случае это не авторский волюнта-

ризм, а отражение реалий. Вы помните, например, себя в первом классе, потом во втором? Дистанция огромного размера. А год в возрасте, скажем, между тридцатью пятью и тридцатью шестью? Сомневаюсь. Я не помню. Практически ничего нового за такой год не узнаёшь, не то что в детстве. И эмоции скуднее. А именно то и другое есть память. В таком возрасте жизнь это движение по накатанной колее. Количество, не переходящее в качество.

И совсем уж ничего не добавляя, время идёт после пятидесяти, и потому стремительно. Только вчера был Новый год, а уже опять декабрь, надо отправляться в лес за ёлкой, устанавливать, терпко пахнущую морозом и хвоей, в спортзале нашей малокомплектной школы, снова ехать в город за подарками... То, что время ускоряется, замечаешь разве что, когда встречаешь бывших учеников. Кто-то нашёл работу, кто-то студент, девчонки прогуливаются с колясками. А ведь только что... Когда я останавливаюсь перед зеркалом, на меня смотрит траченный жизнью мужик. Лысый, толстый, на протезе. Я?.. Недоумение и страх. Он острее всего ночью. Сползание в бездну, как ни бодрись, как ни цепляйся. Только сейчас по-настоящему понимаю фразу Маяковского о жизни, которая прошла, как проходят Азорские острова. Обидно как-то и несправедливо.

Но забегаю вперед. В этой главке мне ещё далеко до себя нынешнего.

Луцкого я сразу не узнал. Рядом с Совушкой-Аней за чайным столом сидел какой-то человек в тёмных очках. Пёстрый зал светом никогда богат не был, но цэдээловская публика с претензией, и я подумал, что это один из завсегдатаев.

– Здравствуйте.

– Ой, Юрочка! – обрадовалась младший редактор Литературной консультации, хлопнула в ладоши и подалась навстречу. – Как хорошо, что ты здесь. Сколько мы не виделись, страшно подумать! Я так рада!..

С чего Совушке радоваться и называть меня Юрочкой, я не понял – во времена конфликта в ЛК соратниками мы не были. Впрочем, почему я должен вызывать у неё аллергию, врагами мы не были тоже. Да и времени столько прошло. Совушка уже вполне взрослая женщина, на её лице читается опыт. Но вряд ли замужем, замужние в ладошки не хлопают.

– Рассказывай, где ты, что ты?.. Познакомься, это наш старший редактор Серёжа Луцкий. Он после тебя в Литконсультацию пришёл.

Ох уж эта мне богемная привычка называть по имени людей вне зависимости от возраста. А при встречах целоваться, невзирая на пол. Я даже не сразу среагировал на фамилию. Новый сотрудник ЛК во время Совушкиного монолога ухмылялся.

– Мы вроде как знакомы.

Я присмотрелся. Тёмные очки сбивали с толку.

– Луцкий?..

– Вива маре Буковина и её столица славный град Чернауц!

Мы обнялись, похлопали друг друга по спине. Приятно. Не каждый день встречаешь человека из своей молодости. Начинается разговор о городе, о нашей компании, которой давно нет, о других знакомых. Метаморфозы самые неожиданные. Адик Мыколив, этот Ноздрёв черновицкого разлива, не просыпает, дошёл до того, что побирается на троллейбусных остановках, жена его

выгнала. Моя бывшая любовница Нина оставила заведование книжным магазином и уехала на Север. Сестрёнки-спиритистки из культпросветучилища вышли замуж, сейчас в Израиле... Не часто, но Серёжа и я бываем наездами в Черновцах, рассказать друг другу есть о чём.

– Ты что в тёмных очках? – спрашиваю я, освоившись.

Земляк краток:

– Необходимость.

Он мало изменился, выглядит моложе нашего возраста, по-прежнему сдержан. Некоторые считают, что Луцкий высокомерен.

– Так ты из госкомиздата ушёл?

– Давно. Чести много, а платят... Сыновья растут, кормить-одевать надо. Здесь хоть квартальная премия есть.

Вскоре выясняется, верх взяли всё же не меркантильные соображения. Как в свою пору Лёва Скакунов, Серёжа счастлив не ездить на службу каждый день, тем более из-за города. Для пишущего человека это очень важно.

– Читал рецензию на твою книгу. Поздравляю, – говорю я.

В межсезонье я наверстываю то, что пропускаю летом и зимой, когда шабашу. Возвращаясь в Москву, отдаю Алле деньги и неделями сижу в библиотеке, читаю журналы и «Литературку». Необходимо быть в курсе процесса. Из того же ряда и мое появление в ЦДЛ через задний проход Левентула. Здесь мне назначил свидание Стёпа Хмелик, он служит в новом издательстве «Белокаменная», у него ко мне дело. Наверно, опять какая-нибудь афера. Но Хмелика пока не видно.

– Спасибо, – говорит Серёжа и краснеет от удовольствия. – А я твой рассказ в «Литературной России» читал, тоже поздравляю. Алаверды!

Мы смеёмся и опять хлопаем друг друга по спине.

Гипотетический проницательный читатель мог это предвидеть. Окончательно бросить писать я так и не смог. Неисправимый графоман. Это сильнее меня, как говорят любители клише. Особенно тянет сочинять именно в межсезонье, когда в шабашках наступает пауза. Неблагополучие в природе хочется уравновесить гармонией фразы, это на подсознательном уровне. Прав был Ким Николаевич, я лакировщик действительности. Впрочем, не так уж это и плохо, если помогает справляться с жизнью.

Заходить в Литературную консультацию мне не хочется, да и Хмелика надо дожидаться, но Совушка говорит, что ни Ольги Григорьевны, ни Гены Попкова сегодня нет. А Веню вообще по настоянию нового заведующего перевели в издательство, так спокойней. Он ведь не её тогда от Сенчукова защищал, он свои интересы преследовал. Веня человек очень себе на уме, мягко стелет, но жестко спит. Я задерживаю на Ане взгляд. Ничего нового она мне о Чачия не сказала, но интересно это слышать от неё. В датском королевстве по-прежнему проблемы? Отсюда и необычная Совушкина душевность, сиречь поиск союзников?..

В Литконсультации всё так же пахнет лежалой бумагой, сыростью уходящего в землю помещения, линолеумом. Уже несколько лет прошло, как я уволился, а здесь всё то же. Впрочем, перемены есть. Совушка рассказывает, что просторный кабинет заведующего у ЛК забрали, там теперь обосновался

консультант Правления по публицистике. Должность ввели недавно, на дворе перестройка, публицистике особое внимание. Но об этом между прочим, Аня вся в другом. Она рассорилась с Ольгой Григорьевной, та не одобряет её романа с немолодым киношником, с которым Совушка не так давно познакомилась.

– А какое Ольга Григорьевне дело?

– Не знаю! – Аня в искреннем недоумении вздёргивает плечи. Это даже не недоумение, а возмущение. – Не знаю!..

И вообще Ольга Григорьевна и Гена обнаглели. За спиной заведующего распределяют рукописи. Аня молчать не может, сказала, заведующий объявил им выговор. В обход руководителя делать такие вещи некорректно, да и несправедливо – остальных рецензентов тоже ведь надо подкармливать. Рукописей сейчас приходит раза в два меньше, литература уже не единственный способ выразить себя пассионарному человеку. Теперь можно становиться кооператором, многие ударились в политику, участвуют в митингах, выдвигаются в народные депутаты...

Серёжа Совушке сочувствует, это видно по лицу. Меня так и подмывает сказать: старик, осторожно! Прошлая буча тоже начиналась с защиты невинного создания. Аня не так проста. Взбаламутить всех, а потом остаться в стороне надо уметь. Но я только усмехаюсь и спрашиваю:

– Гена Попков рецензентов данью больше не облагает? Викинга ему хватило?

Луцкий взрослый человек, сам разберётся. В Совушкином голосе сожаление: – Кажется, нет.

Она никак не может переключиться. Гена Попков занял сторону Ольги Григорьевны, их рецензенты перестали с Совушкой здороваться. Через Веню создадут о ней в «Совписе» соответствующее мнение, хотят выжить. Спасибо Серёже и заведующему, они её поддерживают.

Выйдя из ЛК, я облегчённо вздыхаю. Начало ноября, острый, пахнущий свежими огурцами воздух, пятная асфальт, падает и тает первый снег. Слава тебе, господи, не имею больше к этой мышине возне отношения! У меня другая жизнь. Лучше уж пахать на шабашках.

Приблизительно то же я говорю Хмелику, когда тот вечером звонит домой. Вернее, намекаю. Я как раз укладывал Катю, читал ей на ночь книжку. После походного быта мне хорошо дома. Мы обжили квартиру, неплохо обставили. Орехово-Борисово мне никогда не казалось краем света, теперь, похоже, и Алле не кажется. Светит торшер, бормочет телевизор, на дочкином лице отражение сказочных перипетий. Алла приоткрыла дверь:

– Тебя к телефону. – На нас с Катей жена не смотрит, подаётся к телевизору, несколько секунд вслушивается в голос диктора. – Ну, конечно, всё отвратительно, кто бы сомневался! Как мы только до сих пор живы!..

Алла в поре своего женского пика, налитые бедра и грудь, пополневшее лицо свежо и гладко. Взгляда на неё достаточно, чтобы во мне опять зануло: почему не хочет? Сейчас только и рожать, у Катки должен быть родной человек, брат или сестра, а не как у меня и Аллы. Летом жена сделала аборт, теперь не ложится со мной, не приняв таблетки. Её веселит то, что папа и Марта Сильвестровна не так давно родили ребёнка. «Смастерили снегурочку на старости

лет! Тётю нашей Катке, её моложе!..» За последние годы Алла изменилась, дочь и прочный семейный уклад прибавили уверенности. Когда мы в постели, Алла любит называть вещи своими именами. Как тебе не стыдно, а ещё учительница, ухмыляюсь я. Ещё чего, шутливо возмущается жена, загляни в Даля, там всё есть!.. Похоже, это её заводит. То, что мы не всё время вместе, делают наш секс ярче, он не успевает приестся, стать будничным. Но когда я начинаю разговор о втором ребёнке, Алла становится непреклонной: «Ты посмотри, что вокруг происходит! Газеты словно взбесились, «Московские новости» прочитай, «Огонёк»!.. Нет, что-то должно случиться, просто так это не кончится. Надо быть сумасшедшей, чтобы в такое время рожать». Горбачёва она на дух не переносит, никакие перемены ей не нужны. Похоже, инстинктом чувствует угрозу своему гнезду. Женщина. Самка.

– Старик, есть место редактора, нужен надёжный мужик. Я верю, ты справишься!.. – Голос плывет, Хмелик основательно подшофе, что странно, раньше он практически не пил. Стёпа и не думает извиняться за то, что не появился в ЦДЛ. Он сделал карьеру, выходил, выпросил, выслужил должность зама главного редактора и считает, что теперь может так себя вести. И в лексике нечто новое. – Старик, это стартовая площадка, врубись, стартовая, только начало, гад буду! Дальше – вообще бога за бороду!.. Нужна команда, наступают новые времена. Охеренные перемены, ты себе представить не можешь, никто не может!.. Прикинь, частные издательства, а когда такое было, а?!.. Никаких госкомиздатов, никаких главлитов! Т а м добро дали, т а м!..

Стёпа зовет к себе. Что такое работа рядового редактора, я представляю. Между молотом и наковальней, его руками издательское начальство загребает жар. Опять же интриги и подсиживания. Самые хреновые коллективы – творческие, в этом я имел возможность убедиться. Прошу Стёпу дать мне время подумать, существуют кое-какие обстоятельства. Подмывает сразу сказать «нет», но пока не стоит. В «Белокаменной» лежит рукопись моих рассказов, старых и написанных за время перерывов в шабашках.

– Папа, ты скоро? Я устала ждать. – В комнате появляется Катя. Она босиком, волосы растрёпаны. Катя мне пеняет, капризно выпятив губы: – Вот так жди-жди, а жизнь проходит!..

Я смеюсь:

– Иду, Бранзулетка.

Бранзулетка – домашнее Катино имя. Откуда оно в нашей семье, не помню. Я подхватываю дочь на руки. Ловлю себя на мысли, что достиг гармонии. Неплохо зарабатываю и могу в то же время писать. И дома я столько, чтобы никому не надоесть и чтобы мне никто не надоел.

Золотое сечение.

Звучит курьёзно, но перестройка прошла мимо меня. Во-первых, работа, когда сил вникать в происходившее особо не оставалось. Во-вторых, в посёлках и районных городках, где по преимуществу шабашила наша бригада, перестройка ощущалась мало. Ну, коммерческие ларьки, дикie рынки, продавцов

на которых больше, чем покупателей, американский спирт «Royal» в литровых пластиковых бутылках, обилие дефицитной прежде колбасы разных сортов, правда, очень дорогой. А в остальном без особых изменений. Бурлила в основном Москва. Это бросалось в глаза, когда я возвращался домой. Даст бог, когда-нибудь напишу об особенностях русских революций. У них экспортный характер. То опломбированный вагон через нейтральную Швецию, то благословение вашингтонского обкома Ельцину плюс московские СМИ, поющие с чужого голоса.

Но во всех этих перестроечных делах мне сейчас интересно другое. Хотел бы я знать, что сказал в Рейкьявике душе Горбачёву Рейган, если тот вышел из комнаты переговоров с перевёрнутым лицом. И один за другим принялся сдавать Варшавский Договор, СЭВ, ГДР, далее по списку. Но вряд ли когда это станет известно. Информация для верхушки спецслужб. И почему прораб перестройки Коротич живёт в Штатах и что навнушал нам двадцать пятым кадром Кашпировский, который тоже сейчас в Юнайтед Стэйтс. Если когда-нибудь возьмусь писать о том времени, эпиграф будет из Бабеля: измена, товарищ следователь Бурденко, ходит, разувшись, в нашем доме, измена закинула за спину штiblеты, чтобы не скрипели половицы в обворовываемом доме...

Ладно.

К бригаде я прибилсь после того, как закончили строить Толин дом. На внутреннюю отделку Довгошея нанял мужиков из Вышнего Волочка, они раньше работали у Моргунова, тот ими остался доволен. Мужики не пили, не курили, не матерились. Поначалу это казалось странным, даже подозрительным, но со временем всё разъяснилось.

Раньше они работали в вышневолоцком сму, о них писала местная газета, а когда мужикам присвоили звание бригады коммунистического труда, оказалось, что это баптисты. Секретарю парторганизации сму намылили шею, редактору газеты объявили выговор с занесением, а к бригаде стали придирались. Две идеологии – что медведи в одной берлоге, ужиться никак. А зря. Если бы всё население Советского Союза было баптистами, коммунизм стал бы реальностью.

И дело не только в отношении к работе и друг к другу. Если из христиан кто-то и сможет духовно противостоять исламу, так это сектанты. Войнович в «2042» изгаляется по поводу срачивания коммунистической идеологии с религией. Напрасно изгаляется, в этом что-то есть. Другое дело, что идея, «овладев массами», опошляется и выхолащивается. И чем шире охват, тем неизбежней опошление и выхолащивание. Нужно, чтобы время от времени из пепла восставала обновлённая птица Феникс. Ереси с самого зарождения христианства, Реформация в средневековой Европе, китайская культурная революция при Мао, другие подобные дела. Но это отдельный разговор, когда-нибудь потом. Так вот, бригаде пришлось в конце концов из сму уволиться, даже сектантского терпения не хватило. Ко мне мужики какое-то время присматривались (мы с Толей были у них, профессионалов, на подхвате), а потом их старший сказал:

– Иди к нам в бригаду. Нам человек нужен, брат Семён болеет.

Я согласился. Строить мне нравилось, это не таскать ящики с молочными бутылками на Останкинском комбинате и не смотреть, чтобы не вскрывали посылки в почтовом вагоне. Результат налицо. Да и любопытно было пожить

рядом с баптистами. С одним из таких я начинал службу. Несокрушимый парень. Присяги так и не принял, автомат в руки не взял, хотя куда его только не таскали. Затем из части исчез – то ли комиссовали, то ли посадили. Был ещё один аргумент. С сочинительством я в ту пору завязал, но во мне невытравимо сидело писательское соглядатайство: а вдруг пригодится?.. Ничего особого высмотреть не удалось, а то, что я узнал, было известно и так. Молятся, по вечерам и в воскресенья с истовыми лицами толкуют Писание. Не смотрят телевизор, не читают газет, помогают своим. К большему я допущен не был – чужой. Но на меня ловцы человеческих душ всё же имели виды.

– Господу противно, когда крестят ничего не смыслящего младенца, – стал заводить разговоры Михаил, их старший. Он был светлокож, с податливыми русыми волосами, плотно облежавшими голову. Казалось, они у него всегда мокрые. – К Христовой вере надо приходиться взрослым человеком, чтобы сознательно было. А то что, ребёнок, он ничего не понимает, с ним что хочешь делай. Господь дарует каждому право выбора. Тем и велика Христова вера, что не насильственна. Истинная, она через сердце должна пройти, тогда крепка. – Михаил поднимал на меня внимательные глаза. – Ты крещённый?

– Да.

– В младенчестве?

– Не так чтобы очень.

Как меня крестили, я хорошо помню. Во время папиного отпуска мы поехали к бабушке в село. Бабушка и настояла на крещении, хотя папа отнёсся к идее сдержанно – член партии, могли сообщить на работу. Помню слепящий летний день, многолюдье и неразбериху базара, на который съезжалось полрайона, мягкую пыль под моими сандалиями, медлительных волов, раскачивающих при ходьбе из стороны в сторону большими рогатыми головами и пускающих к земле гибкие нити слюны. Затем какое-то помещение (не церковь. Дом священника?), озабоченный папа, наспех отыскавший среди базарного люда крестных отца и мать для меня, табуретка, на которой стою, бородастый человек, брызгающий маленькой метёлкой, капли, которые щекочат лицо...

– Лет шесть уже было.

– Ребёнок. А что ребёнок понимает?

– Это точно.

Михаил удовлетворённо кивал и принимался рассуждать о самонадеянности людей, особенно тех, что с образованием. На меня он при этом не смотрел. Образованным людям кажется, всё они знают, Бога нет, достигли истины. А их же наука открывает и открывает новое, конца-края не видно. Так можно ли утверждать, что Господа не существует? Он во всём, что вокруг, без Его воли ничего не происходит. Самонадеянность человеческая и гордыня.

Я не возражал. Отношение к религии у меня двойственное. Тяжело верить в благообразного старичка в ночной рубашке, сидящего на облаке, как и в библейские легенды тоже. Уж слишком явна в них преднамеренность, заданность, как принято писать в рецензиях. А вот идеология, заповеди хороши. Они не позволяют человеку встать на четвереньки, окончательно оскотиниться. Как к религии ни относиться, вещь очевидная: нравы в христианском мире смягчаются.

Баптистом я так и не стал, несмотря на старания Михаила. Стадность всё-

таки не мое – что в литературе, что в жизни, потому что это несвобода. Хотя в стаде существовать легче. Я кивал, соглашался, иной раз спорил, но на службу в молельный дом, куда меня стали зазывать, не пошёл. Вольноопределяющийся, дорожающий своей независимостью. К чести Михаила и бригады скажу, что избавляться от меня они не стали. А когда в девяносто четвёртом я потерял ногу, поступили по-человечески. Полностью выплатили мою долю, хотя новорусский особняк, когда я упал с лесов, было ещё строить и строить.

Но это потом, когда опять попрошусь в бригаду. Тому предшествовал, назовём это так, бизнес-период в моей жизни. А затем литрабство у Стёпы Хмелика, о котором я уже упоминал. Нужно было как-то выживать. В начале девяностых в услугах бригады перестали нуждаться, в стране практически ничего не строилось. А деньги, которые Алле удалось отложить, стремительно дешевели.

Ключевые слова тех лет: галопирующая инфляция, ваучеры, бизнес.

Бизнес у меня был тушёночный. Это когда собирается несколько бывших инженеров и оставшихся без работы совслужащих, сбрасываются и покупают вагон популярной в Москве китайской тушёнки. Хочешь, торгуй своей долей прямо у путей, наваривай на разнице между оптовой и розничной ценами, хочешь, покупай место на рынке, хочешь, сдавай на реализацию в магазины. Ещё совсем недавно это именовалось спекуляцией, теперь respectable словом бизнес.

Сами по себе мои деловые партнеры были нормальными людьми. Случалось, мы выпивали, языки развязывались, раскрывались души. Арендаторы складов, хозяева только что ставших частными магазинов, водители грузовиков, грузчики – тоже, наверно, были хорошими людьми. Но как все менялись, когда дело касалось денег! Тонкий слой порядочности отлетал, как плохая краска на морозе. «Звериный оскал капитализма» не такая уж и метафора. Где они были, эти люди, почему раньше не бросались в глаза? У забытой сейчас Майи Ганиной есть рассказ «Зачем спилили каштаны?» В нём речь о первых неделях войны, когда в Москве начинают валить деревья, чтобы дезориентировать немецких лётчиков. События даны глазами мальчика, он пугается, когда видит, как оголяются, становятся чужими, враждебными знакомые двory. Каштаны спилили – и обнажилась суть улиц, домов, самой жизни, которая оказалась с началом войны жестокой и страшной. Мальчик тоже был лакировщик действительности, какие-то вещи ему не хотелось знать, душа противилась.

Леонид Васильевич Пятых так и просился на плакат, что-нибудь вроде «Храните деньги в сберегательной кассе». Открытое лицо, крепкий подбородок, прямой взгляд. Сразу видно, деньги человек зарабатывает честно, положительный во всех смыслах. В литературе подобный зачин предполагает противоположное – на самом деле негодяй и прощелыга. Но жизнь, повторюсь, не литература, а литература не жизнь, это я ещё на семинарах Кима усвоил. Поэтому никаких опасений предложение Пятых пойти работать в один из его ларьков у меня не вызвало. Вопросы тоже не возникло, почему выбор пал именно на меня. К тому времени китайскую тушёнку перестали продавать вагонами, весь состав приобретали посредники. Они затем и перепродавали тушёнку нам, мелким оптовым покупателям. Делание денег из воздуха, популярное занятие тех лет.

Пятых был одним из таких посредников. Чем он занимался в прежней, со-

ветской жизни, сказать с уверенностью не берусь. Может, был комсомольским функционером средней руки (по возрасту подходил), может, предприимчивый по натуре малый, он не мог раньше себя реализовать, а постперестроечная реальность стала для него водичей, в которой хорошо рыбка ловится. Думая над этим сейчас, понимаю, накатывала следующая после Артёма Тарасова и сравнительно добропорядочных кооператоров позднегорбачёвского периода волна. Я впервые увидел, как дорогое московское такси нанимается на весь день, а человека сопровождает телохранитель, что было ещё в редкость. Пятых рисовал передо мной лучезарные перспективы: ларёк, где сейчас только тушёнка, скоро станет магазином, специализирующимся на разного рода консервах, разумеется, из-за границы. Помещение Леонид Васильевич (называть Пятых по имени было как-то неловко) уже присмотрел. Моя зарплата будет зависеть от оборота, а он хороший, ларёк на бойком месте. Ну как?

Бред, если серьёзно. Писатель, пусть даже неудачливый, – и торговля! Вещи несовместные, как говаривал классик. Но ведь раньше я тоже представить не мог, что стану спекулировать тушёнкой. Надо ещё иметь в виду атмосферу начала девяностых. Телевидение и газеты внушали: всё достижимо, надо только не бояться нового, хватит быть совком. Почему бы в самом деле не попробовать? Тем более, есть перспектива, я не всё время буду киоскёром, Пятых обещает сделать заведующим магазином, по-новому, топ-менеджером. Одним словом, я повёлся, как говорят ребята в моей школе.

Киоск обчистили в первую же ночь. Не помогли ни охранный сигнализация, ни то, что рядом станция метро. Вывезли всё, до последней банки. «Когда рассчитаешься? – спросил Пятых, услышав о случившемся. Его арийское лицо было непроницаемо каменным. – Квартира есть? Продавай, даю неделю». – «С какой стати? Я, что ли, украл?» – «Меня это не интересует. Товара было на семьсот тысяч. В неделю не уложишься, поставлю на счётчик».

Технологии заставить работать на себя бесплатно сейчас хорошо известны. А в те дни я готов был целовать хозяину руки, когда он в конце концов с видимой неохотой предложил вариант: отработать долг. Поставить на счётчик, вынудить продать квартиру уже становилось обычным делом. Не стоит говорить, что милиция мне ничем не помогла, грабителей так и не нашли. Я перебрался жить в киоск, питался дошираком, мёрз по ночам и держал под рукой арматурный прут. Но никто в киоск больше не полез. Не знаю, был я этому обстоятельству рад или всё-таки жалел. Вот когда бы отвёл душу.

О новом статусе Стёпы Хмелика мне стало известно у книжного развала.

Это тоже отдельная песня, перемены в издательствах и толстых журналах. Но пунктиром – не место. Читатель я прилежный и помню, как сначала появились произведения советских писателей, которые раньше не печатали из-за Главлита или редакторской перестраховки – гласность, стало можно. Далее по нарастающей. Вернулось русское зарубежье, вперемешку с Набоковым, Мережковским, Алдановым, Шмелёвым, Берберовой стали печатать недавних диссидентов. Солженицын, Максимов, Довлатов, Аксёнов, Войнович... Вот уж когда для советской интеллигенции наступил праздник души, именины сердца! Чудесным образом нашлась дефицитная прежде бумага, тиражи некоторых толстых журналов зашкаливали за миллион. И здесь же на книжных лотках,

заполонивших страну, Чейз, триллеры, дамские романы, другие переводные сочинения.

Если хорошей литературой публика за несколько лет насытилась, то переводные описи продолжали расходиться как горячие пирожки. Самая читающая в мире страна безболезненно переключилась с Набокова и Солженицына на Бетти Монт, Энн Сандер, Диану Стоун и прочих. «Закрыв глаза, Лайза приникла к Джейку, целуя его с жадным упоением и неутихающей внутренней дрожью отзываясь на уверенные, нежные касания его рук, его губ... Ах, эти поцелуи, полные благоговения и страсти, обжигающие и успокаивающие, терпкие и сладостные... О, как же он был хорош! Упоительно хорош!»

Или вот так: «Ника Майера трудно было назвать неопытным мальчишкой. Но эта девушка пробудила в нём новые, совершенно неизведанные ощущения. От них у Ника перехватывало дыхание. Саманта была нежной и смелой, застенчивой и искусной одновременно. Её кожа источала упоительный аромат, и прежде чем Ник осознал, что делает, он уже покрывал поцелуями лицо и шею Саманты. Она не сопротивлялась. Непохоже было, что её сжигает страсть, но она отвечала на все ласки Ника. Она была словно котёнок, который ластится к человеку, а через минуту убегает прочь, забыв о нежности, которую ему только что дарил...»

«Маргарет выступила из угла, где благоухали розы, не торопясь вплыла в круг света и застыла на несколько мгновений. Ричард потерял дар речи. Она была словно статуя, высеченная из мрамора. Но вот статуя ожила.

– О нет, пожалуйста, – прошептала она, – пожалуйста!..

Но его губы уже сомкнулись с её губами. И с первыми же прикосновениями Ричарда тлевший в Маргарет внутренний огонь превратился в беспощадное и обжигающее пламя. Однако сквозь дымку наслаждения и жар желания пробивалась упорная мысль: это неправильно, так нельзя! Но она хотела Ричарда, нуждалась в нём, и в каждом его ответном движении чувствовала такие же желание и жажду...»

Штука посильнее, чем «Фауст» Гёте. Не подумайте, что это зависть к победившим конкурентам. Дамские романы не так безобидны, как кажутся. Розовые сопли не только портят вкус, они одно из проявлений набирающей силу женской цивилизации. Как в последние десять-пятнадцать лет салоны красоты, фитнес-центры, гламурные журналы, весь этот приторный глянец. Считается, если бы миром правили женщины, было бы меньше войн. Не факт. Но то, что слащавого, в яркой упаковке мещанства стало бы кратно больше – однозначно.

Так вот, в выходных данных одного из шедевров в мягкой обложке значилось, что выпустило его издательство «Стэлла», генеральный директор С. Н. Хмелик. Всплыл, голубчик! Издательство, где раньше Стёпа работал и куда я сдал рукопись своих рассказов, исчезло. Я пытался узнать, что с рукописью, но телефоны не отвечали, а когда я пришёл сам, оказалось, помещение теперь занимает какая-то инвестиционная компания, ничего о «Белокаменной» им не известно.

Определить, где находится «Стэлла», а вместе с издательством и Стёпа, тоже удалось не сразу. Вместо адреса в выходных данных значился номер а/я. Странно для издательства, в котором есть должность генерального директора,

но удивляться уже не приходилось, всё вокруг стало иначе. Я написал на а/я, хотелось по крайней мере получить от Хмелика рукопись обратно. Я уже не надеялся, что мне удастся её издать – наступило время другой литературы, – просто было неприятно думать, что на мою рукопись где-то гадят крысы.

Стёпа отозвался неожиданно быстро, мы договорились о встрече. Верный себе, он выбрал нейтральную территорию, на этот раз Александровский сад. Вёл Стёпа себя настороженно даже здесь, вблизи Кремля, где ведомство Коржакова держало всё под контролем. Оказалось, не потому, что боялся моих претензий.

– Знаешь, Бенедикта убили. В подъезде, молотком по голове, – сказал Хмелик, опускаясь на непривычно чистую голубую скамейку. Похоже, в Александровском саду молодёжи не позволяли сидеть на спинках.

– Да ты что!.. Почему?

Стёпа пожал плечами:

– Кто его знает.

– Неужели из-за рецензий?

Кроме моей совписовской, Бенедикт забодал ещё не один десяток рукописей, репутация у него была известная. Но раньше убивать за подобное никто бы не стал. Слова Кима Николаевича, что литература кровавое дело, приобрели в новой действительности буквальный смысл.

– Нам с тобой это не грозит, – попробовал пошутить я. Слава богу, не имею к смерти Бенедикта отношения, но нечто вроде злорадства в душе всё же шевельнулось. – Счёты с нами никто сводить не будет, мы не свирепствовали. Ну, разве что ты теперь озолотился на дамском чтиве и не хочешь платить рэкету... Кстате, сам-то продолжаешь писать? Где печатаешься?

При моих словах о рэкете Хмелик беспокойно оглянулся, но взял себя в руки, сел на скамейке прямо.

– Некогда писать, времени нет. Да и... Короче, у меня к тебе предложение.

– Ты лучше скажи, где моя рукопись?

– С ней всё нормально, вернут. Так вот, насчёт предложения...

Я перебил:

– Сдавать экзамены во ВГИК? Или таскать для тебя из огня каштаны в «Стэлле»?

– Я серьёзно. – Стёпа поморщился, моё ёрничанье ему не понравилось.

После того, как я видел его в последний раз, Стёпа изменился. Это бросилось в глаза ещё тогда, когда он подходил к скамейке. Вылинял как-то, поубавилось в Стёпе живости и, скажем так, жуликоватого буйства глаз. Опять же брюшко, нависающее над ремнём. И то сказать, за сорок мужику, как и мне, впрочем. Я, наверно, выглядел не лучше, но себя со стороны не видишь.

– Возьми, почитай. – Хмелик достал из сумки несколько книжек в мягкой обложке. – Только что вышли. Сможешь так писать, заключим договор. Выберешь себе псевдоним.

– То есть?

– Ну, вроде как американский автор, женщина.

Мне стало весело. На время я даже забыл, зачем встретился с Хмеликом.

– Эти тоже под псевдонимами? – Я ткнул пальцем в книжки.

– Эти настоящие.

– Тогда не понимаю.

Стёпа туманно заговорил о необходимости менять издательскую политику. Ему хочется, чтобы книжки «Стэллы» были доступны самому широкому читателю, а у того сейчас с деньгами не густо. Одним словом, филантроп. Зная Хмелика, я подумал, что здесь, скорее всего, другое. Просто Стёпа не хочет платить переводчикам, которые поставляют «Стэлле» эти нетленки. Авторам-американкам гонорары он и так наверняка не платит – попробуй в нынешнем бардаке заставь. Да и не за что. Прочтёшь две-три книжки, и ясны лекала, по которым такие произведения кроются. Простые как мычание. Я несколько подобных книжонок пролистал – несмотря на мои насмешки и своё филологическое образование, Алла их время от времени покупала.

Он и она, оба пережили драмы, но по-прежнему хотят любви. И вот случайная встреча, они друг на друга произвели впечатление, казалось бы, путь к альковным неистовствам открыт, а там и к узам Гименея. Но так было бы слишком просто. Читательницы должна поволноваться, попереживать, и потому обнаруживаются неожиданные препятствия. Это могут быть появившиеся на горизонте прежние поклонники или поклонницы, бывшие жёны и мужья, длительная командировка в экзотическую страну, где свои соблазны, на время заглушившие росток новой любви, что-нибудь ещё – выбор самый широкий. В конце концов все треволения и преграды остаются позади, чувства героев берут верх, наступает ночь (утро, сиеста, вечер) страстной любви, которая навечно соединит их. Он непременно богат и спортивен, она обворожительная блондинка с пятым номером бюста. Возможны варианты, однако в пределах заданной схемы.

Что со мной тогда произошло, я не знаю. Наверно, сказала нервотрёпка, связанная с киоском, то, что жить семье в последние месяцы приходилось на Аллину учительскую зарплату. Для нормального мужика это унижительно. Я схватил Хмелика за плечи, принялся злобно трясти.

– Как ты смеешь мне такое предлагать?! Я серьёзный писатель, я не распивочно и навынос!.. Что ты впился в меня, скотина! Лоха нашёл?! И раньше!..

Стёпа дернулся, но я держал крепко. Я готов был вытрясти из него душу.

– Это ты в меня впился. Отпусти.

Как ни странно, Стёпа не испугался, и это меня как-то привело в чувство. Действительно, глупо себя веду, так в нашем возрасте не поступают. Человек даёт возможность заработать, подобные вещи надо ценить. Пусть даже делает это с выгодой для себя. Наверняка платить будет мало.

– Извини, – сказал я, отпуская Хмелика. – Короткое замыкание.

С полминуты посидели молча. Стёпа не уходил.

– Ладно, согласен, – сказал я. – Но гонорар вперёд. Мне долг надо вернуть.

Стёпа помедлил.

– Сколько?

Я назвал сумму. Пятым я ещё должен был порядочно. Хмелик присвистнул. Я заторопился:

– Ты знаешь, я не подвожу, я отработаю! Всем, чем хочешь, могу поклясться – отработаю. В накладе не останешься!..

– Деньги из бизнеса надо вынимать. – Стёпа отвёл глаза. – Они у меня все в деле, работают.

– Да я тебя завалю этой фигнёй! Сто раз окупишь!..

Поторговались. Пользуясь моим положением, Стёпа гонорар за каждый будущий опус назначил, естественно, смешной. Но выбирать не приходилось. Жизнь в киоске господина Пярых мне уже была поперёк горла. Под конец Хмелик даже попробовал меня учить:

– Старик, мы друг друга давно знаем, позволь тебе совет... – Он солидно помолчал, обвёл глазами краснокирпичную зубчатую стену Кремля, проступающую в прогалах между деревьями. – Надо всё-таки быть гибче как-то, что ли... Применяйся к жизни, а не пытайся переделать под себя. Как правило, ничего из таких попыток хорошего не выходит... – В Стёпином голосе звучало усталое превосходство. Этаким мэтр, эксперт по суровой действительности. – Если бы ты знал, столько прекраснодушного народа шею себе на этом сломало, ой-ёй-ёй!

Я с удивлением взглянул на него: с чего вдруг менторство? С какой стати? До такой степени я, со стороны, неудачник?..

– Засунь свои советы знаешь куда? – В давнем знакомстве есть свои прелюбительств. Оно позволяет непосредственно себя вести даже с работодателем. – То-то, смотрю, ты к жизни применился. Как заяц от каждого куста шарахается.

Хмелик не смутился.

– И тем не менее помогаю, заметь, я тебе, а не наоборот. Тебе, который не прогибается. По крайней мере, думает, что не прогибается.

Раньше я стал бы спорить – благодетель нашёлся в свою пользу. Сейчас не стал.

Старый, наверно, становлюсь.

И опять воспользуюсь правом уплотнять время. Пора, пора сводить концы с концами! Разросшийся опус меня тяготит, по темпераменту я всё-таки рассказчик, спринтер. Эту главку можно назвать так: «Сухой остаток». Или «Предварительные итоги», как назвал Юрий Трифонов одну из своих повестей. В моём случае, не такие уж и предварительные.

Кто-то скажет, что мне не хватило характера. Раз уж решил стать писателем, заткни своё самолюбие в задницу и делай, как принято. Оставайся полунимом, но продолжай обивать пороги редакций, заискивай, лебези, говори не то, что думаешь, подстраивайся, завязывай полезные знакомства, прибегай к какой-нибудь литературной стае, потому что одиночки не выживают. И никакого чистоплюйства. Нравственные принципы великой русской литературы? Сапожник тачает сапоги для других. Глядишь, со временем сделался бы своим, стали бы печатать, книжки пошли бы. Вариант Стёпы Хмелика – то, чем Стёпа стал бы, вовремя не подайся в издатели.

Однако слишком велика цена. А главное, ради чего весь этот путь унижений? Какую такую неведомую вселенскую идею нёс я человечеству, чем хотел

его осчастливить, чтобы ломать себя и холуйствовать? Библейский Иов верил, Бог его испытывает, насылая несчастья. Моя вера – в гармонию слова. Оказалось, тонкая эта материя – средство, а не цель, я это ещё на семинарах Кима уяснил. По-хорошему, тогда-то и нужно было бросать всё к чёртовой матери.

Не смог.

Озверев от сочинительства дамских романов, от псевдонима Джулия Литл, от китча и пошлости, я опять было сунулся со своими рассказами в редакции толстых журналов. Думал, настало другое время. В особняке на Цветном бульваре благообразно бородатый зав отделом прозы (на стене за спиной иконы) объяснял такому же бородатому собеседнику, как добраться до популярного схимника. Взять в провожатые советовал священника из ближнего села, за услугу тот спрашивает недорого, двадцать долларов. Иконы, схимник и доллары в одном флаконе меня смутили. Я тихо вышел, не дожидаясь конца разговора и не оставив рукописи.

В редакции с крутой лестницей на Арбате мне сказали, что из рассказов нужно убрать длинноты и лишних героев. На мою просьбу показать, где именно убрать и каких героев, скучающая женщина стала ещё скучнее, сказала, это мне должно подсказать авторское чутьё. Как я позже обнаружил, рассказы она не читала. Страницы, кончики которых я склеил, так и остались не разделёнными. Выяснить отношения я не стал, а вот в журнале по улице «Правды» дошёл до главного редактора. Попросил её саму прочесть что-нибудь из подборки. «Я читаю только то, что отбирают мои сотрудники». – «Но они могут ошибаться. Разве всё, что у вас печатается, шедевры?». Ответом мне было отчуждённое молчание. Главный редактор не собиралась менять своих привычек. «Извините, – поинтересовался я, – какой тираж у журнала?» – «Вы хотите меня уязвить?» – «Нет, просто при тираже две тысячи экземпляров амбиций у главного редактора должно быть меньше».

Всё то же деление на своих и чужих, на западников и патриотов, всё тот же замкнутый круг авторов. Ничего не забыли и ничему не научились, как говорили о Бурбонах, вернувшихся к власти после Наполеона. Горбачёв не Наполеон и Россия не Франция, но слишком многое изменилось, чтобы всё оставалось по-прежнему.

Соблазнительно стать в позу толстовского героя из «После бала»: не литературная среда меня отвергла, а я её. Но это было бы натяжкой. Неудачником тем не менее я себя не чувствую. Меня публикует «Литературная Россия», некоторые другие издания, в том числе недавно появившиеся. Но не это главное. Я хотел быть причастным к литературе, жить в её силовом поле – и это получилось. Я умею писать, классики мои коллеги, пусть они талантливее, но мы одной крови. Каждый, как сказал Чехов, должен лаять голосом, который ему дан, и не стесняться этого. А известности писателю много не надо, достаточно, чтобы знали в пределах региона. Вся остальная известность – нечто неосознательное, виртуальное, от чего ни холодно, ни жарко.

Книгу я до сих пор не издал, но недавно ко мне приезжал ответсек областной писательской организации, приглашал вступить в члены. Случись это лет двадцать назад, в советскую пору, я бы умер от счастья. Под брусничную настойку в палисаднике учительского дома я выложил, что думаю о нынешних

членах Союза. Клиенты Литературной консультации, причём не из лучших. И процесс депрофессионализации идёт по нарастающей. Боюсь, скоро в членах СП окажутся все графоманы, а быть в их рядах меня как-то не тянет. Ответсек уехал обиженный.

Живу я один, с Аллой мы разошлись. После того, как мне ампутировали ногу, я стал замечать, что её отношение ко мне изменилось. Не то чтобы брезгует, но очень похоже. Культя, действительно, малоэстетичное зрелище. Гордый сын Хохляндии, я уехал в прикамскую деревню. С директором здешней школы мы познакомились, когда я оказался в больнице с начавшейся после перелома ноги гангреной, – не удалось найти транспорт, чтобы вовремя отвезти меня, новорусский особняк наша бригада строила в деревне, где остались только старухи. Директор школы всю жизнь писал стихи, я для него был находкой. Он принялся зазывать к себе работать, заниматься прежним делом я, понятно, уже не мог.

Думалось, уезжаю из Москвы на время, оказалось, навсегда. По крайней мере, работаю в малокомплектной школе до сих пор. Преподаю русский язык и литературу, попутно веду историю, ОБЖ, технологию (бывший труд) – в нашу тмутаракань учителя не едут. После того, как директор ушёл на пенсию, я занял его место. Не уверен, что из меня получился хороший администратор, но в районном комитете по образованию на этой должности предпочитают видеть мужчину.

В деревне я прижился, мне здесь нравится. Понравилось и Кате, когда она приезжала погостить на каникулы. Она уже взрослая, заканчивает Плехановскую академию, я помогаю платить за учёбу. Чья она дочь, так и осталось неизвестным. Катя похожа на моего бывшего тестя, а на генетической экспертизе я настаивать не стал. Знаю, что Алла вышла замуж, у неё растёт вторая дочь, и муж нормальный. Папа умер. Произошло это, когда я лежал в больнице с ногой, попасть на похороны я не смог. Да простит Бог, будто гора с плеч свалилась – теперь никто не ждёт от меня писательских успехов. Хотя папу я люблю, до сих пор мне его не хватает, а уже сам в его возрасте.

Олега Всеволодовича тоже нет в живых. Ким Николаевич умер ещё раньше, похоронили его не на Ваганьковском, как полагалось бы по писательскому рангу, а каком-то окраинном кладбище. Толя Довгошея бросил писать, когда перестали платить сносные гонорары, сдаёт московскую квартиру, сам с семьёй перебрался в дом, который мы строили. Как сложилась жизнь Маши и Генки, мне не известно. Веня Чачия в Германии, чичероне в автобусных экскурсиях по достопримечательностям Среднего Рейна. Лёва Скакунов довольно известный автор лубочных романов из русской истории, естественно, православно-патриотической направленности. Кто ещё? Мой земляк Серёжа Луцкий подался в Сибирь, в благополучные нефтяные края, работает в газете. Пишет или нет – не знаю.

Когда в наших местах появился Интернет, мне и вовсе никуда уезжать не захотелось. Я могу теперь прочесть большинство журнальных публикаций, более того, появилась возможность выставлять в Интернете свои рассказы. И ни пред кем не надо ломать шапку, получать отказы, переживать. Графоманов на сайтах хватает, но и одарённые люди встречаются. Столько поклонников

у меня не было даже в пору публикации в «Юности». Правда, создаётся впечатление, что интернет-авторы чувствуют свою неполноценность, некоторую ущербность. Думаю, это временное. Журналы вымрут, Интернет останется. В моих словах, как говорят в американских фильмах, ничего личного. Такова реальность.

С некоторыми интернетовскими авторами у меня приятельские отношения. Две-три дамы не прочь встретиться. Но духовная близость не гарантия того, что мы понравимся друг другу как мужчина и женщина. Так что лучше не рисковать. Да и возраст. Уже понимаю Канта, которого ученики на старости лет привели в публичный дом, и он потом сказал: суетливое мелкое занятие. Жизнь в основном прошла. И как-то незаметно прошла, между прочим. Всё считаешь себя прежним, а уже шестой десяток на исходе. Странно как-то всё. И досадно.

Одно я знаю твёрдо. Вздремнув после школы, заварю свежего чая и часов в десять сяду к компьютеру. Я умею вводить себя в рабочее состояние, мысли станут быстрыми и ясными, однако не по-утреннему, когда всё чётко, логично, но плоско. Затейливый бесёнок поощрительно усмехнётся мне, ознобный ветер пройдёт по телу, мурашки сведут кожу на лице. У каждой фразы появятся десятки зацепок, каждая потянет за собой другие, успевай только отбирать и переносить на дисплей. Смыслы будут подмигивать друг другу, перекликаться, аукаться, как грибки в лесу, уходить под спуд и выныривать снова...

Даже в такие часы я понимаю, что у кого-то жизнь полнее и счастливей.

Но это умом. Сердцем – нет.

2006 – 2009

Основные публикации  
вошедших в однотомник произведений.

«Варианты Надежды Вилоровны». – *Впервые в альманахе «Эринтур» (2003 г.). Журнал «Мир Севера», авторские сборники. Под названием «Классика жанра» в альманахе «Врата Сибири».*

«Портрет на фоне 90-х». – *Впервые в журнале «Урал» (2007 г., №11). Альманах «Эринтур», авторский сборник «На восток от Гольфстрима».*

«Страсти по Василию». – *Впервые в альманахе «Эринтур» (2005 г.). Альманах «Чаша круговая», авторские сборники.*

«Игорь Турчин». – *Впервые в авторском сборнике избранной прозы «Ускользающее время» (Екатеринбург, «Баско». 2005 г.).*

«Снохач Бусыгин». – *Впервые в альманахе «Эринтур» (2002 г.). Журналы «Сибирские огни», «Роман-газета», авторские сборники.*

«В Усть-Сабун и обратно». – *Под названием «В Соснину и обратно» впервые опубликовано в журнале «Урал» (2008 г., №10). Журнал «Наш современник». Авторский сборник «На восток от Гольфстрима».*

«Затмение». – *Впервые в альманахе «Эринтур» (2000 г.). Журнал «Роман-газета», авторские сборники.*

«Будни, или Сразу после армии». – *Впервые в авторском сборнике «Ускользающее время» (Екатеринбург, из-во «Баско», 2005 г.). Авторский сборник «Варианты Надежды Вилоровны».*

«Поселковый сумасшедший Айтышев». – *Впервые в журнале «Урал» (2013 г., №5). Альманах «Врата Сибири». Расширенный вариант под названием «Межсезонье» в журнале «Наш современник».*

«По материнской линии». – *Впервые в альманахе «Эринтур» (2014 г.). Журнал «Урал».*

«Причастный». – *Впервые в альманахе «Эринтур» (2009 г.), сокращённый вариант. Полный вариант в журнале «Урал» (2010 г., №№ 11, 12). Отдельным изданием роман выходил в издательстве «АсПУр», включён в авторский сборник «На восток от Гольфстрима».*

СОДЕРЖАНИЕ

Не левее сердца. <i>Беседа писателя и критика</i> .....	3
Варианты Надежды Вилоровны. <i>Повесть</i> .....	13
Портрет на фоне 90-х. <i>Повесть</i> .....	54
Страсти по Василию. <i>Повесть</i> .....	141
Игорь Турчин. <i>Повесть</i> .....	178
Снохач Бусыгин. <i>Повесть</i> .....	249
В Усть-Сабун и обратно. <i>Повесть</i> .....	292
Затмение. <i>Повесть</i> .....	314
Будни, или Сразу после армии. <i>Повесть</i> .....	346
Поселковый сумасшедший Айтышев. <i>Повесть</i> .....	430
По материнской линии. <i>Повесть</i> .....	464
Причастный. <i>Роман</i> .....	515

ББК 84(2Рос-Рус)6-4  
Л 86

Луцкий Сергей Артёмович

СНАЧАЛА ИГРАЕТ МУЗЫКА  
Проза

16+

Литературно-художественное издание

Публикуется в авторской редакции

Издательство Баско (ИП Симакова Г.В.)

Главный редактор

И. Захарова

Вёрстка, фото

Г. Луцкая

Корректор

?

Дизайн, предпечатная подготовка

О. Евглевская

620075, г. Екатеринбург, ул. Луначарского, 81, 12-й этаж  
тел. (343) 355-21-35, e-mail: simakov@basko.ru

Подписано в печать \_\_\_\_\_.2015. Бумага ВХИ 80 г/м<sup>2</sup>. Формат 70×100/16.  
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № \_\_\_\_\_.

Отпечатано \_\_\_\_\_